

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Во второй половине 2016 года журнал “Наш современник” предполагает опубликовать:

- роман Альберта ЛИХАНОВА “Обернись на повороте”;
- повесть Евгения ШИШКИНА “Мужская жизнь”;
- роман Александра ПРОХАНОВА “Востоковед”;
- отрывки из книги Валерия ИВАНОВА-ТАГАНСКОГО. Воспоминания известного актёра о Владимире Высоцком, Юрии Любимове, Валерии Золотухине и др.;
- повести и рассказы Михаила ТАРКОВСКОГО, Романа СЕНЧИНА, Владимира КРУПИНА, Александра ТРАПЕЗНИКОВА;
- прозу молодых писателей Андрея АНТИПИНА, Платона БЕСЕДИНА, Андрея ТИМОФЕЕВА, Елены ТУЛУШЕВОЙ, Сергея УДАЛОВА, Дмитрия ФИЛИПОВА и др.;
- стихи Владимира СКИФА, Николая КОНОВСКОГО, Анатолия ГОРБУНОВА, Игоря ЛУКЪЯНОВА, Кристины КАРМАЛИТЫ;
- книгу Станислава КУНЬЯЕВА “Дневник третьего тысячелетия”;
- книгу Александра СЕВАСТЬЯНОВА “XX век. Преступник номер один. Уинстон Черчилль перед судом истории”;
- статьи Михаила ДЕЛЯГИНА, Александра КАЗИНЦЕВА, Андрея ФУРСОВА, Бориса КЛЮЧНИКОВА, Татьяны МИРОНОВОЙ, Юрия ПАВЛОВА, Николая ПЛИСКО, Михаила ЧВАНОВА;
- продолжение работы Александра БЕЛОНЕНКО “Шостакович и Свиридов”;
- книгу Сергея КУНЬЯЕВА о Вадиме Кожинове;
- статьи Бориса КУРКИНА, Инны РОСТОВЦЕВОЙ, Сергея КЛЮЧНИКОВА, Марины ПЕТРОВОЙ, Ирины МОНАХОВОЙ.

Не забудьте подписаться на журнал “Наш современник”!

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№5 2016

**Выступление товарища И. В. Сталина
на приёме в Кремле
в честь командующих войсками
Красной Армии**

24 мая 1945 года

Товарищи, разрешите мне поднять ещё один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа.

(Бурные, продолжительные аплодисменты, крики “ура”).

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю этот тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам сёла и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошёл на это, ибо он верит в правильность политики своего правительства и пошёл на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!

(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты).

К 125-летию Михаила Булгакова

Михаил Афанасьевич Булгаков дал нам всем понять: не берите даров у дьявола, даже если вам кажется, что это чудо во благо.

Дармовые деньги сыпались на головы обывателям — а те оставались безо всего (в полном смысле слова). Мастеру были подсунуты сто тысяч (в виде выигрыша), и тот, бросив всё, сел за роман то ли о Понтии Пилате, то ли об Иисусе Христе. В результате в романе был выписан нищий проповедник — один из многих. Дьяволова подмена Богочеловека.

Ещё один урок писателя: отвечайте за своё создание. Профессор Преображенский вечно шпыняет Шарикова “дураком”, возмущается шариковым чтением “Переписки Энгельса с Каутским”, а сам даже не пытается ему прочесть вслух “Буря мглою небо кроет...”. По сути — отдаёт его в руки Швондера.

Читайте нам ещё и читайте нашего гениального прозаика.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРЬОВСКИЙ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УВОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Сергей МИХЕЕНКОВ
Рокоссовский. Клинок и жезл.
Роман-биография 3
- Елена РОНИНА
День Победы. Рассказ 64
- Александр ЛЕБЕДЕВ
Отец. Рассказы 71

Поэзия

- Олег КОЧЕТКОВ
Повелось на Руси искони 57
- Ренат ХАРИС
А под старость
нравится тишина 60
- Николай КОНОВСКОЙ
И облака, и вечность... 68
- Алексей КУТЕРГИН
Перед вторым
пришествием Христа.
Со вступлением В. Фокина 85
- Поэтическая мозаика 90

Очерк и публицистика

- Борис КЛЮЧНИКОВ
Будущее Европы — ислам? 110
- Игорь ИЛЬИНСКИЙ
Великая Отечественная:
правда против мифов 121
- Генрих КУВИТАНОВ
История "Беркута" 141
- Николай ПИРОГОВ
Были люди... 149
- Иван ОХРИМЕНКО
Подводник № 1 157
- Виктор СЕНЧА
Позывной "Маргаритка" 169
- Владимир ВЕЛИЧКО
Профессора,
наденьте ордена! 183
- Александр СМОЛКО
Не историк задаёт вопросы.
Ялта-70 198
- Владислав ШВЕД
Кто вы, mr. Gorbachev?
(окончание) 205

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
*зав. отделом критики,
отдел поэзии* —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Трибуна

Станислав КУНЯЕВ
Хлестаковщина и суловщина
в одном флаконе 217

Александр КАЗИНЦЕВ
Не о Байгущеве 224

Владимир БОНДАРЕНКО
Доносы
закулисного человека 226

Открытое письмо
московских писателей 233

Мир Свиридова

Александр БЕЛОНЕНКО
Шостакович и Свиридов:
к истории взаимоотношений
(продолжение) 234

Патриотика

Станислав ЗОТОВ
Любовь к небу 277

В конце номера

Нам нужна Родина,
которую мы потеряли 281

Валентин Распутин
не призывал к распаду СССР 285

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 29.04.16. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 249-2016. Тираж 5500 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru

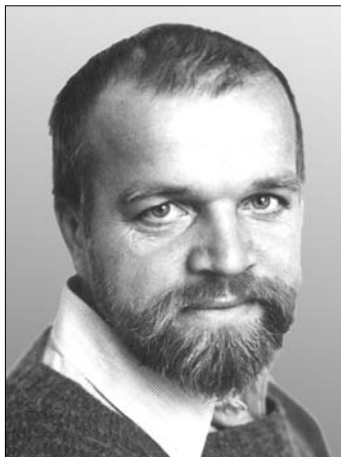
(Рукописи по электронной почте не принимаются)

Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Отпечатано в АО "Красная Звезда", 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62 www.redstarp.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

РОКОССОВСКИЙ. КЛИНОК И ЖЕЗЛ

РОМАН-БИОГРАФИЯ

Глава первая

ПОЛЬСКИЕ КОРНИ

Биографические данные начального периода жизни Рокоссовского весьма противоречивы. Что и говорить, когда одна власть сменила другую, а потом ещё залила родные просторы кровью и горем гражданской войны, когда победителям и побеждённым, строя мирную жизнь, благом было спрятать что-то из своего прошлого, приходилось хорошенько подумать, что вписывать в свою анкету, а о чём лучше промолчать. А уж тем более, если ты в новой иерархии не просто рядовой солдат революции, а лихой красный командир... Многие документы, в том числе и метрические, оказались в огне революции и гражданской войны, а потому у их уцелевших действительных подлинников появилась реальная возможность без особых осложнений и последствий благополучно подправить свои биографии. Известно, к примеру, что многие будущие советские маршалы, будучи скромными командирами взводов и эскадронов, смело корректировали своё прошлое, как правило, в сторону пролетарского происхождения.

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор пятнадцати книг прозы. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.

Вот и Рокоссовский, по всей вероятности, не избежал общего соблазна. В анкетах в разные периоды своей жизни местом рождения он указывал то Варшаву, то Великие Луки Псковской губернии, то снова Варшаву, — “как того требовали обстоятельства...”, — то снова Великие Луки.

Биографы и родня такие исторические разночтения объясняют следующими обстоятельствами. До 1945 года во всех анкетах и биографических справках сам Рокоссовский местом своего рождения совершенно определённо указывал Варшаву. В 1940 году, когда его освободили из-под ареста в связи с обвинениями в шпионаже в пользу польской и японской разведок, он в очередной раз составил краткую автобиографическую справку. В таких документах неверно написанное слово может стать пулей в затылок. “Родился в г. Варшаве в 1896 г. в рабочей семье. Отец — рабочий машинист на Риго-Орловской, а затем Варшавско-Венской железной дороге. Умер в 1905 году... Мать — работница на чулочной фабрике. Умерла в 1910 году... Окончил четырёхклассное городское училище в 1909 г. в г. Варшаве (предместье Прага)”.

Своё пролетарское происхождение Рокоссовский смело подтверждал даже перед лицом опасности. По всей вероятности, помня, что во всех предыдущих анкетах он писал именно так. Оставалось твёрдо стоять на своём. И это прошло.

Что касается места рождения, эту историю прояснила в одном из газетных интервью правнучка маршала, журналист-международник Ариадна Рокоссовская: “Можно сказать, что мест рождения у Рокоссовского два. Во всех советских энциклопедиях и научных трудах указан город Великие Луки в Псковской области. Сам Рокоссовский в своих автобиографиях до 1945 года называл в качестве места рождения Варшаву. Однако в конце Великой Отечественной войны, когда маршал стал дважды Героем Советского Союза, на его родине полагалось установить бронзовый бюст Героя. А поставить памятник советскому полководцу в формально независимой, хоть и “братской” Польше было неудобно. Поэтому для маршала “подобрали” новую родину — на территории СССР”.

Работала ли мать на чулочной фабрике, доподлинно не известно. Возможно, оставив школу и учительство, какое-то время действительно работала там, чтобы содержать семью, внезапно оставшуюся без кормильца.

Отец Ксаверий Юзеф, по воспоминаниям младшей сестры Рокоссовского Хелены, умер не в 1905 году, а в 1902-м, 17 октября и 20 октября похоронен на Брудновском кладбище в Варшаве. В начале 50-х годов прошлого века, когда судьба волею всемогущего Сталина направила его на службу в родную Польшу, маршал поставил на могиле отца надгробье с точной датой. Оно и теперь там стоит.

Датой рождения Рокоссовский указывал 9 декабря (21-е число по новому стилю) 1896 года. По церковному календарю день Потапия и Анфисы Рукоделицы. Никаких знаков будущей судьбы этот день ему не подавал.

Некоторые исследователи утверждают, что на самом деле Рокоссовский родился не в 1896 году, а двумя годами раньше. Подлинную дату рождения искажил в угоду обстоятельствам, чтобы в августе 1914 года его без помех приняли охотником в драгунский полк. Чуть позже приписал себе лишний год учёбы. Дело в том, что для вольноопределяющегося существовал образовательный ценз. Рокоссовский к тому времени успел окончить четыре класса гимназии. Не хватало двух лет. При условии достаточного образовательного ценза охотник легко мог перейти в категорию вольноопределяющегося и пользоваться всеми льготами, в том числе и при производстве в очередной чин.

Позже Рокоссовский сообщал о себе в очередной анкете: служил “в старой армии вольноопределяющимся младшим унтер-офицером с 5 августа по октябрь 1917 г.”.

В списках 5-го драгунского Каргопольского полка он, однако, числится не вольноопределяющимся, а охотником — добровольцем. Охотники, в отличие от обычных рекрут, тоже пользовались рядом льгот. К примеру, их не посылали в наряды на хозяйственные работы. При наличии образовательного ценза или сдаче специального экзамена, в ходе которого кандидат должен

был продемонстрировать знание военных дисциплин, соответствующих курсу юнкерского училища, его по истечении определённого срока службы производили в офицерский чин с присвоением звания поручик. Возможно, у Рокоссовского была такая мечта, но дальнейшие события унесли его в иное русло.

Примечательно, что все три главных маршала Великой Отечественной войны родились в декабре: Георгий Константинович Жуков — 1 декабря, Иван Степанович Конев — 16 декабря. Рокоссовский и Жуков — одногодки, Конев — на год моложе своих боевых товарищей.

Отец будущего маршала Ксаверий Юзеф принадлежал к старинному польскому шляхетскому роду, некогда владевшему поместьем Рокосово в Царстве Польском. Его предки происходили из “рода с гербом Глаубич”: в голубом поле серебряная рыба, плывущая налево. Первоначально фамилия писалась так: Rokosowski. С одной “s” и по-польски усечённым окончанием. Своё шляхетство Рокоссовские утратили в середине XIX века и писались уже мещанами.

Мещанином гмины* Комарово Островского уезда был записан и Рокоссовский. Это подтверждает выписка из приказа командира 5-го драгунского Каргопольского полка генерала Илляшевича от 5 августа 1914 года: “Крестьянин Гроецкого уезда деревни Длуговоле гмины Рыкалы Вацлав Юлианов Странкевич, зачисленный в ратники Государственного ополчения первого разряда в 1911 году, и мещанин гмины Комарово Островского уезда Константин Ксаверьевич Рокосовский, родившийся в 1894 году, зачисляются на службу во вверенный мне полк охотниками рядового звания, коих зачислить в списки полка и на довольствие с сего числа с назначением обоих в 6-й эскадрон”.

Как видим, дата рождения здесь другая. Можно предположить, что более верная, так как сестра Хелена всю жизнь считала себя младшей, при том что датой её рождения значился 1896 год. На её надгробье на Брудновском кладбище Варшавы выбито: “Хелена Рокоссовская, жила 86 лет. 24.VII.1982”. Арифметика несложная: Хелена родилась в 1896 году. Значит, брат родился годом или двумя раньше.

Когда настало время определяться и с фамилией, и с отчеством, и с происхождением, фамилию записали в соответствии с русской орфографией, отчество, кстати, отсутствующее у поляков, стало, для простоты произношения, Константинович. Так, благодаря полковому писарю и службе в старом русском драгунском Каргопольском полку Константин Рокосовски стал Константином Константиновичем Рокоссовским. Хотя в некоторых армейских документах драгунской юности фамилию мещанина гмины Комарово Островского уезда записывали с одной “с”, а отчество — то Савельевич, то Васильевич...

Отец Константы на самом деле служил инспектором Варшавско-Венской железной дороги. Должность довольно высокая. Чтобы не портить анкету, будущий красный командир немного подправит должность отца, записав его железнодорожным машинистом.

Мать Антонина, урождённая Овсянникова, — русская, из мещан местечка Телеханы Пинского уезда Минской губернии. Имела педагогическое образование и, по некоторым источникам, какое-то время преподавала в школе русский язык и литературу.

В семье разговаривали и на польском, и на русском. Овладев грамотой, Константин легко и с увлечением читал на обоих языках. В царской Польше это было обычным явлением, тем более в смешанных семьях.

На протяжении всей жизни Рокоссовский, заполняя различного рода анкеты, в графе о национальной принадлежности писал: “Поляк”. В графу “Родной язык” вписывал: “Русский”. Так кем же он был? Поляком? Русским? Учёные-языковеды подтверждают: ничто так тесно не влияет на формирование национального самосознания человека, как язык. Самый мощный и точный этнический идентификатор — язык.

Не желая дискуссии на эту тему и допуская, что любая авторская версия по поводу белых пятен таких крупных исторических личностей, как Рокоссовский, чревата, по меньшей мере, неточностями, всё же должен

* Гмина — наименьшая административная единица в Польше. Нечто подобное волостям в России и сельсоветам в СССР.

заметить, что свою сыновнюю, гражданскую верность родине и народу Рокоссовский вполне доказал своей жизнью. И когда сжимал в руке драгунскую шашку, и когда — маршалский жезл. Поэтому слова здравницы Верховного Главнокомандующего, поднявшего в мае 1945 года во время торжественного приёма в Кремле исторический тост “За русский народ!”, в полной мере относятся и к нему, говорившему, думавшему и дравшемуся по-русски.

Существует одна семейная загадка, которая, кажется, не разгадана никем из биографов маршала: и отец Ксаверий Юзеф, и мать Антонина, и все трое детей были прихожанами одного из варшавских приходов русской православной церкви. По всей вероятности, они посещали Свято-Троицкую церковь, что на Подвальной улице, 5. Здесь же крестили всех детей.

Однако записи о крещении Рокоссовского до сих пор не обнаружено. Церковные книги считаются утраченными. Война, эвакуация, пожары, оккупация...

Почему Рокоссовские исповедали православие? Почему, как большинство поляков, не были католиками? Справочники тех лет свидетельствуют: по числу жителей Варшава стояла на третьем месте в Российской империи после Санкт-Петербурга и Москвы; всех жителей 785 000, из коих католиков — 400 000, евреев — 254 000, православных — 36 000, протестантов — 20 000. Православных, таким образом, в Варшаве было достаточно много. Но это были, в основном, русские люди — чиновники и служащие различных ведомств, а также купцы, артисты, военные. Переход поляка в православие самими поляками рассматривался тогда как, по меньшей мере, предательство по отношению к родине, независимость которой была отнята русской короной, штыками солдат, исповедавших православие...

В Российской империи действовал закон: дети от смешанных браков с иноверцами, находящимися на государственной службе, должны были принять крещение в православии. В противном случае родитель терял должность. Железные дороги в России в ту пору числились по разряду государственной службы.

Старшая сестра Мария вскоре после поступления брата в полк вышла замуж. Во время Первой мировой войны выехала в Россию. Умерла вскоре после эвакуации. Где похоронена, неизвестно. Рокоссовский считал её живой. Пытался разыскивать. О смерти Марии узнал от младшей, Хелены, лишь в 45-м, когда прибыл в Польшу в качестве министра вооружённых сил Польши.

После смерти родителей пятнадцатилетнего Константы забрал к себе младший брат Ксаверия Юзефа Александр. Дядя владел стоматологической клиникой на улице Маршалковской в историческом центре Варшавы.

Хелена уехала в Санкт-Петербург и какое-то время жила в семье бездетной тётки Владиславы Александры. Тётка была замужем за петербургским чиновником, нужды не знала и с удовольствием взяла к себе осиротевшую племянницу.

Дядя Александр имел загородное имение, где семья обычно проживала всё лето, лишь на зиму возвращаясь в Варшаву. В имении Константы приохотился к верховой езде. За отличную посадку и искусное владение поводьями юношу вскоре прозвали Бедуином. Женщины, любясь всадником, буквально не отрывали от него глаз и прочили ему большое будущее. Кто-то вспоминал славного предка — подпоручика Второго кавалерийского полка армии Великого герцога Варшавского Юзефа Рокоссовски.

Пан Юзеф в своё время служил в корпусе князя Понятовского и в 1812 году в составе великой армии Наполеона искал славы в пределах России. Но польский корпус был разбит и рассеян, как и вся великая армия покорителя Европы. Корпус Понятовского в войске Наполеона насчитывал 60 000 сабель и был третьим по численности в многоязыкой великой армии, после французов и немцев. Кстати, именно тогда, при формировании корпуса Понятовского, была сложена песня “Ещё Польша не погибла”, ставшая ныне гимном Польши.

Константы, конечно же, знал семейную легенду о пане Юзефе, славном подпоручике и лихом драгуне.

И когда в августе 1914 года в окрестностях Варшавы появились кавалеристы, одетые в униформу военного времени, сердце Рокоссовского, увлечённого историческими и приключенческими романами, дрогнуло. На площадях по воскресеньям и церковным праздникам играли полковые оркестры. Офицеры блистали выправкой, звенели шпорами по мощёным тротуарам городских садов. Нижние чины сияли новенькими погонами и тщательно начищенными высокими голенищами кавалерийских сапог. Поблёскивали медные, до золотого сияния надраенные эфесы драгунских пашек, украшенные вензелем государя и темляками с кожаной кистью. Грациозные, как крупные птицы, кавалерийские кони высекали искры, лёгкой рысью проходя по варшавским мостовым. 5-й Каргопольский драгунский полк прибыл в эшелонах из глубины Российской империи, из Симбирска, и готовился к боям.

Настроение у войск было лихое. Атмосфера в обществе продолжала накаляться духом народного патриотизма и святой жертвенности ради Отечества. Этот жаркий порыв — послужить делу освобождения и единения славянских народов — захватил и русскую Польшу. Православные поляки тут же хлынули в войска, искренне желая в трудный для Родины час с оружием в руках послужить вере, царю и Отечеству.

Второго августа Рокоссовский вместе со своими товарищами явился на призывной пункт.

Накануне было опубликовано в газетах “Воззвание к полякам”:

“Поляки!

Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться.

Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа её. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его с великой Россией.

Русские войска несут вам благовест этого примирения.

Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя.

Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении.

Одного ждёт от вас Россия — такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история.

С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идёт к вам навстречу великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врагов при Грюнвальде.

От берегов Тихого океана до северных морей движутся русские рати.

Заря новой жизни занимается для вас.

Да воссияет в этой заре знамение креста — символ страдания и воскресения народов.

Верховный главнокомандующий, генерал-адъютант *Николай*.

1 (14) августа 1914 г.”.

Спустя несколько дней, переодетый в драгунскую униформу и надраив солдатскую бляху с двуглавым орлом, Рокоссовский уже шёл в строю и во всю глотку орал полковую песню:

*Когда войска Наполеона
Пришли из западных сторон,
Был авангард Багратиона
Судьбой на гибель обречён.*

*Бой закипел и продолжался
Всё горячей и горячей.
Людскою кровью напитался,
Краснел шенграбенский ручей.*

*Так свято ж помните об этом
На предстоящем вам пути.
И будет пусть у вас заветом:
Пять — против тридцати!*

Полковая песня оказалась своеобразным кодом для нашего героя. Его и Багратионом будут называть. И “пять — против тридцати” в его жизни и войнах будет, и не раз.

Глава вторая

ДРАГУН КАРГОПОЛЬСКОГО ПОЛКА

Приказ о зачислении Рокоссовского в 6-й эскадрон 5-го Каргопольского драгунского полка появился 5 августа, а уже через три дня, 8-го числа того же августа 1914 года полк оказался в деле. Новобранцы шли в одних рядах с ветеранами. Рекрутами, вольноопределяющимися и охотниками спешно пополнили до штатов военного времени эскадроны, и — в бой.

Таким образом, никакой основательной подготовки, ни тем более учебной команды Рокоссовский не прошёл. Сразу — на передовую.

Пятая кавалерийская дивизия — уланы Литовского, гусары Александрийского, казаки Донского войскового атамана Власова и драгуны Каргопольского полков — двигались к фронту. К 8 августа передовые разъезды, достигнув реки Пилицы у посада Ново-Място, обнаружили авангарды противника. Неприятель занимал посад, но какими силами, выяснить удалось не сразу. Необходима была более тщательная разведка.

Командование дивизии выслало вперёд несколько разведгрупп, но все они вернулись ни с чем. И только одиночный разведчик-маршрутник точно и в полной мере выполнил приказ и принёс исчерпывающую информацию о неприятеле. Тем удачливым разведчиком оказался драгун Рокоссовский.

В Ново-Място он пошёл один, переодевшись в гражданское. Переговорил с местными жителями, обошёл посад. Выяснилось: в посаде и окрестностях дислоцирован полк немецкой кавалерии; эскадроны отдыхают, о близости русских не подозревают.

Смелость и находчивость молодого охотника привела в восхищение начальство. Вскоре сведения подтвердились. После удачно проведённой операции против полка немецкой кавалерии, занимавшей Ново-Място и окрестности, отличившихся тут же представили к наградам. В их числе оказался и Рокоссовский. За дерзкую разведку и исчерпывающие сведения о противнике его наградили солдатским Георгиевским крестом 4-й степени. Свой первый крест за № 9841 Рокоссовский получил вскоре после первого боя. Реляции тогда не задерживали.

В представлении к награде говорится: “Будучи дозорным в разъезде и войдя в деревню Ястржем, наткнулся на пехотную заставу, которая стала в него стрелять, а с другой стороны на него бросился немецкий кавалерист; драгун Рокоссовский, выказав под огнём заставы большое хладнокровие, зарубил шашкою подлетевшего к нему немецкого улана и, поскакав к разъезду, вовремя предупредил его об опасности, благодаря чему разъезд избежал ловушки”.

Вот так: сам погибай, а товарища выручай.

Удивляет только вот что: откуда у добровольца-охотника, только вчера перекинувшего через плечо драгунскую португезу, столь искусное владение шашкой и такое хладнокровие в бою?

До войны Рокоссовский пять лет работал каменотёсом. После смерти матери он жил у родственников, то в одной, то в другой семье. В пятнадцать лет поступил учеником каменотёса в мастерскую Стефана Высоцкого, мужа тётки Софьи. Стефан Высоцкий очень скоро воспитал в племяннике настоящего мастера с хорошо поставленной рукой. Мастерская дядюшки занималась изготовлением надгробий. Кстати, родовой склеп Рокоссовских на кладбище Повонзки сделан в мастерской Стефана Высоцкого именно в те годы, когда там ворочал гранитные плиты и работал скарпелью и троянкой юный Константин Рокоссовский. Когда мастерская дядюшки заполучила выгодный контракт на облицовку гранитными плитами пятисотметрового моста Николая II в Иерусалимских аллеях в Варшаве, каменотёсы работали день и ночь. Физический труд развил тело юноши. Кроме того, в этот период Рокоссов-

ский увлекался танцами. История Красной армии знает и ещё одного талантливого танцора — маршала Г. К. Жукова, который с юных лет так отдирали “русского”, что его удалю восхищались не меньше, чем его военными победами. Танец, как известно, учит владению телом, как никакие другие физические упражнения. Потому и рубакой Жуков тоже был лихим. В выходные дни Рокоссовский продолжал регулярную и столь любимую им выездку на лошади. Тогда же, можно предположить, научился владению кавалерийской шашкой, овладел тонкостями сабельного боя. Иначе трудно представить, каким образом необученный охотник, неделю назад зачисленный в эскадрон, зарубил немецкого улана. А ведь тот первым бросился на русского драгуна, значит, чувствовал свою силу и был уверен, что одолеет противника. Но наскочил на смертельный удар более сильного и уверенного.

Спустя десятилетия, размышляя о солдатском долге и пройденном пути, о кавалерии и её значении, маршал скуповато отметит: “...я сроднился с этим родом войск, полюбил его. Здесь прошёл хорошую школу — и в боях, и в мирное время. Здесь поднимался со ступеньки на ступеньку от командира эскадрона до командира корпуса”.

Что ж, именно здесь следует заметить, что опыт Первой мировой (в советской историографии — империалистической) войны автором “Солдатского долга” был сознательно изъят из пережитого. Теперь об этом можно лишь сожалеть. Маршал отсёк целый кусок своей жизни, сделав это, по всей вероятности, намеренно, чтобы книга легче миновала рогатки военной и партийной цензуры и поскорее — пока он жив — увидела свет. А ведь дорога к Красной площади, к маю 45-го, к триумфальному в его военной карьере Параду Победы началась в Варшаве 14-го с драгунской шашки под Ново-Мястом и пролегла через окопы под Ригой и на Западной Двине.

Представление к награде Георгиевским крестом пошло по команде. Но в конце августа в штаб 5-го Каргопольского драгунского полка поступило распоряжение из штаба дивизии: “...список возвратить для пересмотра и вторичного представления согласно личным указаниям начальника дивизии”.

Документы, как сейчас говорят, доработали и снова направили в штаб дивизии. 28 октября 1914 года командующий 9-й армией генерал от инфантерии П. А. Лечицкий, наконец, подписал приказ, в котором в списке нижних чинов, награждённых солдатским Георгиевским крестом 4-й степени, за № 6 значился драгун 6-й сотни “охотник Константин Рокоссовский”. Подлинник этого приказа ныне хранится в Российском государственном военно-историческом архиве. И мы можем убедиться, что описание подвига претерпело лишь небольшую стилистическую правку с целью уплотнения текста: “Будучи дозорным в разъезде, выйдя в д. Ястржем, наткнулся на неприятельскую засаду, был окружён противником, но, зарубив немецкого кавалериста, пробился к своей части и предупредил её о засаде”.

Пята кавалерийская дивизия почти не выходила из боёв. Её полки как наиболее надёжные и боеспособные бросали с фронта на фронт, с одного угрожаемого участка на другой. В конце 1914 года 5-й Каргопольский драгунский полк, понёсший наиболее значительные потери, отвели во второй эшелон на отдых. Эскадроны расквартировали в одной из деревень под Варшавой. Варшава тогда ещё оставалась в руках русской армии.

Рокоссовский получил краткосрочный отпуск домой. Повидался с сёстрами и роднёй. Старшая, Мария, к тому времени вышла замуж. С нею он виделся в последний раз. Хелену ещё встретит, ещё обнимет её. Судьба подарит им несколько долгожданных свиданий. Ближайшее — через тридцать лет. А вот Мария исчезнет. Она словно облачко растворится в тучах революции и гражданской войны. Ни судьбы, ни могилы её никто из родни так и не узнает.

А тогда, в январе только что наступившего 1915 года они были счастливы. Вспоминали родителей, свой дом и те радости, которыми радовались когда-то и которым, казалось, не будет конца...

Отпуск закончился скоро. Все деньги, которые у Рокоссовского скопились за это время, включая прибавку к наградам, он с удовольствием потратил на сестёр.

Биографы маршала пропустили весьма важное из раннего периода жизни Рокоссовского — была ли у него в это время любовь. И кто она, если была. В мемуарах самого маршала об этом тоже ни слова. Врождённая скромность и культура, воспитанная в семье и впитанная с ранних лет в той среде, в которой он рос и познавал жизнь, не позволяла ему рассказывать о своих женщинах. Даже о девушке, которая, по всей вероятности, всё же была, он промолчал. Сразу замечу: впоследствии так же молчаливо канет в неизвестность и роман с актрисой Валентиной Серовой.

Летом 1915 года дивизия занимала линию обороны восточнее Вильнюса. Полки перебросили с Юго-Западного фронта на Западный, в район Поневеж-Шавли. Кавалеристы, казалось, окончательно превратившись в пехоту, сидели в глубоких сырых окопах. Для русской армии удачи первого года войны сменились рядом поражений в Восточной Пруссии и Галиции. Австро-германские войска значительно усилились резервами и предприняли масштабную операцию: ударами из Восточной Пруссии и Галиции прорвать фронт и окружить основные силы русской армии с целью выведения России из войны. Германии и её союзникам воевать против стран Антанты на два фронта становилось всё тяжелее и опаснее. Первый удар был обрушен на русскую армию.

К лету второго года войны русская армия после тяжелейших боёв оставила австрийскую Галицию, часть Прибалтики и русскую Польшу. Только благодаря этому маневру удалось избежать худшего — окружения и гибели войск. Гибель армии генерала Самсонова, отход армии генерала Ранненкампа, ухудшение снабжения, недостаток артиллерийских снарядов, гибельные атаки, не обеспеченные огнём тяжёлого вооружения, — всё это угнетало солдат дерущейся армии. Генерал А. И. Деникин впоследствии писал: “Весна 1915 г. останется у меня навсегда в памяти. Великая трагедия русской армии — отступление в Галиции. Ни патронов, ни снарядов. Изо дня в день — кровавые бои, изо дня в день — тяжкие переходы, бесконечная усталость, физическая и моральная; то робкие надежды, то беспросветная жуть...”

Эту горькую чашу неудач испил и 5-й Каргопольский полк, а с ним и наш герой.

Весна с её трудными отходными манёврами миновала. Казалось, всё начиналось сначала. Противоборствующие стороны основательно зарылись в землю по новой линии образовавшегося фронта и вели позиционные бои. Как правило, схватки происходили по всей линии соприкосновения и носили характер боёв местного значения, что, однако, не исключало их ожесточённости и кровопролитности.

В июле 5-й Каргопольский полк участвовал в одной из таких частных операций. Командование предприняло серию атак при интенсивной поддержке артиллерии. Артподготовка, затем кавалерийская лава, артналёт и — снова драгуны летели к немецким окопам, пока их шальной галоп не осаживали пулемёты противника. Немцы укрепились основательно, и все попытки выбить их со станций Трашканы заканчивались новыми и новыми потерями для атакующих.

И тогда в штабе полка приняли решение: небольшой группой надёжных людей из числа добровольцев под покровом ночи проникнуть в расположение неприятеля, захватить участок окопов, закрепиться и держаться, сковывать противника до подхода основных сил.

Среди добровольцев, тщательно отобранных в ударную группу для ночного рейда, оказался и драгун Рокоссовский.

Ночью пятеро храбрецов — “*Пять — против тридцати!*” — скрытно подобрался к немецкой траншее, ворвались в неё. Пустили в ход штыки и тесаки.

Вскоре взвод за взводом в траншею перебрались поднявшиеся в наступление эскадроны. Захваченный плацдарм тут же расширили. Закрепились.

Утром немцы контратаковали. Но эскадроны, установив по флангам пулемёты, отбили и первую, и вторую атаки, и все последующие.

Все участники ночной атаки, в том числе и Рокоссовский, были награждены Георгиевскими медалями “За храбрость”. Рокоссовский — медалью 4-й степени.

Так же, как Георгиевский крест, Георгиевская медаль “За храбрость” имела четыре степени. 4-я и 3-я степени — серебряные. 2-я и 1-я — золотые. К ним полагались награды: за 4-ю степень — 12 рублей годовых доплатительно к жалованию; за 3-ю — 18 рублей; за 2-ю — 24 рубля; за 1-ю — 36 рублей. При получении Георгиевской медали высшей степени прибавка к жалованию определялась по последней.

За Георгиевские кресты платили в три раза больше.

По смерти кавалера его вдова получала из казны ещё год причитающиеся погибшему деньги.

В перечне льгот для награждённых значились: запрет на телесные наказания, сохранение звания при переходе в гвардейские части, а также ускоренное производство в чин. К примеру, кавалер четырёх Георгиевских крестов тут же производился в подпрапорщики.

Для Рокоссовского, по всей вероятности, уже тогда стало определяться его будущее — оно виделось ещё смутно, но уже явно в кавалерийской шинели, в высоких сапогах со шпорами и на лихом коне. Награды приближали мечту и делали её более определённой и реально зримой.

В мае 1916 года он получил очередную награду — Георгиевскую медаль “За храбрость” 3-й степени.

К тому времени эскадроны, казалось, окончательно спешили и загнали в глухие окопы. Полк стоял на реке Дубице. На фронте установилось продолжительное затишье. Лишь изредка оно нарушалось артиллерийскими дуэлями, да лазутчики то одной, то другой стороны утаскивали друг у друга “языков”.

Осенью 1916 года полк ввиду больших и уже невозможных потерь в личном составе из шестиэскадронного переформировали в четырёхэскадронный. В дивизию прибыл новый командир — генерал Скоропадский. Со всем скором, когда империя поразит великая смута и братская взаимная ненависть, он займётся украинизацией подвластных ему частей, провозгласит Украинскую державу и примет титул Его Светлости Ясновельможного Пана Гетмана Всея Украины.

Осенью 1916 года Каргопольский полк сменила в окопах пехота. А драгун снова посадили на коней и отвели в ближний тыл. После короткого отдыха и приведения себя и конского состава в порядок объявили, что на днях в распоряжение прибывает сам государь император. Николай II к тому времени возложил на себя обязанности главнокомандующего, сменив на этом посту своего дядю Николая Николаевича, и объезжал со своим штабом войска.

Вот что отметил в своих мемуарах генерал Тюленев, служивший с Рокоссовским в одном полку: “Стояла дождливая осень 1916 года. Наш полк сменила в окопах пехота. Мы же готовились к торжественной встрече самодержца, который принял на себя верховное командование. По этому случаю в частях служились молебны о даровании русскому воинству победы.

Две недели мы лихорадочно готовились к встрече царя: выводили вшей, чистили амуницию, снаряжение и втихомолку проклинали Николая, суматоху, вызванную его предстоящим приездом.

В один из погожих осенних дней царь прибыл на фронт. Под Двинском был назначен большой парад войск 5-й армии, которой командовал генерал Плеве.

Полки вывели на гладкую, как плешь, равнину. Конницу в составе двух дивизий построили во взводно-резервных колоннах.

Выезжая на парад, мы шутивно перемигивались:

— Посмотрим, какой он из себя — наш бог на расейской земле.

Вдали показалась вереница автомобилей.

С правого фланга перекатами донеслась до нас команда “Равнение направо”. Появилась группа всадников. Она манежным галопом подъезжала к правому флангу. Впереди скакал Николай Второй. Рядом с ним — министр двора Фредерик и командующий 5-й армией Плеве.

Прозвучало тихое, неуверенное, картавое:

— Здорово, дети-каргопольцы!

Бледное, болезненно-испитое лицо царя-полковника, щуплая фигурка, вялость в движениях, штатская посадка на коне разочаровали даже тех, кто последние дни не ел, не пил — скорее бы увидеть самодержца всея Руси.

— Ну и папаша, ну и отец... — подталкивали мы локтями друг друга. — Теперь понятно, почему Гришка Распутин да немцы, дружки царицы, управляют страной. Да какой же из него главнокомандующий? Пропала матушка-Россия!

Шли месяцы, а конца войне не было видно. Позиции, окопы, гнилая вода под ногами, стужа...

Наступал 1917 год.

По окопам поползли слухи о дворцовом перевороте, об убийстве Распутина, о бунте матросов на Балтике.

Солдаты чутко ко всему прислушивались, ждали больших перемен, хоть и не знали, с какой стороны они придут”.

Тон и стилистика мемуаров, разумеется, выдержана строго в духе того времени. Мемуарист писал (или диктовал), редакторы и Главпур потом правили. Что оставалось? Картавый государь да намёки на шашни царицы. Читатель, надеюсь, сам сумеет отшелушить наносное.

Войска дрались, по-прежнему удерживая фронт. В Петрограде тем временем бурлила и вскипала смута. В феврале произошли главные события, определившие и дальнейший ход истории страны, и судьбу нашего героя.

В мае 1917 года партизанский отряд, сформированный в полку специально для рейдов по тылам противника и для дерзких разведывательных вылазок, получил очередное задание: провести разведку вдоль Псковского шоссе. Действовали небольшими разъездами, в которые включали самых храбрых и опытных бывальцев. В один из таких разъездов напросился Рокоссовский. К тому времени он уже имел ефрейторское звание. В описании подвига, за который он получил Георгиевскую медаль “За храбрость” 2-й степени, читаем: “В ночь с 23 на 24 августа 1917 г. у м. Кроненберг вызвался охотником ехать в разъезд, высылаемый по Псковскому шоссе. Несмотря на тёмную ночь, когда противника можно обнаружить, только вызвав огонь на себя с явной личной опасностью, поехал в разведку и обнаружил наступление противника лесом по обе стороны шоссе”.

К тому времени царь уже отрёкся от престола, и войска присягнули Временному правительству.

Годы спустя генерал А. И. Деникин, в то время командующий 7-го армейского корпуса, напишет: “Многим кажется удивительным и непонятным тот факт, что крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек. Что армия не создала своей Вандеи...”

Армия не почувствовала катастрофы. Солдаты, привыкшие верить своим отцам-командирам, присягнули, а по сути дела — отреклись от Государя и вековых устоев влед за своими офицерами и по их примеру. Генерал Деникин, вспоминая присягу в своём корпусе, писал в своих “Очерках русской смуты”: “...местами в строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слёзы”. И далее: “Думаю, что для многих лиц, которые не считали присягу простой формальностью — далеко не одних монархистов — это, во всяком случае, была большая внутренняя драма, тяжело переживаемая; это была тяжёлая жертва, приносимая во спасение Родины и во спасение армии”.

Текст новой присяги был вполне патриотичным, никакими потрясениями не угрожал: “Клянусь честью солдата и обязуюсь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому государству как своему Отечеству...” Вновь назначенный Верховный Главнокомандующий — Великий князь Николай Николаевич — в своём первом приказе войскам говорил: “Установлена власть в лице нового правительства. Для пользы нашей Родины я, Верховный Главнокомандующий, признал её, показав тем пример нашего воинского долга. Повелеваю всем чинам славной нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямих начальников. Только так Бог даст нам победу”.

Однако не все столь безропотно подчинились обстоятельствам. Нашлись в русской армии офицеры, не пожелавшие присягать дважды. Генерал Ф. А. Келлер, первая шашка России, командир 3-го конного корпуса, отказался присягать Временному правительству. К нему срочно прибыл генерал Маннергейм, которому Келлер заявил: “Я христианин, и думаю, что грешно менять присягу”.

В 3-м конном корпусе генерала Келлера в те дни служил кавалер двух Георгиевских крестов унтер-офицер и будущий маршал Советского Союза, друг и соперник нашего героя Георгий Жуков.

О настроении же Рокоссовского намекнул в своих мемуарах однополчанин Тюленев. После присяги Временному правительству Юбилейный штандарт полка с вензелем отрекшегося императора был доставлен в Петроград “для выполнения работ по снятию вензеля”. В полку произошли и другие изменения. Но самым заметным стало ухудшение дисциплины. Солдаты всё меньше походили на солдат. Армия разлагалась.

В те дни революционно настроенные солдаты 5-го Каргопольского полка начали снимать с себя награды. Георгиевские кресты не имели царской символики, но на золотых и серебряных медалях “За храбрость” на аверсе был выбит барельеф Николая II. Носить такие награды стало не просто, как теперь говорят, непolitкорректно, но и опасно. Солдаты, пропитанные революционной злобой, особенно из числа эсеров и анархистов, а также тех, кто не имел наград, могли запросто сорвать ордена с груди, оскорбить, а то и пригрозить штыком. Георгиевские кавалеры попрятали знаки своей боевой доблести и солдатской чести в ранцы. Другие распорядились иначе.

Из воспоминаний генерала Тюленева: “Кто-то притащил мешок, и здесь же, на лужайке, в него посыпались георгиевские кресты и медали. Это был наш первый отклик на революционные события.

Отныне мы заботились главным образом о том, чтобы раздобыть газеты. Каждый день мы снаряжали на станцию посыльного, и он приносил всё, что удавалось там найти. Обычно это были зачитанные, уже прошедшие через многие руки газетные листы.

Так как газеты попадались разных партий — и кадетов, и меньшевиков, — события каждой из них толковались по-своему, оттого и сумбур в наших головах был ещё больший.

Однажды встречаю Константина Рокоссовского — он служил в нашем полку, только в другом эскадроне. Идёт мрачный. Остановились, закурили. Спрашиваю, как он смотрит на события. Оказывается, и у них в эскадроне тоже никто толком не поймёт, что же происходит в России”.

В войсках царило оцепенение. Словно рыба в воде чувствовали себя разве что активисты и агитаторы из различных партий, быстро наводнявшие окопы и казармы. А войско жило ощущением того, что царь, отрёкшись от престола, от ответственности за страну и своих подданных, попросту бросил их на произвол судьбы — их, своих сынов, кавалеров, героев, храбрецов, готовых ради него, ради веры и Отечества на всё.

Неизвестна судьба Георгиевского креста 4-й степени и трёх медалей “За храбрость”, которые своей кровью заслужил за три года войны Рокоссовский. То ли они упали в ту же торбу и были переплавлены в металл и обращены на пользу революции. То ли он их всё же сохранил тогда. Во время войны многие солдаты, офицеры и даже генералы носили свои Георгиевские кресты, например, маршал Будённый — у него был полный бант — или генерал Трубинов, тоже полный кавалер.

Вполне возможно, что свои награды Рокоссовский тогда сохранил. Могло случиться, что их обнаружили во время ареста и последующего обыска сотрудники НКВД в августе 1937 года. Но все документы, касающиеся ареста и допросов, затем оказались уничтоженными. Сам Рокоссовский о своих царских наградах не оставил никаких сведений.

В обстоятельствах подобной немоты намёк бывшего однополчанина о мрачном настроении Рокоссовского говорит о многом.

Вместе с самодержавием рушилась страна. Вскоре станет очевидным, что Временное правительство не в состоянии управлять делами бывшей империи.

Зараза разложения, как бубонная чума, охватит армию. Наступит хаос. Осенью, в октябре его прекратят большевики. Во всяком случае, им, победившим, тогда так казалось.

А что же наш герой среди этого хаоса? Он продолжал служить Отечеству, в какие бы флаги его ни пеленали.

Удивительно и другое.

Ещё в августе 1914 года Верховный главнокомандующий русскими войсками Великий князь Николай Николаевич приказал “собрать отряд из поляков и идти на помощь армии”. Вскоре в городке Ново-Александрия (Пулавы) был сформирован 1-й Польский легион. Легион хорошо показал себя в боях, и на его основе начали формировать Польскую стрелковую бригаду. В сражениях 1916 года бригада отличилась храбростью своих солдат и преданностью офицеров.

К тому времени царство Польское оказалось оккупированным германскими и австро-венгерскими войсками. На освобождённой от русского влияния земле создавалось Польское королевство под протекторатом победителей. Формировались национальные вооружённые силы: “Польская Сила Збройна” и “Польский вермахт”. У настоящих поляков существовало два пути: на родину, в Польское королевство, в “Польский вермахт”, или в Польскую дивизию, которая в то время по приказу командующего Юго-Западного фронта генерала от кавалерии А. А. Брусилова формировалась на базе бригады.

В Польской дивизии, дислоцированной в Киеве, царствует польский язык. На параде войск киевского гарнизона в марте 1917 года полки дивизии проходили под польскими знамёнами и с национальной символикой. Уланский полк дивизии, принимая новую присягу, клянётся в верности и неизменной преданности не “Российскому государству как своему Отечеству”, а свободной и объединяющейся Польше.

Более того, во всех войсках, дислоцированных на территории России от Киева до Владивостока, создаются “союзы военнослужащих-поляков, которые ставят целью создание польских вооружённых сил и борьбу за независимость страны”. Генерал-лейтенант Сильвестр Станкевич начал формировать Польский корпус с намерением в перспективе развернуть его в Польскую армию. Впоследствии части 1-го, 2-го и 3-го Польских корпусов, сформированных в России, придут в Польшу и волеются в создаваемые вооружённые силы Польши. Очень скоро, в 1919 году начнут боевые действия против Советской России, Литвы и Украинской Народной Республики. В польских дивизиях будет много солдат и офицеров, которые совсем недавно носили погоны русской армии и которых водили в бой русские офицеры. Впрочем, и офицеров-поляков в русской армии было предостаточно.

В царской армии, вступившей в Первую мировую войну, служило 700 000 поляков, среди них 20 000 офицеров и 119 генералов.

Сколько возможностей открывалось для юного драгуна для исполнения патристического долга перед родной Польшей, “свободной и объединяющейся”! Какая благодатная почва для юного самолюбия, уже вкусившего военной службы во всех её проявлениях и полюбившего её!

Многие поляки, служившие в 5-й кавалерийской дивизии, так и поступили, и вскоре щеголяли в новой униформе с нашивками польских частей, гордо маршируя под национальными знамёнами. Среди них был и двоюродный брат Константина Франц Рокоссовский, однополчанин, служивший в 6-м эскадроне.

Франц поступил в польский легион, дислоцированный в Белоруссии. Затем оказался в Польше. Служил в полиции Второй Речи Посполитой. Во время немецкой оккупации 1939–1945 годов продолжал полицейскую службу. После освобождения Польши, как ни странно, его не тронули. Видимо, никаких преступлений за ним не числилось. Жил во Вроцлаве. Когда маршала Рокоссовского назначили министром национальной обороны Польской Народной Республики и присвоили звание маршала Польши, Франц тут же попытался связаться с ним. Но известно, что ему позволили обратиться к своему высокопоставленному братеннику лишь письменно. По словам Хелены, Франц просил маршала подтвердить их родство. Франц любил прихвастнуть

перед соседями, да и местное начальство стал донимать своими визитами, во время которых многозначительно намекал: мол, его брат теперь ни много ни мало — министр! Никаких сведений о том, откликнулся ли маршал на просьбу родственника и бывшего однополчанина, не сохранилось.

Ни в 17-м, ни позже зов родины не разбудил в Рокоссовском ответного патриотического порыва, на что польская кровь, надо признать, была всегда весьма отзывчива. После же советско-польской войны 1919–1921 годов и похода армий Юго-Западного фронта на Варшаву о своём польском происхождении будущему маршалу благоразумней было и вовсе помалкивать.

Однако в Войско Польское он ещё вернётся.

Глава третья

ДАУРИЯ

В Забайкалье, в распадках и долинах Даурии Рокоссовскому выпало драться с частями Азиатской конной дивизии барона Унгерна.

Летом 1921 года Рокоссовского назначили на 35-й кавалерийский полк. Полк входил в состав 35-й стрелковой дивизии 5-й армии, действовавшей в Забайкалье на границе с Монголией.

В это время бывший есаул 1-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска барон Унгерн с Азиатской конной дивизией пересёк монгольско-советскую границу и начал свой освободительный поход вглубь Советской России. Свои туземные сотни “забайкальский крестоносец” вёл под знамёнами возрождения империи Чингисхана. Странная это была личность в истории войн и междоусобий, загадочная, противоречивая, жестокая.

Генерал Врангель, знавший Унгерна по боям и походам Первой мировой войны, оставил о нём довольно живые воспоминания, содержащие весьма точную и глубокую характеристику: “Он живёт войной. Он не офицер в общепринятом значении этого слова, ибо он не только не знает самых элементарных правил службы, но сплошь и рядом грешит и против внешней дисциплины, и против военного воспитания; это тип партизана-любителя, охотника-следопыта из романов Майн Рида. Оборванный и грязный, он спит всегда на полу, среди казаков своей сотни, ест из общего котла и, будучи воспитан в условиях культурного достатка, производит впечатление человека, совершенно от них оторвавшегося. Оригинальный острый ум и рядом с ним — поразительное отсутствие культуры и узкий до чрезвычайности кругозор, поразительная застенчивость, не знающая пределов расточительность... этот тип должен был найти свою стихию в условиях настоящей русской смуты... и с прекращением смуты он неизбежно должен был исчезнуть”.

“Дикий барон” даже одевался экзотически: на золотом монгольском халате, затянутом португесей, были нашиты генеральские погоны со знаками войска атамана Семёнова. На груди — офицерский Георгиевский крест. Его всадники на погонах имели “Знак Чингисхана” — “лунную”, то есть серебряную свастику, повторяющую изображение на банкнотах Временного правительства. Он имел княжеский титул “цин-ван” и женился на маньчжурской принцессе “династической крови”. Монголы называли его “Белый Бог Войны”. Он мечтал создать духовно-военный буддийский орден, вдохнуть в него могущество и освободить Россию и Европу от большевизма и марксизма. Но всё закончилось крахом и безумием крови.

В те годы по земле бродило много великих и безумных идей и проектов. Осуществлена была только одна — большевистская.

Азиатская дивизия хлынула в Даурию двумя потоками. Один возглавлял сам “крестоносец” и пират пустыни, другой — генерал Резухин, который, по версии некоторых биографов Унгерна, и был действительным мозгом дивизии, разрабатывал основные операции и руководил ими.

Вторая бригада генерала Резухина состояла из двух конных полков, командовали ими полковник Хоботов и сотник Янков. Кроме того, бригада имела усиление: артиллерийскую батарею, пулемётную команду, монголь-

ский дивизион и японскую роту. Всего — 1510 солдат, четыре орудия и десять пулемётов.

При переходе советско-монгольской границы генерал Резухин имел задачу: от станции Цежинской левым берегом реки Селенги действовать в направлении на Мысовск и Татаурово, громить красные тылы, взрывать мосты и тоннели.

Бригада Резухина отличалась собранностью и дисциплиной. Она разбила несколько красных отрядов и двинулась дальше вдоль железной дороги. 2 июня 1921 года близ станции Желтуринской на советско-монгольской границе Резухина перехватили эскадроны кавалерийского полка Рокоссовского и партизанского отряда Щетинкина. Оба эти подразделения входили в состав 35-й стрелковой дивизии, задачей которой было охранять “участок границы от возможных нападений с юга и закрыть её на крепкий замок”.

Ещё весной Рокоссовский установил связь с союзниками — красномонгольскими отрядами Сухэ-Батора. С тех пор штаб Главкомандующего монгольской революционной армии регулярно оповещал его о передвижении частей Азиатской дивизии Унгерна. Кроме того, разведотдел кавполка активно работал с местными жителями, а они, как известно, знали всё, что происходило в округе.

Полк стал хорошей школой для будущего маршала. Рокоссовский постоянно импровизировал. Вводил в заблуждение противника, предпринимал ложные удары, а тем временем основные силы бросал на оголённый неприятелем участок. Чувствуя успех, энергично развивал его, вводя резервы. Атаковал противника на марше, когда он не имел возможности развернуть свои силы и построиться в боевой порядок.

Бригаду генерала Резухина кавалеристы 35-го полка обескровили в нескольких сшибках. Рубились шашками в ближнем бою. Рокоссовский, имея точные разведанные и зная маршруты движения казаков, налетал на противника неожиданно, сметал мощным ударом, преследовал до полного уничтожения. Перехватывал вестовых от генерала к барону Унгерну. Когда Резухин понял, что через несколько дней столь интенсивных боёв его бригада ляжет под клинками 35-го полка красных, он изменил маршрут движения своей конницы и увёл её остатки туда, откуда пришёл, — в Монголию.

В одном из последних боёв, во время рубки главных сил 35-го полка с офицерскими сотнями и забайкальскими казаками Рокоссовский был тяжело ранен: в пылу схватки конь вынес его на линию пулемётного огня противника.

В госпитале в Мысовске (по другим сведениям — в Троицкосавске) врачи определили сквозное пулевое ранение правой ноги с переломом берцовой кости. Рокоссовский понял, что на этот раз скоро, как после револьверной пули под станцией Караульной, из больничной палаты не выбраться. Так и случилось: он пролежал в госпитале около двух месяцев. Там же, в палате для выздоравливающих, он получил свой второй орден Красного Знамени.

И здесь биографы маршала предлагают две версии завершения госпитальной истории Рокоссовского.

По одной из них недолечившийся кавполк при приближении к Мысовску авангардов прорвавшихся через границу основных сил барона Унгерна потребовал срочной выписки. Прибыв в полк, сразу же ознакомился с последними разведанными и бросил свои эскадроны навстречу Азиатской дивизии. Вместе с 35-м кавполком по-прежнему действовал партизанский отряд Щетинкина. Партизаны и добились Унгерна. В стане диктатора Монголии к тому времени созрел заговор. В августе 1921 года после неудачного похода в Даурию заговорщики из числа белого офицерства застрелили генерала Резухина и увели часть сил на восток, в Приморье, к атаману Семёнову. Унгерн снарядил погоню, чтобы перехватить беглецов и расправиться с ними, но те встретили его огнём. О дальнейшей судьбе “нового Чингисхана” один из его биографов пишет: “Барон вернулся к монгольскому дивизиону, который, в конце концов, его арестовал (в ночь на 22 августа 1921 года) и выдал красному добровольческому партизанскому отряду, которым командовал бывший штабс-капитан, кавалер полного банта солдатских Георгиев П. Е. Щетинкин”.

По другой версии, более героической, Рокоссовский, узнав о приближении Унгерна к Мысовску, создал из тыловых частей и выздоравливающих отряд и повёл его навстречу Азиатской дивизии. Вскоре из Монголии из района Урги (ныне Улан-Батор) подошли основные силы красноармейцев и вытеснили войско “дикого барона” назад в Монголию. Во время преследования отряд Рокоссовского соединился с 35-м кавполком. 22 августа эскадрон авангарда захватил стоянку неприятеля, при этом в одной из палаток (по другим сведениям, на дороге) обнаружили связанного и раненого барона Унгерна. Когда об этом доложили Рокоссовскому, он распорядился препроводить пленника в штаб корпуса.

При переходе границы барон Унгерн был уверен в успехе своего похода. Он рассчитывал на растущую мощь антибольшевистских выступлений, охвативших Россию от Кронштадта до Тамбовщины и Западной Сибири, на то, что его марш станет катализатором всеобщего восстания. Лазутчики с той стороны границы приносили ему сведения о том, что в станицах и городах Даурии, Бурятии и всей Сибири готовятся восстания, что недовольные советской властью ждут только сигнала.

Пятнадцатого мая 1921 года, выступая из Урги в свой безумный поход, диктатор Монголии издал приказ, вступительная часть которого содержала в себе своего рода манифест:

“Я начальник Азиатской Конной Дивизии, генерал-лейтенант барон Унгерн, сообщаю к сведению всех русских отрядов, готовых к борьбе с красными в России, следующее:

1. Россия создавалась постепенно, из малых отдельных частей, спаянных единством веры, племенным родством, а впоследствии — особенностью государственных начал. Пока не коснулись России в ней по её составу и характеру неприменимые принципы революционной культуры, Россия оставалась могущественной, крепко сплочённой империей. Революционная буря с Запада глубоко расшатала государственный механизм, оторвав интеллигенцию от общего руслу народной мысли и надежд.

Народ, руководимый интеллигенцией как общественно-политической, так и либерально-бюрократической, сохраняя в глубине души своей преданность вере, царю и Отечеству, начал сбиваться с прямого пути, указанного всем складом души и жизни народной, теряя прежнее, давнее величие и мощь страны, устои, перебрасываясь от бунта с царями-самозванцами к анархической революции и потерял самого себя.

Революционная мысль, льстя самолюбию народному, не научила народ созиданию и самостоятельности, но приучила его к вымогательству, разгильдяйству и грабежу.

1905 год, а затем 1916—1917 годы дали отвратительный, преступный урожай революционного посева — Россия быстро распалась. Потребовалось для разрушения многовековой работы только 3 месяца революционной свободы.

Попытки задержать разрушительные инстинкты худшей части народа оказались запоздавшими.

Пришли большевики, носители идеи уничтожения самобытных культур народных, и дело разрушения было доведено до конца.

Россию надо строить заново, по частям. Но в народе мы видим разочарование, недоверие к людям. Ему нужны имена, имена всем известные, дорогие и чтимые”.

И далее имя для своего знамени называется — “законный хозяин Земли Русской ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ, видевший шатанье народное и словами своего ВЫСОЧАЙШЕГО Манифеста мудро воздержавшийся от осуществления своих державных прав до времени опамятования и выздоровления народа русского”.

Михаила Александровича Романова к тому времени уже давно не было в живых. Он был расстрелян летом 1918 года близ Перми сотрудниками местной ЧК и милиции. Но похоже, создатель духовно-военного буддийского ордена нуждался только в имени, в звуке его, а плотью идеи освободительного похода вглубь России видел себя самого.

Как все идеалисты, Белый Бог Войны был жесток, и дела его кровавы. К примеру, пункт 9-й приказа гласил: “Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями. Всё имущество их конфисковывать”.

Рокоссовский и его боевые товарищи, пропитанные совершенно другими идеями, дрались с отчаянной храбростью. Их лозунги были просты и смысл их желанен: “Земля — крестьянам!”, “Заводы — рабочим!” Большевики обещали мир и хлеб трудовому народу, прекращения эксплуатации человека человеком. Во всё это свято верил и наш герой. Вот почему рука его твёрдо сжимала эфес шашки, а мысль, увлечённая тем, как лучше, рациональнее построить порядки полка и лучше провести бой, ясна и гибка.

В аттестации Рокоссовского появилась следующая запись: “Обладает твёрдой волей, энергичный, решительный. Обладает лихостью, хладнокровием. Выдержан. Способен к проявлению полезной инициативы. В обстановке разбирается хорошо. Сообразителен. По отношению к подчинённым, равно как и к себе, требователен. Военное дело любит... Награждён двумя орденами Красного Знамени за операции на Восточном фронте против Колчака и Унгерна. Задания организационного характера выполнял аккуратно. Ввиду неполучения специального военного образования желательно командировать его на курсы. Должности комполка вполне соответствует”.

Блестящая аттестация открывала перспективу дальнейшего служебного роста.

С набегами Азиатской дивизии вскоре было покончено. После пленения барона Унгерна дивизия растворилась, исчезла в монгольской степи. Но долго ещё бродили по Даурии и Бурятии мелкие отряды. Некоторые из них впоследствии ушли в Харбин. Другие стали промышлять разбоем и превратились в хунхузов.

Глава четвёртая

КЯХТИНСКИЙ ЗЯТЬ

Война войной, а молодость своё берёт...

Солдат на войне тоскует по мирному времени, по семье и дому. И больше всего мечтает о встрече с любимой. Даже если её и не было в его жизни.

Дом и семья для Рокоссовского стали чем-то нереально далёким. Даже родная Варшава осталась в прошлом и, по всей вероятности, не волновала так, как волнуют человека мысли о родине. Почти семь лет не слезал он с боевого коня — одна война, другая... Накопилась душевная усталость.

Осенью 1921 года, когда полк отвели на отдых и переформирование в большое волостное село Залари близ Иркутска, Рокоссовский влюбился в местную барышню по имени Мария.

Была та Мария (в семье Мака) младшей дочерью местного купца Курсанова. Курсанов скопил приличное состояние, семья его жила в довольстве, в хорошем собственном доме. Не жадничал Курсанов и на общественные нужды — вкладывал немалые деньги в ремонт местной Никольской церкви, помогал в строительстве двухклассного училища и обеспечении учебного процесса всем необходимым, создал в Заларях первую общественную библиотеку. Общество его уважало, и в смутные годы гражданской войны никто из местных и пришлых не посмел тронуть как социально чуждых ни самого купца Курсанова, ни его семью. Так и жили Курсановы в своём имении в Заларях.

Когда в селе был расквартированы красные кавалеристы, штаб с согласия хозяина разместился в курсановском имении. Благо, построек там хватало.

Маке только-только исполнилось двадцать лет. Она пребывала в той поре, когда в женщине всё неотразимо-прекрасно. Местные хроники запечатлели это событие в следующей версии: “Старожилы вспоминают, что высокий статный кавалерист, затянутый кожаными ремнями и с орденом на груди, и не менее статная барышня, знавшая несколько языков и прекрасно музицировавшая на рояле, вместе смотрелись весьма эффектно. Классовое происхождение пассии не смущало бывшего рабочего Костю Рокоссовского. Во всяком случае, на работниц и крестьянок он “не клевал”.

Как развивался и чем закончился заларинский роман Рокоссовского, читаем в тех же хрониках: “Но неожиданно конкуренцию Рокоссовскому составил его ровесник Владимир Забельский, который был командиром полкового артиллерийского транспорта. Как развивались события в этом любовном треугольнике, история умалчивает, но Мария, в конце концов, предпочла начальнику подчинённого. Она вышла за Забельского замуж, но соперники остались друзьями”.

Ну что ж, не всё воину победа.

Забегая вперёд, скажу: в 37-м их арестуют почти одновременно; Рокоссовский выйдет из заключения спустя три года с небольшим, а его бывший боевой товарищ будет расстрелян по приговору “тройки” в 1938 году в Иркутске, где до ареста он работал заведующим конным парком местного медицинского санатория.

Любовная неудача печалила молодого краскома недолго. Вскоре полк перевели в Кяхту — торговую слободу города Троицкосавска.

Кяхта, конечно, не Варшава. Но развлечений в городе было достаточно, чтобы не скучать в одиночестве в свободные от службы часы.

Эскадроны несли службу вдоль семидесятикилометрового участка границы. Расквартированы они были в населённых пунктах небольшими гарнизоном. Помимо службы, кавалеристы строили дороги, мосты, заставы, создавали систему полевых укреплений. Прибывало пополнение — как правило, из местных жителей. Крестьянские дети. Их надо было обучить азам военного дела, владению и оружием, и собой в возможном бою. Рокоссовский появлялся то одном гарнизоне, то в другом, постоянно объезжая свой семидесятикилометровый участок.

В это время он уже командовал 27-м кавалерийским полком.

Из автобиографии 1940 года: “В октябре 1921 года переведён командиром 3-й бригады 5-й кубанской кавалерийской дивизии. В октябре 1922 года в связи с реформированием 5-й дивизии в Отдельную 5-ю Кубанскую кавбригаду по собственному желанию назначен на должность командира 27-го кавполка этой же бригады”.

Дело в том, что с окончанием гражданской войны проводилась, можно сказать, повальная демобилизация. Такую огромную армию страна с полуразрушенной экономикой, до оснований потрясённая двумя войнами и революцией, содержать не могла. Хлеборобы возвращались к плугу и земле, рабочие — к станкам. Однако молодой Советской России для защиты своих завоеваний и рубежей нужна была и армия. В ней оставляли самых лучших, кто сумел зарекомендовать себя делом в боях и походах. Если рядовые красноармейцы легко расставались с винтовкой и подсумком и с радостью возвращались домой, к семьям, то красные командиры демобилизации не радовались. Они знали, что дома их ждала разруха и скудный паёк. Здесь же, в войсках — на полном обеспечении...

Случались дни, когда Рокоссовский после очередной поездки в дальний гарнизон или работы в штабе полка выбирался то в городской театр, то седлал Орлика и объезжал кяхтинские и троицкосавские улицы и переулки, таким образом знакомясь с городом и его достопримечательностями. Раненая нога ещё побаливала. Ходил с палочкой. Но на Орлике путешествовать было легко.

Особенно полюбил он местный театр, не пропускал ни одной премьеры.

Однажды во время очередного театрального выхода обратил внимание на группу девушек. Во время антракта шумной, яркой стайкой они буквально вылетели в фойе и принялись что-то живо и горячо обсуждать. Одна из них, оглянувшись, так и обожгла его огнём своих чёрных глаз. Когда спектакль закончился, он снова отыскал её в толпе и долго наблюдал. И она, будто почувствовав его пристальный взгляд, снова оглянулась. Всё повторилось.

Покоя не стало. Ещё не зажила рана после неудачи с красавицей Макой, а тут новая...

Просто подойти и познакомиться, как это было принято в то время, пренебречь условностями старого мира с его громоздким этикетом, ему мешала врождённая скромность и, пожалуй, некая робость перед противоположным полом.

Навёл справки: учительница женской гимназии, двадцати одного года, незамужняя, живёт в торговой слободе в частном доме у родителей.

Так и ходил в театр, чтобы посмотреть на свою избранницу издали, обмениваясь взглядами. В свободные часы седлал Орлика и с независимым видом проезжал мимо заветного дома, втайне надеясь, что там колыхнётся шторка, отведённая девичьей рукой...

Шторка и вправду колыхалась, но у окна появлялись то мать черноглазой учительницы, то отец. “Юля, иди скорей! — окликал дочь кто-либо из родителей, первым заведший знакомого всадника на мостовой. — Опять твой рыцарь едет!” И так — почти год. Вот тебе и “энергичный, решительный”, обладающий “лихостью, хладнокровием”. И при этом, надо признать, никакого “проявления полезной инициативы”...

Измучил и себя, и девушку. Делу помог случай. Сослуживец Рокоссовского вовсю ухаживал за одной из подруг Юлии. Преодолевая неловкость, комполка попросил его познакомить с черноглазой учительницей. И тот, не медля, не видя никаких препятствий, тут же с радостью исполнил просьбу своего боевого товарища.

Юлия Петровна потом рассказывала: “Первое, что поразило меня, — это его застенчивость, его, я бы сказала, рыцарское отношение ко мне, к девчонке”.

Теперь жених оставил Орлика и ходил провожать учительницу пешком. Вот только немного прихрамывал.

Когда влюблённые решили пожениться, родители Юлии восстали единым фронтом: “Ты с ума сошла! Он — военный! А военные — как цыгане! Сегодня здесь, завтра там! Завезёт тебя куда-нибудь, да и бросит!”

Отношения, между тем, продолжались. В мае 1923 года Константин Константинович Рокоссовский и Юлия Петровна Бармина официально зарегистрировали брак в Кяхтинском загсе.

Следует заметить, что в то время поощрялись гражданские браки. Семья с её вековыми устоями и традициями трещала по швам и распадалась на свободных от всяких обязательств людей. Уместно напомнить и о том, что, к примеру, будущие полководцы Жуков и Конев своих первых жён в загс не повели, но зарегистрировались со вторыми сразу же, как только получили свободу от первых.

Константин Константинович и Юлия Петровна проживут вместе сорок пять лет. Семейная жизнь их сложится в общем-то счастливо, хотя судьба протачит через череду испытаний, в том числе верностью и неверностью. Но всё же не разлучит. Они будут любить друг друга до самой смерти. Он будет называть её Люлей. Она переживёт его на восемнадцать лет и уйдёт из жизни в 1986 году.

Глава пятая

1937-й

Жизнь и служба, казалось, окончательно вошли в определённое русло, и ничто не предвещало...

В Пскове Рокоссовские устроились хорошо. Обстоятельства, наконец-то, позволили позаботиться о семье. Жили в отдельной квартире. Юлия Петровна устроилась на работу, дочь Ариадна пошла в школу, Константин Константинович с утра до вечера находился на службе. Забот было много. Подтягивал тылы, по поводу чего получил пометку в последней аттестации.

А между тем та аттестация действительно едва не стала последней не только в его службе, но и в жизни...

Ещё в июне 1937 года, сразу после арестов в округах, из Забайкалья в Москву на имя наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова пришло письмо: “Считаем совершенно необходимым серьёзно проверить через органы НКВД следующих лиц из состава войск Забайкальского военного округа по подозрительным связям с контрреволюционными элементами:

1. РОКОССОВСКИЙ К. К. — быв. командир 15 кавдивизии, ныне командир 5-го кавкорпуса, был тесно связан с Чайковским и Горбуновым. Поляк. Требуется серьёзная проверка социального происхождения. Имел тягу на заграничную работу...

Комвойсками ЗабВО комкор Грязнов.

Член Военного Совета ЗабВО корпусной комиссар Шестаков”.

Несколько забегая вперёд, скажу, что бдительное командование Забайкальского военного округа в лице комкора Грязнова и корпусного комиссара Шестакова будет арестовано очень скоро и затем, как тогда водилось, неминуемо расстреляно.

В мае органы НКВД запустили в работу масштабную операцию по раскручиванию заговора военных. Началось так называемое “Дело Тухачевского”. Были арестованы многие командующие военных округов, командармы, командиры корпусов и дивизий, работники штабов. Командармы 1-го ранга, командующий войсками Киевского военного округа И. Э. Якир и командующий Белорусского военного округа И. П. Уборевич. Немногим раньше арестовали командующего войсками Уральского военного округа комкора И. И. Гарькавого. Осенью — командующего войсками Забайкальского военного округа командарма 2-го ранга М. Д. Великанова. Бывшего начальника Ленинградских кавалерийских курсов, а теперь — заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа комкора В. М. Примакова. Начальника Управления по командному и начальствующему составу РККА комкора Б. М. Фельдмана. Военного атташе при полпредстве СССР в Великобритании комкора В. К. Путну. Председателя Центрального совета Осоавиахима комкора Р. П. Эйдемана. Первый заместитель наркома обороны, начальник Политуправления РККА комкор Я. Б. Гамарник, предупредив свой арест, успел воспользоваться личным оружием и покончил с собой. Приговор арестованным, а затем осуждённым был вынесен 11 июня 1937 года. Всех обвиняемых признали виновными в “организации военного заговора с целью захвата власти” и в тот же день расстреляли.

Спор о виновности и невиновности казнённых до сих пор остаётся одним из самых ожесточённых в нашей отечественной историографии, а тема “военно-троцкистского заговора” — самой загадочной темой довоенного периода истории РККА.

Не дерзая усилить какую-либо из спорящих сторон, приведу всё же не менее странное выступление на суде одного из приговорённых этого загадочного процесса. Текст выступления принадлежит комкору Виталию Марковичу Примакову.

Человек исключительной храбрости и жестокости, авантюрист, член партии большевиков с 1914 года, во время гражданской войны он сформировал корпус “Червоных казаков”, слава которого была не меньше Первой конармии Будённого. Убеждённый сторонник Троцкого, в середине 20-х годов служил советником в Китае, носил фамилию Лин. “Год спустя, — как пишут его биографы, — под видом “кавказского турка” Рагиб-бея командовал отрядом, который должен был восстановить на троне давнего союзника Красной Москвы афганского эмира Амманулу-хана, свергнутого в ходе дворцового переворота. Отряд Примакова с минимальными потерями взял с боем город Мазари-Шариф, северные ворота страны, но потом вынужден был повернуть назад, ибо эмир покинул страну”. Затем Примаков служил в качестве военного атташе в Японии, учился в академии Генерального штаба в Германии. Был прекрасным литератором, писал стихи и прозу. Недавние публикации в прессе недвусмысленно свидетельствуют в пользу того, что последняя жена “кавказского турка” — небызвестная Лиля Брик — “с 20-х годов работала осведомителем в ОГПУ”, что именно по её наводке Примаков и попал под стебло. Причём самым первым — его арестовали ещё в 1936 году.

Что ж, такие, как Виталий Маркович, действительно были способны на многое. Сталин их опасался, по всей вероятности, не напрасно. Таких сломить было трудно и, пожалуй, невозможно.

Что же этот железный “кавказский турок” сказал на суде, вполне отдавая себе отчёт в том, что это, скорее всего, его последние слова?

“Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре, — заявил Примаков судьям. — Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш — ни по цели, ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы; всё, что было контрреволюционного в Красной армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого. Какое средства выбрал себе этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один — ломать диктатуру пролетариата и заменить фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я составил себе суждение о социальном лице заговора, т. е. из каких групп он состоит, его руководство, центр. Люди, входящие в заговор, не имеют глубоких корней в нашей советской стране потому, что у каждого из них есть своя вторая родина: у Якира — родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича — в Литве, Фельдман связан с южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной...”

Последнее слово Примакова — документ странный. С одной стороны, в нём сквозит, так сказать, дух эпохи, а именно работа следователей, убедивших своего подследственного сказать то-то и то-то. С другой стороны, многое из сказанного перед смертью — правда.

Кроме того, *слово* Примакова какой-то смутной болью тревожит и нынешнее сознание среди уже нынешних событий...

Нашему герою, уроженцу Варшавы, опасность несла последняя мысль обречённого. В это время ведомство наркома Н. И. Ежова активно разрабатывало дело “Польской организации войсковой”, вскрывало шпионскую агентурную сеть польской разведки. По данным НКВД, польскими шпионами буквально наводнены Сибирь, Дальний Восток, все военные округа. Помните донос Грязнова и Шестакова? Эти двое сразу сориентировали наркома: “Поляк...”

Во всех анкетах вплоть до 1945 года, когда маршалу, дважды Герою Советского Союза, назначили новое место рождения (для установки бюста), в графе о национальной принадлежности он писал: “Поляк”. Да и разговаривал с лёгким польским акцентом. Так что иностранца распознать в нём было несложно.

Шестакова арестовали 6 июля. Через несколько дней он уже давал показания, среди “заговорщиков” назвал и фамилию Рокоссовского. На вопрос следователя: “Кто вам известен из участников военно-троцкистской организации в частях Забайкальского военного округа?” — последовал его исчерпывающий ответ: “Рокоссовский Константин Константинович — бывший командир 15-й кавалерийской дивизии, в данное время командир кавалерийского корпуса в городе Пскове...”

Для хорошо отлаженной машины НКВД этого было достаточно.

Вначале Рокоссовского отстранили от командования корпусом. Нового назначения не последовало. Он заметил: меньше стало людей вокруг — друзей, сослуживцев, приятелей. Даже в курилке, обычно шумной, наполненной шутками и анекдотами не меньше, чем табачным дымом, все сразу умолкали, торопливо докуривали и старались поскорее ускользнуть из гнетущего пространства. А он, уже уловив в воздухе запах грозы, чувствовал себя как перед рубкой и, как всегда, полагался на удачу: двум смертям не бывать. Но там можно было положиться на твёрдость руки, на шашку и на коня. А тут — не на кого. Пустота.

Вскоре последовало дивизионное партийное собрание, исключение из ВКП(б) “за потерю политической бдительности”. В августе вызвали в Ленинград, в штаб округа. Какое-то время надеялся — за новым назначением. Юлия Петровна тоже старалась не показывать своих чувств, но провожала мужа на вокзал с тяжёлым сердцем.

Поезд уже подходил к Ленинграду. Неожиданно в купе появились какие-то люди. Все, как на подбор, рослые, ему под стать, хорошо выбритые,

с настороженными и сосредоточенными взглядами, в свободных пиджаках одного цвета и покроя. Он сразу понял всё. “Вы арестованы!” До железнодорожного вокзала ехали молча. Когда поезд остановился, подождали, пока пассажиры вышли из вагона, и, не выходя на перрон, выпрыгнули в сторону пакгаузов, провели по безлюдным закоулкам к ожидавшей машине — обыкновенному фургону с надписью “Хлеб”. Грубо втолкнули в “чёрный во-ронок”. И закрутилось...

Привезли в “Кресты” — внутреннюю тюрьму УГБ НКВД Ленинградской области.

Унижение началось с обыска. Процедура была такой: раздели донага, осмотрели, прощупали одежду, заглянули в ноздри, в уши, всюду. Особенно досталось мундиру — свинтили ордена и медаль “XX лет РККА”, спорили шевроны, из петлиц вырвали эмалевые ромбы комкора. Португею и ремни, в том числе и брючный, не вернули. Рокоссовский сразу почувствовал себя ниже ростом, растерянным. Но растерянность длилась недолго. Произошло то, что происходило со многими, и надо было принимать этот крест спокойно, чтобы не допустить ошибки и не погубить себя и семью.

Конвоир отвёл Рокоссовского в камеру. Камера для двоих. Он оказался двенадцатым. Две откидные полки. Днём они пристёгнуты к стенам цепями на висячие замки. Полки откидывают в час отбоя — в 23:00, обратно к стенам пристёгиваются в 6:00. Обитатели камеры установили очередь для сна. Спят двое, и то недолго. Остальные — на полу. У двери — параша. Новички спят там. Места постепенно освобождаются. Кого-то перевели, кто-то не вернулся с допроса. Очередь движется к желанному окну, где можно хлебнуть свежего воздуха. Но неба в окне не видать — оно закрыто нависающим козырьком.

По всей вероятности, Рокоссовский в разработке у чекистов был уже давно. На всякий случай. Служил на границе... За рубежом... Имел самые широкие контакты, в том числе и с офицерами японской разведки, белогвардейцами... Личное дело Рокоссовского было помечено секретными литерами “ОУ” — особый учёт. Шифр этот ввёл истинный изобретатель всяческих методик выявления скрытых врагов народа и революции Фельдман. История свидетельствует, что почти все военные, имевшие в личном деле это фельдмановское клеймо, были арестованы, а затем — кого куда. Кто попал в лагерь, а кто и прямо под пулю.

Несколько суток Рокоссовский провёл в томительном ожидании. Следователи применяли такой приём для того, чтобы подготовить арестованного к первому допросу. Атмосфера тюрьмы, невыносимой духоты, вони давно немых тел, невозможности выспаться и сосредоточиться — всё это, помноженное на неизвестность, порой сразу давало нужные результаты — человек попросту ломался и подписывал всё, что диктовали следователи.

И вот, наконец: “Рокоссовский! На допрос!”

Все эти дни он думал о жене и дочери: что будет с ними? О горькой участи семей арестованных органами он знал не понаслышке. Но никогда не думал, что всё это может коснуться его Люли, Ады.

Следователь положил перед ним несколько листов чистой бумаги и сказал: “Опиши подробно свои преступления”. И ушёл.

Через час следователь вернулся. Рокоссовский сидел на прежнем месте перед чистыми листами бумаги. Даже поза его не изменилась.

— Ты, видимо, ещё не понял, где находишься, — зашипел следователь. — У нас... — Следователь значительно помедлил. — У нас все пишут. Так что давай, делай то, чего от тебя требуют. Время пока есть. — И снова вышел.

Теперь его не было ещё дольше. И снова он застал своего подследственного в той же позе и над чистыми листами.

Рокоссовский так и не сдался.

Генерал Илья Васильевич Балдынов вспоминал: “В первые дни ареста следователи требовали, чтобы я подробно написал, кто входил в шпионскую группу. Когда я отказался от показаний, стали морить голодом, не давали спать, держали в холодном карцере, где можно было только стоять или сидеть на корточках”.

Однажды на прогулке он увидел своего бывшего комбрига. Тот, тоже узнав своего боевого товарища по КВЖД, подошёл к нему и тихо сказал:

— Ни в коем случае не подписывай ничего, что ты не писал сам. Не давай ложных показаний. Не оговаривай ни себя, ни другого. Коль умереть придётся, то с чистой совестью.

Эти слова, которые Рокоссовский произносил как заклятие, в том числе и для самого себя, спасли Балдынова — он вышел из заключения одновременно со своим старшим товарищем и бывшим командиром.

Коль умереть... то с чистой совестью. На какое-то время именно эта формула стала кодексом чести Рокоссовского.

Печальный факт: именно военные на допросах с пристрастием, а иногда и без, а просто в ожидании своей горькой участи, ломались и подписывали всю нелепицу, весь чудовищный вздор о “своих преступлениях”. Варлам Шаламов, переживший все круги Гулаговского ада, писал: “Легче всего, первыми разлагаются партийные работники, военные”. Такому свидетелю, как Шаламов, нельзя не верить.

Против Рокоссовского свидетельствовали, кроме уже упомянутого корпусного комиссара Шестакова, начальник разведотдела штаба Забайкальского военного округа Ю. Г. Рубэн, комкор К. А. Чайковский, начальник разведотдела штаба 11-го механизированного корпуса майор Г. Г. Проффен, командарм 2-го ранга М. Д. Великанов.

Майор Рубэн, к примеру, поведал следователям следующее: “Мне известно, что Рокоссовский ещё в 1932 году по шпионской работе был лично связан с начальником японской военной миссии в Харбине — полковником Комацубара. По словам Рокоссовского, встречался он с Комацубара в Даурии во время официального приезда последнего для разрешения вопросов, связанных с интернированием войск китайского генерала Су Бинь-Бьеня”.

Не дождавшись *чистосердечного признания*, следователи начали выбивать показания силой.

Никогда никому, даже самым близким, он не рассказывал того, что довелось пережить в тюрьме. Только однажды, уже в 1962 году, на встрече с курсантами Военной академии им. М. В. Фрунзе на вопрос, применялись ли во время допросов физические меры воздействия, он сказал: “Били... Вдвоём, втроём. Одному-то со мной не справиться! Держался, знал, что, если подищу, — верная смерть”.

Когда “колуны” поняли, что его ничем не взять, решили действовать иначе. Вначале не давали спать. Изнуряли ярким электрическим светом. Это доводило до безумия. Он снова держался. Потом имитировали расстрел: зачитывали бумагу, выводили во двор, ставили к кирпичной стене со следами пулевых отметин и стреляли над головой. И это он пережил, не рухнув на колени. Возможно, потому, что на войне уже пережил большее — там в упор в него стреляли не раз. И даже попадали.

Довольно подробные воспоминания о пребывании в “Крестах” оставил сокамерник Рокоссовского Владимир Рачинский: “Меня арестовали в день расстрела моего отца. Зачем меня арестовали? Зачем им понадобилась еще одна невинная жертва? Мне было 17 лет, и меня бросили в этот ад. Я ни в чем не был виноват. Но когда я пришёл в камеру, камеру №6 следственной тюрьмы УНКВД в Ленинграде, то оказалось, что там сидят все, абсолютно все невинные. Никто не считал себя в чем-либо виновным перед Советским государством. Это был какой-то кошмар, какая-то западня на честных, невинных людей. В камере №6 площадью около 100 м² было битком набито около 100 человек, спали в два этажа: один — на полу, плечо к плечу, второй — на деревянных откидывающихся к стене кроватях и досках на козлах.

Что это были за люди, сидящие в камере? Большинство — интеллигенция, врачи, учителя, партийные работники, государственные работники, (инженеры, военные, артисты и т. д. Сидели даже чистильщики сапог — асоры, такая персидская народность, которая у нас имела вроде монополию на чистку сапог.

В камере сидели крупные руководители Ленинграда, например, зам. председателя Ленгорисполкома; крупные инженеры, например, инженер-

конструктор военных кораблей Бржезинский; крупные военачальники, например, К. К. Рокоссовский; крупные артисты, например, солист Театра оперы и балета Ленинграда баритон Терт.

Я не писатель, но можно было бы написать целую повесть под заглавием “Камера № 6”.

Сколько людей, столько характеров и судеб. И все это “варилось в одном котле”. Для меня это была первая, хотя и очень драматичная, школа жизни. Это был мой первый жизненный университет. В общем, лучше бы его не было. Но коль так случилось, то и из этого была извлечена мною какая-то жизненная школа. К. К. Рокоссовский мне говорил: “Владимир, тебе всё это пойдёт на пользу, если ты, конечно, не сделаешь неправильных политических выводов”. Он рассматривал все эти репрессии как предательство со стороны органов НКВД. Он тоже наивно считал, что Сталин не виноват, что виновато его предательское окружение.

Человек ко всему привыкает, и я приспособлялся, как мог. Даже в тех тяжёлых условиях, чтобы как-то скоротать время, сидящие в камере устраивали беседы, лекции, играли в самодельное домино, сделанное из хлеба. Я прочитал ряд лекций по строению материи, атомной и ядерной физике. К. К. Рокоссовский вёл рассказы о своих военных подвигах в гражданскую войну, в частности, в Сибири и на Дальнем Востоке. Этому прославленному полководцу было о чём рассказать. Каждый, кто что-либо знал, рассказывал всем.

Подследственных из камеры вызывали на допросы. Все уже знали, что на допросах избивают и мучают людей. С допросов приводили истерзанных, избитых людей. Некоторых заставляли сутками стоять. И такая была пытка. Всех заставляли подписывать клеветнические на самих себя и других ложные протоколы допроса. Тех, кто отказывался подписать ложный протокол, избивали до тех пор, пока ложный протокол не был подписан. Были стойкие люди, которые упорно не подписывали. Но таких было относительно мало. К. К. Рокоссовский, пока он сидел со мной в одной камере, так и не подписал ложный протокол. Это был мужественный и сильный человек, высокого роста, плечистый. Его тоже били”.

Странные слова запомнил Владимир Рачинский, сказанные ему Рокоссовским в тюрьме: “...тебе всё это пойдёт на пользу, если ты, конечно, не сделаешь неправильных политических выводов”.

Многое, что они тогда сказали друг другу, в той душной камере, мы теперь, конечно, не узнаем. Но сказали, видимо, действительно многое. Иначе бы просто так юноша не впитал бы подробности той встречи с такой силой — на всю жизнь. Он явно был благодарен и своему старшему сокамернику за те разговоры и наставления, и судьбе, что свела с ним. Да, как это ни странно, и судьбе.

...Когда Рокоссовский сел за мемуары, тема ареста и тюрьмы оказалась для него самой, пожалуй, непростой. Черновики свидетельствуют: больше всего правки, зачёркиваний и новых вариантов потребовала от автора именно эта глава. Воспоминания приносили боль.

Из черновика: “После тридцатимесячного срока пребывания в заключении, под следствием, был освобождён и полностью реабилитирован и вышел на свободу, задавая себе не разрешённый вопрос: кому и для какой цели понадобилось всё то, что было проделано в 1937 году. Ведь удар был нанесён по наиболее подготовленным кадрам руководящего состава Красной армии, своими делами и кровью доказавшим свою безграничную преданность Коммунистической партии, советской власти и социалистической Родине.

Последствия проделанной чёрной работы сказались уже в финскую кампанию: Красная армия оказалась к моменту назревших событий оголена. Многолетняя работа партии над воспитанием и подготовкой военных кадров была сведена к нулю. На руководящих постах в звене высшего командного состава, за исключением единиц, оказались малоопытные, не подготовленные к руководству в военное время кадры. Одной преданности и храбрости для ведения войны в современных условиях оказалось недостаточно”.

Из тех же черновиков, которые впоследствии были включены в окончательную редакцию мемуаров: “...командный состав в своём подавляющем

большинстве был репрессирован или отстранён от руководства подготовкой вооружённых сил. К руководству войсками были привлечены молодые кадры, не обладавшие достаточным жизненным и командным практическим опытом, — по должностям, на которые они назначались. Как это происходило, сошлось только на один пример — как очевидец. В июле 1937 года сменивший маршала Советского Союза Шапошникова, командовавшего в то время Ленинградским военным округом, генерал Дыбенко* созвал весь высший командный состав войск округа и объявил нам о том, чтобы мы, вернувшись во вверенные нам войска, каждый выбрал бы себе 2-х лучших лейтенантов и в течение 2–3 месяцев подготовил из них себе заместителей на занимаемые должности. На заданный с нашей стороны вопрос — что же нам после этого делать? — последовал с его стороны ответ, что для нас место найдётся. И действительно, такое место почти для всех нас было найдено. А потом за нами всеми последовал и сам Дыбенко”. (Последняя фраза зачёркнута).

Бывший адъютант Рокоссовского Борис Николаевич Захацкий рассказывал: “Однажды пришло письмо от бывшего следователя НКВД, который когда-то вёл дело Рокоссовского. Маршал поставил на нём резолюцию: “Оставить без внимания”. В письме была просьба о встрече, чтобы объяснить, почему следователь так вёл себя, видно, это его мучило. Вскоре пришло повторное письмо. И снова Константин Константинович написал: “Оставить без внимания”. Ему было неприятно возвращаться к этой теме. К тому же он считал, что перед ним извинились. Ведь в марте 1940 года после освобождения Рокоссовского маршал Тимошенко (тогдашний нарком обороны) попросил забыть его о трёх годах заключения как о досадном недоразумении и сообщил, что его восстановили в партии, в звании и должности”.

Что ж, именно так и бывает: прощение просит не тот, кто виноват, а тот, кто прилагает наибольшие усилия, чтобы чью-то роковую ошибку исправить.

Пока его таскали на допросы и решали, к какому делу лучше пристегнуть, чтобы не так явно виднелись белые нитки, его одноклассник Жуков сделал головокругительную карьеру, наголову разгромив японцев в Монголии; в Испании на стороне армии республиканцев дрались комбриги и комдивы, а совсем рядом с Ленинградом вспыхнула и в одну зиму закончилась советско-финляндская война. И он ещё не знал, что именно эхо этих событий, сотрясавших хрупкий мир на грани огромной войны, распахнёт дверь его камеры...

Рокоссовского продержали под следствием около трёх лет. Необычно долго. Но и такое случалось. К примеру, генерал В. В. Крюков, арестованный в 1948 году по так называемому “Трофейному делу”, под следствием находился более трёх лет. Там тоже дело не клеилось, рассыпалось. Правда, его всё же кое-как собрали, и генерал Крюков пошёл в лагерь на двадцать пять лет сразу по нескольким статьям, в том числе и (как ни парадоксально) по так называемому закону “О трёх колосках”.

Что-то подобное пытались пришить и Рокоссовскому. То польский шпион. То японский. Следователи пытались пустить его то по делу забайкальской военно-троцкистской организации, то ленинградского военно-троцкистского центра, то по Псковскому заговору. Возможно, Рокоссовскому в какой-то мере помогло и то обстоятельство, что в ноябре 1938 года на посту наркома НКВД Ежова сменил Берия. Поменялись следователи, часть из них поволокли к кирпичной стене, другая часть, оставленная на службе, присмирела. Начался пересмотр дел. Но всё это походило на кампанейщину. Приход в грозный наркомат Берии судьбы нашего героя не решил, но пауза тишины и относительного покоя произошла. Она вселила новые надежды, укрепила дух. Однако пауза истекла довольно скоро, и следователи нового наркома принялись терзать Рокоссовского с прежней яростью.

Необычно долгое пребывание Рокоссовского в тюрьме породило целую серию домыслов и легенд. По жанрам их можно разделить на полукумические, на героико-романтические и на оскорбительно-нелепые. Даже в печати порой появляются “откровения” неких “историков” и “краеведов” о том, что яко-

* П. Е. Дыбенко имел воинское звание командарма 2-го ранга. Уволен из РККА в начале 1938 года и последнее перед арестом время работал заместителем наркома лесной промышленности. Расстрелян в 1938 году.

бы найдены подтверждения того, что, к примеру, Рокоссовский отбывал срок в Княж-Погосте в Коми и работал там банщиком. Что к “Крестах” был завербован сотрудниками госбезопасности и использовался в качестве “наседки”, подсылаемой к трудным подследственным, которые запирались и не давали показаний. Эту версию разом опрокидывают свидетельства тех, кто в разное время находился в одной камере с Рокоссовским или виделся с ним на прогулках. И, наконец, что Рокоссовский в это время находился в секретной командировке в воюющей Испании и дрался на стороне республиканцев под именем Мигеля Мартинеса. Последнюю версию опровергать не станем. Пусть будет. К тому же она нашему герою более или менее подходит — красивая.

А тем временем семья переживала свою долю страданий.

Из рассказа внука маршала Константина Вильевича Рокоссовского: “Так как Псков в то время был приграничным городом, сразу же после ареста дед мама и бабушка как члены семьи врага народа были оттуда высланы и поселились в Армавире, у знакомых. Бабушка перебивалась случайными заработками, постоянной работы найти не могла. Как только узнавали, что её муж находится под арестом, стремились от неё избавиться под любым предлогом. Когда не было работы, жили тем, что занимали в сберкассе деньги под залог облигаций Государственного обязательного займа, на которые дедушка подписывался, как и все руководящие работники в то время. Мама рассказывала мне дикий случай, произошедший с ней в школе, когда директор, узнав, что дед “сидит”, пришла на урок и заявила: “Дети, я хочу, чтобы вы все знали, что среди нас находится дочь врага народа. Ада, встань, чтобы все могли тебя видеть!” Больше в эту школу мама уже не ходила. Впрочем, такими были тогда далеко не все. Были и добрые, отзывчивые люди, не боявшиеся, несмотря ни на что, помочь и поддержать попавших в беду...”

Никаких вестей от мужа и отца не было уже несколько месяцев. Жив? Или... Неизвестность угнетала сильнее всего.

Кто-то из знакомых подсказал Юлии Петровне поехать в Москву, на Лубянку, там принимают посылки для арестованных, одну в месяц, по особому списку; если посылку примут, значит, адресат жив. Но как поехать? С работы не отпускают. А дорога займёт не один день. Прогуляешь — сразу уволят. Ехать в Москву вызвалась Ариадна. Собрали посылку — продукты, теплые вещи, бельё. Всю дорогу до Москвы Ариадна думала о судьбе отца: примут у неё посылку или нет. В поезде попались добрые попутчики. Они сразу поняли, куда едет девочка. Рассказали, как быстрее проехать на Лубянку, как себя вести, что говорить. Пришла, заняла очередь. И посылку приняли! Представьте себе, дорогой читатель, состояние тринадцатилетней девочки, которая вдруг узнаёт, что её любимый папочка жив. На вокзал она летела как на крыльях. Хотелось поскорее доехать до дома и обрадовать маму: папа Костя жив!

Тянулись месяцы ожидания, наполненные, тревогой и страхом. Но теперь появилась надежда. Семья возила в Москву посылки. Их принимали. Так возникла незримая связь между томившимися на свободе и сражавшимся за своё достоинство в тюрьме.

Несколько раз Юлии Петровне советовали сменить фамилию. Но она была уверена, что её муж честный человек и никакого камня за пазухой никогда не носил. Тогда многие люди свято верили в то, что невинных за ключую проволоку не бросают и уж тем более не расстреливают.

Но пока — допросы, допросы, допросы... Версталось дело. Сидел по-прежнему в “Крестах”. Но однажды случилось необычное: на суд Рокоссовского повезли в Москву, там некоторое время он провёл в Бутырке.

Его дело рассматривала Военная коллегия Верховного суда СССР. На судебном заседании выяснилось: всё обвинение от начала до конца построено на свидетельских показаниях бывшего сослуживца подсудимого по 5-му Каргопольскому драгунскому полку, а затем командира 1-го Уральского им. Волodarского кавполка Адольфа Казимировича Юшкевича. Юшкевич будто бы дал признание о том, что в середине 20-х годов завербовал Рокоссовского в польскую шпионскую организацию. Никаких существенных доказательств его “шпионской” работы в РККА нет.

Рокоссовский всегда был хорошим тактиком. И прилежным учеником фон Клаузевица. Много из трактата “О войне” он помнил наизусть. Память у него была великолепная. Фон Клаузевиц наставлял: “В теории фактор неожиданности может сыграть вам на руку. Но на практике в ход вступает сила трения, когда скрип вашей машины предупреждает противника об опасности”.

Что же приготовил Рокоссовский для своих несправедливых и злобных гонителей? Когда следователи “предъявили” ему “признания” Юшкевича, он внутренне усмехнулся, и эта усмешка вскоре разрослась в ликование. Он знал, что это блеф. И если это так, то у следователей ничего существенного на него попросту нет. Оставалось держаться, терпеть, ждать. Проявлять осторожность. Только однажды он позволил себе опасную игру со следователями, и колёса его боевой машины заскрипели... Он сказал им, что подпишет все протоколы (бумаги с текстами “чистосердечных признаний” уже давно были готовы), если те устроят ему очную ставку с Адольфом Юшкевичем. Но то, что его боевой товарищ и друг, красный командир Адольф Казимирович Юшкевич пал смертью храбрых в Северной Таврии 28 октября 1920 года, в первый же день второго удара проводимой Красной армией Северно-Таврийской операции против белых войск барона Врангеля, — об этом он им не сказал.

Перед судом он вспомнил, от какого числа был тот памятный номер “Красной Звезды” с публикацией списка погибших в Северной Таврии.

Суд выслушал его доводы. Нашли и номер газеты, где действительно извещалось о гибели смертью героя красного командира Юшкевича.

Суд состоялся в начале 1939 года. Это был ранний период эпохи Берии. Он характерен некоторым потеплением в тюремных камерах, в лагерях и в судах, да и в целом в обществе. Некоторые дела радикально пересматривались. Многие прекращались. Люди возвращались домой. А в камеры и на дыбу потащили вчерашних палачей — шла чистка в органах НКВД.

Именно в это время расстреляли бывшего начальника Ленинградского управления НКВД комиссара госбезопасности 1-го ранга Заковского (Штубиса). Выступая 10 июня 1937 года на Ленинградской областной партконференции, Заковский сказал: “Мы должны врага уничтожить до конца. И мы его уничтожим”.

Этот свирепый начальник порой и сам проводил допросы, особенно “знатных” сидельцев. Любил присутствовать на расстрелах. А иногда вытаскивал из кобуры свой револьвер, делом подтверждая своё большевистское “до конца”...

Допрашивал он и Рокоссовского. Боевых орденов у Заковского было больше, да и звание выше. Но статус кавалерийского комдива с тремя орденами Красного Знамени вполне соответствовал тому, чтобы им занялся сам комиссар Заковский. Допрашивал жестоко. Несклько выбитых зубов, три сломанных ребра, молотком — по пальцам ног... Конечно, это не пуля в затылок. Изломанное тело болело долго. Душа ныла дольше и сильнее.

И вот казус, казалось бы, удачной фортуны комиссара 1-го ранга — обречённый на убийную статью бывший подследственный Рокоссовский пережил своего гонителя и палача.

Когда суд в Москве рассмотрел дело Рокоссовского, когда принял к сведению доводы подсудимого и счёл их убедительными, всё началось сначала.

Подследственного вернули в *родные* “Кресты”. Осенью того же 39-го его снова заслушает Военная коллегия Верховного суда. И снова заготовленный сотрудниками НКВД приговор не утвердит.

Никто не собирался его освобождать. И возможно, он так и сгнил бы в одной из камер мрачной ленинградской тюрьмы, и у нас не было бы полководца Рокоссовского, когда бы в Москве после окончания неудачной Финской кампании не состоялся разговор двоих или троих военачальников, от которых тогда зависело многое.

Зимняя война с маленькой Финляндией, армию которой наши войска так и не смогли разгромить на линии Маннергейма, заставила Сталина задуматься о боеспособности Красной армии. И в первую очередь, о её кадрах. Ибо “кадры решают всё”.

По одной версии, предложение о возвращении из заключения военачальников, арестованных и осуждённых несправедливо, Сталину изложил только что назначенный на пост наркома обороны С. К. Тимошенко.

По другой — Г. К. Жуков.

В тот период Жуков, восходящая звезда Красной армии, стремительно поднимался вверх. Сокрушительная победа на Халхин-Голе, присвоение звания генерала армии и Героя Советского Союза. Встречи со Сталиным. Откровенные разговоры о многом. Доверие вождя, который умел слушать и слышать своих подчинённых.

Из воспоминаний маршала Жукова: “Рокоссовский был мой близкий старый товарищ, с которым я вместе учился, работал и которого всегда уважал как хорошего командира. Я просил Сталина освободить его... и направить в моё распоряжение в Киевский Особый военный округ”.

Возможно, Георгий Константинович здесь допустил какую-то неточность. Известно, что первая его встреча со Сталиным произошла в мае 1940 года. К тому времени прошло уже два месяца, как Рокоссовский вышел из тюрьмы.

Но возможен и третий вариант. Разговор о необходимости пересмотра “ежовских” дел многих военачальников и о возможном их освобождении с целью восстановления в войсках на командных должностях произошёл между Жуковым и Тимошенко. Они вместе, в одном корпусе служили в Белоруссии, доверяли друг другу. Прекрасно понимали, какая беда надвигается на страну; размышляя о возможностях укрепления войск командными кадрами, вспомнили об арестованных органами НКВД. Ведь эти кадры, проверенные боями и походами, пропущенные через курсы и академии, находились рядом, за колючей проволокой.

В самый канун войны в войска возвратились А. В. Горбатов, К. Н. Галицкий, Ф. Ф. Жмаченко, К. П. Подлас, Ф. А. Пархоменко, В. Д. Цветаев, К. А. Юшкевич, А. И. Лизюков и другие, всего около пятидесяти человек. Многие, к сожалению, не дожили до пересмотра своих дел.

СПРАВКА

Выдана гр-ну Рокоссовскому Константину Константиновичу, 1896 г. р., происходящему из гр-н б. Польши, г. Варшава, в том, что он с 17 августа 1937 г. по 22 марта 1940 г. содержался во Внутренней тюрьме УТБ НКВД ЛО и 22 марта 1940 г. из-под стражи освобождён в связи с прекращением его дела.

Следственное дело № 25358 1937 г.

Следственное дело, о котором упомянуто в справке об освобождении, из архивов НКВД-КГБ-ФСБ исчезло. Его как бы не существует. Говорят, папка, в которой были подшиты все документы, касающиеся ареста, допросов, судебных заседаний и иных действий по делу комдива К. К. Рокоссовского, уничтожена в начале 60-х, когда по приказу Н. С. Хрущёва “подчищались” архивы с целью изъятия из хранения документов, которые могли бросить хоть какую-то тень на партийных функционеров и высокопоставленных работников спецслужб. Партия, заслушав доклад своего нового лидера на XX съезде КПСС о “культе личности Сталина”, с лёгкостью свалила всю вину за репрессии, роковые ошибки и перекосы на Сталина и вновь почувствовала свою молодость и невинность.

Итак, дело Рокоссовского уничтожено. Возможно, потому, что на нём были какие-либо резолюции людей, в то время ещё занимавших большие посты и имевших высокие звания.

Мне же опыт и чутьё подсказывают, что интересующее нас дело не погибло, что когда-нибудь протоколы допросов и имена следователей, истязавших Рокоссовского, мы ещё узнаем. Во всяком случае, на два запроса, поданные мною в ФСБ с просьбой ознакомить меня с “Делом К. К. Рокоссовского для написания правдивой истории его ареста, заключения и освобождения”, я не получил никакого ответа. Даже уведомления о том, что письма мои получены. Не странно ли?

Об освобождении Рокоссовского тоже сочинено много легенд.

К счастью, он сам однажды рассказал о том, как всё происходило. Рассказал во время съёмки кинофильма “Если дорог тебе твой дом” по сценарию Константина Симонова. Маршал был главным военным консультантом. Кто-то из присутствующих киношников записал рассказ на магнитофон, затем перевёл в обычное повествование: “Когда Рокоссовского выпустили на волю, тюремный писарь решил, что бывший заключённый ленинградец, что он идёт домой, и не вручил ему на дорогу необходимый воинский литер*.

С Выборгской стороны на вокзал, без копейки в кармане, но с благословенной справкой Константин Константинович прошагал десятка два трамвайных остановок. Выписать литер во исправление тюремной ошибки мог лишь военный комендант. Но он появится только утром. И Рокоссовский решил переночевать на вокзале. Однако поздно вечером военный патруль, обходя зал ожидания, всех безбилетников-ночлежников выпроводил на площадь. Вокзал в прифронтовом городе — не ночлежка**. Рокоссовский отправился в далёкий военный городок, где квартировал комсостав штаба округа. Дело было к ночи. Он всё же разыскал двоих знакомых, бывших своих сослуживцев, но те побоялись приютить репрессированного. Куда деваться? И вот, лишённый выбора, Рокоссовский пошагал обратно в “Кресты” и попросился у дежурного на ночлег, в “свою” камеру, на “свои” нары. Дежурный оказался человеком покладистым, может быть, поняв ошибку писаря, хотел избавить своего приятеля от неизбежного выговора по службе. А утром бывшему узнику, как и всем соседям, выдали “пайку” — миску пшённой каши. Вот когда он струхнул: может, зачислили снова на довольствие?.. Но после завтрака канцелярист выписал по всей форме положенный литер до станции Псков. И бывший командир корпуса, застегнув на все крючки коротговатую для его парадного роста, поношенную солдатскую шинель с латками на локтях, ушёл домой после продолжительной “командировки”...

И уже сам Рокоссовский вспоминал: “Жуков внимательно слушал мой рассказ, стараясь совладать с волнением, несколько раз вставал, садился. Потом долго и мрачно молчал и, наконец, сказал: “Таких подробностей я не знал”.

Однажды на фронте молодой офицер связи, недавно прибывший в штаб фронта, заметил шрам над бровью Рокоссовского и спросил:

— Это вас осколком ранило, товарищ маршал?

— Не осколком, — усмехнулся маршал, — а деревянным табуретом во время допроса, лейтенант.

А после Сталинградской битвы, когда в его штаб нескончаемым потоком шли поздравления, среди телеграмм он отыскал присланную из “Крестов”, за подписью начальника тюрьмы, надо заметить, особо знаменитой среди военных. И Рокоссовский тут же приказал связистке отстучать ответ: “Рад стараться, гражданин начальник!” А дальше — поделедственный такой-то, номер камеры такой-то...

После возвращения партбилета, орденов и должности всегда носил с собой пистолет. Ложась спать, проверял обойму и совал пистолет под подушку.

Юлия Петровна потом рассказывала внукам: “Дедушка после тюрьмы опасался, что за ним снова придут. Говорил, что на этот раз живым им не дастся”.

Глава шестая

КОРПУСА

После трёх лет заточения в “Крестах” Рокоссовского отправили на отдых в Сочи. Именно с рассказа об этой семейной поездке он начинает первую главу своих мемуаров. Глава называется “Завтра — война”.

* Документ на право льготного или бесплатного пользования какими-либо услугами, а данном случае, при покупке железнодорожного билета.

** Советско-Финляндская война закончилась 13 марта 1940 года, но Ленинград ещё некоторое время находился на положении прифронтового.

“Весной 1940 года я вместе с семьёй побывал в Сочи”.

И в том же абзаце: “После этого был приглашён к народному комиссару обороны маршалу С. К. Тимошенко. Он тепло и сердечно принял меня”.

Видимо, именно тогда и состоялся тот откровенный разговор, во время которого Тимошенко принёс извинения и попросил “забыть о трёх годах заключения как о досадном недоразумении”.

Рокоссовскому оказалось этого достаточно. И он действительно забыл. О тюрьме ни слова в мемуарах. И не вскипел злорадством, как это произошло со многими, когда “умер тиран” и начались пляски на его гробе и дергания мёртвого льва за усы.

Некоторое время командовал своим 5-м кавкорпусом. Корпус вскоре перебросили на Украину. Формировалась группировка войск для Рутского похода. Бросок в Румынию с целью присоединения к СССР областей Бессарабии и Северной Буковины начался в конце июня и завершился в несколько дней триумфальным успехом при самых минимальных потерях.

Операцией руководил командующий войсками Киевского Особого военного округа, только что преобразованного в Южный фронт, генерал армии Г. К. Жуков. 5-й кавкорпус наступал на левом фланге немного южнее Кишинёва. До серьёзных боестолкновений с войсками Румынской королевской армии дело не дошло. Марш Красной армии к берегам Прута прошёл быстро и бескровно.

О своей миссии в дни проведения операции Рокоссовский написал так: “Я был включён в группу генералов, работавших под руководством командующего войсками округа. Мы всё время проводили в частях. Поручения генерала Жукова были интересны и позволили мне уяснить сильные и слабые стороны наших войск. Но недолго нам пришлось вместе с ним работать на Украине: Георгий Константинович Жуков уехал в Москву на должность начальника Генерального штаба, а я, вернувшись из Бессарабии, вступил в командование корпусом”.

В Бессарабии он был уже генералом. Звание “генерал-майор” Рокоссовскому присвоили 4 июня 1940 года. Постановлением СНК для высшего состава РККА вводились новые воинские звания, а старые упразднялись. Аттестован он был из комдива в генерал-майора. На ранг ниже. Возможно, это ранило, но одновременно и подстёгивало служить так, чтобы как можно скорее всё упущенное наверстать.

В это предгрозовое время по инициативе нового начальника Генштаба генерала армии Г. К. Жукова в Красной армии вновь начали формировать танковые и механизированные корпуса. “Радостно было сознавать, — впоследствии писал Рокоссовский, размышляя о предвоенном времени, — что, наконец, восторжествовали правильные взгляды, и снова у нас организуются столь необходимые для обороны и победы в современной войне крупные танковые и механизированные соединения. В разгар этих организационных мероприятий дошла очередь и до меня”.

Его назначили в 9-й механизированный корпус. По всей вероятности, не без влияния Жукова. Механизированные корпуса были детищем Жукова, и он был заинтересован в том, чтобы во главе этих новых тактических единиц стояли надёжные, грамотные и энергичные командиры с опытом успешных боёв.

“Девятый мехкорпус, — вспоминал маршал, — состоял из трёх дивизий. Это были 131-я моторизованная дивизия под командованием полковника Н. В. Калинина, 35-я танковая дивизия полковника Н. А. Новикова и 20-я танковая дивизия, командиром которой был полковник М. Е. Катукوف”.

Командиры дивизий ему достались хорошие, все имели академическое образование, прошли через различные курсы. Даже он, командир корпуса, такой богатой теоретической подготовки не имел. Двое из них станут прекрасными танковыми командирами. Генерал Новиков будет командовать бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Украинского фронта, а генерал Катукوف — 1-й гвардейской танковой армией 1-го Белорусского.

Материальной же частью корпус обеспечить по положенным штатам не успели.

В черновиках рукописи книги “Солдатский долг” читаем: “К началу войны наш корпус был укомплектован людским составом почти полностью, но не обеспечен основной материальной частью: танками и мототранспортом. Обеспеченность этой техникой не превышала 30 процентов положенного по штату количества. Техника была изношена и для длительных действий непригодна. Проще говоря, корпус как механизированное соединение для боевых действий при таком состоянии был небоеспособным. Об этом не могли не знать как штаб КОВО, так и Генеральный штаб”.

Здесь достаточно определённо прочитывается упрёк в адрес генералов Кирпоноса и Жукова. Охотники подёргать за полы маршальскую шинель Жукова очень любят это место в мемуарах Рокоссовского, поскольку считают, отчасти и не безосновательно, его главным экспертом Великой Отечественной войны. Мол, Жуков, такой-сякой, раздул мехкорпуса, протасил через кремлёвские кабинеты непосильный для страны и армии проект, в итоге и мехкорпуса (полноценные) не создал, и общевойсковые армии истощил и оставил без броневого прикрытия и усиления... Исторический конфликт мне представляется таким: автор мемуаров размышлял о неудачах первых дней войны, прежде всего, как командир мехкорпуса, которому, по разным причинам, не удалось встретить противника во всеоружии, к тому же уж больно хороший случай подвернулся попенять своему давнему сопернику и боевому товарищу — Жукову. Любой мемуар следует рассматривать через призму характера их автора, его судьбы и взаимоотношений с теми, о ком он рассказывает.

В черновиках “Солдатского долга” остались и размышления о причинах неудач первых летних боёв, в том числе и, конечно же, 9-го мехкорпуса.

Сражался корпус хорошо, но задачу свою всё же не выполнил. Противник оказался сильнее.

Уже в мае, когда в приграничных районах участились полёты немецких самолётов-разведчиков над расположением советских войск и объектов их инфраструктуры, стало ясно: так ведёт себя изготовившийся к нападению неприятель, и рано или поздно он нападёт.

Всё в тех же черновиках* Рокоссовский рассказывает о случае, который как нельзя лучше характеризует и напряжение, и беспечность, царившую тогда в войсках: “В районе Ровно произвёл вынужденную посадку немецкий самолёт, который был задержан располагавшимися вблизи нашими солдатами. В самолёте оказались четыре немецких офицера в кожаных пальто (без воинских знаков). Самолёт был оборудован новейшей фотоаппаратурой, уничтожить которую немцам не удалось (не успели). На плёнках были сняты мосты и железнодорожные узлы на киевском направлении.

Обо всём этом было сообщено в Москву. Каким же было наше удивление, когда мы узнали, что распоряжением, последовавшим из Наркомата обороны, самолёт с этим экипажем приказано было немедленно отпустить в сопровождении (до границы) двух наших истребителей. Вот так реагировал центр на явно враждебные действия немцев”.

В черновиках Рокоссовский сетует на многие упущения, недостатки и недоработки в боевой работе войск, сосредоточенных в приграничной полосе. Очень скоро всю эту беспечность, расхлябанность и непрофессионализм Красная армия оплатит сполна гибелью полков и дивизий, исчезновением (кто убит, кто ранен, а кто попал в плен) целых корпусов и даже армий.

Об атмосфере кануна войны здесь, пожалуй, ничего более пространного рассказывать не стоит. Наш герой не был посвящён в тайны большой политики и планы Генштаба. Он был солдат в приграничном военном округе. Правда, в генеральском чине, и под рукой — целый мехкорпус.

О том, как началась война и как дивизии 9-го механизированного корпуса вступили в бой, Рокоссовский в своих мемуарах рассказал довольно кратко: “21 июня я проводил разбор командно-штабного ночного корпусного учения. Закончив дела, пригласил командиров дивизий в выходной на рассвете отправиться на рыбалку. Но вечером кому-то из нашего штаба сооб-

* Черновые варианты, наброски и куски текста, купированные редакторами и цензурой, сейчас уже опубликованы.

щили по линии погранвойск, что на заставу перебежал ефрейтор немецкой армии, по национальности поляк, из Познани, и утверждает: 22 июня немцы нападут на Советский Союз”.

Судя по тому, что командир корпуса, дислоцированного в непосредственной близости от границы, на рассвете 22 июня — выходной день! — планировал коллективный выход на рыбалку со своими командирами дивизий, штаб округа свои войска держал в полном неведении. Правдивая информация, подтверждающая то, что немцы вот-вот атакуют, можно предположить, циркулировала между штабами армий, командирами корпусов и дивизий, но — на уровне личных опасений и предположений.

По всей вероятности, и о немецком перебежчике Рокоссовский узнал из Особого отдела штаба корпуса. А поскольку начальники особых отделов от полка и выше в это время подчинялись непосредственно командирам подразделений и соединений, Рокоссовский о перебежчике узнал сразу. Но посмотрите, как действует он дальше. Никаких директив сверху. Все дальнейшие действия — по обстановке и на своё усмотрение.

“Выезд на рыбалку я решил отменить. Позвонил по телефону командирам дивизий, поделился с ними полученным с границы сообщением. Поговорили мы и у себя в штабе корпуса. Решили всё держать наготове...”

“Решил...”, “позвонил...”, “поделиться...”, “поговорили...”, “решили...” И всё это замкнуто в пределах корпуса. Почему? Да потому что *поднимать панику*, к примеру, звонком в штаб округа было попросту опасно. Давно и неоднократно их предупредили: не поддаваться на провокации, не открывать ответного огня, не давать повода и т. п.

Буквально накануне, во время поездки в войска Рокоссовский встретился со своим боевым товарищем по КВЖД Иваном Ивановичем Федюнинским. Герой Советского Союза, полковник Федюнинский командовал 15-м стрелковым корпусом, занимавшим позиции севернее 9-го мехкорпуса в районе Брест-Ковель. Они обрадовались встрече и тому, что их корпуса оказались в одной армии — 5-й общевойсковой — и что в предстоящей битве стоять будут рядом. В том же, что гром грянет вот-вот, ни тот, ни другой нисколько не сомневались.

Покончили с делами, и Федюнинский, чтобы хоть как-то отметить встречу, пригласил Рокоссовского к себе в гости с ночёвкой. Выпили, разговорились. Говорили о Даурии и боях на КВЖД. О семьях. О тюрьме Рокоссовский молчал. Федюнинский из деликатности и на всякий случай болячку его не трогал. Наконец, заговорили о насущном. Это беспокоило больше.

Из воспоминаний маршала: “Разговор всё о том же: много беспечности. Из штаба округа, например, последовало распоряжение, целесообразность которого трудно было объяснить в той тревожной обстановке. Войскам было приказано выслать артиллерию на полигоны, находящиеся в приграничной зоне. Нашему корпусу удалось отстоять свою артиллерию. Доказали, что можем отработать все упражнения у себя на месте. И это выручило нас в будущем. Договорились с И. И. Федюнинским о взаимодействии наших соединений, ещё раз прикинули, что предпринять, дабы не быть захваченными врасплох, когда придётся идти в бой”.

В ночь с 21 на 22 июня Рокоссовский не спал. Решил заночевать прямо в штабе. Много курил. Часто выходил на улицу, прислушивался к рассветной тишине. В четвёртом часу телетайп начал отстукивать сообщение из штаба 5-й армии. Он торопился взглядом ползущую ленту, которая извещала: срочно вскрыть особый секретный оперативный пакет. Телефонogramму подписал заместитель начальника оперативного отдела штабс-майора.

Вскрыть оперативный пакет Рокоссовский мог только по распоряжению либо Председателя Совнаркома СССР, либо наркома обороны.

Он тут же, не медля ни минуты, распорядился: уточнить по телеграфу достоверность депеши — в штабе округа, армии и наркомате обороны. А уже через несколько минут проводил оперативное совещание с начальником штаба, заместителем по политической части и начальником особого отдела. Пока решали, что делать, как поступить, дежурный офицер доложил: связь нарушена, ни Луцк, ни Киев, ни Москва не отвечают.

Офицеры штаба переглянулись. Подтверждение о подлинности приказа не получено и в ближайшие часы получено быть не может. Что делать? После короткой паузы Рокоссовский сказал:

— Что ж, беру ответственность на себя.

Самовольное вскрытие так называемого “красного пакета” грозило самым грозным пунктом 58-й статьи — расстрелом.

Директива “красного пакета” предписывала дивизиям 9-го мехкорпуса в полной боевой готовности форсированным маршем двигаться в направлении Ровно — Луцк — Ковель.

“Вот оно, началось”, — снова и снова перечитывая текст оперативного пакета, думал Рокоссовский. В висках стучало — как перед рубкой. Он снова почувствовал себя в седле: Орлик нетерпеливо перебирал передними ногами и послушно ждал команды, рука легла на рукоять казацкой шашки и была тверда...

В сущности, так оно и случилось. Рубка впереди предстояла страшная и чудовищно затяжная — на все четыре года.

Ровно в 4:00 корпус был поднят по тревоге.

Командиры дивизий прибыли на КП командира корпуса для получения предварительных распоряжений. Пока войска стягивались в исходные районы, “штаб корпуса готовил общий приказ”.

Нам порой трудно понять то поколение. Что ими двигало? Что вдохновляло и умножало их силы? О чём думали они в самый трудный час? Если бы наш герой в тот рассветный час думал о себе, если бы воспоминания о тюремном молотке по пальцам ног затмили страхом его сознание, то пакета бы он попросту не вскрыл. Ответственности бы на себя не взял и ждал бы подтверждения. Они умели брать всё на себя, действовать и отвечать головой за свои действия и поступки.

Из воспоминаний маршала: “Вся подготовка шла в быстром темпе, но спокойно и планомерно. Каждый знал своё место и точно выполнял своё дело.

Затруднения были только с материальным обеспечением. Ничтожное число автомашин. Недостаток горючего. Ограниченное количество боеприпасов. Ждать, пока сверху укажут, что и где получить, было некогда. Неподальку находились центральные склады с боеприпасами и гарнизонный парк автомобилей. Приказал склады вскрыть. Сопротивление интендантов пришлось преодолевать соответствующим внушением и расписками. Кажется, никогда не писал столько расписок, как в тот день”.

Какой смысл вкладывал автор в слова о “соответствующем внушении”, можно только догадываться. К примеру, во время летних боёв северо-восточнее, в районе Витебска, командующий 19-й армией генерал-лейтенант Иван Степанович Конев танкистам одной из бегущих частей внушал повернуть назад пистолетом, направленным в лок механика-водителя, по сути дела, в лоб танкиста. Мягкость Рокоссовского тоже мгновенно исчезала, когда обстоятельства заставляли быть жёстким и непреклонным. Но будем считать, что тогда, 22 июня в районе Новоград-Вольнского, где находились армейские артиллерийские склады, всё обошлось по-бухгалтерски интеллигентно — расписками.

Где-то к 10:00 начальник штаба генерал Маслов, наконец, дозвонился до Луцка. Связь действовала недолго, всего несколько минут, и снова прервалась. Из штаба армии кто-то из подошедших к аппарату офицеров успел сообщить, что Луцк только что повторно подвергся бомбовому удару немецкой авиации, что связь постоянно рвётся и что положение на фронте ему, к сожалению, не известно. Примерно такие же сведения были получены и из короткого разговора с Киевом.

Ближе к полудню немецкие самолёты появились и над Новоград-Вольнским. Бомбардировщики, числом около двадцати, шли на большой высоте. Захлопали зенитки. Чёрные облачка взрывов заградительного огня покрыли небо. Бомбардировщики прошли дальше, даже не нарушив строя.

Появление немецкий самолётов лишь утвердило его в мысли о том, что штаб корпуса, повинаясь его, командира, приказам и распоряжениям, действует правильно.

Спустя годы он снова и снова будет прокручивать плёнку своей памяти, внимательно вглядываться в детали того, что она запечатлела, делать строгую переоценку всего, что успел тогда сделать и чего не успел.

Из воспоминаний: "...я всё внимание сосредоточил на подготовке войск. Горючее, боеприпасы, обеспечение порядка в самом городе, охрана воинского имущества, остающегося после ухода войск, забота о семьях комсостава — всё нужно было успеть сделать в считанные часы. И вместе с тем я уже думал о боях. За долгие годы службы я хорошо узнал, что такое война, и поэтому меня больше всего беспокоило, как встретит свой первый бой наш необстрелянный солдат".

Особенно беспокоила Рокоссовского управляемость подразделений. Как справятся командиры со своими обязанностями, как проведут марш и как потом вступят в бой? Перед тем, как выступить, он отдал приказ: всем командирам — офицерам и сержантам — иметь на гимнастёрках петлицы и нашивки повседневной формы; бойцам — зелёные полевые петлицы. Чтобы солдаты видели своих командиров и равнялись на них.

В четырнадцать часов пополудни "корпус выступил по трём маршрутам в общем направлении Новоград-Вольнский — Ровно — Луцк". В качестве боевого авангарда, оторвавшись от основных сил, по автострате на Самострелы и Ровно сплошной колонной выдвинулась 131-я моторизованная дивизия полковника Калинина. Остальные части двигались в основном пешим ходом и догнали 131-ю лишь к утру 23 июня в лесах западнее Корца и восточнее Славуты, где танкисты и мотопехота остановилась на днёвку. Вечером 23-го вновь снялись и продолжили марш.

На следующий день, 24-го числа, полковник Калинин своими полками закрыл образовавшуюся в обороне Юго-Западного фронта пятнадцатикилометровую брешь от Рожича до Островца восточнее Луцка. Оборона 131-й мотодивизии тянулась по правому берегу реки Стырь.

В тот же день корпус вступил в бой.

Глава седьмая

ЯРЦЕВСКИЕ ВЫСОТЫ КОМАНДАРМА-16

Судьба уносила его под Смоленск.

В дороге беспокоили мысли, которые уже сотни раз были думаны-передуманы: неудачный контрудар мехкорпусов... паника среди солдат и офицеров... глубокие прорывы немецких колонн на узких участках... безнаказанность немецкой авиации в воздухе... растерянность штабов... невозможность противостоять противнику в масштабах фронта и даже отдельной армии... Почему?! Так ли уж сокрушительно силен противник? Да, силен. Но стоило лишь против него выставить хорошо организованную оборону и так же организованно контратаковать свежими силами, как он ретируется, бросает на поле боя материальную часть и отводит войска.

Вспомнился капитан из 20-й танковой дивизии. Он лежал на обочине дороги, запруженной танками, которым через полчаса приказано было атаковать противника на переправе через небольшую речушку. Затылок его был снесён выстрелом в рот. Пистолет, забрызганный кровью, лежал рядом. По телу ползали мухи, перелетая то на затылок капитана, то обратно. Никто его не поднимал. Видимо, из чувства брезгливости. Или страха. Подняли какую-то бумажку, зажатую в руке мертвеца. Передали ему, командиру корпуса. Развернул и сразу всё понял: "Преследующее меня чувство страха, что могу не устоять в бою, вынудило меня к самоубийству..."

Это после той записки он выхватывал пистолет в лесу, когда его охрана прихватила на полянке группу окруженцев с полковником, переодетым в вышиванку и рваные холщовые порты. Что его тогда удержало от желания спустить курок?

Он прикрывал усталые веки, пытаясь задремать и не думать ни о том капитане у дороги на пыльной обочине, ни об ухмылке полковника, в гла-

зах которого он тот миг разглядел не только ужас и злобу, но и какую-то правду. И она, та сверкнувшая, как ночной трассер, правда показалась ему сильнее собственной уверенности и правды, которой жил он и которой принуждал жить весь корпус. Потому что корпусу нужно было выстоять, сохранить свои порядки, не рассыпаться по лесам и по хуторам в поисках крестьянских вышиванок.

В эти крошечные дни и ночи он успокаивал себя только тем, что мысленно писал очередное письмо самым близким и родным его сердцу людям: “Дорогая Lulu и милая Адуся! Успокаиваю себя мыслью о том, что вы уже благополучно добрались до какого-нибудь тихого городка и устроились там...”

Москва так же, как и Киев, выглядела иной. Исчезло праздничное, лёгкое, летнее, что когда-то сквозило утренними запахами и радостными головами на её площадях, улочках и переулках. Улицы города словно расширились, и их наполнила какая-то торжественная тишина, природу которой ему, прибывшему сюда с войны, понять пока было трудно.

В Ставке ему предложили стакан горячего крепкого чаю, после которого он тут же, без предисловий, получил назначение: “На смоленском направлении “образовалась пустота” в результате высадки противником крупного воздушного десанта под Ярцево”; задача вверенной ему подвижной группы — “прикрыть это направление и не допустить продвижения немцев в сторону Вязьмы”.

Вязьма, Вязьма... Этот русский город на пути от Смоленска к Москве связал, стянул в 41-м многие узлы, да так натуго, что развязать их не удалось ни в 42-м, ни позже.

Маршал Г. К. Жуков в своих мемуарах обстановку тех дней на центральном направлении характеризовал следующим образом: “И. В. Сталин не разрешил Совинформбюро до особого его распоряжения оповестить страну о сдаче Смоленска и потребовал вернуть город любой ценой. Это требование Верховного в сложившейся обстановке не могло быть выполнено, так как войска, дравшиеся под Смоленском, были окружены и вели бои в неравных условиях.

Вернуть Смоленск нам так и не удалось. О сдаче города было объявлено только тогда, когда нашим войскам удалось выйти из окружения и соединиться с главными силами фронта. Это было, если мне не изменяет память, в первой половине августа 1941 года.

Однако бои в районе Смоленска не только не затихли, наоборот — они разгорелись с новой силой. Ставка срочно создала новый фронт обороны, развернув его в тылу Западного фронта.

Ещё в период боёв на подступах к Смоленску, 14 июля был развёрнут новый резервный фронт в составе 29, 30, 24, 28-й и 31-й армий под командованием генерал-лейтенанта И. А. Богданова; большинство этих войск было передано потом в состав Западного фронта.

Армии нового фронта развёртывались на рубеже Старая Русса—Осташков—Белый—Ельня—Брянск. С целью прикрытия Москвы на дальних подступах к ней 18 июля было принято новое решение — развернуть новый фронт на Можайской линии обороны, куда предполагалось включить формируемые 32, 33-ю и 34-ю армии.

В ходе битвы за Смоленск для ликвидации создавшегося опасного положения Ставка решила передать командующему Западным фронтом маршалу С. К. Тимошенко 20 стрелковых дивизий из армий Резервного фронта. Эти дивизии вошли в состав пяти армейских групп, которыми командовали генерал-майор К. К. Рокоссовский, генерал-майор В. А. Хоменко, генерал-лейтенант С. А. Калинин, генерал-лейтенант В. Я. Качалов, генерал-лейтенант И. И. Масленников.

Маршал С. К. Тимошенко по указанию Ставки поставил этим группам задачу: нанести контрудары из районов Белый—Ярцево—Рославль в общем направлении на Смоленск, ликвидировать прорвавшиеся войска противника и соединиться с основными силами войск фронта, упорно дравшимися в окружении в районе Смоленска.

Во второй половине июля бои в районе Смоленска и восточнее его приобрели крайне ожесточенный характер. На всём фронте враг наталкивался на активное противодействие частей Красной армии.

23 июля начали наступление войска 28-й армейской группы из района Рославля, а 24 и 25 июля — из района Белый—Ярцево, обходя Смоленск с севера и юга, начали наступление войска 16-й и 20-й армий. Противник сразу же подтянул в район Смоленска дополнительные силы и пытался здесь разгромить окружённые войска 16-й и 20-й армий Западного фронта. Сражение носило крайне ожесточённый характер. При помощи войск группы К. К. Рокоссовского, в составе которой были и танковые части, большинству частей 16-й и 20-й армий удалось с боями вырваться из окружения южнее Ярцева и выйти на восточный берег Днепра, где они соединились с главными силами фронта и перешли к обороне”.

В Москве из резерва Генштаба Рокоссовскому выделили войско — “две автомашины со счетверёнными зенитными пулемётными установками и расчётами при них, радиостанцию и небольшую группу командиров”.

С этим грозным “соединением”, как проницательно называл маршал свою полштабную группу, в тот же день он прибыл в район Касни и, отыскав штаб Западного фронта, представился комфронта маршалу С. К. Тимошенко.

Штаб свой маршал Тимошенко разместил с удобствами — в бывшем главном доме усадьбы князей Волконских. Но опасно — дом приметный. К тому же квартиреры не позаботились об элементарной маскировке. Возле дома — постоянно туча штабных и прочих машин. Все дороги протоганы сюда. Даже тропинки вокруг главного дома, словно специально для того, чтобы лучше было видно сверху, были заботливо отсыпаны ярким речным песком с галькой... В начале октября немецкие бомбардировщики произведут массиванный налёт и так раскатают усадьбу, что от построек останутся одни руины. Погибнут и будут ранены многие офицеры и штабные работники. Осколок авиабомбы насмерть сразит заместителя командующего по укрепрайонам генерал-майора И. П. Михайлина.

Маршал Тимошенко встретил своего невольного крестника очень тепло. Представил членам Военного совета фронта Н. А. Булганину и начальнику политуправления Д. А. Лестеву. Тут же ввёл в курс последних событий, которые оказались более сложными, чем московская сводка: 2-я и 3-я танковые группы противника, не дожидаясь отступающих основных сил 9-й и 2-й полевых армий, на некоторых участках прорвали нашу оборону и устремились в глубину; со всей очевидностью вырисовывалось стремление группы армий “Центр” расечь в нескольких направлениях боевые порядки Западного фронта с последующим окружением и уничтожением главных сил именно здесь, в районе Смоленска, чтобы дальше, до Москвы, идти уже маршем, не встречая сколько-нибудь значительного сопротивления.

— В первом эшелоне дерутся две наши армии, — пояснил Тимошенко. — Двадцатая Курочкина и Девятнадцатая Конева. Особенно тяжело Курочкину. Его дивизии давно в боях, сильно истрёпаны. Резервов нет. Отдал ему Пятый мехкорпус Алексеенко. Вот ты, Константин Константинович, сокрушаешься, что мехкорпуса пошли в бой разрозненно и по частям. А ведь и Пятый тут так же вводился. Передали его Курочкину из Шестнадцатой армии. Бросали в бой то дивизией, то полком, а то и батальоном. Что поделаешь, других резервов нет. Эшелон разгрузится и — в бой. Другой подойдёт и — в бой.

Генерал Конев, как узнал из донесений в штаб фронта Рокоссовский, “со своими соединениями по мере их выгрузки пытался овладеть Витебском, куда уже ворвался враг, но безуспешно”. Тоже сосредоточенного удара не получилось. Некоторые эшелоны с его дивизиями железнодорожники и вообще загнали на Валдай. Дошло до Верховного, тот устроил крупную разборку. Но время уже ушло.

Генерал Лукин со своей 16-й армией всё ещё держался в Смоленске. Тимошенко говорил о нём с уверенностью: мол, две дивизии 16-й, оставшейся без поддержки 5-го механизированного корпуса генерала И. П. Алексеенко, прочно удерживают город.

— Лукин сидит в мешке и уходит из него не собирается, — сказал Тимошенко. — Горловину мешка контролирует отряд полковника Лизюкова. Он закрепился на Ратчино-Соловьёвской переправе и не даёт немцам отрезать Лукина. Через переправы идёт подвоз. Лизюков — надёжный командир. — И Тимошенко посмотрел на Рокоссовского.

В этом взгляде маршала было многое. С полковником Лизюковым Рокоссовский сидел в “Крестах” в одно время и по одному делу. Их, “шпионов” и “фашистов”, допрашивали одни и те же следователи, в том числе и мрачный маэстро “Крестов” и НКВД всей Ленинградской области, комиссар госбезопасности 1-го ранга Заковский. В “Крестах” полковника Лизюкова продержали двадцать два месяца, из них — семнадцать в одиночной камере. И Лизюкова, и Рокоссовского на допросах назвал командарм 2-го ранга И. А. Халепский. Лизюков пыток не выдержал, начал давать “показания”. Но мужества ему всё же хватило — никого не оговорил, а свою “вину” признал полностью. Чтобы прекратить издевательства следователей, подписал “добровольные признания”: “собирался совершить террористический акт в отношении наркома Ворошилова и других руководителей ВКП(б) и советского правительства путём наезда танка на Мавзолей во время одного из парадов...” Его расчёт — наговорить на себя самую абсурдную нелепость — оправдался в буквальном смысле. 3 декабря 1939 года состоялось судебное заседание Военного трибунала Ленинградского военного округа — полковник Лизюков был оправдан. Его восстановили в войсках в прежнем звании “полковник” и назначили преподавателем в Военную академию механизации и моторизации РККА им. И. В. Сталина.

Были ли знакомы они до ареста, неизвестно. Но о том, что с момента встречи на Днепре летом 1941 года их взаимоотношения были хорошими, свидетельствуют положительные, а порой почти восторженные оценки и высказывания маршала о своём бывшем подчинённом.

Лизюкова оправдали в декабре 39-го.

Первый суд над Рокоссовским состоялся в начале 39-го. Второй — осенью того же года. Почти год прошёл между первым и вторым судами. Второе заседание снова не признало за ним вины. Так почему бы сразу не отпустить? Как Лизюкова. Нет, он сидит, видимо, в “Крестах” ещё полгода. Весной без всякого судебного заседания дело вдруг прекратили.

Где же на самом деле был он в это время? В тюрьме ли? В лагерях? Или, как утверждают некоторые биографы, его гоняли по этапам, чтобы измотать, сделать послушным, сломать? Такими вопросами задаются многие исследователи. И действительно, разгадки этой тайны пока нет. Архивы ФСБ молчат.

Да и зачем, если подумать, возить обвиняемого куда-то в Москву, если дело мог рассмотреть Военный трибунал Ленинградского военного округа? Да и зачем годы спустя Хрущёву было уничтожать “Дело Рокоссовского”? С Ленинградом и Ленинградским военным округом он был связан мало. Тщательно подчищались дела по Харькову и Украине. Загадка. Пока закрыты архивы, ответ на этот вопрос мы вряд ли найдём.

Из штаба фронта Рокоссовский уехал ночью.

Главное он услышал, когда уже прощались, когда пожали друг другу руки над развёрнутой картой, испещрённой красными и синими пометками.

— Подойдут регулярные подкрепления, дадим тебе две-три дивизии, — сказал маршал Тимошенко. — А пока подчиняй себе любые части и соединения и с ними организуй оборону на ярецком рубеже.

Генерал Батов в частных разговорах передавал беседу Рокоссовского с Тимошенко несколько иначе: когда генерал спросил о том, где его армейская группа и кем ему предстоит командовать, с кем закрывать ярецкий рубеж, маршал вывел его на шоссе, по которому сплошным потоком шли беженцы и солдаты разбитых частей. Порой в том потоке виднелась одинокая пушечка, её тащила запряжка понурых, давно не кормленных лошадей, шли танкисты в чёрных комбинезонах, их танки остались брошенными за Дне-

пром и Северной Двиной, а то вдруг появлялся, соблюдая строй, при всём вооружении, с пулемётами и патронными коробками стрелковый взвод или даже целая рота, с лейтенантами. “Вот твоё войско. Отдели от него гражданских. Остальные — твои”, — так ответил маршал на вопрос генерала.

Дорога на Ярцево лежала через Вязьму. По всей вероятности, именно там Рокоссовскому удалось переподчинить себе некоторое количество войск. В мемуарах он напишет: “В короткое время собрали порядочное количество людей. Были здесь пехотинцы, артиллеристы, связисты, сапёры, пулемётчики, миномётчики, медицинские работники... В нашем распоряжении оказалось немало грузовиков. Они нам оченьгодились...”

Так началось в процессе боёв формирование в районе Ярцево соединения, получившего официальное название “Группа генерала Рокоссовского”.

Прибыв в район Ярцева, Рокоссовский сразу же переподчинил себе все части и подразделения, окопавшиеся здесь. Кроме того, специально сформированные группы из надёжных бойцов и командиров продолжали останавливать бредущие на восток толпы и одиночек из разбитых частей и направлять их в места сбора. Там этот разношёрстный поток, поступавший в основном из-под Смоленска и Витебска, формировали в роты и батальоны.

К тому времени немецкие авангарды уже переправились через реку Вопь и захватили Ярцево. Попытку развить наступление дальше Рокоссовский пресёк силами 38-й стрелковой дивизии полковника М. Г. Кириллова. По всей вероятности, от него он узнал, что Смоленск уже пал. Вскоре стало известно, что сражение вокруг города догорает, контратаки с целью вернуть Смоленск быстро выдохлись. Что с дивизиями Курочкина, неизвестно. Из 19-й Конева и 16-й Лукина тоже никаких вестей. Лишь отрывочные сведения от раненых, которые всё ещё брели по шоссе в сторону Вязьмы. Но что могли сообщить раненые, в рассказах которых последние события всегда окрашены мрачными тонами...

В район Ярцева Рокоссовский с группой офицеров и собранными в пути разрозненными отрядами прибыл ночью 17 июля. А накануне немцы выбросили вперёд десант — два батальона на танкетках и бронетранспортёрах при пулемётах и миномётах. Их встретил местный истребительный отряд — комсомольцы, милиция, партработники, учителя... Почти все они погибли в первой же схватке. Немецкий десант истребительный отряд встретил на западном берегу реки и на какое-то время связал боем. Расправившись с комсомольцами, немцы оседлали шоссе Минск-Москва и устремились к железнодорожной станции и мостам.

Рокоссовский, изучив разведдонесения, немедленно приказал полковнику Кириллову атаковать противника в городе, пока десантники не успели растечься повсюду и закрепиться.

Вся дивизия полковника Кириллова состояла из одного полка — 48-го Зерноградского майора Шеремета, — разведбатальона капитана Колесникова, который ещё выгружался на железнодорожной станции, 214-го лёгкого артполка, роты плавающих танков Т-28 старшего лейтенанта Алексашина, штаба и различных служб. В бой пошли все.

Этот пожилой полковник, искренне радовавшийся, что у боевого участка появилось начальство, способное отдавать ясные и конкретные приказы, оказался толковым командиром. Он организовал атаку города так, что через несколько часов немецкий десант почти полностью был истреблён. Несколько десятков человек захватили в плен. Бой продолжался на западном берегу Вопи на железнодорожной станции. Там до роты десантников укрылись в каменном пакгаузе и отчаянно оборонялись, явно не желая оставлять станцию. Как вскоре выяснилось, ждали подхода основных сил.

Рокоссовский, наблюдая за ходом боя, усилил атаку полковника Кириллова гаубичной батареей. Гаубицы выкатили на прямую наводку и быстро подавили огневые точки противника. Пакгаузы были очищены от остатков десанта.

Утром Рокоссовский отправил в Касню маршалу Тимошенко шифровку: “38-я дивизия выполнила свою задачу по уничтожению вражеского десанта в районе Ярцева”.

Но это было только начало. Окопавшиеся под Ярцевом хорошо это понимали и спешно создавали более основательную оборону. Ставили в окопы всех, кого можно. Подходили и подходили новые войска, в основном остатки разбитых и рассеянных корпусов, дивизий, полков. Иногда сформированными уже в пути и вполне боеспособными, при оружии, ротами, батальона, а то и целыми полками. Переподчинялись штабу Ярцевской группы войск (так вскоре стали называть в сводках и приказах группу Рокоссовского) подразделения и соединения, действовавшие на участке ответственности нового формирования. В Ярцевскую группу войск вошёл и сводный отряд полковника Лизюкова, а также артиллерийские подразделения генерал-майора И. П. Камеры, части из остатков 7-го механизированного корпуса во главе с полковником М. С. Малининым. На базе штаба мехкорпуса был создан полноценный штаб Ярцевской группы. Возглавил его полковник Малинин.

Рокоссовскому повезло. Так бывало и будет ещё не раз — в самые тяжёлые минуты сражения бог войны посылал ему в помощь то невесть откуда взявшийся батальон резерва, тот самый, о котором ещё Наполеон говорил как о решающем факторе всей битвы, то нужных помощников, надёжный офицеров. Под Ярцевом — штаб полковника Малинина, артиллеристов генерала Камеры.

С Иваном Павловичем Камерой Рокоссовский был знаком давно. Камера командовал конным артиллерийским дивизионом в его 5-й отдельной Кубанской бригаде, с которой они ходили в поход на КВЖД в 1929 году. Рокоссовский был рад и неожиданной встрече со старым боевым товарищем, и тому, что бог войны послал ему опытного артиллериста и храброго солдата как раз в тот момент, когда именно такого человека здесь, в почти безнадежных обстоятельствах под Ярцевом, и не хватало. Эшелон с артиллерией 19-й армии и штабной группой железнодорожники загнали глубоко в тыл. Генерал Колев с разрозненными, так и не собранными в единое войско частями 19-й армии держал фронт под Витебском. Составы продолжали поступать с юга. Чтобы они не попали под удары немецкой авиации, железнодорожники загоняли их на второстепенные ветки, и войскам приходилось разгружаться настолько далеко от мест сосредоточения, что зачастую, пока колонны шли к фронту, те районы оказывались уже захваченными противником. И подразделения, подчиняясь ходу событий, переподчинялись начальникам тех боевых участков, в непосредственной близости к которым оказывались прибывающие войска.

Так случилось и с артиллеристами генерала Камеры.

С полковником Малининым Рокоссовский тоже был знаком по совместной службе в Забайкалье. Здесь, на ярцевских высотах, они окончательно сработались, как говорят, сошлись характерами. Вместе пройдут почти всю войну. Михаил Сергеевич Малинин будет ценить в своём непосредственном начальнике изобретательный и гибкий ум тактика, высокую человеческую культуру и порядочность. А Константин Константинович в своём первом помощнике — надёжностью правой руки, академическую образованность, усиленную полевым опытом, способность быстро реагировать на постоянно меняющуюся обстановку и человеческое постоянство. Они не потеряют дружеских отношений и после войны.

Однажды под Ярцевом разговорились о тревогах семейных. Рокоссовский всё ещё пребывал в неведении по поводу судьбы своей семьи. Как оказалось, та же печаль беспокоила и полковника Малинина: он переживал, что жена могла не успеть эвакуироваться в тыл, когда немцы прорвали фронт под Витебском. Впоследствии на очередной запрос он получит извещение о её гибели. В 1944 году Малинин, к тому время уже генерал, встретит и полюбит другую женщину. “В 1944 году было решено проводить очередную сессию Верховного Совета СССР на освобождённой территории. Белорусскую делегацию возглавляла Председатель Верховного Совета Белорусской ССР Надежда Григорьевна Грекова. Она приехала в распоряжение 1-го Белорусского фронта. Встречал её Рокоссовский. В мемуарах очевидцев описана следующая история. Накануне сессии Сталин о чём-то разговаривал по телефо-

ну с Рокоссовским и в конце беседы якобы сказал: “Вы знаете, что Грекова не замужем? Ваш Калинин — вдовец. Прекрасная была бы пара!” Очевидно, они произвели друг на друга сильное впечатление. Сразу возникла взаимная симпатия. Через месяц в Овруче они зарегистрировали брак”.

Это рассказ о том, как встретились его родители, сына генерала Калинин и Надежды Григорьевны Грековой Михаила Михайловича Калининна.

До сих пор потомки маршала Рокоссовского и генерала Калининна, собираясь вместе, любят рассказывать эту историю, в которой Рокоссовскому пришлось выступить в роли свахи.

Но это ещё не вся история генерала Калининна. В том же 1944 году в ходе операции “Багратион” советские войска освободили от оккупации большие территории, многие города и сёла, в том числе и концлагеря. Из распахнутых ворот одного из тех лагерных барачков выйдет женщина, которая на вопрос офицера, выдававшего справки, как её фамилия и кто она, ответит, что она Калининна — жена полковника Калининна, начальника штаба 7-го механизированного корпуса.

Но вернёмся под Ярцево, где тогда всё полыхала и содрогалась земля и где решалась судьба не только Москвы, но и всей войны.

Беглого взгляда на карту было достаточно, чтобы понять и замысел противника, и незавидное положение армий, оставшихся западнее и юго-западнее в районе Смоленска. Ярцево — узел дорог: автострады Минск-Москва и железной дороги Смоленск-Москва. От Ярцева веером расходятся большаки и дороги местного значения — на Белый, на Духовщину, на Дорогобуж к Соловьёвой переправе. Захватом Ярцева немцы решали сразу несколько задач: отсекали отход для 19-й, 16-й и 20-й армий и замыкали, таким образом, очередной “котёл”, обеспечивая себе марш на Вязьму и дальше к Москве.

Утром 19 июля полковник Кириллов доложил в штаб Ярцевской армейской группы, что город и железнодорожная станция полностью очищены от неприятеля. В полдень разведка доложила, что со стороны Мушковичей по шоссе движется колонна немецких танков. К городу подходили авангарды 7-й танковой дивизии группы армий “Центр”. Они обошли Смоленск с севера и форсированным маршем двигались к Ярцеву, чтобы сомкнуть кольцо окружения вокруг основной группировки Западного фронта.

Седьмая танковая — одна из лучших панцер-гренадёрских дивизий 2-й танковой группы Гудериана. Сформирована в Тюрингии. Во Французской кампании под командованием генерала Роммеля она прорывала линию Мажино. На Восточном фронте с самого первого дня. Участвовала в окружении советских войск в районе Минска. Под Лепелем дралась с 7-м танковым корпусом и нанесла ему поражение. Командовал дивизией танковый генерал барон фон Функ.

Снова судьба столкнула Рокоссовского с бароном...

Батальоны полковника Кириллова, усиленные артиллерией и лёгкими танками, не дрогнули. Организовали оборону. “Пять — против тридцати!..” Но подержаться долго не могли.

К вечеру, прямо с марша, Рокоссовский бросил на Ярцево резерв — переподчинённую приказом комфронта 101-ю танковую дивизию полковника Г. М. Михайлова.

Григорий Михайлович Михайлов, опытный танкист и хороший тактик, прекрасно понимая, что перед ним не японцы на лёгких танках, а вояки с огромным опытом современной войны, построил боевой порядок следующим образом: впереди поставил семь тяжёлых “КВ”, за ними несколько Т-34, а затем лёгкие танки и бронемашины. На броню сел десант — батальоны 101-го мотострелкового полка подполковника Воробьёва. Атака была успешной, но кровопролитной. Немцы ушли на западный берег Воши.

Но вскоре снова атаквали. По показаниям пленных и документам убитых стало ясно, что к Ярцеву противник подтянул новый резерв — 20-ю моторизованную дивизию генерала Цорна. Эта дивизия всегда действовала

в паре с 7-й танковой. Отличилась при захвате мостов через Неман и в боях под Вильнюсом. Затем запечатывала “котёл” в районе Минска.

Немцы тут же перегруппировались и повели наступление вдоль железной дороги и шоссе. К исходу 22 июля после массированного налёта “юнкеров” батальоны полковника Кириллова и части 101-й танковой дивизии отошли в леса юго-восточнее Ярцева.

С захватом Ярцева и узла дорог наши армии, действующие юго-западнее в районе Смоленска, оказались в оперативном окружении. Задачей же Ярцевской армейской группы было как раз не допустить ещё одного “котла” на московском направлении и удерживать коммуникации первого эшелона открытыми.

Началась подготовка к контратаке. Контратака. И — снова налёт “юнкеров” и атака немецких танков с густыми цепями пехоты. И так — несколько раз.

Судьба многих смоленских городов оказалась схожей. Они переходили из рук в руки, от улиц и домов оставались одни руины и пепелища. Бойцы оккупывались в огородах, выдалбливали в фундаментах сгоревших домов амбразуры, танковые траки крошили горячие кирпичи, превращая их в пыль, которая тут же поднималась в небо от разрывов артиллерийских и миномётных боеприпасов. Рудня, Ярцево, Ельня, Рославль, Спас-Деменск...

Местные хроникары свидетельствуют: “С 22 июля по 2 августа железнодорожная станция Ярцево восемь раз переходила из рук в руки и, в конце концов, осталась за бойцами 38-й дивизии. За эти дни перед фронтом Донской дивизии враг потерял 3 570 солдат и офицеров убитыми и ранеными, 16 человек пленено, уничтожено пять танков, 15 орудий, 50 автомашин, шесть мотоциклов, 34 миномёта и 48 пулемётов, сбито пять вражеских самолётов”.

Штаб Западного фронта укреплял Группу Рокоссовского как мог. Левый фланг надёжно закрыл 44-й корпус комдива В. А. Юшкевича. На переправах через Днепр в районе села Соловьёва положение контролировал сводный отряд полковника Лизюкова. Вскоре отряд Лизюкова перешёл в оперативное подчинение штабу Ярцевской армейской группы, а затем и 16-й армии.

Переправа и была горловиной мешка, в который угодили армии, пытавшиеся удерживать позиции в районе Смоленска. Немцы всячески старались перехватить горловину и затянуть мешок. Но отряд Лизюкова не позволял им поставить точку в масштабной операции, тщательно разработанной в немецких штабах.

Эта старинная переправа в истории войн и набегов на русские земли известна ещё с XV века. Через Соловьёв перевоз переправлялись войска литовских князей. Путь их в московские волости лежал через эти мели и пологие песчаные берега, весьма удобные для переправы с одного берега на другой и большого количества повозок, и пешей рати, и лошадей. Здесь же перевозились то с правого на левый берег, то назад польские войска. В 1812 году нахлынули французы, а с ними германцы, итальянцы, поляки и вся остальная Европа. “Казачи Платова и отряд генерал-майора Юрковского, — читаем в местных хрониках, — атаковали арьергард главных сил противника на Соловьёвой переправе. Посланные вперед отборные стрелки Первого егерского, Московского драгунского и казачьего полков обезвредили французские посты на левом берегу Днепра и, рассыпавшись в цепь, открыли огонь по переправе.

В замешательстве, вызванном внезапным появлением казаков, егерей и драгун, французские солдаты теснили друг друга, падали с узкого моста, тонули в реке. Вовремя подоспевшие к месту боя артиллеристы метким огнём своих орудий разрушили укрепления на правом берегу Днепра и нанесли большой урон силе противника. На Соловьёвой переправе враг потерял несколько сот солдат и офицеров убитыми, тысячу пленными, 21 орудие и большой обоз”.

Тогда вместе с русскими войсками из Смоленска уходила через Соловьёву переправу и Надвратная Смоленская икона Божией матери Одигитрия. Перед отправкой в глубину России с иконой обошли весь город. Во время

молебна постоянно произносили евангельское: “Пребысть же, Мириам с нею яко три месяца и возвратися в дом свой...” И Она через просимый народом срок — через три месяца — в освобождённый Смоленск вернулась.

Днепровская вода смыла и литву, и ляхов, и всю просвещённую Европу. И вот пришли новые. Оттуда же. Им переправу отдавать было нельзя — на свой, восточный берег предстояло переправить войска первого эшелона, отходившие из района Смоленска.

Бои на ярцевских рубежах запомнились маршалу на всю жизнь. Даже спустя годы, засев за мемуары, он мгновенно вспомнил всю диспозицию и основные события: “Наша оборона по необходимости носила линейный характер. Второго эшелона не было. В качестве резерва я мог использовать два полка 101-й танковой дивизии, расположенные несколько уступом влево. Мотострелковый полк этой дивизии оборонял справа Дуброво, слева — Городок, Лаги; на его участке был поставлен противотанковый артиллерийский полк. Уступом вправо юго-западнее Замошья располагался 240-й гаубичный полк. Таким образом, автострада и железная дорога были надёжно обеспечены в противотанковом отношении. А это немало!.. 38-я стрелковая дивизия оборонялась восточнее Ярцево по берегу реки Вошь. Танковые полки 101-й танковой дивизии занимали выгодное положение для контратаки в случае прорыва немцев вдоль автострады”.

В масштабах войны, и даже Западного фронта, ярцевская оборона представляла собой сравнительное небольшое тактическое построение. Но для солдат и офицеров, которые составляли это построение, их судьба и судьба всей войны решалась именно здесь. Так внушил им командир. Этим духом был наполнен и он сам, и его надёжный штаб.

Свой штаб Рокоссовский начал сколачивать именно здесь. На основе штаба 7-го механизированного корпуса и группы офицеров, с которой прибыл сюда, на Вошь и Днепр. С этим ярцевским штабом Рокоссовский пройдёт через всю войну, до Вислы, и только там расстанется, оставив его маршалу Жукову, назначенному Ставкой на 1-й Белорусский фронт и берлинское направление.

Ощетинившись штыками и артиллерией, Рокоссовский смог создать в районе Ярцева такой монолит, такой ДОТ, который противник так и не смог сокрушить ни танковыми атаками, ни артиллерией, ни авиацией. Ни хитростью, ни силой.

В ночь на 29 июля по приказу Ставки войска 16-й армии покинули осаждённый Смоленск. Начался марш на выход. Весь этот поток устремился к горловине “мешка”, к Соловьёвой переправе. На оставляемых позициях продолжали драться заслоны. Они держались вплоть до 10 сентября. Судьба многих из них оказалась трагичной.

Атмосферу выхода из окружения через Соловьёву переправу весьма точно передал в своих воспоминаниях бывший военврач одного из арtpолков 16-й армии Борис Иванович Феоктистов: “Наш организованный отход был вскоре нарушен бесконечными налётами самолётов, затем распространилось известие, что немцы высадили десант, и мы оказались не то в “клещах”, не то в окружении.

Единственным местом, где не было немцев, оставалась понтонная переправа через Днепр в районе деревни Соловьёво. Вот на эту переправу устремились все. Это уже не было организованным отходом, это было бегство. Вперёд, то есть назад рвались, обгоняя друг друга, машины, повозки, верховые, пешие. Среди машин и повозок было много санитарных, с ранеными. Подгоняемые страхом, уже никто не уступал им дорогу, все рвались к переправе. Когда мы подъехали на своей повозке к переправе, то увидели море людей и всевозможного транспорта. Самой переправы не было видно, к ней не подступиться. Образовалась пробка, пропустить которую “ниточка” понтонного моста была не в состоянии. Немецкие самолёты безнаказанно бомбили и обстреливали скопище возле переправы. Это был кошмар. Вой сирен, взрывы бомб, крики раненых и людей, обезумевших от страха. Люди бегут, раненые ползут, таща за собой окровавленные лоскуты одежды, длинные по-

лосы бинтов с соскочивших повязок. Я не полез в гущу толпы к переправе и к моменту налёта авиации был на краю скопления. С налётом авиации я упал в небольшое углубление, напоминающее отлогий окоп, и там увидел знакомого врача, Фишера, он был старшим нашей группы на сборах в Иркутске. Встреча не принесла нам радости, каждый из нас высматривал, куда бы отползти подальше от этой жуткой картины безнаказанного избиения людей.

Поток людей двинулся в сторону от переправы, притягивающей к себе внимание противника. Я шёл в общей массе людей, неизвестно к каким полкам принадлежавшим, но знал, что и наш полк в таком же положении, так же ищет спасения на противоположном берегу Днепра. Это было не только бегство, это была паника, и я не был исключением, я тоже бежал, но оглядывался по сторонам. Видел, как сбоку от нашей бегущей толпы была позиция немецкого орудия, и расчёт методически стрелял из небольшой пушки по нам. Видели это многие, но бежали, не останавливались.

Видно было, как несколько немецких автоматчиков стреляли по нам, но расстояние было значительным, и стрельба из автоматов не приносила вреда. Пробежав некоторое время, я почувствовал, как что-то толкнуло меня в правое ухо, мелькнуло в виде искры, и впереди бегущий упал ничком с разорванной спиной в области лопаток. Видимо, немцы стреляли по нам из противотанковой пушки болванками. Добежав до берега, с ходу все бросались в воду. Но вода спасала не всех. Начался миномётный обстрел по Днепру, опять шум выстрелов, крики раненых, крики барахтающихся в воде, но масса людей, несмотря ни на что, с расширенными от ужаса глазами, старалась как можно быстрее добраться до противоположного берега. Я плохо помню, как доплыл до спасительного берега и уже там свободно вздохнул. Здесь было тихо, обстрела не было, люди стали группироваться, разыскивать свои части. То тут, то там разводили костры и обсушивались. Да, Соловьёва переправа — это одна из огромных трагедий начала войны”.

А тем временем Ярцевская армейская группа была преобразована в 16-ю армию. Рокоссовский возглавил новое соединение. Под его командование перешли остатки дивизий и частей, вышедших из района Смоленска.

Из книги “Солдатский долг”: “А затем мы начали переходить в наступление, нанося немцам удары то на одном, то на другом участке, и нередко добивались успеха. Правда, успехи по масштабам носили тактический характер. Но они способствовали укреплению дисциплины в войсках, ободряли бойцов и командиров, которые убеждались, что способны бить врага. Тогда это много значило. <...> Всё это создавало у противника преувеличенное представление о наших силах на данном рубеже, и он не воспользовался своим огромным превосходством. Фашистское командование нас “признало”, если так можно сказать. Оно подтягивало и подтягивало свои войска в район Ярцево, наносило массированные удары авиацией по переправам и боевым порядкам нашей группы. Возросла мощь вражеского артиллерийского и миномётного огня. Нас спасали леса и то, что пехота наша зарылась в землю”.

Командующий группы армий “Центр” фельдмаршал фон Бок в дни ярцевского противостояния записывал в свой дневник:

“19/7/41... У нас* состоялся короткий нелицеприятный обмен мнениями, в результате которого выяснилось, что под Смоленском противник предпринимает попытки вырваться из окружения в северо-восточном и северо-западном секторах фронта. Кроме того, 7-я танковая дивизия (Функ) и 20-я танковая дивизия (Штумпф) на севере от Смоленска подвергаются атакам с восточного направления. Совершенно очевидно, что противник подтягивает новые силы из района Вязьмы”.

“20/7/41. Под Смоленском противник начал сегодня ночью мощное наступление. Крупные силы противника также наступали в направлении Смоленска с юга...”

В тот же день — в донесении Главнокомандующему фельдмаршалу фон Браухичу: “Танковая группа Гота неоднократно подвергалась атакам не

* Фон Бок разговаривал по телефону с командующим 4-й полевой армией фельдмаршалом фон Клюге.

только изнутри “котла”, со стороны Смоленска и с запада, но, равным образом, с восточного и северо-восточного направления. Наш план “захлопнуть калитку” на востоке от Смоленска посредством атаки 7-й танковой дивизии с северо-восточного направления потерпел неудачу по причине того, что эта дивизия сама неоднократно была атакована с восточного направления крупными силами русских при поддержке танков”.

“21/7/41. Утром пришло сообщение, что “дыра” на востоке от Смоленска закрыта. Однако вечером я получил совсем другие сведения. Лётчики сообщили, что крупные силы противника движутся из “котла” в восточном направлении. Весь день одна за другой следовали мощные атаки противника против южного фланга и фронта 2-й танковой группы (Гудериан), против восточного фронта 3-й танковой группы (Гот) и в направлении Смоленска.

Нельзя отрицать, что наш основательно потрепанный оппонент добился впечатляющих успехов! Рапорты воздушной разведки указывают на то, что противник задействует против нашего южного фланга дополнительные силы”.

“23/7/41. Подумать только, нам до сих пор не удалось заткнуть “дыру” в окружении на востоке от Смоленска!”

Пока ещё тон всесильного фон Бока снисходительно-высокомерен. Вскоре его сменит крайняя озабоченность. Записи станут сухими.

“2/8/41. Русские в течение ночи построили временный мост на восточном фронте “смоленского котла”... 3-я танковая группа пытается захватить переправу атаками с северного направления. Я отдал приказ 17-й танковой (Арним) и 20-й моторизованной (Цорн) дивизиям перекрыть противнику все пути отхода из “котла”.

“21/8/41. 7-я танковая дивизия безуспешно контратакует в секторе многострадальной 161-й дивизии. Можно сказать, 7-я дивизия основательно увязла там в боях, потеряв в процессе много танков. Остаётся только сожалеть, что не проявил большей настойчивости в вопросе о привлечении к этой атаке более значительных сил”.

Из мемуаров бывшего начальника штаба 4-й полевой армии генерала Блюментрига: “...сражение в районе Смоленска, где была окружена большая группировка русских. Две полевые армии... удерживали три стороны “котла”, в то время как наши танки блокировали выход из него близ Ярцева. И снова эта операция не увенчалась успехом. Ночью русские войска вырвались из кольца окружения и ушли на восток...”

Выход из смоленского “котла” продолжался до самой осени. Бойцы и командиры небольшими группами, порой в одиночку, ночами или во время утренних туманов пробирались через линию фронта, иногда с боем, с большими потерями.

Вышедших отправляли на сборные пункты. Проверяли. После проверки направляли прямо в окопы.

Рокоссовский часто бывал в окопах. Беседовал с бойцами. Наблюдал за противником. Особое внимание уделял общению с командирами переднего края. Понимал, что все штабные задумки и самые хитроумные решения исполнять именно им, офицерам-окопникам. Комбатам. Ротным. Взводным. Разговаривал, советовал, советовался, слушал их доклады. Потом, в штабе, накладывал эти окопные рассказы на донесения, анализировал.

Ценил силу личного примера.

Однажды во время очередного нажима противника с целью сбросить порядки 16-й армии с ярцевских высот бойцы не выдержали. Немцы атаковали танками с пехотой. Когда же их атаку отбили, налетели “юнкерсы”. И такой чёрной многочисленной тучей, что один из батальонов, прикрывавший основное направление и понёсший потери во время боя с танками, дрогнул. Бойцы начали вставать из окопов и побежали к ближайшему лесу. Сперва одиночками, а потом и группами.

Рокоссовский, находившийся в те минуты на НП противотанкового дивизиона, толкнул в бок генерала Камеру:

— А ну-ка, Иван Павлович, вставай. Пусть видят... — И первым встал на бруствер.

Генералы стояли на гребне земляной отсыпки и смотрели в бинокли на ту сторону, где готовились к атаке немецкие танкисты и пехота.

Одна из бегущих к лесу групп неслась прямо на НП. Увидели генералов. Побежали медленнее. Послышались голоса:

- Ты куда бежишь, сволочь такая!
- А ты?! Ты ж вперёд меня несёшься!
- Погрелись! Давай назад!
- Всем — назад!

Генералы переглянулись. Рокоссовский засмеялся. Над головой посвистывали пули. Сказал Камере:

— Повернули. Но каковы орлы! Только и оставалось им крикнуть: “Заманивай, ребятушки, заманивай!..”

А ведь этот поступок, без всякой иронии, из суворовских заветов: последний мой резерв — я сам...

— Пора, Константин Константинович, и нам в окоп. А то наблюдатели, видать, уже засекли наши командирские фуражки...

Рокоссовский ещё раз посмотрел в поле и спрыгнул в окоп. Солдаты уже добежали до своей траншеи и растекались по ней, готовясь к бою. Перетаскивали пулемёты. Командиры отделений расставляли гранатомётчиков. Паники как не бывало.

Через несколько минут началась танковая атака, но тут же захлебнулась под огнём противотанковых пушек. Стрелки дружным винтовочным и пулемётным огнём отсекали пехоту, жавшуюся за танками. Загорелся один танк, другой... Генерал Камера ликовал. Он передавал приказы своим артиллеристам, но те уже работали в привычном режиме, зная своё дело и без генеральской подсказки.

О другом подобном случае Рокоссовский с мягким юмором рассказал в своих воспоминаниях: “Среди бегущих оказался бывалый солдат-усач, из тех, кто воевал ещё в первую империалистическую. Он-то и не растерялся в трудную минуту. Бежит и покрикивает:

— Команду подай!.. Кто команду даст?.. Команда нужна!..

Бежал, бежал да сам как гаркнет:

— Стой! Ложись! Вон противник! Огонь!”

Спустя годы бывший командир 3-й танковой группы генерал танковых войск Гот, чьи боевые машины горели перед позициями 16-й армии, размышлял в своих мемуарах: “Окружение и разгром многих дивизий противника под Смоленском не обеспечили 3-й танковой группе свободы оперативного маневра в восточном направлении, как это произошло под Минском.

...Под Минском со стороны русских не предпринималось сколько-нибудь серьёзных попыток оказать окружённым дивизиям помощь извне; русские ограничились тем, что создали новый рубеж сопротивления несколько сотен километров восточнее Минска, за Днепром и Западной Двиной. Иначе было под Смоленском. Наши передовые части, продвигавшиеся на восток, уже под Ярцевом и на реке Вопь натолкнулись на сопротивление сосредоточившихся остатков частей противника, избежавших окружения; вскоре противник, подтянув свежие силы, предпринял ряд ожесточённых атак с целью восстановления связи с окружёнными войсками”.

Герман Гот был талантливым танковым командиром, достойным противником. Мемуары его отличаются той же строгостью суждений, обдуманностью, солдатской прямоотой и лаконизмом.

Гот отдаёт честь не только генералу Рокоссовскому и другим командирам и командующим, удерживавшим своими войсками оборону на линии Рославль—Ельня—Ярцево—Духовщина—Андреаполь—Селигер, но и командованию Западного фронта. Штаб маршала Тимошенко сделал почти невозможное — организовал устойчивую оборону на новых рубежах и основательно застопорил “блицкриг” на дальних подступах к Москве.

Тимошенко время от времени подбрасывал Рокоссовскому резервы. Танковые батальоны, маршевые роты, коммунистические отряды, артиллерийские дивизионы, гвардейские миномёты, противотанковые батареи.

Артиллерия утвердила себя поистине богом войны именно на ярцевских высотах.

Генерала Камеру вскоре отозвали в Москву, он получил новое назначение и стал командующим артиллерией Западного фронта. Начальником артиллерии 16-й армии назначили генерал-майора В. И. Казакова. Он прибыл под Ярцево в составе всё той же штабной группы 7-го механизированного корпуса. Артиллерист, как говорят, от Бога, с прекрасным академическим образованием. Так же, как и генерал Малинин, он прослужит рядом с Рокоссовским всю войну. Кроме последних месяцев, когда Рокоссовского в должности командующего войсками 1-го Белорусского фронта сменил маршал Жуков.

Пожалуй, пора сказать и о том, что Рокоссовский обладал, кроме полководческого таланта, ярко выраженным даром руководителя, организатора, умеющего в самое короткое время создать, сплотить коллектив профессионалов, способных выполнить задачу любой сложности.

Все, служившие в разные годы рядом с Рокоссовским и под его началом, вспоминали о нём с неизменной теплотой. Их отзывы однозначно комплиментарны. Но стоит заметить, изначально было всё же уважение по отношению к ним самого командующего. Как говорят: за добро — добром...

“Мне нравилось, — напишет он после войны, — что мои помощники, люди образованные и влюблённые в военное дело, умели отстаивать своё мнение. Приходилось иногда подумать над предложением. Прикинешь и скажешь: “Правильно, я упустил, давайте сделаем тут по-вашему...” Очень характерная черта. Ведь и сам умел отстаивать своё мнение. При всей кажущейся мягкости и уступчивости в какой-то момент становился твёрдым, как скала. Тюрьма закалила, сделала его породу ещё прочнее и твёрже.

Маршал В. И. Казаков, оставивший обширные мемуары, в одной из книг пишет: “...глубокой ночью 22 июля 1941 года... штаб 7-го механизированного корпуса, начальником артиллерии которого я был, получил приказ войти в подчинение Рокоссовского и составить штаб группы войск, которой он тогда командовал.

Немало поплутав по окрестным лесам в районе Ярцева, мы, наконец, разыскали своего нового командующего в расположении 58-й стрелковой дивизии. Нельзя сказать, чтобы Рокоссовский очень заботился о своих удобствах. Мы застали его спящим в своей легковой машине ЗИС-101.

Первая встреча с Рокоссовским оставила у нас какое-то двойственное впечатление. Константин Константинович был сдержан и уравновешен. Выводы о создавшейся обстановке он делал ясные, определённые и неопровержимые по своей логике. Высокий, стройный и подтянутый, он сразу располагал к себе открытой улыбкой и мягкой речью с чуть заметным польским акцентом.

Но первое наше впечатление испортил не очень радушный приём. В разговоре с ним мы уловили настороженность и даже признаки недружелюбия. Сначала было непонятно, в чём дело, но вскоре все объяснилось. Рокоссовский ждал, что к нему пришлют штаб 44-го стрелкового корпуса, и сомневался, сможет ли штаб механизированного корпуса справиться с управлением войсками. Но его опасения были напрасны. Не боясь показать нескромным, могу сказать, что штаб нашего корпуса был хорошо подготовлен, сложен и имел достаточный опыт в управлении даже общевоинскими соединениями. В новых условиях он сразу начал чётко работать и за короткий срок завоевал прочный авторитет в войсках и симпатию Рокоссовского.

Моё мнение имеет убедительное подтверждение. Группа войск Рокоссовского просуществовала недолго, а сам он в августе был назначен командующим 16-й армией, членом Военного совета которой был генерал А. А. Лобачёв. Армия уже участвовала в боях и, естественно, имела свой штаб. Однако Рокоссовский добился назначения представителей нашего штаба на основные руководящие должности. Так, начальником штаба 16-й армии стал полковник М. С. Малинин, начальником оперативного отдела — полковник И. В. Рыжиков; я был назначен начальником артиллерии, а майор Н. П. Сазонов — на-

чальником оперативного отделения штаба артиллерии армии. Это окончательно выявило отношение к нам Рокоссовского, с которым Михаил Сергеевич Калинин и я уже не расставались почти до конца войны.

С первых же дней боевых действий армии мы не раз имели возможность убедиться в том, что наш командующий — личность примечательная. К. К. Рокоссовский в те тяжёлые для нас месяцы не раз сам попадал в критическое положение и должен был принимать решения в крайне сложной и запутанной обстановке. И каждый раз мы имели возможность убедиться, как хладнокровен и невозмутим этот человек, поражаясь его самообладанию. Эти его качества благотворно влияли на весь личный состав штаба, создавая в нём атмосферу уверенности в правильности всех действий, которая была нам особенно нужна в наиболее тяжёлые месяцы суровых испытаний”.

Ярцево научило многому. Противостояние на Днепре и Вопи показало характер новой войны, силу врага и возможности своих войск. Именно здесь будущий маршал понял, в чём преимущество противника. Почувствовал опасность его быстрого маневра, способность жёстко контратаковать после временного оставления позиций, умение постоянно контролировать поле боя и взаимодействовать всеми родами войск, применять все имеющиеся средства. Танки противника как основную ударную силу прикрывала пехота и — наоборот. Авиация точно наводила огонь артиллерии. Миномёты помогали пехоте подавлять огневые точки.

“Самое первое, — наставлял фон Клаузевиц, — самое главное и самое важное в смысле последствий решение, которое должен принять командир, это определить тип войны, в которую он погружается; здесь нельзя ошибиться...”

Это была новая война. Ничего общего с тем, что он вынес из окопов Первой мировой, боёв в Даурии и на КВЖД. Другой противник. Умелый, опытный, хитрый, хорошо экипированный и прекрасно вооружённый.

Однажды офицерам штаба задал такой вопрос:

— Почему наша пехота в обороне почти не ведёт ружейного огня? Противник наступает, вот он, уже в зоне прицельного огня, а наши стрелки молчат.

— На то артиллерия, миномёты, — возразил кто-то из командиров полков.

— А пехота? Посмотрите, как ведёт себя противник. Стоит показаться нашим цепям в зоне видимости, из окопов — море ружейно-пулемётного огня! Прошу изучить все обстоятельства дела и доложить.

В тот же день выехал на передний край. С батальонного НП, где пригнувшись, а где и ползком, пробрался к линии окопов. Из ближайшей одиночной ячейки выглянул боец. С виду солдат старей, со стажем и опытом. Ячейка открыта по всем правилам — для стрельбы стоя. Спросил наугад:

— В империалистическую где воевал?

И не ошибся...

— Под Августовом, — отвечает.

Так. Значит, солдат бывалый.

— И каково сидеть одному в окопе?

Солдат пожал плечами и признался:

— Когда танками прёт, то и потрясывает. А так — ничего, земля-матушка бережёт.

— А почему потрясывает? После Августова солдата напугать трудно.

— Под Августовом мы, товарищ генерал, в траншеях сидели. Да и танков там у него не было. В траншее всё же не так боязно. Там хоть друг на друга посмотришь, и пугаться вроде совестно... А тут... Сидишь как есть один на всём поле. Есть кто рядом живой или нет? Не знаешь...

— А ну-ка, уступите. Ползите пока к пулемётчикам, у них окоп просторней. — И спрыгнул в щель, взял в руки винтовку, сел на подстилку из елового лапника, прислушался. Окопчик надёжный, отрыт правильно, со знанием дела, внизу подстилка. В нишах гранаты, котелок. Всё как надо. Но тоскливо.

Противник как раз начал орудийно-миномётный обстрел линии окопов. Иногда мины ложились с перелётом, в глубине обороны, в лесу. Тогда казалось, что бой переместился туда, и становилось ещё больше не по себе.

Из воспоминаний: “Сознание, что где-то справа и слева сидят красноармейцы, у меня сохранялось, но я их не видел и не слышал. Командир отделения не видел меня, как и всех своих подчинённых. А бой продолжался. Рвались снаряды и мины, свистели пули и осколки. Иногда сбрасывали бомбы самолёты.

Я, старый солдат, участвовавший во многих боях, и то, сознаюсь откровенно, чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня всё время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнёздах или уже покинули их, а я остался один. Уж если ощущение тревоги не покидало меня, то каким же оно было у человека, который, может быть, впервые в бою!..

Человек всегда остаётся человеком, и, естественно, особенно в минуты опасности, ему хочется видеть рядом с собой товарища и, конечно, командира. Отчего-то народ сказал: на миру и смерть красна. И командиру отделения обязательно нужно видеть подчинённых: кого подбодрить, кого похвалить, словом, влиять на людей и держать их в руках.

Система ячеечной обороны оказалась для войны непригодной. Мы обсуждали в своём коллективе и мои наблюдения, и соображения офицеров, которым было поручено приглядеться к пехоте на передовой. Все пришли к выводу, что надо немедленно ликвидировать систему ячеек и переходить на траншеи. В этот же день всем частям группы были даны соответствующие указания. Послали донесение командующему Западным фронтом. Маршал Тимошенко с присущей ему решительностью согласился с нами. Дело пошло на лад проще и легче. И оборона стала прочнее. Были у нас старые солдаты, младший комсостав времён Первой мировой войны, офицеры, призванные по мобилизации. Они траншеи помнили и помогли всем быстро усвоить эту несложную систему”.

В район Ярцева, как мы помним, Рокоссовский прибыл с гореткой младших офицеров и двумя зенитными установками счетверённых пулемётов. А через двадцать дней у него под рукой была уже армия. Ярцевская армейская группа приказом штаба Западного фронта была объединена с остатками 16-й армии, вырвавшейся из-под Смоленска. “После объединения армия представляла внушительную силу, — писал он в “Солдатском долге”, — 101-я танковая полковника Г. М. Михайлова, 1-я Московская мотострелковая, в командование которой вступил полковник А. И. Лизюков, 38-я полковника М. Г. Кириллова, 152-я полковника П. Н. Чернышёва, 64-я полковника А. С. Грязнова, 108-я полковника Н. И. Орлова, 27-я танковая бригада Ф. Т. Ремизова, тяжёлый артиллерийский дивизион и другие части.

Армия занимала оборону на 50-километровом фронте, перехватывая основную магистраль Смоленск-Вязьма”.

Одиннадцатого сентября вышел указ о присвоении генерал-майору К. К. Рокоссовскому очередного воинского звания — генерал-лейтенант. А чуть раньше — о награждении орденом Красного Знамени. Четвёртым.

СУХИНИЧИ

Контрнаступление, начавшееся довольно удачно, хотя и кроваво, прокатившись железным катком по мёрзлым подмосковным, тульским, калужским и смоленским полям, вскоре стало замедлять своё движение на запад.

“Чем дальше отдалялись наши соединения и части от Москвы, — размышлял потом маршал, — тем больше возрастало сопротивление противника. Из документов, попадавших в наши руки, и показаний пленных стало известно, что Гитлер издал приказ о переходе к стратегической обороне. Тем самым ставилась задача во что бы то ни стало остановить продвижение советских войск и, используя наиболее выгодные естественные рубежи и суро-

вые зимние условия, нанести им как можно больший урон, готовясь к летней кампании 1942 года”.

Жуков, в какой-то мере идя на поводу у Ставки и одновременно подстёгиваемый кавалерийским азартом, продолжал гнать войска вперёд. Начались неувязки. Особенно там, где наступление велось несобранно, дивизии направлялись в бой веерно, отдельными батальонами и группами, на расходящихся направлениях. Немцы сразу почувствовали ослабление давления и начали контратаковать.

Особенно неважно шли дела на левом фланге Западного фронта, в районе Сухиничей. Там действовала 10-я армия генерала Ф. И. Голикова. Свежая, укомплектованная полнокровными дивизиями и бригадами, она изначально атаковала из-под Серебряных Прудов на Михайлов и Белёв, переправилась через Оку, совершила широкий марш на Жиздринском направлении и завязла в районе Сухиничей и Кирова. Имея под рукой одну из самых мощных армий, Голиков топтался на месте, пропуская один за другим удары со стороны Варшавского шоссе и Жиздры одновременно. Сильная брянская группировка немцев, овладев Сухиничами, угрожала фланговым ударом с целью отбросить как можно дальше на север наши войска от основной магистрали Орёл-Брянск и таким образом значительно улучшить своё положение на зимовку. Если бы немцы удержали за собой Сухиничи и Юхнов, им ничего не стоило бы с окончанием зимы снова броситься на Москву.

Раздражённый неспособностью штаба 10-й армии ликвидировать сухиничскую группировку, которая продолжала удерживать важнейший узел коммуникаций и угрожала тылам дивизий, ушедших далеко вперёд, к Кирову, Жуков телеграфировал Голикову: “Почему части армии отходят без приказа и виновные в этом не несут ответственности, положенной по приказу фронта?.. Понятно ли Военному совету армии, что исключительная пассивность, отсутствие управления, беспечность привели к активности противника с целью вывода 216 п/д из Сухиничи? И второе: понятно ли Военному совету, что дальнейшие пассивные действия армии, игра в батальоны, игра в поддавки может развязать события и помешать нам в проведении главной операции фронта?”

Войска Западного фронта только что успешно завершили Калужскую наступательную операцию и совместно с армиями Калининского фронта приступили к Ржевско-Вяземской операции. Всё было напряжено. В том числе и нервы. Жуков пропихивал в “дыру”, образовавшуюся в районе Медыни и Износок, ударную группировку 33-й армии — на Вязьму. Армии левого крыла должны были бить вперёд на своих участках. Операция заглохнет в апреле, закончившись гибелью Западной группировки 33-й армии, её командующего генерала М. Г. Ефремова и полным истощением 10-й, 50-й, 49-й, 43-й и Восточной группировки 33-й армий. Вязьма останется в руках противника.

А тогда, в январском аду наступления, многим, в том числе и Жукову, казалось, что стоит нажать ещё немного, собрать в кулак последние силы и волю — и...

Жуков выслушал оправдания Голикова, понял его настроение и сказал: “Ваши наметки, исходящие из неуверенности, я осуждаю. С такими настроениями только в беспорядке отходят, а победы ждать не следует. Говорю вам из своего личного опыта, что тот командир, который оглядывается назад, никогда успеха не будет иметь”.

И заменил Голикова Рокоссовским.

Рокоссовский убывал с правого на левый фланг Западного фронта без войск, с одним полевым управлением. Войска и участок фронта передал соседям. Начальнику штаба генералу Малинину поручил командование штабной колонной, она перебрасывалась в район Калуги, а сам с членом Военного Совета А. А. Лобачёвым отправился сперва в штаб фронта, а потом в Москву.

Кстати, в штабной группе к новому месту службы убывала и военврач 2-го ранга Галина Васильевна Таланова.

Встреча с Жуковым была по-деловому короткой. Комфронта сразу предупредил, что резервов нет, чтобы по прибытии на место штаб 16-й может рассчитывать только на то, что сосредоточено в районе Сухиничей. Правда, одну дивизию Рокоссовскому он всё же дал — 11-ю гвардейскую полковника Чернышёва. Это была та самая дивизия, бывшая 18-я ополченческая, которую штаб Рокоссовского в октябре 41-го подобрал на пути из Вязьмы на Можайск.

Рокоссовский посмотрел на карту района: вокруг Сухиничей сосредоточены 322-я, 323-я, 324-я и 328-я стрелковые дивизии и одна танковая бригада. Они занимали участок фронта в шестьдесят километров. Подумал: наверняка дивизии растрепаны, но если в каждой по полку наберётся — хорошо, драться можно.

Словно угадывая его мысли, Жуков сказал:

— Надеюсь, что вы этими силами сумеете разделаться с противником и вскоре донесёте мне об освобождении Сухиничей.

Рокоссовский сдержанно кивнул и сказал:

— Принимаю ваши слова как похвалу.

Они понимали: немцы удерживают сухиничский узел неспроста. Удерживая его, они не позволяют нашим войскам развивать наступление дальше, одновременно сохраняют плацдарм для возможного броска назад.

Ночевали Рокоссовский и Лобачёв в Москве. Разыскали начальника московской милиции В. Н. Романченко, сослуживца Рокоссовского по Даурии и боям на КВЖД. Виктор Николаевич жил один в своей просторной московской квартире. Семью отправил в эвакуацию. Старого боевого товарища принял со всей душой.

“В благоустроенной квартире моего товарища мы испытали блаженство, — вспоминал маршал ту встречу в гостях. — После ночёвок в машинах, окопах, землянках вдруг такая роскошь: горячая ванна, постели с чистым бельём. Светло, тепло и тишина — ни выстрелов, ни разрывов снарядов и бомб. На рассвете, плотно позавтракав, отправились в Калугу, куда в этот день должен был прибыть весь штаб”.

Виктор Николаевич Романченко не забывал своего боевого товарища во все дни московского противостояния. Узнав, что на Ламе под Волоколамском и Клином армией командует его бывший комбриг, тут же навестил его. Начал присылать необходимое снаряжение. За время боёв по его приказу в 16-ю армию из парка московской милиции было отправлено 300 машин. Однажды позвонил по ВЧ: “Константин Константинович, принимай пополнение...” И вскоре у штаба выгружался из грузовиков и строился в две шеренги, повзводно, батальон в милицейских шинелях. Прекрасно экипированный, хорошо вооружённый лыжный отряд. Его вскоре забросили в немецкий тыл для разведывательно-диверсионных действий. Связь поддерживали по радио. Разбившись на небольшие отряды, диверсанты комиссара Романченко взрывали немецкие штабы, резали провода связи, уничтожали склады и армейскую технику врага, добывали важные сведения. Статистика свидетельствует: каждый четвёртый московский милиционер в дни битвы дрался с врагом на фронте. Или даже за линией, в немецком тылу.

Дружбу они сохраняют на всю жизнь. После войны судьба их разведёт навсегда. Рокоссовский уедет в Польшу. Романченко попадёт под подозрение. В органах начнётся очередная чистка и перестановка кадров. Всплывёт девичья фамилия матери Виктора Николаевича Натальи Францевны Шведе. Проверки, разбирательства. На вопрос о немецких корнях он ответит: “А какое имеет отношение национальность коммуниста к его партийности?” Сошлют вначале в Новосибирск. Потом и вовсе переведут в Управление исправительно-трудовых лагерей. В 1950 году его тело найдут в служебном кабинете, по некоторым свидетельствам, “с запёкшейся кровью на затылке”.

Друзья поверялись временем, испытывались обстоятельствами. С годами их становилось всё меньше. Оставшихся Рокоссовский ценил, относился к ним бережно. Дружбе помогало качество, которое, как позвоночник осанку, удерживало его на протяжении всей жизни — верность. Неспособность к предательству. Это спасёт, в конце всех мучений и приключений, и семью.

Кто придумал эту операцию, неизвестно. Она была гениальной!

Следующую ночь штаб 16-й армии провёл в Калуге. Вот там и созрел окончательный план взятия Сухиничей.

Решили: в штабных и дивизионных колоннах, которые через недавно отбитый у противника Мещовск маршируют к Сухиничам, переговорные устройства не отключать, напротив, радиопереговоры усилить, давая понять противнику, который явно будет контролировать эфир, что к Сухиничам движется войсковая колонна основными силами 16-й армии. Во время переговоров называть номера дивизий, части усиления и фамилию командующего!

Генерал Лобачёв вспоминал: “При передвижении штаба М. С. Калинин шумел по радио как мог, запрашивая, где Рокоссовский, интересуясь, подходят ли дивизии”.

Отдавая распоряжение к началу движения, генерал Калинин пошутил:

— Атакуем с развёрнутыми знамёнами!

— Да! — засмеялся Рокоссовский, ещё не вполне веря в успех задуманного. — И с барабанами...

На следующий день в небольшой деревушке отыскали штаб 10-й армии. Хозяйство им доставалось незавидное. Дивизии — одни только номера и по полторы-две сотни бойцов. Да и те растянуты в нитку, так что нитка эта при первом же нажиме может лопнуть, и тогда начнётся то, что поправить личными силами будет непросто.

— В штабе фронта мы получили сведения, что группировка фон Гильса вами окружена в Сухиничах, — выслушав доклад, сказал Рокоссовский.

Один из командиров дивизий, которая занимала позиции в непосредственной близости к городу, пояснил:

— Мы их окружили, знаете ли, флажками. Но опасаясь, как бы самим не очутиться в западне...

Стало ясно, что поставленная комфронта задача не соответствует ни силам, ни средствам, имевшимся в распоряжении Рокоссовского, ни реальной обстановке, сложившейся к этому времени в районе Сухиничей.

Однако приказ надо было выполнять. Начали собирать войска.

По плану, разработанному штабом, главный удар наносила 11-я гвардейская, а вспомогательный — более слабая 324-я дивизия генерала Н. И. Кирюхина.

Наступило утро 29 января. Ночью полки заняли исходные рубежи. Атака должна была начаться после артподготовки. Генерал Казаков, поглядывая на часы, уже снял с рычага телефонную трубку, чтобы отдать приказ артиллеристам открыть огонь. Но тут зазуммерил аппарат командира гвардейской дивизии. Генерал Чернышёв взял трубку. Докладывали из полка первого эшелона.

— Что случилось? — спросил Рокоссовский.

— Товарищ командующий, командир полка докладывает, что в расположение пришли жители города и сообщили: немцы поспешно покидают позиции и уходят. В Сухиничи выслана усиленная разведка и батальон пехоты с двумя танками.

Казаков поморщился, махнул рукой:

— Очередные немецкие штучки...

Действительно, не похоже было на то, что боевая группа фон Гильса покинула город. Буквально накануне поступили разведанные: гарнизон Сухиничей пополнился прибывшими со стороны Брянска частями 208-й пехотной и 18-й танковой дивизий.

“Как бы там ни было, — вспоминал маршал, — но я решил задержать открытие артиллерийского огня. Казаков передал приказ на батареи. Долетели звуки редкой перестрелки. Явно из города. Но стрельба не усиливалась. Что же там происходит?”

Через несколько минут командир 11-й гвардейской дивизии сообщил:

— Из штаба полка только что доложили: противник бежал из Сухиничей. Разведка, батальон с танками и полковая артиллерия уже в городе, а полк на подходе к нему.

Рокоссовский тут же отдал распоряжение на преследование. Генерала Калинина по телефону предупредил:

— До полного выяснения обстановки в штаб фронта о случившемся не доносить. Подготовить всё для перевода КП в город и сейчас же выслать ко мне оперативную группу со средствами связи.

Вскоре штабные машины въехали в Сухиничи. Повсюду виднелись следы поспешного бегства противника. Возле одного из домов, где размещался штаб фон Гильса, обнаружили вполне исправную легковую машину. Редкий трофей.

Город не был заминирован. Видимо, фон Гильс до конца был против оставления Сухиничей. Разведка застала в городе несколько групп немецких автоматчиков — прикрытые, обеспечивавшее вывод тяжёлой техники и орудий. С ними завязала бой.

Ударные подвижные группы 16-й армии начали преследование. Но уже в шести километрах к западу от Сухиничей натолкнулись на прочную оборону. И Кирюхин, и Чернышёв вскоре почти одновременно доложили, что преодолеть огонь противника не удаётся.

Рокоссовский, зная умение немцев отыгрывать временные неудачи мощными контратаками, приказал стянуть к Сухиничам всё, что можно, чтобы перекрыть возможные пути опорными пунктами и огнём артиллерии.

И только вечером позвонил в штаб фронта. Жукова на месте не оказалось, доложил начальнику штаба генералу Соколовскому: Сухиничи в наших руках. Вскоре от Жукова поступил запрос на подтверждение. Наконец, комфронта вызвал командарма-16 к прямому проводу.

— Поступило донесение о взятии вами Сухиничей. Хотел бы услышать от вас лично, соответствует ли оно действительности?

— Да, соответствует. Сухиничи — наши.

— Где ваш штаб?

— В Сухиничах. Говорю с вами из Сухиничей, — ещё раз подтвердил Рокоссовский.

— Где противник?

— Противник закрепился на линии Попково—Маклаки.

— Опасно, — на всякий случай предупредил Рокоссовского комфронта. — Скоро получите директиву на ближайшее время.

Вскоре разговор прервался. Что означало жуковское “Опасно”, можно было только догадываться. Однажды под Волоколамском в октябре комфронта выговорил ему за то, что штаб и КП загнав слишком глубоко в тыл. Упрёк уязвил. Однако малодушием Рокоссовский не страдал, и подобные упрёки забывались быстро.

О том, каково штабу и командному пункту 16-й армии приходилось под боком у противника, вспоминал генерал Лобачёв: “Сухиничи находились под артиллерийским обстрелом и днём, и ночью. Противник долбил нас методически вплоть до 8 марта. Артналёты следовали один за другим, по два, а то и по три раза на день. Иногда обстрел продолжался 20–30 минут. Даже баней не удавалось пользоваться в своё удовольствие. Однажды с командармом поддали пару той крепости, какую любит и терпит только русская кость. Банька вздрагивала от недалёких разрывов. Вошёл старый хозяин и одобрительно заметил, что дух подходящий, но посоветовал всё же заканчивать.

— Видишь, он рядом кладёт, долго ли до греха...

— Ничего, отец, — отвечал Константин Константинович. — Смерть будет лёгкая...

Артобстрел немцы вели из Попкова. Большое село, расположенное на высоте, господствовало над окружающей местностью. Фашисты превратили его в сильно укрепленный пункт, основательно насыщенный огневыми средствами. Вражеский гарнизон там насчитывал свыше полутора тысяч человек. На вооружении имелись и танки”.

Главное требование новой директивы штаба Западного фронта 16-й армии было таким: “Удерживая прочно Сухиничи, наступательными действиями продолжать изматывать противника, лишая его возможности прочно закрепиться и накапливать силы”.

В Ставке опасались нового прыжка группы армий “Центр” на Москву. В армиях центрального направления Гитлер заменил почти всех своих генералов, сделал значительные перестановки среди фельдмаршалов. Из Франции, внутренней Германии и даже Африки перебросил пехотные и танковые дивизии.

Командующий обсудил новую директиву со своим штабом и командирами дивизий и полков. Приказ есть приказ.

“Требование фронта было трудновыполнимым, — вспоминая Сухиничи, писал маршал. — Одно дело — изматывать врага оборонительными действиями, добиваясь выравнивания сил, что мы и другие армии и делали до перехода в контрнаступление. Но можно ли “изматывать и ослаблять” наступательными действиями при явном соотношении сил не в нашу пользу, да ещё суровой зимой?”

После кровавого марша по подмосковным, тульским и калужским снегам, после изматывающих боёв и колоссальных потерь и командармы, и их солдаты ждали отдыха. Или хотя бы основательной передышки. Сделавшие своё дело, они рассчитывали, что вполне заслужили эту паузу. И Рокоссовский, и командующие соседних армий от пленных, из донесений агентурной разведки и лётчиков знали, что против них стоят более мощные группировки, и было бы благом, не истощая свои войска изнурительными атаками, какое-то время посидеть в глухой обороне, накопить сил, огневого ресурса, пополнить людьми дивизии и артполки.

Получив директиву, Рокоссовский со штабом изложил своё видение перспектив задачи по *изматыванию* и *ослаблению* противника и представил его в виде “обстоятельного доклада” в штаб фронта.

Документа этого в архивах пока обнаружить не удалось. В мемуарах, надо полагать, коротким абзацем в главе “Сухиничи” очерчены основные контуры того доклада: “На широкие наступательные операции сил не хватало. Решено было каждый раз ограничиваться определённой конкретной целью. Наиболее заманчивым объектом борьбы были населённые пункты, занимаемые противником. Потеря каждого такого пункта являлась для врага чувствительной, так как это сразу отражалось на его системе обороны огнём, в которой пробивалась брешь.

Немецко-фашистские войска учитывали характер местности и зимние условия. Все деревни и хутора на переднем крае и в глубине были превращены в опорные пункты, обнесённые колючей проволокой. Подступы к ним были заминированы. Под домами — блиндажи с бойницами для кругового обстрела. Танки располагались для ведения огня прямой наводкой с места, являясь бронированными артиллерийско-пулемётными точками”.

Ответ Жукова не замедлил себя ждать, и он был кратким: “Выполняйте приказ!”

Восьмого февраля 1942 года началась наступательная операция левого крыла Западного фронта с задачей уничтожения сухиничско-жиздринской и болховско-брянской группировок противника. Цель, поставленная штабом Западного фронта, была явно невыполнимой.

Вот здесь-то и начал Рокоссовский шлифовать и совершенствовать свой полководческий дар. Маневрировать пришлось на фронте шириной в несколько километров силами полутора-двух дивизий и десятка танков, из которых только два-три были тяжёлыми или средними, а остальные относились к классу “саранчи”, как называли немцы наши лёгкие танки за их слабую броневую защиту, но хорошую маневренность и быстроходность. Многие свои операции, принципы воздействия на противника, модели атак, отвлекающих ударов, взаимодействия родов войск Рокоссовский со своим надёжным штабом в миниатюре отработал именно здесь, под Сухиничами, Попковым и Маклаками.

Чтобы выполнить задачу, поставленную Жуковым перед 16-й армией, Рокоссовский пришёл к выводу: надо сколачивать немногочисленные, но мощные ударные группы и атаковать на узких участках с целью разгрома опорных пунктов противника. “Потеря каждого такого пункта, — как вспо-

минал маршал, — являлась для врага чувствительной, так как это сразу отражалось на его системе обороны огнём, в которой пробивалась брешь”.

Противник пытался погасить такие атаки массированными налётами бомбардировочной авиации, тем более что небо принадлежало люфтваффе. Но Рокоссовский приказал закрыть небо и маршруты своих атак зенитным огнём. В бою за опорный пункт Попково зенитчики сбили шесть немецких самолётов.

Момент попадания в один из “юнкеров” наблюдал командарм. Вот облачка разрывов приблизились к самолёту, он неожиданно клюнул. Вокруг оживлённо загудели: “Есть попадание!” “Юнкерс” начал заваливаться на крыло, задымил. Из него выпал чёрный шарик и стремительно полетел вниз. “Только один”, — заметил кто-то из наблюдавших за падением самолёта. Парашют так и не раскрылся. Группу поиска всё же послали. И через несколько минут, к изумлению офицеров штаба, немца привели “живым и почти невредимым”. Немецкий пилот упал с высоты почти двух тысяч метров в глубокий овраг, забитый снегом, и это его спасло.

Однажды перед очередной атакой в штаб армии прибыл представитель командования Западного фронта генерал Ф. И. Кузнецов. Фёдор Исидорович до начала московского контрнаступления не совсем удачно командовал 51-й Особой армией в Крыму. Немцы и румыны смяли оборону армии, прорвались через Турецкий вал и хлынули к Севастополю. Ставка срочно бросила туда резервы во главе с надёжными генералами. Кузнецов от командования 51-й армией был отстранён. И вот прибыл налаживать дела здесь, в центре.

В своё время он курировал сухиничскую операцию и раскритиковал её в пух и прах. По поводу дальнейших частных ударов 16-й армии по немецким опорным пунктам он тоже высказывал своё неудовольствие. О недостатках в организации наступательных действий 16-й армии Кузнецов постоянно докладывал Жукову, однако ни в распоряжениях, ни даже в телефонных переговорах Рокоссовский не почувствовал, что комфронта как-то на эти замечания и пожелания реагирует. А однажды просто посоветовал не обращать внимания на назойливого инспектора и спокойно продолжать командовать армией.

Не добившись желаемого, Кузнецов перебрался в 61-ю армию и там стал допекать генерала М. М. Попова. Постоянно звонил в штаб фронта и доносил об упущениях и недостатках работы командарма—61. Однажды, когда тот раскритиковал очередные мероприятия генерала Попова, не выдержал и сам Жуков: приказал Кузнецову немедленно вступить в командование 61-й армией “и показать, на что сам горазд”. Кузнецов спохватился, понял, что перегнул, попытался пойти на попятную, мол, после его указаний Попов теперь и сам справится с делами, выправит положение, но Жуков был непреклонен.

Не прошло и месяца, как противник, почувствовав ослабление давления 61-й армии, предпринял серию контратак, отбил важнейшие опорные пункты и опасно вклинился в оборону, местами до тридцати километров. Видя неладное, Жуков спешно удалил крымского полководца из 61-й армии.

Взятие немецкого опорного пункта Попково Рокоссовский считал большой удачей. В Попкове оборону держал крупный гарнизон — до двух тысяч человек. Окопанные танки, артиллерия и миномёты на тщательно замаскированных огневых позициях. Ими был пристрелян каждый метр предполья.

Оборону сломили. Попково взяли. Появилась возможность для нового маневра.

Именно в те дни, когда в районе Попкова всё рычало и горело, Рокоссовский получил, наконец, письмо от жены. Юлия Петровна нарушила обет молчания. Женское сердце дрогнуло. То письмо не сохранилось, но в ответном послании Константина Константиновича можно прочитать многое.

“Милая Люлюсик!

Наконец-то получил от тебя целую пачку писем. Всё это передал мне лично корреспондент “Правды”, побывавший у тебя. Сижу, перечитываю письма и переживаю медовый месяц. Никто мне тебя не заменит, и никого

мне не надо. Не грусти, Lulu, бодрись и верь, что мы с тобой встретимся и опять заживём по-прежнему. Целую тебя, мой светлый луч, бесчисленное количество раз.

*Любящий тебя твой Костя.
17 февраля 1942 года”.*

Вечером 8 марта в Сухиничах намечалось торжественное собрание по случаю Международного женского дня. Накануне из-за частых обстрелов городских кварталов многие жители покинули свои дома и разбрелись по окрестным деревням. Там было спокойней. Но после взятия Попкова, когда линия фронта значительно отодвинулась, народ стал возвращаться.

От Попкова до Сухиничей его домчали аэросани отдельного аэросанного батальона, который только что успешно атаковал лыжный десант противника, прорвавшийся в тыл и опасно оседлавший одну из дорог. Немецкий отряд оказался довольно большим, до двух лыжных рот. Аэросанный батальон буквально раскромсал их внезапным нападением и мощным пулемётным огнём. Бойцы захватили пленных. Их предстояло допросить в штабе армии.

Серия снарядов разорвалась рядом со штабной избой. И через небольшую паузу ещё один. Звякнуло оконное стекло. Стало трудно дышать. И он выдохнул:

— Ну, кажется, попало...

(Окончание следует)

ОЛЕГ КОЧЕТКОВ

ПОВЕЛОСЬ НА РУСИ ИСКОНИ...

ЗАВИСТЬ

Развиднеется... Даль всё далече,
Непорочны и чутки стога,
Немоты не хватает, ни речи —
Так бессильно здесь жизнь дорога!
Никакого не надо участия,
Ни касания, дышит простор...
Здесь само первородное счастье
В естестве с незапамятных пор
Схоронилось от нашей неволи,
От алкающих рук и очей...
Вот бы нам в жизни этакой доли,
Где ты сам по себе и ничей...

О СВОБОДЕ

Пот и кровь — это доля народа,
Повелось на Руси искони.
И какая там, к чёрту, свобода!
Изначально — лишь только они...

КОЧЕТКОВ Олег Владимирович родился в 1947 году в Коломне. Работал слесарем, бетонщиком, служил в армии. Окончил Литературный институт. Автор стихотворных сборников: “Время настало”, “Травяная дорога”, “Родное лицо”, “Надеждою ранят”, “Покатилась подкова” и др. Член Союза писателей России. Лауреат Есенинской премии и премии “Традиция”. Живёт в Москве.

Вроде нечем заняться нам боле
(Заикаюсь я не про Парнас!),
Нам, с избытком и собственной воли...
Но другая планида у вас!
Далеки от святыни Нагорной,
Всею сутью своею проворной
Вы на всё разеваете рот,
Вы такой, извините, народ...
Со свободой — как с писаной торбой
Мельтешите у наших ворот,
А нам волюшки невпроворот!..

* * *

Не летали они на Луну,
Изолгавшиеся америкосы...
Помолюсь и в гранёный плесну,
А всем трезвым — вопросы, вопросы...
Мне не надо учёных словес
И научных, мудрёных отчётов.
Городите своё — до небес!
Отстраняю я вас от полётов!
Вот Гагарин — взгляните острей! —
Вся душа перед миром раздета!
С дальних гор и до крайних морей —
Вся цветёт и ликует планета!
Человек в ней Всеобщий достиг —
И впервые! — возвышенных качеств
За какой-то единственный миг!
И не требуется доказательств...

* * *

Дух смирения веет над полем,
Над сквозящим, духмяным привольем,
Оседая в траве и цветах...
И в твоих невозможных губах
Появляется тень откровенья...
Грешный вызов на это смиренье,
Где всё видится хрупким, простым,
Где ступням даже нашим босым
Васильки и ромашки покорны,
Где кузнечики скачут проворно
При одном приближении нас.
И стреножен мой верный Пегас
И не бьёт вдохновенно копытом...
А глаза твои влажно открыты...
Нестерпимее всё, ещё чуть —
Как в последний раз в них утонуть...

* * *

Как по камушкам, по кирпичикам
Разобрали Советскую власть!
Поглумились, натешились всласть...
По бомзам, и лохам, и лимитчикам
В коридорах своих воровских

Вы прошли, саданув им под дых!
Где там Феликс железный — ау!
Либерастом разит за версту!
Вы из танковых пушек таманских
Вбили сирым нам культ потребления.
И наживы — любую ценой!
Что же стало с моею страной?
Ни раскаянья, ни сожаленья...
Лишь душа голосит от бессилья,
Во вчерашние дали кричит,
Волоча неподъёмные крылья,
Трепыхается, кровоточит...

РЕНАТ ХАРИС

А ПОД СТАРОСТЬ ПРАВИТСЯ ТИШИНА

О РОДНОМ ЯЗЫКЕ

Когда разговор на татарском идёт языке,
я чувствую мощную силу в своём языке,
как будто в нём слышится поступь лихого коня
и крыльев орлиные взмахи уносят меня.

Когда разговор на татарском идёт языке,
то будто бы слышится музыка мне вдалеке,
и ноги пускаются в пляс, и, ловя голоса,
я к рощам слепящих созвездий лечу в небеса.

Когда разговор на татарском идёт языке,
я чувствую братскую силу в горячей руке,
как будто зову я далёких и близких друзей
явиться ко мне с уголков нашей родины всей.

Когда разговор на татарском идёт языке,
я крепко сжимаю обиды в своём кулаке,
и их не пускаю, как стрелы, лететь по земле,
стараясь хранить ваши души в клубящейся мгле.

Ренат ХАРИС родился 6 мая 1941 года в семье сельских учителей. Окончил Казанский государственный педагогический университет. Работал учителем, журналистом, ответственным секретарём Союза писателей Татарстана, заместителем министра культуры Татарстана, заместителем Председателя Госсовета РТ. Лауреат Государственной премии РФ и Государственной премии РТ им. Габдуллы Тукая. Секретарь правления Союза писателей России. Живёт в Казани.

Когда разговор на татарском идёт языке,
душа моя песней звенящею на ветерке
летает кругами над тихой планетой моей,
среди белокрылых и сизых кружа голубей.

Когда разговор на татарском идёт языке,
то сердце моё, будто лодка, плывёт по реке,
везя в себе гордость и радость, и дождь, что стучит,
который молитвою сладкой над миром звучит...

ИСКОРКА

Мы знаем, как правда мала и как выдумка необозрима.
Мне трудно об этом писать. (Будто выйти в мир — голому!)
И всё ж это так: из кострища Мустая Карима
горящая искра, взлетев, на мою пала голову.

Я сам и не понял... Услышал лишь, как говорит
мой старый приятель, слегка уязвлённый случившимся:
“Послушай, поэт! На тебе уже шапка горит!” —
и всем указал на дымок, с головы моей вившийся.

Уж люди-то знают, на ком могут шапки гореть!
И вот уже каждый грозит мне с укором рукою...
Стихи же Карима текут к нам широкой рекою...
Скажите, ну, можно ли реку прилюдно спереть?!

Течёт Агидель по Татарии милой моей!
И сколько ни пей из неё — она не усыхает.
Вот так и Мустай утоляет мне душу стихами,
и с каждым глотком мне становится что-то ясней.

Горит на мне шапка... С мольбой шлю к поэту я взор:
“Мустай! Ты мне новую шапку купить должен быстро!..”
Смеётся Мустай: “Я тебе подарил только искру.
Ты сам виноват, что раздул её в мощный костёр”.

* * *

Какая во всём ненадёжность! И бренность какая!
Рассыпались камни дорог, что носили Тукая.
Урал обмелел. И увязла в скоплении ила
та лодка, что прежде Тукая по водам носила.

С чего ж Земной шар, что обязан вкруг солнца кружиться,
под весом Тукая, как будто сухарь, стал крошиться?
Ведь в мире подлунном не может быть лёгких поэтов,
поскольку поэты несут на себе тяжесть света.

На Волгу родную Тукай попытался вернуться,
надеясь, что камни Казани под ним не прогнутся.
Там поднял на плечи Вселенную, и — в то же время
земля расступилась под ним, не сдержав это бремя...

Но бросить не в силах просторы, что так хороши,
осталась летать над землёй его птица души,
которая, к счастью, отныне сиротства не знает
и, встретив горячее сердце, гнездо в нём свивает.

БЕЛАЯ ТРЕВОГА

Тени белых берёз растворяются в белых снегах.
Белый лес чуть дрожит на неверных метельных ногах.
В этом белом краю я стою, белым паром дыша,
и, как белым туманом, объята тревогой душа.

За спиною моей белый след вьётся белым хвостом.
Предо мной неизвестность расстелена белым листом.
Ни путей, ни дорог – всё упрятал в сугробах мороз.
Только чёрные чёрточки на вертикалях берёз.

За версту от себя вижу белую массу леска,
что, как белую тряпкой протёртая в классе доска,
сохраняет размытые белые контуры строк,
то ли ужас в себе заключавшие, то ли восторг.

Лес под снегом таится, укутав рябины, дубы.
Он похож на страницу ещё не прочтённой судьбы.
Чую, заговор зреет! Колеблется белая тьма!
Скоро солнце пригреет – и свергнута будет зима...

НЕ ВЕРНУСЬ!

Возвращаться в молодость не хочу,
вспять педали возраста не кручу,
повторять ошибки я не люблю,
лучше годы старости я продлю.

Молодость – весёлая, это так!
Блещет в небе солнышко, как пятак.
А под старость нравятся тишина,
глубина сердечная и луна.

Летом и без солнышка день хорош!
А зимой и в варежках бьёт нас дрожь.
Пахнет одиночеством зимний сад...
Всё равно не хочется мне назад!

Всё равно я в молодость не вернусь!
Там любовь расколота, боль и грусть.
Дважды в одну реку нам не войти,
лучше ждать, что сбудется впереди...

КАЗАНЬ – КОРАБЛЬ С ПАРУСАМИ

Мне слёзы восторга к глазам подступают всегда,
когда на родную Казань я смотрю сквозь года.

Ну, как не дивиться, когда из-под мрака ночей
столица, как птица, взлетает в сиянье лучей!

Весною и летом, в закат и в слепящую рань –
пусть жизнь вашу светом наполнит, как чудом, Казань!..

Как искрами, новью эпоха реальность прожгла.
Но сердце с любовью хранит ту Казань, что ушла...

(Там важно павлины со ставней глядят в огород,
как посохи древних пророков — столбы у ворот.

Резные крылечки, балконы, дворы, переулки,
огни мезонинов — как будто с богатством шкатулки.

Там трубы печные в уборах красивых корон,
и гул водостоков в дожди с четырёх всех сторон.

Я с болью тоскую по старой Казани моей...)
А сердце ликует, купаясь в делах новых дней!

Как лебедь крылатый, взлетает Казань над рекой.
Я знаю: когда-то вновь кто-то зальётся тоской,

когда через годы изменит свой облик она,
велениям моды и ходу прогресса верна...

Пусть время по капле уходит у нас на глазах,
Казань — ты корабль мой, что мчится на всех парусах!

Красиво и гордо летит он сквозь волны времён...
Люби этот город, что в парус, как ветер, влюблён!

*Перевод с татарского языка
Николая Переяслова*

Ренат ХАРИС — это не только имя одного из самых популярных поэтов страны, это символ современной татарской поэзии. Харис — автор четырёх десятков книг, переведённых на многие языки мира. Народный поэт Татарстана. Многие годы он является членом Общественного совета журнала “Наш современник”, публикует на страницах журнала свои лучшие произведения.

Поздравляем нашего именитого друга и автора с 75-летием!

Редакция

ЕЛЕНА РОНИНА

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

РАССКАЗ

Командировки. Командировки, Бесконечные...

Сегодня я лечу в Красноярск. В первый раз. Сколько же в моей жизни самолётов? Бесчисленное количество. А кто-то ведь боится летать. Есть ли у меня чувство страха? Конечно, нет. Ну, может, я всё-таки немного лукавлю. Какой-то холодок неприятный присутствует, это безусловно. Поэтому я сразу сама себе начинаю рассказывать, что на машине тоже ездить опасно.

Просто я летаю много, очень. Нельзя же бояться всё время! Это невозможно. Да и потом привыкаешь.

Когда летишь за границу, то немного спокойнее: всё-таки и самолёт лучше, и доверия к западным авиакомпаниям больше. А здесь наш родной сибирский город. Соответственно, и самолёт — наш, родной Ту-154. И бортпроводницы тоже наши, родные. Поэтому самолёт немножко обшарпанный, кресла не откидываются, стены потемнели от старости, и бортпроводницы тоже не сказать, чтобы улыбались безостановочно. То есть улыбаются, конечно, но так как-то, нехотя. И нет среди них ни одного молодого человека, то есть бортпроводника. Последнее время их появилось достаточно. И это приятно. Я, когда сажусь в своё кресло, всё время проецирую: а что, если всё-таки что-нибудь случится? Кто меня будет спасать? Поэтому если оказывается в обслуживающем персонале здоровый парень или тётенька крупная, мне всегда спокойнее. И вот в таком спокойном состоянии я беру в руки толстый журнал, чтобы, прочитав пару страниц, спокойно уснуть.

РОНИНА Елена родилась в Москве 23 апреля 1962 года. Автор книг “Портрет в сиреневых тонах, или Взгляд со стороны”, “Территория чувств”, “Частная клиника” и др. Живёт в Москве.

Вид сегодняшнего самолёта и проводницы особого доверия не вызывает, спать как-то неохота, читать тоже. Кручу головой по сторонам. Хорошо, что у меня первый ряд. Правда, в эконом-классе, но приятно сидеть не в хвосте. А так всё же ближе к пилотам. Народу в самолёте немного, рядом со мной место до сих пор свободно, правда, пришли ещё не все, люди продолжают подниматься по трапу самолёта. За мной разместились большая мужская компания. Сибиряки всё-таки народ породистый. Все мужики здоровые, как на подбор. И не сказать, чтобы красавцы были, нет. Но сила от них веет невероятная, мужественность. Глядя на них, я успокаиваюсь — не нужны мне бортпроводники. С любой экстремальной ситуацией справимся. Тем более мои соседи сзади спокойно читают газеты. А то ведь сколько уютно сейчас: ещё взлететь не успели, а уже одну бутылку коньяка распили. А лететь-то нам долго.

На трапе происходит тем временем какое-то движение, не совсем обычное. Очередь застопорилась, стюардесса начала повышать голос, кого-то явно не пропускает. Я сижу близко, и уже различаются её нервные нотки:

— Я вам русским языком говорю, покажите ваш посадочный талон! Что значит был? Был да слыыл? Не морочьте мне голову, немедленно спускайтесь, ещё не хватало мне здесь безбилетников. Что значит: ты не пойдёте?!

Кто и что отвечает, мне не слышно. Доносится только тихий голос, что-то пытающийся возразить в ответ. Стюардесса неумолима. Она связки не бережёт, поэтому переходит практически на крик:

— Вы что, русский язык не понимаете? Куда вы лезете? Спускайтесь с трапа, я вам говорю!

Я слушаю всю это неприятную перепалку и удивляюсь про себя: ну, почему у нас молодёжь не учат вежливому обращению? Конечно, без билета нельзя, это ясно, и я не вникаю в ситуацию, слушаю эти выкрики стюардессы, не вдаваясь в подробности, не переставая думать о собственных проблемах. Но тон девушки всё-таки неправильный. Не знаю, кто там перед ней стоит, девчонка молодая или парень крутой. Всё равно нехорошо это, неуважительно. А именно эти нотки постоянно слышались в речи бортпроводницы. Второй же голос, тихий, больше вроде бы убеждал. Я постаралась прислушаться. Ситуация длилась уже какое-то время, начал нервничать народ — и тот, который на трапе стоял, и тот, который сидел в самолёте.

Люди начали подниматься со своих мест, выглядывать в проход — всем было интересно, что там происходит. А потом время же. Мы, между прочим, в другой город должны лететь. Ну, не задерживать же рейс! Бортпроводница думала (правда, немного по-своему) о том же и была непреклонна. Человека, стоявшего перед ней, она не пропускала.

— Да как вам не стыдно, в конце концов? Вы, старый человек, лезете тут без билета! Спускайтесь немедленно! Нет, я так не могу. Иван Игнатьевич, разбирайтесь сами. Люди до чего наглые пошли! Всё равно без талона вас никто в самолёт не посадит!

Бортпроводница влетела в салон. Длинноногая девица, вся аж покраснела и никак не могла успокоиться:

— Нет, ну обнаглели, просто обнаглели!

За ней в салон неуверенно поднялся очень пожилой человек. Бедно, но аккуратно одетый. Старенький костюм, кепка, на пиджаке планки от орденов и медалей. В трясущихся руках он сжимал кошелёк.

— Дочка, ну, не знаю я, как вышло. Ну, был у меня посадочный талон. Иначе как бы я до трапа дошёл?

— Откуда я знаю, как? Это не моё дело! Вы мне талон покажите!

— Да был талон, был. Вот куда его дел? Вот ведь дурак я старый. Мне моя всегда говорит: убирай документы сразу. Вот видишь, в дорогу кошелёк даже купила. Полпенсии потратила. В Москву, говорит, едешь, не осрамишь, все деньги туда складывай. А я что? Наверное, в брюки сунул. Ой, не знаю, как вышло. Делать-то что? Ты не ругайся, дочка, ты подсказка.

Мне стало аж нехорошо от такой сцены. Я вскочила со своего места:

— Дедушка, да вы присядьте. Снимите пиджак и посмотрите внимательно на все карманы.

И, обращаясь к проводнице:

— Девушка, ну, так нельзя! Вы же видите, человек уже немолодой, разнервничался. Ему помочь нужно.

— Я здесь для другой помощи!

— Да что же вы, в конце-то концов?! Посмотрите, заслуженный человек, ветеран. Ну, а если он действительно документы потерял? Что, высадите? Нелепая какая ситуация.

— Нелепая?! — стюардесса начала повышать голос. — Ну, знаете! Вам говорить хорошо! Да вы даже не представляете, сколько зайцев у нас тут едит! Прикинутся — то она беременная, то у них дети малые. У нас, знаете ли, на борту свои правила. Учили нас этому!

— А манерам хорошим вас не учили? Или, например, уважению к старшим? Слышали про такое? — меня начало тих трясти от подобного тона и постановки вопроса.

— Что?! Я сейчас лётчиков позову. Хватит! Надоело! Мне, что ли, надо? На вас на всех сейчас управу найду. Вас, кстати, тоже захочу и высажу за то, что меня при исполнении оскорбляете. Разговорилась! Защитница нашлась, — с этими словами бортпроводница ринулась в кабину пилотов.

Старик покрывшись крупными каплями пота. Руки не слушались. Трясущимися пальцами он пытался доставать что-то из внутренних карманов старенького пиджачка. Посадочный талон не попался.

— Вот ведь неприятность. Ну, как же так? И тебя ведь, дочка, подвёл. Ты уж меня не защищай. Права ведь она по сути. Ну, нет билета. Что ты будешь делать! Был, а нету. Ой, расслабился я. На Парад Победы приехал. Участвовал. По Красной площади прошёл, как тогда, в 45-м. Всех нас собрали. Ну, понятное дело, кто живой. Нашли. Письмо мне такое с приглашением прислали, билет наш Совет ветеранов прямо на дом принёс. Хотел со старухой ехать — что она в жизни своей видела? Да денег не наскребли. Эх! Езжай, говорит, один, всё посмотришь, расскажешь потом. И вот ведь незадача. Нет, ну, сама посуди. Москва, впечатлений столько. Как с ума не сошёл, сам не знаю. А сегодня с утра вообще уже ничего не соображаю. Всё мысленно в голове прокручиваю: и то не забыть рассказать, и это. Шутка ли? В самом Параде Победы участвовал! По Красной площади прошёл. И ты знаешь, главное — молодым себя почувствовал. Будто бы и не было этих лет. Они ведь, знаешь, врачей пригнали, карет “скорой помощи”. А нам это всё не потребовалось. Все шли как по линейке. Вот так вот. Знай наших! Есть ещё силёнки! И вот на тебе, под самый конец такая неприятность. Делать-то что? Мне и улететь не на что будет. Да придумаю что-нибудь. Отобью моей телеграмму. Дома помогут. Обязательно помогут. Придумают что-нибудь, это точно. У нас, знаешь, люди отзывчивые. Вот только хлопот сколько доставлю. Вот ведь дурак старый.

Из кабины пилотов вышел человек в форме. За ним стояла раскрасневшаяся и какая-то очень неприятная стюардесса.

— Вот он, вот, посадочного талона нет, а на рейс лезет. А эта молодая на меня тут так ругалась, так ругалась. Иван Игнатьевич, вы видите, я вся разнервничалась. Как я смогу теперь лететь в такой ситуации? Безобразие просто!

— Света, подожди, разберёмся сейчас, — и, наклонившись к ней, произнёс потише: — Голос не повышай только. Не забывай, ты в форме.

Повернувшись к нам, пилот был достаточно доброжелателен:

— Предъявите ваши посадочные талоны. Девушка, вас это тоже касается.

Я протянула ему свой, а старик опять начал оправдываться:

— Сынок, прости, рейс тут задерживаю. Только нет у меня талона. Задевал куда-то. Ты только не подумай, что безбилетный я. Ветеранский совет мне билет покупал, на параде я был. Господи, всей деревней провожали. А я вот подвёл. Петрушка какая!

Дед трясущимися руками доставал завёрнутый в носовой платок паспорт. Смотреть на это не было никаких сил.

— Вы поймите, дедушка, — лётчик старался говорить мягко, — у нас существуют правила. Мы не можем взять на борт безбилетного пассажира. Мне неприятно вам об этом говорить, но вы должны покинуть борт самолёта. Объясните всё наземным службам, они обязательно вам помогут.

Из-за спины лётчика злорадно выглядывала стюардесса Света.

— Да я что, я конечно...

Дед неловко начал подниматься, пытаясь натянуть непослушными руками пиджак.

— Дед, сядь.

Мы не заметили, как рядом с нами оказалось несколько здоровых сибирских молодцов. Давно прислушиваясь к разговору, они не принимали участия — видимо, были уверены, что не стоит обращать внимания. И так всё ясно. Нечего и вмешиваться. Никто не мог подумать, что дело примет такой поворот. Сибиряки не выдержали и поднялись всей командой.

Один из них взял старика под руки, усадил удобно.

— Воды принеси, — бросил он проводнице. Та стояла не шевелясь.

— Не поняла?! Воды и таблетки какие-нибудь сердечные. Что там у вас есть? Валидол, корвалол, — он говорил тихо, но в голосе было что-то такое, что Света тут же развернулась на своих каблучках. И через минуту вернулась со стаканом воды и бутылочкой корвалола.

— Вот так, дед. Садись, пей воду и ни о чём не думай. Ты домой летишь. Не для того ты нас защищал, чтобы мы тебя сейчас бросили. Понял, дед? Всё хорошо.

Парни встали стеной, отгородив деда от лётчика и стюардессы.

— Деда в обиду не дадим. Иди в кабину и заводи двигатель. — Парень говорил спокойно, но в голосе чувствовалась такая сила, сопротивляться которой было просто страшно.

— Но как же? — попытался всё-таки пилот.

— Без старика не полетим. Ты понял?

В самолёте стояла гробовая тишина. Все напряжённо ждали. Неужели же произойдёт сейчас страшная несправедливость? Но для этого уже не было никаких шансов. Парни бы этого не допустили. Пилоту это было тоже ясно. Наверное, он нарушал свой устав и не имел права. Но существуют простые человеческие отношения и человеческая благодарность тем, кому мы обязаны жизнью. И, думаю, в душе лётчик был благодарен сибирякам, тому, что они не дали ему войти в конфликт с собственной совестью.

Лётчик молча ушёл в кабину. Через пять минут самолёт набирал высоту. Дедушка утирал слёзы, как и я, впрочем. Мы не говорили о том, что произошло. Но оба думали об одном и том же.

Не перевелись на земле русской настоящие мужики.

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ

И ОБЛАКА, И ВЕЧНОСТЬ...

* * *

Тягучий — липовый, пчелиный —
Баюкал нас медовый гул,
Как режущее-молниевидный,
Изгиб по небу полоснул.

И в свете огненном — до дрожи,
До помрачения — сплелось:
Шум ветра, запах юной кожи
И ливень льющихся волос!

МАЙСКОЮ НОЧЬЮ

Полночные поля и луг,
И лес какой-то зрячей боли
Исполнены!.. И сам ты — слух,
Лишь слух! Лишь зрение — не боле!

...О чём, сверкая, говорят
Светила в тишине нетленной?
О чём струится аромат
Нагой божественной сирени?..

КОНОВСКОЙ Николай Иванович родился в селе Варваровка Алексеевского района Белгородской области. Окончил Литературный институт имени Горького. Автор книг "Равнина", "Твердь", "Зрак", "Врата вечности", подборок в периодической печати. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

* * *

Дорога, хмурый небосвод,
Реки незримое движенье,
Застывшее, как бы живёт
В задумчивом оцепененье.

Но вскинется внезапно ветер —
И выдохнут печаль равнины,
И хлынет из-за тучи свет,
Стремительный, молниевидный.

И ток речной, и деревцо,
Дрожащее листвою зыбкой,
Вдруг просветлеют, как лицо,
Вмиг озарённое улыбкой.

НА ОЗЕРЕ

В дали, открытой для взора,
В мире, свободном от зла, —
Дивного цвета озёра,
Ровная тяжесть весла.

Бор на далёком угоре.
Льнущее к сердцу тепло.
Водам неведомо горе.
Соснам неведомо зло.

Думам твоим не помеха
Чаяк полёт, а над ним —
Гулко звучащее эхо
Непостижимых глубин.

Тень набегающей тучи.
Сень зацветающих лип...
Слышен лишь ржавых уключин
В синем безмолвии скрип.

ВЕСЬ ЭТОТ МИР...

Весь этот мир, ушедший в забытьё,
В напластованье мифов, в череду
Друг друга позабывших сновидений,
К которым лучше и не прикасаться,
Не вызывать в сознание, не тревожить;

Все эти изумрудные дымы
Берёзовых весенних перелесков,
Плывущие в щебечущем пространстве,
Просвеченном незаходящим солнцем;

Весь этот дух, витающе-тревожный,
Сырой земли, набухшей материнством,
Чернеющей томящеюся плотью;

Все избы эти, риги и плетни
С огнеподобным кочетом горластым;

И чёрствый хлеб земной, и руки эти —
Черней земли, сильнее испытанья,
Пришедшегося на мужичью долю;
И долгий свет беды и состраданья
В глазах, нутро выдавших преисподней;

И эта жизнь, дорога, небеса —
Вся эта обжигающая русскость —
Порыв и свет, — чему названья нету;

Невемо — как, но уцелевший чудом
Старинный храм на вешем пепелище;
И облака, и вечность — ощутишь,

Как ощущает кто-то через жизнь,
Протекшую, как воды безвозвратно,
Доступный на мгновенье осязанью,
Напомнивший внезапно о себе
Отъятый орган свой...
О Боже, Боже!..

НОЧНОЙ ВЕТЕР

Слушает жалобы ветел
Выстужен бедами дом...
О завывающий ветер!
Вьюга за чёрным окном!

О невозвратной потере
Или пропащей любви —
Стонет у запертой двери,
Ломится в окна мои.

В этом полуночном вое,
В сердце, готовом рыдать,
Слышится что-то такое
Кровное — не передать...

Русскою ночью острожной,
Молча, главу опустив,
Слушаю томно-тревожный,
Режущий сердце мотив.

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ

ОТЕЦ

РАССКАЗЫ

Каждый год Девятого мая я с внуками хожу к памятнику воинам, погибшим при освобождении города. Накануне старший, Владимир, названный в честь прадеда, долго уговаривал надеть форму:

— Дед, сделай нам приятное. Мы ведь тебя в погонах только на фотографии видели. О службе своей ничего не рассказываешь, а хочешь, чтобы я флотским офицером стал. На личном примере надо воспитывать. Не скромничай, нам твои ордена и медали бабуля показывала.

Жена на помощь внукам пришла. Общими усилиями убедили. Володька даже брюки мне погладил. Ночь напролёт дождь лил. К утру ветер тучи разогнал. Солнышко выглянуло, асфальт подсушило. Почки на деревьях лопнули. Молоденькие, клейкие листочки появились. Природа тоже к празднику приготовилась. Встали пораньше, позавтракали, оделись и отправились на торжество. По дороге купили красных гвоздик. Замечаю, внуки то на меня посмотрят, то по сторонам оглянутся. Проверяют, какое впечатление производит их дед на прохожих. Сами от важности момента носы кверху позадирали. После парада цветы к Вечному огню положили, поклонились, постояли, помолчали. Мимо нас шли люди: семьями и поодиночке. Шли тихо, сосредоточенно, сознавая свою сопричастность к великому подвигу. И это ощущение сопричастности сплачивало их, объединяло, делало честнее и выше.

ЛЕБЕДЕВ Александр Владимирович родился в городе Коломна Московской области в 1945 году. Более тридцати лет прослужил на Военно-морском флоте. Капитан 1-го ранга в отставке, кандидат исторических наук, доцент Балтийского Военно-морского института. Стихи и рассказы печатались в сборниках "Антология калининградского рассказа", "Балтийский флот", в журналах "Балтика", "Параллели", во флотских газетах и журналах. Живёт в Калининграде.

Ребята присмирели. Такие события очищают не хуже молитвы. Владимир осторожно тронул меня за рукав тужурки и прошептал:

— Дед, я, наверное, после школы в училище пойду, буду, как и ты, командиром подводной лодки.

Я похлопал его по плечу:

— Так держать, внучек!

Было время, и я с отцом приходил сюда. Тогда ещё не отмечали День Победы как всенародный праздник. Отец брал отпуск за свой счёт, покупал билеты на поезд, и мы отправлялись в Калининград. От вокзала добирались пешком по центральной улице. По обе стороны — разбитые дома, следы пожаров, словно война закончилась только вчера, а не несколько лет назад. Казалось, сейчас из подворотни выскочит фриц и закричит: “Хенде хох!”. При посещении памятника отец всегда произносил:

— Прости, Алексей.

Я несколько раз просил отца пояснить, что означает эта фраза, но он отнекивался:

— Подожди, не сейчас.

В такие дни он становился ещё более замкнутым. По каким-то одному ему известным признакам он находил среди фронтовиков родственную душу. Здесь же в парке они садились на скамейку. Отец расстилал газету, доставал бутылку, два гранёных стограммовых стаканчика, пару солёных огурцов, хлеб и нарезанное ломтиками сало. Выпивали за победу, за мёртвых и живых. Молчали, думали о своём, обнимались при расставании, желали друг другу здоровья и расходились, чтобы больше не встретиться.

— Папа, почему ты никогда не рассказываешь о том, как воевал? — спросил я однажды.

— Наверное, таким родился, а потом знаешь, те, кто со смертью часто рядом был, обычно не разговорчивы. Война, сынок, грязное дело, и не только потому, что грязь сапогами месили. Много дряни из человека вылезает, когда жизнь — копейка, поэтому полную правду никто никогда о себе не расскажет. Это всё равно, что посредине улицы догола раздеться. Я подлости, непорядочности людской вдосталь насмотрелся, и многих свято верящих в правоту нашего дела бойцов схоронил. На войне убивают, вынужденно, но убивают. И в пехоте не абстрактного противника, которого близко не видишь, как артиллеристы, лёгчики или моряки, а конкретного человека. Иногда, приходится в глаза его смотреть, и взгляд, в котором ужас предсмертный, понимание, что всё кончено, навсегда запоминаешь. Стоит ли этим хвалиться?

У нас с отцом были сложные отношения. В детстве я им гордился. А как же иначе, если твой отец такая незаурядная личность. В любом деле он стремился стать первым и очень переживал, если по каким-то причинам это не удавалось. Он увлёкся футболом и стал лучшим полузащитником в городе, однако в одной из игр на первенство России сломал ступню. О карьере футболиста пришлось забыть. Он был одним из создателей молодёжного театра “Синяя блуза”. Маму попросили помочь рабочему классу с музыкальным сопровождением. На репетициях мои будущие родители и познакомились. Отец — обладатель сильного баритона и абсолютного слуха — произвёл тогда сильное впечатление на свою будущую жену. Вот только восторг от первых успехов сменился разочарованием. Стало ясно, что на энтузиазме далеко не уедешь, не каждому дано быть актёром, пусть и самодеятельным. Молодому коммунисту поручают возглавить городской спортивный комитет. Отец пытается создать школу тенниса. Его снимают с должности за пропаганду буржуазных видов спорта. Он уходит на завод, заканчивает рабфак и перед войной в двадцать восемь лет становится заместителем главного технолога завода. Для того чтобы определить, из какой марки стали изготовлена деталь, отцу достаточно было провести пальцами по поверхности изделия. И работяги, и начальники в такие способности долго не могли поверить, спорили до хрипоты, относили для анализа образец в лабораторию, а потом, прочитав заключение, разводили руками: “Не может быть?” Откуда в нём, родившемся в семье сапожника и неграмотной женщины, подрабатывающей

стиркой и уборкой в богатых семьях, столь разносторонние дарования? Не объяснить. В таких случаях обычно говорят: “Его Бог не обидел”. Отец был настоящим русским пролетарием и по духу, и по стилю жизни. О завтрашнем дне не думал, главное для него — работа, в быту довольствовался малым. Когда он вернулся домой из Германии, мне шёл третий год. Мама вся светила от счастья. Я долго дичился, называл его дядей, а потом признал и не отпуская ни на шаг. Вместе и в баню, и на футбол, и на рыбалку. В пять лет он научил меня играть в шахматы, городки, плавать. Много позже я понял, что отец не был семейным человеком и охотнее проводил время вне дома, приходил с завода поздно, часто нетрезвым, мог гульнуть с друзьями с размахом. Мама обижалась, плакала украдкой, но всегда оправдывала отца и никогда не говорила о нём плохо. Через год после смерти мамы он ушёл к другой женщине, хотел забрать меня. Я, десятилетний паренёк, отказался наотрез, заявил: “Ты мне больше не отец”. На глазах у него появились слёзы. Он весь как-то сник и дрогнувшим голосом произнёс: “Сынок, я без тебя не смогу”. Я прижался к бабушке. Она обхватила меня, а отца перекрестила со словами: “Иди с Богом. Пусть малец со мной пока побудет”. “Пока” растянулось на восемь лет. С отцом общался не часто. Он несколько раз пытался уговорить меня перебраться к нему, я не соглашался. Почему? Сейчас и объяснить трудно. Мне тогда не было его жалко. Только значительно позже понял, какую боль причинил близкому человеку. Воспитывала меня бабушка. После окончания школы я уехал в Ленинград, поступил в военноморское училище, домой приезжал на летние каникулы, поэтому видиться стали лишь раз в год. На последнем курсе мы проходили стажировку на Севере, на атомоходах. Здесь меня нашла телеграмма “Срочно приезжай, отец в тяжёлом состоянии”. Время отпусков, билетов не достать. Неделю протолкался в аэропорту, прежде чем удалось улететь. Всю дорогу я казнил себя за то, что так неуважительно относился к отцу. Самое большое желание — заставить его живым. К моему приезду его выписали из больницы после обширного инфаркта. Бледный, худой, он лежал на диване. Увидел меня, обрадовался, попытался встать. Я опередил, сел рядом, обнял и произнёс:

— Прости меня, папа, — и удивился, как легко это у меня получилось.

И вновь я увидел отцовские слёзы.

— Старею, не обращай внимания, — смутился он.

— Что же ты не бережешься? — упрекнул я отца.

— А зачем? Кому я нужен? Своё отжил, и на этом свете меня никто и ничто не держит.

— Про меня ты забыл?

— У тебя своя жизнь. И не ты у меня, я у тебя прощение просить должен, да гордость не позволяет.

Я пробыл у отца три дня. Беседовали о многом, но больше о войне. Собственно, говорил отец, ему нужно было выплеснуть то, что копилось годами, излить душу. Жалко, что не записал его рассказ. Конечно, основное содержание осталось в памяти, однако детали, мелочи, благодаря которым собственно и складывается неповторимое впечатление, утрачены. Он предупредил “Будет неинтересно, не стесняйся, обрывай. Нужна ли тебе моя биография?”

— Войну я встретил в должности заместителя главного технолога завода текстильного машиностроения. Мужики, особенно молодёжь, военкоматы осаждала, мне же бронь дали как особо ценному кадру. Я обратился к директору с просьбой помочь в отправке на фронт. Отказал. Я в партком. Там разъяснили: “Партия считает, что больше пользы ты принесёшь в тылу”. Мне было наплевать на пользу. Я молодой, здоровый, должен находиться на передовой. После третьей попытки добился приёма у первого секретаря райкома партии и заявил: “Если для того, чтобы воевать, я должен стать беспартийным, то готов положить партбилет на стол”. Потом мне эти слова припомнят. Попал я не на фронт, а на офицерские курсы. Через три месяца присвоили звание младшего лейтенанта и отправили под Москву в дивизию народного ополчения. Доверили взвод. Народ подобрался разный: и молодёжь, и пожилые люди, научные работники и работяги. Ни один опыта военного не имел. Да и у меня его не было. В прифронтовом лесу на наспах

оборудованном стрельбище каждый из моих подчинённых сделал по три выстрела из винтовки. Посчитали, что этого вполне достаточно для защитника Родины. На грузовике повезли на передовую. Я тоже залез в кузов, устроился на последней скамейке у заднего борта. Машина открытая, октябрь месяц, в шинельке продувает насквозь. Чтобы как-то согреться, раздаю запас своих папирос “Беломорканал”. Задымила братва, повеселела немного. Один щербатый, с золотой фиксой, прикуривая от моей папиросы, с ехидной улыбкой спрашивает:

— Не боишься, начальник, что пристрелят тебя в первом же бою?

И смотрит на меня нагло. Хотел я ему по роже врезать, да вовремя одумался: засудят. Отвечаю спокойно, размеренно:

— По уставу в атаку у вас должен поднимать, на смерть вести. Кому первому пуля достанется, сказать не берусь. В одном уверен — подонков среди вас нет.

Ухмыляется щербатый:

— Тебе виднее.

Встретил нас командир батальона, поздоровался, коротко пояснил обстановку:

— Враг к Москве рвётся. Волоколамское направление самое ответственное. Держаться до последнего.

Затем представил меня командиру роты. С ротным прошли на позицию.

— Место, где твой взвод будет стоять, наиболее танкоопасное.

— У нас кроме винтовок ничего нет.

— И не надо. Ваше дело — законаться, танки пропустить и с пехотой разобраться.

— Вы думаете, можно голыми руками окопы в полный профиль вырыть?

— Захотите выжить — выроете.

— Это же бойня, а не война.

— Но-но, взводный, не забывайся. Ты и часа не воевал. Я от границы топаю. Столько народа потерял — на полк хватит. Запомни: жизнь солдата на войне и копейки не стоит. И не забудь, приказы не обсуждают, а кто обсуждает — под трибунал идёт. Так что выбирай.

— Я выбор давно сделал.

Ротный спорить не стал, буркнул:

— Подожди, жизнь научит, — вскинул руку “под козырёк”:

— Выполняй приказ, — и потопал на свой КП.

Ночь напролёт личный состав взвода подручными средствами вгрызался в мёрзлую землю. Я бегал, уговаривал, умолял, угрожал пистолетом. Щербатый посоветовал:

— Не суетись, начальник. Утром все ляжем.

— Зачем же в ополчение пошёл?

— Числится за мной грешок. Пока опера дело не раскрутили, свободой подышу.

Перед рассветом закончили работу, немного вздремнули. Утром немцы пошли в наступление. Танки медленно приближались. Вплотную за ними шли автоматчики. Бойцы вжимались в землю. Несколько человек не выдержали и без команды бросились вперёд с винтовками наперевес. Танкисты хладнокровно скосили их из пулемёта. Щербатый рванул в тыл. Передний танк зашевелил башней, вздрогнул от выстрела. Снаряд снёс Щербатому голову и разорвался в лесу. Танки утюжили неглубокие окопы, давили солдат, оставляли кровавое месиво и шли дальше. Я поднялся в полный рост, бежал, не оглядываясь, стрелял, не целясь. По топоту, тяжёлому дыханию понял, что не один. Сошлись врукопашную. До сих пор помню первого уничтоженного врага — молодого, щуплого, тонкошеюго, в очках, с которым схватились, отбросив оружие, по-звериному рыча. Я подмял его под себя. Он близоруку щурился, одной рукой шарил по снегу, пытался найти свалившиеся очки, другой отталкивал меня. Силёнок у него не хватало. Он чувствовал это, но продолжал сопротивляться. Его полные слёз серые глаза смотрели на меня с ненавистью и отчаянием. Я пришёл в себя только тогда, когда услы-

шал хруст горла, сжатого моими пальцами. Противник был мёртв. Я победил, однако радости не испытывал, скорее отвращение, будто совершил что-то постыдное. Хотя вроде стыдиться нечего, война: или я его, или он меня. Только как-то это не по-людски получилось. Ведь убивать можно тоже по-разному. Наши, видимо, решили, что со взводом окончено, открыли миномётный огонь, чтобы отсечь пехоту от танков, и добились оставшихся в живых. Уцелел я один. Осколком мины меня ранило в левую ягодицу, вырвав при этом кусок мяса. Рана была не опасная, но сильно кровоточила. Брюки промокли и задубели. В прорыв бросили подкрепление, восстановили оборону. Бой затих. Из меня как будто душу вынули, безразличие полное, уши словно ватой заложены, веки тяжёлые слипаются, в голове гудит, чтобы двигаться. Достал я из вещмешка чистую нижнюю рубашку, свернул, прижал к ране и повалился набок. Мысль откуда-то издалека приходит и исчезает, снова появляется: “Что же ты, Володя, солдатиков своих погубил, всех до единого. Сам-то живой, а их нет”. Не заметил, как санинструктор подошёл, наклонился. Спросил: “Идти сами сможете, товарищ младший лейтенант?” Я только кивнул. Помог он мне подняться и проводил до медсанбата. Там меня ротный нашёл, догадался, о ком я печалюсь: “Не казись, нет твоей вины в их гибели, я через это прошёл, привыкай”, — протягивает фляжку: “Хлебни, полегче будет”. Так прошло первое моё боевое крещение. Особисты настойчиво допытывались, почему ранен в такое интересное место, не бежал ли с передовой. Хорошо — комбат заступился. Вернулся я в полк, когда немцев отогнали от Москвы. От батальона остался взвод. Меня назначили командиром роты. Так ротным и прошагал до победы.

Отец замолчал, достал сигарету, закурил. Чувствовалось, что воспоминания его разволновали. Я забеспокоился:

— Может быть, хватит на сегодня? Тебе нервничать нельзя, покой необходим.

— Эх, сынок, война во мне сидит, от неё не убежишь, не скроешься. Я с тобой давно поделиться хотел, сначала думал: мал, не поймёт, потом жизнь развела. Да и выговориться пора, сколько можно в себе держать. Ты давай спрашивай, не молчи.

— Званием, должностью не обидели?

— Ты мой характер знаешь, не подарок — прямой, словно оглобля. Правду-матку резал, невзирая на чины, подчинённых в обиду не давал, кричать на себя не позволял — самолюбия, строптивости через край. Кому это понравится. В общем, неудобный для начальства человек. Конечно, обидно, когда тебя обходят. Но я себя профессиональным военным не считал и становиться им не собирался. Старался воевать честно, солдаты меня уважали, мне перед ними не стыдно, и это, я считаю, главное, а остальное ерунда.

— Страшно бывало?

— Не без того, но верь тому, кто это отрицает. Пожить, домой вернуться всем хотелось. Только я точно знал: в атаку первым пойду, за чужую спину не спрячусь, значит, победы не увижу. Вначале просто не понимал, почему не погиб, а потом, удивлялся, что уцелел. Роту мою шесть раз перереформировывали. Несколько лет после войны снилось, будто лежу в братской могиле, рядом со мной — товарищи, которых в живых нет. Дождь осенний моросит. Холодно, сыро и обидно. Наверху похоронная команда с лопатами выстроилась. Вдруг женский голос раздаётся: “Постойте, что же вы делаете? Надо хотя бы лица прикрыть”. Солдаты расступаются, и появляется наша Нина, санинструктор. Спускается она в могилу и накрывает нас плащ-палаткой. Становится темно, падают первые комья земли, я задыхаюсь от нехватки воздуха и просыпаюсь в поту.

— Ты как считаешь, тебе везло? Кто-то хранил тебя? Или случайно выжил?

— Я и сам себе тысячу раз подобные вопросы задавал. Видимо, всего понемногу. Воевать научился, зря не рисковал ни собой, ни людьми. Любовь мамина берегла. Письма её до сих пор храню. Столько в них тревоги за меня, нежности — не передать. Считаю, половину войны в госпиталях провалялся. Пять ранений. Из-за последнего, вроде бы пустякового, комиссовать

хотели. Пуля попала в правое предплечье и прошла навывлет. Нерв оказался задет. Рука сохнуть начала. Пальцы еле шевелились. По несколько часов в день специальные упражнения делал. Восемь месяцев дома пробыл. Поэтому ты в год победы на свет появился. Добился улучшения. Вернулся в полк накануне штурма Кёнигсберга.

— Ты знал, что у вас будет ребёнок?

— Мама сообщила. Она надеялась, что родится девочка.

— Почему?

— Наверное, чтобы в будущем похоронки не получать. В сорок первом у неё отец и брат погибли, у меня — оба брата. Такую дань война собрала. Мама не хотела отпускать. Уговаривала: “Володя, прошу, не торопись, у тебя же освидетельствование только через три месяца, а там, может, и продлят. К тому времени и война закончится”. А я в ответ: “В тылу отсиживаться не намерен”. Мы с ней тогда первый раз серьёзно разругались. Плакала несколько дней, а потом смирилась, притихла, будто уже меня похоронила. Не верила, что вернусь. “Нельзя судьбу искушать, любому везенью конец приходит”, — твердила она. Оказалась почти права.

В апреле-месяце бои за город шли жестокие, потери большие. Мы попрежнему добивались победы не уменьем, а числом. В роте в основном восемнадцати-двадцатилетние ребята. С командирами взводов предусмотрели, казалось, все возможные ситуации. Перед штурмом собрал роту, предупредил: “Война вот-вот закончится, у вас жизнь впереди, поэтому никакой самодеятельности”. Особенно меня беспокоил рядовой Алексей Малкин. Родители его к дипломатической карьере готовили. Английский и немецкий знал в совершенстве. Но к жизни не приспособлен совершенно. Рассказывал, что на фронт всем классом отправились после окончания школы, через райком комсомола. Малкин очки носил. На медицинской комиссии товарищ вместо него окулиста прошёл. Зато реакция у Алексея была отменная. Парень чистый, светлый. Как он до сих пор в живых остался и ни одной царапины не имел, не представляю. Приказал Малкину от меня ни на шаг не отходить: “Будешь личным порученцем”, — а для убедительности добавил: “И телохранителем”. Алексей мои слова буквально воспринял — следовал за мной тенью. Продвигаемся вдоль улицы в направлении центра. Фашисты сопротивляются отчаянно, за каждый дом дерутся, понимают, что отступить некуда. Авиация бомбит, артиллерия, миномёты ухают, танки грохочут по мостовой, автоматы трещат, дома горят. Ад кромешный. Я голос сорвал, метался от одной боевой группы к другой. Малкин со мной, словно приклеенный. К вечеру бой стал стихать. Я передал взводным, чтобы доложили о потерях, а сам решил дом осмотреть. Надо на ночь людей пристроить, по возможности дать отдохнуть, перекусить. Входим в подъезд, вижу — на лестничной площадке, между первым и вторым этажом, немец сидит. Автомат на меня смотрит. Понял, что не успею ничего сделать, он первым выстрелит. Алексей сооразил быстрее меня. Откуда у него сила взялась, толкнул в бок так, что я в сторону улетел. Сразу очередь автоматная прозвучала. В груди словно оборвалось. Бросился назад, надеялся, что стрелял не немец, а Малкин, наклонился над Алексеем. Он мёртв. Тут у меня сработал инстинкт самосохранения. “Дурак, если фашист жив, ты у него на мушке, ты труп”. Осторожно, не делая резких движений, повернул голову. Немец привалился спиной к стене, автомат из рук выпал. Значит, выстрелили они оба, одновременно. С такого расстояния трудно промахнуться. Теперь рядовой Алексей Малкин лежит в братской могиле под тем памятником, к которому я тебя водил. Родителям Алексея на следующий день написал письмо, всё объяснил.

— Ты виделся с ними?

— Один раз, когда возвращался домой из Германии. Встретили неласково. Сказали, что ежегодно ездят на могилу сына, расспросили подробности. По характеру вопросов понял — Малкины считают меня виновником его гибели.

— В Дрездене ты чем занимался?

— Меня как технолога направили. Демонтировали станки, оборудование и отправляли на Родину. Делалось это на основе Потсдамского соглаше-

ния в качестве компенсации за нанесённый материальный ущерб. Работали группами по несколько человек. В нашей было пятеро. Жили в особняке, принадлежавшем полковнику абвера. Он погиб под Сталинградом. Семья сбежала в американский сектор. За домом присматривала служанка. Она и русская девушка, угнанная в Германию, помогали нам по хозяйству. Готовили, обстирывали. Вечером в город старались не выходить — небезопасно. У каждого свои интересы: кто немецкий изучал, кто готовился к поступлению в академию. В карты играли, в основном, в преферанс, вышивали, о жизни разговоры вели. В подвале винный погреб находился. Напробовался я коллекционных вин и коньяков. Наверное, от этого, да от ежедневных фронтовых ста грамм, привык к алкоголю. Умные люди время не теряли, обогащались. Возможность была. В вагонах с техникой мебель, посуду, вещи вывозили. Я домой с двумя чемоданами приехал. В одном — тебе игрушки, в другом — маме платье и нижнее бельё. На паёк выменял. Мог и в Германии дольше прослужить и в армии остаться. Но гонор помешал. С товарищами-крохоборами рассорился. Командование меня не поддержало — у самих рыльце в пушку. Кадровики пошли на компромисс: предложили на учёбу поехать, а я заявил, что разочаровался в службе. Меня такого разочарованного держать не стали. Быстро уволили и “спасибо” не сказали.

— Оттого и запил в горькую?

— Не всё так просто. Год проработал на родном заводе главным технологом. Хвалили. Предложили войти в инициативную группу, для создания ветеранской организации. Я наотрез отказался, ляпнул: “Самые смелые и достойные в земле лежат, а сегодняшние говоруны и пороху по-настоящему не нюхали”. Тогда многие на меня обиделись, наверное, справедливо. Выпивать продолжал, но меру знал. Вызывает меня первый секретарь райкома и говорит:

— Интересовались тобой товарищи из организационного отдела обкома партии на предмет назначения партторгом ЦК. Спрашивали наше мнение. Я ответил, мол, какой из него партийный руководитель, если в сорок первом собирался партийный билет на стол выложить.

— Зачем вы мне об этом сообщаете?

— Чтобы место своё знал и не высовывался.

Я ему:

— Не завидую партии, в которой у руля такие типы вроде вас.

В итоге схлопотал строгий выговор с занесением. С должности сняли. Тут я и сорвался с катушек. Пять лет пил. На работу, правда, ходил, ни дня не пропустил, трудился в должности рядового инженера. Большого мне уже не доверяли. Сколько мама из-за меня настрадалась, намучилась. Ей стыдно и перед тобой, и перед соседями, а мне хоть бы хны. Ты-то о моих приключениях ничего не знал, мама скрывала. Не без моей помощи она так рано из жизни ушла. Когда её не стало, меня, будто кто по голове крепко ударил. Может быть, надо через такое пройти, чтобы понять, в какой яме оказался, и силы найти из неё выбраться? Ни грамма алкоголя. Образец трезвости. Вроде бы заново родился. Интерес к жизни появился. В голове мысли дельные возникать стали. После долгих раздумий и расчётов предложил принципиально изменить технологию изготовления основного узла. Мои обоснования сочли убедительными и поручили реализовать задуманное. Экономия и сил, и средств получилась солидная. В общем, в очередной раз доказал, что Володька Орлов своей фамилии соответствует. Вот только сердце подвело, и счастья со второй женой не приобрёл, а тебя потерял. О чём и жалею. Такие дела, сынок. Спасибо, выслушал, дал выговориться. Характер-то у тебя мой, как ни крути. Тяжело придётся. Учись на моих ошибках, пока жив.

— Меня ты не потерял, видишь, я с тобой, рядом, и на работе тебя по-прежнему уважают, и с болезнью справился. Так что не прибедайся, в запас ещё рано, молодым фору дашь. Внуков дождись, правнуков жени.

— Твои бы слова да Богу в уши.

Расстались мы телом. Не предполагал я, что эта встреча будет последней. Службу я закончил в городе, который отец освобождал.

КОЛЬКА

К другу детства — Николаю Соколову — я всегда испытывал противоречивые чувства. Мы были одногодками, жили на одной улице, учились в одном классе. После школы часто заходили к нам. Мама кормила, поила, заставляла делать уроки и только потом отпускала гулять. У себя дома Колька появлялся поздно вечером. Родителей это несколько не огорчало. Они не часто вспоминали о существовании сына. Счастливую, многодетную семью Соколовых подкосила трагедия — гибель троих детей, после которой они так и не оправились. Начали понемножку выпивать, горе вином заливать. К годовщине смерти пили, как говорили соседи, “по-чёрному”. Пробовали обновиться, родили Колю, думали, легче будет, да, видно, жизнь уже пошла наперекосяк. Так и рос он былинкой в поле, никому не нужный. А парень был видный: рослый, чернобровый, кареглазый. Девчонки на него заглядывались. Встретить нас порознь было почти невозможно. Если я оказывался один, обязательно следовал вопрос: “Где Колян?” Трудно определить, кто в ком больше нуждался: я в Николае или он во мне. Скорее всего, мы дополняли друг друга, и это сглаживало разницу в воспитании, взглядах, характере. Однажды я вернулся с улицы и заметил, что мама чем-то огорчена. Оказалось, из шкапулки, где она хранила деньги, пропали сто рублей — сумма по тем временам немалая.

— Может быть, это Коля без спроса взял? — предположила она.

— Как тебе не стыдно! Колян мой друг!

Мама смутилась:

— Ладно, успокойся, нет так нет. Наверное, я их куда-то засунула, найдутся.

Между тем, друг мой Колька под различными предложениями отказывался заходить к нам домой: то родителям помочь надо, то вдруг родственники нагрянули. Через неделю раскрылась истинная причина. Соколов сам пришёл и повинился маме:

— Тётя Аня, простите, это я деньги украл. Отдал отцу на еду, а они на водку истратили. Что хотите, делайте, только не прогоняйте! Я без вас пропаду!

Он разревелся. Мама обняла его:

— Да Бог с ними, с деньгами, не стоят они твоих слёз. Главное, Коля, постарайся по совести, честно жить.

В двенадцать лет я подхватил двустороннее воспаление лёгких, лежал дома. Участковый врач приходил, колол антибиотики, прослушивал, простукивал, а за сиделку был Колька. Он старательно записывал рекомендации и неукоснительно их выполнял: кормил, поил, строго по времени заставлял пить лекарства, проветривал комнату, предварительно укутав меня в одеяла. Мама во всём на него полагалась и советовалась, как со взрослым. В выпускном классе, после зимних каникул, Николай неожиданно предложил поступать в военно-морское училище.

— Ты знаешь, — убеждал он, — сколько лейтенант-подводник получает? Инженеру такие деньги и не снились. Вдобавок форма красивая, почёт и уважение, от девчат отбоя не будет.

У меня были другие планы. Но я не представлял, как мы расстанемся, разъедемся, перестанем ежедневно встречаться, и после недолгих колебаний согласился, хотя уже тогда замечал, что мой друг ищет и находит, к кому можно прислониться, чтобы получить выгоду. В будущем мои наблюдения неоднократно получали подтверждение и приносили немало огорчений. И всё-таки, несмотря ни на что, всегда, когда мне было плохо, Колька оказывался рядом и подставлял плечо. Вступительные экзамены пришлось сдавать за двоих. Соколов самостоятельно прошёл только медицинскую комиссию и физическую подготовку. Учёба давалась мне легко, Николай же с трудом постигал науку побеждать. От предложений помочь уклонялся, находил другие ходы. То с ремонтом квартиры командир роты помочь, то преподавателю огород вскопать. Получая заработанные “непосильным трудом” тройки, оправдывался: “Флоту нужны здоровые кадры. Зачем теорией голову забивать,

служба всему научит”. Он был членом училищных сборных команд по самбо, штанге и морскому многоборью. И меня приобщил к ежедневным занятиям. И пусть я не стал великим спортсменом, однако здоровье заметно окрепло. Другая идея Соколова — жениться на дочке какого-нибудь начальника, чтобы получить хорошее место при распределении. Говорил он об этом серьёзно, основательно. Тогда я посмеялся над ним и забыл. На пятом курсе он как бы невзначай обмолвился:

— Наверное, женюсь.

— Есть подходящая кандидатура?

— Имеется, и ты скоро с ней познакомишься — Новый год будем встречать у неё на квартире.

— Неудобно, — засомневался я.

— Чудак, родители Нинкины уйдут, одни останемся, на всём готовом, гуляй — не хочу.

Еле уговорил его купить цветы и бутылку шампанского. Подошли к дому, навстречу из подъезда выходит начальник отдела кадров училища, следом женщина. Оба здороваются с нами и желают приятно провести время.

— Он что, здесь живет? — спросил я Николая.

— Угадал, как раз в той квартире, куда мы направляемся.

— Ничего не понимаю. Ты хочешь сказать, кадровик — отец твоей знакомой?

— Наконец-то дошло, мыслитель. Учти, я с кем попало не общаюсь.

— Представь себе, я тоже, поэтому разреши откланяться.

Николай преградил мне дорогу.

— Витёк, не подводи, я Нинке обещал друга привести. Она однокурницу пригласила, для полного комплекта. Скучать не будешь.

— Всё, значит, предусмотрел, — съязвил я, — ладно, веди.

Зря я сопротивлялся. Просидел бы вечер перед телевизором, а не в обществе приятных дам. Девушки приготовили целую праздничную программу. Нина на правах хозяйки развлекала гостей. Мне не понравилось, что она, не стесняясь, целуется с моим другом и командует им: “Коля, принеси тарелку, включи магнитофон”, “Соколов, будущему морскому офицеру стыдно не уметь танцевать вальс”. Колян согласно кивал головой и, словно дрессированная собачка, торопился выполнить её поручения, чтобы заслужить похвалу.

Задумку свою Николай реализовал. После защиты дипломной работы женился на Нине и в качестве свадебного подарка получил непьющую, не имеющую к нашей специальности никакого отношения должность на Балтике. На свадьбу я не пошёл. При распределении попросился на Камчатку. Соколов обиделся крепко, сторонился меня, не разговаривал, но в день выпуска выбрал момент, когда мы остались одни, обнял:

— Витёк, дождались, наконец, лейтенантских погон, как и мечтали!

— Насколько я помню, кое-кто мечтал о карьере подводника?

— Что поделаешь, романтиками были, теперь обстоятельства изменились.

— А как же с клятвой быть всегда вместе, во всем помогать друг другу?

Это тоже ошибка молодости?

— Мы и так вместе, расстояния никакой роли не играют. Ты только свистни, и я прилечу.

— Ты прикидываешься или на самом деле не понимаешь, что дружбу нашу предал?

Разругались мы тогда в пух и прах и разбежались в разные стороны.

Первый офицерский отпуск я провёл дома, Соколов с молодой женой — в Крыму.

С назначением мне повезло: основной экипаж. Лодка в первой линии, экипаж дружный, сплаванный, словно одна большая семья. Жил, как и большинство холостяков, в общежитии, носившем неофициальное название “Чудильник”. С Соколовым не переписывался. Мама сообщала, что Николаша несколько раз навещал её, интересовался мною, спрашивал адрес и дал свой. Тем самым она деликатно намекала — пора перестать обижаться и неплохо бы возобновить наши отношения. Я сознавал, что, скорее всего,

такого друга у меня больше не будет, однако советы мамы оставил без внимания и на письма, которые прислал Соколов, не ответил. Военный городок от отпуска до отпуска жил флотскими новостями: провожал и встречал экипажи, обсуждал итоги проверок, новые назначения. Семейные собирались обычно у кого-нибудь на квартире или устраивали вылазки на природу. Холостякам приходилось довольствоваться танцами, кино и изредка концертами. Меня это пока не особенно беспокоило — свободное время я в основном посвящал чтению. В одно из воскресений, когда выдался нечастый выходной, я попил чаю и завалился на койку с толстым журналом “Иностранная литература”, который накануне получил от Лены — моей подруги, работавшей в читальном зале библиотеки Дома офицеров. Однако культурный досуг вскоре прервал настойчивый стук в дверь. Я удивился: во-первых, обычно “Чудильник” в субботу гудел до утра и до обеда отсыпался, а во-вторых, местные стучали больше по корабельной привычке и, не дожидаясь разрешения, вваливались в комнату. Значит, либо это чужой, либо кто-то очень хочет опохмелиться. Мне не нужен был ни тот, ни другой, поэтому я не ответил. Постучали ещё раз, и дверь распахнулась настежь. В дверном проёме возник поплывший, раздобревший Колька Соколов с двумя огромными чемоданами в руках.

— Что-то ты неласково друзей встречаешь? — неожиданным баском произнёс он.

— О дружбе и о друзьях почаще вспоминать надо, — заметил я, не скрывая радости.

— Витёк, что с меня, дурака взять, пора привыкнуть.

— Ты валенком-то не прикидывайся, не получится. Отойди, дай на тебя со стороны посмотреть. Плечи ещё шире стали, в рубочный люк точно не пролезешь.

— Правда, что ли? — забеспокоился Николай и поглядел на себя в зеркало.

Мы обнялись, и пока я улыбался и удивлённо таращил глаза, Соколов разделся, раскрыл один из чемоданов, извлёк из его недр бутылку коньяка, пакетики с закуской.

— Посуда-то у тебя есть? Надо по обычаю за встречу. Не возражаешь?

Пить не хотелось, но обижать друга не стал. После традиционной третьей спросил, каким ветром его занесло на Камчатку.

— Для дальнейшего прохождения службы.

— Ты давай официальными формулировками не сыпь. Отвечай подробно и по порядку.

— История старая, как мир. Сам знаешь, женился ради должности. Думал, стерпится-слюбится. Нинке тоже оказалось всё равно, за кого замуж высказывать. Как кошка с собакой жили. Я бы раньше сбежал, да перед тестем неудобно. Мужик хороший, переживал сильно. Сюда помог перевестись. Теперь будем служить в одной дивизии.

— Счастье для нас, конечно, большое, но как бы ты не пожалел.

— Зря стараешься обидеть, не получится. Помни, ближе тебя у меня никого нет. Ну, да ладно. Встретились, поговорили и на том спасибо.

Соколов потоптался у стола, потом прихватил чемоданы и направился на выход. Я схватил Николая за плечи.

— Стой, не дури. Куда ты направляешься?

— Мне койку в общежитии дали, надо устроиться, завтра начальству представляться.

— Оставайся, место есть.

— Есть-то есть, да, видно, не про нашу честь.

— Кончай приbedняться, решение принято и обжалованию не подлежит, располагайся.

Я помог Николаю разместиться, сводил в душ, заодно и сам помылся. Потом допили коньяк и улеглись. Однако сон не шёл, и мы проговорили полночи. Особенно запомнились и растревожили душу Колькины слова:

— Ты, Витёк, до сих пор не осознаёшь, какое счастье иметь родителей и знать, что тебя любят. Да если бы меня кто так любил, я бы самым сча-

стливым человеком себя ощущал. Для тебя это естественное состояние, для меня — неосуществимая мечта. За тебя было кому заступиться, а я мог лишь на себя рассчитывать. Вроде бы поэтому должен был уверенным, самостоятельным вырасти — не получилось, поддержки, помощи ищу. Я ведь у вас оставался не из-за обеда, хотя есть, конечно, хотелось, а чтобы по головке погладили, Николашей назвали, похвалили. Часть любви, тебе предназначенной, мне доставалась, и я этого никогда не забуду.

— У тебя всё ещё впереди: и любовь большая, и успехи по службе. Я в тебя верю, только не торопи события.

— Наверное, ты прав, характер дурной, терпенья не хватает: хочу все и сразу, загораюсь мгновенно и остываю быстро.

Я, как мог, успокоил друга детства. Утром вместе дошли до КПП.

— Что вечером собираешься делать? — спросил Соколов.

— На фильм пойду в Дом офицеров.

— Один?

— С девушкой.

— Меня возьмёте?

— Кто же запретит? Если билет найдётся.

Билет купили с рук. Я познакомил Николая с Леной. Зал был полон, поэтому сидели в разных местах. В общежитие вернулся поздно. Николай не спал.

— Классная девочка, давно встречаетесь?

— Около года.

— Жениться не надумал?

— Какой скорый, тут крепко подумать надо.

— Откуда она? Кто родители?

— Отец служит, но кем, где, понятия не имею.

— Непрактичный ты молодой человек.

— Это точно, до тебя далеко. А если серьёзно, мы и виделись-то всего ничего. Кстати, напоминаю: через неделю ухожу в автономку, так что в этом году больше не свидимся. Ты уж один не скучай.

Перед выходом в море мы всё же встретились, переговорили на ходу. Вернулись через три месяца, сдали лодку второму экипажу и улетели в санаторий. Не успел я вкусить прелестей отдыха, как вызывает меня старпом.

— Виктор Алексеевич, звонил комдив, просит тебя дать согласие на подмену. Лодка Спиридонова уходит на боевую службу, а командира дивизиона движения в госпиталь уложили.

— Неужели на мне свет клином сошёлся? Дайте отдохнуть по-человечески!

— Успокойся, Виктор, пойми, Спиридонов никого кроме тебя видеть не хочет. Что делать-то думаешь? Приказать никто не вправе.

— Вещички пойду собирать, что ещё остаётся.

— Ты особо не расстраивайся, какие твои годы, успеешь ещё, отдохнёшь.

— Это точно, когда на пенсии буду.

Так я “загрел” ещё на три месяца в море. На берег ступил в мае. Отпускных дней набралось много. С Леной успел встретиться. Она уезжала на сессию. Предложил после учёбы вместе отдохнуть на юге. Не согласилась, сказала, что обещала родителям провести лето с ними. Расстались мы как-то сухо, натянуто. Николай с лодкой находился в заводе. Поговорил с ним по телефону. Соколов сослался на занятость, извинился за то, что не сможет проводить, похвастался:

— Флагманский механик назвал меня перспективным офицером и обещал в скором времени назначить на новую должность.

Я искренне порадовался за друга:

— Молодец! Видишь, стоило серьёзно делом заняться, и результат налицо.

Купить билет на самолёт было нереально, торопиться некуда. Я решил прокатиться до Владивостока морем, а оттуда через всю Россию поездом.

Огромный пассажирский лайнер довоенной постройки с шикарными ресторанами, танцзалом, широкими коридорами, отделанными красным дере-

вом, светильниками и перилами из старинной бронзы, бассейном и зимним садом, просторными каютами по сравнению с теснотой прочного корпуса подводной лодки стал для меня на четверо суток настоящим раем.

В купе фирменного поезда “Россия” в попутчиках оказалась семья рыбака. Муж — гидроакустик, полный, жизнерадостный балагур. Жена — настоящая наседка, которая никак не могла поверить, что супруг после девятимесячного рейса наконец-то рядом с нею, крепко держала его за руку, а когда он выходил покурить, каждую минуту заглядывала в тамбур и спрашивала:

— Сенечка, ты скоро?

Дочь — семнадцатилетняя хохотушка, решившая во что бы то ни стало поступить в Московский университет и непременно на факультет журналистики. Мне было весело с ними и легко, как с давними знакомыми, и я мысленно похвалил себя за выбранный маршрут. Мы расстались в Москве, в полной уверенности, что встретимся в недалёком будущем, может быть, этим летом на юге.

Домой я заявился бодрым, весёлым и с подарками. Мама нашла, что сыночек похудел, и клятвенно обещала откормить до нужной кондиции. Вечером, после того как разошлись гости, впервые за отпуск вспомнил о Лене. В Питере она останавливалась у тёти, телефон я знал. Словоохотливая женщина рассказала, что племянница успешно сдала очередной экзамен и в данный момент находится в театре, и что она безуспешно пыталась кому-то позвонить, однако связи с Камчаткой не было. Я не стал уточнять, кого именно хотела осчастливить Лена, и продиктовал свой номер телефона. Звонка так и не дождался. От приподнятого настроения не осталось и следа. Ночь прошла в неудачных попытках объяснить причины странного поведения Лены. Тогда я и мысли не допускал, что это связано с Николаем. В течение нескольких дней я надеялся услышать её голос и, наконец, не выдержал — набрал питерский номер. Тётушка доложила всё как на духу: и то, что племянница живёт, не тужит, и то, что записку с номером телефона передала ей лично. Тогда я сказал себе: “Хватит унижаться, будь мужиком, на Камчатке разберёшься, что к чему. У тебя перед Леной нет никаких обязательств, и у неё тоже, развлекайся на полную катушку, радуйся, пока о тебе не вспомнили начальники”.

Отдыхал я широко и с размахом. Нашёл и одноклассников, и одноклассников по училищу, и на юге побывал, и с попутчиками по купе встретился. Однако частенько думал о Лене, глубоко она в душу залезла. Отпуск закончился, как всегда, неожиданно быстро. Откровенно говоря, я рад был этому, не терпелось побыстрее выяснить отношения с Леной. Самолёт “Аэрофлота” точно по расписанию доставил меня на Камчатку, и вечером я уже открывал дверь своей комнаты в “Чудильнике”. Знакомая обстановка, ничего не изменилось; телевизор включён, значит, и друг где-то неподалёку. Действительно, не успел я переодеться с дороги, поставить на стол бутылку и мамины дорожные припасы, появился Николай. Увидав меня, он почему-то смутился и растерялся. Меня так и осенило: “Вот мой соперник”. Сомнения всё-таки оставались, да и не знал я, как себя вести. Выступать в роли Отелло не хотелось.

— Ну, Колян, сегодня моя очередь спрашивать, почему ты не рад другу.

— Не выдумывай, просто не ожидал. — Соколов покраснел.

— В отпуске был?

От такого простого вопроса Николай пришёл в полное замешательство, глазки забегали. Он пытался что-то произнести, но только шевелил губами.

— Не стой столбом, проходи, не стесняйся. — Я усадил Соколова на стул, налил по полному стакану.

— Давай за нашу дружбу.

Николай сделал глоток.

— До конца, — настоял я. — Теперь не спеша выкладывай всё, что вы натворили в моё отсутствие.

Иронический тон обескураживал Николая и помогал мне не сорваться. Алкоголь прибавил Соколову смелости. Он впервые за вечер посмотрел на меня. Глаза у него были виноватые, как у побитой собаки.

— Прости, Витёк, опять я тебя предал, — наконец, произнёс он осевшим голосом.

— Попрошу поподробнее.

— Стоит ли? Ты и так вон какой бледный.

— Не тяни. Я на пределе.

— Всё случайно произошло. Однажды пришёл в библиотеку перед закрытием, твои книги сдать. Я и не знал, что Лена там работает. Проводил до дома. Заглядывал несколько раз к ней на работу поболтать — знакомых нет, делать вечерами нечего. Предложил встречаться, она не возражала. Гуляли, на танцы ходили, о тебе часто вспоминали.

— Так я и поверил.

— Не сомневайся! В мыслях у меня ничего дурного не было. Только потом, когда познакомились поближе, когда узнал о ней побольше, чувства возникли.

— Особенно, наверно, после того, как стало известно, что она дочь начальника штаба флотилии.

— Да нет же, не опошляй. Ты, между прочим, сам об этом умолчал.

— Умолчал, потому что для меня никакого значения не имело, кто её отец.

— Для меня тоже.

— Ладно, не будем спорить, ври дальше.

— Отпуск провёл в Питере, признался Лене в любви. Она ответила взаимностью. Подали заявление в загс. Ее родители дали согласие на брак. Через месяц свадьба. Всё, — с явным облегчением закончил Николай.

В комнате повисло долгое, тягостное молчание. Я заговорил первым.

— Может быть, мне повезло, что ты повернулся, не дал совершить ошибку, только друга, считай, у тебя нет. Я переберусь на плавказарму, пока ты другое место в общежитии не подыщешь. Вместе нам теперь не бывать, и точка. Давай наливай за бывшую дружбу.

Николай что-то бормотал, оправдываясь, я уже не слушал. На улице почувствовал себя настолько опустошённым, что не было ни сил, ни желания двигаться, хотелось выть от обиды и одиночества. Оставшиеся до службы дни я не вылезал из койки, ребята жалели, подкармливали, приносили пищу в каюту. Известие, что меня желает видеть механик, воспринял с радостью. Корабельная жизнь завертела, закрутила, я и сам искал работу, чтобы не оставаться наедине с мыслями. Док, ремонт, отработка задач, выходы в море, подготовка к походу. Год, словно день, пролетел. Не зря говорят, время лечит. Прошлое не казалось теперь столь трагичным, а будущее — таким безысходным. С Николаем мы виделись редко, при встрече здоровались. Он протягивал руку, пытался заговорить, я лишь кивал, произносил неизменное: “Здравствуй!” — и проходил мимо.

Регулярно, раз в неделю почтальон вручал мне письмо от родителей. На двойном тетрадном листе, аккуратным, букровка к букровке, убористым маминым почерком сообщалось обо всех важных и неважных семейных событиях, о состоянии здоровья родных и знакомых, о погоде и других милых сердцу мелочах. А тут достаю из конверта тонкий лист, узнаю отцовский, размашистый почерк: “Сынок, мама заболела. Положили в больницу на обследование. Как только выяснится, что с ней, сообщу дополнительно. Будем надеяться на лучшее. Папа”. Сколько ни пытался, не мог представить маму в больничной палате. Жизнерадостная, подвижная, ни минуты не усидит на месте, она никогда не болела, ни на что не жаловалась. Вечерами, если был свободен, звонил домой. Отец неизменно отвечал: “Пока ясности нет”. Несколько дней никто не подходил к телефону. Самые мрачные мысли одолевали меня и, когда командир вызвал и молча вручил телеграмму, я понял, что случилось непоправимое. Буквы не хотели складываться в слова, текст телеграммы не воспринимался сознанием. Наконец, смог прочитать “Мама умерла ждём папа”. Командир усадил в кресло:

— Виктор, крепись, поверь, это неизбежно случается со всеми. Собирайся, я помогу взять билеты на завтрашний рейс, вопрос о твоей замене на выход на глубоководные испытания решим с флагманским механиком.

Перед ужином он вручил мне билет на самолёт и отпускной. Через сутки я был дома. Родственники взяли на себя организацию похорон. После кладбища и поминок мы остались с отцом вдвоём в квартире. Всегда подтянутый, молодцеватый, решительный, он выглядел уставшим, постаревшим, потерянным. И сейчас не верилось в смерть мамы, казалось, вот откроется дверь, она войдёт и улыбнётся, и скажет что-нибудь своим особенным, грудным голосом. Только чудес не бывает, даже если в них очень веришь.

Через десять дней я вернулся на службу и здесь узнал о другой трагедии. Вместо меня на выход в море пошёл Николай Соколов, по его настоятельной просьбе. Во время погружения на предельно допустимую глубину обнаружили течь второго контура. Устранять неисправность вызвался Соколов, работал один, меняться отказался. Получил дозу радиации, несовместимую с жизнью, и сейчас находится в госпитале. Я с трудом добился свидания с ним. Николай лежал в специальном боксе, изолированном от других помещений. Он был в полном сознании, но крайне слаб. Увидев меня, попытался подняться, однако смог лишь на секунду приподнять голову. Лицо бледное, осунувшееся, синяки под глазами. Говорил с трудом, тихо, почти шёпотом, часто останавливался, чтобы перевести дыхание.

— Не думал, что в таком месте увидимся? — спросил Николай и хотел улыбнуться, но даже на улыбку у него не хватило сил. — Врачи утверждают, что поправлюсь, а мне не верится. Ты как считаешь?

— Не сомневайся, обязательно выздоровеешь! Мы ещё на моей свадьбе попляшем! Какая же свадьба без друга! Так что надолго здесь не задерживайся.

— Ты и вправду жениться надумал?

— Конечно, пора семьёй обзаводиться.

— Рад за тебя, с детства к тебе тянулся, старался доказать, что я хороший и что надёжнее друга у тебя нет, да выходило наоборот из-за моей непутёвости. Разные мы, но философы утверждают, будто противоположности сходятся.

— Правильно утверждают. Я после смерти мамы долго размышлял, почему к ней люди тянулись, и вспомнил, что она часто повторяла: “Не нам людей судить, Божье это дело, не наше”. Наверное, слова эти ко мне, прежде всего, относились. В общем, не сомневайся, Колян, мужик ты стоящий и офицер толковый, как друг тебе говорю.

— Спасибо, Витёк, после таких слов дышать легче, жить хочется.

Дежурный врач прервал нашу беседу и насильно вывел меня из палаты. Вскоре моего друга капитан-лейтенанта Николая Соколова не стало.

СВЕТЛАЯ ПОЭЗИЯ ПРОТИВ ТЁМНОГО ВРЕМЕНИ

В коротенькой своей автобиографии Алексей Кутергин написал: “Первые стихи сочинил лет в 13-14. До сих пор думаю, что это – чудо...”

Действительно чудо! Сверхившееся вопреки всему.

Он сам не может даже записать свои стихи на бумаге. Спасибо добрым людям – сотрудникам интерната и диспансера: они записывали диктуемые им строки, сохраняя сочинённое им для всех нас – будущих его читателей. А в том, что благодарных читателей будет много, я не сомневаюсь. Залог этому – в светлой энергетике добра и любви, идущей от стихотворных строк Алексея Кутергина.

Есть расхожая фраза: “Он не страдал, как мы, – ему нас не понять”. К Алексею это не относится. Он хлебнул из чаши страданий полной мерой. Но собственная боль, свои страдания не лишили его чувства сострадания к другим, ощущения чужой боли, как своей. Поэтому, несмотря на некоторую почти детскую наивность, так пронзительны его стихи, так чисты и так открыты:

Жизнь на части раскололась.
Время знаки подаёт:
Я иду на этот голос —
Я жалею свой народ.

Он жалеет свой народ: не только тех, кто рядом, но и “беженца с Чечни”, “нелегала с Таджикистана”, скорбит о трагической гибели гармониста всея Руси Геннадия Заволокина, переживает за “безусых солдат”, что “раньше шли в Афган” и “в жар других “горячих точек”. Он молится и просит не за себя:

Господь, помилуй и спаси
Страну из замкнутого круга.

Душа для него – не просто слово или эфемерное понятие:

Как ребёнку, мне радуга снится,
Как слепой, я не вижу лица.
О, душа, белокрылая птица,
Помоги долететь до конца.

Поражают его проникновенные строки, обращённые к Господу. В отличие от некоторых нынешних молодых (да и не только молодых) поэтов, для которых православная тема – лишь красивый и модный антураж для собственных мелочных самокопаний и стенаний, для Алексея это крестный путь познания мира и души человеческой. На этом пути его стихи за кажущейся простотой неожиданно обретают глубину и философский смысл. Вдумайтесь, о чём он просит Бога:

Дай мне, Боже,
Судить себя строже,
Дай мне, Боже,
Других не судить.

А каков финал этого короткого стихотворения!

Дай мне тяжёлую
Ношу на плечи
И прикажи,
Чтобы шёл я вперёд.
Я с благодарностью
Всё это встречу:
Плоть — ослабеет,
Душа — запоёт.

Конечно же, чтобы душа поэта чаще пела, ему нужна наша моральная поддержка. Многие вятские писатели принимали участие в судьбе Алексея – навещали его в “богоугодном заведении”, обсуждали его творчество на областных семинарах молодых литераторов, готовили к публикации его стихи в областных газетах и журнале “Реально”, в альманахе “Зелёная улица”. В давней творческой переписке с поэтом-самородком состоит секретарь Правления Союза писателей России Светлана Сырнева, чьё доброе слово для Алексея трудно переоценить (вчитайтесь в цикл стихов, ей посвящённый).

Сейчас Кутергин – полноправный член поэтического клуба “Озарение” при Мурыгинской библиотеке, где нынче прошёл его первый творческий вечер, где была подготовлена при помощи добрых людей и издана при спонсорской поддержке в виде “издания малых форм” его первая книжка “Сомнение”. И это помогает Алексею преодолевать житейские невзгоды и обиды, мужественно превозмогать чистым душевным светом “тёмное время”:

Слава Богу, что нет во мне зла
На того, кто меня обижает.
И блажен тот, кто истинно знает,
Что его вера Бога спасла.

Обратите внимание: не “вера в Бога”, а “вера Бога”. Господь верит в нас, в таких людей светлой души и настоящего мужества, как Алексей Кутергин:

Всё на белом свете не случайно,
Бог не всем подобное даёт...

Алексею, хотя сам он и скромничает, – дал!

*Секретарь Правления Союза писателей России
Валерий Фокин*

АЛЕКСЕЙ КУТЕРГИН

ПЕРЕД ВТОРЫМ ПРИШЕСТВИЕМ ХРИСТА

Русь растерялась на почве безверия,
Но поднялась и тихонько пошла.
Рухнула карточным домом империя —
Собственных рук или прочих дела.
Кто-то сказал “положенье безвыходно”,
Ныне унижена Родина-мать.
О беспределе в ней было ли слыхано?
Сталина бы из могилы поднять.
Только вот смог бы он снова попробовать
Русь, как когда-то, поднять из руин?
Ныне же модно всё то изуродовать,
Что защищал сей великий грузин.
Бывшие братья всерьёз ополчаются,
Чуть не войной ежедневно грозя,
И невдомёк им, что сроки кончаются,
А перед Богом лукавить нельзя.
Спросит со всех он во время пришествия,
Ставя оценку добру и грехам,
Ну, а пока налицо сумасшествие,
Самое время конфликтов и драм.
В лужах дорога, и смотрят прохожие
И удивляются — вот так дела!
Русь растерялась явленьем безбожия,
Перекрестилась и дальше пошла.

РУСЬ

О, каменная Русь
В заплатках деревянных!
Никак не разберусь
В речах твоих туманных.
Живу, сходя с ума
От твоего раздолья,

Но наступает тьма,
Коварная, как воля.
Она меня пьянит,
Подхватывает, кружит
И держит, как магнит,
Того, кто с нею дружит.
Не выбраться никак
И не увидеть рая.
Но, Русь! Ты и сквозь мрак
Живёшь, не умолкая.
В совете и любви
Преодолев усталость,
Прошу тебя: живи!
Пусть будет только радость,
Пусть испарится грусть
В пророчествах туманных.
Люблю тебя, о Русь,
В заплатках деревянных...

ПУЛЯ

Я шёл и думал: где мой кров?
Ни дома, ни жены, ни друга.
Летела пуля из кустов,
Свистела, как зимою вьюга.
В селенье в середине дня
Я шёл один и думал дельно:
Она ударила в меня,
Но, слава Богу, не смертельно.
Решал я после дни подряд,
Судя себя предельно строго:
Пред кем и в чём я виноват,
Кому я перешёл дорогу?
И вдруг со дна моей души
Явилась мысль и снова в омут:
Та пуля в ветреной тиши
Была назначена другому.
Но тот, другой, — он мне сродни,
Иное и подумать странно:
Он тоже беженец с Чечни
Иль нелегал с Таджикистана.
Ещё я думал: “На Руси
Та пуля ветру лишь подруга”.
Господь, помилуй и спаси
Страну из замкнутого круга.

ИЗБА

До сих пор изба жива,
Только старится с годами,
И трещат в печи дрова,
Обливаются слезами.
Эк куда их занесло —
Из природы прямо в пекло!
По избе идёт тепло,
Устоялось и окрепло.
Таракан уюту рад,
Дому с бабушкой-вдовою.

И стоит в углу ухват,
И котёл стоит с водою.
Но печи теплом согрет,
Внучек спит её любимый...
Пусть давно уж бабки нет,
Прошное живёт незримо,
Существуя, как судьба,
За морями, за горами...
До сих пор стоит изба,
В землю вросшая с годами.

ТРИ МАТЕРИ

Идут они величественно, прямо,
По их следам то дождь идёт, то снег, —
Природа-мать, и Родина, и мама,
Кому судьбой обязан Человек.
Один пути он выдержать не сможет,
Любая мелочь жизнь его прервёт,
Тепло общенья совесть потревожит
И путь к его спасению найдёт.
Живут они, всем тварям сострадая,
И думаешь, что каждая из них,
Красивая и вечно молодая,
На гибель не отдаст детей своих.
Стучится в души жизненная драма,
И Богу лишь стихию ту унять.
Природа-мать, и Родина, и мама, —
Когда они едины, — благодать.

СЛЕЗА

Прельщают лёгким светом рая,
Но жизнь, как прежде, на краю.
Слеза горячая, скупая
Скатилась на щеку мою,
С неё упала на одежду,
Успев обжечь огнём лицо.
На жизнь достойную надежду
Я потерял в конце концов.
Живу, уставясь в телевизор,
А там то пляска, то погром.
И я, наколками расписан,
Торгую краденым добром.
Моя душа чернее сажки —
Взрывал людей средь бела дня!..
Мелькают телерепортажи
И убеждают в том меня.
Но лишь, глаза закрыв, прилягу,
Вдруг мысль о чём-то шепчет вскользь.
Слеза спадает на бумагу,
Чтобы прожечь её насквозь.
И сквозь бумажную прореху
Я слышу будущего звон:
Россия вновь пошла к успеху
Перед окончанием времён.
Открыла многим путь до рая,
Сама лишь встала на краю...
О, редкая слеза мужская,
Тебя за всех несчастных лью.

АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ

ЗАВОД

Забыл я, как сюда попал,
Не помню даже год,
Когда вторым мне домом стал
Родимый наш завод.

Я с колыбели, с малых лет,
Приучен был к труду.
Отец работал здесь и дед,
И сын кричит: “Пойду!”

.....
Пришли разруха и бардак,
Все фабрики — под снос.
Реши, попробуй, с бодуна
Коммерческий вопрос.

И ждал весь трудовой народ
Опять кота в мешке —
Кому чего перепадёт
В заветном корешке.

Но крепок был наш “Белый Дом”
И гендиректор наш.
И стал завод ТКПО
Заводом “Тяжпрессмаш”.

Что честный труд для нас закон,
Здесь знает стар и млад.
Ведь на работу мы идём,
Как будто на парад!

Начальник, мастер, бригадир,
Главтех, главмех, главбух —
Шумит при них рабочий мир
Часов до трёх—до двух.

Начальство наше тут как тут.
Термистов, токарей
Вновь на линейку соберут,
Чтоб вставить кренделей.

А может, просто пожурив,
Похвалят всех за труд.
Большие выдадут пай
И премию дадут!

Доска почёта — это стиль,
У всех быть на слуху!
Когда б не угольная пыль
В обрубочном цеху.

Термисты печи накалят
И снова — в семь потов,
В три смены точат токаря
Детали у станков.

У слесарей — по три руки,
Нагар, налёт, засор.
Краны, насосы и станки,
Которым лет по сто.

Экологи, технологи
И гальванисты здесь.
Кто на жаре, кто в холоде...
И некогда поесть.

Один ответ на сорок бед,
И кругом голова...
Но врать не буду, есть обед,
А может, даже два!

Работы — непочатый край!
Брехня, что кони мрут.
Родной завод — ну, чем не рай,
Когда б не адский труд...

Пускай с проверкою зайдут,
У нас в цехах тепло
И поголовно всем дают
За вредность молоко.

Всем предприятиям пример!
Любой под силу груз!
У нас, как при СССР,
Свой личный профсоюз!

В столовой кормят на убой,
А хочешь выпить, брат, —
Есть с газированной водой
Советский автомат.

Здесь нет профанов — профи все!
Спецы — учёных ряд.
У нас уборщицы — и те
Сдавали на разряд!

И в срок на карточках у нас
Любым — от сих до сих —
Всегда получка и аванс,
Задержек никаких!

Кругом всё рухнуло давно,
Взглянуть — душа болит.
Всё через задницу, вверх дном...
А наш завод стоит!

г. Рязань

ГЕОРГИЙ КУЛИКОВ

СКОРБЬ

Памяти Михаила Анищенко

Подыму поминальную стопку
И вкушу её горестный рай...
Сорок дней на душе было знобко,
Хоть ложись и с тоски помирай.

Знать не знал никакой Шелехмети,
Да, видать, роковой выпал срок
Тосковать о скорбящем поэте,
Так скорбеть он один только мог,

Запивая сухими слезами,
Как учил поминать Кузнецов,
Подымал поминанье стихами —
За победы и беды отцов,

За Россию, которой не надо,
За Россию, какая мила...
И бывала горька в ней отрада,
Инда скорбь её сладкой была.

ВETERАНУ

И по тебе проехала эпоха,
И ты был вдавлен больно в колею.
Кто ж нас поймёт, когда с озябшим вздохом
Скорбим: “Кому повем печаль мою?..”

О том, что не сбылось и что убито
В обманутой душе, в родной стране,
Где не связать концов (всё шито-крыто!)
И смерть берёт людей, как на войне.

Где нынче в храме по заказу пляшут,
А пентаграммы, обступив кресты,
Тесня последнюю твердыню нашу,
Набухли кровью, что пролил и ты.

НА БЕРЕГУ

Мой пёс, ты знаешь цепь, ошейник строгий,
Но всё ж хозяина безмерно чтишь,
Когда он изредка глухой дорогой
Приводит слушать, как шумит камыш

Под мерный плеск волны. Озёрный запах
Мучительно зовёт, сводя с ума:
Ты, замерев на вытянутых лапах,
Его впиваешь... Тут душа сама

Трепещет и ликует, сладко млея!
Порою так же трепещу и я
На берегу земного бытия,
Всё позабыв, о муках не жалея,

Хозяина нимало не вина.
В земном опустошён, небесным полный,
Безволью слушаю, как на меня
Поэзии накатывают волны.

ЖУРАВЛИ

Журавли... Ах, какая печаль
Наблюдать их отлёт, расставанье!
Это — русская песнь, и желанье
За поэтом вослед крикнуть: “Жаль!” —

Так острó! Или “вдаль” срифмовать...
И запеть у тебя есть причина,
И разлуку запить, и кручину —
Со слезой, чтобы всласть горевать.

Но — слабо: ты давно не у дел...
Вон стихов твоих редкая стая
В небе скоро бесследно растает,
Уходя за последний предел.

г. Малоярославец

СЕРГЕЙ САВЕНКОВ

РУССКОМУ ОБЫВАТЕЛЮ

Ты говоришь на русском языке,
Но русским опасаясь назваться,
Поскольку там, в заморском “далеке”,
Поступок твой не вызовет оваций.

И ты живёшь, смеясь и налегке.
Пусть были Пушкин, Мусоргский, Вернадский —
Какой резон теперь на них равняться,
Когда хрустит валюта в кошельке!?
Ах, обыватель! Сколько раз тебя
История и недруги учили,
Что, русское в своей душе губя,
Ты оскверняешь душу всей России.
Она очистится — доподлинно известно!
Но в ней тебе, увы, не будет места...

* * *

И снова осень. Снова в сердце грусть
Привычно входит с музыкой осенней.
И снова я лицом к стеклу прижмусь
В предчувствии душевных потрясений.
Из года в год я этого боюсь
И всё же ожидаю с нетерпением...
А за окном волшебным наваждением
Сияет раззолоченная Русь.

И снова память. Снова наизусть
Читается про “чудное мгновенье”,
Про “буйство глаз и половодье чувств”,
Как будто рядом Пушкин и Есенин.
Из года в год соседства их боюсь
И в то же время жду его с волнением...
А за окном волшебным наважденьем
Сияет раззолоченная Русь.

ПИСЬМО ИЗ ГЛУШИ

Далёкий друг! Я нахожусь в глуши,
Но что за прелесть эта глушь — поверьте!
Здесь состояние моей души
Предпочитает жизнь искусу смерти.
Душа моя становится легка,
Когда вдыхаю таинство погоста,
И, кажется, смыкаются века
Над тем, что так естественно и просто...
Далёкий друг! Я Родину открыл,
Похожую на тоненький листочек,
Что весь поник от чужеродных сил,
Но изменить себе никак не хочет.
Далёкий друг! Что делать нам с тобой?
Как сохранить, спасти от бессердечья
Всю трепетность, отзывчивость и боль,
Всю песенность любимого наречья?!
На нём пишу тебе издалека,
Из той глуши, где сердцу места в досталь.
И кажется, смыкаются века
Над тем, что так естественно и просто...

г. Саров

НИНА СМИРНОВА

“АЗ ЕСМЬ РУСЬ!”

Остуды памяти не то же, что простуда, —
Их вылечить практически нельзя...
Уходит то, что жило в нас, как чудо,
Всё дальше в новом времени скользя.

Не протянуть в тоске желанья руку,
Не прикоснуться — слишком далеко...
Лишь ветер под окном выводит скуку
По жилам водосточных труб легко.

И дождь, взбивая ритм свой по карнизам,
Идёт светло, хоть ночь и тьма вокруг, —
Лишь он один, когда тоска, мне близок,
Он навсегда мой благородный друг.

Он не предаст, не бросит, не унизит
И выслушает, и прогонит грусть,
И, даже если вдруг случится кризис
Всех чувств моих, напомним: “Аз есмь Русь!”

И отойдут на дальний план обиды.
И, ветер взяв в помощники с дождём,
Я выйду в Русь, — а ей конца не видно! —
И заново втроём мы заживём.

Уходит то, что жило в нас, как чудо,
Но это не смертельно, а пока
Я в ночь иду в дождя весёлом гуде,
И новая дорога мне легка!

СВИДАНИЕ С РОДИНОЙ

Незадолго до отчего края,
Когда поезд уже тормозит,
Крылья плещут в предчувствии рая,
И в душе свежий ветер скользит.

Вот и ладно. На родине снова
Энергетику милой земли
Я включу в содержание слова,
Чтобы ветры на крыльях несли,

Чтоб пылали закаты, как в детстве,
И сверкал изумрудами луг,
Чтоб мальчишка, что рос по соседству,
Повстречался, как старый мой друг,

Чтобы ливней слепые потоки
Мне очистили сердце от зла,
Чтобы вновь я вернулась к истоку
И опять высоту набрала.

Ах, рассветные буйные зори!
Вы огню обучали меня
И вели за собой на просторы,
Солнца первым лучом осеня...

Тормозит притомившийся поезд,
И душа в предвкушенье дрожит...
Вот и Вёксы развязанный пояс,
Костромы по лугам виражи...

Здравствуй, город взросленья и детства!
Как же небо-то здесь высоко!
И мальчишка, что рос по соседству,
Мне навстречу шагает легко.

г. Калуга

ЮЛИЯ АРТЮХОВИЧ

РОДИНА МОЯ

В тихом городке, маленьком и древнем,
Среди пышных трав и прохладных рек,
Родина моя — спящая царевна,
Ты давным-давно ждёшь богатырей.

Без богатырей нелегко на свете —
Горсточка друзей, полчища врагов.
Бросили тебя выросшие дети
И приветы шлют с дальних берегов.

Поманило их призрачное счастье:
Сытная еда, сладкое питьё.
А в родном доме дверь раскрыта настежь —
Горькая беда, нищее житьё.

Но вокруг снуют пасынки удачи,
Каждый о тебе речи говорит.
О тебе поют, молятся и плачут,
Жаль, что все они — не богатыри.

Матерят судьбу, глупую и злую,
И слова любви шепчут на бегу.
Родина моя! Я тебя целую,
Только разбудить, видно, не могу.

ПОЛЕ ПАМЯТИ

Широко горькой памяти минное поле
На бескрайних просторах огромной страны.
Нелегко нам скитаться дорогами боли
От тюрьмы до сумы, от войны до войны.

Где-то рядом — иные пространство и время:
Время странной любви на пространстве беды.
Там снаряды, гнилое военное семя,
Прорастут в ядовитые всходы вражды.

Угасают историков жаркие споры
О блокадах, прорывах, судьбе и вине.
И спасают от взрывов поэты-сапёры:
Им нельзя ошибаться в стихах о войне.

г. Сталинград

ЕКАТЕРИНА ЛИПАТНИКОВА

ВОТ ПРИДУТ РУССКИЕ...

*Мы павших своих не считали,
Мы кровную месть не блюли
И только поэтому стали
Последней надеждой земли.*

С. Куняев

За Родину смертным боем
Наш русский мужик стоял,
Итожа всё прожитое,
Смерть достойно встречал.

Избу за своей спиною
И пашни широкий простор

Он прикрывал собою,
Извечно и — до сих пор.

Лавиной железной германцы
Не раз и не два шли на Русь,
Веками на нас чужестранцы
Шли тьмой. Сосчитать не берусь.

Оставив на женщин орала,
Брал пращур калёный меч,
И насмерть рать русских стояла,
Чтоб родину уберечь.

Зов помощи слыша и стоны,
Ложились за правду костями,
Мы — витязи обороны —
Всегда оставались людьми.

МАГНИТНЫЕ ПОЛЮСА ЗЕМЛИ

Пересмена магнитных полей...
Что Земле предстоит — мы не знаем
И стремимся пожить веселей —
Есть полгода ещё, наверстаем!..

Нет, не думать — уж лучше всего,
Что ни будет — всё в Божьей деснице,
Надо верить всем сердцем в Того,
Кто взнуздад всех времён колесницы.

Для раздумий период был дан,
Интеллект — всеоружье людское.
Но мы в похоти шли по пятам,
Не давая природе покоя.

Сколько светлых сгорело умов,
Сколько мрачных голов при короне
Говорили кнутом вместо слов,
Развалившись вяльязно на троне!

Как страдала от алчи Земля,
В услуженье своём беззаветном,
Где царили тельца вензеля,
Как в предании Ветхозаветном.

Может, все мы сгорим в том огне,
Коль сумели Господне творенье
Так изгадить. И мщенье извне
Прекратит это долготерпенье...

МОЯ ЭПОХА

А моя эпоха — какова?
А моя эпоха — как трава:
Ниже пригибаться нам велит
И водой безмолвною струит.

А моя эпоха — словно плеть,
Обух тяжкий не преодолеть!
Говорят, что не перешибёшь.
Обовьёшься — значит, проживёшь!

А моя эпоха — как февраль,
Трасс оледенелых магистраль,
Оттепели след и скользкий лёд,
Шуганье ветров и перелёт.

А моя эпоха — мать, отец,
Родине служенья образец,
Школа и бесплатный институт,
Дети, что своим путём идут.

А моя эпоха — это Бог,
Достучаться до души Он смог.
С верою в грядущий Божий суд,
Пусть я — плеть, трава, воды сосуд.

*Республика Мари Эл,
посёлок Мари Турек*

ПЁТР СОЛДАТОВ

* * *

Я ещё в Бога верю,
Я ещё в чудо верю,
Но если не буду верить,
То превращусь в зверя.

Знаю, что мало значу,
По пустякам трачусь,
Без слёз на глазах плачу
И от себя прячусь,

Будто бы мёртв... Всё же
Ещё один круг прожит.
Боже ты мой, Боже...
Кто ещё так может?..

День ли теперь, вечер?
В храме горят свечи...
Мне и покрыть нечем.
Круговорот вечен...

* * *

Звони, Звонарь! Давай, Звонарь, —
Как встарь, как встарь...
Мы слышим, слышим — ты не уставай,
Звонарь!
Из дальних мест, из ближних мест —

Окрест, окрест
Плывёт над нами тихий благовест...
Я в храм войду, зажгу свечу,
Слова молитвы прошепчу,
И в тишине, и в тишине
Бог вспомнит обо мне...

Давай, Звонарь, смахни всю эту быль,
Как пыль,
Где вера есть — там совесть есть,
Там есть и честь!
Давай, Звонарь! Пора, Звонарь!
Провозгласи
Согласие по всей Руси!

Я в храм войду, зажгу свечу.
Слова молитвы прошепчу,
И в тишине, и в тишине
Бог вспомнит обо мне...

Наш путь таков — в ночи веков
Не счесть оков,
Но Русь жила и золотила
Купола...

* * *

Наши дела никогда не кончаются,
Там, где мы строим, где сеем, где жнём,
Там, где два любящих сердца встречаются,
Там, где мы просто и мирно живём.

Года, как вода,
Пройдут, не беда,
Останется дом мой родной.
Над тихой рекой,
Где берег крутой,
Где светится крест золотой.

Вологда-Вологда, лица знакомые,
Здравствуй, Василий, да здравствуй, Иван!
Даже в Москве по приметам особенным
Я узнаю земляков-вологжан.
Вологда, Вологда, дума тревожная,
И что сказать — угадать не берусь.
Только я сделаю всё невозможное,
Чтобы жила наша матушка-Русь!

Года, как вода.
Пройдут — не беда,
Останется дом мой родной...
Над тихой рекой,
Где берег крутой,
Где светится крест золотой...

*Костромская область,
деревня Кокошкино*

СВЕТЛАНА АНИНА

* * *

На зорьке ранней диск полуслепой.
Но глянь в окно: к тебе взывает чаша,
И птичий крик неведомый, манящий,
И зелень трав под тяжкою росой.

Там на тропу ступает босиком
Шальное детство, прыгая с постели,
Лишь занавески тише шелестели б,
В окно позволив выбраться тайком.

И слышен шёпот, еле уловим:
Дыша прохладой, бор в тягучей дрёме
С чуть слышным треском тянется в истоме,
И золотится облачко над ним.

Там перепрыгнуть можно без труда
Ручей, хранящий камешки цветные,
Звонящие: “Росиночка... Россия!
Святая Русь — пречистая вода...”

И пахнет сырость мхом, трухою пней,
А меж камнями плавает, резвится —
Всего не видит, вот и не боится —
Ватагой бойкой стайка пескарей.

И льётся безмятежно мирный день.
Но стягивают край, до боли милый,
Тугие корни — земляные жилы,
Как в лихолетье дедовский ремень.

К ним прикоснёшься — и рука звенит!
Рука гудит! И в ней такая сила,
Такая мощь, что, как бы ни штормило,
А сторону родную сохранит!

* * *

Боже, милуй! Не гневись
За минуты слабоволья.
Я люблю с такую болью,
Что не знала за всю жизнь!

Боже, милуй! Огради
От потерь того, кто рядом.
Мне же знать совсем не надо,
Что там будет впереди.

Боже, милуй! Отвернись!
Дай прильнуть к нему губами —
Да пребудешь вечно с нами! —
На прощанье обнялись...

г. Северобайкальск

ПАВЕЛ СКВОРЦОВ

* * *

Не утаю: туда, туда
Меня неодолимо тянет,
Где молчаливая трава
В стогах благоуханно вянет,

Где месяц и вода чисты
И перед звёздной Вселенной
И мысли, и слова честны,
Хоть рождены землёю брэнной.

Не распадётся тишина
От шага, шороха и вздоха...
Какой простор! А высота!
И ночь не застилает ока!

* * *

Только жидкий орешник по склонам,
А над соснами — простенький крест.
Принимаю с глубоким поклоном
Эту скудость отеческих мест.

Здесь привольно полынь полыхает,
И беседы текут не спеша,
И задумчивость песню ласкает,
И себя вспоминает душа.

* * *

...А над весями сырими,
Над пропащими пашнями
Небо синее-синее
И цветами пропахшее.

В нём высокое облако,
Словно ангел, парящее.
О, какими глаголами
Нам постичь настоящее?

г. Москва

ИРИНА СУРНИНА

* * *

Какое странное затишье —
Сама себя не узнаю.
Как будто стала меньше, тише
И обомлевшая стою.

Как сладко милому готовить
И тело новое таить,
И никому не прекословить,
И ничего не говорить.

Февронье и Петру молиться,
О дальней жизни не гадать
И жарко женского стыдиться,
И тихо, затаённо ждать.

* * *

Настирала много, засушила —
Будет в чём по лету шеголять.
Облаков-напевов понашила
И пустила по небу гулять.

А на кофте солнце-сердце бьётся,
А у кофты бархат голубой.
Хорошо по улице идётся
С облаками, лесом и — с тобой!

* * *

Всё-то, кажется, еду и еду,
По проходу ношу кипяток.
То мешаю какому соседу,
То он сам помешает чуток.

В духоте, тесноте, не в обиде
Хорошо уезжать из Москвы
И смотреть, если кто-нибудь выйдет,
И нестись мимо дикой травы.

А колёса несут, ошалели,
Словно кто-то стального украл.
А по правую сторону — ели,
А по левую — встанет Урал.

Только вдруг остановится лихо,
Постою, где и жизни-то нет...
И проймёт вечеряющий тихо
Над Россией негаснувший свет.

г. Москва

ВЛАДИМИР СТЕПАНОВ

ВЕСЕННИЙ ПАЛ

Сестре Нине

Там, на холме, у родовых могил,
Пылал огонь и дымно било пламя.
Огонь с полей к погосту подходил —
Весенний пал в окрестностях буянил
Там, на холме, у родовых могил.

Пылал огонь, и дымно било пламя.
К родителям мы шли сквозь едкий дым,
Сдирая руки в кровь в седом бурьяне,
И в горле словно лист сухой пристыл.
Пылал огонь и дымно било пламя.

Огонь с полей к погосту подходил,
Траву сжигая в серый, пыльный пепел,
Деревья опаляя до вершин.
Мы полем шли. Я издали заметил:
Огонь с полей к погосту подходил.

Весенний пал в окрестностях буянил.
И стало страшно мне: вдруг выжжет он —
Безжалостно бушующее пламя —
Не только холм, где род наш погребён,
Он выжжет память об отце и маме?..
Весенний пал в окрестностях буянил.

Там, на холме, у родовых могил,
Вдруг захлебнулось и упало пламя,
Как будто бы Всевышний не пустил,
Крыла забвенья Он не дал расправить
Там, на холме, у родовых могил.

ОСЕННЯЯ ВЕСНА

Мечтал я о совсем другой весне,
А тут такие ветры накатили!
На Север гуси-лебеди уплыли.
Я думаю уже не о тебе.

Я провожаю караван гусей.
Они кричат, как будто расстаются,
Хоть клики их тоскливой песней льются,
Но мне от этих кликов веселей.

Пусть улетают лебеди мои,
И гуси пусть летят на Север дальний.
Я на тверской земле, такой печальной,
Встречаю осени печальной дни.

Я в небе вдруг увидел журавлей.
Они домой, на родину летели.
Ведь только-только отошли капели —
Наш Север им стал ближе и милей.

Мной Север больше женщины любим.
Я одолел все зимние невзгоды.
Весна обрушилась, как дар природы,
Исчезли беды, как осенний дым.

Я задыхаюсь воздухом весны,
И журавлиный крик тревожит душу.
Хочу смотреть на небо, ветер слушать
И погружаться в сладостные сны.

Тверская область

МИХАИЛ КРАЛИН

РОМАНС

Не в гробах, а в глазах хоронили,
Запивая слезинкой потерю.
Так и жили они, так служили
Той России, в которую верю.
Расстояния необратимы
И разлуки длиннее, чем встречи,
Торопливые рваные речи
И голодные белые зимы.
Где теперь эти люди и слёзы?
По морозам развеялось горе,
И на смену упавшим берёзы
Встали вновь, как колонны в соборе.
Только эхо Всевышнего вздоха
Донесёт о вас вечную память,
Чудо-люди и чудо-эпоха,
Отгоревшее русское пламя.

РУССКАЯ ДОРОГА

Татьяне Петровой посвящаю

Стоят леса, свеченьем налитые,
Собравшись миром на большой совет.
И я иду к тебе, моя Россия,
Моя душа, бессмертие и свет.
.....
В совете том Небесная Царица
А рядом с нею — бабушка моя,
И всюду лица, лица, лица, лица,
Прапрадеды, отцы и сыновья.
.....
Иду, иду, и нет конца дороге,
И нет конца держащим строй лесам,
И нет конца взыскующей тревоге,
И нет конца зовущим небесам.
.....
И нет конца заоблачной России,
Она всегда над нами и при нас.
И как бы мы её ни поносили,
Она своих питомцев не предаст.
.....
И нет конца непобедимой жизни,
И белый свет не помнит о конце.
Есть лишь рассвет в единственной Отчизне
И ясный луч, притихший на лице.

МОЯ ОТРАДА

Я ухожу в упрямую реку,
Отрадную, как ласковая мама.
Река всегда уймёт мою тоску
Хотя тоска навязчиво-упряма.

Но есть Оять. И облака в реке,
И над рекой их образа нависли,
И абрис храма — воплощенье мысли —
Кладёт предел предоблачной тоске.
И над рекой плывёт протяжный звон,
И мой огонь к нему ладони тянет.
Стоит наш дух, как вековечный дом,
Он всех простит и каждого помянет.

ГЕННАДИЙ КОБЫЛКИН

* * *

Есть звонкая пора, когда в зените лето
И гулкая гроза грохочет вдалеке.
Теплом наполнен день, и в бликах ярких света
Зеркальная вода искрится на реке.

Прибрежная трава прохладна и душиста,
На ивах шелестит, лоснится листьев шёлк.
И слышно далеко, как знойно, нежно, чисто
В татарке у тропы сверчок пропел и смолк.

Люблю я летний дождь: прохладу, жар, ненастье,
И лёгкий посвист птиц, и дымку над рекой.
Душа моя полна — в ней то земное счастье,
Что в дар приносят мне свобода и покой.

ИЮЛЬ

Ленясь, смотрю на слой дорожной пыли,
На чёткий след петляющих колёс.
Спит у обочины лохматый старый пёс,
И облака слоистые проплыли.

Была зима, собаки ночью выли,
И снег тропу безжизненно занёс.
Сегодня зной. На зреющий овёс
Лучится свет, ячеистый от пыли.

Чем ярче зной и чётче блики дня,
Тем соблазнительней и мягче тени
В живительном сплетении сирени.

Гурьбой к оврагу мчится ребятня,
И звонко споря, хвастаясь, умея,
В бездонность неба запускает змея.

* * *

В окно растворённое ветер дохнул
И влагу оставил на чистой бумаге,
А с улицы слышу раскатистый гул —
Весенние воды бушуют в овраге.

Я свет погасил и увидел в окне
Мерцающий отблеск волнистого бега.
И мне показалось, что в тусклом огне
Совсем не земная покоится нега.

И словно из детства в немеющий дом
Вдруг кто-то стучится усталой рукою.
И чувствую я подступающий ком...
“Как мама когда-то!” — пойду и открою.

г. Дзержинский

МАРИНА ГАХ

ЛИСТОК

Прозрачных рощ сквозной узор
В закатном небе остывает,
Так широко раскрыт простор,
Что душу дрожью пробирает.

Прощальный трепет золотой
Последних листьев, их смятенье,
Пред грозной, гулкой пустотой
И неизбежностью паденья.

Когда распахнутая ширь
Не просто поле, лес, дорога,
А состояние души
Пред проступившим ликом Бога.

Убрус небес огнём горит,
Весь мир застыл, восторгом полный,
И лишь сухой листок дрожит,
Своей судьбою недовольный.

ГАЛИНА ШЕВЧЕНКО

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА МОСИНЦЕВА

*Судьба поэта — крест, который
Снести не каждому дано.*

А. Мосинцев

Он угадывал Времени вызов.
Переживший немало потерь,
На пределе возможного выжил,
А на взлёте — захлопнулась дверь.

Подошло роковое мгновенье,
В немоту нас повергла беда.
Ароматом цветущей сирени
Провожала ЕГО Слобода.
Без оркестра, властей, пересудов,

Без разлада, интриг и обид,
Шли за гробом обычные люди,
Шли проститься, как сердце велит.

Он лежал, как на свадьбу одетый.
А над нами кружилась тоска,
Что последнею Песней поэта
Над могилой неслась в облака.

От той Песни — душа ликовала
И вгоняла рыдающих в дрожь.
Не фальшивила и не ласкала,
Заглушая холуйский галдёж.

Открывал ли он кладези знаний,
Приходил ли от чьих-то — в восторг,
По-мужски, без надсадных стенаний,
Раздарил Он себя — словно Бог!

Благодарный за злую присуху,
За коварную суть бытия,
Перед смертью всей силою духа
Воспевал Он родные края.

Не искал оправданий за слабость,
Благодарность от злыдней не ждал,
Но имел беззаветную храбрость
Указать, кто есть — волк, кто шакал.

Эти нишу занять невозможно
Никакой навороченной тле,
Потому так отныне тревожно
Без него на российской земле.

СПАСИБО ЗА БОЛЬ

Таинственны истоки вдохновенья.
Страницы жизни свёрстаны не зря:
Решения, ошибки, увлеченья
Затмить не может юная заря.

Друзья мне сердце отогрели словом.
Врагам спасибо — обострили слух.
И, если жизнь моя на переломе, —
От скорости захватывает дух!

Важны непредсказуемые встречи,
В них что-то от рождения стихов,
Когда со всем, что рядом — не переча —
На жизнь, на смерть и на любовь готов!

Бывает расстоянье испытаньем —
А значит, нам опять творить пора.
Спасибо всем, кто, наше сердце рая,
В конце концов, желает нам добра.

г. Пятигорск

ВАЛЕНТИНА ОСТАНИНА

* * *

Я родилась в тяжёлом сорок пятом.
Ещё дымилась русская земля,
Когда пришла суровая расплата
К распластанным штандартам у Кремля.

Я не дитя войны, мне ненавистной.
Есть в метриках и мама, и отец.
А в генах — русской доли вкус тернистый,
И есть в крови, наверное, свинец.

Я не дитя войны. Я благодарна
За тишину и солнечный рассвет
Сибирскому селенью Павлоградка,
Где мама родила меня на свет.

В часы сердечной дружеской беседы
О мужестве, о долге говоря,
Себя я числю дочерью Победы.
Её люблю, как мать боготворя.

МАКСИМ ЕРШОВ

* * *

Над площадью — оркестр.
Над городом — весна.
Восходит долгий ритм в озоновые кущи.
Ещё пятьсот шагов, и вот она, страна —
здесь объединена в один поток влекущий.
Она идёт к сердцам — приковывает взгляд,
тревожит и зовёт, даёт ответ и ранит:
зачем опять, зачем так много лет подряд —
должны сиять штыков торжественные грани?..
Давно — в сорок восьмом — мой прадед, капитан,
явился в волжский край
с партийной ясной целью,
и нам построил дом. И вот я вырос в нём.
Чтоб слышать наш парад
и слышать нашу землю.
Я слышу землю вслух, как чуткий майский лист,
свой первый майский дождь услышав — верит слепо.
А старый дом стоит, как серый обелиск —
в зрачках окон храня мерцающее небо.
Меня в слепой любви не стоит укорять!
Земля живёт во мне упрямыми веками.
Как будто всажен меч в траву по рукоять
и врос большим крестом в траве под облаками.
Те облака плывут,
заглядывая в синь
озёр, великих рек и маленького пруда.
Вот так же смотрим мы

в своих пятьсот России,
и светит наших скул немеряное чудо.
Однажды рябь сойдёт,
как пыль, осядет быт —
лик станет на воде, старинный, как пергамент.
И если с трёх сторон услышим стук копыт —
то просто вздрогнет вдруг в груди былинный камень!
И кони те — летят под грохот облаков.
Должно быть, ордена на Пасху мироточат.
И кажется порой: чугунный вой гудков
заряжен в тишину — как лезвие, отточен...
Я слышу это всё.
И помню это всё.
Победа рвёт войну неслыханною волей.
Курантов и людей большое колесо
большие времена выкатывают в поле.
И выстроен парад.
Так здравствуй, добрый шур!
Зачем же ты такой, как горький куст полыни?
Мой прадед, капитан,
имел бы твой прищур,
когда бы, как и ты, смотрел на нас поныне.
Пускай же грянет марш на все пятьсот России!
Пусть зубчатый огонь сияет Третьим Римом!
Покуда Кремль стоит — как хмурый кирасир —
быть можно на земле цветком неповторимым.
Твой хмурый выход, Русь! Предвестница добра.
Равняйся на себя и кроны красных башен.
Идёт большой парад,
на длинный час вобрав,
что было и что есть
и будет в мире нашем.
Смотри же, добрый шур!
Ты нам всего верней.
Уже по грудь во мгле — упёрся орденами.
И если вдруг слеза, то главным будет в ней
желанье обвенчать свою Победу с нами.

Редакция журнала приносит извинения нашему автору Е. Ивановой за то, что в её стихотворной подборке, опубликованной в мартовском номере журнала, допущены две опечатки. На стр. 132 вместо “Тополёк я сжигала любовно” нужно читать “Тополёк я сажала любовно” и на стр. 133 вместо “О ком взгрустнулось мне в отряде светлых дней” нужно читать “О ком взгрустнулось мне в отряде светлых дней”.

БОРИС КЛЮЧНИКОВ

БУДУЩЕЕ ЕВРОПЫ — ИСЛАМ?

Прогноз беды

Ещё в начале XX века каждый четвёртый житель планеты был европейцем (25%). С учётом других стран (США, Канады, Австралии) и переселенцев, число европейцев составляло около 36% двухмиллиардного населения планеты. Больше всего детей было в семьях русских и немцев. Немцы заселяли Америку, русские — просторы Азии. Ныне доля европейцев в мире упала втрое — до 12%. Доклад ООН сообщает, что население Европы от Лиссабона до Владивостока к началу XXI века составляло 728 млн человек. К середине века — к 2050 году — ожидается его сокращение до 600 млн, а к началу XXII века нас, согласно расчётам ООН, останется всего 207 млн среди 9 млрд землян. Это прогноз беды.

Демографы сообщают, что население планеты за многие сотни тысяч лет только к 1800 году достигло 1 млрд человек¹. А в 2015 году население мира выросло на 73 млн (больше, чем население Франции — 67 млн). Каждый день в мире прибавляется 200 тысяч человек. Теперь в одной только Африке ежемесячно прибавляется 2 миллиона детей. Её население к 2009 году превысило 1 млрд, а к 2050 году, по прогнозам, превысит 2–2,4 млрд. Индия сравнялась по численности населения с Китаем — около 1,4 млрд. Совокупное население наших близких соседей Ирана и Турции (по 75 млн) превышает население России.

Новое великое переселение народов начиналось в 70-е годы прошлого века незаметными ручейками пришлых рабочих из бывших колоний. Заработав, они возвращались домой, к родным. Вернувшись, они рассказывали односельчанам о земном рае Европы, о своих действительных, а чаще — мнимых успехах: нашёл работу, есть жильё, купил телевизор, а то и автомашину. Телевидение стало показывать этот европейский рай. И тогда очарованные мигранты, чаще всего вовсе не беженцы, не репрессированные, нарастающими потоками стали вливаться в европейские страны. В том числе и в Россию, где уже проживает более 12 млн иностранцев. По их числу мы на втором месте после США. И, кажется, ничто — ни холод, ни северная мгла, ни короткие дни и длинные ночи, ни опасности пути — не способно остановить эти потоки мигрантов. Известно, рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. Но и доказано также, что отток сотен миллионов мигрантов на север не спасёт бедствующий Юг. Если из Африки и с Ближнего Востока уедут по 250 миллионов человек, то там этого даже не заметят, а Европа исчезнет.

¹ Henry Harpending and Gregory Cochrau: The 10000 Years of Explosion. How Civilization Accelerated Human Evolution.

2015 год: шлюзы открыты

До 70-х годов прошлого века в Европе почти не было мигрантов из Азии и Африки. Работать в благополучные страны ехали итальянцы, испанцы, югославы — люди европейской, т. е. христианской цивилизации. Они легко интегрировались в местное общество. Проблем мусульманской иммиграции не существовало. Во Франции тогда насчитывалось всего 24 мечети. Больше было православных храмов. Даже в 2014 году Европа приняла всего 280 тысяч мигрантов. И вдруг будто кто-то открыл шлюзы! Международная организация по миграции (JOM) сообщила, что в период между 15 января 2015 года и 1 ноября 2015 года в Европейский Союз только по морю прибыло 920 тысяч мигрантов. Больше всего из Сирии (175 тысяч), из Афганистана (85 тысяч), из европейского Косово — 65 тысяч, из Албании — 50 тысяч. Много выходцев из Ирака, Эритреи, Нигерии. Пик беженцев пришёлся, согласно официальной статистике Евросоюза, на две недели с 15 по 29 сентября 2015 года, то есть за день до начала операции ВКС России в Сирии. До неё из Сирии за пять лет гражданской войны уехали 10 млн сирийцев, то есть почти половина жителей страны. Укрылись в близко расположенной Турции 2,3 млн человек; в маленьком Ливане — 1,1 млн, в Иордании — 633 тысячи. Немецкие источники считают, что общее число мигрантов в 2015 году превысило 1,5 млн. Сотни тысяч беженцев растворились по дороге без регистрации.

Страдают все. Беженцы тонут сотнями, положившись на “надежного капитана”-мошенника. Гибнут не только в Эгейском море, но и на пути из Ливии в Италию или переправляясь через Гибралтар. В апреле 2015 года судно с 800 беженцами затонуло, потому что было перегружено. Все погибли.

Куда стремятся мигранты? Туда, где самые высокие пособия, то есть, в первую очередь, в Германию. Затем в Австрию, Швецию, Норвегию, Бельгию, Францию. Страны Евросоюза не желают принимать их по квотам. Читаю комментарий немецкого политика: “Я видел панику английских парламентариев, когда Кэмерон (премьер-министр. — **Б. К.**) предложил принять 20 тысяч беженцев за 5 лет”. Немец сказал им: “Моя страна вынуждена справляться с таким числом каждую неделю!” В сентябре 2015 года на берега Греции высаживались 9 тысяч беженцев ежедневно. В двухмиллионную Словению в одно из воскресений явились 15 тысяч голодных, больных, усталых людей с большим числом детей. На наших глазах разворачивается грандиозная человеческая трагедия. Страдают и коренные жители, и мигранты. Нет между ними ни взаимопонимания, ни участия, ни симпатии. Видимы только тлеющие огоньки угасающего христианского сострадания, остатки европейского гуманизма.

Министерство юстиции Швеции сообщает, что за 40 лет, с 1975 года, население Швеции выросло с 8 208 442 человека до 9 743 087 в 2014 году. Выросло полностью за счёт иммигрантов-мусульман. Число изнасилований увеличилось в 15 раз. В одном только 2011 году было изнасиловано 29 тысяч шведок¹. Приезжают в основном молодые мужчины с мусульманского Востока, где иной взгляд на женщин, на взаимоотношения полов. И не только шведки, природные блондинки, стали зачастую перекрашивать волосы в тёмные тона, менять одежду, перестают свободно ходить вечером по улицам, посещать, как прежде непринужденно, кафе, рестораны, прочие общественные места. Власти Швеции считают, что приток мигрантов надломил знаменитое на весь мир шведское общество социального мира и благополучия. Власти вынуждены укреплять полицию, так как число преступлений, в том числе вооружённых столкновений, таких как бои в Мальмо или в Гётенборге, многократно возросло.

Во Франции в новогоднюю 2016 года ночь было сожжено 804 автомобиля. 80–85% заключённых в тюрьмах Франции — иммигранты из мусульманских стран и бывших французских колоний. Безработица среди молодёжи иммигрантских анклавов выше 50%. Живут на пособия. 15–20% военнослужащих Франции теперь мусульмане. Иммигрантская молодёжь кипит от ненависти к евреям, и евреи начали из-за растущего антисемитизма покидать Францию, Голландию и другие страны Европы. Это данные на сравнительно стабильный 2014 год.

Немецкие СМИ в первые дни нового 2016 года предупредили граждан, что пик кризиса с беженцами далеко не пройден. Министр развития Герд Мюллер

¹ Ministry of Justice. Brotgts före byggande (BRA).

в газете *Build am Sontag* сообщил что “от 8 до 10 млн беженцев находятся на пути в Европу”¹.

Тайное соглашение Евросоюза о переселенцах

Исследуя проблему беженцев, вначале испытываешь недоумение: почему евроскептики, такие как “Национальный фронт Франции” М. Ле Пен, немецкая партия “Альтернатива для Германии”, “Партия свободы” в Австрии, считают, что именно Европейский Союз, его брюссельская бюрократия виновны в нарастающем кризисе с беженцами. Лозунг евроскептиков – “Евросоюз должен умереть, или умрёт Европа”. Погибнет из-за переселения беженцев. Причин ненавидеть Евросоюз много. Главная, однако, в том, что Евросоюз целенаправленно уже полвека уничтожает национальные государства, отбирая у них суверенитет. ЕС был задуман финансовым олигархатом как промежуточный этап – первый шаг к *мировому правительству*. Однако национальные государства продолжали сопротивляться. Главный удар был направлен на размывание национальной идентичности. Оружием был выбран мультикультурализм, предполагавший мирное сосуществование с мусульманами. Но и европейцы, и мусульмане его отторгли, да так решительно, что даже такая атлантистка, опора Евросоюза, как канцлер Германии Меркель, признала многократно, что *multiculti* бесполезен, ибо неэффективен.

Размывание и стирание национальной идентичности – это искоренение духа Шиллера, духа Декарта, духа Пушкина. Это убийство души немцев, французов, русских, это уничтожение ведущих наций, значит, и их государств.

Кому нужно уничтожать краеугольные камни современного мироустройства? Многие воскликнут: ну, конечно, это выгодно США! Верно, но не совсем. Сами США как государство и как нация тоже приговорены к смерти. Кем? Мировой закулисой. Она не занимается текущей политикой, она занята метаполитикой. Темами, как мне уже приходилось писать², которые закладывают долгосрочные глобальные тенденции развития планеты. Это рост народонаселения, экология, климат, космос, ООН, большие войны и, бесспорно, международная миграция. Она становится могучим фактором установления мирового правительства по лекалам мирового проектора – глобального финансового капитала.

Большинство людей в мире не верит в конспирологические сказки о мировом правительстве. Приведу документальные доказательства весьма обеспокоенных норвежских патриотов. Им удалось получить выступление Давида Рокфеллера в Бильдербергском клубе в 1991 году: “Мы очень благодарны газетам “Вашингтон пост”, “Нью-Йорк таймс”, “Тайм-мэгазин” и другим крупным изданиям, чьи директора посещали наши встречи и 40 лет сдерживали обещание помалкивать (*promise of discretion*). Мы не смогли бы разработать наш план мира, если бы мы все эти годы находились под ослепительными огнями гласности. Мир стал теперь более утончён, более подготовлен к тому, чтобы идти к Мировому правительству”. Год спустя на очередном съезде “бильдербергов”, в этот раз во французском Эвиане, Генри Киссинджер тоже указывал на “блага, которые уже даёт народам их Мировое правительство”³.

Так мировые заправилы считали ещё четверть века назад. Однако с тех пор мир едва ли стал более “утончённым” и готовым принять мировое правительство. То была эйфория, восторг от развала главного врага – Советского Союза. Россия, как птица Феникс, вновь возникла как препятствие в марше финансового капитала к явному мировому правительству. Обама, Меркель и другие – это не более чем функционеры мирового проектора. Естественно, они объявили Россию и её упрямого лидера главным противником. Надо, следовательно, понимать, с каким чудищем – Левиафаном – мы схватились. Но с нами Бог, а с Левиафаном – дьявол. Борьба ведётся уже многие десятилетия. Арнольд Тойнби ещё в 1931 году писал, что “необходимо тайно, но всей нашей мощью обрушиться на таинственную политическую силу, которая в нашем мире называется суверенитетом национальных государств. Мы пока постоянно нашим языком отрицаем то, что делаем нашими руками”⁴.

¹ Frankfurter Allgemeine, Zeitung, 10 Januar 2016. Article “Erst zehn Prozent der Fluchtwelle ist by uns”.

² См. Наш современник, № 1 за 2015 год, статья “Сумерки Вашингтона”.

³ Fjordman blogger.

⁴ Ibid.

Задумаемся, почему Питер Сусерлэнд (*Sutherland Peter*), председатель правления банка Goldman Sachs (печально известного по делам в Греции), возглавил также комиссию ООН по миграции. Норвежские исследователи вновь подсказывают ответ: «Он нацелен на то, чтобы использовать мусульманскую иммиграцию для разгрома европейских культур»¹.

«Цветные» революции поднимают волны переселенцев с Юга, которые накатывают на Европу. *Манипуляторы рассчитывают, что, используя колоссальную энергетику великой религии Мухаммеда, они не только полностью искоренят христианство, но радикализируют и подрывают корни самого ислама, в котором верх возьмут самые агрессивные течения.*

Распространено мнение, что европейские предприниматели в погоне за дешёвой рабочей силой и прибылями в конце 70-х годов инициировали нынешнее цунами переселенцев. Верно! Но за этими алчными предпринимателями стояли те, кто решал другую, более глобальную задачу – уничтожение наций, христианства, создания в Европе хаоса, череды религиозных и гражданских войн, в результате которых отчаявшиеся европейцы сами попросят у них мировое правительство.

Большинство европейцев и по сей день не верят, что Евросоюз заключил тайное соглашение с Организацией Исламская конференция о переселении в Европу 56 млн мусульман. Да, в открытых источниках не удаётся найти это соглашение. Но избилуют косвенные свидетельства. Начиная с 70-х годов, в европейских странах, особенно во Франции, стали внушать людям, что надо в противовес Советскому Союзу создать Евро-Арабский блок. СМИ по команде стали внушать идею об общности судеб арабов и европейцев, ибо они проживают на обоих берегах Средиземного моря. *Mare Nostra* – наше «Общее море», заклинали газеты, радио, телевидение. В 1995 году Евросоюз опубликовал «Барселонскую Декларацию» о мире и сотрудничестве, подписанную министрами иностранных дел 15 государств-членов Евросоюза и 12 мусульманских стран. В 2003 году Евросоюз и Лига Арабских государств объявили о создании «Средиземноморского Союза» (*The Union for the Mediterranean*) – «многостороннего партнёрства, нацеленного на увеличение потенциала для региональной интеграции и сплочения средиземноморских стран». Так говорилось в подписанном документе³.

В наши дни опомнившиеся евроскептики говорят: так это же было решение о начале переселения тех самых 56 млн мусульман! Значит, план создания Еврабии тайно осуществляется. В Еврабию включены 43 государства, таких разных, как, скажем, Норвегия и Мавритания. И дело не в том, что одна – очень северная страна, а другая – очень южная. В Мавритании только в 1981 году закон запретил рабство, но по факту от 10 до 20% населения Мавритании – всё ещё рабы.

Мировые заправилы, конечно, понимали, что такие планы вызовут взрыв негодования. И, как у них принято, решили тайно, маскируясь, перебежками осуществлять задуманное уничтожение наций, их государств, строительство *дивного нового мира*. Жан Клод Юнкер – глава Еврокомиссии, – согласно норвежским источникам, считает, что «если дело становится серьёзным, вы должны врать (*you have to lie*)... И цитируют Юнкера дальше: «Большинство людей не понимает, что было решено, и потому мы шаг за шагом продолжем делать, пока не достигнем точки невозврата... Конечно, суверенитеты будут переданы. Но буду ли я умным человеком, если стану привлекать к этому внимание?... Я за секретные переговоры, втёмную».

Американская модель переселения народов

Многие американцы тешат себя иллюзиями, будто им не грозят волны переселенцев из мусульманских стран. К нам, мол, переселяются, люди из католических стран Латинской Америки. Евроскептики возражают: в США уже поселилось около 9 млн мусульман (3% населения). Но 80% их мечетей на саудовские деньги проповедуют салафитскую версию ислама. Эти пассионарии, будучи даже в меньшинстве, способны разнести в щепки постхристиан-

¹ Fjordman blogger.

² www.ufmsecretariat.org/who-we-are.

³ <http://www.gatestoneinstitute.org/4389/european-commission-president>. By Soeren Kern, July 8, 2014.

скую Америку. События 11 сентября 2001 года наглядно это показали. Транснациональную элиту США с уверенностью можно считать антихристианской. Уже многие десятилетия эта элита трудится над созданием в США нового населения путём метисизации, прямо-таки по сатирическому рецепту немецкого драматурга Бертольда Брехта: если вам не нравится народ, надо его распустить и создать для своих целей другой. Ни одна страна в мире не испытывала таких иммиграционных шоков, как США. Всего полвека тому назад только 16 млн (7%) американцев были неевропейского происхождения. К 2000 году их было уже 80 миллионов (30%), ныне уже 40–42%¹.

Уже нельзя скрывать, что миграционные шоки организовывали так называемые неоконны – спецназ мирового правительства, транснациональной финансовой олигархии². Бывший депутат Европейского парламента Дж. Кьеца пишет о них так: “Я твёрдо убеждён, что в США действует в буквальном смысле слова криминальная, безответственная группа людей, так называемые неоконны...” Руководитель Центра национального интереса, известный в России Дмитрий Саймс в одном из теледебатов напомнил нам о происхождении неоконнов: это последователи троцкистов, которые на опыте убедились в бесперспективности всемирной революции. Не получилось у Троцкого использовать Россию, “как охапку хвороста для пожара мировой революции”. Спасаясь от Гитлера, они перебежали на другую сторону Атлантики – в США – и с левого на правый фланг создателей мирового правительства.

Уже несколько десятков лет неоконны де-факто контролируют внешнюю политику США и очень влиятельны и в Конгрессе, и в обеих партиях. Президентом всегда становился политик, которого они поддерживали. В нынешней кампании они делают ставку на Хилари Клинтон и Демократическую партию. Не поддерживают они и другого республиканского кандидата Т. Круза, тесно связанного с “Чайной партией” (Tea Party). В программе Tea Party прослеживаются элементы старого американского изоляционизма, сворачивания претензий на мировое господство. И Трамп, и Круз, придя к власти (что очень сомнительно), могут пересмотреть политику США, взяв курс на защиту интересов евроамериканцев. Так в США теперь называют белых.

Потому что сбывается то, что обещал президент Клинтон в 1998 году: “Сегодня, в первую очередь благодаря иммиграции, мы не найдём преобладающего народа ни на Гавайях, ни в Хьюстоне, ни в Нью-Йорке... Ни одна нация в мире не переживала такого глобального демографического сдвига в такие короткие сроки”³. Дело Клинтона – дело неоконнов – должна продолжить жена Хилари. Мировой проектор на неё сделал ставку. Если победит Хилари Клинтон, то крайне правые группировки в США ускорят осуществление своих планов: “Запереться в северо-западных штатах и создать заново “новую белую родину”. А это будет началом сегрегации, которая была повержена в Южной Африке.

Нам в России надо, прежде чем клясть и во всем обвинять Америку, уяснить, что для властвующей транснациональной элиты Америка уже давно не национальное государство, а американцы – не нация. США для них не более, чем удобная территория для банков и корпораций. Мировая олигархия позволяет Вашингтону имитировать мировое правительство, быть его предтечей. Но мировое правительство не совместимо с сохранением наций и их государств. Они должны отмереть. Эта же участь уготована и европейским нациям. Их будут уничтожать тоже с помощью массовой иммиграции.

Салафиты подрывают ислам

После вмешательства России в сирийский кризис в Европе начинают понимать, что выживание европейской цивилизации может обеспечить сотрудничество не только с Америкой, но и с Россией. Проект Большой Европы от Лиссабона до Владивостока будет непременно востребован. На его основе будет строиться общий антитеррористический фронт, который в ООН предложил В. Путин.

¹ См. П. Д. Бьюкенен. Смерть Запада. М., 2004. С. 13.

² См. статьи в “Нашем современнике”: Борис Ключников. Борьба двух Америк, 2006, № 8 и его же “Россия под прицелом неоконнов”, 2008, № 10.

³ Цит. по: П. Дж. Бьюкенен. Смерть Запада. М., 2004. С. 14.

Псевдохалифат в наши дни ослаблен, боевики отступают и в Ираке, и в Сирии. Но до победы ещё далеко. Нельзя расслабляться. Надо помнить, что среди боевиков не только “псы войны”, уголовники, люмпены, психопаты, всесветская шпана, как иногда нам сообщают СМИ. Командный костяк джихадистов состоит из офицеров и генералов саддамовской армии. Многие боевики – это идейно мотивированные люди, в том числе фанатики-салафиты. Почему среди них много молодых людей, выросших на Западе? Когда вестернизация и безрелигиозность не приносят мусульманину жизненного успеха, он становится вдвойне религиозным, яростным салафитом. И главное – он начинает придавать своему мусульманству героический и романтический смысл. Он верит, что джихад необходим, чтобы очистить мир от грехов и создать царство справедливости. Ради этого они идут на чудовищные преступления.

Пока нам помогает побеждать технология, современное оружие. Но как долго? Выжить за счёт одной только технологии невозможно. Необходимо сила духа, воля, уверенность в правоте нашего дела. Их рождает только вера. Но её-то в постхристианской Европе почти не осталось. Ныне сурово и справедливо критикуют канцлера Ангелу Меркель. Но порой эта дочь пастора произносит мудрые слова. Вот, например: “В Европе не мусульман много, а мало христиан”. Наши верующие предки с именем Христа веками успешно противостояли джихадам. Европейские духовно-нравственные установки, такие как толерантность, открытость, многие демократические права и свободы в наступающие суровые времена становятся опасным анахронизмом. Кто ныне будет защищать европейцев от разворачивающейся на наших глазах городской герильи, от сети затаившихся террористов? Кто? Усатая Кончита? Гомосексуалисты, педерасты, педофилы, спекулянты, взяточники, мошенники? Неужели правда, что, как сообщают СМИ, немцев морально оскопили так, что 40% мужчин хотели бы стать домохозяйками? Не подтверждают ли это события в Кёльне в новогоднюю ночь?

Да, мы наблюдаем тектонические сдвиги в геополитике: началась эпоха быстрого ослабления Запада. Радикальные исламисты видят много признаков этого и делают ставку на подрыв духа европейцев, на панику среди них. Этой цели служат и теракты, и волны беженцев. Глашатай псевдохалифата Абу аль Аднани грозит: “Мы захватим ваш Рим, повергнем ваши кресты, поработим ваших женщин. . . Не успеем мы, так наши сыновья будут продавать ваших сыновей на невольничьих рынках”¹.

Этот глашатай наносит колоссальный вред мусульманству, великой религии Мухаммеда. “Умеренный” саудовский шейх Салех аль Фавзан учит: “Рабство – это часть ислама. Рабство – это часть джихада”. Другой профессор, М. Каддури, проповедовавший в университете Джона Хопкинса в США, учил так: “Дар аль-ислам (мир ислама) обязан вести перманентный джихад, пока Дар аль-харб (неисламский мир, мир войны) не будет повержен. . . это означает непрекращающуюся войну, наступление психологическое, политическое, а если необходимо – и чисто военное”².

О таких подрывниках-еретиках говорили участники конференции “Суфизм – безопасность для человека и стабильность государства” (Грозный, февраль 2015): “Действия ИГИЛ подрывают ислам изнутри, заставляют мир отвернуться от ислама. Так поступали убийцы халифов и внука Пророка”.

Основатель Партии Ислама (*Jamaat-e-Islam*) в Пакистане наставляет: “Джихад – это Священная война. Цель ислама – совершить всемирную революцию”.

Как видим, цель троцкистов и салафитов по сути одна и та же – перманентная революция и мировое господство. И те, и другие пытаются оседлать объективную тенденцию к всемирности. Салафиты, ваххабиты и прочие радикальные исламисты считают недочеловеками “неверных кафиров”, с которыми мира не может быть, возможно только перемирие (*hudna*). Договариваться с салафитами тоже нельзя, потому что они религиозно оправдывают лицемерие, вероломство, обман (*taqiyya*). Почему, например, они не признают халифат, который веками возглавлял турецкий султан? Потому, – заявляют они, – что в султанском халифате не соблюдалось до 85% норм исламского религиозного права – шариата. Нормы шариата (в переводе с арабского это

¹ The Atlantic, March 15, 2015. What ISIS really wants. By Graham Wood.

² Majid Khadduri. War and Peace in the Law of Islam.

путь праведной жизни) охватывают все стороны жизни мусульманина. Шариат основывается на классических источниках ислама – на Коране, на Хадит и на Суне. Турецкий халиф всё-таки понимал, что в мусульманском мире за 14 веков после смерти Пророка Мухаммеда жизнь изменилась, многие обычаи и нравственные ценности устарели. Салафиты, напротив, настаивают, что все нормы шариата остаются в силе на все времена и повсеместно! Вот эта догма и ведёт к тому, что границы с исламом постоянно кровоточат, утверждают западные исламоведы.

Что знают на Западе о шариате

Ни одна тема на Западе не обсуждается ныне так широко, не вызывает столько эмоций, столько противоречивых и прямо противоположных суждений, как ислам и шариат. Такие же споры были и в царской России, где православию и ислам учились уживаться веками. Строитель мечети в Санкт-Петербурге А. Баязитов опубликовал исследования “Возражение на речь Эрнеста Ренана¹ и книгу “Ислам и прогресс” (СПб, 1897), где доказывал, что ислам – вовсе не мертвящая сила, что он делает упор на нравственное совершенствование, благоговеет перед наукой. Такого же мнения придерживаются и западные профессиональные исследователи ислама. Современный французский учёный Жак Берк (*Jacques Berque*) издал фундаментальное исследование о шариате². Шариат – это путь, путь жизни, путь совершенствования, но на Западе и ислам, и Коран, и шариат, пишет он, уже давно стали объектами фантазмов и глубоко ошибочных выводов”. Верно! Не мог бы ислам стать одной из четырёх великих мировых религий, если бы он не был религией света и добра. Нападают на ислам и шариат поверхностные “знатоки” Востока. Их фантазмы перепевают в угоду обывателям бессовестные СМИ, которые одурманивают всё большее число людей. Ведь они фокусируют внимание на таких нормах шариата, которые в большинстве стран уже веками не применяются. Приведу выдержку из одной типичной публикации о шариате:

- “За отказ от мусульманства – смерть.
- За подстрекательства к отказу от ислама – смерть.
- Смерть немусульманину, который осмелился жениться на мусульманке.
- Муж имеет право развестись с женой, но жена должна получить согласие мужа на развод.
- Мужчина может жениться даже на 9-летней девочке.
- Муж может бить жену за непослушание.
- Чтобы доказать изнасилование, женщине надо найти четырёх свидетелей.
- Свидетельство женщины в суде допускается только в имущественных спорах, но оно значит вдвое меньше, чем свидетельство мужчины.
- Женщина наследует половину того, что наследует мужчина.
- Женщине запрещается разговаривать наедине с мужчиной, если это не её муж или родственник.
- Во имя Аллаха немусульманину можно лгать, нарушать клятву (догмат *Taqiyya*). Об этом “догмате” дана ссылка на аят 3.38. Открываем Коран: в нём нет и намёка на дозволенность врать и т. д. В этом аяте сказано так: “Пусть верующие не берут себе друзьями помимо верующих – неверующих...”³

Лжеучёные и исламофобы нагородили массу нелепостей об исламе. Где, в каких странах, кроме Саудовской Аравии, Судана и некоторых захолустных местечек до сих пор наказывают плетьюми, рубят ворами руки, отступникам – головы, неверных жен побивают камнями? Где? Только в помрачённом сознании салафитов. Нормы шариата ныне практикуются в некоторых странах только в области гражданского права и крайне редко – в уголовных делах. Мусульманские учёные, отражая новые веяния времени, веками трудились над осовремениванием шариата. Они, например, стали подразделять предписания шариата на пять категорий: обязательные, рекомендуемые, разрешаемые, нежелательные, запрещённые.

Критики ислама на Западе обычно умалчивают о многих краеугольных положительных нормах шариата: крепкая семья, забота о детях, помощь

¹ Ренан Эрнест (1823–1892), французский историк религий, семитолог.

² La Charia aujourd’hui.

³ Коран. Перевод Шарипова У. З. и Шариповой Р. М. М., 2012.

бедным, запрет аборт, неприятие содомских грехов и т. д. Все знают, что ислам запрещает алкоголь, но очень немногие знают, что ислам запрещает спекуляцию и паразитизм, когда деньги делают деньги и взимается ростовщический процент.

Истоки исламофобии

Конечно, мусульмане такие же грешники, как и христиане. Эти прекрасные предписания нарушаются, особенно на чужбине. Это вызывает у некоторых европейцев негодование. Они выискивают фактические ошибки в Коране, насмеваются над рассказами-“небылицами” из жизни Пророка. Почему эти невежественные пришельцы-мусульмане строят не школы, а мечети? Пять раз в день молятся вместо того, чтобы работать? Не учатся, а зубрят свой Коран? Пока такой будет их жизнь, не будет у них прогресса, будут жить за счёт нас, европейцев, на пособия, на деньги, которые мы зарабатываем в поте лица. Среди них будет расти злоба и зависть к Западу. Так распространяется исламофобия.

Особую роль играют карикатуры на пророка Мухаммеда. Впервые они появились в Дании. Потом в США о нём были сняты омерзительные фильмы. Зачем было устраивать это тупое, в конечном итоге контрпродуктивное глумление? Так вскипали волны ненависти, неизбывной вражды против Запада, против всех европейцев. Кто авторы этой подлости? Глупцы или... провокаторы?! Скорее, провокаторы, которые вскармливали талибов, Аль-Каиду, запрещённое в РФ ИГИЛ. Европейцы не знают, да и не хотят знать, кто и что значит Мухаммед для мусульманина.

Мухаммед – грандиозная светоносная личность. Таких в истории единицы. С каждым восходом солнца миллиард людей от Индонезии до Нигерии преклоняют в молитве колени, склоняют головы, восхваляют Аллаха и его посланника – последнего Пророка. Веками складывались сказания о его жизни и подвигах: родился он в 570 году при персидском царе Хосрое I, в год Слона. Отец его Абдала водил караваны и умер по дороге в Мекку до его рождения. Когда мальчику было шесть лет, умерла и его мать Амина, Мухаммед остался сиротой. Те, кто знал Мухаммеда, оставили в сказаниях его словесный портрет: среднего роста, широкоплеч, крепкого сложения, длинные руки, крупные кисти, высокий выпуклый лоб, орлиный нос, большие тёмные глаза с янтарными искорками, длинные, слегка волнистые волосы, густая борода, большой рот с приятной мягкой улыбкой, бледное лицо, походка быстрая, будто он сбегаёт со склона. Вместо смеха – яркая улыбка¹. В карикатурах нет ничего, что напоминало бы этот портрет. Пророк с самого рождения живёт в сердцах мусульман, и бездарные наветы не способны поколебать веру и любовь к нему миллиарда мусульман.

Ещё 30 лет тому назад большинство европейцев с симпатией относилось к мусульманству. Они помнили, что солдаты из этих стран воевали против нацизма и ещё недавно были под гнётом колониализма. Европейцы создавали сотни агентств помощи беженцам. Общины христиан много сделали, чтобы обустроить их жизнь, учить их детей, устраивать на работу, добивались законов о пособиях иммигрантам. Следует признать, что ни одно мусульманское общество не даёт столько прав, столько социальных благ, как европейские страны. И это пришельцам! Дома у них даже собратьев-мусульман из других стран быстро возвращают домой. Алжир, например, изгнал марокканцев и туарегов; зажиточный при Саддаме Ирак – египтян; Саудовская Аравия – миллион йеменцев. Вместо них завезли сотни тысяч покорных и трудолюбивых филиппинцев. В процветающей при Каддафи Ливии попытались осесть всего несколько тысяч египтян и бездомных палестинцев. Их за несколько дней жёстко изгнали. Вот таким на деле бывает “мусульманское братство”.

Отношение к мусульманам изменилось, когда стало ясно, что они упорно сплываются вокруг мечетей, живут по своим обычаям. Во многих семьях дети не хотят учиться, бросают школу, хулиганят, бездельничают. Фокусируется внимание на редких случаях, когда мужчины в явочном порядке вводят полигамию, привозят порой всех своих жен с десятком детей и, бросив работу, спокойно паразитируют на щедрых пособиях, суммы которых и не присни-

¹ Борис Ключников. Исламизм. США и Европа. М., “ЭКМО” “Алгоритм”, 2003. С. 295.

лись бы им в их родных странах. Исламофобы через СМИ раздувают эти случаи безобразного поведения пришельцев. Многие коренные европейцы, зарабатывающие хлеб в поте лица своего, начинают считать всех мусульман нахлебниками, которых надо высылать. В Германии появилось ничем не подтверждённое сообщение, что из трёх миллионов турок два с половиной миллиона получили немецкое гражданство и что 80% из них живут на социальные пособия. Так нарастает враждебность, хотя в повседневной жизни европейцы видят, что мусульмане честные труженики и выполняют тяжёлые и плохо оплачиваемые работы. Рабочие – коренные европейцы, – кстати, тепло отзываются о тех мусульманах, с которыми они трудятся.

Европа находится в состоянии войны сама с собой. Европейцы мечутся, часто меняют отношение к пришельцам. Кто допустил, что Европа стала проходным двором? В Германии, например, проживает 86 млн человек, и из них 18 млн иностранцев. Немцы, французы и прочие европейцы перестают верить правителям, которые действительно демонстрируют пугающую недалёковидность, узость взглядов, угодничество перед финансовым капиталом. Массовую иммиграцию европейцы стали воспринимать как надвигающуюся беду: под угрозой их существование. Кто защитит их женщин, каково будущее их детей? Власти уверяют, что всё будет хорошо, и старательно уничтожают всякую христианскую символику: кресты в школах и больницах; запрещают носить нательные крестики (иначе мусульмане будут носить хиджабы); перестают отмечать в школах и детсадах Рождество и т. д. Главное, – убеждают они, – не конфликтовать, не злить мусульман. А то хуже будет, вы видите, как могучая Турция становится агрессивным султанатом, а у нас живут миллионы турок. От турок лучше откупиться. Люди уже не понимают, где кончается веротерпимость и гуманизм и где начинается позорная капитуляция. В уступчивости до сентября 2015 года лидировала Англия. Там, например, разрешили учреждать частные исламские школы. Как отказать? Ведь уже столетиями существуют еврейские школы. Во Франции мусульмане не добились создания отдельных мусульманских школ. Но началось нарастающее давление на обычные школы. Французы! Вы же родина прав человека, так обеспечьте нашим детям в школах места для молитвы; введите для них уроки по Корану; обеспечьте в школах и в ресторанах особые мусульманские блюда; не обязывайте наших детей ходить на уроки рисования; не смейте заставлять наших девочек ходить на уроки гимнастики и вместе с мальчиками посещать бассейны; пусть мусульманки носят свои обычные платки, а то и паранджи. Очень настойчиво мусульманские организации добиваются признания многих норм шариата: законности браков, заключённых в мечетях, прав наследования, особых кладбищ или участков на кладбищах. Всё чаще они ставят вопрос о мусульманской квоте среди чиновников и о создании исламских политических партий с фракциями в парламентах для защиты быстро растущего мусульманского населения.

Год за годом растёт число мусульманских кварталов в городах, сеть шариатских зон. Туда уже давно не решаются заходить даже полицейские. Так было до теракта в брюссельском районе Моленбек – он всего в четырёх километрах от штаб-квартиры НАТО. Европейские государства зримо распадаются на сеть этнических и религиозных анклавов. На улицах европейских городов всё громче звучит молитва “Аллах Акбар”. В городах Германии уже вывешивают знамя псевдохалифата. В столице Нидерландов Гааге прошла массовая антисемитская демонстрация. “Смерть евреям”, – кричали разъярённые толпы. Телевидение показывает демонстрации африканцев-мусульман с лозунгами “Немцы, мы будем вас убивать”. Немки бессильно жалуются: “Вокруг одни чёрные, молодые, сексуально озабоченные мужчины (*testosteron ueberladene maenner*)”. Они пристают к женщинам, а те уже боятся в одиночку ходить по улицам. Безответственные журналисты распускают слухи, что арабские государства избавляются от преступников-рецидивистов и психически больных, грузят их на лодки, чтобыплыли в Европу. В шторм, когда лодки перегружены, мусульмане якобы выбрасывают в море христиан.

А что будет, если после терактов, что были в Париже и Брюсселе, начнётся массовая сетевая герилья?! Страшно представить бойню в городах! Люди погружаются в пугающее безразличие: а может, обойдётся, а может, запрещённая организация ИГИЛ двинется не в Ливию, не в Африку, а в Афганистан, в Центральную Азию, а на Россию. Так же надеялись, когда Гитлер готовился к броску. Бросился он вначале на Париж, а не на Москву. Недавно германский министр иностранных дел Ф. Штайнмайер перечислил теракты... в Тунисе,

Париже, Брюсселе. Но не вспомнил о 224 русских, погибших в авиакатастрофе над Синаем. Что это, оплошность? Или сигнал террористам, что теракты против русских не волнуют правителей Запада.

Призывы защищать христианские ценности не находят отклика. Создаётся впечатление, что европейцы забыли своих христианских предков и их подвиги в отражении турецких завоевательных походов. “Ворота Вены” с 1683 года открыты, и вера предков не достойна защиты. В Берлине практически была сорвана демонстрация в защиту истребляемых христиан Ирака и Сирии: пришло несколько десятков человек. А в том же Берлине на призыв выйти на демонстрацию за легализацию некоторых наркотиков вышли немедленно шесть тысяч молодых людей.

Недавний опрос во Франции показал, что 70% опрошенных считают, что французов заставят принять ислам. Французским опросам вторят немецкие СМИ: “Будущее Европы – исламское (*Europäische Zukunft wird islamisch sein*). Это только вопрос времени”¹. В социальных сетях 29 сентября 2015 года (это был пик беженцев) читаю некоего Стивена: “Раса белых людей достигла эволюционного тупика. Из-за безмерного альтруизма она потеряла инстинкт самосохранения. Другие расы осознали это и быстро заполняют Европу”. Никто в сотнях комментариев не опроверг печальные домыслы Стивена. На обложках журналов, на плакатах демонстрантов всё чаще мелькает решительное лицо канцлера Меркель в мусульманском платочке. Об отношении к властям в Германии свидетельствует характерный саркастический рисунок в одном из изданий, который долго веселил читателей интернет-сайтов: клумба, на ней растут цветы, каждый цветок – одна из шести партий, представленных в бундестаге (*Linken, SPD, Greunen, CDU, CSU, FOP*); около клумбы стоит бравый полицейский... в противогазе. “Почему вы в противогазе?” – спрашивают его. Он отвечает: “Иначе нельзя выдержать это дерьмо”. (“Дерьмо” в шадящем переводе. – Б. К.) Статья к рисунку озаглавлена “Политический истеблишмент: враг немцев”².

В марте 2016 года в Германии на выборах в ландтаги трёх земель правящие партии потерпели поражение. Партия “Альтернатива для Германии” уверенно побеждает, потому что предлагает решительные меры не только против массовой иммиграции, но и против Евросоюза, за сотрудничество с Россией. Ещё недавно над ней насмеялись, называя за малочисленность “партией профессоров”.

Фактор евроислама всё глубже раскалывает европейские народы. Волны новых беженцев приводят к опасным сдвигам в общественном мнении: всё большее число европейцев настраивается не только против радикальных исламистов, салафитов-террористов, а против самой великой религии, против ислама. Хватит лицемерить, яростно требуют они. Нет и никогда не было мирного ислама. Это тоталитарная идеология, религия сабли и подавления инакомыслия. Вчитайтесь в Коран. Там нет никакого “умеренного ислама”, там нет места ни свободе человека, ни демократии. Посмотрите, что творят “воины Аллаха” на Ближнем Востоке. Уже миллионы погибших, террор в 60 странах мира. А что творят новые сотни тысяч беженцев! Обстановка накаляется, экстремисты с обеих сторон рвутся в бой, не задумываясь о последствиях. Это очень опасно! России, с её историческим опытом уживчивости православных и мусульман, с такими экстремистами не по пути.

Геополитика ИГИЛ

Взятие Пальмиры порой вызывает эйфорию: скоро с запрещённым Исламским государством будет покончено! Рано расслабляться! Огненная лава радикального исламизма извергается отдельными рукавами по всему “поясу нестабильности” от Филиппин до Сомали и Нигерии. Этот пояс, известный в геополитике как “Анаконда”, был сконструирован американцами для удушения Советского Союза¹. Однако этот змей вышел из-под контроля США и превратился в гидру о многих головах, в Горгону со змеями вместо волос. Уже видно, как новые головы салафитской Горгоны возникают в Ливии, в Мали, в Нигерии, в Афганистане, в Туркмении, в Йемене, в Сомали. И пока нет никого, подобного древнегреческому герою Персею, который отрубил голову

¹ Monthly Archives, July 2014.

² Das politische Establishment: der Fiendder Deutschen.

дочери Горгоны Медузе. Помните, из крови Медузы, упавшей в пески Ливии, родились ядовитые змеи, которые уничтожали всё живое.

У псевдохалифата всемирный замах. Не отменены пока ни бросок на Саудовскую Аравию, ни захват Мекки и Медины. Геополитики ИГИЛ полагаются на сетевые структуры, выстраивают сложные, как у пчёл, роевые образования. В центре матка, перемещающаяся из государства в государство. Это ядро религиозных и военных руководителей. Они рассылают другие рои в периферийные модули, в том числе в Европу. Таким роем и являются, по сути, сотни тысяч новых беженцев, обосновывающихся с сентября 2015 года по всей Западной Европе.

В салафитской геополитике миграция в немусульманские страны используется для завоевания, как средство постепенной оккупации. Именно так трактуется салафитами аяят Корана 4.100: “А кто переселяется, двигаясь по пути Аллаха, тот найдёт на земле большое количество убежищ и изобилия...” Фанатики ссылаются на Пророка Мухаммеда: он ведь тоже вначале ушёл из Мекки в Медину, а потом захватил языческую Мекку. Европа с её богатейшими ресурсами должна стать новой Мединой для завоевания всего мира.

Заметим, что мусульманские богословы веками иначе трактовали уход Пророка из Мекки. Ислам под властью иноверцев – явление, не предусмотренное Пророком. Он покинул языческую Мекку потому, что мусульманин не должен жить под властью иноверцев. Он обязан уходить к себе, в мир ислама – в Дар аль-ислам, – где только и возможно вести жизнь правоверного мусульманина. В XII веке мусульмане ушли из Сицилии, в XV веке – из Испании. Испанская королева Изабелла в 1492 году подтолкнула исход последних мусульман из Гренады, где они господствовали восемь веков. Согласно этой трактовке, миллионы мусульман должны вновь покинуть Западную Европу. Но салафиты требуют создавать в Европе свои эмираты-государства, вытеснять шаг за шагом, год за годом государства кафиров, истреблять их в непрерывной городской герилье – в арабской *razzia*.

Но кафиры могут проснуться и прогнать дряблых толерантных либералов и прочих безбожных правителей. И тогда разверзнутся врата ада, начнутся истребительные гражданские и религиозные войны, которые унесут жизни десятков миллионов мусульман и христиан. Исламисты бросают Европе вызов и вновь, как в минувшие века, получают отпор. Уже вызревают силы сопротивления. Вопрос только, кто его возглавит. Христиане, расисты, неоязычники или неонацисты. Низвергнув крест, европейцы рискуют вновь существовать под сенью свастики.

Эпилог

Итак, что нас ждёт? Что принесёт новое переселение народов? Кто оставит на Европу огненной лавы всемирного террора? Многие европейцы уповают на НАТО, на США. Ведь американцы уже много раз спасали беззащитных европейцев: от сербов, от иракцев, от афганцев и, конечно, от “агрессивных русских”. Вашингтонские стратеги взорвали Украину, чтобы остановить наметившееся сближение Западной Европы и России, отсекая европейцев от их самого естественного союзника. Мало кто понимает, что радикальный исламизм был и остаётся для мирового олигархата полезным фактором. Он разрушает для олигархата национальные государства. Он ослабляет Европу, делает её всё более податливой. Из ослабленной Европы капитал бежит и будет бежать в надёжную Америку. В Европе нарастает хаос. В Берлине, например, уже сражаются сторонники беженцев – левые против правых националистов, которые требуют прекратить иммиграцию. *Дом, разделившийся в самом себе, не устоит*. Ясно одно: долго так не может продолжаться. Европейцев ожидают тяжёлые, решающие времена. Из подобной сумятицы выползали Хорти, Муссолини, Гитлер. Древнегреческий мудрец Софокл печально предупреждает: “Нужно подождать до вечера, чтобы понять, каким чудесным был день”. Странная, настораживающая семантика: запад по-немецки – *Abendland* – ‘страна вечера, земля заката’. *Absit, Omen!* – ‘Да не будет это мрачным предзнаменованием’!

¹ См.: Б. Ключников. Анаконда. Наш современник, 1999, №5.

ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ПРАВДА ПРОТИВ МИФОВ

МИФ ПЕРВЫЙ

“Сталин и Гитлер симпатизировали друг другу. Подписав 23 августа 1939 года пакт между СССР и Германией, Сталин тем самым развязал Гитлеру руки для начала Второй мировой войны. Поэтому Сталин виноват во всём так же, как Гитлер, или ещё более”.

Сначала – о “симпатиях” между Сталиным и Гитлером. Говорить всерьёз на эту тему невозможно: в военной исторической литературе, кроме цитат, надёрганных из записей бесед Гитлера в “Волчьем логове”¹, мимолётных наблюдений и отрывочных фраз его генералов, никаких **других** материалов нет. Ну и, конечно же, возведённых на этих осколках злонамеренных выводов “широкоизвестных и столь же широконенавидимых в народе авторов “перестройки” – Горбачёва и почившего в бозе Яковлева. Это и Коротич (журнал “Огонёк”), и Лаптев (газета “Известия”), и Бурлацкий (“Литературная газета”), и Е. Яковлев (“Московские новости”), и “известный историк” Волкогонов, и беглый разведчик-предатель Резун (псевдоним – Суворов), и Е. Киселёв с Митковой (НТВ), и прочая, и прочая, на чью долю выпала уникальная возможность хорошо подзаработать и обрести тогда ещё всесоюзную известность.

В своих рассуждениях по поводу этого мифа я буду опираться в основном на мемуары ближайших соратников Гитлера и других непосредственных участников и свидетелей событий, в которых, хоть и заочно, присутствовали Сталин и Гитлер.

Вот Иоахим фон Риббентроп, имперский министр иностранных дел. В своих воспоминаниях “Альянс и разрыв со Сталиным” он пишет, что после переговоров 23 августа 1939 года со Сталиным и Молотовым в связи с подписанием пакта о ненападении в служебном кабинете Молотова был сервирован небольшой ужин на четыре персоны. “В самом начале его произошло неожиданное событие: **Сталин встал и произнёс короткий тост, в котором сказал об Адольфе Гитлере как о человеке, которого он всегда чрезвычайно почитал.** В подчёркнуто дружеских словах Сталин выразил надежду, что подписанные сейчас договоры кладут начало новой фазе германо-советских отношений. Молотов тоже встал и тоже высказался подобным образом. Я ответил нашим русским хозяевам в таких же дружеских выражениях”².

Как пишет в своих воспоминаниях советник посольства Германии в СССР Густав Хильгер, 17 мая 1940 года Сталин передал через министра иностранных

дел СССР Молотова германскому послу Шуленбургу свои **“самые горячие поздравления в связи с успехами германских войск во Франции”**³.

Он же, Густав Хильгер, рассказывает, как 13 апреля 1941 года Сталин появляется на московском вокзале якобы для того (небывалый случай! — **И. И.**), чтобы проводить отъезжавшего в Токио японского министра иностранных дел Мацуоку, “а в действительности, чтобы на глазах у всего дипломатического корпуса... положить руку на плечо германскому послу и попросить его позаботиться о том, чтобы Германия и Советский Союз и дальше оставались друзьями. Затем он повернулся к заместителю германского военного атташе полковнику Кребсу и заверил и его тоже в том, что Советский Союз является и **хочет оставаться и впредь другом Германии**”⁴. Понятно, что это был особый дружественный сигнал Гитлеру.

Можно привести ещё два-три аналогичных примера (я располагаю ими), но в этом нет никакого смысла. Сталин опасался нападения Германии на СССР, рассчитывая выиграть время для подготовки к неизбежной войне. И он хитрил, дипломатничал, играл, демонстрировал своё якобы особое расположение к Гитлеру любыми способами, которые выдаются мифотворцами за “симпатии”.

О каких “симпатиях” может идти речь на самом деле, если до подписания 23 августа 1939 года пакта о ненападении между СССР и Германией Сталин делал всё, чтобы создать **антигитлеровскую** коалицию с Францией и Великобританией?

Как выразился Сталин 23 августа 1939 года в ходе обсуждения отношений СССР и Германии, “мы (то есть СССР и Германия. — **И. И.**) многие годы **поливали друг друга бочками навозной жижи**”⁵.

Гитлер, безусловно, знал о переговорах, боялся Союза СССР с Англией и Францией, говорил: “А если Англия и Франция объединятся с Россией? **Тогда мне просто придёт конец.** Если мы не сможем победить, мы погибнем, но мы захватим с собой полмира, и никто не будет радоваться победе над Германией. 1918-й больше не повторится. Мы не капитулируем”⁶.

Со своей стороны, фюрер через дипломатические каналы подталкивал Англию, Францию и США к нападению на Советский Союз.

Риббентроп пишет: “Как известно, Гитлер ещё в 1938 году был убеждён в том, что Англия и Америка вступят в войну против нас, как только в достаточной мере вооружатся. Он боялся, что обе державы заключат союз с СССР, и тогда Германия однажды подвергнется нападению одновременно и с Востока, и с Запада, как это уже произошло в 1914 году. В течение 1940 года эти прежние опасения снова овладели им. Он считал возможным, что Россия на основе своих возобновлённых переговоров с Англией нападёт на нас одновременно с англо-американским наступлением. Одновременное использование общего потенциала Америки и России казалось ему ужасной опасностью для Германии... Он решился на нападение в надежде в течение нескольких недель устранить Советский Союз. **Ошибка его в оценке русского потенциала и американской помощи стала роковой.** Вполне уверен он и сам не был, ибо сказал мне тогда: **“Мы не знаем, какая сила действительно стоит за теми дверями, которые мы собираемся распахнуть на Востоке”**”⁷.

Надо знать и помнить, что **инициатором подписания пакта** о ненападении был Гитлер, а не Сталин, ибо к войне долговременной, да ещё на два фронта, Германия не была готова.

Ранним утром 15 августа посол Германии в СССР Шуленбург получил от Риббентропа срочную телеграмму с указанием **немедленно** посетить Молотова и сообщить ему, что он, Риббентроп, готов “прибыть в Москву с кратким визитом, чтобы **от имени фюрера изложить господину Сталину точку зрения фюрера**”⁸. В той же телеграмме содержалось, в частности, и такое утверждение: “Не подлежит никакому сомнению, что германо-русские отношения достигли ныне своего исторического поворотного пункта. Политические решения, подлежащие в ближайшее время принятию в Берлине и Москве, будут иметь решающее значение для формирования отношений между немецким и русским народами на много поколений вперёд. **От них будет зависеть, скрепят ли оба народа вновь и без достаточных к тому оснований оружие, или же они опять придут к дружественным отношениям.** Обоим народам в прошлом было всегда хорошо, когда они были друзьями, и плохо, когда они были врагами”⁹.

20 августа Гитлер направил Сталину телеграмму, в которой **настаивал на том, чтобы Риббентроп был принят в Москве 23 августа**¹⁰.

Вот что пишет Риббентроп в своих воспоминаниях: “В самолёте я, прежде всего, вместе с юридическим советником, послом Гаусом набросал проект предусмотренного пакта о ненападении. Во время обсуждения в Москве это оказалось полезным, поскольку **русские никакого текста заранее не подготовили**¹¹.

Со смешанным чувством ступил я первый раз на московскую землю. Многие годы мы **враждебно противостояли Советскому Союзу** (а Сталин при этом симпатизировал Гитлеру? – **И. И.**) и **вели друг с другом крайне острую мировоззренческую борьбу**. Никто из нас никаких надёжных знаний о Советском Союзе и его руководящих лицах не имел. Дипломатические сообщения из Москвы были бесцветны. А Сталин в особенности казался нам своего рода мистической личностью.

Я хорошо осознал особую ответственность возложенной на меня миссии, тем более что это я сам предложил фюреру предпринять попытку договориться со Сталиным. Возможен ли вообще действительный компромисс взаимных интересов?

В то же самое время **английская и французская военные миссии ещё вели в Москве переговоры с Кремлём о предполагаемом военном пакте**. Я должен сделать всё от меня зависящее, чтобы договориться с Россией¹².

Переговоры (Сталин, Молотов, Риббентроп, Шуленбург) начались 23 августа в 18 часов. Переводчиками с немецкой стороны был Хильгер, с советской – Павлов. После ознакомления с проектом пакта, написанным Риббентропом в самолёте, Сталин сделал несколько поправок, после чего Риббентроп, имевший **неограниченные полномочия для заключения договора**, решил всё-таки узнать мнение Гитлера и направил в Берлин свой проект и проект с правкой Сталина.

В своих воспоминаниях Густав Хильгер говорит: “**Утверждение** изменённого текста последовало из Берлина **незамедлительно**. Позже я узнал, что оба текста были представлены Гитлеру для сравнения, и он тут же безоговорочно предпочёл сталинский, сказав: “Конечно, этот! Разве вы не видите, что он намного лучше? Кто, собственно, его сформулировал?”¹³ Срок действия пакта с пяти лет был продлён до десяти лет. Пакт вступал в действие сразу **после его подписания**, а не после ратификации, как первоначально планировалось¹⁴. Переговоры продолжились в 22 часа и закончились за полночь. Тут же были парафированы и подписаны пакт о ненападении и секретный протокол к нему¹⁵, согласно которому каждая из сторон признавала “сферы интересов” другой стороны, что означает, что заинтересованное государство ведёт с правительствами принадлежащих этой сфере стран касающиеся только его самого переговоры, а другое государство заявляет о своей категорической незаинтересованности.

Риббентроп пишет: “Пакт с Россией, вне всякого сомнения, был исключительным успехом не только с реально-политической точки зрения, но и наверняка должен был найти одобрение у немецкого народа. . . О значении дружественной России для германской политики забывать было нельзя”¹⁶.

А вот как видел **причины и выгоды**, которые получал СССР от подписания этого пакта, советник посольства Германии в СССР Густав Хильгер. При этом он исходил из своих представлений о том, как оценивал тогда, на его взгляд, общемировую ситуацию Сталин (я думаю, Хильгер делал это очень точно. – **И. К.**). По мнению Хильгера, Сталин считал, что “заключение пакта о ненападении с Германией создаст желательную ситуацию” по следующим причинам:

“1. Заключение пакта **ликвидировало** бы непосредственную опасность германского нападения на **Советский Союз**.

2. Заверения, полученные от Риббентропа и, соответственно, от Гитлера, убедили его в том, что Гитлер нападёт на Польшу, как только добьётся советского прикрития с тыла.

3. Сталин, в противоположность Гитлеру, не сомневался в том, что Англия и Франция выполнят свои обязательства в отношении Польши. Поэтому возникновение войны между великими державами и Германией он считал обеспеченным.

4. Таким образом, **Сталин рассчитывал получить ценную отсрочку, которая позволит ему ускоренно вести дальнейшее вооружение Совет-**

ского Союза. В остальном же он хотел выждать, как будет развиваться дальнейший ход событий, чтобы в надлежющий момент, когда воюющие державы будут в достаточной степени ослаблены, оказаться в состоянии бросить на всемирно-историческую чашу весов всю мощь Советского Союза.

5. Предусмотренное секретным дополнительным протоколом разграничение сфер интересов в Восточной Европе дало бы Советскому Союзу возможность овладеть важнейшими стратегическими позициями в Прибалтике. За эти позиции два с лишним века назад царь Пётр Великий, которого Сталин взял себе за образец, вёл войну 20 лет. Теперь же они без всякой борьбы падали ему с неба благодаря заключению пакта с Гитлером.

Итак, у него были все основания быть довольным этими соглашениями¹⁷.

Невольно проецируя взгляд Хильгера на современную политику “двойных стандартов” и попрание всяческих международных прав и соглашений, которую проводят США, Евросоюз и страны НАТО, я задаю себе вопрос: “А как бы поступил в той обстановке, скажем, нынешний президент США Обама или канцлер Германии Меркель, окажись они на месте Сталина или Гитлера? Уверен, они все сделали бы так же. А вероятно, что гораздо хуже...”

Вторая мировая война была неизбежна. Может быть, она могла начаться чуть позже и по какому-то другому сценарию, но, как видно сегодня из многочисленных опубликованных книг, статей и архивных данных, все ведущие страны Европы, США и Япония лавировали в поисках более выгодного союза. Риббентроп в своих воспоминаниях пишет, что **Черчилль ещё летом 1940 года будто бы сказал: “Не пройдёт и полутора лет, как Россия выступит против Германии”**¹⁸. Происходило и такое сближение Соединённых Штатов с Россией, что Рузвельт “на основе новейшей информации смог намекнуть: **вскоре произойдёт вступление России в войну против Германии**”¹⁹. Запад, как только мог, подталкивал Германию к войне с СССР.

Сейчас можно начать рассуждения о разного рода нравственных вопросах по поводу пакта о ненападении, особенно относительно секретных протоколов. Это особая тема.

По моему убеждению, заключение пакта о ненападении Сталину диктовала **объективная необходимость – безопасность своей страны, отсрочка начала войны хотя бы на некоторое время.** У Сталина и Гитлера были свои представления о ситуации в мире и раскладе сил. В то же время оба под воздействием той же необходимости **вели игру** так, как умели. Оба были прагматиками и циниками, как все политики вообще. Оба были людьми жестокими, безжалостными и беспощадными, каковым не может не быть первое лицо в государстве, тем более человек военный, тем более – Верховный главнокомандующий.

Сталин, поначалу воспринявший идею Ленина “о возможности победы социализма первоначально в немногих и даже в одной отдельно взятой капиталистической стране”, через несколько лет провозгласил идею “о **необходимости** построения социализма в одной отдельно взятой стране”. А социализм в его классическом понимании никак нельзя уравнивать с национал-социализмом (нацизмом) и фашизмом. В моём понимании, тут спорить не о чем.

Гитлер **мыслил себя Мессией**, призванным очистить всё человечество от низших рас, а всю свою жизнь и деятельность строил на основе звериных расовых идей, хотя сам не ел мяса и не пил вина. Вегетарианцем был Адольф Гитлер. Взгляд на человека, общество, философию его развития, жизненные цели и задачи практической деятельности у этих людей были кардинально различные.

В своём выступлении на секретном совещании главнокомандующих родов войск вермахта 23 ноября 1939 года Гитлер сказал: “Я, при всей скромности моей собственной персоны, **незаменим.** Ни один военный и ни один гражданский деятель меня заменить не смог бы. Пусть покушения на меня повторяются. Я убеждён в силе моего ума и в моей решительности. Войны всегда заканчиваются только уничтожением противника. Кто думает иначе – безответствен. **Время работает на нашего противника.** Сейчас сложилось такое соотношение сил, которое для нас улучшиться не может, а может только ухудшиться. При неблагоприятном для нас соотношении сил противник мира с нами не заключит. Никаких компромиссов! Быть суровыми к самим себе. **Я буду нападать, а не капитулировать!** Судьба рейха зависит от меня”²⁰.

“Россия в данный момент не опасна. Она ослаблена многими внутренними обстоятельствами. К тому же с Россией у нас есть договор. **Договора со-**

блюдаются столь долго, сколь долго это является целесообразным. Так думал и Бисмарк. Вспомним его Договор перестраховки. Россия будет соблюдать его до тех пор, пока будет считать его **за благо для себя**. Сейчас у России далеко идущие цели, прежде всего, укрепление своей позиции на Балтийском море. Мы **сможем выступить против России** только тогда, когда у нас освободятся руки на Западе²¹.

В выступлении на секретном совещании высшего генералитета вермахта в Оберзальцберге 22 августа 1939 года Гитлер заявил: “Ввиду моих политических способностей **всё в значительной мере зависит от меня, от моего существования**. Ведь это факт, что никто, пожалуй, не пользуется таким доверием немецкого народа, как я. В будущем, верно, **никогда не будет другого такого человека, который имел бы авторитет больший, чем имею я, следовательно**, моё существование есть фактор огромного значения”²².

О Сталине Гитлер говорил с почитанием. На уже упоминавшемся совещании высшего генералитета вермахта 22 августа 1939 года он заявил: “В сущности, **только три великих государственных деятеля во всем мире: Сталин, я и Муссолини. Муссолини – слабейший. ... Сталин и я – единственные, кто видит будущее**. Таким образом, через несколько недель я протяну Сталину руку на общей германо-русской границе и вместе с ним предприиму раздел мира.

<...> Генерал-полковник Браухич обещал мне закончить войну с Польшей за несколько недель. Если бы он доложил, что мне потребуется для этого два года или хотя бы только год, я не дал бы приказа о выступлении и на время заключил бы союз не с Россией, а с Англией. **Ведь никакой длительной войны мы вести не можем**”²³.

На секретном совещании в штабе оперативного руководства вермахта 9 января 1941 года Гитлер говорил: “**Сталин, властитель Европы, умная голова**, он не станет открыто выступать против Германии, но надо рассчитывать на то, что в трудных для Германии ситуациях он во всё возрастающей степени будет создавать нам трудности. Он хочет вступить во владение наследством обедневшей Европы, ему тоже нужны успехи, его воодушевляет “дрангах вестен”. Ему тоже совершенно ясно, что после полной победы Германии положение России станет очень трудным”²⁴.

В одном из “застольных разговоров” в “Волчьем логове” Гитлер сказал: “**Если Черчилль – шакал, то Сталин – это тигр**”²⁵.

Известны чрезвычайно лестные оценки Сталина его недругом У. Черчиллем. А недавно я встретил в книге сына президента Ф. Рузвельта Эллиота Рузвельта такие слова: “Встреча в Тегеране произвела на него (Ф. Рузвельта. – И. И.) неотразимое впечатление. “Этот человек умеет действовать. У него цель всегда перед глазами. Работать с ним – одно удовольствие. Никаких околичностей”²⁶.

Вальтер Шелленберг, группенфюрер СС, начальник VI управления (внешнеполитическая разведка) главного управления имперской безопасности (РСХА), по долгу службы встречался с Гитлером часто. Вот последние впечатления о Гитлере: “Вера Гитлера в собственное мессианское предназначение, судя по всему, что мне доводилось видеть, росла с каждым годом настолько, что всё больше принимала форму болезненной одержимости. После убийства Гейдриха я имел возможность знакомиться с медицинскими заключениями личных врачей Гитлера д-ра Морелля, д-ра Брандта, а также д-ра Штумпфэггера и беседовать с профессором де Кринсом о всё больше внушавшем опасения состоянии нервной системы фюрера. С 1943 года (после Сталинграда и поражения в Северной Африке. – И. И.) под воздействием нервных перегрузок у него всё сильнее **прогрессировала болезнь Паркинсона; конечный итог – нервный паралич**. В то время ещё больше возросло стремление Гитлера уничтожить евреев. Чаще, чем раньше, он разражался руганью по адресу “мирового еврейства”, в лице которого видел главного виновника военной катастрофы Германии. На этом фоне он оценивал заявление Черчилля и Рузвельта в Касабланке (с их требованием безоговорочной капитуляции Германии), которые для него являлись не кем иным, как “подручными жидов”²⁷.

О каких особых “симпатиях” между Сталиным и Гитлером можно говорить? Они ни разу не встречались воочию и могли судить друг о друге только по политическим и государственным делам. Да, нечто схожее по целям и методам политических процессов в Германии и СССР видно невооружённым глазом:

в обеих странах шла борьба с непримиримой оппозицией, и методы этой борьбы были одинаковыми — массовые репрессии.

Но столь же легко можно обнаружить и принципиальные различия: в СССР борьба шла на основе классовых противоречий, а в Германии, кроме уничтожения политических оппонентов и противников (коммунистов, социал-демократов и т. п.), реализовывалась **идеология расизма и национализма**, согласно которой уничтожению подлежали целые нации и народы, прежде всего, евреи, славяне всех ветвей — русские, украинцы, белорусы, поляки, “прочие” нации и народности.

На мой взгляд, весьма точную оценку характеру взаимных “симпатий” Гитлера и Сталина дал советник посольства Германии в СССР Густав Хильгер, который вместе с послом этой страны, графом Шуленбургом²⁸ работал в Советском Союзе семь лет, до первого дня войны, присутствовал на некоторых мероприятиях, в которых участвовал Сталин. Вот что пишет он в своих воспоминаниях: “Во время встреч со Сталиным я неоднократно имел случаи делать выводы из того, что он говорит и делает, о его отношении к людям и делам. Явно чувствовалось, что на него произвели сильное впечатление определённые черты характера и действий Гитлера. При этом у меня уже тогда возникло **гнетущее чувство**, что ему, очевидно, импонировали именно те качества и те решения Гитлера, которые **стали роковыми для Германии**. Но и Гитлер никогда не скрывал, что он (разумеется, за исключением своей собственной персоны) **считал Сталина самым значительным из всех современников**.”

Разница между обоими тут состояла только в том, что Гитлер сохранил своё восхищение Сталиным до самого конца, между тем как отношение Сталина к Гитлеру превратилось в жгучую **ненависть, а затем — в глубочайшее презрение**²⁹.

А вот как воспринимал личность Сталина и его деятельность имперский министр иностранных дел Иоахим Риббентроп, повидавший за время работы на этом посту всех глав государств и правительств крупнейших стран мира: “Сталин с первого же момента нашей встречи (23 августа 1939 года. — **И. И.**) произвёл на меня сильное впечатление: человек **необычайного масштаба**. Его трезвая, почти сухая, но столь чёткая манера выражаться и твёрдость, но при этом великодушный стиль ведения переговоров показывали, что свою фамилию он носит по праву. Ход моих переговоров и бесед со Сталиным дал мне ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдалённой деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, человека, который сумел сплотить двести миллионов человек своей империи сильнее, чем любой царь прежде”³⁰.

...Сейчас задену лишь несколько грязных и позорных сюжетов истории Второй мировой войны.

Коснусь вопроса, которым задаётся в мире множество людей: как “мюнхенский пивной ефрейтор” Адольф Гитлер вдруг стал главой Германии? В сознании мирового сообщества, российского — в том числе, практически отсутствует знание о том, что **Гитлер — это совместный политический проект США, Великобритании, промышленных и финансовых кругов Германии**. Хотя об этом писали ещё в канун Второй мировой войны, немало материалов можно встретить сегодня в интернете. Однако не верится, что кто-то мог целенаправленно годами взращивать такое чудовище, создавать военную машину, которая едва не уничтожила человеческую цивилизацию.

Тема эта непростая, и представить картину вскармливания Гитлера и создания фашистского вермахта полностью возможно лишь в объёмистом исследовании. Однако есть публикации, к которым стоит отнестись с доверием. Вот передо мной монография Дмитрия Перетолчина “Мировые войны и мировые элиты”³¹. В ней тема появления Гитлера на вершине власти германского государства при участии англо-американского крупного капитала в союзе с немецкими банкирами рассмотрена весьма обстоятельно, со ссылками на множество немецких, американских и английских оригинальных источников.

В начале XX века была чрезвычайно популярна идея создания единого экономического пространства Западной и Восточной Европы при одновременном завоевании рынков Средней Европы. Отсюда неудивителен интерес деятелей Паневропейского союза к Гитлеру, о котором крупный немецкий промышленник Ялмар Шахт говорил своим коллегам в Германии, Европе

и США: “Через три месяца у власти будет Гитлер. Он создаст Пан-Европу... Только Гитлер может создать Пан-Европу”³².

В то же самое время создавался проект “Лига реализации мира”, основным автором устава которой был президент США Вудро Вильсон. Возможности Лиги Наций (такое название в конечном счёте получил этот проект) в сочетании с положениями Версальского договора открывали для США европейские рынки и доминирование в мире. Россию в Лигу Наций не приняли.

“Зато **американская делегация** привезла на учредительную конференцию карту с новыми границами Российского государства, где за Москвой оставлялась Среднерусская возвышенность, отсекались Прибалтика, Белоруссия, Украина, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь и Дальний Восток...”³³

В начале лета 1929 года крупный американский финансист Джеймс Варбург “в рамках установления контроля над Германией стремился найти подходящего человека и вошёл в контакт с Адольфом Гитлером”³⁴. Надо полагать, что Гитлер понравился американцу. Вскоре в Швейцарии и Голландии были открыты личные банковские счета на имя будущего фюрера³⁵.

Политики и бизнесмены США довольно долго изучали Гитлера, хотя многое вроде бы было ясно сразу. “В ноябре 1922 г<ода> помощник **американского** военного атташе в Германии Трумэн Смит записал в отчёте о мюнхенской встрече: “Парламент и парламентаризм должны быть ликвидированы. Только диктатура может поставить Германию на ноги... Будет лучше для Америки и Англии, если решающая борьба между нашей цивилизацией и марксизмом произойдёт на немецкой земле, а не на американской или английской...” — именно таким образом на встрече высказался начинающий политик Адольф Гитлер”³⁶.

В конце 20-х — начале 30-х годов гитлеровская партия перестала нуждаться в финансах, они текли из разных мест.

В 1929 году Гитлер получает 10 млн долларов от Амстердамского отделения банка *Mendelssohn & Co*.

Сначала 30-х годов по линии Тиссена перечислялись средства на имя помощника фюрера Гесса — через счёт голландского банка, связанного с *Union Banking Corporation*. В декабре 1931 года фигурирует сумма, определённая в некоторых источниках **в 100 млн марок**. В тот же год Роттердамский банковский консорциум добавит в копилку партии ещё **15 млн долларов**³⁷.

Атташе **американского** посольства в Берлине Д. Гордон сообщал госсекретарю Г. Стимсону: “Нет никакого сомнения, что Гитлер получил значительную финансовую поддержку от определённых кругов промышленников. Как раз сегодня до меня дошёл слух из источника, обычно хорошо информированного, что представленные здесь различные **американские** финансовые круги весьма активно действуют в том же направлении”³⁸.

Окончательное доверие Гитлер заслужил, заявив в интервью американскому журналисту: “Американские капиталовложения в Германии будут при национал-социалистическом правительстве в гораздо более надёжном состоянии, чем при любом другом”.

10 октября 1931 года Гитлер встретился с Гинденбургом, предъявив свои претензии на власть. На следующий день в Бад-Гарцбурге на совещании видных германских промышленников и банкиров, где присутствовал и Гитлер, Я. Шахт сообщил **о поддержке в США установления в Германии диктатуры нацистской партии**. В тот же день последовал устрашающий марш частных армий, который принимал Адольф Гитлер, а в его ближайшем окружении на трибуне стоял глава “Рейхсбанка” Ялмар Шахт³⁹.

10 августа 1932 года Гитлер встретился с Гинденбургом и снова **потребовал пост канцлера**⁴⁰.

По свидетельству канцлера Брюнинга, “группа крупных предпринимателей”, продвигавших Гитлера, периодически навевалась для совещаний к послу США в Берлине М. Секетту⁴¹.

“Я был последней надеждой Европы”, — скажет Гитлер незадолго до смерти. Его притязания поддержит американский публицист Джон Стейнберг: надеждой немецких Варбургов и кругов, которые представляли Ялмар Шахт и **директор Банка Англии, лорд Монтегю Норман**. Монтегю Норман будет играть особую роль в истории Второй мировой войны...”⁴²

“Сотрудник отделения информации и связи финансового отдела **американской** секции Союзного контрольного совета для Германии Ричард Сэсюли

так описал общую ситуацию проталкивания Гитлера на вершину власти: “Гитлер получил такую поддержку, на которую он и не мог надеяться. Индустриальные и финансовые лидеры Германии, с *I. G. Farben* во главе, сомкнули ряды и сказали Гитлеру “да”... Опираясь на них, он быстро смог создать известное всем нам кровавое фашистское государство”⁴³.

Широко известный дипломат и учёный, доктор исторических наук, президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник Л. Г. Ивашов, исследовавший вопрос о том, кто и когда начал Вторую мировую войну, кто и как возвёл Гитлера во власть, пишет: “В США хранятся за семью замками документы, в которых зафиксированы финансовые потоки, в том числе взносы в нацистскую кассу на протяжении 20-х, 30-х и 40-х годов. Сомневаюсь, что эти тайны раскроют и к столетию формального окончания Второй мировой”.

После прочтения книги Д. Перетолчина у меня невольно возникла мысль о том, что на скамье подсудимых на Нюрнбергском процессе рядом с нацистскими военными преступниками должны были сидеть ещё многие из английских, немецких и американских промышленных и финансовых воротил. Тогда, быть может, сегодняшний мир был бы совсем иным, в нём не было бы страны-террориста, международного разбойника под названием “США”...

Общий замысел Запада был в том, что Гитлер вскоре пойдёт войной на Советский Союз. Но у фюрера имелись свои имперские амбиции. Для начала он решил поднять под себя Европу.

За всеми сегодняшними попытками поставить в центр проблемы начала Второй мировой войны пакт Молотова—Риббентропа и свалить вину на СССР лежит стремление увести внимание доверчивой общественности от той роли, которую сыграли США и Великобритания в политической карьере Гитлера. Западные демократии с самого начала видели в фюрере своё орудие, которому предстояло сокрушить СССР.

Воспользуюсь данными и оценками из статьи “Геополитическая предыстория Второй мировой войны”⁴⁴ генерал-полковника Л. Г. Ивашова.

Буквально накануне Мюнхенского сговора министр иностранных дел Великобритании Чемберлен сделал следующее заявление: “Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма. И поэтому необходимо мирным путём преодолеть наши нынешние трудности... (то есть трудности между Германией и Великобританией. — И. И.). Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, **кроме России**”. Как это понимать? Разве это не поощрение Гитлера к походу на Восток?..

Прилетев в Лондон с Мюнхенской конференции, проходившей 29—30 сентября 1938 года, Чемберлен, обращаясь к соотечественникам, торжественно заявил: “Я привёз вам мир!” За этими пафосными словами скрывались два важнейших соображения: 1) вектор гитлеровской военной машины **удалось направить на Восток, к границам СССР**, 2) с Гитлером подписана декларация, в которой подчёркнуто желание немецкого и английского народов никогда более не воевать друг с другом. Замалчивание этих вещей — главный козырь, который даёт нашим оппонентам возможность обвинять Россию в том, что Гитлер и Сталин пытались поделить мир, что шла война между двумя тоталитарными режимами. Запад всеми силами стремится скрыть тот факт, что **мировая бойня была развязана при его попустительстве и тайной поддержке с целью уничтожения Советского Союза**.

Безусловно, Лондон и Париж тоже опасались нарастающей мощи Германии, но их политика сводилась к двум вариантам: как не подвергнуться удару Германии в одиночку, как подтолкнуть Гитлера к удару по Советскому Союзу.

Особенно стремились помочь Гитлеру осуществить “дранг нах остен” англичане. Британские консерваторы держали в голове политическое завещание Ллойда Джорджа, который, будучи премьером, в начале XX столетия заявил: “Традиции и жизненные интересы Англии требуют **разрушения Российской империи**, чтобы обезопасить английское господство в Индии и реализовать английские интересы в Закавказье и Передней Азии”. Эти колебания между двумя вариантами действий, в конце концов, и привели к политике умиротворения Гитлера.

В сентябре 1938 года английские и французские “верхи” пошли на Мюнхенский сговор с Гитлером: Мюнхенская конференция постановила, что после 1 октября Судетская область принадлежит Германии. **И четвёртое по эконо-**

мической и военной мощи государство Европы – Чехословакия – было отдано Гитлеру на заклание⁴⁵.

Но как же действовали сами чехи? Ведь чешская армия по своей мощи была вполне сопоставима с германской. Немцы к осени 1938 года имели личного состава 2,2 млн человек, чехи – 2 млн, танков соответственно – 720 и 469, боевых самолётов – 2500 и 1582. При этом чешская армия опиралась на мощные оборонительные сооружения и имела развитую военную промышленность. Но чехи отказались от сопротивления. Чешская элита вполне осознанно, без единого выстрела отдала Гитлеру не только Судетскую область, но и всю страну. Она отказалась от предложенной Советским Союзом помощи и фактически являлась союзницей Германии в войне против СССР. Сегодня об этом в Праге никто не вспоминает.

Фельдмаршал Кейтель на Нюрнбергском процессе показал: “Мы были необычайно счастливы, что дело не дошло до военного столкновения... С чисто военной точки зрения у нас не было сил брать штурмом чехословацкую оборонительную линию”.

Возникновение Второй мировой войны – **длительный и сложный процесс**. Роль США в этом процессе странным образом уже много десятилетий остаётся за кадром. В основном она сводится к рассказам о миротворческих акциях президента США Рузвельта. Но так ли это? Не кто иной как Рузвельт родил в те годы афоризм: “Если в политике что-нибудь случается, значит, это было спланировано”. **Идея мировой войны постоянно присутствовала в речах и планах президента США задолго до 1 сентября 1939 года**. Положение внутри США было крайне тяжёлым, и война была весьма кстати. Именно поэтому Рузвельт без труда получил в Конгрессе двойной военный бюджет.

Существуют публикации, в которых говорится, что в распоряжении историков сегодня имеются материалы, позволяющие оспорить версию начала Второй мировой войны с нападения Гитлера на Польшу 1 сентября 1939 года и обосновать совершенно иную концепцию. В этой концепции **в качестве главного “героя” оказываются США**, их деловая и политическая элита, и, прежде всего, президент Рузвельт. Этот поворот во взгляде на историю, безусловно, не снимет всей ответственности за происшедшее в XX веке и во Второй мировой войне с Гитлера, **но перенесёт значительную её часть на США**. Вот бы где поработать нашим историкам! Думаю, что и американцы были бы потрясены, узнай они о действительной роли США во Второй мировой. А сейчас американцы выглядят в собственных глазах (да и не только в собственных) истинными героями и спасителями человечества.

В последнее время об этом как-то не принято говорить, но американские военные поставки Германии продолжались даже тогда, когда немцы рвались к Москве. Американцы были заинтересованы в том, **чтобы война длилась как можно дольше**. Военная помощь Гитлеру прекратилась только 11 декабря 1941 года – и то после того, как **Германия сама объявила войну Америке**⁴⁶.

Я убежден, что в борьбе за правду отечественной истории нам, как всегда, не хватает чувства собственного достоинства. Мы легко сдаём свои, казалось бы, несокрушимые позиции, а иногда просто ведём себя предательски по отношению к тем, кому обязаны всем и, прежде всего, своей жизнью.

МИФ ВТОРОЙ

“В развязывании Второй мировой войны виновата не фашистская Германия, якобы внезапно напавшая на СССР, а СССР, спровоцировавший Германию на вынужденный превентивный удар”.

В ходе холодной войны на Западе возник и всё более раздувается миф о том, что **Советский Союз готовился к нападению на Германию**, сгруппировал на своих западных границах мощные вооружённые силы Красной армии, и это спровоцировало Гитлера на **вынужденный превентивный удар** 22 июня 1941 года. Тем самым, по мнению некоторых американских и европейских политиков и учёных, виновниками развязывания Второй мировой войны, как минимум, в равной мере являются как Германия, так и СССР, а некоторые в своих фантазиях заходят так далеко, что объявляют СССР главным виновником.

Авторов этого мифа не смущает даже тот факт, что согласно общепринятой точке зрения Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года с нападения Германии на Польшу, а в Советский Союз гитлеровский вермахт вторгся почти на 22 месяца позже. В древние века родился афоризм: “Даже Бог не может изменить прошлое, но историки могут”. Тем более если это даже не историки, а крупнокалиберные политические сплетники типа нынешнего премьер-министра Украины фашиста Яценюка. Представьте себе, находясь в Германии с официальным визитом в первой половине января 2015 года, Яценюк выступил по радио и заявил: “Мы никогда не забудем, что в 1945 году Россия (**советские войска! – И. И.**) **оккупировала Украину и Германию**”. И никто его не поправил – ни канцлер Германии Меркель, ни МИД ФРГ или Украины, несмотря на то что Министерство иностранных дел РФ направило обеим странам ноты в связи с этим абсурдным заявлением!

27 января 2015 года исполнилось 70 лет со дня освобождения советскими войсками концлагеря Освенцим на территории Польши. По этому поводу министр иностранных дел Польши заявил, что **Освенцим освободили украинские войска**. В связи с этим Президента РФ В. В. Путина на торжества не пригласили.

К нынешним дням Вторая мировая война и Великая Отечественная война скрупулезно исследованы во всех странах-участницах, но прежде всего – в СССР и “новой” России, а также в Германии. Опубликована масса мемуаров и дневников крупных военачальников, данные разведок, рассекречено абсолютное большинство документов предвоенной и военной поры. Поле исторических исследований огромно, реальные события, факты и цифры, казалось бы, должны утихомирить выдумщиков и фальсификаторов. Увы! Погоня за сенсациями порождает всё новых шарлатанов, побуждая их к выдумке новых фактов, перелицовке событий, вымыслу того, что никогда не происходило, и полному игнорированию сказанного и запечатлённого в документах, научных трудах и воспоминаниях конкретных лиц о реальных сражениях, битвах, переговорах.

Тут особенно интересны и важны точки зрения, взгляды и высказывания главных персон вражеской стороны.

Начнём с Адольфа Гитлера – фашистского главаря, вдохновителя и организатора нападения на СССР. Начнём издалека, с 1 апреля 1924 года, когда будущий фюрер германского народа по приговору Мюнхенского суда был заключён в крепость Ландоберг, где он засел за написание книги “Mein Kampf” (“Моя борьба”), ставшей впоследствии “библией нацизма”. В книге две части, пятнадцать глав, заключение. Изложено в ней в целом можно назвать бредом маньяка, а на самом деле это была **программа** завоевания Германией мирового господства, установления “нового мирового порядка”, основанная на расовой теории превосходства немецкой (арийской) нации над другими, низшими расами. Это была, по сути, **программа новой мировой войны**, которой Гитлер, став главой фашистской Германии, следовал неукоснительно, а за ним и абсолютное большинство оболваненной им немецкой нации. Напомню читателю: книга написана Гитлером в середине 20-х годов XX века.

Представив в 13 главах все свои “фундаментальные” взгляды на мировое устройство, человечество, государство, “новое мировоззрение”, международную политику и т. п., в главе 14 Гитлер излагает свои безумные идеи по поводу “Восточной ориентации или восточной политики”...

Глава начинается словами: “Отношение Германии к России я считаю необходимым подвергнуть особому разбору. И это – по двум причинам.

1. Эта проблема имеет решающее значение для всей вообще иностранной политики Германии в целом.

2. Эта проблема является оселком, на котором, прежде всего, проверяются политические способности нашего молодого национал-социалистического движения; на этом оселке мы проверяем, насколько в самом деле мы способны ясно мыслить и правильно действовать”⁴⁷.

Привожу всего несколько цитат из главы 14, но они, несомненно, дают думающему человеку полное представление о тех основных идеях, которые родились в возбуждённом сознании будущего фюрера и которые вели его по жизни до дня самоубийства. “Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое

развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определённо указываем пальцем **в сторону территорий, расположенных на востоке**. Мы окончательно рвём с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе.

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду, **в первую очередь, только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены**.

Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось её государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования дали силу и крепость русскому государству. **Всем этим Россия обязана была германским элементам** — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. Не раз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стояли германцы, превращались в могущественные государства и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро германцев. В течение столетий Россия жила за счёт именно германского ядра в её высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. **Место германцев заняли евреи**. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своём подчинении это громадное государство. Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации". <...> Россия, лишившаяся своего **верховного германского слоя**, уже тем самым перестала иметь какое бы то ни было значение как возможный союзник немецкой нации в освободительной борьбе"⁴⁸.

А вот выдержки из протокольной записи допросов рейхсмаршала, главнокомандующего германскими военно-воздушными силами Генриха Геринга, которого Гитлер назначил своим преемником №1: **"Я всегда являлся противником войны с Россией** (лжёт! — И. И.). Когда я узнал о военных планах Гитлера против СССР, я просто пришёл в ужас... Я неоднократно пытался отговорить фюрера от его намерений воевать с СССР, но **фюрер носился с мыслью войны против России**, и разубедить его я не мог"⁴⁹.

Вспоминая о своей встрече в 1937 году с послом Германии в Великобритании И. фон Риббентропом⁵⁰ по поводу перевооружения Германии в 1930-е годы, У. Черчилль⁵¹ говорит: **"Однажды в 1937 году я встретился с германским послом в Англии фон Риббентропом** <...> Наша беседа продолжалась более двух часов... <...> Суть его речей сводилась к тому, что Германия хочет дружбы с Англией... Важнее всего, как говорил Риббентроп, было бы, чтобы Англия предоставила Германии **свободу рук на востоке Европы**. Германию нужен лебенсraum (нем. Lebensraum), или **жизненное пространство** для её всё возрастающего населения. Поэтому она вынуждена поглотить Польшу и Данцигский коридор...

Выслушав всё это, я сразу же выразил свою уверенность в том, что английское правительство не согласится предоставить Германии свободу рук в Восточной Европе. **Хотя мы и в самом деле находились в плохих отношениях с Советской Россией и ненавидели коммунизм не меньше, чем его ненавидел Гитлер**, но Риббентропу следует твёрдо знать, что, если бы даже Франция и была в полной безопасности, Великобритания никогда не утратила бы интереса к судьбам континента настолько, чтобы позволить Германии установить своё господство над Центральной и Восточной Европой. Мы стояли перед картой, когда я сказал это. Риббентроп резко отвернулся от карты и потом сказал: **"В таком случае война неизбежна. Иного выхода нет. Фюрер на это решился. Ничто его не остановит, и ничто не остановит нас"**..."⁵²

Крайне интересным представляется письмо посла США в Испании Клода Бауэrsa бывшему послу США в Германии У. Э. Додду о результатах Мюнхенского соглашения, отправленное 3 ноября 1938 года. В своём откровенном послании К. Бауэр, в частности, писал: **"...Я по горло сыт мифами о красной коммунистической угрозе**. Могут ли даже дураки не видеть, что, начиная с 1935 года, мы находимся в гуще всемирного фашистского развития?"

Я внимательно следил за русскими в Лиге Наций и в Комитете по невмешательству и без колебаний скажу, что **Литвинов**⁵³ является единственным министром иностранных дел, который говорит **на языке элементарной честности**. Коммунистическая опасность наступает нам на пятки! Но ведь именно фашистская Япония пытается сокрушить Китай с помощью оружия; фашистская Германия изнасиловала Австрию — с помощью оружия; фашистская Италия похитила Абиссинию — с помощью оружия; фашистская Германия надругалась над чехами — с помощью оружия; фашисты Германии и Италии и профашистски настроенный Чемберлен сделали то же самое с Испанией, где они всё ещё выступают с оружием в руках! А что сделала Россия?

Вы совершенно правы относительно фашистской опасности **у нас дома**. **Я вижу многих американцев**, которые живут здесь и в Биарице на дивиденды и являются **явными фашистами**⁵⁴.

Из воспоминаний бывшего министра финансов Германии Л. Шверин фон Крозига о подготовке Германии ко Второй мировой войне: “Военные расходы Германии с 1934 года до 31 августа 1939 года по всем трём видам вооружённых сил, в том числе и расходы, связанные с увеличением вооружений, составили **60 млрд марок**. В этот же период **общие бюджетные расходы** Германии равнялись **101,5 млрд марок**, то есть военные расходы составляли **59,1% этой суммы**.”

Налоговые сборы дали в общей сложности 62,2 млрд марок. Их вполне хватало для финансирования гражданского сектора (41,5 млрд) и, кроме того, оставалось **ещё 20 млрд марок на покрытие военных издержек**. Ещё одна треть военных расходов (20 млрд марок) покрывалась “прочими хозяйственными сборами”, то есть за счёт прибылей железных дорог, почтовых сборов, доходов государственного банка и т. д., а также за счёт кредитов, выдаваемых в первые годы в виде краткосрочных, а позднее — долгосрочных долговых обязательств...”⁵⁵

Приведённые документы говорят о том, что нападение на СССР (Россию) было **не упреждающей акцией, а идеологически мотивированной, заранее спланированной и хорошо подготовленной войной**.

Серьёзные немецкие учёные рассматривают сотворённую мифологию и фальсификацию событий начала и итогов Великой Отечественной войны с фашистской Германией как **информационную войну за прошлое**. Так, профессор Бианка Пиетров-Энкер считает, что миф о “превентивном ударе” Гитлера есть не что иное, как **попытка нынешних нацистов оправдать действия Гитлера**. “В документальных источниках нет никаких намёков на то, что это решение Гитлера (о нападении на СССР. — **И. И.**) следует рассматривать как **якобы реакцию на советскую политику летом 1940 г.**”⁵⁶

Даже сам Гитлер неоднократно проговаривался о том, что СССР не собирается нападать на Германию. На секретном совещании в узком кругу руководящего состава вермахта 14 августа 1939 года в Оберзальцбурге Фюрер говорил: **“Россия не собирается таскать каштаны из огня для Англии и уклонится от войны”**⁵⁷. На совещании 22 июля 1940 года он опять сказал: **“Русские не хотят войны”**⁵⁸. Хотя в это время у Гитлера уже был готов план вторжения в Россию летом 1940 года⁵⁹.

Наконец, необходимо обратиться к Материалам Нюрнбергского процесса, где в **Приговоре** в конце подраздела **“Агрессивная война против Союза Советских Социалистических Республик”** подчёркивалось: “Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня. <...> **Это была явная агрессия**”. В подразделе “Убийство гражданского населения и жестокое обращение с ним” указывалось: “Из представленных доказательств явствует, что, во всяком случае, на Востоке массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции и сопротивления германским оккупационным войскам. В Польше и Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения **путём изгнания и истребления его** для того, чтобы колонизировать освобождёвшуюся территорию немцами...” В подразделе Приговора “Преследование евреев” отмечалось: “Летом 1941 года, однако, начали разрабатываться планы “окончательного решения” еврейского вопроса в Европе. Это “окончательное решение” означало уничтожение всех евреев, которое,

согласно угрозам Гитлера, **в начале 1939 года** должно было явиться одним из следствий разразившейся войны”⁶⁰.

В Обвинительном заключении Международного военного трибунала (г. Нюрнберг) есть пункт 6-й “Вторжение Германии 22-го июня 1941 г. на территорию СССР в нарушение Пакта о ненападении от 23-го августа 1939 г.”:

“22 июня 1941 г. гитлеровские заговорщики, вероломно нарушив Пакт о ненападении между Германией и СССР, **без объявления войны напали на советскую территорию, начав тем самым агрессивную войну против СССР.**

С 1-го же дня вторжения на территорию СССР гитлеровские заговорщики, в соответствии с детально разработанным планом, начали осуществлять разрушение городов и сёл, уничтожение фабрик и заводов, колхозов и совхозов, электростанций и железных дорог, ограбление и варварское разрушение национально-культурных учреждений народов СССР, разрушение музеев, школ, больниц, церквей, исторических памятников, массовый угон советских граждан на подневольную работу в Германию, а также физическое истребление взрослого населения, женщин, стариков и детей, особенно русских, белорусов, украинцев, и повсеместное истребление евреев.

Все эти преступные действия проводились германскими войсками по прямому приказам нацистского (гитлеровского) правительства и германского верховного командования”⁶¹.

Как можно на таком фоне вести какие-либо дискуссии о том, кто начал войну, если об этом говорит сам Гитлер, его преемник рейхсфюрер Геринг, если в Приговоре Нюрнбергского процесса сказано, что это была агрессия?

Вот, наконец, свидетельство посла Германии в СССР Хильгера из его разговора с послом Шуленбургом, который встречался с Гитлером 28 апреля 1941 года. “Посол увидел, что его памятная записка лежит у Гитлера на столе, но ни по одному слову Гитлера не смог судить, прочёл тот её или нет. Однако, прощаясь, Гитлер вдруг без всякой связи с предыдущей беседой бросил: **“И ещё одно, Шуленбург: вести войну против России я не собираюсь!”**

Когда 30 апреля посол вернулся в Москву, он отвёл меня на аэродроме в сторону и прошептал: **“Жребий брошен, война – дело решённое!”** Только по дороге в посольство он сообщил мне о последней реплике Гитлера. На мой удивлённый вопрос, как же это согласуется с его первыми словами, Шуленбург ответил: **“Гитлер намеренно обманывал меня”**.

А тем временем Сталин продолжал свою политику умиротворения. Но Гитлер на неё ни в малейшей степени не реагировал. Даже тот факт, что 6 мая 1941 года Сталин занял пост Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и, таким образом, встал во главе правительства и юридически, не привлёк к себе внимания Гитлера, хотя тем самым Сталин хотел явно продемонстрировать, что полон решимости использовать весь свой личный авторитет, **чтобы избежать столкновения между Германией и Советским Союзом.** Не придал Гитлер никакого значения и донесениям посольства, хотя (или, возможно, именно поэтому) мы неустанно указывали на добросовестное соблюдение Советским Союзом экономического соглашения и подчёркивали, что прилагаем все усилия для того, чтобы избежать конфликта с Германией.

В мае в Москву после многонедельного отсутствия вернулся полковник Кребс. Когда он зашёл в мой кабинет, я задал ему вопрос насчёт курсирующих слухов о войне. Если в этом есть хоть доля истины, его долг, сказал я, разъяснить Гитлеру, что война против Советского Союза может означать конец Германии. Я напомнил Кребсу, что за свою долгую историю **Россия часто бывала бита, но никогда – разбита**”⁶².

МИФ ТРЕТИЙ

“Советский Союз не был готов, более того – и не готовился к нападению Германии”.

Миф – это не всегда чистая выдумка. Чаще всего в основе мифа лежит та или иная, большая или меньшая доля правды, а вокруг неё неквалифицированный или злонамеренный историк, журналист или писатель накручивает свои фантазии и ложь. В результате создаётся впечатление **правдоподобия,**

которое, как известно, хуже чистой лжи. Для молодого, незрелого ума, для плохо образованного человека подобия правды часто бывает более чем достаточно: он заглатывает “наживку” и помимо своей воли оказывается на крючке лжи.

Да, **в полной мере** к войне с Гитлером Советский Союз не был готов. Это правда. Но изо всех сил спешил подготовиться к неизбежной схватке с фашизмом. Это тоже правда. Однако эта правда мифотворцам не нужна. Поэтому давайте немного порассуждаем на тему: “Почему СССР был не готов к войне?”.

Ещё при жизни больного Ленина, в марте 1922 года Пленум ЦК ВКП(б) избрал И. В. Сталина генеральным секретарём ЦК. Вся власть в стране – и партийная, и государственная – оказалась фактически в его руках. Наблюдая за деятельностью Сталина более полугода, безнадежно больной Ленин понял это и написал “Письмо к съезду” (“Политическое завещание”), в котором говорит: “Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках **необъятную власть**, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба **против ЦК** в связи с вопросом о НКПС, отличается не только **выдающимися способностями**. Лично он, пожалуй, самый **способный человек** в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно”⁶³.

Ленин не фантазировал и не пророчествовал: он точно знал, что Сталин и Троцкий уж давно – непримиримые враги, смертельно ненавидящие друг друга, и, стало быть, раскол в партии не “может” наступить, а наступит неизбежно и вскоре. “Наградив” Троцкого званиями “самого способного человека в ЦК” с “выдающимися способностями”, Ленин поднёс огонь к тлевшим фитилям заряда вражды в сердцах обоих вождей.

Попробуем словно на “машине времени” перенестись в эту даль и стать как бы живыми свидетелями всего происходившего, увидеть явления и события тех лет не в десятилетних расстояниях, а как бы изнутри, воочию, погрузиться в ситуацию. Без глубокого погружения в сущность происходившего не может быть и её глубокого понимания.

... Только что закончилась гражданская война, а страны Антанты не ушли восвояси, ещё не разгромлены основные политические противники внутри страны.

Не стану говорить о разных партиях, у которых были различные и, как правило, существенно иные, чем у большевиков, взгляды на пути развития России. Межпартийные схватки... А страна в разрухе, а власть и без того висит на волоске. Один за другим неурожаи. Голод 20-х годов... Голод 1931–1932 годов. Крестьянские восстания... Чтобы удержаться у власти, их приходилось подавлять силой. Коллективизация... Индустриализация... Политических противников устраняли с политического поля тоже насильно. Одним словом, шла классовая борьба и, что не менее опасно, внутрипартийная борьба. Не буду говорить о Бухарине, Зиновьеве, Каменеве и других большевистских вождях, которые после смерти Ленина стали не всегда открыто, но активно выступать против Сталина.

Троцкий откровенно претендовал на первую роль в партии и государстве, то есть на место, которое занимал Сталин.

Разве Сталин не понимал этого? Отлично понимал. Отдать власть в руки Троцкого или какие-то другие руки? Зачем? Кто мог гарантировать, что новый вождь (а все до одного они были на виду и хорошо известны) сумел бы управлять страной в остро кризисной, критической ситуации лучше, чем он?

Сталина, в силу его внутренней замкнутости, никто из сотоварищей, оппонентов и откровенных врагов не знал по-настоящему. Немногословность Сталина объяснялась как нехватка образованности и большого ума.

В своём памфлете “Иосиф Сталин. Опыт характеристики”, написанном в сентябре 1939 года уже в эмиграции, Троцкий представлял Сталина “типичным средним провинциальным революционером царской эпохи” с “малоподвижным умом”, не обладающим “ни теоретическим воображением, ни исторической дальнорукостью, ни даром предвосхищения”; **лишь по силе воли он поставил Сталина вровень с Лениным**. По мнению Троцкого, Сталин –

“**выдающийся тактик, но не стратег**”⁶⁴. В записках редактору журнала *Life* в октябре того же года он пишет: “Сталин мне враг”⁶⁵. Из этих записок явствует, что Сталин и Троцкий враждовали уже давно, однако окончательное осознание непримиримой враждебности друг к другу пришло тогда, когда на съезде партии огласили “Политическое завещание” Ленина.

О том, что Сталин был человеком не только хитрым и коварным, но также умным, обладающим феноменальной памятью, скажут впоследствии премьер Великобритании Черчилль, президент США Рузвельт и многие другие. О том, что он человек хорошо образованный, смелый, готовый пойти на риск ради успеха, о многих других положительных качествах (о плохих сейчас не говорим) знал только сам Сталин. Знал и молчал. Устойчивая высокая самооценка своих способностей справиться с любой ситуацией и высокий уровень притязаний не позволяли Сталину отступить от руля управления страной, не оставляли шансов на успех никому из потенциальных соперников. Эту истину его оппоненты хорошо понимали.

Некоторые говорили о том, что его надо освободить от должности генсека, а были и такие, кто выступал за то, чтобы устранить Сталина физически. Сталин понимал и это. Заговоры с целью убить Сталина строились внутри страны и за границей – в Японии, в Германии. Это не выдумки, а действительность, о которой говорить сейчас не к месту.

Думаю, именно в этом лежит главная причина начала чисток в партии и политических репрессий на основе подлинных, а частью придуманных фактов. Почему репрессии приняли затем такие гигантские масштабы, никто толком объяснить не может. Версии, версии... Сваливать всё только на одного Сталина, на мой взгляд, нелепо. Да, процесс был запущен не без его воли. А затем, надо думать, вырвался из его рук. Одним словом, **психологическая атмосфера**, в которой жил и работал Сталин, не могла не влиять на его решения и поведение. Легче всего свалить всё на “параноидальную подозрительность” Сталина, которой якобы он страдал.

В 1933 году к власти в Германии пришёл Гитлер с его сумасбродными идеями мирового господства, превосходства “арийской расы” над всеми другими народами, уничтожения славянских народов и всех евреев в Европе и прочими тому подобными. Надо учесть, что в тот момент в Европе уже в 20 государствах установились фашистские режимы. Гитлер не скрывал своей ненависти к СССР и большевикам. Можно ли подумать, будто Сталин не понимал, что нападение Германии на СССР неизбежно?

Сталин эту неизбежность сознавал. Это подтверждал, в частности, премьер-министр Великобритании У. Черчилль. В своих мемуарах он писал, что во время встречи в Москве в августе 1942 года Сталин сказал ему: “...**Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнётся, но думал, что мне удастся выиграть ещё месяцев шесть или около того**”⁶⁶.

Сталин понимал, что Гитлер нападёт также на Англию и Францию, поэтому, как уже говорилось, ещё до начала Второй мировой войны пытался выстроить с ними политику коллективной безопасности, однако долгие переговоры ни к чему не привели.

23 августа 1939 года СССР был **вынужден** подписать с Германией пакт о ненападении, хотя, скажу снова, инициатором здесь был не он, а Гитлер. Надо было любыми способами оттянуть начало войны, чтобы лучше подготовиться к ней. В состав СССР в итоге “освободительного похода” были приняты Западная Украина и Западная Белоруссия, вошли Эстония, Литва и Латвия. Да, всё это происходило согласно дополнительному (секретному) протоколу к пакту Молотова–Риббентропа. В глазах мирового сообщества, особенно сегодня, это выглядит, скажем так, некрасиво. Но тогда СССР был на пороге войны, и выиграть время, **улучшить стратегическое положение страны** надо было любой ценой. Добавкой названных территорий на западной границе оно было улучшено. **Это надо рассматривать как подготовку к войне.**

30 ноября 1939 года Советский Союз начал кровопролитнейшую войну с Финляндией, которая продолжалась 3 месяца и 12 дней, закончилась 12 марта 1940 года. Для советской стороны война принесла новые территории, гарантировавшие безопасность Ленинграда, возможность создания военно-морской базы на острове Ханко, несколько удобных портов, дополнительные энергетические мощности для промышленности. Это улучшило стратегическое положение СССР на северо-западном участке. **И это тоже была подготовка к войне.**

Стоит заметить, что ещё в 1935 году Сталин думал о подготовке к будущей войне. В письме Кагановичу и Молотову 4 октября 1935 года, поскольку урожай зерновых был хорошим, он говорил: “Было бы лучше 60 мил. пудов из непфонда (неприкосновенного фонда. — **И. И.**) отложить для запада от Карелии до юга Украины, дислоцировав этот хлеб в прифронтовых районах по указанию военведа, другие 60 мил. пудов — для Дальнего Востока с дислокацией по указанию военведа, остальное же 260 мил. пудов сосредоточить в областях Московской, Калининской, Курской, Воронежской и Харьковской, откуда легче перебросить хлеб **в прифронтовые районы в случае войны на Западе** или снабжать хлебом промцентры Москвы, Ленинграда, Донбасса в случае большого недорода⁶⁷.”

14–17 апреля 1940 года в ЦК ВКП(б) проходило совещание начальствующего состава, где анализировались итоги боевых действий против Финляндии. В его работе принимал участие И. В. Сталин. Он выступил с заключительным словом в последний день совещания, 17 апреля. О чём он говорил? О том, что более успешным боевым действиям помешал культ традиций и опыта гражданской войны. О необходимости механизации и моторизации армии. Об исключительно важной роли артиллерии, танков, авиации, производстве миномётов, производстве автоматического стрелкового оружия. О необходимости жалеть солдат и не щадить бомб, снарядов и патронов. И это тоже был момент реальной подготовки к войне с Гитлером.

5 апреля 1941 года был подписан Договор о дружбе и ненападении между СССР и Королевством Югославия. 13 апреля 1941 года — Пакт о нейтралитете между СССР и Японией. **Это была подготовка к войне с Германией.**

Или взять повышение уровня грамотности населения СССР... Оно связано с подготовкой к войне или нет? Ещё как! Ведь Россия (что бы сейчас ни говорили о её “бурном развитии” до революции) была страной в основном аграрной и малограмотной. Вскоре после окончания гражданской войны, особенно с начала 1930-х годов, в Советском Союзе стала быстро расширяться сеть школьных и высших учебных заведений. Только за одну пятилетку (1926–1930) ассигнования на развитие высших учебных заведений **увеличились в девять раз!** В целом же бюджетные расходы на образование перед войной держались на уровне 5,5–6,5%, тогда как в основных европейских странах они не превышали 2–3%. Не менее важным был и другой фактор — своего рода новый классицизм в образовании, снятие социальных ограничений на поступление в вуз, выдвижение на первый план личных способностей. В стране был **создан настоящий культ знаний.** За счёт этой “прорывной” социальной технологии Советский Союз и оказался впоследствии способным противостоять более сильному противнику.

Скажем, выпуск дипломированных инженеров в Германии на протяжении 1920-х годов постепенно снижался, а в СССР возрастал⁶⁸.

В сентябре 1940 года И. Сталиным был утверждён доклад наркома обороны и начальника Генерального штаба “Соображения об основах стратегического развёртывания Вооружённых сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 гг.”. Поступление новых разведывательных сведений о военных приготовлениях Германии вызвало необходимость доработки этого основополагающего для Красной армии документа, и в период с марта по апрель 1941 года в него вносились существенные уточнения.

Наращение угрозы войны и учёт сведений о характере предполагаемых действий противника потребовали внесения коррективов в планы прикрытия государственной границы на Западе. Наиболее значительным изменениям в мае 1941 года подверглись планы прикрытия в Западном и Киевском особых военных округах. С учётом последних данных военной разведки они стали носить однозначно оборонительный характер. В них формулировались требования “в основу обороны положить упорную оборону создаваемых укреплённых районов и полевых укреплений... особое внимание уделить противотанковой обороне...”, чтобы “не допустить вторжения как наземного, так и воздушно-го противника на территорию округа”. На основе окружных планов были подготовлены и утверждены армейские планы прикрытия с указанием конкретных задач для каждого соединения.

Начиная с апреля 1941 года, после получения согласия Сталина, Генеральный штаб с учётом поступающих разведсведений приступил к организации масштабного скрытного отобилизования войск и выдвижения армий

Главного командования (второго стратегического эшелона) в районы оперативного предназначения на территории Западного и Киевского особых военных округов⁶⁹.

Подготовка к войне шла. Но по плану полное перевооружение и полное укомплектование Красной армии должно было завершиться к середине 1942 года. Начало Второй мировой войны стало сигналом: подготовку к войне с Гитлером надо резко ускорить. И это было сделано.

В конце июня 1940 года **были введены восьмичасовой рабочий день и семидневная рабочая неделя**. С октября 1940 года началось создание ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО). В 1941 году их окончили почти 500 тысяч человек. Все они были направлены на оборонные предприятия.

В 1939 году расходы на военные нужды составили 25,6% от общего бюджета страны, в 1940 году они увеличились до 32,6%, а в 1941 году – **до 43,4%**! Это ещё один серьёзнейший факт, говорящий о том, что высшее **руководство страны готовилось к войне**⁷⁰.

Сталин понимал, что успех в войне будет обеспечен в цехах заводов по производству всех видов вооружений, в том числе новых. В сентябре 1939 года было принято решение **о строительстве девяти новых и реконструкции ещё девяти авиационных заводов** с вводом их в строй в 1940–1941 годах.

За 1939–1940 годах мощности военного судостроения **увеличились втрое**. Это ли не факты, свидетельствующие о том, что **страна готовилась к войне**?⁷¹

Расширились мощности артиллерийских и танковых заводов. Ещё в январе 1937 года под руководством начальника КБ Кошкина на заводе №183 в Харькове начались работы по созданию опытных образцов: командирского танка на базе танка БТ-7, танка БТ-7-Б-ИС с шестью ведущими опорными катками, танка БТ-7 с приводами управления движения машины с места командира танка, танка БТ-7 с огнём, танка БТ-9 с синхронизированным ходом.

В декабре 1939 года – январе 1940 года шло изготовление двух опытных образцов танка Т-34 (А-34) и подготовка их к заводским испытаниям.

1 марта 1937 года танковое конструкторское бюро КБ-190 танкового отдела “100” продолжало работы по серийному выпуску танков БТ-7 с конической башней, оснащению опытных танков БТ-5 и БТ-7 дизелями типа В-2, созданию танка БТ-7 с сервоуправлением, оборудованию танка БТ-7 накладной броней (экранирование корпуса).

В целях повышения пулестойкости башни танка БТ-7 КБ-190 завода №183 в первом квартале 1937 года была разработана новая конструкция сварной конической башни с углом наклона бортов 15°. После испытаний коническая башня введена в серийное производство с 1 сентября 1937 года. Производство танков БТ-7 продолжалось до 1939 года. За это время выпущено 2596 танков и 2017 машин, оснащённых радиостанцией.

С мая 1939 года в стремительном темпе шла работа над двумя похожими и разными танками: А-20 – колёсно-гусеничный и А-32 – гусеничный. Результат: **постановлением Комитета обороны СССР №443 от 19 декабря 1939 года на вооружение принят танк с присвоением ему названия “Т-34”**⁷².

7 июня 1940 года Совет народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) под грифом “Сов. секретно. Особой важности” приняли постановление “О производстве танков Т-34 в 1940 году”. В постановлении говорилось: “Придавая особо важное значение оснащению Красной Армии танками Т-34, Совет Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Обязать народного комиссара среднего машиностроения тов. Лихачёва И. А.:

а) изготовить в 1940 г. 600 танков Т-34, из них:

на заводе №183 (им. Коминтерна) – 500 штук, на Сталинградском тракторном (СТЗ) – 100 штук со следующей разбивкой по месяцам:

Завод №183: июнь – 10, июль – 20, август – 30, сентябрь – 80, октябрь – 115, ноябрь – 120, декабрь – 12;

Завод СТЗ: октябрь – 20, ноябрь – 30, декабрь – 50;

б) обеспечить полностью программу по выпуску танков Т-34 дизелями, для чего увеличить выпуск моторов В-2 на заводе №75 и изготовить до конца

1940 года 2000 шт. со следующей разбивкой по месяцам: июнь – 210, июль – 230, август – 260, сентябрь – 300, октябрь – 320, ноябрь – 330, декабрь – 350.

Председатель СНК Союза ССР – В. Молотов. Секретарь ЦК ВКП(б) И. Сталин.

Впоследствии средний танк **Т-34** был признан **лучшим средним танком всей Второй мировой войны**. К осени 1941 года Красная армия имела 1066 штук Т-34.

В марте 1941 года был поставлен на вооружение **самолёт-штурмовик ИЛ-2**, “летающая крепость”. В серийное производство в феврале 1941 года поступили **установки “катюша”**, наводившие ужас на немцев.

В апреле-мае 1941 года было проведено **скрытное усиление Красной армии**: в армию и на флот из запаса были призваны 850 тысяч человек. Укрепляли, прежде всего, западные военные округа. **Это была подготовка к войне**.

Делалось очень многое, но до войны, как мы знаем теперь, оставались месяцы...

Между тем полностью отмобилизованные войска вермахта намного превосходили по уровню боевой готовности силы Красной армии. Немцы имели почти двухлетний опыт военных действий, были хорошо обучены, уверены в своём превосходстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так называлась ставка фюрера (от нем. die Wolfsschanze), располагавшаяся в Восточной Пруссии в районе Растенбурга.

² Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне “третьего рейха” против СССР. Пер. с нем. Смоленск, “Русич”, 2000. С. 19.

³ Там же. С. 80.

⁴ Хильгер Г. Я присутствовал при этом // Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне “третьего рейха” против СССР. С. 86.

⁵ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне “третьего рейха” против СССР. С. 17.

⁶ Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Пер. с нем. М., 1993. С. 96.

⁷ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне “третьего рейха” против СССР. С. 33.

⁸ Там же. С. 64.

⁹ Там же.

¹⁰ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне “третьего рейха” против СССР. С. 65.

¹¹ Там же. С. 16.

¹² Там же.

¹³ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне “третьего рейха” против СССР. С. 68–69.

¹⁴ Там же. С. 68.

¹⁵ Стремясь и в дальнейшем не допустить огласки, Сталин в 1945 году через Вышинского дал представителям советского обвинения на Нюрнбергском процессе категорическое указание ни в коем случае не допускать и незамедлительно пресекать любую попытку обвиняемых говорить о секретном дополнительном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 года. Поэтому, когда Риббентроп на допросе 1 апреля 1946 года упомянул о нём в связи с Польшей, главный обвинитель от СССР генерал Руденко сразу оборвал его (см.: Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне “третьего рейха” против СССР. С. 18).

¹⁶ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне “третьего рейха” против СССР. С. 20.

¹⁷ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне “третьего рейха” против СССР. С. 70–71.

¹⁸ Там же.

- ¹⁹ Там же. С. 36.
- ²⁰ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне “третьего рейха” против СССР. С. 111.
- ²¹ Там же. С. 110.
- ²² Там же. С. 99.
- ²³ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне “третьего рейха” против СССР. С. 103.
- ²⁴ Там же. С. 125.
- ²⁵ Там же. С. 135.
- ²⁶ Рузвельт Э. Его глазами. С. 9.
- ²⁷ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне “третьего рейха” против СССР. С. 432.
- ²⁸ Шуленбург был сторонником дружественных отношений Германии с СССР. В 1944 году он стал одним из участников заговора против Гитлера и, в случае удачи, дал согласие стать министром иностранных дел Германии. Но заговор был раскрыт. Как и все заговорщики, Шуленбург был казнён.
- ²⁹ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне “третьего рейха” против СССР. С. 72.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Перетолчин Д. Ю. Мировые войны и мировые элиты. М., “Книжный” мир, 2014.
- ³² Там же. С. 169.
- ³³ Перетолчин Д. Ю. Мировые войны и мировые элиты. С. 170.
- ³⁴ Там же. С. 175.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. С. 184.
- ³⁷ Перетолчин Д. Ю. Мировые войны и мировые элиты. С. 188.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. С. 193.
- ⁴⁰ Там же. С. 192.
- ⁴¹ Там же. С. 196.
- ⁴² Перетолчин Д. Ю. Мировые войны и мировые элиты. С. 194.
- ⁴³ Там же. С. 195.
- ⁴⁴ URL: http://nvo.ng.nj/history/2009-09-04/l_ww2.html.
- ⁴⁵ Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4: Вторая мировая война: документы и материалы / отв. ред. М. Ю. Мягков; сост. Ю. А. Никифоров; РАН, Ин-т всеобщ. истории. М., “Наука”, 2005. Док. №11. С. 24–26.
- ⁴⁶ URL: <http://forum.inosmi.ru/showthread.php?t=55955>.
- ⁴⁷ Гитлер А. Моя борьба. М., “ИТФ-ОКО”, 1992. С. 556–563.
- ⁴⁸ Гитлер А. Моя борьба. С. 556–563.
- ⁴⁹ Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных 1944–1951. М., “Международный фонд “Демократия”, 2009. С. 17–18.
- ⁵⁰ Риббентроп И. (1893–1946). В 1933 году – советник Гитлера по внешнеполитическим вопросам; в 1934-м – уполномоченный по внешнеполитическим вопросам при штабе заместителя фюрера Р. Гесса; в 1936–1938 годах – германский посол в Лондоне; в 1938–1945 годах – министр иностранных дел Германии. Казнён по приговору международного военного трибунала в Нюрнберге.
- ⁵¹ Черчилль У. (1874–1965) – государственный, политический и военный деятель Великобритании. В 1940–1945 и 1951–1955 годах – премьер-министр Великобритании.
- ⁵² Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 1. С. 90, 98, 99, 102.
- ⁵³ Литвинов М. М. (1876–1951) – государственный и партийный деятель, дипломат. С 1918 года – на дипломатической работе. В 1930–1939 годах – нарком, в 1941–1946 годах – зам. наркома иностранных дел СССР, одновременно в 1941–1943 годах – посол СССР в США.
- ⁵⁴ Цит. по кн.: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4: Вторая мировая война. Документы и материалы. М., “Наука”, 2002. С. 15–16.

- ⁵⁵ Там же. С. 16.
- ⁵⁶ Вторая мировая война. Пер. с нем. М., 1997. С. 455.
- ⁵⁷ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1968. Т. 1. С. 38.
- ⁵⁸ Там же. Т. 2. С. 61.
- ⁵⁹ Городецкий Г. Миф “Ледокола”. М., 1995. С. 116. См. также прил. 3 – План “Барбаросса”.
- ⁶⁰ СССР и Нюрнбергский процесс. Документы. С. 61. См. также прил. 8.
- ⁶¹ СССР и Нюрнбергский процесс. Документы. Док. №98. С. 261.
- ⁶² Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне “третьего рейха” против СССР. С. 88.
- ⁶³ Ленин В. И. Письмо к съезду. 23–26 декабря 1922 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч., 5-е изд. М., “Политиздат”, 1964. Т. 45. С. 343–346.
- ⁶⁴ Троцкий Л. Иосиф Сталин. Опыт характеристики // Осмыслить культ Сталина. М., “Прогресс”, 1989. С. 624–636.
- ⁶⁵ Троцкий Л. Сверх-Борджиа в Кремле // Осмыслить культ Сталина. С. 636.
- ⁶⁶ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 4. Поворот судьбы. М., 1955. С. 489.
- ⁶⁷ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., “РОССПЭН”, 2001. Док. 711. С. 601.
- ⁶⁸ Педагогика. 2011. №5.
- ⁶⁹ Кондратов В. В. Знать всё о противнике. Военные разведки СССР и фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны (историческая хроника). М., Издательский дом “Красная звезда”, 2010. С. 90.
- ⁷⁰ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., “Вече”, 2010. С. 22.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война: документы и материалы. С. 166–167.

ГЕНРИХ КУВИТАНОВ

военный журналист, полковник в отставке

ИСТОРИЯ “БЕРКУТА”

(Из блокнота военного журналиста)

Я летел на московский вокзал, как на крыльях. Молодой военный журналист в звании старшего лейтенанта, без году неделя в военной газете – и с полным успехом выполнил редакционное задание в столице. Будет что рассказать на первой летучке, сделать особый упор на то, как иногда незначительный факт может сыграть большую роль в поисках интересных героев.

Всё началось с подведения итогов боевой стрельбы в одном из подразделений нашего Прибалтийского военного округа и поощрения особо отличившихся на полигоне, в их числе братьев Гиль.

Говорю офицеру, что фамилия Гиль редкая, но хорошо известная в нашей стране. Личным водителем Владимира Ильича Ленина был Степан Казимирович Гиль. Не имеют ли братья какого-то отношения к этой исторической личности?

– Вряд ли, – протянул офицер, – иначе не только в роте, а во всей нашей части знали бы об этом.

Через пару минут передо мной стояли два бравых гвардейца, два крепыша, похожих дуг на друга, как две капли воды. Спрашиваю, не слышали ли они о Степане Казимировиче Гиле?

– Да это наш дедушка, – смущённо заулыбался сержант Евгений Гиль. . .

Через несколько дней я уже был в Москве, где встретился с родителями и близкими родственниками моих новых знакомых. Исписал два блокнота бесед со старшими Гилями, подержал в руках и полюбовался детской игрушкой – деревянным паровозиком, подаренным Лениным маленькому Васильку, а ныне Василию Степановичу, отцу бравых гвардейцев. . .

Настала пора возвращаться домой в Ригу. На последних минутах влетаю в двухместное купе и вижу пожилого мужчину лет шестидесяти с пустым рукавом синей рубашки. Он сразу извинился, что не на своём месте и что после вечернего чая займёт свою верхнюю полку. Говорю ему, что чай мы попьём вместе с горячими пирогами, которыми меня щедро снабдили в дорогу, а верхнюю полку займу я как младший по возрасту.

– Не беспокойтесь, – с улыбкой отвечает мой попутчик, – высота моя страсть с юности.

Как же я потом корил себя за то, что не придал значения этой фразе. Мне хотелось скорее поделиться с Петром Семёновичем Шемендюком – так звали моего нового знакомого – своим пребыванием в знаменитой семье. Плотню поужинав наивкуснейшими пирогами с чаем, показываю большую фотографию.

– Владимир Ильич, Крупская? – с удивлением рассматривает фото Пётр Семёнович.

– А впереди, на водительском сиденье, – пояснил я, – Степан Казимирович Гиль. В семье его сына Василия Степановича я и побывал в гостях, отсюда и пироги...

Проснулся я примерно за час до прибытия поезда в Ригу. Заглянул сверху под лавку. Пётр Семёнович, видать, давно проснулся и читает военные мемуары. И опять попили мы чайку с пирогами. Интересно, а что делал мой попутчик в столице.

– Побывал в Малом театре.

– Что смотрели?

– Сожалею, на спектакль времени не хватило, хотя приглашал сам Михаил Иванович Царев. Дело в том, что в годы Великой Отечественной войны в составе нашей авиадивизии сражалась знаменитая эскадрилья “Малый театр – фронт”, построенная на личные средства коллектива этого театра. Встреча с артистами прошла так задушевно, что я не мог сдержать слёз...

Можете себе представить, как взволновали меня эти слова фронтовика. А за окном показался перрон вокзала. Времени совсем не остаётся поговорить с этим человеком. Пётр Семёнович снял костюм с вешалки, на лацкане пиджака сверкнула Золотая Звезда...

– Пётр Семёнович, – вскрикнул я, – вы оказывается, Герой Советского Союза! А я – бездарный журналист... Как я мог пропустить мимо ушей вашу фразу – высота моя страсть с юности!

Ну, что можно было сделать за несколько оставшихся минут? Обменялись визитками. Пётр Семёнович сказал, что в Риге задержится на сутки у фронтowego друга, а потом отправится в Калининград, к месту своей работы в качестве зама управляющего трестом “Калининградэнерго”. Пригласил в гости.

Первым позвонил Пётр Семёнович, чтобы поздравить с моей большой публикацией о семье Гилей.

– Дорогой Пётр Семёнович, – разволновался я, – а я собираюсь к вам в гости, если не возражаете.

– Рад вас принять у себя, – отвечает Герой, – если вы приедете ровно через неделю, вас будет ждать сюрприз.

Спустя неделю я прибыл в Янтарный край. Звоню в квартиру. На пороге – Пётр Семёнович. Он крепко жмёт руку, обнимает меня, а на лице – загадочная улыбка.

Проходим в большую светлую гостиную. Смотрю – в мягком кресле сидит человек, по возрасту примерно такой, как и хозяин квартиры. Обе его ноги опущены в большой таз с водой, рядом – ботинки с протезами...

– Знакомься, Алёша, – раздался голос Шемендюка, – вот тот самый военный журналист, о котором я тебе говорил.

Сидевший в кресле протянул мне руку, представился: Маресьев Алексей Петрович. Простите, что не могу встать без протезов... Ноги подводят. Сегодня мы с Петром Семёновичем были у могилы Канта, да, видать, лишнего простояли...

Смотрю на знаменитого лётчика, а сам думаю: “Ваше геройство, Алексей Петрович, продолжается каждый день”. Ежедневно испытывать такие муки!..

Наверное, любой человек, не говоря уже о коллегах журналистах, поймёт моё состояние. Что мне делать? Как я буду вести беседу с такими героями?

Маресьев будто угадал моё затруднение.

– Вы не теряйтесь, – говорит он, – обо мне уже писать нечего, ваши коллеги натворили сотни разных статей. А вот о Петре Семёновиче нет ни строчки. Он в пять раз сбил больше стервятников, чем я, – двадцать четыре факела зажёл он и спустил с неба на землю. Так что смелее за дело!

Смотрю, хозяин квартиры переминается с ноги на ногу, что выдаёт его внутреннее волнение. Он протягивает мне распечатанный почтовый конверт с письмом и говорит:

– Я вам сказал об одном сюрпризе – это о моём госте, друге юности Алексее Петровиче. Вот вам ещё один сюрприз, это и мне сюрприз. Вчера почтальон принёс. Читайте...

С нарастающим любопытством разворачиваю письмо, написанное на листах ученической тетради.

“Дорогой Пётр Семёнович! К вам обращаются жители села Моховое Кромского района Орловской области. Наконец-то мы нашли вас живым и здоровым, и как хочется каждому моему земляку, от октябрёнка до седого ветерана минувшей войны, крепко обнять вас, заслуженного лётчика-фронтовика, поговорить с вами, дорогой товарищ.

К поискам неизвестного лётчика, то есть вас, Пётр Семёнович, нас подтолкнули рассказы односельчан, людей постарше, которые хорошо запомнили, как в один из августовских дней 1943 года разгорелся жаркий воздушный бой наших “ястребков” с фашистскими “мессерами”. Многие тогда и, в частности, Василий Шавырин, видели, как падали на землю вражеские стервятники, сбитые меткими очередями советских соколов.

Упал недалеко от околицы села и объятый пламенем краснозвёздный “ястребок”. Лётчик храбро сражался с превосходящими по силе фашистами. Многим запомнилось: над местом гибели самолёта низко пролетели товарищи сбитого пилота, они покачали крыльями, навсегда прощаясь с другом.

Тогда все решили, что лётчик погиб, так как никто не видел его выпрыгнувшим с парашютом. Вскоре на месте падения “Яка” собрались жители посёлка и установили памятник с надписью: “Неизвестному герою”.

После войны мы пытались разрыть воронку, образовавшуюся при падении самолёта. Хотелось найти останки авиатора, а может, и установить его имя, но раскопки ничего не дали. На трёхметровой глубине удалось обнаружить лишь несколько обломков самолёта. Прошло ещё немало лет. Мысль о неизвестном герое, погребённом вместе с подбитым “ястребком”, не давала нам покоя. И снова начались раскопки. Десять дней кряду в свободное от работы время колхозники Виктор и Николай Леоновы, Леонид и Анатолий Тишкины, Николай Сидоров, Николай Фёдорович и Николай Егорович Шавырины и многие другие метр за метром пробирались к тайне, хранившейся в земле столь долгие годы. На глубине семи метров лопаты ударились о металл. Это был мотор. С помощью двух тракторов подняли на поверхность всё, что осталось от самолёта. Первым делом все бросились к обломкам кабины. Останков лётчика не было. Значит, пилот, возможно, жив?! На сидении нашли полустлевшую планшетку, пробитую в нескольких местах осколками и пулями. В планшетке – пожелтевшую крупномасштабную карту центральных районов России, конспекты, свидетельствующие, что неизвестный авиатор учился в лётной школе. И вот, представьте, товарищ герой, охватившее всех огромное волнение, когда из рук в руки пошла фотография лётчика, посечённая мелкими осколками. На гимнастёрке лётчика чётко виден орден Ленина. Нашли также письма на имя П. Шемендюка и фотографии трёх девушек. В планшетке хорошо сохранился ещё один интересный документ – вырезка из армейской газеты “Доблесть” от двадцать третьего июня 1943 года. Фронтовой корреспондент майор Коротков рассказал о том, как старший лейтенант Шемендюк вместе с Героем Советского Союза Залевским в одном из боёв с фашистскими стервятниками сбили 13 вражеских самолётов. Сколько слёз радости было у моих односельчан!

В тот же день написали письмо в “Правду”. И вот долгожданная весточка: вы, дорогой наш Пётр Семёнович, живы... Так примите самое горячее, самое чистосердечное приглашение от всех моховчан приехать к нам в гости. Встретим всем Кромским районом. Ждём с нетерпением, чтобы увидеть Вас, ветерана Великой Отечественной войны, за плечами которого, как нам кажется, какая-то необыкновенная судьба.

С глубоким уважением учитель Моховской школы Ададунов Г. Д.”

Затаённая мечта у каждого человека зарождается по-разному. Одних вдохновляет на выбор жизненного пути яркий герой книги, других – примеры родителей, третьих – неожиданная и увлекательная встреча с интересным человеком.

Десятилетний Петя вместе с отцом вспахивал на захудалой кляче приусадебный огород. Вдруг в небе раздался натуженный рёв мотора и над головами пахарей пронёсся краснозвёздный военный самолёт. Его мотор работал с перебоями, часто “стрелял”, и крылатая машина села где-то недалеко за гребённой лесо. Мальчик со всех ног бросился туда.

Так вот она какая, загадочная крылатая машина!! Лётчик в кожаной куртке с большими очками на шлеме что-то колдовал с мотором. Он оказался при-

ветливым и добрым. Лётчик поднял мальчика на руках и усадил в кабину, разрешил потрогать сверкающие на солнце ручки управления...

Вот так внезапно ворвалась в сердечко мальчугана пламенная мечта стать пилотом. Началась нелёгкая дорога к цели. В 1931 году Пётр Шемендюк уехал в Одессу, где поступил в строительную профшколу. Много позже он узнает, что в этой школе получил специальность кровельщика и каменщика С. П. Королёв, будущий главный конструктор космических кораблей.

Через два года молодые специалисты отправились возводить своими руками город юности на самом краешке дальневосточной земли, на берегу Амура. Бригада Петра Шемендюка разместилась в рубленом доме. Снег по самую крышу. Мороз под 40°.

Но не одной работой жили строители. По вечерам шли в разные кружки – кто петь, кто танцевать, играть на разных инструментах. Пётр не мог позабыть того доброго лётчика, вставал и ложился с его образом. В свободное время смастерил макет того самого самолёта и укрепил его под потолком комнаты. Посмотреть на искусную поделку ходили из соседних бараков. Так Пётр познакомился и крепко сдружился со своим единомышленником – мечтателем Алексеем Маресьевым. К ним присоединились другие товарищи.

Комсомольцы решили создать свой аэроклуб. Постановили – всем отработать не менее четырёх дней для раскорчёвки лётного поля. И вскоре аэродром был готов. Начались захватывающие практические занятия по изучению техники и полёты.

Шемендюк и Маресьев закончили аэроклуб с оценкой “отлично”. Пятнадцатого декабря, в день трагической гибели Валерия Чкалова, по рекомендации крайкома комсомола они выехали в Читу держать экзамен в военную лётную школу. Алексей успешно прошёл строгую отборочную комиссию, а Петру не повезло. После простуды он подхватил воспаление лёгких, здоровье ещё не окрепло.

– Приезжайте через годик, – посоветовал начальник школы полковник Оковин.

– Товарищ полковник, – взмолился Пётр, – не отчисляйте меня, я на вашей перловой каше так отъемяся, – через неделю не узнаете.

Начальник школы, как и все члены приёмной комиссии, рассмеялись.

– Ладно, оставим его, пусть ест досыта перловую кашу, – согласился Оковин...

В декабре 1940 года военная судьба надолго развела друзей Алексея Маресьева и Петра Шемендюка по разным адресам. В звании младшего лейтенанта Пётр вместе с товарищами Петром Харитоновым и старшиной Тотминым получил назначение в Ленинградский военный округ. 22 июня 1941 года в третьем часу ночи полк был поднят по боевой тревоге. Пришёл приказ рассредоточить эскадрильи на полевом аэродроме. А через час началась война.

Уже на следующий день утром двадцать третьего июня отличился заместитель командира эскадрильи лейтенант А. Чирков, первым в полку открывший счёт сбитым фашистским самолётам. В то утро он находился на боевом дежурстве, когда прозвучала команда вылететь на перехват двух немецких бомбардировщиков, шедших курсом на Ленинград.

– Я их увидел впереди себя, – глотая от волнения слова, делился опытом Андрей. – Гляжу, идёт пара “хенкелей”, а истребительного прикрытия нет. Уверены гады в своём превосходстве. Набрал высоту, зашёл со стороны солнца и налетел на ведущего. Нажимаю гашетку – трасса точно прошла цель, фашист горит! А я сдуру строчил до тех пор, пока он не врезался в землю.

На пятый день войны героический подвиг совершил младший лейтенант Пётр Харитонов. Группа фашистских бомбардировщиков шла курсом на Псков без прикрытия, демонстрируя свою уверенность в победе. В воздух поднялась шестёрка наших И-16. Бомбардировщики развернулись и стали уходить на юг. Пётр Харитонов погнался за “юнкерсом”, нажал на гашетки пулемётов, однако оружие молчало. Отважный лётчик вспомнил о таране. Молодой боец зашёл в хвост бомбардировщика и на миг увидел злое, искалившееся лицо вражеского лётчика, обернувшегося назад. Харитонов ударил винтом по рулю глубины. Страшный треск, разлетающиеся в сторону куски. “Юнкерс” повалился вниз. И-16 сильно затрясло, но Харитонов сумел посадить повреждённую машину на брюхо. Это был первый воздушный таран в небе Ленинграда.

Через день ещё два однополчанина Петра Харитоновы – младшие лейтенанты Степан Здоровцев и Михаил Жуков – протаранили вражеские бомбардировщики винтами своих истребителей. Лётчикам полка П. Харитонову, С. Здоровцеву и М. Жукову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Поэт Александр Твардовский посвятил им стихи, которые были опубликованы в “Известиях”:

*И сколько себя ещё в сватках лихих
Покажут советские люди!
Мы многих прославим, но этих троих
Уже никогда не забудем.
Запомни же русские их имена,
Что дороги будут для внуков:
Здоровцев Степан, командир звена,
Пилот Харитонов и Жуков.*

Образцы умения беспощадно громить врага лётчики полка демонстрировали ежедневно. Лишь с 8 июля по 1 августа 1941 года они провели 48 воздушных боёв, сбили 18 самолётов врага, потеряв 4 своих.

Надо сказать, что ни один немецкий лётчик за время войны ни разу не отважился на таран, не проявил готовности к самопожертвованию.

6 декабря 1941 года началось историческое контрнаступление советских войск под Москвой. В этот день Пётр Шемендюк поднялся в воздух командиром звена. Лётчики-истребители вели сопровождение наших штурмовиков. Заметив фашистский бомбардировщик, который обстреливал нашу пехоту, Шемендюк резко пошёл на снижение и на крутом вираже поймал в прицел желтобрюхое тело пирата. От очереди из пушки фашист загорелся, резко пошёл вниз и сел в расположении наших войск. Со всех сторон к нему побежали солдаты. Борт-стрелок бомбардировщика открыл стрельбу. Петр прошёлся на бреющем полёте, дал очередь по бомбардировщику, и тот взорвался.

Вторая победа над воздушным пиратом Петру досталась чрезвычайно быстро. Это был тоже бомбардировщик. Внезапно оказавшись перед носом фашиста, советский лётчик мгновенно нажал на гашетки, и от бомбардировщика полетели куски обшивки фюзеляжа. Потом уже при осмотре трупа гитлеровца на его груди было обнаружено два Железных креста, а по документам он воевал и в Испании, Долетался...

Полк часто перебазировался с одного аэродрома на другой. За короткий срок Пётр Семёнович сменил не одну полевою почту. И всякий раз, вливаясь в новый коллектив, он обязательно встречался со старыми друзьями. С одними учился в военной школе, с другими защищал небо Ленинграда или Москвы. Только вот встреча со своим другом юности Алексеем Маресьевым произошла много позднее.

– Количество не всегда играет решающую роль, – любил повторять командир эскадрильи Пётр Красиков. – У немцев больше самолётов, выше и скорость, и потолок, а победа остаётся за нами. Потому что в бою побеждает тот, кто сильнее морально, действует более напористо, применяя атакующий стиль.

Красиков всегда подтверждал сказанное на практике. Лишь в одном бою с 11 самолётами врага его группа в составе лётчиков Соколова, Шемендюка и Сударенкова сбила четыре “мессера”.

В конце июня группа лётчиков полка прибыла в Горький за новыми самолётами ЛаГГ-5. Об этой машине были слышаны. Истребитель превосходил лучшие немецкие образцы. Лётчики горели желанием получить именно эту машину. Однако на заводе им предложили ЛаГГ-3. Старший группы Шемендюк твёрдо настаивал на ЛаГГ-5.

– А чем “тройки” плохи? – спросил его человек в гражданском костюме.

– Извините, вам сказать не могу.

– Военная тайна? – рассмеялся тот и представился: Лавочкин.

Шемендюк доложил главному конструктору мнение фронтовых лётчиков о слабых и сильных сторонах истребителя. Многие Лавочкина огорчило. Например, воздушные штуцеры “ЛаГГа” совершенно другие, чем у “Яка”. Из-за такого пустяка, который не сумели предвидеть два главных конструктора,

пришлось рационализаторам мастерить специальное переходное устройство к воздушному баллону для запуска моторов.

– Спасибо, дружок, за такое серьёзное замечание. Учтём.

... Однажды в районе Ржева наша четвёрка самолётов, которую вёл Пётр, встретила группу Me-109. Завязался бой. Шемендюк зашёл в хвост одному “мессеру”, поджёг его. Фашист, умело сбив пламя, остался в строю. Повторяя атаку, Пётр заметил, как в хвост нашему молодому, ещё не обстрелянному лётчику Сергею Пушкиву зашёл тот самый “мессер”. Шемендюк бросился на фашиста и буквально прошёл его длинной очередью.

– Спасибо, командир, – сказал после боя Сергей Пушкив. – Вы спасли мне жизнь. Постараюсь драться, как вы.

И молодой лётчик сдержал слово. Уже в другом полку и на другом фронте лейтенант Сергей Пушкив совершил подвиг. В августе 1943-го в воздушном бою он ценю своей жизни таранил “Фокер”.

... Активные действия немецкой авиации в районе Курска начались с мая 1943 года. Массированный налёт фашисты совершили на Курск рано утром 22 мая. Бомбардировки шли группами на высоте 2500 метров при мощном истребительном прикрытии. К примеру, 20 бомбардировщиков Ю-88 прикрывали 27 Me-109. Позади группы на расстоянии 150-200 метров находились патрульные самолёты.

Наши лётчики своевременно разгадали хитрую тактику врага, не стали связываться с патрулями, а, сковав их действия, устремились к бомбардировщикам.

– Двадцатый, я “Беркут”, – подал команду своему ведомому старший лейтенант Шемендюк, – атакую ведущего “бомбера”, прикрой!

В прицеле быстро выросла “юнкерс”. Его пилот оказался опытным. Глубоким раскачиванием крыльев он пытался уклониться от огня “ястребка”. Пётр точно рассчитал амплитуду колебания, прицелился и нажал на гашетки. Правый мотор загорелся. Последовала вторая короткая очередь, пронзившая кабину бомбардировщика.

В карусели воздушного боя теряется ощущение времени. Казалось, схватка нескончаема, прошла целая вечность, а на самом деле она продолжалась каких-то пятнадцать минут. Советские истребители блестяще выполнили своё задание, повернули на свой аэродром. На земле догорали обломки пяти самолётов врага.

Особенно отличился в небе Курска старший лейтенант Андрей Боровых, лётчик исключительной отваги. Родом он был из Курска, из семьи рабочего. Нужно ли говорить, с какой решительностью сражался Андрей Боровых в небе родного города, где жила его семья – мать, отец, братья, сёстры. Только за один месяц боёв он сжёг восемь самолётов врага. Бывало так, что в день он несколько раз пролетал над Курском, над своей родной улицей и своим домом.

– А что, если тебе сбросить на свою улицу какой-нибудь выпел с точкой домой? – предложил Шемендюк. – Адрес укажи, уверен, кто найдёт – передаст куда нужно.

Боровых так и сделал. Написал письмо, вложил его в снарядную гильзу, к которой привязал кусок красной материи, и взял “посылку” с собой в боевой вылет. Лётчик сбил в этот день два стервятника. Пролетая над своим домом на бреющем, он по привычке несколько раз качнул крыльями и сбросил выпел с письмом, которое сразу подобрали пехотинцы и отнесли по указанному адресу. В августе 1943-го Андрей станет Героем Советского Союза. Во многих боях ещё будет сражаться этот бесстрашный воздушный боец – над городами и сёлами Украины и Белоруссии, Польши и Германии. В победном сорок пятом он пролетит над Берлином и увидит, как курятся развалины имперской канцелярии. Андрей Боровых получит свою вторую звезду Героя Советского Союза, когда ему исполнится всего лишь двадцать четыре года...

С быстротой молнии разнеслось имя лётчика-истребителя старшего лейтенанта А. К. Горовца. В одном воздушном бою ему пришлось драться с двадцатью вражескими бомбардировщиками. Он сбил девять стервятников. Это был единственный в мире лётчик, добившийся такой победы в одном бою.

Наступило первое августа сорок третьего. Капитан Пётр Семёнович Шемендюк, назначенный командиром эскадрильи, повёл свою группу “Яков” на

прикрытие наземных войск, наступавших южнее Орла. На ближних подступах к городу повстречались с большой стаей “мессеров” и “фокке-вульфов”.

– Я “Беркут”, всем – атака! – скомандовал комэск.

Закипел бой. Советские лётчики дрались мужественно и расчётливо. От меткого попадания очереди комэска загорелся один самолёт врага, пошли к земле второй и третий, сражённые другими лётчиками. Пётр с крутого виража точно вышел в хвост ещё одному “мессеру”. Оставалось прицелиться и дать очередь. Но тут он увидел, как один Me-109, сверкнув на солнце остеклённой кабиной, приблизился сзади к “ястребку” молодого лётчика Редькина, любимца всей эскадрильи. Всё решали секунды. “Крестастая” машина готова была вот-вот всадить огненную очередь в Редькина. Пётр бросил свою машину наперерез фашисту, действуя по воинскому правилу: “Если смерть смотрит в глаза друга – прими её взгляд на себя”. В момент, когда “Як” Шемендюка заслонил собой самолёт Редькина, чёрный “мессер” ударил из своего бортового оружия. Пули забарабанили по обшивке “Яка”. В одно мгновение Пётр увидел разлетавшиеся осколки разбитого фонаря, фонтан крови, бьющий в приборную доску из раздробленной левой руки, яркое пламя, жарко обнявшее кабину. Потом он услышал судорожный кашель мотора и пронзительный свист воздушных потоков, обтекающих его смертельно раненный самолёт. А прыгать нельзя – внизу нейтральная полоса. И немцы могут расстрелять в воздухе. Шемендюк принял единственное правильное решение: покинуть самолёт у самой земли.

Невероятным усилием Пётр перевалился через борт кабины. Дёрнул кольцо парашюта... Когда пришёл в себя, кругом стояла тишина. Превозмогая боль, кое-как перевязал руку, пополз к линии фронта. Несколько раз терял сознание от большой потери крови. Его обнаружили ночью наши разведчики.

– Не обижайся, браток, – извинились они, – с собой взять не можем, у нас важное задание. Ты отдохни малость и ползи к своим.

Перед рассветом его случайно нашли наши санитары... В госпиталь доставили едва живого. Когда пришёл в себя, врач “обрадовал”:

– А ты, оказывается, лётчик... я же тебе обрубил левую плоскость под самый корень...

Дальше мучительные скитания по военным госпиталям, сложные операции. Однажды в палату вошёл дежурный врач, с порога объявил:

– Пётр Семёнович, к вам гость.

В дверях стоял, широко улыбаясь, Алексей Маресьев.

– Отвоевался я, – угрюмо сказал Пётр.

– Рановато – враг ещё не добит...

– Не притворяйся, будто не видишь калеку...

– А я кто? Тоже калека? – сказал Алексей и приподнял штанины брюк. – Я не стал бы тебе говорить о своей беде, если бы ты не сказал про калеку. Главное, Пётр, не раскисать и готовиться к дальнейшим боям.

– Не хочешь ли ты сказать, Алексей, что собираешься летать с этими протезами?

– А я летаю и уже сбил три самолёта. Вот только ноги мои деревянные малость износились. Приехал, чтобы заменить на новые.

Шемендюк твёрдо решил вернуться в боевой строй. А врачи против. Начались хождения по инстанциям. Везде отказ. Пришлось обратиться лично к командующему ВВС, главному маршалу авиации А. Новикову, бывшему командующему ВВС ленинградского военного округа.

– Вы уже отдали свой долг Родине полностью, – сказал маршал, глядя на пустой рукав лётчика.

– Я вечный должник у неё, всей жизни не хватит, чтобы расплатиться за то, что она дала мне.

Кадровики предложили учиться в академии. Пётр отказался – только на фронт! Его командировали во вновь формируемую 130-ю авиадивизию. Задачу поставил генерал Фёдор Иванович Шинкаренко, тепло принявший своего помощника. Общий язык нашли сразу. Оба имели одну общую профессию – истребители. Надо было в короткий срок научить молодых лётчиков стрелять по-снайперски по воздушным и наземным целям. Пётр со всей энергией включился в дело.

В мае 1944 года Шемендюк получил срочное задание с группой молодых лётчиков выехать на один из подмосковных аэродромов, чтобы принять новую

авиаэскадрилью “Малый театр – фронту”. У кромки взлётной полосы замерли 12 боевых самолётов. На борту каждой машины ярко выведены слова: “Малый театр – фронту”. Рядом звёзды театра, среди них А. Яблочкина, Е. Турчанинова, В. Рыжова, Е. Шатрова, М. Царёв, Е. Гоголева и другие. Теперь знаменитые артисты выступали в иной роли – исполняли высокий гражданский долг перед Родиной. Они пожертвовали в фонд обороны деньги, драгоценности, которые, несомненно, представляли собой дорогие семейные реликвии и теперь превращены были в оружие победы: пушки, пулемёты, пули и снаряды, крылья машин. Командиром эскадрильи был назначен Виктор Мелихов. К нему первой подошла народная артистка СССР Александра Яблочкина, вручила технический паспорт и дала наказ скорее добить врага и вернуться с победой.

Навстречу старшему лейтенанту Александру Батизату шагнула народная артистка СССР Евдокия Дмитриевна Турчанинова. Она тепло, по-матерински поздравила лётчика с получением новой боевой машины, расцеловала и пожелала успехов. Александр предложил дорогой гостье осмотреть подаренный самолёт. Артистка потрогала крыло, хвостовое оперение, покачала руль глубины и руль поворота, спросила озабоченно: “Не отвалятся эти штуки в полёте? Смотрите, как шатаются”...

В тот же день эскадрилья вылетела курсом на запад и сразу приступила к боевым действиям.

О каждом успехе лётчики сообщали в Москву своим шефам. Из столицы на фронтовые аэродромы регулярно шли письма и открытки из Малого театра, которые вдохновляли бойцов.

Эскадрилья особо отличилась при бомбардировке вражеского сильно укрепленного аэродрома. Пробравшись через заградительный огонь зениток, лётчики сбросили бомбы точно на цель, вывели из строя взлётную полосу, штаб, ангары, уничтожили несколько самолётов на земле. В этом бою героически погибли комэск Виктор Мелихов и его ведомый Пётр Тарасенко. Погиб и Вячеслав Бушмин, отважный лётчик, любимец всего полка. Выпрыгнув из горящего самолёта, он приземлился на территории, занятой врагами. До последнего патрона отстреливался офицер, сразив четырёх фашистов. Последний патрон он оставил себе... До мая сорок пятого года эскадрилья совершила около тысячи боевых вылетов, сбросила более шестидесяти тонн бомб разного калибра, уничтожила шестнадцать самолётов врага, множество живой силы и техники.

В Восточной Пруссии закончил свой боевой путь Пётр Семёнович. Здесь началась его мирная жизнь. Распрощавшись с боевыми друзьями, с авиацией, он остался в городе, который встал из руин и получил новое название – Калининград. Здесь Шемендюк часто встречался с молодёжью, был желанным гостем у авиаторов, воинов Краснознамённого Прибалтийского военного округа, на предприятиях и в учебных заведениях. Не считаясь со временем, шёл туда, где его ждали.

Лётчик-космонавт СССР Алексей Леонов, когда был учеником восьмого класса, познакомился с героем войны на уроке мужества. После рассказа Шемендюка об авиации, о подвигах фронтовиков, юноша загорелся мечтой стать военным лётчиком. Цели своей добился. Авиация открыла Алексею Архиповичу дорогу в космос. Позднее прошёл такой же путь другой калининградец Юрий Викторович Романенко...

Ветеран побывал на месте крушения своего “Ястребка”. Тепло встретили его колхозники Кромского района Орловской области. Вместе с ними он подошёл к месту, где августовским днём 1943 года упал его самолёт. Красные следопыты школы и учитель Г. Ададуров отдали лётчику-герою найденные вещи: планшет с картой последних боёв, фотографии фронтовых друзей, письма и другие документы.

Пётр Семёнович с волнением рассматривал дорогие реликвии, пролежавшие в земле долгие годы. С пожелтевших фотографий смотрели на него молодые ровесники и он сам.

Век фронтовика короткий. Нет уже с нами Петра Семёновича Шемендюка и Алексея Петровича Маресьева. Но их подвиги будут вечно жить в сердце народа.

НИКОЛАЙ ПИРОГОВ

БЫЛИ ЛЮДИ...

Разговор с героем Великой Отечественной войны

Узнал совершенно случайно, что в Зеленограде живёт участник Великой Отечественной войны Василий Иосифович Чернов. Сам факт, что можно встретить ветерана той войны, – уже не рядовое явление, а, можно сказать, большая редкость. Действительно, чтобы успеть поучаствовать в войне, нужно хотя бы к её концу, к 1945 году быть восемнадцатилетним. И даже этим, самым молодым защитникам Родины сейчас стукнуло почти 90 лет. А продолжительность жизни мужчин в наше время – 66 лет. Это у тех, которые жили, в основном, в нормальных человеческих условиях, при неплохом питании, умеренных стрессах и, конечно, не воевали.

А тут просто чудо какое-то: сражавшийся с самого начала войны, да не просто её участник (писари, снабженцы, парикмахеры – тоже участники, ведь и они нужны на войне), а активный, ходивший в атаки и отбивавший их, выдержавший нечеловеческое напряжение первого периода немецкого нашествия и живой до сих пор! Да не просто живёт, а активно работает, написал ряд книг о том далёком героическом периоде. Родился в 1923 году, значит сейчас ему хорошо за 90. С нетерпением ждал встречи с этим человеком.

Надо сказать, что моё отношение к солдатам Великой Отечественной – трепетное, особо уважительное. И этому есть причины. “Дети войны” – это и про меня тоже. Помню бомбёжки Москвы осенью 1941 года, облёт нашего поезда с эвакуированными из столицы детьми самолётами с крестами на крыльях, ужас взрослых, ожидающих от стервятников смертельного удара. Но тогда почему-то всё обошлось. Помню много других неприятностей, что принесла война: голод, гибель близких, нищету, сверхнапряжение людей, отдававших, как говорили тогда, “всё для фронта, всё для победы”.

Не забыть день 5 августа 1943 года, когда принесли похоронку на моего отца, политрука отдельного танкового батальона, погибшего в сражении на Курской дуге под Орлом. Было ему 26 лет. И надо же, в тот же день был дан салют за взятие Орла и Белгорода. С этого началась традиция салютовать войскам-победителям, освобождающим от фашистов крупные населённые пункты. Рыдала мать, плакала прабабка, утирали слёзы сёстры отца. Я не плакал, мне не верилось, что отца теперь нет. Я его видел за 2 месяца до этого – молодого, щеголеватого, улыбающегося, в ярко начищенных сапогах. Его эшелон остановился где-то под Москвой, и он заскочил к нам буквально на час. Довелось мне видеть и пленных немцев, огромную колонну которых (тысяч 50-60) провели в июле 1944 года по Садовому кольцу.

Но главная память о войне – возвращение победителей, сломавших хребет самой сильной, жестокой и бесчеловечной армии, когда-либо существовавшей на земле. Это были обычные люди, весёлые, сильные, уверенные в себе, ощущавшие себя работниками, сделавшими трудную работу.

И вот сидит передо мной один из тех воинов-победителей. Беседуем в городской библиотеке. Рядом – две Натальи, Шумилова и Суета, симпатичные молодые ещё женщины, организовавшие эту встречу. Я готовился к разговору. Прочитал внимательно три тома книги В. Чернова “Долг”. Собственно, им-то я и обязан знакомством с автором, охватившем меня восхищением этим человеком и желанием с ним встретиться.

Чернов Василий Иосифович

Звание: капитан, командир батареи 120 мм миномётов 1266 стрелкового Мазурского полка 385 стрелковой Кричевской, Краснознамённой, ордена Суворова 2-степ. дивизии 49 армии 2 Белорусского фронта.

Представляется к присвоению звания Героя Советского Союза.

Год рождения – 1923, **национальность** – русский, **чл. ВКП/б** с 1943 г.

В гражданской войне не участвовал.

На фронтах отечественной войны с 4.1942 г. по 4.1944 г. Западный фронт и с 4.1944 г. – 2 Белорусский фронт.

С какого времени в Красной Армии с 4.7.1941 г.

Каким РВК призван: Будённовским РВК Ставропольского края.

Чем награждён Орд. Кр. Звезды пр. 385 № 04/н от 25.1.44 г. орд. Отеч. войны I степ. пр. по армии № 026/н от 5.8.1944 г. и Орд. Александра Невского пр. по армии № 010/н от 11.6.1944г. Орд. Отеч. войны 2 степени пр. 70 ОК № 019/ от 8.4.1945 г.

Краткое конкретное изложение боевого подвига или заслуг:

“14.4.1945 г. тов. Чернов организовал самостоятельную переправу. В числе первых форсировал реку Одер вместе с материальной частью и занял ОП в районе огневых позиций 82 мм миномётов. ВП тов. Чернова находилось вместе с командирами строевых взводов. Благодаря правильной корректировке огнём миномётов своей батареи в начале боя был уничтожен вражеский пулемёт вместе с расчётом, мешавший продвижению нашей пехоты.

При смене полка остался добровольно в распоряжении 238 од, где огнём батареи уничтожил 3 пулемётных точки противника с их расчётами и помог вытащить из воды утопающего офицера. При выходе дивизии остался в распоряжении 139 сд, в боях с этой дивизией уничтожил 2 пулемётных точки противника. За всё время боёв огнём батареи уничтожено до 100 фашистских солдат и офицеров. Бесспорно, в течение 8-ми суток тов. Чернов, находясь в исключительно тяжёлых и сложных боевых условиях, проявил подлинный героизм, презрение к смерти и исключительную выносливость, что служило ярким примером для всего личного состава полка.

С апреля 1942 г. вместе с дивизией прошёл весь боевой путь, не раз приходилось самому из орудий расстреливать в упор контратакующих немцев.

За умелое командование в бою и проявленные при этом бесстрашие и героизм достоин Правительственной награды – присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир полка
Подполковник /Солдатов/
8.4.1945 г.”

Высшее начальство, однако, решило наградить В. Чернова не Звездой Героя, а орденом Боевого Красного Знамени.

О войне я читал много книг, бесед с участниками войны также имел немало. К тому же военное дело в институте, где я учился, преподавали нам, будущим лейтенантам запаса, недавние фронтовики. Война закончилась всего-то 10 лет назад, и впечатления о ней были свежие и незабываемые. Всё это, конечно, формировало вполне определённое представление о всех нюансах того трудного периода в жизни нашей страны. В советское время о вой-

не написано много хороших, правдивых книг. Кажется, трудно чем-либо удивить, какие грани и неизвестные ранее подходы к оценке военных событий, поведению людей, их взаимоотношений в смертельно опасных боевых условиях можно показать по-новому.

А мемуары В. Чернова такое знание дают. Геройство геройством – без этого не было бы победы! – но Василий Иосифович практически постоянно подчёркивает, что война – это работа, это тяжкий труд, сродни труду пахаря в страду, когда кости трещат от напряжения, жилы натянуты и, в отличие от мирного времени, безделье, безалаберность, леность могут привести к поражению. И никакое геройство при этом не поможет. В. Чернов пишет, что для успеха в бою артиллерийские лошади должны быть накормлены, ухожены, чтобы, когда нужно, смогли выдержать повышенные нагрузки. А чтобы вообще сохранить лошадей как тяговую силу, – а без них пушки лишены манёвра и почти бесполезны, – бывает, что их нужно укрывать в окоп, вырытый по полному лошадиному профилю. Для измотанных обессиленных бойцов, которм и для собственного укрытия требуется отрывать щели, это тяжёлый, но крайне необходимый труд.

В заботы командира входило и обеспечение животных кормами. Если это лето, то в паузу между боями изволь заготовить сено. Косами-литовками не намашешься, нужны сенокосилки. А их никто тебе не припас. Доставай сам и работай. Организация быта личного состава – задача не из лёгких даже в мирное время, а в войну – втроекратно усложнённая, ведь враг стреляет, бомбит, атакует. У кого-то представление о траншеях и окопах – только как о сооружениях для укрытия от огня противника. Но нужно ещё предусмотреть и устройство мест хранения продуктов, боеприпасов, да не забыть соорудить самый обычный туалет, и не за тридевять земель от позиции, а на минимально-разумном расстоянии. И все эти проблемы В. Чернов описывает со знанием дела, как человек, много раз лично их решавший. Такое не забывается.

Мне посчастливилось присутствовать в 1965 году на встрече Г. К. Жукова с преподавателями и аспирантами АОН при ЦК КПСС. Маршал практически впервые появился на публике после хрущёвской опалы. Ему задали вопрос: “Какие принципиальные отличия между организацией проведения военной операции и решением какой-нибудь крупной хозяйственной задачи?” Маршал был категоричен: “Таких отличий нет”. И, помолчав, добавил, что в обоих случаях требуется проводить необходимые расчёты, обоснования, а затем строжайшим образом контролировать исполнение, оперативно реагируя на возникающие по ходу дела трудности. Ещё помолчал и сказал: “Есть одно отличие: на войне за ошибки расплачиваются кровью”. Это понимание цены командирской ошибки очень хорошо усвоил молодой Вася Чернов, старавшийся не допустить просчётов в работе.

Личная встреча с В. И. Черновым подтвердила моё представление о нём, сложившееся по книгам, где описывается его облик, даются фотографии, в том числе и последних лет. Намного выше среднего роста, плечистый, сухощавый, осанка прямая, круглое лицо, на удивление без морщин, уже нет чёрной курчавой шевелюры, обесцветились брови. Тонкие губы, ещё способные сурово сжиматься, и карие, живые, заинтересованно смотрящие на собеседника глаза. Как-то не верилось, что в таком возрасте человек сохранил способность к активному общению, может шутить, иметь чувство юмора.

Спрашиваю, как вы относитесь к Сталину, как оцениваете его роль в войне и вообще – как лидера государства? Вижу, Василий Иосифович напрягся, и мне понятно было его состояние. Абсолютное большинство воевавших, да и просто живших в сталинскую эпоху, несмотря на все жестокости того времени, которые, без сомнения, имели место, относятся к Сталину положительно.

Василий Иосифович знал, конечно, мнение либералов, которое коротко формулировалось так: “Войну выиграл народ и не благодаря Сталину, а вопреки ему”. Мне не единожды доводилось обсуждать эту проблему и, опровергая эти выдумки, обычно приводил такой аргумент: “Кто так утверждает, никогда в своей жизни ничего не организовывал, даже какого-нибудь субботника в ЖЭКе, на который люди ходят добровольно. Даже там нужна чёткая организация, а без неё – потеря времени и результат, близкий к нулю. А в чрезвычайных условиях выполнение воли руководителя – обязательное условие успеха. По-другому не бывает. А утверждение, что можно побеждать вопреки полновластному руководителю, – вообще глупость”.

Василий Иосифович сказал коротко, как отрубил: “А я Сталина люблю”. Касаясь личности Сталина, нельзя не вспомнить мнение антисталинистов, утверждавших, что с его именем бойцы в атаке не ходили. Известный телеведущий Н. Сванидзе, например, как-то изрёк, что наши солдаты от страха кричали: “Мама!” и крестились. На эту ложь в своих книгах отвечает В. И. Чернов: “Бросались в атаку на врага с криком: “За Родину! За Сталина!” Совместно вспомнили, что А. Сурков, известный поэт, военный корреспондент, писал:

*— За Сталина! — кричал комвзвод.
И сквозь свинец, топча снега,
Мы с именем его вперёд,
Как львы, бросались на врага!*

Василий Иосифович подтвердил, что на фронте было именно так. Это четверостишие А. Суркова взято из его стихотворения “Вождь”. Поразительно, но факт: само стихотворение в сочинениях А. Суркова отсутствует. Кому-то, видно, оно очень не нравилось.

Николай ПИРОГОВ: Василий Иосифович, а что вы скажете о штрафниках, штрафбатах? Некоторые утверждают, что войну выиграли именно штрафники. Статьи есть на эту тему, фильм снят “Штрафбат”.

Ответ, как выстрел: “Враньё!”

Н. П.: Ну, а всё же, что вы знаете об этом?

Василий ЧЕРНОВ: Да, были штрафбаты, а также штрафные роты. Штрафбаты — для офицеров, а штрафные роты — и для офицеров, и для рядовых.

Н. П.: И за что туда отправляли?

В. Ч.: Например, майор Рейсер, начальник артиллерии полка, попал туда за то, что к назначенному сроку не прибыл в часть, опоздал прилично. А ведь это практически дезертирство.

Н. П.: И что, штрафники воевали до первой крови? Ведь так об этом всегда говорили?

В. Ч.: Нет, не только до первой крови. Если выполнили поставленную задачу, например, взяли штурмом какой-нибудь населённый пункт, все бойцы отправляются в свои части, им возвращаются и звания, и награды.

Н. П.: Много было штрафных подразделений? Что вам об этом известно?

В. Ч.: Много их всего было или мало, не знаю. У нас при полку была одна штрафная рота.

Н. П.: А что вы знаете о заградотрядах? Ведь они были. Сванидзе и компания утверждают, что они чуть ли не слагаемые нашей победы.

В. Ч.: Я вообще о них ничего не слышал и за всю войну с ними не сталкивался.

Н. П.: А вот есть ещё щекотливая тема: фильтрационные лагеря. Это когда после плена отправляют в лагерь для проверки. Как вы к этому относитесь? Я на 70-летию известного актёра Ножкина слышал, как он рассказывал, что его отец полгода просидел в таком лагере. И что интересно: утверждал, что с ним поступили правильно. Много было выявлено там немецких агентов.

В. Ч.: Это так. Шпионов, действительно, было много.

Н. П.: А как к плену вы относились? Допускали, что можете сдать? Вот мой отец, например, писал домой, что, дорогие, не волнуйтесь, я в плен не сдамся, если будет безвыходное положение — застрелюсь. Но ведь можно попасть в плен, потеряв сознание, раненым. А вот ещё такая точка зрения. Мой знакомый, на поколение старше меня, крупный, известный в стране строитель, в самом начале войны добровольно сдался в плен, не желая погибать в осаждённом немцами здании. Оправдывал это решение тем, что нет смысла напрасно погибать, когда остаётся возможность бороться. Что вы думаете на этот счёт?

В. Ч.: В плен не сдался бы никогда и ни при каких условиях. Ну, а раненым, без сознания — это уже не в моей воле.

Н. П.: Ну, а как вы к пленным немцам относились? Многие наши не могли сдержаться. И это понятно — столько горя они принесли. Простить трудно.

В. Ч.: К пленным относился, как к обычным заключённым. Строго, но корректно. Не допускал рукоприкладства и тем более издевательств со стороны моих подчинённых.

Н. П.: А вот ещё есть довольно пакостная тема, поднятая нашими либералами в последние лет десять. Вы, вероятно, слышали о Гаврииле Попове, в начале 90-х он был градоначальником Москвы. Так вот, он заявил, что мы, россияне, должны извиниться перед немцами за то, что наши солдаты в Германии изнасиловали то ли миллион, то ли полтора немок. Г. Попов очень грамотный, знающий человек, доктор экономических наук, профессор, в данном случае он не ошибается, а нагло, злонамеренно лжёт. Зачем – понятно: желает доказать, что немцы и советские люди одинаково виноваты, зверства, дескать, допускались с обеих сторон. А от этих “доказательств” – полшага к пересмотру итогов Второй мировой войны.

Известно, что в любой оккупационной армии случаи изнасилования – редкое явление. Отличия заключаются только в масштабах этих преступлений и в отношении к ним командиров и начальников. Изнасилования женщин немцами на оккупированных территориях СССР было явлением массовым, безнаказанным, более того, поощряемым самой фашистской системой. Это хорошо знали наши бойцы. И следовало ожидать, что они могут отомстить немцам, заплатят им, как говорится, той же монетой.

Руководство коммунистической партии и государства постоянно подчёркивало, что с мирным населением мы не воюем, что мы мстители только на поле боя. В бою жалость неуместна. Помните, вероятно, известный сборник статей И. Эренбурга “Убей немца!” (1942).

В. Ч.: Помню, конечно!

Н. П.: Но при этом, чтобы пресечь нарушения законности в отношении мирного населения, был выпущен не один циркуляр на эту тему. А если случались проступки, без последствий их не оставляли. Я, будучи пацаном-третьеклассником, слышал рассказ молодого полковника, жившего в соседнем дворе, как в Румынии в его части трибунал приговорил офицера за изнасилование 16-летней девушки к расстрелу. И расстреляли перед строем батальона. При этом сама потерпевшая и её мать, стоя на коленях, просили его помиловать. Как говорится, перегнули палку, но, видно, сделали это сознательно, в назидание другим. Вот как относились к этим преступлениям.

Василий Иосифович слушал, согласно кивал головой, подтверждал, что так могло быть. А потом сказал: “А я тоже одного расстрелял за изнасилование”. Этот случай описан Черновым в книге “Первый месяц после войны”, опубликованной в 2014 году, и я, конечно, читал о нём. По-доброму посмеявшись, говорю: “А вы знаете, я уже не хуже вас помню ваши фронтовые события”. Посмеялся и он.

Дело было в Германии. Батарея 120-мм миномётов, которой командовал капитан В. Чернов, располагалась недалеко от г. Грабов. Комбату доложили, что боец его батареи изнасиловал немку. Насильнику – 19 лет, командиру – 21. В возрасте разница минимальная, а по жизненному опыту – огромная, практически их разделила война. Командир решил не отдавать под суд этого негодяя, не желая позорить своё подразделение, да и наказать его хотел немедленно, чтобы другим неповадно было. Устроил имитацию расстрела, смертельно напугав преступника. Это было его серьёзной ошибкой, преступник мог от страха умереть, да и сам факт такого “расстрела” был незаконен. Не хватило комбату житейской мудрости. Да и откуда её было взять – парню всего 21 год! Василий Иосифович это, без сомнения, сейчас понимает, но не редактирует описание происшедшего с позиций сегодняшнего дня, а рассказывает всё так, как это было тогда.

Н. П.: Василий Иосифович, скажите, как вы относитесь к тому, что у нас воевало много женщин, причём занимая практически мужские должности: санитаров, снайперов, диверсантов, лётчиков. Правильно ли это? Ведь у тех же немцев этого не было.

В. Ч.: Моё мнение однозначно: конечно, неправильно. Этот труд не для женщин. Но, наверное, по-другому и нельзя было. Как известно, это была необычная война. Напрягали все силы, ведь вопрос стоял о существовании нашего государства. И женщины внесли огромный вклад в победу. Низкий им поклон за это.

Василий Иосифович женился в войну на красавице Лизе Кукушкиной, служившей санинструктором в роте автоматчиков. Лиза выполняла тяжёлую, опасную мужскую работу – спасала раненых под огнём врага. А труд этот,

по выражению Василия Иосифовича, более тяжкий, чем работа лошади в страду. Контуженная, попала в плен. Он считал, что жена погибла.

Какие муки приняла Лиза в плену, будучи беременной, сумев в нечеловеческих условиях сохранить рождённого в неволе ребёнка — дочку Викторию, — это отдельный рассказ. Он написан Елизаветой Николаевной. Без слёз его трудно читать. Всё вынесла и дождалась освобождения из плена. Сумела сохранить кандидатскую карточку члена коммунистической партии, не уничтожила её, хотя знала, что, если обнаружат, — это верная смерть.

Всё, что рассказывала Лиза особистам о плене, вызывало подозрение, особенно у тех, кто служил далеко от передовой. И в логике им было трудно отказать — то, что произошло с Лизой, не укладывалось в их головах. Так, по их мнению, не могло быть, это нереально и просто невозможно. Постепенно всё как будто утряслось, Лизе оформили документы, но оскорбительное недоверие осталось, в партии её так и не восстановили. Нашли повод — отчислили за неуплату членских взносов.

Однако случилось самое главное — Василий Иосифович нашёл её, свою жену. В августе 1945 года узнал, что она жива, а в сентябре встретились на её родине — в Калужской области, в г. Серпейске — и официально оформили брак, что не могли сделать во время войны.

С тех пор они не расставались. Умерла Елизавета Николаевна в 1985 году — долго болела после тяжелейшего инфаркта. Черновы вырастили троих детей: двух дочерей и сына. Все они нашли своё достойное место в жизни. Дочери стали учителями, сын — моряком.

Любовь, зародившуюся на фронте, Черновы пронесли через всю жизнь. И это чувство не могли омрачить даже те неприятности, которые постоянно создавал Василию Иосифовичу сам факт пребывания в плену его супруги.

Не будь этого, его карьера развивалась бы совершенно по-другому. Блестящий офицер, молодой, проявивший свои недюжинные командирские способности в экстремальных условиях, — ему бы в академии поучиться, и пошёл бы он, широко шагая, по служебной лестнице, щедро принося пользу Родине.

Не сложилось. Хотел учиться, но армейская мандатная комиссия ходу не дала, строго следя за “чистотой рядов”. Когда вспоминают то суровое время, то виновники неприятностей, чинившие их людям, часто объясняют свои действия фразой: “Время было такое”. Дескать, мы-то ни в чём не виноваты, от нас ничего не зависело, мы выполняли приказы, распоряжения. И не мы одни, все так делали.

Вспомнился эпизод из биографии маршала Жукова. На одном из заседаний в 1957 году, когда он был министром обороны СССР, Георгий Константинович “... в резкой форме напомнил двум или трём сидевшим за его спиной в президиуме заседания людям о прямой ответственности, которую они несут за события 1937–1938 годов.

В ответ на это один из тех, кому были адресованы слова Жукова, прервал его, сказав, что время было такое, когда приходилось подписывать некоторые документы, хотел ты этого или не хотел. И сам Жуков хорошо знает это. И если порыться в документах того времени, то, наверное, можно найти среди них такие, на которых стоит и подпись Жукова. Жуков резко повернулся и ответил: “Нет, не найдёте. Ройтесь, моей подписи вы там не найдёте”. (Цитирую по книге: Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И. В. Сталине. — М., “Книга”, 1990. С. 299.)

Н. П.: Василий Иосифович, как вы относитесь к наградам? Вернее, к справедливости награждений. Моё мнение — соблюсти стопроцентную справедливость, конечно, невозможно. Субъективизм в этом деле в мирное время поразительный. А во время войны дело, наверное, обстояло по-другому?

В. Ч.: Да как сказать? Вопрос сложный. Всё зависело от многих обстоятельств. Вот представим себе: закончился бой. Солдаты смертельно устали. А какие заботы у командира? Определить, сколько раненых, сколько убитых, доложить начальству. Накормить надо живых, раненых — в тыл, похоронки написать и масса других дел. Оформлять наградные листы — в последнюю очередь. А бывает, что до этого и руки не доходят. Нередко случается, что так и остаются неотмеченными проявления героизма. На войне бывают, и довольно часто, и такие вот несправедливости. Например, выполняют войска отвлекающий удар и за все героические поступки награждения минимальные,

а то и вообще никаких. А вот на главном направлении награды раздаются щедро. Это и понятно: там ждут успеха, командование особо внимательно контролирует ход операции.

Н. П.: Да, вы правы. Например, заранее объявили, что за форсирование Днепра будут представлены к званию Героя полторы тысячи отличившихся. Всего же почётное звание Героя Советского Союза было присвоено 2438 воинам, участвовавшим в тех боях. Вас представили к Звезде Героя, практически, за форсирование Одера. А на Одере, судя по воспоминаниям участников боёв, плотность огня, напряжённость схватки превосходили днепровские. Но награждение не состоялось. Это, на мой взгляд, несправедливо.

В. Ч.: Всё это так. Но когда рассуждаешь о наградах, надо не забывать, что самая большая награда то, что ты остался живым, а ведь многие сильные, смелые, и их миллионы, погибли, ничем не награждённые. Так что трудно искать здесь справедливость, да и не нужно это. Я сам чудом остался жив. Много раз был рядом со смертью. Везение просто фантастическое.

Ещё до встречи с Василием Иосифовичем, я, читая его книги, всерьёз задумался о везении, о котором он сказал. У меня был друг, ныне покойный. Как и Василий Иосифович, молодым парнем он попал на фронт и воевал в противотанковой артиллерии. От него я узнал, что средний срок жизни обслуги противотанковой пушки – полторы танковые атаки. И то, что он остался жив, хоть и ранен был много раз, – это чудо.

А Василий Иосифович, пройдя через такую же мясорубку танковых атак, как мой друг, не только остался живым, но и ни разу не был ранен. Такое бывает только у подводников, ранения там большая редкость.

То, что после войны Василий Иосифович нашёл Елизавету Николаевну – не меньшее чудо. Ведь сколько людей, разлучённых, разбросанных войной, навсегда потеряли друг друга. А им повезло встретиться.

И ещё везение, которое воспринимается как обыденное явление. Ведь после выхода в отставку в звании полковника Василию Иосифовичу удалось практически прожить ещё одну жизнь. Закончил лесотехническое учебное заведение и 40 лет проработал лесничим. Кому-то хватило бы с лихвой только этой части его трудовой биографии на всю жизнь.

А разве не чудо, что в свои 93 года Василий Иосифович сохранил молодую память, хоть и жалуется, что она стала слабеть. Увлекался Маяковским, в школьные годы знал наизусть все его поэмы. И сейчас помнит многое из них. А его физической форме могли бы позавидовать мужчины, годящиеся ему в сыновья.

Писать книги воспоминаний начал в 70-е годы, чуть ли не 50 лет назад. На мой вопрос: “Как вы, Василий Иосифович, смогли запомнить не только множество фамилий, но и имена-отчества тех, с кем встречались в течение жизни?” Отвечает: “А я вёл записи, пометки ещё и во время войны”. Это тоже удивительно. Был бы он журналистом, писателем, – понятно, это их работа, а то – боевой командир, обременённый массой управленческих забот. И это тоже из разряда чудес.

Н. П.: Василий Иосифович, а ведь вы вряд ли задумывались над тем, что минимум 85 лет нашей истории прошли перед вашими глазами, вы их помните и знаете, вы живой свидетель нашей эпохи!

В. Ч.: Да, помню, пожалуй, кое-что и побольше, некоторые события – с трёх лет.

Пытаюсь шутить: “Не будем торговаться, 85 лет – это и так выше всех пределов”.

Беседа с Василием Иосифовичем и анализируя его жизненный путь, я не случайно проводил мысленное сравнение его поступков с действиями народного героя – маршала Г. К. Жукова. Мне виделась в этих людях очевидная, на мой взгляд, схожесть характеров. Масштабы событий, участниками которых они были, конечно, несравнимы, но личностные качества, которыми их наградила природа и воспитали семья, коммунистическая партия и советская власть, были в основе своей сопоставимы.

Честность, решительность, храбрость, верность долгу, патриотизм, терпение, неприхотливость, житейский ум, умение действовать в самых трудных обстоятельствах, наконец, здоровье и физическая сила – все эти качества не монополия этих двух личностей, это лучшие черты русского человека. Обла-

дающие этими качествами люди создали российское государство и в течение многих веков отстаивали его, как говорится, не щадя живота своего.

Роднит этих людей и общее происхождение – из простых семей, из сельской местности, где наиболее сильно проявляется чувство корневой близости к Родине. Эти люди берегли свою честь смолоду и всю свою жизнь, в какие бы условия их ни ставили обстоятельства. В. Чернов не оставлял без ответа хамство начальников, невзирая на возможные для себя последствия. Общеизвестны факты возражения, и довольно резкого и прямого, со стороны Жукова грозному Сталину. На это редко у кого хватало смелости.

Оба они, каждый на своём месте, Чернов – на уровне командира небольшой военной части, Жуков – командуя сотнями тысяч и миллионами бойцов, проявили себя выдающимися управленцами, обладая главным качеством руководителя – умением и желанием принимать решения и брать ответственность на себя.

В беседе мы затронули и тему патриотизма. Она сейчас особо модная, о ней много пишут и говорят с экрана телевизора. Василий Иосифович как-то осторожно, не навязывая своего мнения, отметил, что во время Великой Отечественной Войны наше общество было монолитно, едино, несмотря на то, что на оккупированных землях были и полицаи из бывших советских людей, и вла-совцы. Но их было всё же немного. Вот это единство и помогло победить. А сейчас не то. И случись такая же война, неизвестно, чем всё закончится.

Согласился с ним: действительно, тревога по этому поводу обоснованная. Поделился с Василием Иосифовичем своими соображениями по поводу воспитания патриотизма у молодёжи. Патриотизм – это любовь к Родине. И когда я читал ещё в советское время в призывах ЦК КПСС и Совета Министров СССР такой, например, текст: “Пионеры и школьники, любите свою Родину!” – это вызвало у меня саркастическую усмешку. Призывать любить Родину, по-моему, просто глупость. Это так же неразумно, как и советовать любить своих родителей. От Родины и от родителей, от того воспитания, что они дали своим гражданам и детям, зависит наличие или отсутствие любви к ним.

В наше время, когда говорят о патриотическом воспитании и подразумевают под этим рассказы о героическом прошлом нашего народа, часто ими и ограничиваясь, это занятие видится если не бессмысленным, то явно недостаточным. Родина, да и родители должны сделать так, чтобы дети их любили. Необходима атмосфера любви и заботы. Именно в этих условиях вырастают патриоты.

Что имеем сейчас? Забота государства о своём гражданине сводится к минимуму и с каждым годом всё сокращается. За детский сад надо платить, учёба в школе, хоть и бесплатная, тоже требует немалых средств, медицинское обслуживание всё больше и больше становится платным, в вузе бюджетные места сокращаются, а стипендия такая, что прожить на неё можно только несколько дней. Физкультура и спорт, кружки по интересам давно стали платными.

Такая “забота” государства не создаёт основания для патриотизма. Расхожая фраза, что служить в армии для молодого человека – это значит отдать долг Родине. Однако трудно понять, за что он задолжал. Вот такие невесёлые мысли приходят в голову при обсуждении сегодняшних реалий.

Поколение Черновых не нужно было призывать любить Родину, они её любили и знали, что Родина любит их. Государство в то время, обладая несравненно меньшими, чем сейчас, возможностями, всё делало для раскрытия способностей буквально каждого человека. И делало это бесплатно.

То, что у нас есть такие Черновы, их дети и внуки, всё же настраивает на оптимизм. Бывали в нашей истории тяжёлые времена. И сейчас у нас не лучший период. Но вспомним: началась война, и Черновы встали стеной на защиту Родины. Восемь человек из их родни воевали на фронтах Великой Отечественной Войны, из них шестеро погибли.

Народ наш талантлив, умён и самоотвержен. Трудности перемелются, и для ратных ли дел или мирного труда придут новые Черновы, Ивановы, Смирновы, и Родина наша окрепнет, заняв достойное место среди других народов.

ИВАН ОХРИМЕНКО

ПОДВОДНИК №1

О легендарном подводнике Александре Маринеско и его “Атаке века”, в ходе которой был уничтожен гигантский немецкий корабль “Вильгельм Густлов”, написано множество книг. На Западе и в России. В нашей стране о А. И. Маринеско и подвиге экипажа С-13 начали писать только в начале 1960 года. На пятнадцать лет вышестоящие начальники ВМФ вычеркнули его имя из личного состава флота и отвернулись от подводника №1, но только не члены экипажа подлодки С-13, командиры подводных лодок и гражданские лица, которые лично знали А. И. Маринеско.

Даже мы, курсанты подводного факультета высшего Военно-Морского инженерного ордена Ленина училища им. Ф. Э. Дзержинского 1953–1958 годов обучения, не знали подробностей о подвиге экипажа С-13, хотя на нашем факультете читал лекции по предмету “Двигатели внутреннего сгорания” капитан 1-го ранга Яков Спиридонович Коваленко, который с 1943 года и до окончания войны был непосредственным участником всех боевых походов знаменитой подводной лодки С-13. Он был сдержан и, как нам казалось, многозначительно молчалив.

Значительно позже стала понятна его напряжённая сдержанность. Как же было не понять, если даже в Центральном военно-морском музее города Ленинграда в экспозиции того времени о подвиге подводников времён Отечественной войны не было никакого упоминания о А. И. Маринеско. Если западные СМИ, особенно в Германии, в своих материалах старались принизить, исказить важность и значимость “Атаки века” и заодно – высокие качества командира С-13, то и у наших СМИ нет единого мнения в оценке действий командира С-13 и его доблестного экипажа. В советское время после 60-х годов превалировала восторженная положительная оценка, поскольку живы были участники боевых походов и компетентные лица, осведомлённые о тех событиях, а в период перестройки и при “демократическом” разгуле и безответственности высказывалась “плавающая” оценка – от осуждения до профанации. В публикациях журналистов перестроечного периода, любителей “жареных” фактов, смакуются все сомнительные суждения. Это происходит от полного непонимания должности и специфических обязанностей командира военного корабля, особенно командира подводной лодки.

Так каким же человеком и командиром был Александр Иванович Маринеско?.. Можно охарактеризовать его одним словом: прекрасным! Это мнение автора. Однако нет людей на земном шаре, которые бы в течение своей жизни не совершали большие или малые ошибки. Но читатель имеет право сам

делать выводы и создавать образ и характер героя по характеристикам и оценкам тех людей, которые обязаны в соответствии с занимаемой должностью давать такие оценки. И, что самое важное, исходя из высказываний людей, которые в боевых экстремальных условиях видели его бесстрашие и хладнокровие, а также людей-тружеников, которые вместе с ним работали в мирное время.

Саша Маринеско в 1926 году, в возрасте 13-ти лет, закончил шесть классов средней, как в то время называли, трудовой школы в Одессе. И с помощью старого боцмана, который знал подростка с малых лет и был о нём хорошего мнения, устроился учеником матроса на пароход “Севастополь”, совершавший регулярные рейсы в Крым и на Кавказское побережье. В начале 1927 года за прилежность и быстроту мышления, за то, что не чурался никакой чёрной работы, был направлен в школу юнг. Как вспоминали сверстники Александра: “В школе юнг брать в работу умели. Обучали нас старые боцманы, ещё царской службы – эти спуску не давали”. В школе юнг срок обучения – два года. Александру Маринеско и ещё одному юнге, как наиболее успевающим, обучение сократили до полутора лет и без экзаменов перевели в Одесский морской техникум, который обычно называют мореходкой.

В апреле 1933 года, после окончания мореходки, он был назначен на пароход “Красный флот”. Пройдя этапы послужного списка, Александр вскоре становится вторым помощником капитана корабля. Ему было в то время только девятнадцать лет. . . Однажды в штормовую погоду, стоя на вахте, он увидел далеко в море терпящий бедствие торпедный катер. В результате за смелые и решительные действия по спасению торпедного катера и экипажа второй помощник капитана корабля “Красный флот” получил благодарность от командующего Черноморским флотом и месячный оклад от пароходства в качестве премии.

В ноябре 1933 года Маринеско был мобилизован и направлен на специальные курсы командного состава Рабоче-Крестьянского Красного Флота. После окончания курсов в 1934 году его назначили штурманом подводной лодки Щ-306 (Пикша) Балтийского флота. В марте 1936 года, в связи с введением воинских званий, А. И. Маринеско присваивается звание лейтенанта. В ноябре 1937 года штурман Маринеско направляется на курсы усовершенствования офицеров подводного плавания при учебном отряде им. С. М. Кирова. Летом 1938 года, в разгар практических занятий, на курсы приходит приказ: “Слушателя курсов Маринеско А. И. отчислить и демобилизовать из флота. . .” Судя по всему, с запретом служить даже в торговом флоте. Когда он попытался устроиться на торговый флот, то получил отказ. Это был страшный психологический удар! За что?! Он не знал. Никаких объяснений, никаких утешительных бесед или позитивных пожеланий со стороны командного состава курсов – ни слова. Изменить уклад прежней жизни – успешного моряка торгового флота, всей душой и сердцем принять военно-морскую жизнь офицера-подводника, и вдруг – в один миг всё перечёркнуто росчерком пера, и прошлое, и будущее. Не каждый выдержит такие удары. Единственное, что поддерживало его моральное и физическое состояние, это помощь друзей. Они не отвернулись от него в то непредсказуемое время. Он не ходил по инстанциям и не писал заявлений о восстановлении. Нетрудно предположить, какие штормы бушевали в его гордой душе. Такие удары так просто не проходят. Однако седьмого августа того же года пришёл новый приказ: явиться для дальнейшего прохождения службы, а в ноябре Маринеско присвоили очередное звание – старшего лейтенанта. По окончании учёбы он получает право самостоятельного управления кораблём и назначается помощником командира подводной лодки Л-1, а через полгода А. И. Маринеско в возрасте 25-ти лет становится командиром подводной лодки типа “Малютка” – М-96.

По итогам боевой подготовки подводная лодка М-96 в 1940 году заняла первое место на Балтийском флоте, а её командир был награждён золотыми часами, ему присваивается звание капитан-лейтенант.

Из аттестации того времени: “Решителен и смел, сообразителен и находчив, умеет быстро оценивать, ориентироваться и принимать правильное решение как в простой, так и в сложной обстановке. Дисциплинирован, отличный моряк. . . настойчив, умеет передать подчинённым свои знания, навыки. . . Способен пренебрегать личными интересами для пользы службы, тактичен и выдержан, заботлив к подчинённым, морально устойчив, не болтлив. Корабль находится в высокой боевой готовности. . .”

Выводы:

- 1) Достоин назначения на подводную лодку типа "С"
- 2) Должности соответствует
- 3) Достоин должности командира ДПЛ (12 серии)".

Не каждый моряк имел в 27 лет такую блестящую характеристику!

Известие о нападении Германии на СССР экипаж подводной лодки М-96 получил, находясь в дозоре на позиции в устье Финского залива.

В первый поход "Малютка" М-96 вышла из Кронштадта в квадрат Порккало-Калоба 22 июля 1941 года. Задание: разведка и атака. Удачно форсировав минные заграждения, подлодка вышла в заданный квадрат. Позднее, при встрече с морями, Александр Иванович говорил: "Нет ничего мучительнее, чем хождение по минному полю, особенно в подводном положении. Мина не выдаёт себя ничем, недаром её зовут молчаливой смертью".

Командир верно направлял курс движения корабля. Из опыта плавания на торговых судах он хорошо знал, какими путями предпочитают ходить транспортные суда. Он не ждал, когда появится противник в заданном квадрате, а настойчиво искал его. Транспорт шёл с сильным охранением – три сторожевых корабля. Александр Иванович атаковал днём, из подводного положения, обе торпеды попали в цель. Сторожевики начали преследовать и сбрасывать бомбы. Маринеско стал уходить, но не в сторону наших баз, а в сторону порта Полдиски, уже занятого немецкими войсками. "Малютке" М-96 удалось уйти от преследования, и на одиннадцатые сутки она пришла в базу. Как позже стало известно, Маринеско потопил немецкий транспорт водоизмещением 7000 брт (брутто-регистрационных тонн).

Второй боевой поход М-96 совершает с 9-го по 25 августа 1942 года. Выйдя на позицию, просматривая в перископ горизонт, командир обнаружил транспорт и шхуны в окружении трёх сторожевиков. Малютка легла на боевой курс и с дистанции 12-ти кабельтовых (2,2 км) произвела залп из правого торпедного аппарата. Вскоре на лодке услышали взрыв торпеды, а в перископ увидели, что транспорт, имеющий дифферент на нос, тонул, а его гребные винты беспомощно вращались над поверхностью моря. Через пять-десять минут сторожевики начали преследовать подводную лодку и сбрасывать глубинные бомбы. Успешно уклоняясь от атак сторожевиков, М-96 благополучно вернулась на базу.

За этот поход и потопление транспорта "Хелена" Александр Иванович Маринеско награждается орденом Ленина. В этом же году с 8-го по 11 ноября М-96 совершает третий поход в Норвежский залив, во время которого на берег, занятый противником, была высажена, а после выполнения задания принята на корабль разведывательная группа.

В характеристике за 1942 год очень высоко оцениваются боевые действия командира М-96. "Капитан-лейтенант в боевом походе показал мужество, отвагу, высокие качества командира-подводника. Достоин назначения на подводную лодку типа "С". В конце 1942 года в числе тридцати особо отличившихся офицеров Александр Иванович получил право вылететь из осаждённого Ленинграда в краткосрочный отпуск.

В апреле 1943 года А. И. Маринеско назначается командиром дизельной подводной лодки С-13. Новый корабль, новый экипаж. Перед ним поставлена сложнейшая, со многими неизвестными задача, для решения которой важную роль играл фактор времени. Море уточняет и утверждает технические и боевые качества корабля! И корабль, и экипаж нужно изучить, знать до мельчайших подробностей. Но главное – это люди, командиры боевых частей, старшины, матросы. Как говорили нам, курсантам: "На подводной лодке командир, особенно в боевом походе – Царь и Бог, он один принимает решение. Ни собраний, ни двоевластия море не терпит. Командир, экипаж и лодка – это единый организм". От каждого члена экипажа зависит жизнь команды, в том числе командира, и успех похода.

Сорок третий год был самым тяжёлым для подводников Балтийского флота. В первые годы войны у немецкого флота на Балтике были значительные потери кораблей от активных действий подводных лодок Краснознаменного Балтийского флота. В 1942 году общий боевой счёт балтийских подводников достигает 48 транспортных судов общим тоннажем 131658 тонн.

Убедившись в ненадёжности минных и других заграждений (в 1941–1942 годах немцы поставили в Финском заливе около 13 тысяч мин), немецкое коман-

дование приняло дополнительные меры. Немцы минировали все выходы в Балтийское море минами новой конструкции: антенными, бесконтактными, ставились дополнительные сети совместно с донными минами. В результате при попытках пройти минные заграждения погибло несколько, по тому времени, первоклассных лодок Балтийского флота 12 модели типа “М” и модели типа “С”. Погибает “заговорённая” при командовании Маринеско, любимая М-96. Александр Иванович очень переживал, как бы обвиняя себя, говорил: “Вот, не ушёл бы я с Малютки, уцелела бы она, как-нибудь вывернулись...”.

Погибает подводная лодка С-9, командиром которой был капитан-лейтенант Александр Иванович Мыльников – верный друг А. И. Маринеско. В 1939 году они одновременно принимали от строителей свои “Малютки”, М-96 и М-97. Но А. И. Мыльникова раньше Маринеско назначили командиром С-9, который в 1942 году торпедировал и утопил гружёный транспорт и танкер. В 1943 году подводная лодка С-9 не вернулась из боевого похода...

Учитывая большие потери первоклассных подводных лодок, командование Балтийским флотом воздержалось посылать новые корабли на верную гибель. Было принято решение наносить авиационные удары по минным полям и различным видам подводных заграждений, по укрепленным огневым точкам береговых батарей.

Для подводников наступил длительный период вынужденного бездействия. Подводная лодка и экипаж С-13 были прекрасно подготовлены к выходу в море, Маринеско рвался в поход... Однажды он заявил командиру дивизиона: “Мне чертовски надоело наше безделье. Честное слово, стыдно смотреть в глаза команде”. Несмотря на такое выжидающее, точнее, угнетающее настроение, на корабле он был исключительно собран, в нём чувствовалась какая-то накопившаяся сила, которая ищет выхода...

Однако в боевой характеристике за 1943 год впервые появились отрицательные оценки поведения капитан-лейтенанта Маринеско. Командир дивизиона подводных лодок пишет: “Боевой и отважный командир, подводное дело знает отлично... дисциплинирован, но в повседневной жизни требует постоянного контроля...”

Четвёртый поход (в должности командира С-13 – первый) А. И. Маринеско совершил с 1 октября по 11 ноября 1944 года. Девятого октября С-13 наружила гружёный транспорт без охранения. Подлодка произвела атаку из подводного положения, но капитан транспорта увидел “следы” идущих торпед, вовремя застопорил ход, и все три торпеды прошли по носу. Александр Иванович вновь атаковал, на этот раз одной торпедой, но торпеда была также замечена, транспорт двинулся вперёд, и торпеда прошла у него за кормой. Капитан транспорта был, как видно, толковый. Но не в правилах А. И. Маринеско, при неудачах, отказываться от принятых решений. Он дал команду на всплытие. Лодка вышла в крейсерское положение, догнала транспорт и открыла огонь из 100 мм пушки. С первых же выстрелов обнаружилось, что транспорт вооружён и способен яростно огрызаться. Завязалась настоящая артиллерийская дуэль. Несмотря на качку и захлёстывающие палубу лодки ледяные волны, подводники стреляли из “сотки” и 45-ти мм пушки быстрее и более метко. Транспорт “Зигфрид” пошёл ко дну.

За этот поход и потопление транспорта А. И. Маринеско был удостоен ордена Боевого Красного Знамени. В боевой характеристике за 1944 год командир дивизиона капитан 1-го ранга А. Орёл отмечает: “Смелый офицер. Подводное дело знает отлично, кораблём командует и управляет хорошо. Офицеры и личный состав обучены хорошо. Решителен и инициативен. Дисциплинирован и требователен к подчинённым. Состояние дисциплины на корабле хорошее. Партийно-политической работой руководит. По характеру спокоен и хладнокровен при любых обстоятельствах...”

Выводы: должности командира вполне соответствует”.

В разделе аттестации заключение старших начальников: “С боевой характеристикой согласен. Необходимо указать на продолжающиеся случаи аморальных явлений, несмотря на указания в прошлой аттестации.

Командир бригады ПЛКБФ контр-адмирал Верховский”.

Это называется по-русски: “Ложка дёгтя в бочку мёда”. Как понимать запись старшего начальника? Как личную неприязнь контр-адмирала или как остаточный синдром непримиримости к недостаткам своих подчинённых?

Осенью 1944 года Финляндия вышла из войны, и наши корабли перешли на новые базы в городах Ханко, Турку и Хельсинки, где подводные лодки ремонтировали и готовили к новым походам. Важно то, что из этих баз было значительно ближе к выходу в Балтийское море и безопаснее, поскольку устье Финского залива не было разминировано и не были ликвидированы подводные заграждения. После потопления “Зигфрида” ремонт С-13 по устранению “следов” артиллерийской дуэли производился в Финляндии. Окончив ремонт, приняв на борт всё необходимое для нового похода, в конце декабря подлодка пришла в базу подводных лодок порта Турку.

... Что же произошло в новогоднюю ночь 1945 года, с подводником №1, что так трагически повлияло на всю дальнейшую жизнь капитана 3-го ранга А. И. Маринеско? Об этом написано много и по-разному, и у нас, и за рубежом. На мой взгляд, наиболее достоверно и убедительно написано в книге бывшего военного корреспондента А. А. Крона “Капитан дальнего плавания”.

Спустя 15 лет после этой новогодней романтической ночи Александр Иванович рассказывал А. А. Крону: “А насчёт финки — не отрицаю. Был такой грех... Положим, она не финка, а шведка была. Всё-таки нейтральная нация. Дело было в Турку, под новый сорок пятый год. Финляндия вышла из войны, мы стоим в порту, живём на плавбазе. Лодка полностью готова к выходу в море. Скова смертельная, надоели друг другу — дальше некуда. Мы с другом Петей Л. — помните его, наверно, — от тоски лезем на стенку. Решили пойти в город. Там в гостинице жили знакомые ребята из советской нейтральной комиссии, хотели встретить с ними Новый год. Деньги у меня были. Приходим, никого нет. Где — неизвестно. Заходим в ресторан. Открыто, но в зале ни души, одни официантки. Как видно, финны — домоседы, любят Новый год встречать дома. Мы попросили девушек накрыть нам в кабинете столик на шестерых, хотя и было нас всего двое. Расчёт был на то, что наши знакомые вернутся и подсядут. Однако никто не идёт. Мы в меру выпили, закусили, стали петь потихоньку украинские песни. Девушки заходят, слушают, улыбаются, но к столу, как мы не звали, присесть не решаются. Вдруг откуда ни возьмись — хозяйка. Молодая, лет, эдак, двадцати восьми, красивая, сразу видно — огонь баба! Прогоняет девок, сама подсаживается к нам, заговаривает по-русски. У нас сразу контакт. Я ей мигаю, дескать, нельзя ли и моему другу составить компанию? Поняла, вызвала с этажа какую-то свою помощницу, тоже интересная собой. И гуляли уже вчетвером. А затем забрали со стола спиртное и ещё кое-чего и поехали на пятый этаж, где у неё собственные апартаменты... Откровенно скажу, мы друг дружке по вкусу пришлись. Она бедовая, весёлая. Не замужем, но есть жених. Инженер, работает в Хельсинки в фирме. Почему же, спрашиваю, он не с тобой встречается? Потому, говорит, что у них в фирме такой порядок: встречаются с хозяином. Из-за этого, говорит, я с ним даже поругалась. Ну, и правильно, говорю...

Утром раненько в дверь стучат. Что за шум? Докладывают: жених приехал из Хельсинки, ожидает внизу. А я как раз в самый задор вошёл. Прогони, говорю. Она смеётся: Как так — прогони? Мне за него замуж иди. Ты ведь на мне не женишься? Это уже вроде как без шуток спрашивает. А я тоже со смехом: “А пойдёшь за меня?” — “Пойду, — говорит. — И гостиница твоя будет”. Тут я совсем развеселился: Сашка Маринеско — хозяин гостиницы! “Нет, — говорю, — не женюсь, а ты этого, что внизу, всё-таки прогони, пусть едет к своему хозяину”. И что же вы думаете — прогнала. Такая отчаянная баба..!

Когда мы с повинной явились на базу, встретили нас сурово. Обоим грозил трибунал. Но потом обошлось. К комдиву пришла делегация от команды: с другим командиром в море идти не хотим. Комдив Орёл — умный человек, понял настроение экипажа, а корабль в готовности, снимать командира, ставить нового — мороки не оберёшься. И я ушёл в поход — искупать вину...

А насчёт шведки — не жалею, хороша была. Идеологии мы совершенно не касались. Она только посмеивалась: “Какие вы победители, с бабой переспать боитесь...” А я тоже смеюсь: “За твои капиталы твой жених тебе всё простит, небось, помиритесь”.

... И неужели кто-то мог подумать, что меня таким манером можно завербовать на службу фашизму? Это же смешно, честное слово. Только тогда мне было не до смеха”.

Авторитет Маринеско среди членов экипажа был на самом высоком уровне, и никто не мог поколебать его ни в годы войны, ни в тяжёлые для Алек-

сандра Ивановича послевоенные годы. Команда любила его и верила своему командиру, а командир был уверен в каждом члене своего экипажа. В январе 1945 года среди подводников плавбазы ходили слухи о том, что командующий Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц решил предать А. И. Маринеско суду военного трибунала за так называемый “загул”... Но в своей книге “Балтийцы сражаются” Владимир Филиппович подробно и тепло пишет о подвигах командира подводной лодки С-13 и его доблестного экипажа. Ни одним словом не обмолвился он ни о “загуле”, ни о трибунале. Видимо, хорошо помнил старый адмирал слова могущественного в то время человека – начальника Главного политического управления ВМФ И. В. Рогова, который, выступая на совещании работников Пубалта (политического управления Балтийского флота. – **Прим. авт.**), говорил: “Снимите с людей, ежечасно глядевших в глаза смерти, лишнюю опеку. Дайте вернувшемуся из похода командиру встряхнуться, пусть он погуляет в своё удовольствие, он это заслужил. Не шпыняйте его, а лучше создайте ему для этого все условия...”.

И это было сказано в суровое военное время и сказано правильно!

* * *

Девятого января 1945 года подводная лодка С-13 под командованием капитана 3-го ранга А. И. Маринеско вышла в пятый боевой поход. Нет необходимости подробно освещать это знаменательное событие. О нём неоднократно писали с разными, не совпадающими подробностями и у нас, и в других странах, где имеются боевые подводные корабли. Но некоторые моменты похода и уточнённые, признанные результаты и значение “Атаки века”, на мой взгляд, нужно напомнить...

Тридцатого января, придя в назначенную точку квадрата, лодка всплыла в крейсерское положение для зарядки аккумуляторных батарей, шли ходом двенадцать узлов. В 21 час 15 минут сигнальщик обнаружил группу кораблей, двигающихся в северо-западном направлении. Гидроакустик доложил на мостик, что слышит шум лопасти крупного двухвинтового корабля, идущего большим ходом. Командир, понимая, что цель идёт с охраной и какой-нибудь из конвойных кораблей может таранить лодку, скоординировал срочное погружение на перископную глубину. Через некоторое время визуально определили: впереди идёт миноносец, за ним – огромный лайнер с затемнёнными ходовыми огнями в окружении трёх сторожевых кораблей. Как было позже достоверно установлено, лайнер имел очень внушительные габариты: длина – 208 метров, ширина – 23,5 метра, водоизмещение – 25484 тонн. Лайнер двигался, по определению штурмана С-13 Н. Я. Редкобородова, со скоростью 18 узлов. Полный ход подводной лодки “эски” – тоже 18 узлов. Соревноваться в ходе с океанским лайнером в штормовых условиях очень сложно. Маринеско дал команду командиру БЧ-5 Я. С. Коваленко форсировать работу дизелей, выжать всё до предела. Погоня длилась 1 час 53 минуты. Вскоре С-13 вышла в голову конвоя со стороны берега и заняла необходимую для атаки позицию. В 23 часа 08 минут С-13 произвела торпедный залп из носовых аппаратов. Все три торпеды попали в левый борт корабля. Лайнер накренился и начал быстро тонуть. Это был “Вильгельм Густлов”. Хотя в немецкой специальной литературе утверждалось, что суперлайнер обладает непотопляемой конструкцией... Через 40 мин в район потопления пришло семь кораблей: миноносец, 4 сторожевых корабля и два тральщика. Расчёт Маринеско был верен: охранение никак не ожидало нападения со стороны берега и в первые минуты растерялось. Это дало возможность временно оторваться от преследования и уйти на глубину. Но корабли охранения всё-таки определили примерное место нахождения лодки. В течение четырёх часов корабли противника преследовали и бомбили С-13. За эти четыре часа было сброшено, как уточнил штурман Н. Я. Редкобородов, двести сорок глубинных бомб. И то, что лодка не погибла, фактически не получила серьёзных повреждений, – это произошло только благодаря высочайшему искусству маневрирования, хладнокровию и интуиции командира С-13. Как писал адмирал В. Ф. Трибуц: “Маринеско перехитрил противника, оторвался от него и ... остался на позиции...”.

По свидетельству немецкого журнала “Марине”, на “лайнере находилось 11035 человек, в том числе 1300 военнослужащих ВМС Германии, 173 предста-

вителя торгового флота, составляющие экипаж судна; 4500 недостаточно установленных лиц; 4900 человек отнесены к беженцам. Этот “пробел” – 4500 “недостаточно установленных” лиц – конкретно устанавливается в других источниках. “Кроме 3700 обученных специалистов-подводников, которые следовали к месту назначения, на борту “Густлова” находились женщины – батальон ВМС, войсковое соединение 88-го зенитного полка, хорватские добровольцы, 22 гауляйтера польских земель и земель Восточной Пруссии, множество нацистских руководителей, высших офицеров гестапо и СС”. Как признал потом весь мир, в том числе и немцы, “это была законная цель для атаки”.

Об этом свидетельствует находившийся в момент взрыва на борту лайнера и оставшийся в живых немецкий офицер Гейн Шен в своей книге “Гибель “Вильгельма Густлова””, изданной в ФРГ, где он подробно описывает историю гибели лайнера.

“Вильгельм Густлов”, стоявший у причальной стенки в Гдыне, получает приказ принять на борт четыре тысячи человек для переброски их в Киль. А лайнер рассчитан на перевозку 1800 пассажиров. Ранним утром 25 января на судно хлынул поток военных и гражданских... 29 января в Гдыне всё сильнее слышится рёв советских “катуш”... На борту уже около шести тысяч человек, но сотни людей продолжают штурмовать трап. 30 января 1945 года последняя ночь “Густлова”... Без перерыва грохочут краны, заполняющие трюмы и палубы лайнера ящиками и другим грузом, на корабль лезут всё новые массы людей. Подошёл ещё один поезд с беженцами из Восточной Пруссии. Люди уже сидят в коридорах и проходах на сундуках, чемоданах, узлах. Несмотря на все старания экипажа, проходы освободить не удалось. Только одно помещение не занято – апартаменты Гитлера. Но когда появляется состоящая из тринадцати человек семья бургомистра Гдыни, занимается и оно. В 10 часов приходит приказ выйти в море. В 12:30 несколько буксиров выводят судно из порта...” Гейн Шен подтверждает, что 30 января 1945 года “Вильгельм Густлов” был торпедирован советской подводной лодкой, в результате чего погибло более пяти тысяч человек. “Если считать этот случай катастрофой, – пишет автор, – то это, несомненно, была сама большая катастрофа в истории мореплавания, по сравнению с которой даже гибель “Титаника”, столкнувшегося в 1912 году с айсбергом, – ничто”.

Успех подлодки в этом походе был не последним. Маринеско, как писал В. Ф. Трибуц, “остался на позиции”. Девятого февраля 1945 года в 22 часа 16 минут акустик С-13 Иван Шнапцев доложил: “Слышу шум винтов большого корабля”. Сблизившись в 2 часа 10 минут, сигнальщик увидел крейсер (как позже было установлено, это был “Генерал фон Штойбен”, водоизмещением 14665 брт) в окружении трёх эсминцев. Десятого февраля в 2 часа 50 минут по крейсеру был произведён залп из кормовых аппаратов. В цель попали обе торпеды. С мостика С-13 были видны высокие султаны-взрывы торпед, а затем последовало три сильнейших взрыва, вероятно, сдетонировали боезапасы, появились зарывы огня, и крейсер затонул в считанные минуты. К месту его гибели, включив прожектора, устремились корабли охранения. Воспользовавшись замешательством среди кораблей охранения противника, командир С-13 вместо срочного погружения скоординировал: “Полный вперёд!” В крейсерском положении, при работе на пределе расчётных мощностей дизелей, подлодка ушла из опасного квадрата в сторону своих баз. Подошедшие к месту потопления крейсера сторожевые корабли смогли спасти 300 человек из 3600 солдат и офицеров, находившихся на борту крейсера. Анализируя действия командира С-13 в этом походе, адмирал флота В. Ф. Трибуц в своей книге “Балтийцы сражаются”, изданной в 1985 году, пишет: “Маринеско действовал технически умно, настойчиво и в то же время дерзко. Но это была не безрассудная отвага, а исключительно точный учёт всех условий сложившейся обстановки. Экипаж понимал своего командира, любил его, командир верил экипажу, отвечал ему такой же любовью. Александр Иванович был настойчив в поисках врага и искусен в торпедных атаках...”

Как писал в 1968 году бывший нарком ВМФ, адмирал флота СССР Н. Г. Кузнецов: “Потопление “Вильгельма Густлова” явилось значительным событием даже на фоне крупных побед в те дни...” “За один только поход Александр Иванович Маринеско уничтожил восемь тысяч гитлеровцев. Полноценная дивизия! Да ещё какая дивизия! Отборные офицеры, первоклассные специалисты-подводники, эсэсовцы, фашистские бонзы. В Германии был

объявлен трёхдневный траур. Гитлер в ярости приказал расстрелять командира конвоя”.

При возвращении на базу встретили героический экипаж С-13 очень хорошо. Был банкет с традиционным жареным поросёнком, были дружеские объятия и утвердительные разговоры о предстоящих высоких правительственных наградах. Александр Иванович считал, что не потерял доверия вышестоящих начальников и о проступке в Турку припоминать не будут. Что касается непосредственных начальников, это было действительно так. Уже 20 февраля 1945 года командир 1-го дивизиона подводных лодок Балтийского флота, капитан 1-го ранга А. Орёл написал представление о присвоении Александру Ивановичу Маринеско звания Героя Советского Союза.

Но как видно из документов, представление на Александра Ивановича Маринеско о присвоении звания Героя до Наркомата ВМФ и наградного отдела Главного морского штаба даже не дошло. . .

Заслуженных наград был лишён не только командир С-13, но и весь экипаж. Именно это, на мой взгляд, несправедливое, пристрастное заключение капитана 1-го ранга Курникова повлияло на дальнейшее поведение А. И. Маринеско.

Это решение А. И. Маринеско воспринял как унижение экипажа, он понял, что ему не простили так называемый “загул” в Турку. Он был обижен не за то, что “мало дали”, а за то, что припомнили старое. “И команде скостили, а она-то при чём?!” – говорил он друзьям. Ему и другим офицерам было известно, что любой другой командир подлодки, потопивший в одном походе два корабля значительно меньшего тоннажа, без промедления получал звание Героя, а экипаж – все до одного! – боевые ордена. Разве не достоин был этого же экипаж С-13? . .

Маринеско тяжело переживал замалчивание подвига С-13. Его беззлая, чувствительная душа жаждала справедливости, и не столько для себя, сколько для членов выпестованного им экипажа. Для сравнения уместно привести результат похода и награждение самого талантливого в подводном флоте Германии командира подводной лодки U-47. Четырнадцатого октября 1939 года командир подводной лодки U-47 Гюнтер Прин прямо в британской гавани Скапа-Флоу потопил английский линкор “Ройал Оук” водоизмещением 29151 брт. Экипаж лодки во главе с командиром на личном самолёте фюрера был доставлен в Берлин. В рейхсканцелярии Гитлер лично приколол на грудь корветтенкапитана Прина высшую награду страны – Рыцарский железный крест с дубовыми листьями. Поблагодарил и пожал руку каждому члену экипажа. Гюнтер Прин стал первым офицером Германии, получившим рыцарский крест с дубовыми листьями. Но в первой половине 1941 года Гюнтер Прин не вернулся из боевого похода. Подлодка U-47 погибла 8 марта 1941 года при атаке конвоя, следовавшего из Ливерпуля в Галифакс.

Можно с уверенностью сказать, что уже в конце февраля – начале марта высшие руководители ВМФ СССР могли знать о значимости и масштабе подвига С-13, так как о потоплении “Вильгельма Густлова” был опубликован материал в английской газете “Таймс” от 19 февраля 1945 года. Тем более, что адмирал флота СССР Н. Г. Кузнецов, непосредственный участник Ялтинской конференции в Ливадийском дворце, на первом заседании 4 февраля слышал, как премьер Великобритании У. Черчилль высказал И. В. Сталину предложение о скорейшем продвижении советских войск, поскольку Данциг является одним из мест, в котором сконцентрировано много подводных лодок. Конкретизируя просьбу премьера У. Черчилля, адмирал флота ВМС Англии Каннингхэм сказал: “Угроза новой (подчёркнуто автором) подводной войны со стороны немцев является скорее потенциальной. Они достигли больших успехов в деле усовершенствования подводных лодок. Морским силам будет трудно с ними бороться. Подводные лодки немцев строят в Бремене, Гамбурге и Данциге. Я хотел бы просить, чтобы советские войска быстрее взяли Данциг”.

Просьба адмирала флота ВМС Великобритании Каннингхэма была обоснована реальной угрозой для Англии, и не только. . . Перед капитуляцией Германии в Данциге стояли в ожидании свих экипажей 63 новые подводные лодки 23 серии, оснащённые всем необходимым для боевых действий.

Затонувший в считанные минуты лайнер “Вильгельм Густлов” увлёк на дно Балтийского моря 3700 унтер-офицеров – выпускников школы подводного плавания и примерно 100 командиров подводных лодок, окончивших специ-

альные курсы усовершенствования по управлению подлодками, 22 высокопоставленных партийных чиновника Восточной Пруссии, несколько генералов и старших офицеров РСХА, военных различного рода войск вермахта.

В последний свой боевой поход в море С-13 вышла 20 апреля 1945 года. Почти два месяца, точнее, 53 дня потребовалось, чтобы отремонтировать истрёпанные в январском походе усталые механизмы, привести в надёжное состояние все системы живучести корабля. Ремонт производился не своими силами, а на хорошо оборудованных финских заводах. За период подготовки к походу каких-либо претензий к Маринеско со стороны непосредственного начальства не было. Он внимательно следил за этапами ремонта корабля и знал, что весь ремонт проведён качественно, лодка в хорошей боевой готовности. Экипаж, как всегда, готов к выходу в любое время. Но то, что в походе решил участвовать начальник подводных сил Балтфлота, контр-адмирал А. М. Стеценко, командира С-13, мягко говоря, расстроило. Он воспринял появление на борту корабля старшего начальника как контроль, как явно выраженное недоверие... Из-за нахлынувшей обиды не сразу понял Александр Иванович истинное желание контр-адмирала сходить в боевой поход в конце войны с опытным, *везучим*, непредсказуемым в боевых походах командиром. Приумножить и свою славу, и славу подводной лодки, тем более что из 13-ти “эсок” Краснознаменного Балтийского флота дожила до победы только одна – тринадцатая, остальные погибли в тяжёлые для Ленинграда и Балтийского флота блокадные годы войны. О своей *везучести* Александр Иванович говорил своим подчинённым (из воспоминаний Я. С. Ковалёнка): “Когда я слышу разговоры о моей *везучести*, мне становятся смешно. Я не Суворов, хотя тоже мог бы ответить по-суворовски: раз повезло, два повезло, положите что-нибудь и на умение...”

В последнем походе С-13 ни разу не вышла в атаку. Почему? Об этом никто никогда не узнает... Можно лишь предположить, но предположение не истина. Как сложились отношения между командиром лодки и обеспечивающим поход контр-адмиралом, никто не знал. Команда, как правило, всё видит и знает, в каждом отсеке есть люди. “У них были какие-то споры при задраенных переборках, в командирском отсеке”, – говорили позже члены экипажа. До какого накала они доходили – неизвестно. Александр Иванович, в виду врождённой деликатности, никому об этих спорах не говорил. Ясно одно: до серьёзного конфликта не доходило. В случае настоящего, принципиального конфликта командир имел право записать в корабельный журнал, что он снимает с себя командование кораблём с указанием даты и времени. С этого момента экипаж обязан выполнять команды только старшего начальника. “И, слава Богу, – говорили члены экипажа, – что этого не случилось. Если бы это произошло, неизвестно, пришла бы лодка в базу или нет?” Поход был тяжёлым и очень опасным. Много раз экипажу приходилось слышать в этом походе скрежет минрепа по корпусу лодки... Человеку, которому не довелось быть на подводной лодке, невозможно представить, какие нервные нагрузки испытывает экипаж, находясь в замкнутых отсеках, слушая этот зловеющий скрежет... Взорвётся... или?..

День победы 9 мая для всего экипажа С-13 не был днём окончания войны.

Несмотря на подписание мира и прекращение военных действий на всех фронтах, подлодка С-13 ещё несколько дней находилась в дозоре. Отчёт командира о походе был принят сдержанно. От него ждали очередной победы. Какую оценку действиям командира дал контр-адмирал, неизвестно, можно лишь предположить... А вот командир бригады капитан 1-го ранга Курников чётко выразил своё мнение: “Маринеско имел много случаев обнаружения транспортов и конвоев противника, но в результате неправильного маневрирования и нерешительности сблизиться для атаки не смог... Действия командира ПЛ на позиции неудовлетворительны. Командир ПЛ не стремился искать и атаковать противника... В результате негативных действий командира ПЛ С-13 боевую задачу не выполнила...”

Как мог воспринять такую оценку похода А. Маринеско?! И как может понять заключение командира бригады читатель? Говорить о неправильном маневрировании, тем более о нерешительности Маринеско, не находясь во время похода на корабле, просто смешно и неразумно. Что это? Личная неприязнь, зависть? Или указание вышестоящего начальника?..

Однако за этот поход два участника были награждены – самый старший и самый младший. Контр-адмирал получил орден Нахимова, а юнга Миша Золотарёв был награждён Нахимовской медалью. Последний поход не прибавил славы С-13 и её бесстрашному командиру. Проявились недоброжелатели и завистники. Зашептали поборники строгих нравов о старых грехах, о подверженности Маринеско буржуазным влияниям – якобы он восторженно говорил о порядках на финских верфях... Настроение от этого у Александра Ивановича не улучшалось. Он всё знал и всё видел. Его ранили сочувствующие и осуждающие взгляды. Он замкнулся. Что-то надломилось в его моральном и физическом состоянии. Сказалось всё: несправедливость начальства и огромная усталость от постоянной ответственности и колоссального физического и нервного напряжения, одиночество и всё чаще появляющееся желание хоть на какое-то время отвлечься, отвести душу... Частые выпивки принимали опасный, болезненный характер. Пил и дерзил начальству уже больной человек. Он не думал о трагических последствиях своих поступков... А у высшего начальства, видимо, не нашлось времени, а скорее всего – желания разобраться и помочь Маринеско справиться с болезнью; тем более, что непосредственные начальники предлагали убрать Маринеско с корабля, положить в госпиталь и лечить. 16 августа 1945 года последовало представление командира бригады подводных лодок командующему флотом: “Считаю дальнейшее пребывание капитана 3-го ранга Маринеско в должности командира ПЛ невозможным. Принятые мною воспитательные меры полностью исчерпаны. ...Ходатайствую капитана 3-го ранга Маринеско от занимаемой должности отстранить и выйти с ходатайством перед Народным комиссаром Военно-морского флота о разжаловании и увольнении из рядов ВМФ.

Контр-адмирал Курников”.

Узнав о своём разжаловании, Александр Иванович добился приёма у Наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова. Нарком, ценя командирские качества и боевые достижения Маринеско, посоветовал ему обдумать своё поведение, взяться за работу на новой должности... “Послужите год, проявите себя с лучшей стороны, и мы вернём Вас на лодку”. Это было мудрое решение. Нарком ВМФ знал, какая огромная и опасная работа предстоит тральщикам после войны. По существу, все внешние акватории страны необходимо было освобождать от мин и бомб. В то же время это решение не отменяло приказа и сохраняло для Александра Ивановича привычную для него самостоятельность. Но перспектива расстаться с командой С-13 при таких обстоятельствах, понижение звания до старшего лейтенанта для него были непереносимы. Видимо, в этот момент его захлестнула жгучая обида, и он промолвил роковое: “Демобилизуйте!”

20 ноября 1945 года по приказу Наркома ВМФ №02521 А. И. Маринеско в звании старшего лейтенанта был уволен в запас ВМФ по статье 44, пункт “А”. Подводник №1 оказался вне флота с пошатнувшимся здоровьем. Надломленный, но не сломленный...

“Он попал в заколдованный круг, – писал в 60-х годах Н. Г. Кузнецов. – А мы, нужно признать, не помогли ему из него выбраться, хотя Маринеско этого заслуживал... Спасательный круг не был подан вовремя”. Не думал и не ведал знаменитый адмирал флота Николай Герасимович Кузнецов, что через одиннадцать лет после подписания приказа о разжаловании и демобилизации А. И. Маринеско он сам в возрасте 56 лет испытает тяжёлую руку власть имущих и горечь несправедливого унижения. Он в 1956 году также будет понижен в звании на две ступени – до звания вице-адмирала; и только через 32 года, посмертно, вновь будет восстановлен в звании адмирала флота СССР.

* * *

Гражданская жизнь подводника №1 складывалась трудно. Кто хоть раз испытывал в своей жизни резкие, внезапные социальные изменения уклада жизни – несправедливой демобилизации, эмиграции или тюрьмы, – тот понимает, насколько сложно, до потрясений, освободиться от укоренившихся привычек, образа той – “старой” жизни. И насколько трудно привыкать к непредсказуемым условиям новой... В 1946–1948 годах Маринеско плавал на судах Балтийского государственного пароходства старшим помощником капитана, ходил в заграничные рейсы, но в связи с ослаблением зрения был уволен.

В 1949 году секретарь Смольнинского райкома партии, зная Маринеско как честного человека, предложил ему пойти в НИИ переливания крови заместителем директора по хозяйственной части.

Директор-хапуга хотел избавиться от принципиального зама. Перед новым годом, с согласия директора, Александр Иванович развёз по домам наиболее низкооплачиваемым работникам валяющиеся во дворе торфяные брикеты. Директор В. Кучарик отказался от данного им разрешения, сам позвонил в ОБХСС. Первый состав суда распался. Прокурор, фронтовик, видя, что дело не стоит выведенного яйца, от обвинения отказался, оба народных заседателя заявили особое мнение. Тогда дело передали на рассмотрение другому составу суда. Судья П. Вархоева объявила приговор: три года лишения свободы. На такой срок далеко не отправляли, но Маринеско почему-то отправили на Колыму. Так Александр Иванович оказался расхитителем социалистической государственной собственности.

В порту Ванино А. И. Маринеско был бригадиром на погрузочных работах. Начальство ценило его за то, что как бывший торговый моряк он умел быстро и грамотно распределять грузы по трюмам, а бригада грузчиков из 25 человек, которыми он руководил, оберегала его, с уважением называла «наш капитан». Затем его выпросил у начальства директор местного рыбного завода – ему нужен был дельный заместитель. Фактически с этого времени он был на вольном положении. Никаких отклонений от режима, тем более выпивок он не допускал. Был собран и держал себя, как говорил позже, в струне. За хорошую работу и систематическое перевыполнение плана 10 октября А. И. Маринеско был освобождён досрочно. О возвращении в Ленинград Александр Иванович рассказывал с добродушной усмешкой: «До Москвы меня везли почему-то под конвоем. В Москве выдали паспорт. Я приоделся и махнул в Ленинград. Освоился, через некоторое время поехал в институт. Кучарика я уже не застал и хорошо, что не застал, встреча могла кончиться плохо для нас обоих. В райкоме мне предлагала руководящую работу, но я попросился на завод». На заводе «Мезон» Александр Иванович работал диспетчером, старшим диспетчером, а затем в отделе промышленного снабжения. У начальников цехов, инженеров он пользовался большим уважением. Природная скромность, внешняя опрятность, безотказность – эти ярко выраженные качества всегда вызывали к нему доброе, почтительное отношение окружающих его людей. Он никогда, ни на суде, ни на Колыме в порту Ванино, ни после освобождения, работая на заводе, не говорил о своих боевых походах, тем более о том, что был командиром подводной лодки. Однажды, когда увидели его с орденом Ленина и попросили рассказать, за что он его получил, улыбаясь, ответил: «А нечего рассказывать. Была война, тогда многие получали...» Работа на заводе нравилась Александру Ивановичу, но до элементарного бытового благополучия было очень далеко. Не было отдельной комнаты, не говоря уж об отдельной квартире. Ему не была назначена военная пенсия, плюс ко всему периодически напоминала о себе прежняя болезнь. Военно-морское начальство не вспоминало о нём и не интересовалось его судьбой, кроме одного – Исакова Ивана Степановича. Адмирал флота СССР, Герой Советского Союза, член-корреспондент АН СССР, историк, после потопления «Вильгельма Густлова» он собирал все публикации, которые печатались за рубежом о подлодке С-13 и её командире. А также всё, что было написано в приказах и донесениях о боевых действиях А. И. Маринеско.

Общественность ничего не знала ни об «Атаке века», ни об её исполнителе вплоть до 1960 года, пока писатель А. А. Крон не написал об этом в газете и не поведал о судьбе и героических походах А. И. Маринеско.

Общественная реакция, особенно подводников, которые и раньше писали в разные инстанции о несправедливом наказании Маринеско, была для высшей власти неожиданной и резкой. Около двухсот офицеров, среди них 20 адмиралов и генералов, шесть Героев Советского Союза, 45 командиров подводных лодок обратились в ЦК КПСС: «Учитывая исключительные заслуги А. И. Маринеско перед нашей Родиной, убедительно просим и ходатайствуем о назначении Маринеско персональной пенсии. Нельзя признать правильным, что столь заслуженный командир-подводник оказался в пенсионном обеспечении в неизмеримо худшем положении, чем офицеры, не участвовавшие в войне». В просьбе отказали.

Но многочисленные ходатайства военных и общественных организаций продолжались. В 1960 году был издан приказ министра обороны СССР, который гласил: “Капитана 3-го ранга Маринеско Александра Ивановича, бывшего командира под водной лодки С-13, считать уволенным из кадров Военно-Морского Флота с 20-го ноября 1945 года, по статье 59 пункту “в” – по сокращению штатов”. Он был восстановлен в звании капитана третьего ранга, была назначена пенсия по выслуге лет. В 1961 году завод выделил ему отдельную комнату 10,5 метра по улице Строителей, дом 6, кв. 24. Сейчас, прочитав эти строки об отдельной комнате 10,5 метра, многие лица, обладающие многометровыми коттеджами, могут усмехнуться, но тогда были другие времена и другие люди!

В то время Александр Иванович уже был болен. Большое, искреннее участие в судьбе Маринеско принимал адмирал И. С. Исаков. Он сам инвалид – после ранения во время войны была ампутирована нога, и поэтому хорошо понимал психологическое состояние другого больного человека. После сообщения А. А. Крона о болезни Александра Ивановича, он написал письмо министру обороны с просьбой о пенсии для Маринеско. Он высылает Маринеско лекарства, книги и зарубежные материалы, в которых говорится о потоплении “Вильгельма Густлова”, высылает деньги... и просит их принять, не задумываясь...

Интерес к подвигу подводной лодки С-13 и её командиру всё больше и больше захватывает различные слои общества. Он достиг апогея после того, когда телевизионный альманах “Подвиг” посвятил специальную передачу экипажу подлодки С-13. Эту передачу видели миллионы телезрителей от Калининграда до Владивостока, от Магадана до Кушки. Александр Иванович после операции находился дома. Лёжа на кровати, смотрел и слушал рассказ о своей команде и о себе. Он был счастлив в эти минуты и, безусловно, рад заслуженной, но запоздалой славе.

После этой передачи со всех концов страны в маленькую комнату, расположенную в квартире №24 в доме №6 по улице Строителей, пошли сотни писем от людей самых разных профессий и разных возрастов, от школьников до пенсионеров. В письмах простые советские люди выражали восхищение и гордость за проявленное командиром подлодки мужество, высказывали пожелания скорейшего выздоровления и долгих лет жизни. Кроме пожеланий, были конкретные предложения: “Приезжайте к нам, мы Вас выходим...”.

25 ноября 1963 года Александр Иванович Маринеско умер... Не стало знаменитого подводника №1, командира подводной лодки С-13, автора на весь мир прогремевшей “Атаки века”, но в памяти людей осталась его слава... Люди по-прежнему писали, просили, требовали по достоинству оценить подвиг героя.

За годы Великой Отечественной войны моряки Балтийского Флота потопили 320 транспортных судов, 280 боевых и вспомогательных судов, из этого числа боевых кораблей: 2 линкора, 3 крейсера, 16 эскадренных миноносцев, 18 сторожевых кораблей, 16 подводных лодок, 59 тральщиков, 41 десантно-артиллерийское судно. Повреждено 106 транспортов и 272 боевых корабля и вспомогательных судна противника. Но самая главная победа моряков надводных и подводных кораблей Балтийского Флота была в том, что они не позволили прорваться немецким военно-морским силам со стороны Финского залива в осаждённый Ленинград. Более 100 тысяч балтийских моряков были награждены высокими государственными наградами. 137 балтийцев были удостоены звания Героя Советского Союза. В этот список героев по справедливости вписано имя знаменитого на весь мир подводника №1 – Героя Советского Союза Александра Ивановича Маринеско.

ВИКТОР СЕНЧА

ПОЗЫВНОЙ “МАРГАРИТКА”

Лётчик без неба не может. Потому что по-настоящему он бывает счастлив, только взмыв в бездонную синеву.

И. Леонов

Чем дальше от нас война, тем чувствительнее боль. Сильная, острая, почти неотступная. А ещё говорят, что время лечит. Может, и так, только однозначно *не излечивает*. Муки памяти неизлечимы. Именно память заставляет не только вспоминать, но и помнить, передавая пережитое от поколения поколению. Она – некий генетический код, позволяющий, опираясь на опыт предыдущих событий, избежать новых ошибок. А ещё – чтить героику ушедшего времени.

И самым надёжным звеном, таким мостиком между прошлым и будущим являются ветераны. Только из их уст можно узнать *истинную правду*. Ту, что позволяет отделить “зёрна от плевел”, увидеть “картинку” без всяких прикрас. Правда всегда одна. Тяжёлая ли, “неудобная” или страшная. Она бывает разная, но всегда лучше лжи. Потому что живуча. Рано или поздно сквозь позолоту сладкой лжи проступают беспристрастные пятна правдивых откровений, имя которым – рассказы ветеранов. Они-то и есть моменты истины, рождённые внезапным всплеском эмоций, желанием высказаться.

За одним из таких откровений я и отправился в город русских оружейников – Тулу. Поехать туда меня заставило желание познакомиться. Хотелось воочию увидеть того, кто в годы войны защищал родное небо под позывным “Маргаритка”. А ещё – поклониться ветерану опять же за небо – *мирное небо* над головой.

...Четвёрка “фоккеров”, в клочья разорвав пурпур закатного облака, с ходу кинулась в атаку. Ещё минуту назад небо было спокойным; где-то внизу догорал сбитый незадолго до этого “фокке-вульф-190”, нашедший свою смерть в глазнице одной из пушек юркого “лавочкина”. Позже он не раз будет вспоминать этот поединок, ставший для лейтенанта Леонова не “одним из”, а именно *тем боем*. Несколько минут, перевернувшие всю жизнь.

С парой “фокке-вульфов” столкнулись на выходе из квадрата “тридцать пять”, откуда, отфотографировавшись, уже взяли курс на базу. В этот раз Леонов шёл ведомым у командира эскадрильи, старшего лейтенанта Шестака. Настроение у обоих было отличное: аэрофотосъёмку провели без сучка и задоринки. Для Ивана этот вылет сегодня – шестой. Но он этого почти не замечал – *счастливые часов не наблюдают*. Сердце молоденького пилота заставляли биться чаще две лейтенантские звёздочки, полученные буквально несколько

дней назад. Ещё месяц-другой – и он, как и Владик Шестак, станет старле-ем. Кровь из носу, но будет комэском! Уже одно то, что лётчику не раз дове-ряли быть в небе командиром разведзвена, говорило о многом.

Тех первых “фоккеров”, мелькнувших сбоку, можно было и не беспоко-ить. От разведчиков в штабе с нетерпением ждали результатов фотосъёмки: где-то там, между Орлом и Понырями, отмечалось скопление вражеских эше-лонов. Главное – доставить фотоматериалы, а “фоккеры” – постольку по-скольку... Однако комэск и ведомый думали иначе. Для них фашист в родном небе – хуже красной тряпки для быка. Почти одновременно бросились в ата-ку на растерявшихся фрицев. Пушка Леонова оказалась точнее: несколько мгновений – и один из стервятников, загудев, устремился к земле. В небе ос-тались лишь клубы едкого чёрного дыма. Доигрался, милоч! Дай срок – ско-ро ни одного не останется!

Леонов взял штурвал на себя, ушёл вверх и в сторону. Напарника нигде не было. Не хватало ещё потеряться. А вот этого допустить никак нельзя – ве-домый обязан следовать за командиром; в противном случае подвергаются опасности оба. Он повернул голову в сторону и... увидел ещё одно звено “фоккеров”.

Вражеские истребители действовали нагло, словно отработывали манёвр во время тренировочного полёта. Ловко взяв русского в “клещи”, стали по-очерёдно поливать свинцом. Не спеша, прицельно, с пристрелочкой. Куда денется – ведь, по сути, смертник... Мысленно ругая себя за то, что так глу-по подставился, Леонов изо всех сил пытался сопротивляться. Он кидал ис-требитель то в одну сторону, то в другую, пытаясь вырваться из западни. Но фрицы своё дело знали, самолёт сотрясался от ударов вражеских пуль. И всё же “ястребок” держался.

Внезапно лётчик почувствовал запах гари. Самый страшный из всех, ка-ких бояться пилоты. Гарь – это запах беды. Достали-таки... Бросил самолёт влево, чуть вверх и вправо, снова влево... “Фоккеры” напирали. Наваливать-ся сворой на одного – излюбленная тактика фрицев – не любят рисковать. Зато под сурдинку расстрелять “одиночку” – нет лучше забавы... Леонов по-нимал, что шансов выжить мало, однако продолжал отстреливаться и манев-рировать. Пока жив – просто так сбить себя не даст! Если б не эта гарь и... плечо. Что-то с плечом, вернее – с левой рукой. Она, вдруг сделавшись чу-жой, безжизненной плетью сползла с сектора газа. От плеча до кончиков паль-цев куда-то всё пропало. Вместо руки... некая пустота. Левый бок сделался мокрым и липким. Видимо, всё-таки ранили, мелькнула мысль. Отлетался...

Есть в экипировке лётчиков одна вещь, которую они сильно недолюблива-ют. Вернее – *любят, ненавидя*. Это парашют. Шёлк и стропы для пилота – знак беды. То, к чему приходится прибегать в случае крайней опасности. Если, ко-нечно, успеешь и достанет сил. Отсюда такая странная любовь сквозь слёзы.

Фрицы напирали, расстреливая советский истребитель в упор. Из-за по-тери управления влево самолёт постепенно входил в “спираль”: хочешь – не хочешь, выход один – прыгать!

Леонов решил на самое опасное. Если при резком сбросе газа приот-крыть козырёк кабины, произойдёт следующее: самолёт, “клюнув” носом, на-клонится вперёд, что даст возможность потоку воздуха швырнуть плексиглас назад. Вслед за ним выпрыгнет и сам. Тактика, выработанная ценой сотен жизней. В глазах начинало темнеть – сказывалась потеря крови, – но голова работала чётко. Быстро открыл козырёк кабины, впустив струю прохладного воздуха. На секунду стало легче. Но только на секунду. Пламя от горящего мо-тора из-под приборной доски устремилось через кабину наружу. Задымилась перчатки, огонь лизнул щёки. Запахло палёным. Случилось самое страшное: лётчик начал загореть заживо...

Впоях забыл отстегнуть шлемофон. Схватил рукой кольцо парашюта, потом правой ногой сильно оттолкнул штурвал и... потерял сознание.

Разбудить способен не только громкий крик или сильный шум – проснуть-ся можно и от шёпота. Или... от тишины. Лейтенант Леонов стал различать рёв моторов круживших над ним “фоккеров”. Левая рука беспомощно болталась; весь бок был залит кровью, с неживой кисти часто капало... С головой тоже творилось что-то неладное. Немного мутило. То ли от потери крови, то ли...

Ну да, теперь всё ясно: после того как истребитель “клюнул”, его выбро-сило из кабины вслед за плексигласовым колпаком, предварительно ударив

головой о стабилизатор. Всё из-за того, что забыл отстегнуть шлемофон. И как результат — сотрясение мозга. Потому-то ничего не помнит: ни как вываливался из кабины; ни как распускался, извиваясь, парашют; и уж тем более не видел, куда занесло разваливающийся горящий самолёт... Попробовал крутануть головой, но в левом плече так резануло болью, что вырвался стон.

До земли оставалось не больше тысячи метров, когда вновь напомнили о себе “фоккеры”. После войны все эти “герои” — хартманны, ралли и рудорфферы — будут уверять доверчивых дамочек, что воевали, соблюдая негласный рыцарский кодекс чести, и что сбитых ими русских пилотов не расстреливали. Врали, расстреливали! И добивали раненых на земле. Из всех пулемётов. Как говорится, каков вождь — таково и племя. Даже добывая, гитлеровцы сбивались в стаю, чтоб каждый потом мог увеличить свой личный счёт сбитых им самолётов.

По истекшему кровью сбитому русскому били из всего, что у них имелось. Вскоре на куполе зазияли дыры — одна, вторая, третья... Каждая такая дырочка существенно ускоряла скорость приземления, и без того немалую... От резкой боли в ноге едва вновь не потерял сознание. В сапоге стало влажно. Неужели задели? Как теперь приземляться?

По всему выходило, “фрицы” решили добить пилота в воздухе. Откуда-то сбоку усилился гул “фоккера”: сблизившись, немец задумал пройтись крылом по стропам. В натянутом состоянии стропы очень хрупки, не крепче струн. Резкий удар — и лопнут, как на гитаре. Первая попытка закончилась промахом — самолёт ушёл на несколько метров выше. Да и со второй, похоже, у фрица вышел конфуз. Хотя... Несколько строп бессильно повисли лапшой. Может, перебило пулями? Но думать о чём-то уже не было ни сил, ни времени...

— “Маргаритка”, приём! — неслось в опустевшем эфире. — Ответь, “Маргаритка”!..

* * *

... Хозяин встретил меня с гармонью в руках. Вернее — в руке, правой. Пустой левый рукав по привычке был заправлен под ремень. Он уже давно научился обходиться одной правой. Подумаешь, гармонь, если этой же правой заставил подчиниться штурвал самолёта. И не только. Опять же одной правой научился бить врага. Потом ею же колол дрова, сажал деревья и качал детей. Когда у человека душа, что небесная синь, любовь к жизни способна победить и не такое...

В лётчики он пошёл почти случайно. Но кто из мальчишек не мечтает о небе?! Бредил высотой и юный Ваня Леонов, ученик брянского ФЗУ. И однажды оказался в аэроклубе Осоавиахима. Хотя всё едва не закончилось, так и не начавшись: юнца чуть не скосили эскулапы медицинской комиссии. Из-за маленького роста фэзэушник не подходил для настоящего “летуна”. Пришлось упрашивать долговязого товарища, который и предстал перед докторами вместо Вани.

Всю зиму курсанты изучали теорию, но как только зазеленела трава, начались первые полёты. Поначалу, конечно, с инструктором. Самолёт У-2 — учебный, поликарповский, довольно простенький. Словом, не невесть какой, но всё же самолёт. Ведь при желании можно разбиться, грохнувшись с табуретки. Небо — великий волшебник: кто познал его чарующую тайну, останется заколдованным навсегда. Первый полёт изменил жизнь: отныне Иван Леонов не представлял себя без неба.

Один из ноябрьских дней Леонов запомнит навсегда: ему доверят подняться в воздух самостоятельно.

“... Я попросил разрешения на взлёт поднятием правой руки вверх, — вспоминал Леонов. — Стартёр бойко дал отмашку, я стал плавно увеличивать обороты двигателя, одновременно отдавая ручку “от себя”. Самолёт пошёл на разбег, хвост поднялся до горизонта, плавно взял ручку “на себя”.

Земля внизу покачнулась, побежала назад. Самолёт всё легче подбрасывает на неровностях зелёного поля. Впереди — синяя линия горизонта, выше которой — прозрачное небо. На штурвале — только моя рука, инструктор на земле, самолёт скользит по воздуху... Немного выдерживаю машину без

набора высоты, набирая нужную скорость, затем плавно перевожу на подъём, и самолёт заметно удаляется от земли. Душа поёт, хочется кричать: “Лечу! Лечу!” Но голос мой никто не слышит...”

Небо приняло в свои объятия русского парня Ивана Леонова. Дело осталось за малым — не подкачать...

В феврале 1941 года весь выпуск брянского аэроклуба был направлен на учёбу в Армавир, где располагалась истребительная школа пилотов. Именно там формировались легендарные “соколы”...

* * *

Война застала Леонова под станицей Семёновской, в летних лагерях.

Из книги “Назван человеком из легенды”: “Был прекрасный воскресный день, все курсанты отдышали, некоторые приволили своё обмундирование в порядок. Я расположился около душевой, усердно натирая щёткой хлопчатобумажную ткань, удаляя тем самым жировые пятна с её поверхности. Вдруг чей-то неистовый крик прорезал тишину лагеря: “Война! Началась война!” ... Моё сердце как-то тревожно забилося, инстинктивно почувствовав что-то страшное и неприятное. Первое время я даже не знал, как себя вести в таких случаях, ведь с войной я столкнулся впервые... Дело это сложное, особенно если ты молодой воин: будешь весел — могут заподозрить в нехорошем, а будешь грустным — подумают, что ты испугался”.

В конце июля курсант Леонов совершил последний полёт на учебном самолёте УТИ-4 и вместе с остальными сослуживцами был отправлен в боевой полк. Каково же было удивление молодых лётчиков, когда выяснилось, что воевать придётся... в Монголии.

А страна обливалась кровью. Несмотря на то, что ценой сотен тысяч жизней советских людей гитлеровский план “Барбаросса” потерпел крах, враг упорно рвался к Москве и “колыбели революции” — Ленинграду. По сути, на Советский Союз навалилась вся Европа. Это потом, после мая 1945-го, все в один голос заговорят, как они самозабвенно боролись с фашизмом. Но приходится признать: кричали все, а вот боролись единицы. Остальные же валялись в ногах германских нацистов и, подобострастно виляя позвоночником, были счастливы выслужиться перед фюрером. И так продолжалось до тех пор, пока доблестная Красная армия сначала не щёлкнула коричневую гадину по носу под Москвой, а потом, пнув под зад на Курской дуге, не погнала в собственное логово. За давностью лет многое забыто, но только не это. Войну мы помним и чтим...

Из дневника начальника Генерального штаба вермахта генерала Гальдера: “Потери в Польше — 16,5 тыс., во Франции — 23 тыс., к 30 июля 1941 года на советском фронте — 320 тыс., или 10% всего личного состава, к 13 ноября 1941 года 700 тыс., или 20%”.

Ещё одно воспоминание — на сей раз гитлеровского генерала фон Клейста: “Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением поляков и западных союзников при поражении. Даже в окружении русские продолжали упорные бои. Там, где дорог не было, русские в большинстве случаев оставались недосягаемыми. Они всегда пытались прорваться на восток...”

Очень быстро фрицы (именно так гитлеровских солдат прозвали наши солдаты) поняли, что заглотили кусок, который вряд ли смогут проглотить.

Из доклада германского командования группы армий “Юг”: “... Силы, которые нам противостоят, являются, по большей части, решительной массой, которая в упорстве ведения войны представляет собой нечто совершенно новое по сравнению с нашими бывшими противниками. Мы вынуждены признать, что Красная армия является очень серьёзным противником...”

Да, были ещё поставки по ленд-лизу, за которые, к слову, Советский Союз платил звонкой монетой — тоннами чистого золота самой высокой пробы. Помощь союзников была особенной — в соответствии с англо-саксонским характером, то есть с элементом откровенного мухлеза. А если назвать вещи своими именами, то союзнички делали следующее: а) стремились как можно больше обогатиться за счёт войны и б) не дать “дядюшке Джо” (то есть Сталину) стать сильнее, чем “дядюшка Сэм”. Принципы, которым следовали

Соединённые Штаты и их западные друзья-приятели как в Первую, так и во Вторую мировую войну.

Взять хотя бы танки. Все “стюарты”, “шерманы” и “гранты”, посылаемые на театр военных действий, были исключительно лёгкими и средними. И в этом была загвоздка. Начиная с 1942 года, стратегия успеха Красной армии во многом определялась результатами танковых сражений. Роль союзных танков в этих сражениях была сведена на нет. Требовались **тяжёлые танки**. Именно их и выпускала отечественная промышленность. От союзников же поступил всего *один (!)* тяжёлый танк М-26 (“Першинг”), который занял достойное место... в музее подмосковной Кубинки.

Теперь о самолётах. Их тоже поставляли. Как и танки – в ограниченном количестве и лишь с середины войны, когда стало окончательно ясно, чем всё закончится. В основном, истребители – американские “аэрокобры” и “кингкобры”; а ещё английские “спитфайеры”. Зато с поставками бомбардировщиков, в которых так нуждалась Красная армия, дело не ладилось. Мало того, “друзья” наотрез отказались поставлять новые стратегические бомбардировщики Б-17, Б-24 и Б-29.

Как видим, надеяться на “заокеанского дядюшку” не приходилось. Впрочем, русские не привыкли надеяться на какого-то, кроме как на себя.

Иван Леонов вместе с товарищами день и ночь готовился к войне. Тем более что она уже шла.

Лётчиков готовили основательно. Времени не было, враг уже не первый месяц топтал родную землю. Летали не только днём, но и ночью. И это для новичков было в новинку. Но, скрипя зубами, пилоты желали только одного: как можно быстрее оказаться на фронте. Там, где в русском небе гудели фашистские стервятники.

А время шло. Дни, недели, месяцы...

– Именно там, в Монголии, я сбил свой первый самолёт, – рассказывает Иван Антонович.

– В Монголии?! – удивляюсь я. – А где там немцы-то? До линии фронта – ого-го...

– А про японцев забыли? Те ещё были стервятники. На Забайкальский фронт нас перевезли из Армавира. Помню, прибыли в солдатских шинелях, даже без сапог – в обмотках. Зелёные были, рвались на фронт. Воробьи! У самих налёту – не более десяти часов. Потом перекинули в Монголию. Начинать служить в первой эскадрилье пятьдесят шестого истребительного полка. Месяца два почти ничем не занимались, поднялись в воздух уже с наступлением зимы. Всё изменилось после приезда к нам командующего ВВС фронта полковника Изотова. Построил нас на плацу, взглянул и... распустил. Потом пригласил отцов-командиров и приказал из “партизан” сделать бойцов Красной армии. Вскоре в полку появились самолёты И-16, так называемые “ишачки”, а также сто пятьдесят третьи – “чайки”. Настоящая подготовка началась, когда меня перевели в двадцать второй истребительный полк, расквартированный в Томцак-Булаке. К весне уже вовсю летали. Много занимались – стреляли по щитам, имитировали воздушные бои. Был использован японский опыт: несмотря на то что стреляли холостыми патронами, в обойме из десяти патронов находился один боевой. Так что ухо держали востро – понимали, что всё очень серьёзно. И вот однажды я сбил японский самолёт...

– А что там было нужно японцам?

– Их основной задачей являлась разведка. Мы контролировали Монголию, а они имели виды и на Монголию с Маньчжурией, и на советский Дальний Восток. Поэтому над расположением наших частей стали появляться японские самолёты-разведчики. Летали высоко, не ниже пяти тысяч метров, зенитками не достать. Проводили аэрофотосъёмку. У нас же в то время имела одна секретная новинка – так называемые “аэродромы подскока”. Создавались специальные тоннели на длину взлётной полосы, накрытые сверху либо маскировочными сетями, либо щитами. Именно там в полной боевой готовности стояли истребители, способные взлететь наперехват. Ждали команды. Смысл затеи: самолёты могли осуществить быстрый взлёт. И вот однажды я и мои товарищи – Самтохин и Шестак – находились на дежурстве. Перед нами стояла задача – не допустить на территорию японских разведчиков, а при их появлении – уничтожить. Вдруг видим – неприятельский самолёт. “Мицубиси-00”, их ещё называли “зеро”. Хорошая машина – очень маневренная,

с мощным двигателем. Хотя по скорости наши “чайки” не уступали. Взлетели всем звеном. В запале я на японца истратил весь боезапас. Потом гляжу – задымил и, гудя, поплёлся к земле. За него получил свою первую награду – медаль “За отвагу”. Правда, вручили её мне уже на Курской дуге. К слову, Ваня Шестак за тот же самолёт получил орден Красной Звезды.

* * *

В декабре 1942 года полк, в котором служил Леонов, был переведён в Горьковскую область, в Арзамас. Именно здесь формировались истребительные полки, направляемые на фронт. Лётчики уже освоили “ишачки” и “чайки”; теперь им предстояло изучить новую машину – Як-7.

Об этом истребителе Леонов отзывался так: **“Разница в пилотировании самолёта И-16 и Як-7 огромна. Поведение самолёта И-16 в воздухе можно приравнять к маневренной ласточке, а поведение истребителя, для освоения которого мы совершали полёты на учебном самолёте Як-7, – к вороне”**.

Тем не менее, и на “вороне” пилота Леонова заметили. Вскоре как одного из лучших лётчиков его перевели в отряд перегонщиков самолётов с местного авиазавода в маршевые полки. К тому времени в советских ВВС появились отличные истребители – ЛаГГ-3 и Ла-5. Пилоты перегоняли самолёты из горьковской области, где собирали ЛаГГ-3, в Подмоскowie. В один из дней, находясь на подмосковном аэродроме, Иван Леонов совершил свой первый подвиг.

Всё было как всегда. Новенькие ЛаГГ-3 перегоняли в 16-й истребительный авиационный полк ПВО Москвы. Внезапно во время полёта Леонов сначала почувствовал непривычную тряску, потом услышал посторонний шум в моторе, какие-то перебои. В сердце красавца “лавочкина”, догадался он, имелись явные неполадки. В какой-то момент стало не по себе – такое случилось впервые. Попробовал снизить обороты – тряска и шум пропали; увеличил – вновь появились. Что-то, видать, с нагнетателем, промелькнула мысль...

– В тот день я очень осерчал, – вспоминает Иван Антонович. – Мне показалось, что к самолёту никто не прикасался, и в мотор даже не заглядывали. Решил испытать сам. Поэтому и взлетел. Четыре, пять тысяч метров... Мотор работал ровно, чистенько. Молодец, не подвёл. Доложил на землю: так, мол, и так – всё нормально, прошу разрешение на посадку. Сел. И не успел снять шлем, как слышу: “В воздухе немецкий самолёт-разведчик! Приказ: атаковать и сбить!” Хорошенькое дельце – атаковать и сбить! Да я ещё в небе и немца-то никогда не видел. Но приказ есть приказ. Взлетаю, набираю высоту. Дело в том, что немецкие разведчики летали на высоте не ниже пяти тысяч метров – на высоте, которую наши ЛаГГи брали запросто. Вижу: восемьдесят восьмой “юнкерс”. Беру выше, начинаю готовиться к атаке. Понимаю, что противник серьёзный: четыре крупнокалиберных пулемёта, экипаж из нескольких человек. Но и у меня кое-что имеется, например, мощная пушка “ШВАК”. Иду снизу в атаку. Нахожу фрица в прицеле, жму на гашетку. По неопытности увлёкся и... шоркнул немца крылом. Потом на крыле моей машины механик обнаружит содранную краску с “юнкерса”. Ухожу в сторону. Делаю круг... Смотрю: фашист как летел, так и летит. Атакую с другой стороны, бью из всего, что есть. Уходя, краем глаза увидел парашютный купол – один, потом второй. Только тогда понял: в тот день фортуна оказалась на моей стороне. Дымящийся немецкий самолёт упал где-то за Москва-рекой... Заруливаю на стоянку. Как встретят – не знаю. А на земле уже все ликуют! Ближе к полудню выстраивают полк, перед личным составом выходит заместитель командующего 1-й Воздушной армией Андрей Борисович Юмашев. Тот самый легендарный Юмашев, который летом 1937 года вместе с Грозовым и Данилиным на АНТ-25 совершил мировой рекорд дальности полёта по прямой по маршруту Москва – Северный полюс – Сан-Джасинто. Красавец-мужчина, на груди которого сиял орден Красного Знамени. Выступив перед лётчиками с краткой речью, Юмашев подошёл ко мне:

– Ну что, герой! Этот орден я заработал в небе Испании. Теперь он – твой! Молодец, Леонов! – И, сняв орден со своей лётной куртки, прикрепил его мне на грудь...

... Как его тогда вытаскивали из болота — помнил с трудом. Сильно мутило, хотелось пить. Сознание то покидало, то опять возвращалось. На телеге, куда тяжелораненого положили подбежавшие солдаты-санитары, лежали ещё двое. Потом куда-то везли. Как показалось, долго. Каждая яма и кочка отдавались сильной болью во всём теле. Иван начал стонать, удивляясь спокойствию тех, кто лежал рядом. (Позже узнал, что вместе с ним везли убитых.) Уже на подъезде к медсанбату услышал над головой залпы “катюш”: в сторону противника летели тонны раскалённого металла.

— Свои... — И потерял сознание.

... Елецкий госпиталь разместился в одной из местных школ. Впрочем, Леонову сейчас было всё равно. Его жизнь буквально висела на волоске. Состояние раненого, по вердикту врачей, было тяжёлым. За каких-то несколько дней его здесь прооперировали трижды. После многочисленных наркозов Иван чувствовал себя откровенно, поэтому мысленно прощался с жизнью.

Всё то время, пока раненого лётчика спасали в госпитале, рядом с ним находилась одна женщина. Поначалу он её вроде как и не заметил. Но только поначалу. А потом быстро понял: именно эта хрупкая женщина, работавшая в госпитале буфетчицей-хлеборезкой, и выходила его после всех операций. То принесёт оздоровительный бульончик, то какой-нибудь сироп, то настоящий на травах чай или домашнее варенье. Звали спасительницу Полина Потаповна Голышкина. На всю жизнь запомнит Ваня Леонов ту, которая заменила ему в госпитале родную мать.

Когда за ним прилетел самолёт (Леонова переводили в один из подмосковных госпиталей), лётчик, прощаясь, решил как-то отблагодарить женщину.

— Спасибо за всё, дорогая Полина Потаповна, — сказал он, обняв женщину. — Выходили меня. Даже не знаю, чтобы делал без вас... Может, и не выкарабкался бы.

— Эх, Ваня, — вздохнула та. — У меня ведь такой же сын, как ты. Твоих лет, тоже лётчик. Вдруг и он окажется в госпитале, глядишь, и за ним кто-то будет ухаживать. Война ведь...

— Вот, возьмите, — протянул он “спасительнице” пачку ассигнаций. — Мне они ни к чему, у меня же лётный паёк, а вот вам деньги пригодятся. Ещё раз — спасибо, спасибо за всё!

— Что ты! — замахала руками Полина Потаповна. — Разве я тебя ради денег выхаживала?!

И то правда... Иван смутился. Пока он лежал в госпитале, у него скопились “немалые деньжищи”, в том числе так называемые “лётные”. Несколько тысяч рублей — целое состояние для холостяка! Но куда они ему? Вот и хотел отблагодарить прекрасного человека. Только быстро понял: благодарность благодарности рознь. Иногда доброе слово ценнее любых денег...

А потом был полёт...

В последнее время Леонову как-то особенно везло на хороших людей. Причём без какого-либо труда с его стороны — хорошие люди, как ни странно, находили его сами.

Госпиталь, в котором на этот раз оказался лётчик, разместился в одном из корпусов Тимирязевской сельхозакадемии. И вновь палата для тяжелораненых. Дня через три-четыре в палату вошли супруги Круковские — преподаватель академии Анатолий Иванович Круковский и его супруга Мария Сергеевна. Обаятельные люди, в семье которых не так давно произошла трагедия: чета потеряла сына-подростка. И вот теперь супруги помогали выхаживать раненых.

Между тем состояние здоровья Леонова оставляло желать лучшего: по всему выходило, начиналась гангрена. Высокая температура, лихорадка — всё это не предвещало ничего хорошего. Госпиталь есть госпиталь. Вместе с рукой Леонов лишился и левой лопатки. Всё тело изрыли осколки. И вновь одна операция за другой: врачи не могли оставить без внимания засевшие в теле куски металла. Подключив все свои связи, супруги Круковские добились перевода Леонова в подмосковный авиационный госпиталь. Главное — остался жив...

В авиационном госпитале произошёл не менее интересный случай. Месяца через два после поступления туда Леонова на соседнюю койку привезли тяжелораненого лётчика. Звали пилота Костя Голышкин. У парня оказалось серьёзное ранение в позвоночник. При спуске с парашютом в него выстрелил автоматчик — и не промахнулся. Трагизм ситуации заключался в том, что, во-

первых, стрелок оказался своим (открыл огонь, приняв парашютиста за фрица); и, во-вторых, одна из пуль задела спинной мозг. У бедолаги оказались парализованными ноги. Кроме того, он испытывал сильнейшие боли. Чтобы не кричать по ночам и не мешать отдыхать раненым товарищам, Костя перед сном просил ребят покрепче скручивать полотенце, чтобы потом его закусывать зубами. Так со слезами на глазах и мучился ночи напролёт. Помочь чем-либо парню не было никакой возможности, разве что поправить подушку или принести воды...

Однажды Ивану доставили из Ельца посылку. Как выяснилось, от Голышкиной Полины Потаповны. В ответ он решил написать женщине благодарственное письмо. Сочинил быстро; на треугольнике начеркал адрес: г. Елец Орловской области, ул. Комсомольская, Голышкиной Полине Потаповне. Готовое письмо положил на тумбочку и стал ждать “почту” – молоденькую девчонку-библиотекаршу, которая ведала всеми письмами.

И вдруг через какое-то время услышал крик Кости с соседней койки:

– Зачем ты матери моей написал?! Она ничего не должна знать о моём ранении, слышишь, ничего!

Иван непонимающе моргал глазами. А когда понял – всё рассказал: и как умирал в госпитале, и как его там выходила добросердечная женщина... Оказывается, мир очень тесен: Полина Потаповна оказалась матерью Кости.

– Так мы же теперь – братья! – крикнул Костя.

– Конечно! Братья!!!

И лётчики обнялись...

* * *

Когда на фронте гибнет человек – в отношении него всё понятно: смерть лишает тревог, забот и бессонницы. Даже тело – и оно принадлежит другим: бойцам похоронной команды. Другое дело – тяжелораненый. Для такой жизнь (порой – не только фронтовая) в мгновение ока разделяется на две половинки – **до ранения** и **после**. Когда раненого отправляют домой – это одно: хочешь – не хочешь, нужно привыкать к новой жизни без войны. (Хорошо, если ходишь на своих двоих.) А вот при возвращении в строй – тут свои проблемы. Был, скажем, лучшим разведчиком, а из госпиталя росчерком пера – прямехонько в кухонные подсобники. Или когда лётчика-истребителя отправляют каким-нибудь наземным корректировщиком целей.

Нечто подобное случилось и с Леоновым. Выкарабкался и, в результате, – начальник станции наведения. Обидно до слёз! Лучше б погибнуть в бою... С другой стороны, ещё как посмотреть, успокаивал он себя. Ведь могли вообще комиссовать. Выходит, не зря строчил рапорты, прося оставить в авиации. Оставили. Только что толку! Какая же это “авиация”, если ползать по земле?! Нет уж, не на того напали! Он обязательно будет летать! Дай срок...

Но при всём неодолимом желании Леонова вырваться в небо имелось одно существенное “но”: у него не было руки! Можно сколько угодно мечтать, рассуждать, обивать пороги, но руку никак не вернёшь. Однорукий лётчик – это что-то из области фантастики. Если хотите – страшного кошмара: и сам погибнет, и людей угробит. Аксиома. Что такое аксиома, Леонов знал, не зря с детства любил технику и математику. И прекрасно понимал, что летать без руки ему никто не разрешит. Впрочем, понимал и другое: без авиации для него нет жизни. Следовательно, нужно не мечтать, а действовать!

И он стал изобретать... новую руку. Хотя то, что родилось в его отчаянной голове, вряд ли можно было назвать “рукой”. Однако был уверен: это единственный шанс подняться в небо.

Но для начала следовало добиться перевода в лётную часть – туда, где самолёты, лётчики и ежедневные полёты. Как ни крути, без разрешения командующего армией никто шагу сделать не даст. В ту пору командующим 1-й Воздушной армией был легендарный Михаил Михайлович Громов. Тот самый “чемпион”, установивший мировой рекорд дальности полёта по прямой. За глаза генерала Громова подчинённые звали почти ласково – Михал Михалычем. Просто потому, что сильно уважали. Другое дело, что попасть на приём к командующему было не так-то просто – субординацию никто не отменял. Леонов ничуть не сомневался: прими его Громов, уж он сумел бы доказать

генералу необходимость в небе себе подобных. Пусть даже если будет летать не на истребителе, а на каком-нибудь фанерном самолётике рангом ниже – том же “поликарпове”...

На всякий случай, подстраховался – передал начальнику штаба Воздушной армии Пронину письмо от родной сестры того с просьбой помочь искалеченному лётчику. Но вышло так, что в присутствии Пронина Леонова принял сам Громов.

Из воспоминаний Ивана Леонова:

“Кабинет у командующего воздушной армии размещался в огромной горнице, где когда-то сельские парни и девчата отплясывали смоленского “гусачка”. Вся обстановка кабинета состояла из длинного стола и ободранных стульев. На стене висела огромная карта района, на которой жирной линией был отмечен фронт. На другой стене висела карта Советского Союза, флажками командующий отмечал наступление наших войск на всех фронтах. Сам командующий показался мне непомерно высокого роста. Одет он был не по форме: на нём была лёгкая лётная куртка с замком “молния”. Воинственное лицо было приятным и нестрогим. Я и раньше видел командующего, но так близко, лицом к лицу мы не встречались. Ещё с порога я заметил, что на лице командующего застыла хорошая улыбка, это приободрило меня. Первым вопросом командующего было:

– Значит, летать желаете? Это похвально.

– Очень хочу, товарищ командующий!

– Всё это хорошо, но только непонятно, как вы будете газом управлять на самолёте? Руки-то у вас нет?

– Если будет разрешение, то можно приспособить газ на штурвал, как у мотоцикла, – неуверенно проговорил я.

– Это – мысль! – одобрительно проговорил командующий.

– Михал Михалыч! – послышался голос генерала Пронина. – Не слушайте его бредни, пусть-ка он идёт в штаб, мы ему найдём по душе работу!

Такого удара я никак не ожидал услышать от своего “покровителя”, поэтому я просто опешил от неожиданности.

– Нет, вы просто плохо знаете психологию лётчика, – отвечал Громов. – Настоящий лётчик готов пожертвовать чем угодно, но только не лётной работой, он не перестанет думать о лётной работе, пока живёт на этом свете”.

Разрешение о переводе в лётную часть было получено. Как там у Суворова? “Смелость города берёт?..”

А теперь – вновь о “руке”. Что это должна быть именно “рука”, то есть приспособление, прикрепляемое к самому лётчику, Леонов ничуть не сомневался. Не изменять же конструкцию кабины самолёта под нужды одного лётчика! Тем более что он уже давно всё обдумал. На левое (пустое) плечо – ремень; к ремню – дюралевый протез, конец которого ложился на сектор газа. Лёгкое движение плечом – и полетели! По крайней мере, на “поликарпове” он сможет летать запросто...

По-2 – самолёт-биплан. Он чем-то напоминал “кукурузник”, только был много проще. Во время войны перевозил почту, грузы, людей – всё лежало на этом неприметном тудяге неба. Командир 33-й эскадрильи связи капитан Романов от идеи Леонова посадить его с одной рукой в кабину самолёта только поморщился. Однако о прибытии орденоносца уже был извещён из штаба армии; знал, что тот героически воевал, был тяжело ранен и страстно желал летать. Теперь командира эскадрильи следовало убедить, что с одной рукой летать можно. И Леонов Романова убедил!

Поначалу однорукому пилоту доверяли лишь перевозить почту; но, присмотревшись, пришли к выводу, что Леонов – прекрасный лётчик, и от остальных почти ничем не отличался. Постепенно стали отправлять за линию фронта...

Говоря о том, что полёты на По-2 были скучными и однообразными, Иван Антонович явно лукавил. Фашисты ненавидели эти “небесные тихоходы” – всем было известно, какую важную работу выполняли эти “фанерки”. Поэтому, завидев их в воздухе, безжалостно расстреливали. Выживали лишь счастливицы или мастера-хитрецы. Леонов относился к последним – не зря был лётчиком-истребителем.

Но было ещё одно слабое звено “фанерок” – их малая высота полёта. При меткой стрельбе самолёт мог оказаться жертвой любого автоматчика или

снайпера. Возвращаясь однажды из партизанского отряда, леоновский По-2 был обстрелян с земли вражескими автоматчиками. В результате, самолёт получил многочисленные повреждения, а лётчик – ранение в ногу. Рана оказалась лёгкой – сквозное левой голени, но кровь лилась ручьём, а штурвал не бросишь и жгут не затянешь. В сапоге захлопало; от потери крои закружилась голова. Еле дотянул до линии фронта, приземлился на какой-то площадке в расположении наших войск. А в родной эскадрилье его уже вычеркнули из списков части...

Из воспоминаний Михаила Михайловича Громова:

“На Западном фронте я познакомился ещё с одним удивительным человеком – И. А. Леоновым, грезившим авиацией и просто не мыслящим себя не лётчиком. Паренёк из Орловской области, из небольшой деревушки, затерянной в лесу, совершил во время войны подвиг, равного которому нет в мире. Если страсть и увлечённость присущи человеку с большим характером, он преодолевает все преграды, стоящие на пути к осуществлению его мечты. Именно таков Иван Антонович Леонов”.

... Дело было под Минском. На дворе стояла зима 1944 года. В белорусских лесах в кольце окружения оказалась целая партизанская бригада. А регулярные войска Красной армии, в свою очередь, блокировали крупную немецкую группировку. Работы для лётчиков было много – самолёты доставляли окруженцам продовольствие, оружие, боеприпасы, почту; оттуда вывозили тяжелораненых и больных.

В тот день Иван Леонов доставил в партизанский лагерь груз (в лесу специально для этого был оборудован маленький “аэродромчик”). Там же, на “аэродромчике”, пилот подремонтировал мотор, а ближе к вечеру собрался вылетать обратно. Партизаны приглашали его остаться до утра (куда на ночь-то глядя?), но Леонов был непреклонен: ночевать привык у себя в части.

Взревел мотор – и вот самолёт уже в воздухе. Полёт протекал нормально. Внизу и сбоку показался длинный, в несколько километров, овраг, недалеко от которого синел густой лес. Где-то здесь, предупреждали партизаны, засели попавшие в окружение гитлеровцы. По возможности, советовали местные, лучше бы этот овраг облететь. Облетать – значит, попусту терять время. Да ещё не факт, что там, где окажешься при облёте, тебя не обстреляют немецкие автоматчики. Поэтому решил рискнуть – шёл, не меняя курса. Тут-то и заметил вылетевший откуда-то из-за лесистого пригорка “мессершмитт-110”.

“Сто десятый”, знал Леонов, машина серьёзная. Мало того, что двухмоторный, так ещё и вооружён до зубов. Против такого “монстра” По-2 не просто игрушка – комар! Один щелчок – и нет букашки. Если, конечно, в открытом бою. А вот если хитростью...

С самого начала стало понятно, что перед тем как сбить, гитлеровец решил потешиться. Сначала, пролетая мимо, погрозил русскому кулаком; потом, припугнув, стал прижимать к земле. Выпендривается, надулся Леонов, издаётся фриц... Посмейся, тварь, посмейся... Смеётся тот, кто смеётся последним!..

На выходе из оврага Леонов увидел одиноко стоявшую берёзку, которая при приближении оказалась огромным деревом. Взял курс на неё. В какой-то момент мелькнула мысль: лучше врезаться в дерево, чем быть сбитым врагом! Теперь продолжительность его жизни напрямую определяло расстояние от самолёта до берёзы. Всё ближе и ближе...

Ещё раз оглянулся по сторонам... Никого. “Мессер” таинственным образом куда-то исчез. Что такое? “Фриц” как будто сквозь землю провалился. Впрочем, подобный исход лётчика вполне бы устроил; а если и просто улетел – тоже неплохо... Метров за сто до дерева резко взял штурвал на себя, уйдя в горку... По брюху тревожно забили берёзовые ветки. Вот и ладненько... И только потом, увернув в сторону, вновь увидел “мессер”. Самолёт противника, как оказалось, следовал в хвосте По-2. Это и сгубило фашиста. Увлёкшись лёгкой добычей, стервятник не заметил главной опасности – высокого дерева. И когда маневренный “поликарпов” резко ушёл вверх, для тяжёлого немецкого истребителя не оставалось ничего другого, как “героически погибнуть”, ударившись лоб в лоб... о берёзу!

Позже лётчики смеялись: в родном небе и берёзонька сгодится...

На его счету полсотни боевых вылетов и 7 сбитых самолётов. И всё это – до того, как военный лётчик Леонов станет тем Леоновым, которого назовут **Человеком из легенды**. Потом не будет шлейфа громких побед, сотен налётанных часов, десятков нарисованных “звёздочек” на фюзеляже. Всё окажется обыденнее, скромнее, незаметнее. Но именно это и станет настоящим Подвигом. Взлетать и приземляться с одной рукой – уже подвиг. А если ещё воевать – подвиг в энной степени! Уничтожить “мессер” на По-2 – подвиг; но когда пилот при этом до сектора газа дотягивается дюралевой культяшкой, то это уже не просто подвиг, а нечто за пределами осознания. Имя подвигу – Иван Леонов.

Но было ещё одно. Фронтовик даже не предполагал, что после войны бывшего военного лётчика искала высокая награда – Звезда Героя. “Золотой Звездой” Родина его отблагодарила ещё в середине войны. Но по случайному стечению обстоятельств наградные листы переходили из одного чиновничьего кабинета в другой кабинет, пока не осели в архивах Министерства обороны. Со страшной резолюцией: **“Награда не вручена в связи со смертью”**.

Впервые его посчитали погибшим ещё в сорок третьем, когда в разгар Курской-Орловской операции лётчик 192-го истребительного полка Леонов покинул горящий самолёт на парашюте. Приземлился неудачно – подвернул ногу. Когда через несколько дней вернулся в родную часть, радости товарищей не был предела – ведь его все считали погибшим. Позже Леонова ещё дважды вычёркивали из списков...

...Сегодня Ивану Антоновичу Леонову уже за девяносто. Много это или мало? Смотря как взглянуть. Иной малый и в сорок пять выглядит немощным стариком. Но у фронтовиков жизнь особенная: исстрадавшись в молодости, с годами они только хорошеют. Потому что не просто живут – млеют от каждого прожитого дня. От берёз за окном, от плеска тихой реки, от соловьиной трели и мягкого закатного солнца...

– Иван Антонович ещё кому угодно фору даст, – говорит мне нынешняя супруга Леонова Нина Николаевна. – Он ведь не только на гармонии может играть, но, не поверите, до сих пор автомобиль водит. А уж как скорость любит! Лётчик же...

Побывать в гостях у ветерана не только почётно, но и ответственно. Тут главное – не обидеть хозяина ни словом, ни даже случайным намёком на преклонный возраст. И всё же от предложенного гостеприимными хозяевами чая вежливо отказываюсь – слишком много, на мой взгляд, осталось за рамками нашего разговора. И без того утомил. Чай – потом; и задаю фронтовику очередные вопросы, один за другим. Вижу, что становлюсь неучтывым, но понимаю, что, если не закончу начатое сейчас, через полчаса спрашивать будет просто неприлично.

– Иван Антонович, как и где вы встретили счастливый День Победы?

– Под Кёнигсбергом, – оживился собеседник. – Наш девятисотый Оршанский истребительный полк тогда стоял в городке Растенбурге. Когда узнали о конце войны, что тут началось!.. От радости стреляли в воздух, плакали, обнимались... Не обошлось, конечно, без “ста грамм наркомовских”... Тогда же вспоминали погибших товарищей...

– Кстати, о товарищах. Ваш первый трофей – японский “мицубиси-зеро”, который вы сбили в группе с Самотохиным и Шестаком. Какова дальнейшая судьба этих людей? Им посчастливилось дожить до Победы?

– К сожалению, нет. Погибли оба. Самотохин – во время операции при сопровождении бомбардировщиков Пе-2. А Шестак показал себя настоящим героем: в своём последнем бою сбил сразу шесть немецких бомбардировщиков. Увлёкся, дотянуть до аэродрома не хватило бензина. Пришлось садиться на поле. Колесо попало в яму, в результате чего самолёт сделал двойное сальто. Несмотря на то, что взрыва не последовало, спасти пилота не удалось. Ударившись головой о приборную доску, Шестак скончался от тяжёлой черепно-мозговой травмы...

– Какова дальнейшая судьба другого лётчика – Константина Голышкина? Того самого, с кем вы лежали в госпитале?

– Его судьба необычна. Он всё-таки поправился. Мало того, потом закончил Высшую школу КГБ, стал контрразведчиком, работал в одной из западных стран. Как-то мне позвонил его сын: “Отца привезли в Москву, отправили в “кремлёвку”, тяжело болен. Просил о встрече с вами...”. Увиделись уже в больнице. Пощупай, говорит, мою печень. Я прикоснулся к животу. Печень – как камень: цирроз. “Отвоевался, видать, – сказал Костя. – Позвал тебя, чтобы окончательно попрощаться...” Через неделю его не стало.

– Перед войной и в военные годы многие лётчики закончили школу пилотов. Чем такая школа принципиально отличалась от авиационного училища? Ведь воевали-то на одних и тех же самолётах?

– В военных училищах обучались несколько лет, а в школе пилотов было ускоренное обучение в течение полугода. Соответственно при выпуске получали и звания: после окончания училища выходили лейтенантами, а после школы – сержантами. Я начал летать сержантом. Лейтенанта получил только в июне сорок третьего, за две недели до начала Курско-Орловской операции. К тому времени у меня на груди уже был орден Красного Знамени...

– Каждый лётчик даже мысли не допускал, что может оказаться во вражеском плену. Поэтому пилоты очень трепетно относились к своему личному оружию. У вас был пистолет?

– Обязательно, “ТТ”.

– Табельное оружие? Или пистолет был кем-то подарен?

– Нет, не подаренный, табельный. Был выдан в части, вполне официально, без всякой партизанщины...

– Раз официально, то и патроны, наверное, выдавались со счёту? Сколько обойм давали на руки – одну, две?..

– А вот с патронами проблем не было. Лежали россыпью – бери не хочу! Сколько возьмёшь – все твои...

– Как проводился учёт сбитых самолётов противника? Вот, скажем, прилетело звено с боевого задания, командир рапортует, что встретили большую группу самолётов противника, сбили... э-э... пять “мессершмиттов”. Верили на слово или как? Ведь за каждый сбитый самолёт полагались так называемые “премиальные”. Или я что-то путаю?

– Да, платили. За сбитый бомбардировщик – шесть тысяч рублей, за истребитель – четыре тысячи. Мне, к слову, за сбитый над Москвой “юнкерс” выплатили аж двадцать тысяч! Сразу скажу, сбить с толку наземные службы было не так просто. Когда какое-либо звено вступало в бой, за его ходом внимательно следили с земли – и наши, и противник. Это раз. Второе: когда шёл доклад о сбитых машинах, тут же уточнялись приблизительные координаты происшествия. Создавалась специальная комиссия из нескольких человек, которая, как правило, на самолёте По-2 вылетала на место падения. Перед этим объект старались обнаружить с помощью самолёта-разведчика. Если на своей территории, то на месте опрашивались очевидцы, осматривалась сбитая машина, собирались документы пилота... Всё тщательно документировалось. Работа эта была непростая, очень хлопотная. В общем, когда как...

– Насчёт позывного. Ваш позывной оставался всю войну один и тот же?

– Нет. Каких только не было! Но именно “Маргаритку” я считаю своим, личным позывным. Во-первых, “Маргаритка” была за мной непривычно долго – целых полтора месяца; а во-вторых, под этим позывным я как раз и был сбит в том бою, когда лишился руки. Такое не забывается...

– Из общения с боевыми лётчиками хорошо знаю: пилоты чрезвычайно суеверный народ. Например, верят в приметы. Говорят, в Великую Отечественную войну у лётчиков тоже были свои приметы. Слышал, что перед вылетом они никогда не брились. Это правда?

– Что правда, то правда: не брились. Святое дело, даже на ночь – никогда! Не говоря уж – перед боем. Даже самый отчаянный хочет жить. А суеверия не рождаются на пустом месте. Не положено – значит, не положено. Но лично я не брился совсем по другой причине – безусый мальчишка был! Брить было нечего. Когда лишился руки, мне же всего двадцать лет стукнуло, какая тут щетина... Впервые сбрил усы, будучи в госпитале.

– Со сбитыми вами немецкими лётчиками встречались, разговаривали?
– Какой там! Не до этого было. Сбил, долетел, а дальше – меня не касается. Иногда в жаркие дни по несколько вылетов делали – до фрица ли?

– Что можете сказать о самолётах люфтваффе? Скажем, в сравнении с нашими?

– Сравнить – дело неблагодарное. Но кое-что сказать могу. Немцы большое значение придавали именно летательным свойствам своих машин, например, крыльям. Всегда ровненькие, комар носу не подточит! И это в то время, что некоторые части их самолётов были буквально сляпаны тяп-ляп – топорная работа. Что ничуть не мешало немецким самолётам хорошо летать... Если сравнить наш Ла-5 и немецкий “фокке-вульф” сто девяностый, то наш истребитель был тяжелее “фоккера” почти на триста килограммов. На первый взгляд, немного, но в воздухе сказывался каждый лишний килограмм. Тем не менее, наши самолёты не уступали немецким ни по маневренности, ни по скорости... Конечно, нельзя не учитывать и так называемый человеческий фактор – многое зависело от умения лётчика.

– А если сравнивать наши истребители друг с другом? Вы ведь сначала летали на И-16, прозванном “ишачком”, с которого потом пересели на ЛаГГ-3. Эти два самолёта сильно отличались друг от друга?

– Существенно. Ощущение было такое, как если бы с блохи переселиться на корову. Судите сами: “ишачок” глубокий вираж совершает за шестнадцать секунд, а ЛаГГ-3 и Ла-5 – аж за двадцать две. Секунды, от которых в бою зависит жизнь. Поэтому пилоты “ишачка” очень любили – маневренный и хорошо управляемый истребитель...

– Насколько мне известно, во время гражданской войны в Испании наши лётчики летали именно на них. А как воевали интернационалисты после возвращения, в Великую Отечественную?

– Здорово воевали! Поначалу в авиаполках таких было немало, на них все равнялись – как-никак, с боевым опытом! Но война есть война: года через два тех, кто воевал в небе Испании, почти не осталось – все оказались выбиты: погибли или были списаны по ранению...

– Что скажете о нашем истребителе Ла-7?

– Прекрасная машина. Мощная, маневренная... У этого истребителя имелся форсаж. То есть в случае надобности он был способен, придав мотору стремительное ускорение, быстро оторваться от противника, что было очень удобно. Оторвался, сделал круг, а потом снова кинулся в атаку. На таком летал легендарный Кожедуб, с которым, к слову, мы были в дружеских отношениях до самой смерти Ивана Никитовича.

– “Мессершмитты” являлись серьёзными противниками “лавочкиных”?

– Безусловно. “Сто девятый” – одномоторный, “сто десятый” – двухмоторный. Последний летал с так называемыми “спарками” – спаренными крупнокалиберными пулемётами – спереди и сверху; брюхо прикрывал “эрликон”; две пушки. По манёвренности и скороподъёмности “мессеры”, конечно, уступали советским истребителям, но противник был грозный. Важный момент: экипаж “сто десятого” – два человека; “лавочкина” – один. Выходит, поединок всегда два на одного. И вот против такого на “ишачке” – каково? Поэтому “ишачки” быстро заменили “лавочкиными”...

– Известно, что в годы Первой мировой войны пилоты противоборствующих сторон вели так называемую *благородную войну*. Например, могли помочь сбитому ими же лётчику. В годы Великой Отечественной войны геббельсовская пропаганда, как могла, приукрашивала подвиги рейхсмаршала Геринга, который, будучи молодым пилотом, сбив вражеский самолёт, якобы приземлялся и оказывал выжившему лётчику первую помощь. А как обстояло дело на самом деле?

– Ничего подобного не припомню. Война – штука жестокая. Враг безжалостно бомбил санитарные поезда, госпитали. Взять случай со мной. Когда я приземлялся с парашютом, немецкий лётчик дважды заходил на круг, чтобы крылом перебить стропы. Правда, это ему оказалось не по силам – никак не мог рассчитать скорость парашюта. Раз зашёл – прошёл метрах в двух от купола; второй – опять промахнулся. Так что ни о каком “благородстве” между лётчиками противоборствующих сторон говорить не приходится – война шла на уничтожение...

– Глядя на Вас, сразу понимаешь: Вы человек верующий. Десятки боевых вылетов – это очень серьёзно. Согласитесь, такое под силу далеко не каждому. Перед вылетом крестились?

– Время было другое – мы же все являлись комсомольцами и коммунистами. Однако иногда в трудные моменты приходилось надеяться на помощь свыше. Когда во время воздушного боя мой самолёт подбили, а потом в кабине начался пожар, задымилась одежда, понял: погибаю. Ещё секунда-другая – сгорю заживо. Вот тогда-то и прошептал: “Господи, спаси меня!” И... распахнул фонарь кабины.

Больше вопросов задавать не стал. При последних словах моего собеседника у меня вдруг как-то непривычно запершило в горле. Эти “железные” герои, вдруг понял я, всегда продолжали оставаться самыми обычными людьми. С их радостями и бедами, слабостями и надеждами. Хотя окружающим почему-то казалось, что они сделаны совсем из другого теста.

ВЛАДИМИР ВЕЛИЧКО

ПРОФЕССОРА, НАДЕНЬТЕ ОРДЕНА!

Мои московские аспирантские годы были богаты на встречи с известными современниками. На одной из них народный артист СССР Евгений Матвеев рассказывал, что, когда ему предложили в новом фильме по роману Михаила Шолохова “Поднятая целина” сыграть роль комиссара Нагульного, сначала он не мог постичь внутренний мир героя. Когда он приехал в бескрайнюю степь, его воображение покорила цветочная поляна у дороги. Его обдували горячие ветра, заметали сухие пески, а он жил и красовался в суровой стихии. Актера осенила мысль: ведь такой и Нагульников — стойкий, сильный, несгибаемый.

Этот эпизод вспомнился во время бесед с докторами юридических наук Анатолием Головко, Николаем Юркевичем, Андреем Дуловым, Василем Чигирем и Степаном Дробязко. Жизнь их тоже испытывала на прочность, но они мужественно преодолевали крутые повороты судьбы и стали яркими личностями, корифеями науки.

По дорогам шинельного цвета

Я шёл на встречу с Анатолием Александровичем Головко. Чистая, одетая в нежную зелень улица Заславская выглядела красивой и нарядной.

А. А. Головко встретил приветливо. Пригласил в свой рабочий кабинет, переполненный книгами. Отложил в сторону рукопись, улыбнулся:

— В юности хочется жить веселее, в зрелости — лучше, а в старости — дольше. Вот и я стараюсь по мере возможности творить, чтобы продлить долголетие.

— Но ведь юность Ваша оказалась суровой?

— До войны город Алексеевка бывшей Воронежской, ныне Белгородской области, где я родился, славился шумными торговыми ярмарками и комбинатом, поставлявшим миру отменное подсолнечное масло. Но война нам всё изменила.

Оставив матери записку, Анатолий Головко на попутных машинах добрался до полка, которым командовал отец. Тот определил сына в разведку. А вскоре закалённого в сражениях Анатолия Головко назначили командиром взвода разведки 1100-го стрелкового полка.

Германское командование не разгадало секреты Москвы по развёртыванию масштабной стратегической операции “Багратион”. Оно ожидало летом 1944 го-

да наступление Красной армии на юге с выходом на Балканы и на Львовском направлении, но никак не в Беларуси. Предстояло незаметно осуществить перегруппировку войск, предусмотреть все меры для дезинформации противника, совершая разведывательные вылазки в тыл врага. Часто выбор падал на А. Головка и его товарищей по оружию. Им удавалось добывать многое из того, что требовалось для принятия конкретного плана оперативных действий, от которого зависела жизнь наших солдат и офицеров.

Следует сказать, что на территории Беларуси вермахт создал мощные оборонительные укрепления на высотах, узлах дорог, в населённых пунктах. Поэтому схватки здесь отличались исключительной ожесточённостью. Не прекращались они и в трескучие морозы. Простывшие, измотанные атаками фрицы теряли самообладание и в деревне Ляды расстреляли около 1 200 мирных граждан. Зверских расправ не люди учинили немало. На Витебщине погиб каждый второй её житель.

В рядах красноармейцев росли ненависть и презрение к врагу. Они не оставляли его в покое ни днем, ни ночью, старались побеждать не только храбростью, но и хитростью, мастерством, выдержкой. В минуты передышки согревала душу, вдохновляла на героические поступки знаменитая песня “Землянка”.

Отдельные опорные пункты по несколько раз переходили из рук в руки. Тогда возникла идея выполнить более ограниченную задачу в северной части Витебщины, где, как установила разведка, немецкая тактическая оборона включала две полосы. Первая из них – глубиной до 6 километров – имела прочную эшелонизированную систему траншей с проволочными заграждениями и минными полями. Вторая полоса была подготовлена слабее в инженерном отношении. Артиллерии и авиации предстояло нанести сокрушительные точечные удары, а стремительным прорывом пехотинцев отбросить врага с одного рубежа на другой с последующим развитием успеха.

– Нам рассказывали, да и позже я и сам читал в мемуарах, – вспоминает Анатолий Александрович, – что, когда автор разработанной Витебско-Оршанской операции генерал-полковник И. Д. Черняховский, командующий войсками Западного и 3-го Белорусского фронтов, докладывал о ней Сталину, тот остался доволен замыслом. Хотя Верховному Главнокомандующему было известно, что немецкая группа армий “Центр” во главе с фельдмаршалом фон Бушем получила грозный приказ Гитлера удерживать боевые позиции в Беларуси, как в самой Германии.

Полк, в котором воевал А. Головка, пробивался в Дубровно. Серьёзной преградой на пути наступления оказалась река Мерея с глинистым дном и заболоченной поймой. К тому же левый берег, на котором закрепились фашисты, был выше правого и усеян множеством дотов и дзотов. Кипели жёсткие, кровопролитные бои. Под мощными атаками наших войск, взаимодействовавших с партизанами, рушилась монолитность вражеской обороны. Разведка доложила о том, что на стыке 36-го и 71-го стрелковых корпусов образовался выступ в немецких позициях. Это было использовано для нанесения губительного огня по оккупантам с тыла. Оказавшись под угрозой окружения, немцы дрогнули и отступили. На рассвете 26 июня 1944 года А. Головка со своим взводом в числе первых ворвался в город. Теперь он является почётным гражданином этого города.

– Не успели мы перевести дыхание, – рассказывает Анатолий Александрович, – как последовала команда выдвигаться к Орше. Предстояло её обойти с севера и закрыть врагу пути отхода на запад. И это несмотря на то, что город был оккупирован войсками генерала Траута, считавшегося у немцев мастером обороны. Её взламывали танковые клинья. Войска 3-го Белорусского фронта продвигались быстро. За отличное руководство ими И. Д. Черняховскому было присвоено воинское звание генерала армии, а Москва от имени Родины салютовала легендарным патриотам. Было захвачено большое количество пленных и боевой техники.

Однако чем меньше у гитлеровцев оставалось надежд, тем яростнее они сопротивлялись. Показательна в этом смысле Кёнигсбергская операция, в которой старший лейтенант Анатолий Головка принимал участие. Цитадель фашизма в Восточной Пруссии Гитлер приказал защищать до последнего солдата. К тому же вермахт перебросил сюда крупные силы с соседних фронтов.

Продвижение к берегам Балтийского моря сопровождалось ненастной погодой. Затяжные дожди размыли дороги, залили поля и болота. Всем было трудно. Нелегко было и разведчикам, действовавшим на переднем крае в полосе штурмовых групп и отрядов, усиленных артиллерией, танками, авиацией и сапёрами. Приходилось маневрировать, атаковать встречными ударами там, где обозначались во вражеских позициях уязвимые места.

Откатываясь назад, враг превращал железобетонные сооружения в настоящие крепости. Необходимо было лишить его возможности отходить на заранее подготовленные рубежи. Для достижения этой цели внесли существенные изменения на направлении главного удара. Разведка подтвердила, что это застигло фрицев врасплох. Для оценки реальной ситуации на один из командных пунктов отправился И. Д. Черняховский. По дороге позади машины разорвался вражеский снаряд. Осколки повредили спину командующего, и его срочно доставили в ближайший медсанбат. Но рана, к сожалению, оказалась смертельной. В лице Ивана Даниловича Красная армия потеряла 38-летнего талантливого полководца. А бойцы поклялись подавить оплот немецко-фашистского милитаризма в Восточной Пруссии. И 9 апреля 1945 года Кёнигсберг пал. А Головку за проявленный героизм удостоился очередной боевой награды.

— В начале того же года, — продолжает Анатолий Александрович, — у наших западных союзников в Арденнах сложилась сложная обстановка. Советский Союз, верный своим обязательствам, бросил в наступление от Балтики до Карпат более 150 дивизий. Однополчан тут же на 169 грузовиках отправили на юг. Машину, возглавлявшую колонну, вёл я. Рядом в кабине сидел майор. Мы с ним любовались весенним обновлением природы и радовались тому, как повсюду сердечно встречали советских воинов. Пересекли Судетские горы, оказались в Словакии и Австрии. Местные жители буквально забрасывали солдат и офицеров цветами, плакали. Подбегали и угощали, кто чем мог. Войну я закончил в Вене. Получил три медали “За отвагу”, две во время боёв потерял.

Своими ратными подвигами Анатолий Головка заслужил право быть участником Парада Победы в Москве. Тот день, 24 июня, выдался пасмурным, но тёплым. Никогда не забыть фронтовику, как маршал Жуков выехал на белом коне на Красную площадь. Оркестр грянул “Славься!” Глинки, разнеслось дружное “ура”. От возбуждения мороз по коже пробежал. А затем был торжественный приём в Кремле. Разведчик впервые увидел Сталина. На его лице была усталость — сказалось тяжёлое бремя войны.

Демобилизовавшись, А. Головка приехал в родную Алексеевку. Она лежала в руинах. Досдал экзамены в школе и по поводу будущей профессии посоветовался с отцом. Вчерашний командир разведзвода подал документы и поступил в Харьковский юридический институт. После его окончания работал прокурором в Кривом Роге, боролся с преступностью и беспорядочностью. В шахтёрском городе не задержался — через полгода отозвали в аспирантуру. Досрочно защитив кандидатскую диссертацию, преподавал в вузе гражданское право, обзавёлся семьёй. Со временем, уже в Минске, стал доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Республики Беларусь, подготовил 52 кандидата и 8 докторов наук. Не одно поколение юристов пользуется трудами учёного, наслаждается их высокой мыслью и аргументированным словом. За большой вклад в организацию и обеспечение учебно-воспитательного процесса Головка присвоено почётное звание “Заслуженный работник БГУ”.

То и дело звонит телефон. Из Дубровно приглашают А. А. Головка приехать на встречу с молодёжью и заодно побывать на местах бывших боёв. Воин-профессор, чьё мужество отмечено двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны и почти двадцатью медалями, восхищается свершениями тружеников райцентра, которые преобразили и благоустроили его, бережно оберегая героическое и духовное наследие. Заботливая жена Нина Викторовна, четыре десятилетия проработавшая доцентом филологического факультета Белорусского государственного университета, передает мужу принесённый почтальоном конверт из Фрунзенского райвоенкомата г. Минска. Анатолий Александрович вчитывается в слова искреннего поздравления с праздником Победы, и его глаза светятся.

Вот и я пожелал уважаемому Анатолию Александровичу здоровья, благополучия и новых успехов на благородной научной ниве!

“Родные берёзы не спят...”

“Мальчишки, мальчишки, вы первыми ринулись в бой...” Когда Николай Григорьевич Юркевич слышит по радио эти волнующие слова из знаменитой песни, невольно вспоминает своё военное детство. И каким-то непостижимым образом всплывают эпизоды того грозного времени, подвергнувшего жесточайшему испытанию на прочность каждого человека.

— Когда стало ясно, — рассказывает Николай Григорьевич, — что опасность оккупации реальна, мы собрались в беженцы. Взяли с собой наиболее нужные вещи, закрыли дом, вышли на улицу. И тут сыпанул густой дождик. Приостановились. Сосед, живший напротив, пригласил нас к себе. Это был опытный солдат. Он заблаговременно соорудил в своём саду блиндаж, то есть выкопал траншею, сверху в два наката накрыл её бревнами и присыпал слоем земли. Получилось достаточно прочное убежище, в котором спрятались обе наши семьи.

Немецкая танковая колонна шла к Сергеевичам со стороны Шацка. Наткнувшись на сопротивление небольшой группы отчаявшихся советских солдат, вооружённых только винтовками и ручным пулемётом, немецкие танки свернули с шоссе, взяли деревню в клещи и ударили по ней зажигательными снарядами из пушек и пулемётов. Десятки домов под соломенными, пусть и немного подмокшими крышами в одно мгновение охватило гудящее пламя. В горящих сараях истошно мычали пригнанные с пастбища коровы, визжали в огне свиньи, ржали лошади. Было жутко. Через какое-то время я просто отключился. Когда очнулся, рядом уже никого не оказалось. Вылез из блиндажа и увидел вместо хат ряды обугленных печей. Однако наш дом, на удивление, уцелел.

На улице стояли уже не танки, а грузовики. В них сидели солдаты в камуфляже, который не был характерным для Красной армии. Но примерно за месяц до войны в нашем клубе показывали фильм “Граница на замке”, и там советские пограничники красовались в камуфляже. Я сопоставил это и решил, что подоспело боевое подкрепление, очистившее деревню от фрицев. Подошёл к беседовавшим о чём-то отцу и моему школьному учителю, которые и объяснили мне реальную картину.

Представьте, у меня, молодого, ещё не обстрелянного, не было никакого страха. Жуткие картины воспринимал я, как на экране в кино. Безусловно, они производили тяжёлое впечатление. Но повторяю: страха не было.

В уцелевшем доме мама затопила печь. Заметив вьющийся из трубы дымок, в хату ввалился немецкий солдат, держа в руках жирный после завтрака котелок, и потребовал помыть его. Мама налила в котелок кружку холодной воды, поботала и вылила в помойное ведро. Немец рассердился, сам вытащил из печи чугунок с горячей водой и вымыл свою посудину. Успокоившись, стал на пальцах объяснять, что через два с половиной месяца они будут обедать в Москве в самом лучшем ресторане.

Вскоре вражеская колонна ушла и в деревне появились другие фрицы. На сей раз — пропагандисты. Они остановились у здания правления колхоза, собрали сельчан в зале, на стене которого висела карта мира. Офицер стал на ней показывать, что как только немецкая армия осенью дойдёт до Урала, она вернётся в Западную Европу и расправится с ненавистной Англией. Для большей наглядности он колотил по Британским островам кулаком и приговаривал: “Пам, пам, пам!”

Один мужик спросил:

— А что будет за Уралом?

— Это уже компетенция нашего союзника — Японии, — последовал ответ.

Назавтра я впервые услышал из уст оккупантов, прочёсывавших деревню, слова о партизанах. Присмотрев отца, который был в брюках коричневого цвета с узеньким красным кантиком, один из них заорал:

— Это — партизан. Будем идти назад, он откроет огонь.

Отец пояснил, что он — железнодорожник. Известно, какая последовала бы реакция, но раздалась команда “По машинам!”, и гитлеровцы удалились. Отец со зла выругался:

— Понимают, сволочи, силу народного возмездия.

И при любом удобном случае убеждённо говорил людям:

– Один завоеватель и Москву захватил, а затем не солоно хлебавши еле унёс ноги в свою Францию. Потерпит крах и Третий рейх. Надо давать врагу решительный отпор.

Когда оккупантов изгнали с нашей земли, жена сбежавшего полицая сказала об отце:

– Які ж гэты Грыша прадбачлівы і хітры, ёніжа з самага пачатку верыў у перамогу савецкай улады.

Едва не последний день наступил для Сергеевичей осенью 1941 года. Через деревню по шоссе Шацк-Руденск прошли вражеские автомашины. На подъезде к соседней Пристані их кто-то сильно обстрелял. Убитых и раненых было много. Мужчин и женщин, пришедших с поля, где убирали картошку, а также детей и стариков нагрянувшие немцы согнали к зданию бывшего сельсовета. Выстроив людей в несколько рядов, немецкие солдаты легли за пулемёты. Жители оказались на грани гибели. Беду отвёл староста. Это был односельчанин, который в Первую мировую войну попал в плен и спустя годы вернулся домой с немецкой женой. Она не выходила на улицу, и я её ни разу не видел, хотя мой одноклассник дружил с их сыном. С появлением гитлеровской директивы о назначении старост сельчане уговорили его (он всячески сопротивлялся) взять на себя эти обязанности. Ему удалось убедить немецкого полковника в невиновности односельчан. Но бывшего председателя колхоза и ещё нескольких жителей деревни для устрашения населения расстреляли.

– Приблизительно через неделю тучи сгустились над Пристанью, – вспоминает Юркевич. – Каратели уничтожили всех: согнали в большое гумно и подожгли его, а тех, кто выпрыгивал из огненного пекла, косили пулемётными очередями. На перекрёстках дорог висели немецкие приказы, каждый из которых оканчивался словами: “За неисполнение – расстрел”. Это, конечно, возымело обратное действие. Люди добровольно пополняли ряды народных мстителей.

Моё участие в партизанской борьбе началось со сбора в окрестных лесах брошенного оружия. Я прятал его в надёжные места. Уйдя в партизанский отряд, отец присылал за ним связных. Мне удалось вооружить винтовками до взвода бойцов. За это в отряде имени Суворова я стал считаться начальником боепитания, а потом служил рядовым, вместе со взрослыми выполнял задания командования. Разумеется, наши действия не всегда были успешными.

Однажды около деревни Ковалевичи, находящейся в трёх километрах от Шацка, где располагался вражеский гарнизон, наша группа устроила привал. Несколько человек, в том числе и я, отправились в разведку. Навстречу нам двигались немцы с полицаями, и мы попали в ловушку. Тогда погиб мой лучший друг Ростислав. Это была тяжёлая утрата. Память о нём я сохранила до конца моей жизни.

Неизгладимые воспоминания связаны с “рельсовой войной”. Она развёртывалась на коммуникациях, которые вермахт использовал для переброски живой силы и техники. К каждой боевой операции тщательно готовились. Партизанам из-за линии фронта самолётами сбрасывали толовые шашки. Однако их обычно не хватало. Недостаток восполняли за счёт вытапливания тола из снарядов, собранных в лесах. Делалось это таким образом. Разводился костёр, над ним вешали котёл с водой, в него опускался снаряд. Затем его вытаскивали, а расплавленный тол выливали в деревянную коробку, в которой было отверстие для запала.

На диверсионную операцию выходило 5-6, иногда 8 человек. Ночью под железнодорожное полотно закладывали мину, от неё тянули шнур в придорожный лесок и дёргали за него, как только приближался вражеский поезд. Немецкие эшелоны, идущие на фронт, летели под откос.

С появлением у партизан противотанковых ружей (ПТР) уже не надо было ползти к сильно охраняемой немцами железной дороге, а паровозы расстреливали с расстояния. Подбитые махины свистели паром, замедляли ход и останавливались. Требовалось определённое время для заделывания пробоин. У партизан появилась возможность легче и безопаснее выводить коммуникации из строя.

Широкий размах приобрела “рельсовая война” в Беларуси летом 1943 года. По приказу Центрального штаба партизанского движения в ночь на 3 августа во всех областях республики на железные дороги вышли тысячи подрывни-

ков. Только партизаны нашего Минского соединения подорвали почти 8 тысяч рельсов. Значительные повреждения получила стратегическая дорога Брест–Москва, серьёзный ущерб нанесли магистрали Молодечно–Минск.

Чёткие, слаженные действия бойцов вызывали панику в немецких штабах и тыловых учреждениях. Об этом, в частности, свидетельствовало перехваченное донесение командира корпуса охранных войск в штаб немецких армий “Центр”: *“Партизанами проведена операция небывалых размеров по срыву наших перевозок путём планомерного и внезапного нарушения железнодорожного сообщения”*.

В канун наступательной операции “Багратион” наша бригада передислоцировалась в Западную Беларусь. Там партизаны разрушали линии связи, удерживали до подхода Красной Армии переправы на реках, выявляли характер вражеских оборонительных сооружений. Как-то местные антифашисты сообщили, что в Гута-Михалинском лесу оккупанты занялись сооружением большого дзота. Мы устроили засаду и уничтожили 15 немецких солдат, которые направлялись на строящийся объект.

Николай Григорьевич прервал воспоминания, призадумался. Посмотрев на меня добрыми, умными глазами, спросил:

– О чём ещё Вы хотели бы услышать?

Я поинтересовался:

– Что Вами двигало в ту тревожную пору?

– Большое желание быстрее одолеть врага. Оно открывало духовные ресурсы, придавало новые силы. Не передать словами те светлые чувства, которые охватили нас в незабываемый день 9 мая. Это была всеобщая, ликующая радость!

– Как складывалась Ваша послевоенная жизнь?

– Снова сел за парту и продолжил учёбу. Четыре класса (с 7 по 10) прошёл за два года, школу окончил с золотой медалью.

Имея отличный аттестат зрелости и боевые награды, я мог поступить в любой вуз. Сперва документы за компанию с товарищами отправил в Московский авиационный институт. Меня приняли и дали общежитие, а друзьям в предоставлении общежития отказали. Будучи человеком хоровым, я с ними вернулся в Минск. Собирался стать журналистом. Но в конце концов, избрал Минский юридический институт. И об этом несколько не сожалею.

Последний государственный экзамен по трудовому праву у выпускников принимал наш директор Гавриил Алексеевич Поветьев. Он мои ответы оценил так высоко, что даже пригласил в аспирантуру, хотя я уже распределение получил в Комитет государственной безопасности. Подумаю, согласился. Так в 1950 году начался мой путь в науку. Успешно защитил кандидатскую и докторскую диссертации, заведовал кафедрой, стал заслуженным юристом Республики Беларусь, готовил достойную научную смену. Горжусь теми, кого учил и воспитывал.

– И всё это время трудитесь на юридическом факультете БГУ?

– Были у меня кое-какие скоки-вбоки, – улыбается Николай Григорьевич. – Но с юрфаком не порывал связи даже в период, когда возглавлял социологическую лабораторию университета. В этой лаборатории я, в частности, руководил подготовкой комплексного плана социально-экономического развития Минска на обозримую перспективу. Это была серьёзная, ответственная работа, и мы с ней с честью справились. Меня удостоили медали ВДНХ СССР. Хорошую школу я прошёл и на посту председателя Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате. Приобретённый практический опыт позволяет легче находить взаимопонимание со студентами, которые, как известно, особенно уважительны к тем, кто и сам попробовал нелёгкого судейского “хлеба”.

– И в заключение, Николай Григорьевич, такой к Вам вопрос: какие моменты в работе со студенческой молодёжью считаете ключевыми?

– Наряду с углублённой теоретической и практической подготовкой нужна эффективная идеологическая работа. Без неё нельзя. И очень правильно, что государство её проводит. Каждое воспитательное мероприятие следует наполнять увлекательными формами, обогащать позитивным содержанием с тем, чтобы развивать у юношества нравственную чистоту, высокую духовность, творческую одержимость, благородные качества гражданина и патриота родного Отечества.

В свои 83 года профессор Н. Г. Юркевич энергичен и подтянут, читает лекции студентам. В манере разговора и поведения чувствуется интеллигентность, внутренняя культура и преданность науке.

У берегов сумрачной Ладоги

Жизнь каждого человека – поистине великая книга. Полистаешь её страницы и откроешь тайны, надёжно спрятанные в подсознании.

Доктор юридических наук Андрей Васильевич Дулов не любит заниматься мемуарной беллетристикой. Зачем, дескать, ворошить прошлое, тяжёлым грузом лежащее на сердце. А тут вдруг открылся, как на духу. Потрясённый услышанным, я подумал: какие жёсткие отметины оставили на нём война и время. В экстремальных ситуациях он обретал себя, проявляя решительность, веру в то, что всё получится, уладится.

Андрей Васильевич – коренной ленинградец. Родился в семье профессора философии Василия Николаевича Дулова, в течение ряда лет работавшего в аппарате первого секретаря губкома (обкома) партии С. М. Кирова. После убийства Сергея Мироновича началось “избиение” питерских кадров. Отец, как и многие другие, оказался в беде. Даже по тем временам понимали, что он ничего плохого не сделал, тем не менее его осудили на 5 лет и сослали к верховьям реки Печора. Через полгода в тюрьму посадили мать. Двое детей не имели ни кормильцев, ни средств к существованию. Трёхлетнюю сестричку Марину забрал к себе в Ярославль старший брат отца Владимир. Андрей же продолжал посещать школу. Таких учащихся в классе было немало. Среди них ставшие впоследствии известными учёные, деятели литературы и искусства. Благородные педагоги совершили гуманнейший поступок: они решили выдавать стипендии ученикам, оставшимся без двоих родителей.

После семилетки Андрею советовали пойти в ремесленное училище. Но он поступил на завод “Красная заря” учеником электромонтёра. На предприятии изготавливали телефонные аппараты.

– Из таких, как я, “сопляков”, – улыбается Андрей Васильевич, – создали отдельную бригаду. Все мы старались, получали рабочие разряды. Вскоре меня назначили бригадиром и избрали комсоргом электроремонтного цеха. Забот прибавилось. Надо было готовить и проводить собрания, организовывать различные общественные мероприятия, спортивные соревнования.

Работа на заводе дала мне многое: уважение к труду, чувство товарищества, взаимопомощи и взаимовыручки, собранность и упорство в достижении поставленных целей. Школа рабочего коллектива закалила характер, упрочила ответственное отношение к жизни.

Известие о войне застало А. В. Дулова под Выборгом, где он в заводском пионерском лагере проводил электросеть. Население как-то посуровело. Бомбежек ещё не было – они обрушились в конце июня 1941 года. По полям, наливавшимся хлебом, поползли тёмно-зелёные, почти чёрные танки с белыми крестами на боковинах, втапывая в землю тучные ржаные колосья.

В Ленинграде развернулась грандиозная работа по формированию народного ополчения. На собрании комсомольской группы было единогласно принято решение всем влиться в его ряды. Однако в райвоенкомате кандидатуру Андрея отклонили из-за непризывного возраста. Тогда шестнадцатилетний юноша снова пошёл в райвоенкомат и прямо заявил:

- Запишите меня в ополченцы. Буду Родину защищать!
 - Что ты умеешь? – спросил офицер.
 - Я окончил школу ДОСААФ. Хорошо стреляю из пулемёта, ружья.
- Военком посмотрел в заявление и уточнил:
- Ты что, комсомольский вождь?
 - Да!
 - И бригадир на заводе?
 - Так точно!

Офицер куда-то позвонил, навёл справки и направил парня в танковое подразделение, которое предполагалось создать в дивизии народного ополчения, мотивируя это тем, что он знает технику. Бронированные машины ещё не подошли, и новобранца с такими же сверстниками перевели в обычную часть. В Ленинграде их обмундировали, выдали винтовки. Непосредственное

обучение искусству боя проводили в военном городке, располагавшемся в районе Красного села.

Здесь же, в лагере, перед отправкой на фронт происходило окончательное распределение по подразделениям. А. В. Дулов попал в миномётную роту. Учитывая имеющийся опыт работы бригадиром на предприятии и наличие девяти классов образования, Андрея назначили командиром отделения. К сожалению, миномёты не поступили, и роту преобразовали в пулемётную. Соответственно он стал командиром пулемётного отделения, приписанного к 5-й роте 3-го полка 1-й дивизии народного ополчения. Уже в начале августа бывшие заводчане, суворовцы, студенты педагогического института имени Герцена вступили в сражение с фашистами.

— В первые дни на фронте, — вспоминает Андрей Васильевич, — мы столкнулись с рядом трудностей. Прежде всего, ополченцы совсем не умели окапываться — их этому не учили. Поэтому подразделения несли ощутимые потери. И мы всё больше убеждались в том, что необходимо закапываться в землю: рыли окопы, создавали укрытия.

Бои приняли ожесточённый характер. Моторизованные части немцев с воздуха поддерживала авиация. Ополченцы дрались отчаянно, защищая свой город.

Гитлер негодовал и впадал в истерику, недоумевая, почему его войскам не удаётся задушить, затопить, сравнять с землёй город на Неве.

Фюрер вызвал в Берлин командующего группой армий “Север” фон Лееба и категорически приказал предпринять 16 сентября 1941 года новый штурм Ленинграда с тем, чтобы захватить непокорённый “остров” в три с половиной тысячи квадратных километров у холодной, сумрачной Ладоги. Успех операции позволил бы вермахту соединить с финнами застрявшие здесь регулярные части и бросить их в обход с северо-востока на Москву.

Надеждам Гитлера осуществиться было не суждено. Жители Ленинграда давали врагу яростный отпор. Их стойкость и героизм не сломали ни железные тиски блокады, ни массовые жертвы, ни голод, ни холод.

— Наряду с народным ополчением, — подчёркивает Андрей Васильевич, — чудеса героизма проявляли другие формирования. В частности, вместе с нами решительно действовали танки. Они всё время маневрировали и беспощадно громили оккупантов. Командование танковой группы договорилось с нашим командованием о её прикрытии от вражеской пехоты пулемётным огнём. Отделение справлялось с поставленной задачей. А когда мы попали в окружение, на помощь пришли танкисты, с которыми мы крепко подружились.

Одним ранним утром майор-танкист сообщил:

— Нам дан приказ уходить большим рейсом. Уничтожайте фрицев, не пропускайте гадов в Ленинград.

Крепкие рукопожатия, напутственные пожелания. Отделение А. В. Дулова держало оборону на одном из участков в 20-ти километрах от Пулково. Немцы открыли дикую миномётную стрельбу. Били по квадратам так, что не оставалось живого клочка земли.

— Тогда меня тяжело ранило, — рассказывает Андрей Васильевич. — Сначала — в ногу, затем оторвало руку. Потерял много крови. Казалось, жизнь на взлёте оборвалась. Но спасение пришло. Мимо проходила кавалерийская часть. Её командир распорядился подобрать раненых. Нас усадили на лошадей и переправили подальше от передовой. Там положили в “эмку”, видимо, большой начальник уступил машину, и отвезли в город. Сильно разболелись раны, и я потерял сознание. Когда очнулся, врачи сообщили: “Начинается гангрена. Придётся ампутировать ногу”. Я по-мальчишески разревелся и стал умолять их спасти ногу. Медики вынули осколки, долго чистили рану, наложили гипс. Спусти какое-то время под бомбёжками в санитарном поезде отправили на Большую землю. Вот и всё. Так закончилась моя боевая эпопея.

Хотя как сказать. Незримая война шла ещё полтора десятилетия за правду, равносильную нравственности, за доброе и честное имя.

В голубых, под густыми серебристыми бровями глазах А. В. Дулова блестят слёзы. Он молчит, думает о чём-то своём. Волевое лицо светлеет, и ветеран продолжает:

— В госпитале в городе Каменск-Уральский раненые в основном были ленинградцы. Сердечные, квалифицированные люди в белых халатах прилагали

усилия к тому, чтобы вернуть их в строй. Поставили на ноги и меня. По вечерам вслушивался в сводки Совинформбюро, ловил каждую весточку из сражающегося родного города. Верил, что он выстоит, победит! На фронт, естественно, не послали. И я простой, обычный вояка, в 1942 году приехал в Ярославль, пошёл в школу, окончил десятый класс. К этому времени уже освободили отца. Ввиду того, что он болел туберкулёзом, по состоянию здоровья его никуда не брали. Младший брат отца Алексей лихо воевал за всех нас, дослужился до генерала.

Встал вопрос выбора профессии. До войны мечтал быть электротехником. На заводе “Красная заря” ко мне хорошо относились опытные мастера, и я освоил тонкости релейной защиты. Тогда это было сродни нынешнему умению обращаться с атомной техникой. Но с одной рукой не разгонишься. После некоторых раздумий поехал в Казань и поступил в юридический институт. Проучился недолго. Бабушка прислала письмо, в котором сообщила, что отец очень плох, просила приехать к ней. Пришлось бросить учёбу, чтобы в Ярославле подставить плечо родным и близким.

Отец, к счастью, пошёл на поправку, взял многие домашние хлопоты на себя. Я снова задумался об учёбе. Как раз при городской коллегии адвокатов организовали шестимесячные курсы подготовки адвокатов. Меня туда зачислили. Курсы приравнялись к среднеюридической школе. Это было моё первое образование. Работал по специальности.

В мае 1944 года Андрей Дулов получил от блокадницы-тёти вызов вернуться в Ленинград. Устроился сначала в районную, а затем в городскую прокуратуру. Расследовал громкие дела, выступал в периодической печати со статьями на правовые темы. Как лучшего следователя, его послали в Москву на Всесоюзное совещание. Отметив его активное участие в дискуссиях, предложили должность следователя по важнейшим делам Прокуратуры СССР.

— И здесь моё восхождение, как у того альпиниста, оборвалось, — резюмирует собеседник. — Когда столичные кадровики прочитали, что родители осуждены, сразу же отправили домой.

А. В. Дулов умел управлять своей волей, которая помогала преодолевать трудности, невзгоды. Он с головой окунулся в работу. Заочно заканчивал Ленинградский юридический институт. Председателем государственной экзаменационной комиссии был ректор Ленинградского университета Шаргородский. Восхищённый глубокими знаниями выпускника, сказал:

— Приходите, Андрей, к нам на кафедру, на первых порах почасовиком.

А. В. Дулов согласился. Положительно зарекомендовав себя и на этом поприще, получил приглашение в аспирантуру.

И тут какая-то мелкая завистливая душа, заурядная убогая “серость” вспомнила о “происхождении” будущего маститого учёного. Состряпала докладную записку, и на бюро горкома ВКП(б) А. В. Дулова исключили из партии.

Дальше произошла удивительная вещь. На заседание парткомиссии обкома пригласили прокурора. Он по какой-то причине не явился и прислал своего первого заместителя. У него спросили:

— Как вы допустили, что у вас работают кадры с запятнанной репутацией? Полковник в ответ рубанул, как отрезал:

— Если бы у нас в городе было с десятков Дуловых, мы беды не знали бы. Его храбрость потрясла Андрея. Полковнику пригрозили:

— Разберёмся и с вами.

— Разбирайтесь, — зло бросил он.

Принципиальность первого заместителя прокурора города Ленинграда возымела действие. Вместо исключения из членов ВКП(б) А. В. Дулову объявили строгий выговор. С ним он защищал кандидатскую диссертацию.

— Самое интересное происходило потом, — отмечает Андрей Васильевич. — В середине 50-х годов началась активная реабилитация жертв произведенного ранее террора. В соответствии с этим родители — отец и мать — были восстановлены в партии с 1919 года и награждены орденами, а имевшиеся против них уголовные дела прекратили из-за отсутствия состава преступления. Тогда же отменили и возложенное на меня партийное взыскание.

В конце 1957 года в жизни Андрея Васильевича произошёл крутой поворот. В город на Неве приехал Меркушов, заведующий кафедрой юридического факультета Белорусского государственного университета, и передал А. В. Дулову приглашение проректора по науке Поветьева занять вакантное

место доцента. Предложение было принято, и вот уже 53 года он плодотворно трудится в ведущем вузе Беларуси. Обладая широкой научной эрудицией, успешно защитил докторскую диссертацию и стал первым в Беларуси доктором юридических наук. Опубликовал десятки книг, брошюр, статей, за что удостоился премии имени Пичеты. Подготовил достойную научную смену. Его заслуги отмечены государственными наградами. Помимо орденов Отечественной войны I и II степеней, многих медалей, ему присвоено звание заслуженного деятеля науки Республики Беларусь.

В свои 87 лет Андрей Васильевич старается не отставать от времени. Сейчас занят научными изысканиями в области этических проблем. Мощным объединительным потенциалом обладает Победа. Это, по мнению профессора, та ключевая национальная идея, которая консолидирует и сплачивает нацию. Поэтому никому нельзя позволить бросить тень на нашу главную святыню.

— В этих вопросах я не оригинален, — замечает собеседник. — Попробуйте в Англии даже намекнуть на военную несостоятельность Черчилля, вас отдадут под суд.

Таков он, Андрей Васильевич Дулов, мужественный, мыслящий и работающий патриот-профессор, не посрамивший своей земли в годы военного лихолетья и ясно представляющий нынче, что необходимо делать для дальнейшего упрочения духовных устоев государства и общества.

Любовь, взаимопонимание, дружба царят и в семье. Хозяйка Эмма Григорьева, врач по профессии, с полуслова понимает супруга. Их сын Владимир проявил себя на ниве культуры и науки. Невестка Катя (Екатерина Николаевна) тоже известный человек. Она — доктор искусствоведения, профессор, недавно назначена ректором Белорусской академии музыки.

И это называется счастьем

Настоящее и будущее вытекает из прошлого. Для доктора юридических наук Василия Фёдоровича Чигира память — нравственная опора человека. Выбить её — значит нарушить, прервать связь времён, преемственность поколений.

Василий Чигир видел все ужасы варварского нашествия своими глазами. В их деревню нагрянули оккупанты. Они согнали жителей на небольшую площадь у сельмага и, угрожая оружием, потребовали беспрекословно выполнять требования. За неповиновение — расстрел. В принудительном порядке назначили старостой мужика, который в Первую мировую войну побывал пленником у кайзеровцев и мог разговаривать по-немецки. Кстате, в этой роли он пробыл недолго. Фрицы его повесили за разглашение якобы информации о том, что у них есть намерение в двухэтажном здании школы, стоявшем на отшибе, расположить немецкий полицейский гарнизон. Ночью её сожгли, за что староста поплатился жизнью.

Гитлеровцы снова согнали сельчан и потребовали выдать тех, кто устроил поджог. Не добившись признания, угнали скот с крестьянских подворий, а бывшим военным приказали прийти и зарегистрироваться в рейхскомендатуре. Без слов понятно, чем это могло обернуться.

У Чигира было два двоюродных брата — Павел, офицер запаса, и Гриша. Не раздумывая долго, они ушли в лес, в партизанский отряд, который быстро разрастался. Василий просился и его взять с собой. Однако они оставили парня в деревне и дали наказ:

— Опирайся на надёжных земляков. Узнавай, что, где, и передавай сведения в отряд. Заодно присматривай за нашими родителями.

Наступила первая военная зима с трескучими морозами и злыми метелями. Около соседней деревни Мацкевичи партизаны уничтожили телефонно-телеграфную связь. На рассвете каратели обрушились на Лешню. Увидев, как они рассыпаются в цепь, отец послал Василия предупредить об опасности семьи партизан Павла и Гриши. Приоткрыв дверь, бросил с порога:

— Прячьтесь, нас окружают.

У них во дворе была землянка, засыпанная снежными сугробами. В ней все укрылись, кроме хозяйки, которая решила уберечь швейную машинку. Фашисты ввалились в хату, схватили её и увели. Женщина мужественно держалась, не проронив ни слова. Её повесили. Изверги казнили и других ни в чём не повинных сельчан.

Битые под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге немцы склоняли молодёжь к сотрудничеству с ними. Распространяли листовки, призывающие вступить во вспомогательные воинские формирования и отряды СС. Затем началась принудительная вербовка 15–20-летних юношей для службы на фронте и в тылу.

Василий Чигир настоял на переходе в партизанский отряд имени Чапаева. Первое боевое крещение получил в окрестностях Копыля. Овладел мастерством подрывника. Накануне наступательной операции “Багратион” бойцы разгромили неприятельские блокпосты, заминировали двухколейку, пролежавшую между Копылем и Слуцком. По условному сигналу на большом расстоянии так рвануло, что зрелище было видно на многие километры. Огромный успех окрылил народных мстителей. Они захватили, очистили от неприятеля районный центр и удерживали его до прихода Красной армии.

Посильную помощь ей оказывали партизанские бригады в ходе подавления 105-тысячной вражеской группировки, зажатой в кольце восточнее белорусской столицы. Маршал Советского Союза Георгий Жуков в своей книге “Воспоминания и размышления”, вышедшей в 1971 году, особо подчеркнул, что “в числе 57 тысяч пленных оказалось 12 генералов, из них 3 командира корпуса и 9 командиров дивизий”. Деморализованные и павшие духом, они на допросах твердили: “Германия капут”, “Гитлер капут”.

Отряд имени Чапаева направили в Минск на партизанский парад, назначенный на 16 июля 1944 года. “От Копыля, – рассказывает Василий Федорович, – шли пешком, вылавливая по пути следования отбившихся от частей немецких солдат. Истощённые и измученные годами оккупации жители столицы радовались освобождению. На глазах многих выступали слёзы”.

Под звуки духового оркестра парад состоялся на набережной реки Свислочь в районе нынешней улицы Красноармейская. Это было событие огромного морально-политического значения, вдохнувшее веру в неизбежную победу над вражескими силами. Теперь в его честь установлен мемориальный знак, куда часто приходит Василий Федорович Чигир.

Назавтра, 17 июля 1944 года партизаны, затаив дыхание, слушали по радио репортаж из Москвы, где проходил “парад” поверженных “победителей”. По её улицам советские конвоиры провели более 50 тысяч пленных гитлеровских солдат и офицеров с поникшими головами. Так бесславно и позорно закончилась варварская авантюра вермахта. Урок назидательный!

Но до полного разгрома нацизма оставались ещё многие месяцы ожесточённых сражений. Партизанские формирования перебросили на берлинское направление. Отряд имени Чапаева протопал до Вильни. Там лесных бойцов распределили по армейским частям. Василий Чигир попал в 742-й стрелковый полк 164-й дивизии 1-го Прибалтийского фронта, продвигавшегося в сторону Риги.

Получив свежее подкрепление, дивизия действовала решительно и смело. Она плотным огнём подавляла вражеские узлы сопротивления, теснила фашистов к побережью Балтийского моря. Так продолжалось не один день. Увлёкшись контратакой, Василий Чигир с группой бойцов оказался на открытой равнинной местности. Стояла осень, радуя глаз своими яркими красками. Не успели пехотинцы осмотреться, окопаться, как с небольшой высоты застрочили немецкие пулемёты. Чигир получил ранение в руку. Товарищи отправили его в медсанбат.

При осмотре солдата хирург поставил неутешительный диагноз: гангрена. И добавил:

– Надо делать операцию, потом будет поздно.

После того, как ампутировали левую руку, Чигира переправили в Казань, где он находился на излечении. Демобилизовавшись по состоянию здоровья, приехал в Лешню. Она лежала в руинах. Фрицы всё-таки стёрли её с лица земли. Присел на камень и призадумался. Казалось, что ставшие песней трагические строки поэта Михаила Исаковского – это во многом и о нём:

*Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?*

Жена брата, родом из другой деревни, перевезла на опустошённую усадьбу постройку, в которой раньше хранили зерно. В этой хатине и остановился фронтовик Василий Чигир. На четвёртый день к нему приехали председатель колхоза и председатель сельсовета и предложили должность главного бухгалтера сельхозартели. Никаких возражений не принимали:

— Человек ты грамотный и приличный. Люди тебя характеризуют положительно. Не тушуйся, с работой справишься. Желаем успеха!

Главный бухгалтер колхоза имени Ульянова Копыльского района Чигир быстро вошёл в курс дела и завоевал хорошую репутацию.

Пришла весна. Нужно было огороды засеять. Но запрячь коня Василий одной рукой не мог. Не мог он и идти за плугом. Необходимо было что-то предпринимать. В газетах появились объявления о приёме в вузы. И он пошёл в соседнюю деревню на встречу с одноклассником Александром Попельским, впоследствии работавшим помощником первого секретаря Брестского обкома партии Петра Мироновича Машерова. Парня на фронте контузило, и его комиссовали. Школьные приятели переговорили и решили поступать в Минский юридический институт. Чтобы получить паспорт, требовалось согласие местных властей. Они учли положение ребят, пошли им навстречу. Василий и Александр, успешно выдержав вступительные экзамены, были зачислены студентами. Этот удачный выбор наложил отпечаток на всю их дальнейшую жизнь.

Чигир учился с азартом и на третьем курсе удостоился сталинской стипендии, которая была соразмерна среднему заработку хорошего работника.

— Тогда я уже ожил, — поясняет Василий Фёдорович. — Приобрёл себе костюм, ботинки, не пропускал театральные премьеры. Покупал много книг.

Преуспевающему выпускнику института предложили остаться в аспирантуре. Окончив её, он защитил кандидатскую диссертацию, читал курс лекций по гражданскому и колхозному праву.

В один прекрасный день молодого преподавателя вызвали в партком и сказали:

— Поедешь на село, будешь председателем колхоза.

— И тут я впервые ослушался, — резюмирует собеседник, — мотивируя отказ тем, что это не моя сфера деятельности.

В Белорусском государственном университете Василий Фёдорович Чигир покорил новые высоты — стал доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом БССР. В течение двух десятков лет заведовал кафедрой, 10 лет был деканом юридического факультета. Многие годы являлся председателем учёного совета и председателем экспертного совета ВАК. Гордится и тем, что оппонировал значительное число докторских диссертаций в Московском, Ленинградском, Харьковском и других ведущих вузах некогда нашей великой страны.

Значителен вклад, сделанный им в становление белорусской юридической школы. Им издано немало монографий, книг и сборников. В настоящее время под его непосредственным руководством завершается выпуск фундаментального трёхтомного учебника по гражданскому праву.

Чигир подготовил плеяду замечательных учёных, в том числе содействовал в написании докторской диссертации Валерию Николаевичу Годунову, возглавляющему ныне кафедру гражданского права БГУ. В дружном коллективе единомышленников сложилась здоровая морально-психологическая атмосфера. Каждый работает творчески, на совесть, проявляет государственный подход к совершенствованию учебного процесса.

В интеллектуальных кругах Беларуси Василия Фёдоровича знают как активного члена президиума республиканского общества “Знание”.

Заслуги профессора получили достойное признание Отечества. Он награждён орденами и медалями за трудовые свершения. Ему, как и профессору Головки, присвоено почётное звание “Заслуженный работник БГУ”.

Сердце ветерана радуется бережному отношению к участникам минувшей войны. Ректор Белгосуниверситета, академик Сергей Владимирович Абломейко в торжественной обстановке высказал им слова признательности, поблагодарил за плодотворное участие в обучении и воспитании студенческой молодёжи.

Очень сердечной была встреча и в Министерстве юстиции Республики Беларусь. Министр Виктор Григорьевич Голованов тепло говорил о легендарных героях войны и талантливых подвижниках науки.

Прочные корни пустила семейная династия. Дочь Ирина и внучка Елена получили юридическое образование, защитили кандидатские диссертации и слывут высококлассными специалистами. Значит, главное дело его жизни продолжается. И это называется счастьем.

Небо взяли под защиту

Первое впечатление, которое складывается о собеседнике С. Г. Дробязко, — интеллигентность у него в крови, хотя происхождения он сугубо крестьянского. С детства умел радоваться самому малому. Это придавало задор и энергию. Убежищем от тоски и скуки были книги. Их будущий профессор читал с увлечением. Под влиянием художественной литературы приходил к выводу: без патриотизма, нравственности человек, что дерево без корней.

Окончив школу с отличием, был призван в армию, получил направление в 224-й горнострелковый полк, дислоцировавшийся в 7 километрах от границы с Румынией. К Украине только что присоединили Северную Буковину, и бойцы обживались на новом месте. Строили казармы и узлы сопротивления, делали маскировку, налаживали службу оповещения и связи. Официальная доктрина гласила: если придётся воевать, то “малой кровью” и “на чужой территории”. И там мы врага разобьём могучим ударом.

Тем временем участились перелёты государственной границы немецко-фашистскими самолётами. “Хейнкели” и “юнкерсы” безнаказанно кружили на небольшой высоте, фотографировали объекты. Это вселяло тревогу.

— В нашей первой роте, — рассказывает Степан Григорьевич, — все служащие имели среднее или высшее образование. В мае 1941 года к нам приехали старшие офицеры из Серпухова и предложили поступать в Серпуховскую школу авиационных механиков. Раньше она готовила пилотов и механиков и выпускала младших лейтенантов. Теперь, в связи с её реорганизацией согласно приказа наркома обороны С. К. Тимошенко, из стен учебного заведения выходили только сержанты. “Рокировка” вызвала негодование у курсантов, но их быстро успокоили. Новое пополнение, среди которого был и я, уже никаких претензий не предъявляло.

Потекли напряжённые учебные будни. Лекции чередовались с практическими занятиями непосредственно на аэродроме, куда поступали новые типы самолётов. Надо было их технически грамотно обслужить, исправить возможные возникающие неполадки, поддерживать в высокой боевой готовности. Степан Дробязко показывал хорошее знание авиационной техники, за что удостоивался благодарности.

Когда разразилась война, курсантов перевели на ускоренный режим обучения. Этого требовала сложная обстановка. Противник смял в приграничных округах многие аэродромы, находившиеся в стадии реорганизации и перевооружения, уничтожил на них сотни советских самолётов.

Наши отважные лётчики дрались самоотверженно с превосходящими силами вражеской авиацией. Как писал немецкий генштабист Греффрат, за две недели боёв военно-воздушные силы Германии потеряли 807 самолётов, что явилось для вермахта полной неожиданностью.

Не считаясь со значительными потерями, Гитлер снял авиационные части с Западного фронта и дополнительно бросил на советско-германский фронт почти 5 тысяч самолётов, в том числе 500 финских и столько же румынских. Враг наггел, добирался вглубь страны, подвергая бомбардировкам промышленные предприятия, оборудование которых пришлось эвакуировать из центральных районов в Поволжье, на Урал, в Западную Сибирь. Ровно через месяц после начала войны, в ночь с 21 на 22 июля 1941 года более 200 немецких самолётов волнами покатались на Москву, однако попали под заградительный огонь зенитных батарей и заградотрядов ночных истребителей, рассеявших массированный налёт, длившийся шесть часов. Лишь 4-5 машин долетели до столицы. Они беспорядочно сбросили зажигательные и фугасные бомбы, одна из которых, чудом не взорвавшаяся, пробила крышу и потолочное перекрытие Георгиевского зала Большого Кремлёвского дворца.

Встала проблема наращивания выпуска новейших истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков. Наша авиационная индустрия с заданием справилась. Уже в 1942 году она произвела более 25 тысяч военных самолётов, что на треть больше, чем произвели заводы Германии. Это был подвиг тыла!

После окончания в Серпухове школы авиационных механиков Степана Дробязко спросили:

– Где хотел бы служить?

– Я сержант, куда пошлётё, туда и поеду.

Его послали в 722-й истребительный авиационный полк, охранявший так называемый Горьковский регион, который поставлял фронту порядка 60% вооружения, в том числе танки, самолёты и самоходные орудия. Задача стояла ответственная: не допустить бомбёжки предприятий, расположенных в данном регионе.

Небо над ним взяли под постоянную защиту. Немцы вынуждены были менять тактику. Вначале под покровом ночи пытался прорваться одиночный разведчик-корректировщик, сбрасывавший на парашютах лампы-осветители. За ним мелкими группами тянулись бомбардировщики в сопровождении истребителей. Тогда в воздух поднимались наши великолепные “тройки”: МиГи-3, Лаги-3, Яки-3. Провожая их в бой, Степан Дробязко с нетерпением ждал возвращения пилотов. Многие из них проявляли личную отвагу и храбрость.

Посты дальнего наблюдения доложили о приближении фашистского пирата. По сигналу воздушной тревоги к самолёту бросился лётчик Шаурин. Он дал истребителю полный газ, отпустил тормоза и понёсся к немецкому “хейнкелю”, стараясь поразить его очередями. Когда патронов не осталось, лейтенант пошёл на таран. Охваченная пламенем вражеская машина рухнула на землю. Шаурин выбросился с парашютом, добрался до аэродрома. За проявленное мужество лейтенанту первому в полку присвоили звание Героя Советского Союза. Степан Дробязко был рад за боевого товарища.

Спустя несколько дней в схватку вступил заместитель командира эскадрильи Табарчук. Он обнаружил “стервятника” и винтом своего истребителя отрубил ему хвостовое оперение. “Хейнкель” загорелся и развалился. Старший лейтенант удостоился высокой награды.

Интенсивность полётов возрастала, и Дробязко, по сути, не уходил с аэродрома. Таскал на себе тяжёлые баллоны для продувания систем боевых машин. Однажды почувствовал резкие боли в области живота. Врачи медсанбата констатировали: на 20 сантиметров опустился желудок. Старшину отправили в Горьковский, а затем в Ташкентский госпиталь. Опытные врачи излечили болезнь, и авиамеханик вернулся к сослуживцам. Его избрали комсоргом полка.

Крылатая мечта звала в небо. Как-то с молодым лётчиком Степан направился в заданную местность. Ориентиром для посадки служила мельница. Но на горизонте показалась не одна, а несколько мельниц. У которой из них садиться, было неясно, и, чтобы не подвергать машину опасности, экипаж взял курс обратно на свой аэродром. Сумерки сгущались. Летавший только днём пилот не без помощи напарника выдержал экзамен на право управления самолётом в ночное время.

– Сполна проявили себя наши воздушные флота в последующих стратегических операциях, – продолжает Дробязко. – Они засыпали огнём и металлом вражеские позиции. Апофеозом стала грандиозная битва за Берлин. В первый её день советские лётчики в непростых метеорологических условиях совершили 17 500 самолёто-вылетов.

В освобожденные районы Беларуси для охраны территории перебазировался полк, в котором служил Дробязко. Лётчики-истребители приземлились в Витебске. Потом были Могилёв и Минск. Повергла в шок варварская дикость фашизма – города лежали в развалинах. Главным объектом внимания оказалось прикрытие железных дорог, по которым на Западный фронт непрерывным потоком шли военные грузы. Но у немцев уже отбили всякую охоту сюда летать.

– Весть о Победе, – говорит Степан Григорьевич, – встретили в Минске. Трудно словами передать радость и ликование, которые охватили лётчиков. У всех нас – русских, украинцев, белорусов, грузин, узбеков – была одна Родина, и мы её вместе защитили.

Лётные экипажи расквартировались в землянках, вырытых на окраине аэродрома по соседству с Лошицей. В одной из них расположились комсорг Дробязко с партгором полка. Боевые друзья-товарищи часто заводили разговор о мирной послевоенной жизни. Не теряя времени даром, Степан поступил на заочное отделение Минского юридического института. А когда в октябре 1945 года демобилизовался, перевёлся на стационар. Более того, бывшего

авиамеханика зачислили лаборантом кабинета политекономии, избрали в состав партбюро факультета и заместителем председателя вузовского профкома. И потекли годы старательной учёбы, активной общественной работы. Незабываемым событием явилась поездка в Москву с преподавателем латинского языка Мельцером для отбора литературы в четырёх разрушенных войной библиотеках. В результате в Минск привезли вагон редчайших книг, которым не было цены.

Ближе к выпуску преуспевающего студента пригласили на работу в республиканскую прокуратуру. Руководство же института настояло на том, чтобы оставить его в аспирантуре. Дробязко с честью оправдал оказанное доверие. Подготовил и успешно защитил кандидатскую и докторскую диссертации в Ленинградском государственном университете. В этом престижном вузе он являлся членом учёного совета на протяжении двух созывов.

Последующая деятельность Степана Григорьевича связана с БГУ: 17 лет заведовал кафедрой теории и истории государства и права, выпустил ряд книг и учебных пособий, некоторые из которых неоднократно переиздавались, дал путёвку в науку многим молодым исследователям.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Комментарий декана юридического факультета БГУ, доктора юридических наук, профессора Сергея Александровича **Балашенко**:

— **Талантливых учёных принято называть цветом отечественной науки. В этом ярком созвездии достойное место занимают наши именитые профессора, участники Великой Отечественной войны А. А. Головки, С. Г. Дробязко, А. В. Дулов, В. Ф. Чигир и Н. Г. Юркевич. В ранней юности на их долю выпали невероятные трудности и много славы. Как истинные патриоты, они пронесли сквозь бои-пожарища непоколебимую верность воинской присяге и священному долгу защитника родного Отечества.**

Р. С. Два года назад из жизни ушёл Анатолий Александрович Головки. А его боевые друзья, титулованные учёные, продолжают сеять разумное, доброе, вечное, веря, что наши три братских славянских народа “в великую семью соединятся” (А. Пушкин).

г. Минск

АЛЕКСАНДР СМОЛКО

НЕ ИСТОРИК ЗАДАЁТ ВОПРОСЫ. ЯЛТА—70

Не надо быть историком, чтобы понять и оценить результаты встречи лидеров великих держав — стран антигитлеровской коалиции — и их значение для судеб народов мира в Ялте 70 лет тому назад. 70 послевоенных лет не были безоблачными. Были “холодная война”, атомная гонка, локальные военные конфликты с участием бывших союзников по антигитлеровской коалиции, но мировых войн человечеству удалось избежать. Удалось избежать благодаря тому мощному фундаменту, построенному в Ялте 70 лет тому назад, на котором стоял и продолжает стоять наш мир.

Любая конструкция, в том числе и политическая, нуждается в периодической проверке. Ялтинский фундамент мироустройства исключением не является, пришло время посмотреть на ялтинские договоренности с точки зрения их соответствия политическим реалиям сегодняшнего дня. Конференция “Ялта 1945. Прошлое, настоящее, будущее”, которая проходила в Ливадийском дворце 4 и 5 февраля 2015 года, может рассматриваться как такая попытка. Организаторами конференции были Международная ассоциация фондов мира (президент А. Карпов), Фонд развития гражданского общества (председатель правления К. Костин), Фонд исторической перспективы (президент Н. Нарочницкая).

Учитывая высочайший уровень организации мероприятия, легко предположить, что без участия в проекте такой серьёзной организации, как Администрация президента, не обошлось. Приветствие президента В. В. Путина участникам конференции, участие в конференции председателя Государственной Думы С. Е. Нарышкина, участие в конференции депутатов Госдумы, известных политиков, ведущих российских историков, многочисленных участников из Англии, Франции, Германии, других европейских стран является тому подтверждением. Это был очень сильный политический ход российской Администрации.

Память о войне, о военном братстве для ветеранов Второй мировой войны, их потомков (а этих потомков миллионы — война коснулась большей части населения земного шара) является священной. Хорошим подтверждением этому является тот размах, с которым мировая общественность праздновала 70-летие высадки союзников в Нормандии. Ялтинская встреча “Большой тройки” по своему значению для послевоенного мироустройства, как минимум, сопоставима с высадкой в Нормандии, и то, что администрация США не нашла приемлемую для себя форму вспомнить Ялту и встречу “Большой тройки” и тем самым продемонстрировать всему миру верность принятым там

принципам, её не украшает. “Мир, который мы строим, не может быть американским или британским миром, русским, французским или китайским миром. Он не может быть миром больших или миром малых стран. Он должен быть миром, базирующемся на совместном усилении всех стран”.

Эти слова президента Рузвельта и сегодня актуальны так же, как и 70 лет тому назад. Вспоминая встречу “Большой тройки”, мы протягиваем руку дружбы нашим бывшим союзникам. Официальные власти пожать эту руку отказались, не уверен, что народ с ними согласен. История рассудит.

Но вернёмся в Ялту 2015 года. Тема конференции “Ялта 1945. Прошлое, настоящее, будущее”. Заявка более чем серьёзная. Кто владеет прошлым, владеет настоящим. Кто владеет настоящим, владеет будущим. Кто сказал, не знаю, прочитал у Льва Гумилёва, понравилось. Предлагаю поговорить о прошлом, настоящем и будущем.

* * *

В своём первомайском приказе 1944 года, отмечая успехи Красной армии, Сталин писал:

“Этим успехам в значительной мере способствовали наши великие союзники – Соединённые Штаты Америки и Великобритания, – которые держат фронт в Италии против немцев и отвлекают от нас значительную часть немецких войск, снабжают нас весьма ценным стратегическим сырьём и вооружением, подвергают систематической бомбардировке военные объекты Германии и подрывают, таким образом, военную мощь последней”.

Сталин добавил, что освобождение Европы и разгром Германии на её собственной территории – задача, которую можно решить “лишь на основе совместных усилий Советского Союза, Великобритании и Соединённых Штатов Америки, путём совместных ударов с Востока... и с Запада... Не может быть сомнения, что только такой комбинированный удар может полностью сокрушить гитлеровскую Германию”. Признаюсь, приказ я не читал, позаимствовал из книги Александра Верта “Россия в войне 1941–1945 года”. Книга блестящая, жаль, что у нас мало известная.

В подтверждение серьёзности сделанного Сталиным заявления приведу несколько цифр. В 1944 году на Восточном фронте Красной армии противостояли 257 дивизий, 207 из них были немецкими, 50 – дивизии союзников Германии. На Западном фронте Германия имела 119 дивизий. К началу 1945 года действующая германская армия насчитывала 5,3 млн человек. Против нас воевало 3,1 млн, против союзников – 2,2 млн. Наши невозвратные потери за последний год войны составили 1,1 млн человек, потери союзников – 750 тыс. Последний год войны не был прогулкой ни для нас, ни для наших союзников.

Враг был силен, и заявление Сталина о необходимости совместных с союзниками действий для достижения Победы – не просто дань вежливости – помощь союзников была совсем не лишней. Почему мы сейчас не говорим об этом так, чтобы наши бывшие союзники нас слышали? Это было бы и справедливо, и правильно. Нас не захотят услышать американские ястребы, но нас с благодарностью услышат миллионы американских – и не только! – граждан, которым дорога память о войне и военном братстве наших народов. Мы хотим благодарства и благодарности по отношению к себе, но этого же хотят и наши бывшие союзники.

“Мы никогда не делили Победу на свою и чужую и всегда будем помнить помощь союзников по антигитлеровской коалиции, участников движения сопротивления...” Так сказал президент России на встрече по случаю 70-летия освобождения Белграда от фашистов. Сигнал был подан, но наша пропаганда, наши масс-медиа этот сигнал как бы не заметили. Почему?

Тему союзников и правды о войне хотел бы рассмотреть совместно. На ум приходят слова Бисмарка: “Больше, чем на войне, врут разве что на охоте”. Читая мемуары практически любого военачальника или политика, начинаешь понимать, кому мы обязаны победой. Понять это можно, человек слаб, каждому хочется хорошо выглядеть в глазах потомков. Так как же приблизиться к правде? В математической статистике есть закон, называемый законом больших чисел. Смысл закона состоит в том, что различные случайные противополо-

ложно направленные факторы взаимно нейтрализуются, и в результате мы имеем объективную картину того или иного явления. Другими словами, если один немножко приврал в свою пользу, другой – в свою, а третий – в свою, то, сложив мнения всех, получим более или менее объективную картину.

Понятно, что число наблюдений при этом должно быть достаточно большим. Маршалов на войне было несколько десятков, генералов – несколько тысяч, а рядовых тружеников войны – миллионы, и именно они являются носителями правды о войне. Но они не писали мемуаров, не любили рассказывать о войне. Почему? Думаю, потому, что о войне, как о покойнике, – либо хорошее, либо ничего. Поэтому ничего. Но это не значит, что им нечего сказать, просто им слова не давали, а может, их время просто не наступило. Послушать ветеранов и познакомиться с ними поближе мне посчастливилось, настаиваю на этом слове, в процессе работы над документальным фильмом “Союзники. Верой и правдой”, автором идеи, соавтором сценария и генеральным продюсером которого я являюсь.

Идея фильма очень простая. Ветераны Второй мировой из США, Великобритании, Франции, Германии, России рассказывают о своей войне. В те далёкие времена они были простыми солдатами и матросами и хватили лиха, что называется, по полной. Мы сняли более 100 часов, героями фильма могли бы быть десятки ветеранов, но временные ограничения заставляли делать выбор. Фильм идёт 62 минуты, и лишь небольшая часть наших потенциальных героев показана в фильме.

Проблема выбора была связана не с тем, что говорили ветераны. Они говорили более или менее об одном и том же. Трудности выбора были кинематографического характера. Нашим героям под 90 лет, и тут важно, как они говорят, как они будут смотреться на экране – законы жанра есть законы жанра. Режиссёр фильма Сергей Зайцев сделал правильный выбор. И, как результат, фильм получил Гран-при на международном кинофестивале “Золотой витязь”, с успехом демонстрировался в разных странах и разных, дружественных и недружественных, аудиториях. Показал этот фильм и наш канал “Культура”.

О чём же говорят ветераны в нашем фильме? О военном братстве, о союзническом долге, о мужестве русского солдата. Уильям Картер, американский матрос, участник знаменитого конвоя PQ17, говорит следующее, цитирую почти дословно: “Я никогда не был силён в статистке, но, насколько я знаю, русские потеряли в войне 27 миллионов человек. Страшная цифра. И об этом должны помнить те, кто, благодаря русским, сохранил свой образ жизни, свою культуру, свои традиции”. Английский матрос Джок Демпстер в 16 лет он был участником северных конвоев, ему довелось пережить атаки и немецких подводных лодок, и немецких бомбардировщиков: “Я восхищаюсь русскими”.

И Уильям Картер, и Джок Демпстер ушли из жизни, царство им небесное и благодарность за добрые слова о бывших союзниках. Правда, для них мы никогда не были бывшими. “Я никогда не думал, что между русскими и английскими военными существовало такое военное братство, они были как одна семья, которую сейчас разделили”. Так написал мне в своём письме один молодой англичанин, посмотрев наш фильм. Во время съёмок фильма в Нью-Йорке мы делали блиц-интервью. Случайным образом останавливали прохожих и спрашивали их о войне, о союзниках, о русских. И должен сказать, что американцы знают о войне гораздо больше, чем у нас принято думать.

Ветераны – это народное достояние, их сердца – это кладовая памяти. Наблюдая ветеранов, общаясь с ними, я пришёл к парадоксальному выводу. Они немощны физически, но они сильнее нас морально. Они знают то, чего мы не знаем. Они смотрели смерти в глаза, и смерть отступила. Понятно, что на время. В назидание нам Бог сохранил им жизнь. Глядя на них, мы можем видеть, что старость может быть прекрасна, а может быть ужасна. По мере возможности мы стараемся их облагодетельствовать, время от времени показываем по телевидению, но не как людей посвящённых, а как экспонаты. Не это им надо. Им надо, чтобы мы восприняли их мудрость, за которую они заплатили дорогой ценой, чтобы мы поняли, что высшая ценность – это человеческая жизнь.

У меня перед глазами стоит солдат вермахта из фильма “Союзники”. Он рассказывает, как немецкие ветераны ухаживают за могилами русских солдат.

“Люди, перестаньте воевать, научитесь договариваться!” – призывает нас немецкий ветеран со слезами на глазах. Услышим ли мы его сейчас? Историческое значение Ялтинской встречи лидеров стран антигитлеровской коалиции состоит в том, что и Сталин, и Рузвельт, и Черчилль услышали голос и чаяния своих народов и принесли им мир. При том, что их геополитические интересы кардинальным образом отличались, и каждый из них играл свою игру.

Наступать на одни и те же грабли – наша “народная забава”. Рисую схему. Плохой царь, плохое правительство, плохое государство, революция, большая кровь, разрушение страны. Усилиями нескольких поколений выстроили страну, победили в страшной войне. И опять – плохой Сталин (Хрущёв, Брежнев), плохое правительство, плохое государство, революция, разрушение страны. На этот раз обошлось без большой крови, худо-бедно выкарабкались. И опять – плохой Путин, плохое правительство, плохое государство. Что дальше? И доколе мы будем так “забавляться”? Может быть, “что-то в консерватории поправить”?

“*Wrong or right it's my country*” – эти слова американского солдата стали в США поговоркой. Почему мы такая непатриотичная нация? У нас была страна на зависть многим. Сейчас её разрушители, вольные и невольные, без конца напоминают нам о сталинских репрессиях, о том, что в магазинах не было колбасы... Больше сказать не о чем. Колбасы, действительно, не хватало. Но так ли это важно? Нормальная хозяйка семью колбасой не кормила, да и без колбасы с голоду никто не умирал. Наоборот, численность населения увеличивалась, и продолжительность жизни росла. Сейчас колбасы вволю, есть – не хочу, а работников мы вынуждены приглашать из наших бывших республик по причине демографической недостаточности.

Наш гениальный соотечественник А. А. Зиновьев был выслан из страны как диссидент. Вот пример, который он приводит в одной из своих книг “Русский эксперимент”. Интереснейшая книга, жаль, что купить её сейчас практически невозможно. Зиновьев даёт интервью иностранным журналистам после высылки из СССР. Какая у вас была зарплата, господин профессор? 500 рублей в месяц, отвечает профессор. Досужие журналисты сделали свои вычисления, получили в пересчете 100\$ и объявили, что это месячная зарплата американского солдата. Но, господа, у меня была практически бесплатная квартира, бесплатное медицинское обслуживание достаточно высокого качества, мои дети получали бесплатное образование, мне не надо было инвестировать в их будущее. Когда социальный пакет посчитали, то оказалось, что зарплата у советского профессора, была выше, чем у американского генерала. Известно, что А. А. Зиновьев не сильно жаловал Сталина, но он был честным и справедливым человеком. Мало кто в то время получал 500 рублей в месяц, но социальный пакет был у всех, у кого больше, у кого меньше, но достаточно весомый. Мы имели социально ориентированное государство.

Пару лет тому назад довелось мне посетить Китай. Моё самое сильное впечатление от увиденного там, это единство китайского народа. И это не только моё впечатление – я специально интересовался у знакомых, посещавших Китай. Китайцы не мононация, но это не мешает им быть единым народом. “Не злословь уходящего царя”. Эту восточную мудрость китайцы хорошо усвоили. Думаю, что Мао Цзэдун по масштабу личности, по его вкладу в создание современного Китая сопоставим со Сталиным. Уверен, что китайцы относятся к Мао по-разному, кто-то хорошо, кто-то плохо. Но при всём при том Мао Цзэдун остаётся в истории вождём китайского народа, и китайцы никому и никогда не позволят оплёвывать своего вождя и свою историю. Отсюда и единство нации, и успехи в экономике, и авторитет страны на мировой арене.

Знаковым событием Ялты–2015 было открытие памятника лидерам антигитлеровской коалиции Сталину, Рузвельту и Черчиллю. Общественность восприняла это событие, мягко скажем, неоднозначно. Не по причине художественных достоинств или недостатков работы Зураба Церетели. В год 70-летия Победы вокруг имени Сталина страсти закипают, имеет место раскол общества, что плохо, особенно сейчас. Не случайно то, что компрометацию и охаивание Сталина на Западе начали тогда, когда увидели, что Советский Союз вопреки всему становится великой державой.

Как это делалось и чем это закончилось, многие помнят и знают, ещё живы свидетели прошлого и настоящего. В истории нашего народа, да и других народов, были светлые страницы, были и тёмные. Но говорить только о тём-

ных, сыпать соль на раны и заниматься историческим мазохизмом, — может, это и по-русски, но не думаю, что это правильно. Американцы не терзают себя воспоминаниями о временах рабства, да и геноцид коренного американского населения не мешает им жить. Потому что “Америка всегда права”. Немецкая нация признала свою вину за злодеяния фашистов, но это не мешает им жить нормальной жизнью и спокойно строить своё будущее.

А чтобы давать оценку личностям уровня Сталина, надо вернуться в сталинское время, владеть информацией, на основании которой тогда принимались те или иные решения. Оплёвывая Сталина, мы оплёвываем свою историю. Кто нас будет уважать, если мы сами себя не уважаем?

Россия под руководством Путина стала подниматься с колен. Не без проблем, не без трудностей, хотелось бы большего, но стала подниматься. Запад работает на опережение. Запад — это не Обама и не Меркель, это гораздо серьёзнее. Это транснациональные корпорации (ТНК), которые уже поделили богатства России. Медведев ещё жив, а шкуру его уже делят, — большой риск. Станет ли Россия великой державой — ещё вопрос, но наш президент уже объявлен врагом человечества. Запад волнуется правильно, Россия либо будет великой державой, либо исчезнет. Третьего не дано. Это хорошо понимают наши внешние враги, и их действия, по крайней мере, логичны.

Что считают враги внутренние, явные и неявные, не знаю. Мы чего-то стоим, пока за нами стоит государство. Привожу эпизод из мемуаров одного русского жителя Харбина, заимствовал из книги А. И. Казинцева “Возвращение масс”. До революции 17-го года русские чиновники подзывали китайцев пренебрежительным окликом “ходя!” Те услужливо отвечали: “Да, капитана!” С падением империи китайцы перестали подбегать на оклик и с насмешкой отвечали: “Теперь твой — ходя, а моя — капитана”. Английский эквивалент “понаехали тут”, звучит примерно так: “*go back where you came from*”, что в переводе означает пренебрежительное “иди, откуда пришёл”.

Разрушая государство, мы рубим сук, на котором сидим. Казалось бы, в такой непростой период, который переживает наша страна, все силы общества и, в первую очередь, его образованной части должны быть направлены на консолидацию общества, сплочение народа вокруг лидера. В конечном счёте, и историю, и вождя делает народ. Глава государства становится вождём своего народа тогда, когда он понимает сокровенные чаяния своего народа.

Путин присоединил Крым. Крым наш, народ этого хотел, и он поддержал своего президента. Путин пока не стал вождём, но кандидатом в вожди он стал. И стал личным врагом Обамы, потому что Обама никогда не станет вождём американцев. Запад хорошо понимает, что русская нация может получить вождя, понимает, что это значит для русских, и поэтому атаки на Путина усилились многократно. Нашей страной всегда правили самодержцы, и не важно, назывались ли они царями, генеральными секретарями или президентами. Отличие последних в том, что они не наследовали власть. Про передачу власти умолчу. Но самодержец как руководитель всегда присутствовал и присутствует в нашей генетической памяти как носитель высшей справедливости.

В старое время царей учили царствовать с детства. Кто-то эту науку усваивал лучше, кто-то хуже. Царей-президентов царствовать учит жизнь. Наука эта не простая. С точки зрения Запада, царь Михаил (не Романов) и царь Борис были хорошими учениками. А вот царь Владимир — не очень хороший ученик, и для нашего же блага его надо заменить. Спасибо вам, благодетели! Уже только поэтому мы должны Путина поддержать.

Вопрос, кем войдёт Путин в историю — вождём нации или вожаком стаи? Не приходится сомневаться, что законы стаи ему известны. В стае не бывает союзников, разве что стая объединяется, когда надо порвать вожака. Но это не наш случай. Стая должна понимать, что поражение Путина означает приход назначенца ТНК и передел собственности в пользу ТНК. И кто был всем, станет никем. А кто был никем, никем и останется.

Обстоятельства в данный момент таковы, что Путин нужен всем, за исключением, может быть, контрэлиты и так называемой “пятой колонны”. Но и те, и другие не могут не понимать, что их услуги нужны для того, чтобы свалить Путина. Потом — спасибо, все свободны! Незавидная судьба диссидентуры, работавшей на развал СССР, должна бы чему-то их научить. Даже по 30 сребреников заплатили не всем. Но что бы ни говорили и ни писали ис-

торики о роли личности в истории, история делается народом либо при его активном участии, либо с его молчаливого согласия. А для этого народу нужен вождь, и вождю нужен народ. Народ поддержит своего президента и его команду, если увидит в них защитников своих интересов.

Кстати, о команде. “Кадры решают всё!” “Хотели, как лучше, получилось, как всегда”. Первое сказал Сталин, Председатель Совета Министров СССР, второе Черномырдин, Председатель Правительства России. Они были коллегами. На этом, правда, аналогия заканчивается. Почитайте книгу “Говорят сталинские наркомы” Куманёва. Под руководством этих наркомов люди творили чудеса. Туполев, Ильюшин, Королёв, Курчатов... Список можно продолжать. Это ведь всё сталинские кадры. А что нам расскажут современные наркомы? Не могу удержаться и не привести пару примеров.

Н. К. Байбаков стал наркомом нефтяной промышленности в 30 лет. Когда возникла угроза бакинским нефтепромыслам по причине наступления фашистов на Кавказе, Сталин пригласил Байбакова. Состоялся примерно такой разговор. Существует угроза захвата нефтепромыслов фашистами. Чтобы это предотвратить, их надо взорвать. Если вы этого не сделаете, мы вас расстреляем. Но если вы их взорвёте, а враг их не захватит, мы вас тоже расстреляем. Не думаю, что в той ситуации у Байбакова был выбор. Он сделал свой выбор, когда согласился стать наркомом, он знал, на что шёл. Он знал, что за порученное дело отвечает головой. Н. К. Байбаков проработал в правительстве 40 лет. Кто за что у нас отвечает сейчас? И чем отвечает?

Второй пример. В мае 1941 года на Ходынском аэродроме приземлился немецкий военно-транспортный самолёт “Юнкерс-52”. По мнению П. А. Судоплатова, одного из руководителей советской иностранной разведки, человека, безусловно, информированного, это была провокация с целью проверить нашу противовоздушную оборону. Событие имело серьёзные последствия, руководители ответили головой. У нас бы сейчас виновным объявили водителя снегоуборщика. “Чтоб добрым быть, нужна мне беспощадность”. Шекспир сказал. Сказать легко, сделать вождь может, будучи уверен, что за ним стоит народ. Элита и контрэлита сдадут вождя тотчас же, как почувствуют угрозу своим интересам.

Вопрос профессионализма и ответственности власти и носителей этой власти приобретает особое значение в критические моменты истории. Приказ № 1 Временного правительства об отмене единоначалия сделал развал русской армии необратимым. Постановление правительства Горбачёва о выборе директоров предприятий ускорило развал экономики Советского Союза. “Хотели, как лучше...” И в первом, и втором случае к власти пришли непрофессионалы и демагоги, которые умели красиво говорить и давать невыполнимые обещания. И в первом, и втором случае результатом был развал страны. Насколько профессиональна современная российская власть? Ручной режим управления, о котором довольно часто говорит наш президент, доверия к власти и её представителям не добавляет.

“Почему имеет место такая нелепость? Почему эти жалкие посредственности, самые худшие, самые отсталые из всего класса ученики, эти выродки находятся и удерживаются во главе страны, и обстоятельства таковы, что нет у нас достаточно сил, чтобы их прогнать?” Ф. И. Тютчев написал это почти 150 лет тому назад. Тот самый, который сказал: “Умом Россию не понять...” В результате “двоечники” привели страну к революции и развалу.

Попытки компенсировать слабость власти призывами к демократии и свободе слова контрпродуктивны. Демократичный по сути приказ № 1 Временного правительства об отмене единоначалия привёл к необратимому развалу российской армии. Аналогичные последствия имело не менее демократичное постановление правительства времен Горбачёва о выборе директоров предприятий. А вот совсем недемократичный сталинский приказ № 227 “Ни шагу назад” внёс перелом в ход войны. Но наша сегодняшняя проблема не в приказах. Приказы можно написать любые. Вопрос, кто их будет исполнять. Понимает ли это президент?

Другая проблема, которая требует от президента непростого решения, это проблема социальной справедливости. В. В. Путин, к примеру, неоднократно говорил, что зарплата руководителей наших госкорпораций должна быть на уровне их западных коллег. По форме справедливо. **А какая зарплата должна быть у простых служащих этих корпораций? И работников дру-**

гих предприятий? Не многим подфартило стать акционером Газпрома, не всем повезло работать в Газпроме, а Газпром, между прочим, создавали всем миром в те времена, которые сейчас называют застойными. Справедливо ли, что народным достоянием, созданным трудами многих поколений, пользуются избранные?

* * *

Рассуждать о будущем очень легко, потому что никто не знает, какое оно, наше будущее. “Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах”. Хорошо сказано. Наша история, да и не только наша, полна чудес. Чудо, что мы выиграли войну, чудо, что мы создали сверхдержаву. Античудо, но тоже чудо, что мы эту державу потеряли в несколько дней.

Увидим ли мы очередное российское чудо? Хотелось бы. Мы потомки тех людей, которые выиграли войну, построили супердержаву. Мы не глупее наших отцов и дедов, у нас та же самая генетика. Наш главный недостаток – легковерие. Мы верим власти, но власть не всегда использует это доверие нам во благо. Народ это видит, впал в протрацию и потерял кураж. Но должен наступить момент, когда нация консолидируется и страна начнёт возрождаться. Готов ли Путин повести за собой народ, и готов ли народ пойти за Путиным? Думаю, что да. “За Волгой для нас земли нет”. Сейчас именно такая ситуация. Не надо морочить народу голову, как хорошо мы живем. Самое время обратиться к нему со словами “Братья и сестры. . .” и вспомнить об исторических корнях и славных страницах нашей истории. Народ поймёт.

Часть наших граждан, по статистике их около 10 миллионов, о своём будущем уже позаботилась. Думает, что позаботилась. Понятно, о ком и о чём я говорю. “Заграница нам поможет!” Наивные люди! Не поможет, никакого будущего у них там не будет. Более или менее комфортная жизнь у них, может быть, и будет, и то не факт. Прецеденты того, как у русских отбирают заграничную собственность, имеются. Но даже комфортная жизнь – это не будущее. Это эволюционный тупик. Не о такой жизни для себя, своих детей и внуков они мечтали, когда делали свои миллионы и миллиарды. “Как перед ней ни гнитесь, господа, вам не видать признания Европы, // в её глазах вы будете всегда // не слуги просвещения, а холопы”. Тот же Тютчев.

Миллионы русских людей волей судеб по разным причинам оказались в эмиграции. Среди них были гениальные люди, были просто умные, хорошо образованные люди, были и представители известных аристократических фамилий, люди умные и образованные, генетически “заточенные” на то, чтобы служить государству. Многие наши бывшие соотечественники получили блестящее образование за границей. Кто из них вошёл в элиту западного общества? Назовите хоть одну фамилию. Уроженцев Одессы прошу не называть, это, как там говорят, две большие разницы. Киссинджер, к примеру, он и в Африке Киссинджер.

Рискну предположить, что русский человек генетически устроен так, что свой талант, свои способности он раскрывает на родной земле, он районирован в той среде, что называется Россией. Не удивляюсь, что потомки даже первой волны эмиграции возвращаются в Россию, начинают историю своих фамилий в каком-то смысле заново. Здесь я мог бы назвать немало известных фамилий. Но этого не требуется. Они, придёт время, о себе сами скажут. Не простое время переживает страна, и мы вместе с ней. Можно по-разному относиться к Путину, но, если мы сейчас его не поддержим – потеряем страну.

В завершение, что сказать о будущем? Любимец американцев президент Кеннеди в своё время заявил: “Не хотите учить русский, учите физику”. Это было время, когда “мы делали ракеты и перекрыли Енисей” – результат ошеломляет! Нечего смеяться.

Американцы послушали своего президента, подучили физику, а мы учим английский. Остаётся вспоминать, что было время, когда половина мира учила русский. А слова американского президента я бы перефразировал так: “Не хотите учить китайский – учите историю”. Предлагаю поднажать на историю, пока не поздно. К тому же, наш президент – любитель и знаток истории.

ВЛАДИСЛАВ ШВЕД

КТО ВЫ, mr. GORBACHEV?

*Главы из книги**

Горе-реформатор

Получив власть, Горбачёв начал губительные для страны и советского народа эксперименты, звучно названные **“перестройка”** и **“реформы”**. Желая понравиться Западу, он стал безоглядно сдавать позиции, которые СССР завоевал не только ценой 27 миллионов погибших в Великой Отечественной войне, но и ценой лишения советских людей, создавших экономический и оборонный потенциал страны.

Самое страшное, что отзвуки предательских деяний Горбачёва не только Россия, но и мир в целом ощущает до сих пор. Кровь, которой США и НАТО в 1999 году залили Югославию, а в 2001-м – Афганистан, в 2003-м – Ирак, в 2012 – Ливию и которая сегодня льётся в Сирии, отчасти на совести Михаила Сергеевича, допустившего разрушение биполярного мира.

Не могу удержаться от соблазна процитировать характеристику реформаторов, данную в 1858 году русским сатириком Михаилом Евграфовичем Салтыковым-Щедриным. В сочинении **“Господа ташкентцы”** он писал:

“Люди, которым дотоле присваивались презрительные наименования “соломенных голов”, “гороховых шутов”, “проходимцев” и даже “подлецов”, вдруг оказались гениями, перед грандиозностью соображений которых слепли глаза у всех, не посвящённых в тайны жульничества. Всех русских быков предполагалось посолить и в солёном виде отправить за границу. Все русские болота представлялось необходимым разработать, и извлечённые из торфа продукты отправить за границу.

... Хмель, лён, пенька, сало, кожи – на всё завистливым оком взглянули домашние ловкачи-реформаторы и из всего изъевляли твёрдое намерение выжать сок до последней капли”.

Да, Михаил Евграфович, будучи не только писателем, но и вице-губернатором, смотрел в корень проблемы. К сожалению, его предостережения о реформаторах оказались не услышанными, и спустя 127 лет после Салтыкова-Щедрина к власти прорвался **“реформатор и мыслитель всех времён и народов”** Горбачёв, сумевший нанести стране ущерб, сопоставимый с ущербом от нацистской агрессии.

* Окончание. Начало в №3–4.

Советский Союз устал от Горбачёва

К сожалению, целый ряд обстоятельств способствовал тому, чтобы Горбачёв прочно сидел в своём кресле более 6 лет. В тот период информация о преступных деяниях Генсека и Президента была недоступной даже для членов ЦК КПСС. Историки будущего, изучая протоколы Пленумов и Съездов КПСС, будут поражены, сколь скудно в них говорится о реальной кризисной ситуации, сложившейся в СССР в период перестройки.

Михаил Сергеевич в своих докладах вместо анализа допущенных ошибок упор делал на перспективы и “громадьё планов”, которые предстоит выполнять партии и стране. Его окружение только поддакивало ему.

Первый “звонок” для Горбачёва прозвучал в декабре 1990 года на IV Съезде народных депутатов СССР (17–27 декабря 1990 года). Перед началом работы Съезда депутат Сажи Умалатова, чеченка по национальности, женщина, мужеству которой могут позавидовать мужчины, предложила поставить первым в повестку дня Съезда вопрос о недоверии Президенту СССР, заявив: **“Менять надо не курс, но курс и главу государства”**.

Я помню это выступление Умалатовой (на Съезде присутствовал в качестве приглашённого). Она волновалась, но достаточно чётко изложила, по каким причинам Горбачёв потерял право быть Президентом СССР. Умалатова прямо сказала, что в стране нет хозяина, что полномочия, предоставляемые Президенту, Горбачёв не использует, в результате страну захлестнула волна насилия и ненависти, а СССР живёт на подачки Запада.

Большинство депутатов в зале слушали Умалатову с каким-то страхом. Ведь всё, что было правдой, но о чём предпочитали молчать, вдруг зазвучало с трибуны Кремлёвского Дворца съездов. Это нарушило то благодное состояние, в котором всегда пребывало большинство народных избранников. Поэтому, когда Председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов поставил предложение Умалатовой на поименное голосование, то за включение его в повестку дня высказалось всего 426, против – 1288, воздержались 183 депутата.

Ситуация могла бы быть иной, если бы в поддержку Умалатовой выступили люди, располагающие информацией о предательской деятельности Горбачёва. А такие были. Прежде всего, Председатель КГБ СССР В. Крючков. Но он предпочёл промолчать. Зато во время следствия по делу ГКЧП, отвечая на вопрос, почему участники путча раньше не ставили вопрос об отставке Горбачёва, Владимир Александрович ответил: *“Ну, как же, а в парламенте... Сажи Умалатова просто подвиг совершила...”* Одним словом, *“мы пахали”*...

На IV Съезде народных депутатов СССР Крючков выступил через неделю после Умалатовой. Он вновь рассказал *“о происках ЦРУ”* в отношении СССР. Но безадресно, неконкретно. За 70 лет советской власти люди привыкли к таким сообщениям. Поэтому реакция Съезда на выступление главы КГБ была спокойной. Она была бы иной, если бы он рассказал о двух агентах влияния США – Горбачёве и Яковлеве. А фактами глава КГБ тогда располагал.

Позиция Крючкова удивляет, так как он весь 1990 год страдал членом ЦК КПСС и народных депутатов СССР происками Запада. 11 декабря 1990 года Владимир Александрович выступил по Центральному телевидению с разоблачением *“козней Запада, который, делая ставку на националистов”*, стремится развалить СССР. И там вновь ни слова о предательской политике Горбачёва и его паладинов – министра иностранных дел Шеварднадзе и члена Президентского совета Яковлева.

К сожалению, не обеспокоило Крючкова и прозвучавшее на Съезде заявление командующего Балтфлотом адмирала В. Иванова о том, что **“экстремистские элементы создают предпосылки к тому, что военнослужащие в определённый момент могут применить оружие для защиты своих семей, для защиты своих детей”**. Оно также не вызвало серьёзной реакции зала и президиума. Большинство депутатов предпочитали дистанцироваться от злободневных проблем.

На Съезде с резкой критикой Шеварднадзе и Яковлева выступили депутаты В. Алкснис и Н. Петрушенко. После чего “белый лис” Шеварднадзе поняв, что начинает “припекать”, объявил о надвигающейся “диктатуре” и своём уходе в отставку.

Горбачёв, как всегда, попытался смягчить на Съезде оценку критической ситуации, сложившейся в стране. Он как бы не заметил критику, высказанную С. Умалатовой, и выступил с докладом под многозначительным названием **“Переходить от слов к делу, решительно двигаться вперёд”**. Одним названием доклада Михаил Сергеевич признал, что пять лет перестройки прошли в говорильне. Тем не менее, Президент бодро заявил, что шансы на успех велики. Якобы за год-полтора можно поставить страну на “правильные рельсы”.

В результате Съезд в очередной раз поверил Горбачёву и согласился с предложенными им мерами по стабилизации ситуации в стране, и предоставил ему мыслимые и немыслимые полномочия. Прежде всего, Съезд упразднил Совет министров СССР и должность его председателя, учредил Кабинет министров в качестве исполнительного и распорядительного органа, который формировался Президентом и подчинялся **непосредственно ему**.

Съезд создал Высшую государственную инспекцию, подчинённую Президенту, Совет безопасности, Совет Федерации. Последний из совещательного органа при Президенте, стал самостоятельным – **под руководством Президента**. Он должен был **контролировать** деятельность высших органов государственного управления Союза и республик.

Председатель Верховного Совета СССР А. Лукьянов отметил, что отныне Президент СССР станет **“активно влиять на все сферы реализации законов и других важнейших государственных решений”**. Для этого Горбачёву были созданы все условия. Осталось только разумно распорядиться диктаторскими полномочиями, которые он получил как Президент. Но... не случайно А. Громыко сказал о Горбачёве: **“Не по Сеньке шапка!”** Часы стали отбивать время, отмеренное Президенту СССР и, к сожалению, стране.

Заговорщики в Кремле

Большую роль в потере доверия сыграла трусливая позиция Горбачёва, касающаяся силовых акций по наведению конституционного порядка в Баку, Тбилиси и Вильнюсе. Горбачёв категорически отрекался от своей причастности к этим акциям.

Однако его ложь стала для всех более чем очевидной. Достаточно напомнить, что после трагедии в Тбилиси на заседании Политбюро ЦК КПСС (апрель 1989) Горбачёв обратился к Председателю КГБ СССР В. Крючкову и Министру обороны СССР Д. Язову со следующим предупреждением: **“Я на тебя смотрю, Владимир Александрович! (Крючков)... Дмитрий Тимофеевич, (Язов), помни навсегда и сегодня же отдай приказ: отныне без решения Политбюро армии в гражданских делах запрещать участвовать”**.

Крючков и Язов прекрасно помнили, как в мае 1987 года за посадку М. Руста на Красной площади Горбачёв расправился с советским генералитетом. Однако после “грозного” предупреждения на Политбюро армия и КГБ в январе 1990 года осуществили операцию по наведению конституционного порядка и предотвращению погромов в Баку.

Горбачёв вновь заявил, что он не в курсе, и приказ на применение военной силы в Баку отдали Крючков и Язов. Однако никаких оргвыводов в отношении “самовольщиков” не последовало. Более того, буквально через три месяца после бакинских событий, 28 апреля 1990 года Горбачёв своим Указом присвоил Язову звание Маршала Советского Союза!

Я уже ссылался на свидетельство бывшего главы КГБ СССР, а позднее секретаря ЦК КПСС В. Чебрикова, который подтвердил, что Горбачёв дал санкцию на применение войск в Тбилиси, а затем отказался подтвердить это. В 2012 году уже бывший министр обороны СССР Д. Язов в интервью газете “Комсомольская правда” сообщил: **“В январе 1990-го вызывает Горбачёв меня, Крючкова и Бакатина и приказывает немедленно лететь в Баку, ввести чрезвычайное положение, навести порядок. Мы тут же поехали на Чкаловский аэродром и через 2 часа были там...”** (“КП”, 23.02.2012).

О неадекватности мышления Горбачёва свидетельствует высказывание после прилёта из Фороса в августе 1991 года: **“Вы никогда не узнаете настоящей правды!”** Публичная балансировка на грани правды и лжи уже свидетельствует о некоем психическом комплексе. К сожалению, такой человек шесть лет руководил страной!

Но вернуться в весну 1991 года. Крайнее недовольство в стране вызвало апрельское повышение цен. И при этом крайне необходимые населению товары первой необходимости отсутствовали в магазинах. О дефиците продуктов питания даже вспоминать не хочется. Хотя, как впоследствии выяснилось, на оптовых базах и складах продуктов было достаточно, но в торговую сеть они не поступали. “Агенты влияния” работали эффективно. В результате в ЦК тоннами пошли письма с требованием отставки Генсека.

В марте–апреле 1991 года на пленумах крупнейших партийных организаций страны – Киевского горкома Компартии Украины (10 марта 1991), Ленинградского обкома КПСС (11 марта) и Московского горкома КПСС (23 апреля) – неоднократно звучало требование об уходе Горбачёва в отставку.

В канун апрельского Пленума ЦК КПСС 32 секретаря российских обкомов и крайкомов партии из 72 подписали письмо в ЦК КПСС с требованием отставки Генсека. И вот 24 апреля 1991 года в Мраморном зале Кремля Центральный Комитет КПСС совместно с Центральной контрольной комиссией КПСС рассмотрели вопрос **“О положении страны и путях вывода экономики из кризиса”**.

Горбачёв на Пленуме ограничился вступительным словом. С докладом выступил новый Председатель ЦМ СССР Валентин Сергеевич Павлов. После доклада начались выступления. Генсек сразу же стал объектом жёсткой критики. После одного из критических выступлений Горбачёв неожиданно встал из-за стола президиума и, пробормотав: *“Ладно, хватит, сейчас всем отвечу!”* – пошёл к трибуне. В притихшем зале, не привыкшем видеть такого Генсека, раздались возгласы: *“Перерыв, перерыв!”*

Начал Горбачёв так: *“Я коротко, успеете пообедать”*. И добавил: *“Я должен констатировать, что около 70 процентов выступивших на Пленуме заявляют, что уровень популярности и авторитет Генерального секретаря упали чуть ли не до нуля. Считаю, что в таком состоянии оставлять человека и партию нельзя. Это просто преступно. Предлагаю прекратить прения и решить вопрос о замене Генсека и о том, кто займёт его место между съездами. И кто смог бы к тому же устроить те 2-3 или 4 партии, которые сидят сейчас в этом зале... Ухожу в отставку!”*

Среди участников Пленума возникло замешательство. Был объявлен перерыв, во время которого “горбачёвцы” организовали сбор подписей в поддержку Генсека. Параллельно проходило заседание Политбюро ЦК. Оно предложило Пленуму следующее решение *“Исходя из высших интересов страны, народа, партии, снять с рассмотрения выдвинутое Михаилом Сергеевичем Горбачёвым предложение о его отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПСС”*...

Это решение было принято 322 голосами “за” при 13 “против” и 14 воздержавшихся. Впоследствии “горбачёвцы” говорили о заранее подготовленной попытке сместить Горбачёва. Это вызывает улыбку. Если бы попытка готовилась бы заранее, то она удалась бы. Ведь нетрудно было просчитать реакцию “горбачёвцев” и после перерыва выпустить второй эшелон выступающих, а при необходимости и третий. Подобные вещи успешно проделывались даже на уровне райкома партии.

Причём всё могло решить несколько выступлений, аналогичных ранее упомянутому выступлению В. Бровикова, или одно выступление Председателя КГБ СССР В. Крючкова. Соответственно, в этом случае не надо было устраивать так называемый августовский путч 1991 года. Судьба СССР стала наглядным примером правоты изречения американского поэта Ричарда Эберхарта: *“Не бойся врагов, в худшем случае они могут тебя убить, не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных – они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство”*.

В этой связи необходимо особо поговорить о В. Крючкове, который в 1991 году мог несколькими словами изменить судьбу СССР. Однако не случилось. Это оказалось результатом кадрового тандема Горбачёв – Крючков, прочно державшего Владимира Александровича в своих тисках.

Владимир Александрович Крючков занял весьма странную позицию в отношении Генсека. Началось всё с Александра Николаевича Яковлева. Напомним, что уже в 1989 году советским спецслужбам стало известно, что тот занимал выгодные для Запада позиции, противостоял “консервативным силам” в СССР, и Запад мог твёрдо рассчитывать на него в любой ситуации.

Крючков доложил эту информацию Горбачёву. Но тот лишь предложил главе КГБ попытаться поговорить с Яковлевым. Известно, что разговор Крюčkова с Яковлевым, проходивший в финской бане, оказался безрезультатным. Яковлев на вопросы Крюčkова лишь вздыхал и молчал. Глава КГБ доложил об этом Горбачёву. Тот, побегав по кабинету, сказал, обращаясь к Крючкову: *“Возможно, с тех пор он вообще для них ничего не делал?!”* Но, тем не менее, разрешения на повторную, контрольную проверку Яковлева Генсек не дал. Крючков безропотно с этим согласился...

Замечу, что в 1990-м и в 1991 годах у Председателя КГБ СССР, как члена ПБ ЦК КПСС было немало возможностей воздействовать на главу советского государства. Не вызывает сомнений, что если бы Крючков публично озвучил лишь некоторые факты предательской политики Генсека, то, возможно, история нашей Родины развивалась бы по-другому. А Горбачёв доживал бы жизнь не в роскошном баварском замке, а в тюремной камере.

Выступал Крючков на апрельском (1991) Пленуме ЦК КПСС, когда стоял вопрос об отстранении Горбачёва от должности. Но вновь обошёл стороной вопрос ответственности Генсека за происходящее в Союзе. Наконец 17 июня 1991 года Владимир Александрович на закрытом заседании Верховного Совета СССР вновь говорил о внешних силах, активно действующих по созданию бедственного положения в стране. Он тогда констатировал, что ***“наше Отечество находится на грани катастрофы”***.

Подтверждая своё высказывание, Председатель КГБ озвучил секретную записку Юрия Владимировича Андропова “О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан”, датированную 1977 годом. В записке говорилось о том, что *“... американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза”*.

ЦРУ разработало программу индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающую приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку”.

Также в записке подчёркивалось, что основное внимание ЦРУ будет обращено на советских граждан, *“способных по своим личностным и деловым качествам в перспективе занять важные административные должности в партийном и советском аппаратах”*.

Известно, что к моменту выступления Владимира Александровича на Верховном Совете “агенты влияния” были уже подготовлены, внедрены на соответствующие должности и вели “соответствующую” работу в интересах США. Поэтому действовать надо было без промедления. Однако Крючков ограничился рассуждениями на общие темы.

Напрашивается вывод. Видимо, агенты влияния были слишком “могущественными людьми”. Об этом мне намекнул один из бывших замов Председателя КГБ. Этот вывод косвенно подтвердил генерал КГБ Юрий Иванович Дроздов. Он, ссылаясь на американского разведчика, заявил корреспонденту ***“Российской газеты”*** (31.08.2007) о том, что ЦРУ и Госдепартамент США имели в СССР ***“агентуру на самом верху”***.

Но в таком случае единственным способом, которым эту агентуру следовало обезвредить, было оглашение их фамилий. Напомню, что в 1981 году в Италии таким образом удалось предотвратить правый государственный переворот, который готовили члены тайной масонской ложи “П-2”. Для этого оказалось достаточным опубликовать список с фамилиями 962 членов этой ложи. В неё входили три министра тогдашнего правительства Италии, руководители всех трёх итальянских спецслужб, политический секретарь социал-демократической партии, зам. министра обороны, президент объединения итальянских промышленников “Конфиндустрия” и т. д.

Самую многочисленную часть ложи составляли военные: начальник генерального штаба министерства обороны Италии, заместитель главнокомандующего военно-морскими силами НАТО в Южной Европе и др. И, тем не менее, обнародование списка заговорщиков-масонов поставило крест на их планах. Этот скандал в Италии, несомненно, был известен Крючкову.

Не вызывает сомнений, что ему также было известно о международной встрече делегаций органов госбезопасности социалистических государств, состоявшейся в 1974 году в Гаване. На этой встрече особый интерес вызвало

выступление начальника контрразведки социалистической Чехословакии Мольнара. Цитату из его выступления привёл в своей книге «Как готовили предателей: Начальник политической контрразведки свидетельствует...» первый зам. Крючкова Филипп Денисович Бобков, участник встречи в Гаване.

Мольнар заявил: «Хочу предупредить вас, что настоящая опасность наступит тогда, когда на сотрудничество с противником пойдут представители властных структур, лица, стоящие у власти. Мотивы их сближения с противником могут быть разными. Это может быть стремление найти гарантии укрепления личной власти, слабая убежденность в социалистическом мировоззрении, научная неподготовленность...»

Говорю это на опыте моей Чехословакии. Мы пережили то, что творили руководители государства во времена Дубчека, то, что делал он сам. И органы государственной безопасности не могли препятствовать тому, что вело к гибели строя. Мы не могли выступить против власти, потому что народ верил власти, а не тем, кто выступает против неё. Тем более, что они прикрывались клятвами в верности идеям Маркса и Ленина, утверждали на словах социализм, борясь с изъятиями прошлого. Стать «переворотчиками» мы не могли.

Хочу предупредить и призвать вас подумать, как поступать в таких случаях. Одно дело – подпольная борьба отдельных лиц или групповых формирований, которые вступили в сотрудничество с противником. И совсем другое, когда происходит изменение позиций руководителей партии и государства в сторону от социалистического пути развития. Ревизионизм охватывает высшие эшелоны власти»...

Вышеизложенное подтверждает ранее сделанный вывод. Ситуацию в 1991 году можно было бы изменить только в случае, если бы Крючков назвал фамилии. Тем более, что Председатель КГБ СССР к тому времени располагал списком 2200 агентов влияния Запада.

Замечу, что ситуация тогда сложилась более чем странная. Подчинённые Председателя КГБ хорошо осознавали происходящее в стране, а их шеф пребывал в святом неведении. Об этом свидетельствует следующий факт. 23 февраля 1990 года собрание представителей подразделений Центрального аппарата КГБ СССР обратилось к Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю ВС СССР М. Горбачёву с заявлением: «В чекистских коллективах выражается недоумение по поводу того, что руководящие органы страны, располагая упреждающей информацией о назревающих негативных явлениях, явно запаздывают с принятием жизненно важных политических решений, проявляют медлительность и нерешительность, не используют силу действующих ныне законодательных актов.

Затягивается принятие ряда важных для общества законов, в том числе по вопросам усиления борьбы с организованной преступностью, о Комитете государственной безопасности СССР, о преступлениях против государства, о преступлениях против мира и безопасности человечества. Отсутствие этих законов лишает правовой основы борьбу с наиболее опасными формами организованной преступности, коррупцией, с преступлениями в сфере внешнеэкономической деятельности, не позволяет эффективно обеспечить безопасность государства и граждан...».

Заявление чекистов Горбачёв даже не удостоил ответа. Возникает вопрос, почему публичные выступления о грозящей стране опасности не возымели должного эффекта? Почему они оказались гласом вопиющего в пустыне? Ведь они, казалось бы, были проникнуты озабоченностью судьбой СССР.

Прежде всего, потому, что проблемы преподносились в общих чертах, без конкретных фактов и фамилий. Я помню свою реакцию, да и реакцию тех членов ЦК КПСС и народных депутатов ВС СССР, с которыми я общался, на выступления Крючкова. За годы советской власти мы привыкли, что советскую общественность периодически информировали о «коварных» планах Запада. Но тем дело и кончалось, происки врагов всегда успешно пресекались.

В 1990–1991 годах всех успокаивало то, что Председатель КГБ выступал в присутствии Генсека ЦК КПСС и Президента СССР. Также напомним, что 27 ноября 1990 года министр обороны, Маршал Советского Союза Д. Язов выступил по Центральному телевидению с заявлением об угрозе ослабления обороноспособности страны. Выступал он, как известно, по указанию Президента СССР.

Какой из этого следовал вывод? “Наверху” ситуацию контролируют. Соответственно, все были уверены, что Горбачёв поручил главе госбезопасности проинформировать коммунистов и народных депутатов СССР о том, что КГБ не “дремлет” и контрмеры будут своевременно приняты.

В силу этого публичные выступления Крючкова о “происках врагов” воспринимались без обеспокоенности. Почему этого не осознавал сам Председатель КГБ СССР, до сих пор не ясно. К сожалению, впоследствии, так же спокойно, как бы не замечая трагизма происходящего, советские люди расстались с советским образом жизни и Советским Союзом.

Путч и предательство элиты

С учётом вышеизложенного, более чем странным выглядит инициация Крючковым создания Государственного Комитета по Чрезвычайному Положению – ГКЧП, который поставил точку в судьбе СССР, хотя проблему Горбачёва можно было решить или на Пленуме ЦК КПСС, или на Съезде народных депутатов СССР.

Но, как впоследствии выяснилось, Крючков пошёл на поводу у Горбачёва, который предложил решать накопившиеся в СССР вопросы путём создания ГКЧП.

Михаил Полторанин, бывший министр печати и информации России, в интервью “Комсомольской правде” заявил: *“Июль 1991 года стал месяцем повальных, беспрецедентных для КПСС мятежных пленумов, собраний. Позже, возглавляя комиссию по рассекречиванию документов КПСС, я насчитал в архивах более десяти тысяч грозных телеграмм. “Выражаем недоверие деятельности Политбюро ЦК КПСС и лично Генерального секретаря М. С. Горбачёва. Контрольная комиссия Алтайского края. 04.07.1991 г<ода>”, “Объединённый пленум Якутского горкома партии считает, что руководство ЦК КПСС проводит политику, не отвечающую чаяниям трудящихся. Требуем срочного созыва съезда КПСС. Секретарь А. Алексеев. 10.07.1991 г<ода>”.*

Как уже говорилось, ситуацию в стране накалял тотальный дефицит. В том же интервью Полторанин вспоминал: *“Экономика рухнула. Людям нечего было есть, носить, обувать. Ни мыла, ни полотенец, простыней, носков. На складах всё это лежало, но в магазины почему-то не попадало”.* И тут, в начале августа 1991 года Президент объявил, что на 20 августа назначено подписание нового Союзного договора, который превращал единый Союз ССР в конфедерацию суверенных государств.

Это было бы фактическое уничтожение СССР, подобное будущему бело-вежскому сговору. Поэтому противников подписания нового Союзного договора было более чем достаточно. Всё это превратилось в сгусток “горячих” проблем, грозящий социально-политическим взрывом. Не случайно 3 августа на заседании Кабинета министров СССР Горбачёв заявил о том, что в стране чрезвычайная ситуация и надо принимать меры, включая введение чрезвычайного положения.

Дальнейшее развитие ситуации можно было легко просчитать. После подписания Союзного договора состоялся бы внеочередной Съезд КПСС, на котором Горбачёв был бы отрешён от должности Генсека ЦК КПСС. Затем последовал бы внеочередной Съезд народных депутатов, который лишил бы Горбачёва поста Президента СССР. Ну, а далее Михаил Сергеевич был бы привлечён к уголовной ответственности со всеми вытекающими последствиями.

Смириться с этим Горбачёв не мог. Нельзя было допустить проведение съездов, прежде всего, съезда КПСС. А официального повода поставить партию вне закона не было. Нужна была **масштабная провокация**, аналогичная той, которую Горбачёв в январе 1991 года провёл в Вильнюсе. Тогда Компартия Литвы/КПСС, выступавшая против выхода Литвы из СССР, была нейтрализована, а КГБ и Советская армия серьёзно дискредитированы. В итоге Литва вышла из-под контроля Кремля.

В этой связи мне вспомнилась встреча с московскими чекистами, состоявшаяся в феврале 1991 года. В завершении встречи мне задали вопрос: **“Чтого следует ожидать в ближайшем будущем?”** Я ответил, что следует ждать какой-то грандиозной провокации, типа вильнюсских событий, которая поставит окончательный крест на КГБ и Советской армии.

Тому, что путч был задумкой Михаила Сергеевича, существуют весомые свидетельства. Последний премьер-министр Союза ССР В. С. Павлов в интервью газете "Правда" (12.04.1996) и в книге "Горбачёв-путч" сообщил: **"Заговор, если и был таковой, исходил вовсе не от ГКЧП"**. Подтверждая сказанное, Павлов рассказал о встрече будущих ГКЧПистов на гостевой даче внешней разведки, так называемом "объекте АБЦ".

По словам Валентина Сергеевича, Горбачёв знал не только о предполагаемой встрече, ему было известно также, когда и где она должна была проходить: *"Собрались мы спонтанно, так сказать, экспромтом. Минут через пятнадцать после моего появления в садовой беседке Крючкова попросили к телефону. Уходя, он обронил странную фразу: "Это звонит Горбачев из Фороса. Он знает, что мы уже собрались..."*

Бывший советский премьер утверждал, что изоляция Горбачёва в Форосе — досужие вымыслы: *"Никакой изоляции в помине не было! И никакой ГКЧП свергать его с президентского поста тоже не собирался. Если хотите, сам Михаил Сергеевич был... членом ГКЧП. По признанию Павлова, в Форос к Горбачёву летали Бакланов, Болдин, Варенников и Шенин, чтобы доложить об усугубляющейся кризисной обстановке в стране и уговорить пойти на чрезвычайные меры"*.

Название ГКЧП, по словам Павлова, было привезено из Фороса, от Михаила Сергеевича. *"Товарищи рассказывали, что персональный состав комитета своей рукой написал сам Горбачёв. Вроде как предположение, кто может в него войти. Того же А. Лукьянова предусмотрительно вписал в список под знаком вопроса"*.

Вышесказанное **объясняет странное поведение** главы КГБ в период чрезвычайного положения. Ведь Владимир Александрович был главной пружиной ГКЧП. Только сговором Горбачёва с Ельциным можно объяснить то, что Крючков так и не дал команду на захват Президента России и его окружения на даче в Архангельском.

Известно, что 19 августа с раннего утра 60 бойцов спецназа КГБ "Альфа" во главе с Героем Советского Союза Виктором Фёдоровичем Карпухиным расположились на расстоянии нескольких сотен метров от дачи Ельцина. Они были полностью готовы к силовой операции. Как впоследствии вспоминал Карпухин, он лично пять раз связывался с Крючковым и запрашивал добро на захват. Но Крючков медлил.

Перехватив переговоры Карпухина с шефом КГБ, офицеры охраны из Девятого управления КГБ, закреплённые за Ельциным, связались с Виктором Фёдоровичем и попросили *"не мочить своих"*. *"Если надо, мы их тут сами повяжем!"* — обращались офицеры личной охраны Ельцина к коллегам из "Алфы". Но Крючков вновь добро не дал...

В результате Ельцин беспрепятственно смог добраться до Белого Дома и, взобравшись на танк, заявить, что действия ГКЧП являются антиконституционными. Сыграла роль и провальная пресс-конференция, которую провела гекачеписты. Вечером в телеэфир пошёл выпуск новостей, в ходе которого было озвучено обращение Ельцина. Далее вся ситуация посыпалась, как карточный домик.

22 августа 1991 года Горбачёв в 1:30 час прилетел из Крыма. Он сразу же отрестился от ГКЧП, при этом публично ляпнув: *"Имейте в виду, настоящей правды никто не узнает"*. 23 августа в Белом доме на сессии Верховного Совета РСФСР Ельцин в присутствии Горбачёва и вопреки его слабым и невнятным возражениям подписал указ о приостановлении деятельности российской Компартии на том основании, что она поддержала ГКЧП.

23 августа в 15 часов по распоряжению мэра Москвы Гавриила Попова и нового начальника Московского управления КГБ СССР Евгения Савостьянова здания ЦК КПСС и МГК КПСС на Старой площади были опечатаны. 24 августа 1991 года Горбачёв объявил о сложении полномочий Генерального секретаря ЦК и о выходе из КПСС. Он предложил ЦК КПСС самораспуститься, а республиканским компартиям и местным партийным организациям определиться самим. Члены ЦК КПСС, находившиеся в Москве и России, никак не отреагировали на это. Это явное свидетельство того, что советская политическая элита выродилась и утратила бойцовские политические качества.

Вот так коммунисты из ГКЧП нанесли смертельный удар по КПСС. Фактически повторилась январская ситуация в Вильнюсе 1991 года. В Москве тоже

всё делалось как бы в расчёте на провал. **Этот провал также был обусловлен личностными качествами членов ГКЧП и, прежде всего, Крючкова и Язова.** Они в силу опыта и занимаемого ими положения должны были действовать более продуманно и решительно. Но как выяснилось, говорить о наличии таких качеств, как предвидение последствий принимаемых решений и стойкость, у Крючкова и Язова не приходится.

Фальшивые коммунисты

Советская система управления в период Хрущёва-Брежнева сделала ставку на “исполнителей”, беспрекословно выполнявших команды сверху. Именно они оказались наиболее “живучими” в критических ситуациях. В то же время следует признать, что процесс прихода к власти этой категории людей начался ещё при Сталине. В 1946 году вождь в ответ на предложение Андрея Алексеевича Жданова рассмотреть проблемы развития СССР на очередном, XIX съезде ВКП(б) заявил: *“Партия... Что партия... Она превратилась в хор псаломщиков, отряд аллилуйщиков...”*

Через 40 лет после горьких слов Сталина аллилуйщики в КПСС, в основном сосредоточенные в управляющем партаппарате, позволили Генеральному секретарю ЦК КПСС, а затем Президенту СССР в течение шести с лишним лет проводить губительную политику. Но не только аллилуйщики были виновниками краха СССР. Оказалось, что многих представителей советской политической и военной элиты можно было купить за американские доллары.

Об этом рассказал в своих воспоминаниях под названием **“Остаться русским. Первая поездка в Россию”** князь Алексей Павлович Щербатов (1910–2003) из рода Рюриковичей, президент Союза Российских Дворян Северной и Южной Америки. В 2003 году воспоминаниями о событиях августа 1991 года в Москве князь поделился с Александром Чернавским. Тот разместил эти воспоминания в популярной православной газете **“Вера” – “Эском”** (№ 520). Князь рассказывал: *“За несколько дней кое-что для себя прояснил: американцы, ЦРУ провели деньги через своего посла в России, Роберта Страусса, используя его связи, чтобы подкупить военных – Таманскую и Дзержинскую дивизии, – которые должны были перейти на сторону Ельцина. Большие деньги получили сын маршала Шапошникова, военный министр Грачёв.*

У Шапошникова сейчас имение на юге Франции, дом в Швейцарии. Я слышал от Джорджа Бейли, моего давнего друга, много лет проработавшего в ЦРУ, что выделенная на СССР сумма составляла больше одного миллиарда долларов. Немногие знали, что в 1991 году в аэропорт “Шереметьево” специальные самолёты под видом дипломатического груза доставляли деньги, их раздавали упаковками 10-, 20-, 50-купюровыми банкнотами правительственным руководителям и военным. Эти люди в дальнейшем смогли участвовать в приватизации. На сегодня это известный факт... Оказалось, что если советским чиновникам дать хорошие взятки, то разрушить Советский Союз не составило труда”.

Впечатление такое, что князь Щербатов рассказывал о каком-то африканском государстве, а не о Советском Союзе. Но он изложил то, чему был свидетелем. Но не только за деньги покупались бывшие коммунисты. Известно, что Горбачёв “купился” на лесть зарубежных “коллег”. Не избежал этой участи и бывший первый секретарь Московского ГК КПСС, а затем и президент Российской Федерации Б. Ельцин.

Известно, что Борис Николаевич, будучи прорабом строительного управления, в 30 лет (1961) вступил в КПСС “по убеждению”. За этим последовал его стремительный карьерный рост. В 35 лет Ельцин – уже директор Свердловского домостроительного комбината. В 37 лет он возглавлял отдел строительства Свердловского обкома КПСС. Отличался невероятной исполнительностью. О Ельцине говорили: *“Он разобьётся в лепёшку, но выполнит любое задание начальства”.* Затем Борис Николаевич стал секретарём обкома и в 45 лет был избран первым секретарём Свердловского обкома КПСС.

В этой должности он организовал исполнение давнего решения Политбюро ЦК КПСС о сносе дома Ипатьевых (место расстрела царской семьи в 1918 году), которое никак не желал выполнять его предшественник Я. Рябов. Одним словом, верный солдат партии, готовый выполнить любое её указание.

По этой причине весной 1985 года, по рекомендации Е. Лигачёва, Ельцин был взят в аппарат ЦК КПСС заведующим Отделом строительства, а в июне того же года был избран секретарём ЦК КПСС по вопросам строительства. В декабре 1985 года был рекомендован Политбюро ЦК КПСС на должность первого секретаря Московского ГК КПСС.

Но в 1987 году на октябрьском Пленуме ЦК КПСС Борис Ельцин, будучи уже кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС позволил себе покритиковать деятельность Политбюро и Секретариата ЦК КПСС. Он также высказал озабоченность по поводу неумеренного *“славословия некоторых членов Политбюро в адрес Генерального секретаря”*.

Помимо этого, Ельцин *“прошёлся”* по стилю работы секретаря ЦК КПСС Егора Лигачёва и заявил о своём нежелании исполнять обязанности кандидата в члены Политбюро. Выступление Бориса Николаевича было сумбурным и не впечатляющим. Но, по выражению Горбачёва, Ельцин *“бросил тень на деятельность Политбюро и Секретариата, на обстановку, сложившуюся в них”*. А это по всем партийным канонам надлежало осудить. Ельцина освободили от должности первого секретаря Московского ГК КПСС и назначили первым заместителем председателя Госстроя СССР. Засекреченностью выступления первого секретаря Московского горкома партии на октябрьском Пленуме не преминули воспользоваться его соратники. Тогдашний редактор газеты *“Московская правда”* Михаил Полторанин подготовил свой вариант речи Ельцина, не имевший ничего общего с тем, что Ельцин говорил на Пленуме ЦК КПСС.

Полторанин вложил в выступление Ельцина то, что хотели слышать многие граждане советской страны. В варианте Полторанина Борис Николаевич клеймил Раису Максимовну за мелочную опеку, выступал в защиту ветеранов Великой Отечественной войны и осудил практику спецпайков для партноменклатуры.

Эта *“речь”* тиражировалась и распространялась в Союзе со скоростью лесного пожара. Несмотря на то, что Ельцин лишился высокого партийного статуса и оказался на второстепенной должности, его авторитет как народно-героя в борьбе с партноменклатурой и её привилегиями неуклонно рос. Рос и рейтинг Бориса Николаевича как политика, **“пострадавшего за народ”**. Более того, по указанию Горбачёва Ельцин был оставлен членом ЦК КПСС. Он даже получил возможность выступить на XIX партийной конференции (июль 1988). В марте 1989 года Ельцин был триумфально избран народным депутатом СССР, набрав в Москве 90 процентов голосов. На I Съезде народных депутатов СССР (май–июнь 1989) он с помощью депутата А. А. Казанника, уступившего ему свой мандат, стал членом Верховного Совета СССР, а как председатель одного из комитетов ВС вошёл в состав Президиума ВС СССР. Ельцин также был избран сопредседателем оппозиционной Межрегиональной депутатской группы (МДГ).

В этот период Ельциным заинтересовались американские советологи. Известно, что в СССР отсутствие Компартии России объяснялось просто – нельзя создавать второй равноценный политический центр. Это грозило расколом СССР. А с появлением харизматической фигуры Ельцина у американцев появлялась возможность создать в Союзе такой центр. К этому времени маховик сепаратизма в Прибалтике американцы раскрутили по полной. Теперь оставалось привить сепаратизм в России. Ельцин по своим качествам хорошо подходил на роль носителя этой *“заразы”*. В сентябре 1989 года Б. Ельцин был приглашён в США организацией, занимающейся проблемами СПИДа, читать лекции (!). Более чем странно – бывший строитель Ельцин и СПИД? Но ни Горбачёва, ни Комитет госбезопасности это не насторожило.

В США Ельцин провёл девять дней, в течение которых якобы прочитал несколько лекций, получая за каждую по 25 тысяч долларов! Трудно сказать, какими были эти лекции, так как советский гость все дни визита был постоянно, мягко говоря, в *“утомлённом”* состоянии. Но вот рекомендации, которые ему внушили американские эксперты, он запомнил хорошо. Они были просты и очень привлекательны: **провозгласить суверенитет России, ввести там институт президента и стать этим президентом.**

М. Полторанин в интервью *“Комсомольской правде”* (09.06.2011) под названием **“Кто привёл Ельцина к власти”** заявил: **“Идею президентства Ельцин привёз из Америки ещё в 1989 году. В США с нашими политиками велась большая работа. А Ельцин сильно поддавался влиянию”**.

В мае 1990 года Ельцин стал реализовывать американские рекомендации. 16 мая того же года он был избран народным депутатом РСФСР от Свердловска. На первом Съезде народных депутатов РСФСР Ельцин выдвинулся на пост Председателя Верховного Совета РСФСР. Горбачёв вместо того, чтобы изначально выдвинуть против него реальную альтернативную кандидатуру, стал играть в кадровую карусель.

Накануне решающего дня голосования за пост Председателя ВС Горбачёв ограничился традиционной директивной встречей с группой народных депутатов РСФСР. Он дал “указивку” голосовать за кандидатуру председателя Совета Министров РСФСР Александра Владимировича Власова.

В это время команда Ельцина сутки напролёт вербовала сторонников. Депутатам обещались различные блага и принятие “нужных” законодательных актов в случае избрания Ельцина. Съезд дрогнул и повернул в сторону Бориса Николаевича. Но поворот был незначительным, и реакция Кремля, а точнее – Горбачёва могла исправить ситуацию. Но её не последовало. 29 мая 1990 года в третьем туре Председателем ВС РСФСР был избран Б. Ельцин, получивший 535 голосов, при необходимых 532-х. А. Власов получил 467 голосов.

Президент СССР день избрания главы российского парламента и своего будущего политического могильщика встретил в самолёте над Атлантикой, в очередной раз направляясь в США. Он так и не понял, что для него прозвучал тревожный звонок.

Развал СССР

Уже на первом Съезде народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 года команда Ельцин сумел включить в повестку дня вопрос **“О суверенитете РСФСР, новом союзном договоре и народовластии в РСФСР”**. Парадоксально, но доклад на эту тему сделал “верный ленинец”, член Политбюро ЦК КПСС, до съезда возглавлявший Президиум ВС РСФСР, Виталий Воротников.

Именно он предложил Съезду принять Декларацию о суверенитете России, предусматривающую приоритет российских законов над союзными. Известно, что мнение Генерального секретаря ЦК КПСС для Воротникова всегда было окончательным и решающим. Горбачёв без труда мог бы убедить его выступить на съезде с союзных позиций. Но Генсек предпочёл сознательно пустить ситуацию на самотёк.

По свидетельству первого заместителя председателя КГБ СССР Ф. Бобкова, перед голосованием за проект Декларации о государственном суверенитете России (12 июня 1990) он вместе с генерал-полковником К. Кобецом направился к Горбачёву с этим документом.

Президент СССР (юрист по образованию) прочёл проект и заявил, что не видит в нём ничего страшного. Якобы Союзу это не угрожает. На прощание Горбачёв добавил: *“Причин реагировать на это союзным властям я не вижу”*.

Тем самым Горбачёв как Президент СССР допустил нарушение статьи 74 Конституции СССР, гарантировавшей верховенство законов СССР над законами союзных республик, а также пункта 2 статьи 127.3 Конституции СССР, согласно которой Президент СССР **обязан был** обеспечивать суверенитет, безопасность и территориальную целостность страны.

Известно, что 4 ноября 1991 года начальник Управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности Прокуратуры СССР В. Илюхин возбудил уголовное дело против Президента СССР по факту совершения им преступления **“измена Родине”**.

Однако Генеральный прокурор СССР Н. Трубин закрыл уголовное дело против Президента СССР, а Илюхин был уволен из Прокуратуры СССР.

Наиболее ярко политическая импотенция Президента СССР проявилась в отсутствии должной реакции на сходку президентов России, Украины и Белоруссии, состоявшуюся в начале декабря 1991 года в белорусских Вискулях (Беловежье).

Она состоялась потому, что заокеанские кукловоды сочли Президента СССР бесполезным политическим балластом. Беловежье было не экспромтом трёх предателей – Б. Ельцина, Л. Кравчука и С. Шушкевича, – а частью плана по разрушению Союза, по которому Горбачёва, исполнявшего роль поли-

тического Буратино и довольствовавшегося пустыми обещаниями Запада, убрал с политической сцены.

Известно, что в период беловежского сговора, прекратившего существование СССР, советский спецназ почти сутки в полной боевой готовности ждал вылета в Белоруссию для ареста заговорщиков. Но приказа от Президента СССР так и не последовало, хотя законы СССР и результаты мартовского 1991 года Всесоюзного референдума о сохранении Союза, подтвердившего стремление 77,85% населения жить в единой стране, позволяли Президенту СССР принять самые суровые меры к беловежским заговорщикам.

Налицо очередное грубейшее нарушение Горбачёвым как Президентом СССР и гарантом суверенитета территориальной целостности страны. Не вызывает сомнений, что **распад СССР для Михаила Сергеевича был желанен**. Это позволяло ему избежать ответственности за содеянные преступления против советского государства и народа. Нет государства – нет ответственности!

ХЛЕСТАКОВ ДОНОСЧИКОМ НЕ БЫЛ...

Пятого апреля 2016 года в особняке на Комсомольском прошёл Общероссийский писательский пленум, обсудивший создание в нашей стране Общества русской словесности.

Среди прочих писателей на Пленуме выступил и главный редактор журнала “Наш современник”, который оценил неутешительные итоги так называемого “Года литературы” и посвятил главную часть своего выступления конференции о творчестве выдающегося критика Ю. Селезнёва, прошедшей в конце прошлого года в Краснодаре, а также скандальной полемике, развязанной в нескольких номерах еженедельника “Литературная Россия”. Полемике, принявшей, по нашему мнению, недопустимые формы.

Выступление Станислава Куняева было искренне поддержано участниками Пленума аплодисментами, возгласами из зала, выступлениями с трибуны и послужило основой для нынешней публикации.

Нелишне сказать, что писатели выразили желание, чтобы в резолюции Пленума был выделен отдельный пункт о том, что глумливые и провокационные выступления “Литературной России” недопустимы, что они разрушают все нравственные традиционные нормы литературной полемики, что такие публикации уничтожают её былую популярность, которую еженедельник унаследовал от советских времён и от того периода, когда его главным редактором был выдающийся русский писатель Эрнст Иванович Сафонов.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ХЛЕСТАКОВЩИНА
И СУСЛОВЩИНА
В ОДНОМ ФЛАКОНЕ

I

Литература в России – это, в сущности, вторая религия, определяющая мировоззрение и власти, и народа. Что бы ни писали наши профессиональные историки, как бы они ни обвиняли историю, ни пересматривали её, ни сочиняли в связи с запросами времени новые учебники, всё равно им не дано совладать с писателями и поэтами минувшего тысячелетия, произведения которых дают окончательную оценку важнейших исторических событий.

Вот почему наше читающее сословие судит о древней истории Отечества не по научным работам, а по былинам, о раннем Средневековье – по “Слову о полку Игореве” и “Слову о законе и благодати” митрополита Илариона Киевского, о Смутном времени – по трагедии Пушкина “Борис Годунов”, об эпохе воссоединения Украины с Россией – по “Тарасу Бульбе” Гоголя, о деяниях Петра Великого – по поэме Пушкина “Полтава”, о нашествии Наполеона на

Россию – по роману Л. Н. Толстого “Война и мир” и лермонтовскому “Бородино”, о Крымской войне 1854–55 годов – по “Севастопольским рассказам” Льва Толстого, о революции 1917 года и гражданской войне – по шолоховскому “Тихому Дону” и по стихам и поэмам Сергея Есенина, об Отечественной войне – по поэме Твардовского “Василий Тёркин” и по великой песне на слова Лебедева-Кумача “Вставай, страна огромная”...

Всякое событие нашей истории, чтобы обрести бессмертие, у нас, русских, должно быть узаконено и увенчано литературным благословием, своеобразным “рукоположением” драгоценного литературного венца на историческое событие, которое лишь после этого обряда становится вечным и сакральным.

Вот почему все Божии помазанники, все царствующие особы и вожди от Петра Великого до императрицы Екатерины, от императора Николая II до Иосифа Сталина приближали ко двору Феофана Прокоповича, Ломоносова, Карамзина, Жуковского, Пушкина, Гоголя, Достоевского, Шолохова, Алексея Толстого, Твардовского, Константина Симонова, Михаила Булгакова... Когда Пушкин после разговора с Николаем Первым вышел от императора, то последний сказал приближённым: “Сегодня я говорил с умнейшим человеком России”. Подобного союза власти и литературы ни в Европе, ни в Америке быть не могло. Вот почему инстинктом незаурядного политика Владимир Путин, избравшись на президентский пост, в последний день перед голосованием взлетел своей лёгкой походкой на трибуну переполненной народом арены в Лужниках со словами Есенина:

*Если кликнет рать святая:
“Кинь ты Русь, живи в раю”,
Я скажу — не надо рая,
Дайте Родину мою!*

Я уверен, что этот неожиданный поступок прибавил ему несколько миллионов голосов наших любящих Есенина избирателей.

Вот почему после того, как из школьных программ была выброшена чуть ли не половина часов, посвящённых русской литературе (а значит, и русской истории), после того, как усилиями либеральной черни был утверждён пресловутый бездушный и бездуховный ЕГЭ, мне хочется обратиться к авторам этой антиисторической, антикультурной и антинародной провокации со словами, ставшими чуть ли не пословицей:

“Вы хоть понимаете, что вы натворили?”

И действительно, кроме кастрации школьных программ по литературе, “натворили” много чего.

На Литературном собрании 2013 года Путин поручил своим помощникам и советникам создать фонд поддержки литературы. Но фонд так и не был создан. Деньги, выделенные на помощь литературе в её год, и в том числе толстым журналам, пошли неизвестно куда. За время с 2013 года по стране закрылось более 1000 книжных магазинов, осталось 1500 (заметьте, что в такой “нелитературной” стране, как Франция, их 3500). Вспомним, что в советское время самые редчайшие книги мы нередко покупали в книжных магазинах Сахалина, в сибирских райцентрах, в союзных республиках. За 12 лет, с 2003 по 2015 год, число муниципальных библиотек сократилось вдвое, а это значит, что сократилась подписка на толстые литературные журналы федерального значения. Подумать только! В 2016 году тираж журнала “Дружба народов” опустился до 700 экземпляров, у “Звезды” – тоже до 700, у “Октября” – до 1000, у “Иностранной литературы” – до 2500, у “Знамени” – до 2000, у некогда знаменитого “Нового мира” – до 2500. Правда, у “Нашего современника” тираж – 5500 экземпляров, что позволяет ему единственному среди толстых журналов даже платить скромные гонорары авторам. Когда-то, в начале 90-х, я мечтал выиграть идеологическую борьбу за популярность у своих либеральных конкурентов – в то время “Наш современник” был в списке журналов по тиражу на 10-м месте. И вот моя мечта сбылась: суммарная подписка трёх “столпов либерализма” (“Новый мир”, “Знамя”, “Октябрь”) в 2016 году стала равной подписке “Нашего современника”. Но у меня нет радости от этой “победы”, свидетельствующей о нашем одичании, о нашем общем поражении в Год литературы, на который мы так надеялись.

Но умирают не только журналы. Умирает прекрасная газета “День литературы” — дитя Владимира Бондаренко. Десять лет она издавалась и стала частью нашей литературной жизни, с трудом выходила на спонсорские средства, даже редакция “Нашего современника” помогала ей деньгами. Но недавний юбилейный вечер её главного редактора прошёл с триумфом. Так что читатели газету знают и любят. А государство наше в упор не видит ни “Дня литературы”, у которого даже своей комнатухи нет, ни “Нашего современника”. Да, мы сохранили подписку, которая у нас была в 2015 году. Но знаете, как наградили нас московские власти за эту относительно успешную работу? Прислали недавно “уведомление”, в котором предписано, что вместо полутора миллионов рублей арендной платы, которые мы платили в 2015 году, в 2016 году, согласно новой бумаге, полученной в конце прошлого года, где ставка пересмотрена, платить придётся 2 млн 300 тыс. рублей. На 50% повышена арендная плата! И это тогда, когда подписка на 2016 год закончилась, бюджет свёрстан из расчёта полутора миллионов. А теперь чеши репу и думай, откуда взять ещё 800 тысяч? Поневоле вспомнишь Лужкова — со льготной арендной ставкой для журналов, никогда не менявшейся в течение всего финансового года. А собянинские ребята, что же, хотят сознательно погубить лучший русский литературный журнал?

Но ведь если погибнет “НС”, разорвутся последние литературные связи, ещё кое-как объединяющие нас от Смоленска до Владивостока. Благодаря “НС” мы ещё читаем друга друга, наше творчество, наши тексты — вот что объединяет нас друг с другом и с читателями, а не только пленумы. Публикация в “НС” даже при сегодняшнем тираже даёт возможность каждому автору журнала быть прочитанным десятками тысяч наших ещё преданных нам читателей.

На этом фоне как не позавидовать киношникам! У них деньги, сериалы, премии “Ника”, “Золотые орлы”, “Оскары”, голливудские красные бархатные дорожки, туалеты кумиров! Как не позавидовать театральным людям! У них прошли ремонты Большого театра, Малого театра, МХАТа, на телеэкранах — лики режиссёров, актёров, продюсеров и даже реставраторов! А у нас — наш обшарпанный особняк, судьба которого до сих пор неизвестна. А где на канале “Культура” у Игоря Волгина лики писателей и поэтов? Сплошные унылые кандидаты наук, пикейные жилеты, синие чулки. А где писатели на TV? Один Проханов — и то лишь как политик. Ст. Куняева Пушкин раз в году вытаскивает на экран благодаря книге “Шляхта и мы” — как “специалиста по Польше”. . . Прилепина и Шаргунова приглашают только как знатоков украинской действительности. А ведь оба недавно опубликовали в “НС” свои ЖЗЛовские книги: один — о В. Луговском, другой — о В. Катаеве. Книги интереснейшие!

А разве не заслужил серьёзного внимания роман Захара Прилепина “Обитель”, недавно опубликованный у нас, в “Нашем современнике”?

II

А тут ещё одна ложка дёгтя в нашей бочке литературного мёда, скорее даже — дерьма, а не дёгтя. Дёготь всё-таки замечательно пахнет. Речь пойдёт о литературных нравах, в которых ничуть не виновато государство, а виноваты лишь мы сами.

В “Лит. России” № 4 за 2016 г. была опубликована громадная статья в прошлом якобы советника Михаила Сулова и якобы одного из “лидеров русской партии” в брежневскую эпоху А. Байгушева, которая заканчивалась так:

*“Я убеждён, что для сохранности и целостности нашего государства выдающие себя за ура-патриотов **Куняев** и **Казинцев** гораздо опаснее открытого хама и “поджигателя” **Навального**. Такие обычно ловко прикрываются маской якобы оголтелого бытового антисемитизма (вот, мол, мы “свои” — хоть сами “татары”, но тоже против засилья евреев!). Они сознательно пускают под одну гребёнку “своих” и “чужих”. И они хуже любой “пятой колонны”. Давно уже как исподтишка подличающие, они лукаво сталкивают доверчивый простой русский народ с государственной насковзь русской властью, наклеивая на неё ярлык оккупационной, либеральной, сионистской. Это-то по отношению к Президенту Владимиру Путину, Руководителю его Администрации **Сергею Иванову** и Первому заму руководителя **Вячеславу Володину**?!”*

Да... При Сулове Байгушев никогда не посмел бы выступить публично с такого рода политическими доносами. А сейчас распоясался. И это сказано о журнале, который по достоинству оценил все исторические речи Владимира

Путина – Мюнхенскую, Валдайскую, Крымскую, о журнале, который перепечатал Валдайскую речь с одобрительными комментариями Геннадия Зюганова и Александра Проханова, о журнале, со страниц которого не сходит украинская тема, о журнале, постоянными авторами которого являются наши выдающиеся государственники Юрий Бондарев, Валерий Ганичев, Александр Проханов, Владимир Бондаренко, Альберт Лиханов, Леонид Ивашов, Михаил Лобанов, Владимир Крупин, Сергей Кара-Мурза, другие писатели России и читатели, чей патриотизм взращён произведениями этих писателей и недавно ушедших от нас Василия Белова, Виктора Бокова, Валентина Распутина. Я думаю, что многие из нас возмутятся, прочитав эту клеветническую болтовню, но чиновники ведь могут Байгушеву и поверить. Ещё бы – **“помощник Суслова”**, печатается целыми “простынями” в когда-то знаменитой, а ныне желто-бульварной “Лит. России”, официальный тираж которой – 3000 экз.

* * *

Но что случилось с Байгушевым, который совсем вроде недавно в книге **“Русская партия внутри КПСС”** в главе **“Почему я написал эту книгу”** вещал: **“Надо вспомнить всё, как было, чтобы сохранить накопленный бесценный опыт борьбы, вспомнить, чтобы сохранить имена борцов”**. И далее он перечисляет эти имена: **“Сергея Семанова, Олега Платонова, Вадима Кожинова, Петра Палиевского, Владимира Осипова, Станислава Куняева, Александра Проханова, Владимира Бондаренко и многих, многих других подвижников Русской идеи, жертвовавших обывательским спокойствием, семейным благополучием и карьерными благами ради своей нации”** (стр. 50).

Мало того, он с восхищением вспоминает нашу дискуссию “Классика и мы”, моё письмо в ЦК КПСС по поводу “Метрополя”, щедро цитирует письмо и добавляет: **“Письмо Куняева стало известным для многих русских людей. Мы подпольно размножили его громадными тиражами”**. Он утверждает, что это письмо предопределило **“будущее назначение Куняева главным редактором журнала “Наш современник”**. **Общественность оценила принципиальность и смелость автора”**

А как высоко Байгушев оценил в этой книге моего заместителя по журналу, с которым мы рука об руку работаем вот уже 25 лет: **“Русский клуб выдвинул осенью 1989 года в местные советы и Верховный Совет РСФСР наших людей, таких бойцов, как Ю. Бондарев, В. Клыков, Г. Литвинова, В. Брюсова, С. Куняев, А. Казинцев”**... И спустя несколько лет он пишет в “Литературной России” о том же А. Казинцеве с развязным хамством: **“Козьявка... он же новый Гришка Распутин был одним из организаторов безумного участия некоторой части русских националистов на Болотной площади”**, **“Козьявка” был доверенным лицом Зюганова на президентских выборах. Выборную кампанию он успешно провалил”**.

Неужели “тайный агент Суслова” уже забыл всё, о чём писал в книге “Русская партия”, запаматовал свои собственные слова об эпохе 90-х годов: **“Я тогда много выступал с писательскими бригадами, в составе которых, рядом со мной – это для меня была великая честь, – были такие выдающиеся русские писатели-патриоты, как Виктор Астафьев, Василий Белов, Валентин Распутин, Михаил Алексеев, Станислав Куняев...”**

Как писал Николай Заболоцкий, **“нет на свете печальней измены, чем измена себе самому”**. Почему после такого рода высокопарных слов сегодня для Байгушева Казинцев и Куняев стали **“хуже любой “пятой колонны”**? Почему Александру Иннокентьевичу сегодня, в его 83 года, приходится тратить последние силы на изучение “преступной” биографии Казинцева и воспоминаний Станислава Куняева, о которых он отзывается, как о **“примитивных сплетнях”**?

К такой ли жалкой старости он готовил себя, когда с тайным триумфом заканчивал легендарный филологический факультет Московского университета? Когда жизнь щедро распахивала перед ним свои объятия, о чём свидетельствуют его признания из книги “Русская партия внутри КПСС” (М., 2005), из номеров “Литературной России” за 2016 год? Комментарии к признаниям нашего героя (P. S.) принадлежат мне.

“После университета в первом “оттепельном” 1956 году я был распределён в стратегическую разведку – по закрытой партийной линии в негласные консультанты-помощники к Суслову”.

P. S. : Я окончил филологический факультет на год позже Байгушева. Помню многих студентов и аспирантов факультета той поры, в том числе и участников войны, чьи имена были широко известны нам благодаря их общественной и научной работе. Байгушева в их числе не было. Наверное, он был “распределён по закрытой партийной линии” за “особые”, “негласные” заслуги.

“Александр Борисович Чаковский ко мне благоволил и даже не раз предлагал мне стать его Первым замом”.

P. S. : На Александре Борисовиче Чаковском как на функционере пробы, как говорится, ставить было негде. А то, что он делал Байгушеву предложение – я верю: рыбак рыбака видит издалека.

“Про Катю (Е. А. Фурцеву. – Ст. К.) я многое знал и был к ней вхож”. Когда Байгушев во время встречи Фурцевой с Софи Лорен работал с обеими знаменитыми женщинами, о чём он свидетельствует сам “как журналист-переводчик”, **“Катя лишь ревниво шипела: “Не трись о её груди! Я всё вижу!”.**

P. S. : Речь идёт о грудях Софи Лорен и о том, что, разговаривая с женщинами “на языке жестов”, совершенно не обязательно знать язык Данте и Петрарки.

“Я в это время дружил с его дочерью Галей Милаевой-Брежневой... Она мне устроила сказочный день рождения. Он пришёлся на выходной день в Центральном доме журналиста, но Галя договорилась, и для меня одного его специально открыли... Весь ЦДЖ был заполнен моими друзьями... ночью мы взяли такси и поехали на Воробьёвы горы, как Герцен и Огарёв... мы все чувствовали себя Герценами и Огарёвыми”.

P. S. : Вот какие чудеса. Элитарная молодёжь во главе с дочерью Генерального секретаря ЦК КПСС на Воробьёвых горах чувствует себя герценами и огарёвыми, а все их речи и клятвы внимательно слушает “тайный советник Суслова” и сотрудник “стратегической разведки”.

“Я сменил аж заподозренного в сталинизме Великого Илью Эренбурга”.

P. S. : Такая откровенность дорогого стоит! Помню, как я приехал на квартиру Эренбурга в дом напротив Моссовета. За стихами для “Дня поэзии”. Илья Григорьевич вышел ко мне навстречу, едва-едва передвигая ноги, из глаз его лились слёзы, руки, в которых он держал листочки со стихами, непрерывно тряслись. Старик, как я теперь понимаю, видимо, переживал опалу – ведь его – властителя дум, вождя интеллигенции – грубо убрали с этой общественной должности и на его место поставили какого-то Байгушева! Вскоре после такого унижения несчастный старик помер.

“Я тогда впервые подписался прямо в открытую “А. Байгушев, координатор личной стратегической разведки и контрразведки генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева”.

P. S. : Думаю, что эта отчаянная подпись была сделана после какого-нибудь очередного банкета, вроде того, который состоялся в Центральном доме журналиста благодаря Галине Брежневой.

“Из-за моей дружбы с Раисой Максимовной “партийная разведка” не стала возражать против выдвижения Горбачёва после скоропостижной смерти Андропова в Генеральные секретари”...

P. S. : Так значит, не только к Фурцевой, но и к Раисе Максимовне “был вхож” наш пострел? А может быть, и “тёрся” о её груди? А может быть, и перестроечный “процесс пошёл” благодаря его отношениям с Раисой Максимовной? Вот она – роль личности в истории!

“Андропов сам писал стихи и даже скромно издал их <...> У меня где-то в архиве хранится его книжечка с дарственной надписью”.

P. S. : Но интересно, какую фамилию поставил под этой дарственной надписью Андропов, поскольку, как обнаружил Байгушев, у последнего было две настоящих фамилии: **“Его настоящая фамилия Флеккенштейн”** (Литературная Россия, №12, 2016). Другая, рассекреченная Байгушевым, – **“Файнштейн”.** **“Даже мать свою Евгению Карловну Файнштейн презрел”,** – с негодованием пишет Байгушев о своём благодетеле Андропове (“Русская партия внутри КПСС”, С. 200).

Прочитаешь такое и засомневаешься: а одна ли настоящая фамилия у Байгушева? Имя ему носить не обязательно. Ведь и Хлестаков вошёл в литературу без имени (хотя Гоголь и назвал его Иваном).

Но как бы то ни было, он иногда приходит в себя и начинает говорить о себе скорбную правду. (**“Мне сейчас 83-й год. В своей жизни я написал массу фельетонов. К сожалению, большинство под псевдонимами”** “Л. Р.” № 4, 2016). Так, может быть, Байгушев всю жизнь был заурядным фельетонистом, мелким литературным сексотом, а если говорить поглубже – газетной шпаной, не гнушающейся никакими сплетнями и провокациями? Чего стоит хотя бы тот факт, что он пересказывает наш разговор по телефону (“Л. Р.” № 12, 2016), бессовестно перевирая его. Видимо, он принадлежит к тому типу околосекретарских шавок, которые обслуживают любые эпохи, выслуживаясь перед властями и облаивая во все времена подлинных творцов нашей культуры. При Пушкине таковыми были журналисты Греч и Булгарин. Достоевского и Некрасова в пореформенную эпоху травлили ничтожные ученики Писарева. В 20–30-е годы русских писателей – Есенина, Шолохова, Булгакова – обклеивали политическими ярлыками авербахи, сосновские, блюмы, лелевичи и прочие местечковые борзописцы. В 60-е годы эту грязную работу выполняли Дымшиц, Огнев, Паперный. И когда русский человек Байгушев, глумясь над Александром Казинцевым (**“Поклонялся широко известному еврейскому поэту Борису (Борхесу) Слуцкому, был отчаянным русофобом”**), походя издевается и над талантливым русским, советским поэтом Слуцким, то он перестаёт быть русским, и уподобляется всем этим местечковым подонкам, давным-давно канувшим в Лету блюмам и авербахам. Такова ирония истории!

А нравы огрызковской “Литературной России”, где печатается фельетонист Байгушев, известны. Именно “Литературная Россия” недавно пыталась вознести на “страдальческий пьедестал” убийцу Рубцова Людмилу Дербину. Именно “Литературная Россия” опубликовала гнусную поэму И. Кохановского о якобы сексуальной связи Пушкина со старшей сестрой его жены Александриной. Именно “Литературная Россия” из кожи вон лезла, чтобы объявить во многих публикациях Вадима Кожина исполнителем воли советского КГБ: **“Он (Кожин. – Ст. К.) часто пил в компании с главой 5-го управления КГБ генералом Филиппом Бобковым. И они соревновались, кто кого хитрее совратит в свою веру”**. Сказано с хлестаковской убеждённости, как будто Александр Иннокентьевич во время этих пьянок обслуживал Кожина и Бобкова в качестве официанта. А может быть, по природе своей он и есть “официант”, всю жизнь со словами “Чего изволите?” обслуживающий литературную элиту и злобно завидующий ей?

Сейчас “Литературная Россия” переживает трудные времена. Она со своим жалким тиражом борется за существование то ли с московским чиновничеством, то ли с какими-то криминальными структурами, и её нынешний главный редактор обзванивает всех писателей с просьбами о помощи и заступничестве. “Кто пыгается поставить “Литературную Россию” на колени?” – истошно кричит она с обложки четырнадцатого номера, не замечая, что некогда знаменитый еженедельник с его мизерным тиражом уже давно стоит на карачках, а если сказать грубее – раком. Но читая на его страницах политические доносы на руководителей журнала “Наш современник”, читая глумливые и развязные суждения о многих выдающихся писателях России, поневоле вспоминаешь русскую пословицу: “Не рой яму другому...” “Заступаясь” за еженедельник, в котором он когда-то работал, известный русский прозаик Роман Сенчин в одном из номеров “Литературной России” сказал горькую правду: **“Странно, что “Л. Р.” борется с боярами, а не с системой, заодно всё чаще и яростнее кусая тех, кто был или мог бы быть союзником. Не случайно за последние годы заметно сузился круг авторов газеты. Не удивлюсь, если в скором будущем останется один Александр Байгушев”** (Л. Р. №14, 2016).

А что касается Огрызко, то его комплексы куда более болезненны, нежели байгушевские. В начале 90-х годов прошлого века Огрызко короткое время работал в “Нашем современнике”. Но когда я понял, что он с первых дней начал “подсигивать” моего заместителя Александра Казинцева, наушничать, доносить, интриговать, словом, разлагать нормальную работу редакции, то я сразу же выгнал сплетника из коллектива. С той поры, видимо, он и возненавидел наш журнал. Но ненависть и зависть до добра не доводят.

Несколько лет тому назад фотохудожник и летописец российской писательской жизни Анатолий Пантелеев приехал из Питера в Москву и, оскорблённый постоянным шельмованием многих писательских имён России, пришёл в кабинет Огрызко и сурово изложил последнему всё, что он думает о его сочинениях. Огрызко что-то заверещал в ответ, но Пантелеев встал, перегнулся через стол и дал подлецу по толстой физиономии даже не пощёчину, а врезал по-мужски. Огрызко стал вылезать из-за стола, но Пантелеев остудил его пыл, плеснув в искажённое злобой лицо остатки чая, стоявшие на столе. Рассказывая мне об этом, Пантелеев подчеркнул, что такому способу заступничества за свою честь и честь друзей он научился у меня. Да, в молодости я действительно не раз именно так рассчитывался с клеветниками. Но с Байгушевым – другой случай.

Ведь когда-то мы в одной легкоатлетической команде бегали эстафету на Ленинских горах. Он передавал мне эстафетную палочку. А я подумать не мог, перехватывая её в свою ладонь, что на этой палочке остаются отпечатки пальцев человека, руку которого будут пожимать Андропов с Горбачёвым, Софи Лорен с Фурцевой, и Галя Брежнева с Раисой Максимовной...

P.S.: А может быть, он всего-навсего лишь больной старый фантазёр. Если это так, то пусть живёт в омуте своей хлестаковщины... Подумать только, как посмеялась над ним судьба: начинал литературную жизнь советником Суслова, а заканчивает лакеем Огрызки.

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

НЕ О БАЙГУШЕВЕ

Я не хотел писать о Байгушеве. Персонально о нём не писали — никто и никогда. Слишком незначительная фигура! Разве что любители “альтернативной” истории время от времени ссылались на его фантазии на тему “русской партии в КПСС”, якобы смещавшей и назначавшей генсеков и вообще рулившей СССР. Байгушев уверяет, будто играл заглавную роль в этой мифической организации. Но — характерно — даже те, кто его выдумками пользовались, ему самому внимания не уделяли. Как-то несолидно всерьёз относиться к Хлестакову. А от Александра Иннокентьевича за версту несёт хлестаковщиной.

Не оттого ли он, в отличие от своего литературного прототипа, озлился и занялся провокациями? Вот о них и придётся вести речь. Серия “разоблачений” Байгушева, которые с начала года публикует “Литературная Россия”, это смесь хлестаковской лжи и старческой суетливой злобы. Александр Иннокентьевич изливает её на журнал писателей России. Злонамеренно и голословно он обвиняет Станислава Куняева и Александра Казинцева в антигосударственной деятельности (“Литературная Россия”, № 4, 2016). Хотя любому, кто знаком с журналом, известно: многие годы “Наш современник” является органом патриотов-государственников.

В пароксизме лжи Байгушев всё ставит с ног на голову. Припоминая давнюю полемику журнала с автором книги “Возвращение” Г. Брановером (“Наш современник”, № 11, 1990), он именует этого видного деятеля любавичских хасидов представителем “русской партии в Израиле”. Разливается соловьём: партия “открыто и последовательно олицетворяющая себя с “русским миром”, партия очень прорусская” (“ЛитРоссия”, № 13, 2016). Со слов Байгушева выходит, будто, полемизируя с Брановером, “Наш современник” подрывал позиции сторонников России в Тель-Авиве.

Между тем о “прорусской” деятельности Г. Брановера всезнающий интернет умалчивает, а вот о том, что он является редактором и автором предисловия к сборнику средневековых еврейских правил, в частности регламентирующих общение с гоями, сообщает. Правил весьма специфических! Помните Письмо двадцати пяти тысяч, направленное русской патриотической общественностью в прокуратуру с требованием проверить книгу “Шулхан-Арух” на экстремизм? Это о том сборнике.

Станных героев навязывает нам Байгушев! Всё-то ему “русская партия” мерещится. То в КПСС, то в рядах последователей ребе Шнеерсона.

Красноречивый пример того, насколько “основательны” суждения Байгушева. И на какие фигуры он ориентируется.

Ещё один персонаж, которого Хлестаков-провокатор противопоставляет “антигосударственному” “Нашему современнику”, — “известный своей принципиальностью и верностью Закону популярный адвокат Генри Резник” (“Литературная Россия”, № 13, 2016). Уточню: Генри Резник был адвокатом А. Чубайса, Е. Гайдара, В. Новодворской, Б. Березовского. Вершиной своей карьеры он считает защиту в суде интересов Б. Ельцина.

Полезно выяснить, с каких позиций тебя критикуют. А вот с каких! Согласитесь, они имеют мало общего с позицией “русской партии”, пусть даже в интерпретации Байгушева.

Порою кажется, что провокатор откровенно поиздевался над читателями “ЛитРоссии”! Но видно уровень аудитории некогда боевого русского издания таков, что она не осознала глума.

Помимо очевидной лжи, широко используется лживая интерпретация известных фактов. К примеру, говорится, что А. Казинцев “прежде был доверенным лицом Зюганова по Москве на президентских выборах. Выборную кампанию успешно провалил. Никогда ещё КПРФ не набирала так мало голосов” (“Литературная Россия”, № 12, 2016).

Доверенным лицом лидера коммунистов я был в 1996 году. Геннадий Зюганов тогда вышел во второй тур – его высшее достижение на выборах поприще.

Стремясь представить меня недоброжелателем бывшего главного редактора “НС” Сергея Викулова, заместителем которого я стал ещё в 1988 году, Байгушев цитирует моё интервью “Русская боль” (“Наш современник”, № 2, 2016): “Сергей Викулов, возглавлявший журнал в 70–80-е годы и превративший “Наш современник” в знамя национального движения, не был интеллектуалом и даже безупречным художественным вкусом не обладал”. Провокатор обрывает цитату. А ведь далее я говорю главное: “Но как никто другой чувствовал боль и надежды русского человека и этим чувством русского сумел объединить очень разных и очень талантливых людей”. Не правда ли, это две большие разницы, как выражаются друзья Байгушева.

Особенно возмущает попытка изобразить меня “идеологическим противником” Юрия Селезнёва (“Литературная Россия” № 12, 2016). Именно Селезнёв пригласил меня на работу в журнал в 1981 году. Но и после его ухода из “Нашего современника” мы дружески общались. Юрий Иванович – один из самых дорогих для меня людей. Не только как писатель, идеолог, но, прежде всего, именно как человек.

Примеры подтасовок можно приводить бесконечно. Фактически каждая сочащаяся злобой строка содержит либо передёргивания, либо вымыслы. И в том и в другом случае – клевету.

Продолжать рассмотрение конкретных случаев значило бы признать в писаниях Байгушева хотя бы крупицу правдоподобия. Занятие бессмысленное! Разбирательства такого рода уместно вести не на страницах журнала, а в зале суда. Сейчас я прорабатываю с юристами вопрос о подаче иска о защите чести и достоинства.

В чём причина нападков? Вряд ли только в склочном характере автора. Если бы всё объяснялось так просто, это осталось бы личной бедой Александра Иннокентьевича.

Думаю, дело куда серьёзнее. Бешеная атака на “Наш современник” – следствие успеха журнала. Из года в год он уверенно лидирует в подписной кампании. “Наш современник” единственный из всех толстых литературных журналов сохранил в 2016 году подписку на прежнем уровне. Разрыв между ним и ближайшими конкурентами впечатляет. Тираж “Нашего современника” равен суммарному тиражу “Нового мира”, “Знамени” и “Октября”.

Русские патриоты гордятся нашим успехом. Зато у русофобов, к каким бы “русским партиям” они себя ни относили, он вызывает злобу, зависть, страх. Ах, как им хочется подорвать доверие к флагману отечественной литературы, опорочить его, смешать с грязью, обрушить тираж.

Ещё одна причина ярости: в последнее время в “Наш современник” пришли молодые писатели. На наших глазах – и что особенно важно: на наших страницах – рождается новое литературное поколение. А это серьёзная сила! Новое поколение будет определять атмосферу в литературной, а отчасти и в общественной жизни в ближайшие годы. Не допустить этого, разрушить общую платформу, разобщить, дезориентировать молодых – ещё одна задача ненавистников журнала. Её выполняет не Байгушев, другие подручные “ЛитРоссии”. Но – показательно – во временных и, конечно, в идеологических рамках той же клеветнической кампании.

Вот что стоит за “разоблачительными” публикациями. Не Байгушеву, а тем, кто направляет его перо, решила ответить редакция. Ответить со всей серьёзностью, которой сам по себе Байгушев не заслуживает.

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

ДОНОСЫ ЗАКУЛИСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Александр Иннокентьевич Байгушев изначально был таким литературно-критическим Хлестаковым, с его хлестаковщиной все смирились, тем более, когда в своих статьях он поднимал важные и острые темы. В южнорусских и донских говорах байгуш — бедняк, нищий, бродяга. Поскольку такого населения на Руси всегда хватало, то и прозвище, ставшее фамилией, было довольно распространённым. Таким он и был — литературным бродягой с богатой фантазией, нищим средненьким литератором, выдающим себя за литературного генерала.

Официальная биография — самая заурядная. Родился в 1933 году. Сейчас ему уже за 80 лет. Окончил филологический факультет МГУ (1956), затем сценарный факультет ВГИКа (1960). То есть изначально его тянуло к киношному сочинительству, мог бы стать незаурядным сценаристом — с его-то фантазией! Но потянуло в другую сторону. Был активнейшим членом КПСС (с 1966). Работал в газетах “Московский комсомолец” (1960), “Советская культура” (1960—1963); в АПН (1963—1968), в журнале “Театральная жизнь” (1972—1974), был заместителем главного редактора газеты “Голос Родины” (1975—1977), затем — заместителем главного редактора издательства “Современник” (1977—1981), и вершиной его карьеры было назначение главным редактором сценарной коллегии студии художественных фильмов Всесоюзного общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом (1983—1985).

Но Байгушев под старость решил сам сочинить свою новую жизнь. По ней он был одним из руководителей **“стратегической разведки при ЦК КПСС”**, правой рукой серого кардинала Суслова, смещал и назначал Хрущёва и Брежнева, Андропова и Горбачёва, руководил всей русской партией внутри ЦК КПСС, да и сейчас является её (русской партии) негласным куратором в нашем обществе. Как утверждают под его напором новые энциклопедисты: **“По закрытой партийной линии координатор Личной стратегической разведки и контрразведки Генерального секретаря КПСС Л. И. Брежнева и один из лидеров негласной “Русской партии внутри КПСС”, осуществившей в 1964 году партийно-государственный переворот и поставившей вместо Н. С. Хрущёва Генеральным секретарём ЦК КПСС Л. И. Брежнева”**. Но, как признают сами энциклопедисты: **“Биографические сведения о Байгушеве даны по его собственным мемуарам...”**

Мои старшие коллеги по критике возмущались при чтении этой хлестаковщины, тот же Михаил Петрович Лобанов терпеть не мог всей этой байгушевщины, иронизировал по его поводу и Сергей Семанов. Как-то он мне сказал

по поводу Байгушева: **“Мелкий сексот...”** Думаю, так и было, сотрудничество с органами Байгушев и не скрывает, только вместо простого литературного сексотства придумал некую *координацию разведки*. Только что было настоящим разведчикам координировать в простой литературной среде? Кто сколько пил и гулял с бабами? Больше-то от писателей, самых талантливых, разведка ничего не узнает. Но я как-то к байгушевским хлестаковским фантазиям относился благосклонно: видно, жизнь чего-то недодала, и фантазирует человек, вреда никому нет.

Удивляло только, что ни разу по поводу его безудержных стратегических фантазий не высказались истинные ветераны из структур спецслужб. А все издатели байгушевских книг в целях рекламы писали и пишут о его высокой партийной номенклатуре, чуть ли не элита советской разведки. То ли наш местный Джеймс Бонд, то ли майор Пронин?

Но я-то его помню чуть ли не по работе в “Театральной жизни”, а затем – в газете “Голос Родины”, где и сам сотрудничал, и не чувствовал в нём никакой высокой номенклатурности. Может, так умело конспирировался? Но надо ли хвастаться ныне тем, что ты был заслан спецслужбами сексотом в русскую литературу? Можно ли все называть себя лидером русского движения? Да и что это такое? Да и как можно одновременно быть координатором коммунистической разведки Брежнева и лидером нелегальной “Русской партии”? Да и в литературе он не так уж был замечен, ни по официальной, ни по самиздатовской линии. В тот же Союз писателей вступил лишь в 1985 году, то есть в 52 года.

Мне интереснее были его статьи: “Силуэт идеологического противника” (“Молодая гвардия”, 1970, №3; вполне коммунистическая статья о методах “психологических акций” ЦРУ) и “О саддукействе и фарисействе” (“Москва”, 1988, №12; полнейший разгром журнала “Огонёк” во главе с “перевёртышем” Виталием Коротичем). Я сам в той же “Москве” печатал свои “Очерки литературных нравов” ещё до Байгушева в 1987 году на ту же тему. Тогда мы были заединщиками. Кстати, и обо мне Александр Байгушев написал увлекательную захватывающую восторженную статью, сделав из меня какого-то влиятельного демиурга. Я даже её опубликовал предисловием к своей книге. Так фантастически пышно меня никто не возносил.

Я и привлёк его к авторству в газетах “День” и “Завтра”, поскольку при всей вольности в обращении с фактами он поддерживал в целом имперскую державную позицию.

Кроме острой полуфантастической публицистики, Александр Байгушев известен своими историческими романами “Плач по неразумным хазарам” (1989; роман-предупреждение о назревающем крахе СССР, сравнивающий события в СССР с трагедией иудейского Великого Хазарского каганата в X веке) и “Сатанинские признания закулисного человека” (1995; о причинах крушения СССР).

Александр Байгушев также автор мемуарно-фантастической книги “Русский Орден внутри КПСС. Помощник М. А. Суслова вспоминает” (М., “Эксмо – Алгоритм”, 2006). И здесь я с интересом читал его ловко придуманные версии своей грандиозной биографии.

Пусть бы и дальше фантазировал себе на здоровье. Но за последнее время, достигнув вполне почтенного 80-летнего возраста, он стал уничтожать в своих статьях-доносах всех известных писателей имперского и русского национального направления, очевидно, очищая для себя почётное место в истории русского движения.

Александр Байгушев написал ядовитый памфлет-книгу “Анти-Бушин” – против Владимира Бушина, упрекая его в том, что тот по сути борется с русскими писателями: “Я вчитывался в ошарашивающе длинный список писателей, расстрелянных пером Бушина, и пытался найти какую-то внутреннюю пружину стрельбы мл. литературного террориста в спину коллегам по писательскому цеху... Но вот почему, почему нашим литературным доброхотом-СМЕРШевцем были отобраны для своего персонального помоечного вернисажа именно вышеперечисленные имена? А вот какая местечково-интернациональная идея руководит мл. террористом Владимиром Бушиным, когда он выстраивает свой расстрельный сериал-поминальник добровольного литературного СМЕРШевца “Страницы вывернутой наизнанку жизни советских писателей”? Какая идейная позиция у Бушина?”

Я сам не люблю книгу Бушина “Огонь по своим”, не принимаю его радикальных позиций.

Но какая идейная позиция у самого Байгушева, ради чего он громит журнал “Наш современник”, издевается над именами Кожина, Селезнёва, Куняева, Бушина, Проханова, Казинцева, Юрия Павлова и многих других? Осознанно уничтожает истинных лидеров современного русского движения? Переиначу слова самого Байгушева, сказанные о Бушине, направлю их на него самого: **да, когда читаешь Байгушева, то забудь о литературной совести. Забудь о ликах поэзии русских пророков и о сиянии высокой русской прозы. Приготовься купаться в одних только помоях... Зачем ему это надо?**

Байгушев упрекает Проханова и газету “Завтра” в том, что мы печатаем Бушина: “Пасквилят Бушин – это, увы, ахиллесова пята газет “Завтра” и “Дуэль”. Бушинский “лейбл” на их полосах привлекает лишь маргинальный “сброд”. Но что приобретает газета? Пожалуй, только жёлтое клеймо, которое лишает газету всякой политической перспективы. Бушин – это грязь. А от грязи всегда лучше очиститься...”

Может, переадресовать эти слова нынче Вячеславу Огрызко, печатающему постоянно байгушевскую клевету на истинных русских писателей в своей “Литературной России”? Не пора ли и ему очиститься от байгушевской грязи? Случайно ли, что все комментарии из интернета к доносным статьям Байгушева сплошь отрицательные?

“Борис Владимирович 18.03.2016 20:26

Об Александре Байгушеве я узнал из ЛР. Все статьи, его и о нём, вызывают у меня сомнение в реальности этого человека. Он мне кажется выдуманым персонажем вроде Штирлица или Мюнхгаузена.

Борисович 21.03.2016 18:07

Тематика подкупает, данную информацию не найти, но, но, но – воды шокируют, как барана на бойне.

Тот, кто 18.03.2016 18:25

Своим подчёркнуто авторитетным всезнайством автор безнадежно испортил весь материал. Теперь его место “в женских клубах, студиях шейпинга” и общественных приёмных Партии пенсионеров.

Виктор Бараков 02.04.2016 09:03

Безобразная, хамская, ничем не аргументированная статья Байгушева по отношению к Юрию Павлову и Александру Казинцеву... Жаль, что такие “критики”, как Байгушев, и при новой власти найдут себя в подобном “творчестве”. Впрочем, этой статьёй Байгушев сам себя охарактеризовал.

Александр Турчин 02.04.2016 03:18

От себя редакция резонно заметила: “Оставим личные выпады на совести автора”... Но у автора нет совести. Похоже, что и не было никогда. Разве это не читается между строк?

Александр Алов 01.04.2016 17:31

Хвалить текущий режим – гневить Бога, вот он и лишил Байгушева остатков разума.

Борис-Борис 03.04.2016 17:11

А. Байгушев – чистый образчик оборотня в погонах и Иуды. Ю. В. Андропов, скорее всего, не всем раздавал книжечку своих стихов с дарственной надписью, а только тем, кому доверял и имел к ним симпатию. Байгушев предал и продал благодетеля. Издевается, сейчас всё можно: “Сатанинский Путь – это путь экстремистский, террористический. Путь р-р-революционный. Через кровавую Революцию и гражданскую войну.

Сатанинский кровавый путь – это иудейский марксистско-ленинский путь (оба – Маркс и Ленин – были безбожниками из иудеев)”, евреем Байгушев считает и Андропова. Видимо, Байгушев и сам не удосужился прочитать Евангелие, и никто ему не подсказал, что Иисус Христос тоже был чистокровным евреем. “Козьявка” – вытащил обидное прозвище на свет Божий, а своё не сообщил.

От русского медведя 04.04.2016 10:39

Кажется, борьба с инакомыслием набирает обороты. Псевдопатриоты против патриотов – и наоборот. В ход идут обзывки, тайны подко-

вёрной борьбы и т. д. И всё это якобы во имя “святой Руси”. Но чтобы понять истинные намерения г-на Байгушева, стоит прочитать его предыдущую статью в ЛР “Кто препятствует русской весне?” (ЛР. 18.03), где автор немало рассказывает о себе. В советское время был “номенклатурным журналистом высшей номенклатуры ЦК КПСС”, “шустрым молодым писателем”, “помощником-консультантом главного советского идеолога Суслова”, имел “обширные родственные связи среди зажиточной и влиятельной русской эмиграции”, “вертелся, как белка в колесе”, и “был не последней спицей в колеснице”, то есть служил “в Личной разведке у Хрущёва, Брежнева и Андропова...” Это снаружи. А внутри стратегический разведчик готовил государственный переворот: “У нас ушло на государственный переворот 74 года...”

“Как вы понимаете, имеется в виду 1991 год – распад СССР, бесовственный и безжалостный грабёж народа, голод, хаос, гражданская война... – и резкое обострение международных противоречий в связи с распадом СССР: в 1991 году началось расчленение Югославии, война против Ирака и т. д. И это был тот самый “Сатанинский Путь”, против которого сейчас якобы восстаёт стратегический разведчик Байгушев, а на самом деле хитроумно продолжает его”.

...Прочитав в двух номерах “Литературной России” его грязную статью “Гришка Отрепьев нашего времени”, я поразился степени подлости и автора, и самой “Литературной России”.

К примеру, Байгушев пишет об одном из самых талантливых литературоведов нового поколения Юрии Павлове: “Литературная общественность уже дала отпор антипутинской провокации, устроенной в Кубанском Государственном университете его новым профессором Юрием Павловым. Перебравшись из Армавира в Краснодар, Юрий Павлов сразу затеял вроде бы благородное дело – организовал на факультете журналистики КГУ вечер памяти знаменитого краснодарца, выдающегося русского критика и литературоведа Юрия Селезнёва. Но в силу собственной дремучей невежественности в советском литературоведении (а может быть, и сознательно – ради громкого скандала, чтобы привлечь к себе внимание!) не придумал ничего лучшего, чем поручить основной доклад не близким друзьям Юрия Селезнёва, прекрасно его знавшим... а поручил доклад с подлым вызовом – “мелкому бесу”, заклятому идеологическому противнику Юрия Селезнёва, незадачливому публицисту из бывших поэтов-неудачников, нынешнему заместителю главного редактора журнала “Наш современник” Александру Казинцеву...” И далее, с лёгкой руки Павлова, этот самый Казинцев, по мнению Байгушева: “...Однако, закоренелый “майданный публицист” (а нынешний “Гришка Отрепьев”... почти во всех своих публикациях, как по заказу, зовёт народ бунтовать против законного президента Путина, как против незаконного Бориса Годунова, на площадь) вдруг сумел устроить антипутинскую провокацию против Администрации Президента в Кубанском Государственном (подчёркиваю – государственном!) университете?..”

Оставим пока в стороне Казинцева, который, насколько я знаю по личному общению, и был самым верным помощником Селезнёва, им же и приведённым в журнал, а уж никак не его недругом. Продолжим байгушевский разбор Юрия Павлова: “Знаем также и то, что, к сожалению, Павлов, как неудачливый захолустный провинциал, так и не смог получить хорошего системного образования. Его профессорство липовое. И у него самого каша в голове...”

В Москве за последнее время к провокациям привыкли, хотя тоже по требованию либералов удалили же из МГУ профессора Дугина, но что будет в Краснодаре? Вдруг, начитавшись подловитого Байгушева, некий краснодарский высокий чиновник, испугавшись “антипутинских провокаций”, будет добиваться устранения блестящего учёного из Государственного университета? Выстоит ли ректор?

Представьте, что в 1937 году кто-то пишет в центральной газете, что некий новоявленный профессор в Кубанском университете устроил антисталинскую провокацию. Что было бы с этим профессором? Сейчас не 1937 год, но услужливых чиновников хватает с избытком.

Уверяю как свидетель, что на всех павловских конференциях никаких “антипутинских провокаций” не было и быть не могло, да и самого Байгушева там не было.

Как пишет новоявленный Хлестаков: **“Как опытный ветеран, в советское время не только достаточно известный писатель и журналист, но “под прикрытием” официальных должностей – типа специального корреспондента международного агентства печати “Новости” (АПН) и главного редактора на Центральном телевидении – повторю, целых тридцать лет проработавший в стратегической разведке и тогда уже борющийся с кознями “теневой экономики”, ...я сильно подозреваю, что через своего давнего, надёжно засланного в русский лагерь “казачка-подрывника” именно “теневая экономика” хитро и осуществила краснодарскую провокацию...”**

Надо же, небось все ЦРУ и весь МОССАД годы работали, все Ходорковские и Абрамовичи миллионы не жалели, лишь бы Казинцева устроить в “Наш современник” и далее провести грандиозную краснодарскую провокацию – всего лишь литературную конференцию памяти Юрия Селезнёва.

Это уже не хлестаковщина, а мерзейший политический донос, за что в полной мере должны ответить и “Литературная Россия”, и сам Байгушев. Не заметить такой донос и отмолчаться – нельзя!

Ладно, если бы это была полемика одного критика с другим, пусть и самая разносная, ладно, если бы просто критиковался журнал “Наш современник” или газета “Завтра”. Я сам достаточно резкий критик, и тот же “Наш современник” не раз критиковал, но клеветой и доносами никогда не занимался.

Байгушев подло славливает Станислава Куняева с Казинцевым, уверяет, что сам Куняев после публикации Казинцева в журнале дважды позвонил самому Байгушеву и оправдывался перед ним: **“Во всяком случае, так клялся, позвонив мне по телефону, Станислав Куняев.**

“Я тут Куняеву верю. Станислав Куняев <...> просил, чтобы негласная “русская партия” не накладывала заклятья, как на еретиков, отлучаемых от “русской партии”, на его журнал. Попытался доказывать, что он всё делает ради “русской идеи”... Куняев уверял меня, что никогда бы не пропустил в печать ключевого тезиса провокационного доклада своего заместителя Казинцева. А тот вылил вот такую грязь, почерпнутую им с американской помойки, заявив:

“Подробнее о понятии “русская партия”. Его ввели на Западе бывшие советские диссиденты. С целью ввести в заблуждение. На самом деле никакой “русской партии”, тем более в партии коммунистической, не было и быть не могло. Если бы таковая возникла или хотя бы только начала оформляться, её деятельность была бы мгновенно пресечена”.

Я полностью согласен с Казинцевым: никогда не было в рамках ЦК КПСС какой-то нелегальной “Русской партии” и быть не могло. Были, как всегда, люди более национально настроенные и менее, но никакой организационной работы не велось. Это всё бредовые фантазии Байгушева, решившего под старость заработать себе славу.

Я спросил у Станислава Куняева, правда ли, что он после появления статьи Байгушева в “Литературной России” позвонил ему? **“Правда, – ответил мне Станислав Куняев, – но вот главное, что я сказал Байгушеву: “Ты лжец и провокатор! Как у тебя язык поворачивается писать, что мы с Казинцевым “выдаём” себя за “ура-патриотов”, что мы “опаснее Навального”, что мы “сталкиваем доверчивый русский народ с государственной властью” в лице “Владимира Путина”, “Сергея Иванова” и Вячеслава Володина”. Ты что, совсем с ума сошёл, или тебе “пятая колонна” заплатила за то, чтобы облить грязью журнал “Наш современник”? Сукин ты сын и сексот. Тебя лечить в психушке надо!”** – В ответ Байгушев то ли в приступе шизофрении, то ли вспомнив, что он до сих пор осведомитель Суслова, вдруг заявила мне начальственным тоном: – **Там, наверху (я понял, что он на том конце провода поднял палец вверх), тобой, Станислав, недовольны, и тебе, чтобы погасить недовольство, надо уволить Казинцева! – В ответ я послал его то ли на три буквы, то ли на пять, не помню, и положил трубку. У меня ведь тоже с памятью плохо, я ведь ровесник Байгушева”.**

Вот что сказал мне Станислав Куняев о сути своего разговора с Байгушевым, который даже не понимает, что излагать телефонные разговоры в печати

само по себе занятие бесчестное, пересказывать их с лживыми домыслами – занятие подлое.

Да и в русском крыле Союза писателей Байгушев ничем не проявлялся, один из мелких сексотов и журналистов, не более. Русскими лидерами у нас были Михаил Лобанов, явно презирающий Байгушева за все эти козни, Вадим Кожин, Сергей Семанов, Василий Белов, Юрий Кузнецов, Станислав Куняев, и другие, но тоже лидерами идейными, никаких конкретных “Русских партий” в литературной среде не было и нет.

Проблема в другом: почему в России до сих пор не существует легальной Русской Национальной партии, подобно существующим почти во всех развитых странах? А кое-где, например, на Тайване, такая партия много лет находится у власти...

Делать из нынешней партии “Единая Россия” русскую национальную партию – нелепо и фальшиво. Они и сами это будут отрицать.

Проходится в своей статье Байгушев и по покойному Кожину, по Проханову, опять же с явными бредовыми измышлениями. Так он уверяет: “Сейчас Александр Проханов анонсирован в первом и втором номерах “Нашего современника” с новым своим авангардистским романом... Как совместим авангардист со старым русским, почвенным, принципиально деревенским (от сохи!), по своему прежнему духу почвенным журналом?! Но своя рука владыка. А в ответную благодарность “серый кардинал” “Нашего современника” взял покладистого Проханова за горло, и тот оперативно напечатал явно состряпанное самим “Козьявкой” наглое интервью с самим собой “Патриотизм – это не Собес”. Благодарный Проханов даже перестарался – напечатал Казинцева не только в своей газете “Завтра” (2016, №4), но и ещё в расширенном варианте в приложении к своей газете – бондаренковском “Дне литературы” (2016, №1). Вот такие у нас творятся бесстыдные дела по взаимному “перекрёстному опылению” в якобы ура-патриотической периодике...”

Во-первых, романы Проханова в журнале печатаются с ведома и по настоянию самого Куняева. Да и не нуждается Проханов в перекрёстном опылении. Во-вторых, интервью Казинцева для “Дня литературы” отобрал как один из лучших материалов лично я и поместил на полосу “Завтра”, выделенную Прохановым для моей газеты. Думаю, Александр Андреевич так до этого интервью и не добрался и знать ничего о нём не знает. Вот такие конспирологические бредни печатает Огрызко в своей газете. Зачем? Зачем придумывать бредни про Кожина, что, мол, “Кожин был убеждён, что “засланных казачков”, если они по крови русские, надо умело перевербовать”.

С одной стороны, Байгушев льстиво сочиняет, что выдуманная им “негласная, но по-прежнему влиятельная “Русская партия” обеими руками за Путина и потому поддерживает партию “Единая Россия”, надеясь на мощное русское крыло в ней, возглавляемое Володиным. Вот Зюганов, как я подозреваю, и приказал своему “доверенному лицу” дискредитировать негласную “Русскую партию” – подло объявить, что её якобы придумали диссиденты”. С другой стороны, признаётся, что это он с товарищами и совершил переворот в 1991 году, приведя к власти Ельцина: “Побожески – это не свергать власть, посеяв хаос и гражданскую войну, а просто националистам умно прибрать правящую элиту к своим рукам. И затем мягко свершить при благоприятных обстоятельствах бескровный политический переворот. И по этому пути, например, пошла “Русская партия внутри КПСС”. У нас ушло на государственный переворот 74 года, но по историческим меркам это совершенно мизерный срок”...

Вот, оказывается, кто руководил антисоветским переворотом в 1991 и 1993 годах! А мы-то все либералов обвиняем... Но незадолго до этого тот же Байгушев пишет, что он в своё время привёл к власти русского Брежневца, что верно работал на Суслова: “По поручению М. А. Суслова мне (а по закрытой партийной линии я работал у Суслова помощником-консультантом) пришлось с творчеством диссидентской “пятёрки” основательно познакомиться... Я высказал Суслову своё мнение, что арестовывать “цветковцев” – так это только создавать жалким “графоманам” широкую рекламу, чего они как раз и жаждают, ради чего и натужно “бузят”. И Суслов, согласившись с моим мнением, не дал согласия Комитету Государственной Безопасности на арест “чёрной пятёрки”...”

Как говорят: ври, да не завирайся. И пока Байгушев лишь сочинял байки про Андропова, Брежнева, Суслова, Горбачёва и других **своих подчинённых**, я его даже защищал от нападок — нужен же и нам свой русский барон Мюнхгаузен. Пусть уж он покается, что лично привёл к власти иудушку Горбачёва: **“Но покаюсь: именно из-за моей дружбы с Раисой Максимовной — умной, энергичной, блестяще закончившей философский факультет МГУ, — “партийная разведка” не стала возражать против выдвижения Горбачёва после скоростижной смерти Андропова в Генеральные секретари...”** Пусть покажет всем автографы дарственных надписей Андропова на своих книжках.

Но реальный барон Мюнхгаузен не клеветал на своих друзей и коллег, не писал политические доносы.

Не вижу я ничего страшного и в его неприязни к Куняеву, Казинцеву, Кожину, Павлову. Критика без полемики не существует, даже самая острая. Но это у него уже и не фантазии, и не критика, а гнусная мерзкая клевета, направленная на раскол русского движения, на разгром русских патриотических изданий.

Увы, боюсь, сегодня осознанно какими-то влиятельными силами запускаются мелкие интриги, провоцирующие вражду между русскими патриотами. Воюют между собой газеты, журналы, союзы писателей, и кто-то их стравливает, кто-то это всё поощряет? А ведь, казалось бы, в отличие от прошлых времён, патриотическую позицию по всем главным вопросам занимают почти все литературные издания России: “Литературная газета” и “Свободная пресса”, “Завтра” и “День литературы”, “Российский писатель” и “Наш современник”, “Москва” и “Культура”, даже “Литературная Россия” при всей своей провокативности не на стороне либералов. Наши — почти все провинциальные литературные издания.

Но нет объединяющего центра, и в реальности литературным процессом в России управляют те же либералы, от литературных премий до литературных фестивалей, от международных писательских делегаций до участников встреч с президентом, везде одни Улицкие и Быковы, Акунины и Веллеры. И что-то не видно среди них таких провокаторов, как Байгушев или Огрызко, никто не ссорит Чупринина с Натальей Ивановой, “иудейский хаос”, столь ненавидимый Осипом Мандельштамом, сегодня перекочевал в наш русский стан.

Пора выкорчёвывать!

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В номере 13 газеты “Литературная Россия” за 2016 год довелось прочесть продолжение очередного опуса Александра Байгушева “Гришка Отрепьев нашего времени”, которое открывается следующим пассажем:

“Мне осенью прошлого года с горечью, перебивая друг друга, рассказывали вернувшиеся из Краснодара мои друзья – именитые писатели:

– **Мы попали, как цыплята на сковородку. Мы ехали на сугубо литературное мероприятие – на конференцию памяти замечательного русского литературного критика. А вдруг оказались на грязном политическом шабаше.**

– **Мы поехали в Краснодарский край, потому что это казачья Кубань, а казаки всегда славились беззаветным служением русскому государству. Но мы почувствовали себя на конференции памяти Селезнёва так, как будто мы ошиблись с билетом на поезд и оказались не на Кубани, а в захолустном, онемеченном бандеровском городке Западной Украины, где сейчас модно под любым предлогом поносить президента Путина и его ближайших сотрудников: руководителя Администрации президента Сергея Иванова и первого заместителя руководителя Администрации президента Вячеслава Володина”.**

“Именитые писатели”, приехавшие в Краснодар из Москвы на чтения, посвящённые памяти Юрия Ивановича Селезнёва, – это Юрий Козлов, Сергей Куняев, Александр Казинцев, Лидия Сычёва, Андрей Тимофеев, Елена Тулушева.

Ни один из нас не делился и не мог делиться с Байгушевым и с кем бы то ни было никакими подобными “сожалениями”. Прежде всего, потому, что всё написанное автором “Литературной России” – наглая и беспардонная ложь.

Не было никакого “политического шабаша” и, тем более, никаких “поношений”. Был честный, прямой литературный и философский разговор об истории нашей литературной критики, о нынешнем состоянии журналов, о судьбе самого Юрия Селезнёва.

Бывает ложь, в которой присутствует примесь правды. В случае Александра Байгушева – омерзительное враньё, стопроцентное, без примесей. Выдрав одну-единственную фразу из контекста выступления А. И. Казинцева, можно уже сочинять любые страшилки, используя, в частности, и ярлык бандеровщины.

Чего ещё ждать от мифического “теневого лидера “русской партии” внутри КПСС”, который был охарактеризован на этих чтениях, как “чиновник среднего уровня”, создавший свой миф о “русской партии”? Только доноса по начальству в духе 1937 года с придуманным им самим “разговором с именитыми писателями”.

Первая реакция на это – попросту набить доносчику морду. Но тут вспоминаются слова Есенина о Мережковском, написавшем на поэта оскорбительный памфлет: “Старый, старый... Иначе я бы его из рук не выпустил”.

Ю. Козлов
С. Куняев
Л. Сычёва
А. Казинцев
Е. Тулушева
А. Тимофеев

АЛЕКСАНДР БЕЛОНЕНКО
директор Свиридовского института

ШОСТАКОВИЧ И СВИРИДОВ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

*Оттепель после метели.
Только утихла пурга —
Разом сугробы осели
И потемнели снега...*

Это начальное четверостишие стихотворения Николая Заболоцкого, опубликованного в десятом номере журнала “Новый мир” в 1953 году¹. Стихотворение имеет название — “Оттепель”. Повесть Ильи Эренбурга под тем же названием, которое дало имя послесталинской эпохе, — “хрущёвская оттепель”, — вышла позднее, в майском номере журнала “Знамя” уже в 1954 году².

Смерть Сталина, как считал Свиридов, стала “событием эпохи”. Теперь очевидно, что это событие предопределило все последующие эпохи жизни многих народов, не только входивших в состав СССР. В истории русской музыки перемены, пришедшие со смертью Сталина, оказались весьма значительными, они сыграли решающую роль в эволюции русской музыки, нашей музыкальной культуры в целом. Итогом стал, как считают западные музыковеды, “конец советской музыки”³.

Кончина Сталина резко изменила судьбу Шостаковича и Свиридова и, в известной мере, по касательной, предопределила дальнейшую историю их взаимоотношений. Продлился ещё сталинский режим, трудно представить себе, нашёл ли бы Георгий Васильевич выход из жизненного и творческого тупика, в котором он оказался после 1948 года. Он сам это хорошо понимал. С началом хрущёвский оттепели Свиридов буквально ожил, воспрянул духом. Как он напишет в начале 1990-х годов, “середина 50-х годов — это время, в которое ещё можно было дышать”.

Начало новой эпохи в жизни и творчестве Свиридова ознаменовало создание поэмы «Страна отцов» на слова Аветика Исаакяна. Обычно историки музыки проходят мимо этого события, да многие и просто не знают о нём ничего. Между тем, драматическая история “хождения по мукам” этой поэмы и её признания весьма показательна для своего времени, и точно так же, как прохождение 10-й симфонии Шостаковича, стала знаменем перемен в русской музыке начала послесталинского периода. На этой истории стоит остановиться особо.

Новые веяния времени после 5 марта 1953 года коснулись Ленинградского союза композиторов. Изменения эти прослеживаются буквально по меся-

* Продолжение. Начало в №1 за 2016 г.

цам, дням. Ещё в январе 1953 года общим собранием членов ЛОССК в Ленгорсовет были выдвинуты кандидатами в депутаты тов. И. В. Сталин, В. П. Соловьёв-Седой (председатель ЛОССК) и Ф. А. Рубцов (в тот момент — глава Правления ЛОССК)⁴.

Ещё 19 февраля 1953 года на конференции слушателей, посвящённой обсуждению кантаты С. С. Прокофьева “На страже мира” и его 7-й симфонии, музыковед Ю. Я. Вайнкоп вынужден был декларировать: “Важнейшая особенность современного этапа советской музыки — это борьба с формализмом, это ликвидация формализма как значительного явления в нашей музыкальной культуре...”⁵

20 февраля на очередном заседании правления ЛОССК, где Ф. А. Рубцов⁶ выступил с сообщением об итогах VI пленума Союза советских композиторов СССР, поднимался вопрос о подготовке к осеннему смотру. При обсуждении произведений, которые предполагалось рекомендовать к исполнению в Москве на Секретариате Союза советских композиторов СССР, поэма “Страна отцов” даже не упоминалась⁷.

Проходит март, проходят пышные похороны И. В. Сталина и совсем незаметные на их фоне похороны С. С. Прокофьева, в напряжённом ожидании проходят два месяца после похорон, с какими-то таинственными событиями в Кремле, непонятными преобразованиями органов государственного управления, перестановкой в руководстве партии и в правительстве, о которых хотя и сообщалось в газетах и по радио, но суть которых не была понятна обществу. Тем не менее, в начале мая всё резко изменяется.

6 мая 1953 года в ЛОССК проходит отчётно-перевыборное собрание, рассматривается вопрос о деятельности Правления. На этом собрании руководство Правления подверглось весьма острой, как говорится в таких случаях, нелицеприятной критике. Оно обвинялось в политике замалчивания, в боязни и перестраховке, в пассивности и бездеятельности руководства, “основанном на преступном чувстве казённого благополучия”, в оторванности от композиторской массы, в незнании её нужд и запросов. В частности, вновь заговорили и о поэме Свиридова. Композитор И. Добрый в своём выступлении напомнил: “Года полтора-два тому назад композитор Ю. В. Свиридов написал 15 поэм на тексты стихов Исаакяна⁸. Это значительное по своим художественным достоинствам произведение не только не было поддержано ЛОССК, но даже не было исполнено и обсуждено. По сей день это сочинение замалчивается, как будто бы его совсем и не существует...”⁹.

Другой композитор, В. В. Волошинов¹⁰, прямо обвинил Правление: “Я считаю, что тяжёлой бедой и ошибкой нашего правления является то положение, в котором находится Свиридов...”¹¹.

Собрание было бурное, невиданное доселе, привыкшее молчать и не высказывать своего мнения большинство членов союза открыто выразило свое негативное отношение к своим руководителям. Конечным результатом стала смена руководства ЛОССК. Остался лишь председатель — Василий Павлович Соловьёв-Седой. Его первым заместителем стал Михаил Александрович Глух, композитор и музыковед, член партии с 1940 года, учившийся композиции в Ленинградской консерватории у Б. В. Асафьева, недолго руководившего Союзом советских композиторов в 1948 году.

Свиридов был избран членом Бюро камерно-симфонической секции, которую возглавил композитор и музыковед Христофор Степанович Кушнарёв, профессор Ленинградской консерватории; его заместителем стал однокашник Свиридова Орест Евлахов, с которым Свиридов первыми поступил в класс Д. Д. Шостаковича. Членами бюро секции стали также хорошо знакомые ещё со школьной скамьи композиторы Левон Ходжа-Эйнатов, Борис Ключнер, Роман Котляревский, Владимир Маклаков, их старший коллега, педагог консерватории В. В. Волошинов. Кроме того, Свиридов вошёл в состав правления Музфонда, председателем которого избрали Вадима Салманова. Это всё были хорошо знакомые, в основном соученики по консерватории композиторы, с некоторыми у Свиридова были в то время близкие, дружеские отношения¹².

Ленинградское отделение было вторым по значимости после Москвы, и такое волеизъявление композиторских масс, их бунтарский дух произвёл впечатление на многих композиторов далеко за пределами Ленинграда. Проходивший в эти же дни VIII пленум Правления ССК Украины оказался совер-

шенно беззубым. Пленум не привёл ни к каким решительным организационным переменам, не породил никакой новой художественной платформы. Впрочем, на пленуме не прозвучало ни одного принципиально нового сочинения, которое могло бы послужить поводом если не для создания новых эстетических критериев, то хотя бы для дискуссии¹³. Иное дело – Ленинград. В ЛОССКе в эти дни происходили чуть ли не революционные события. Это была первая ласточка перемен в жизни самого привилегированного, самого благополучного творческого союза в СССР, каким был Союз композиторов¹⁴.

Уже 15 мая состоялось заседание нового Президиума ЛОССК, и было принято решение устроить 22 мая прослушивание вокального цикла “Моя Родина” Ю. В. Свиридова¹⁵. Но буквально в эти же дни Свиридов добился командировки в Москву и сам, без всякой рекомендации показал поэму на Секретариате Союза композиторов СССР и в Главном управлении музыкальных учреждений Главного управления по делам искусств при Министерстве культуры СССР¹⁶.

Поэму хорошо знал Д. Д. Шостакович, и как мы увидим дальше, сыграл решающую роль в её судьбе. Свиридов рассказывал мне, что Дмитрий Дмитриевич в мае или июне 1953 года (сейчас уже не помню точно) встречался с министром культуры СССР П. К. Пономаренко¹⁷ и среди прочих вопросов просил разрешения и получил согласие на исполнение своей Десятой симфонии и поэмы “Страна отцов”. И хотя Свиридов не был официально зачислен в делегацию от ленинградцев, тем не менее, он присутствовал и выступал на заседании секретариата Союза советских композиторов СССР 26 мая в Москве. Сохранился протокол этого заседания¹⁸.

Это заседание было весьма знаменательным в разных отношениях, и поэтому имеет смысл познакомиться с его содержанием поподробнее, в деталях. Формально это был как бы отчёт нового руководителя ЛОССК перед высшим органом – Секретариатом Правления Союза. Так и значилось в повестке дня заседания: “О состоянии и задачах организационно-творческой работы Ленинградского Союза композиторов”. Но на самом деле это заседание стало одним из первых, авангардных боёв между представителями так называемого “реалистического” направления и теми, кто ещё недавно числился формалистами или сочувствующими им. И опять поэма “Страна отцов” стала сочинением, которое послужило предметом споров и поводом для столкновения позиций.

“Протокол № 19 заседания Секретариата ССК СССР 26 мая 1953 г <ода>.

Присутствовали: Т. Хренников, В. Захаров, Г. Хубов, Д. Кабалевский, Ю. Шапорин, М. Коваль, К. Молчанов, В. Соловьёв-Седой, З. Вартанян, В. Власов, С. Аксюк, Г. Восканян, В. Кухарский, А. Солодовников, И. Ильин, М. Глух, Б. Арапов, Ю. Свиридов, Г. Носов. А. Богданов-Березовский¹⁹, С. Чичерина, Н. Теплинская, М. Вайнберг, И. Нестьев, Н. Пейко, В. Белый, М. Сабина, Е. Дубровина, Л. Афанасьев, З. Апетян, М. Лобищев (Тамарин), Г. Шантырь, И. Белорусец, Н. Николаева.

Повестка дня: О состоянии и задачах оргтворческой работы Правления Ленинградского Союза композиторов (М. Глух)

Высказывались тт. Г. Хубов, Ю. Свиридов, Б. Арапов, С. Чичерина, В. Богданов-Березовский, Ю. Шапорин, В. Белый, Н. Николаева, В. Соловьёв-Седой, В. Власов, С. Аксюк, Д. Кабалевский, В. Захаров, М. Коваль, Т. Хренников.

Постановили:

1. Поручить комиссии в составе В. Захарова (созыв), М. Ковалья, В. Соловьёва-Седого, М. Глуха, В. Власова, С. Аксюка в трёхдневный срок представить проект решения Секретариата с учётом высказываний и критических замечаний на Секретариате.

2. Поручить той же комиссии подготовить письмо Министру культуры СССР тов. Пономаренко П. К. по вопросам Ленинградского ССК и о решительном улучшении издания и распространения произведений советских композиторов в системе Музфонда.

Генеральный секретарь ССК СССР Т. Хренников

Секретарь Правления В. Власов²⁰.

Этот документ требует комментария. Дело в том, что, судя по списку присутствующих, на этом заседании секретариата были композиторы из “формалистического” лагеря, такие как близкие Шостаковичу Н. Пейко, М. Вайнберг,

Свиридов. Были близки в то время этому лагерю (так сказать “попутчики”) маститые мэтры вроде Д. Кабалевского и Ю. Шапорина. Были сочувствующие и среди музыковедов. Были и такие, кто старался занять осторожную, серединную позицию. Собственно, за умение лавировать и находить общий язык с представителями противоборствующих сторон и был выбран во главе Правления ЛОССК скромный композитор и музыковед М. А. Глух²¹.

Как можно увидеть из стенограммы заседания, оно проходило в нервной, напряжённой обстановке. Опять ленинградские композиторы жаловались на бюрократизм и отсутствие интереса со стороны старого руководства ЛОССК к насущным потребностям рядовых членов Союза. В сущности, на секретариате повторилось всё то же, что было и на отчётно-перевыборном собрании в ЛОССК 6 мая. С той только разницей, что теперь рядовые композиторы апеллировали к судьям высшей инстанции, к ареопагу Правления Союза советских композиторов СССР. Не знаю, были ли среди них такие наивные, кто не понимал, что этот ареопаг управляется людьми одной и той же партии композиторов “реалистического” направления, к которому принадлежало прежнее руководство ЛОССК во главе с В. П. Соловьёвым-Седым.

Сначала должен был говорить критик Хубов, потом ленинградцы, а затем Глух. Но его попросили выступить первым. Он отчитался о прошедшем с 5 по 7 мая отчётно-перевыборном собрании в ЛОССК, говорил о докладе Ф. А. Рубцова, его обсуждении, прениях, о результатах собрания. Говорил о достижениях. Между прочим, упомянул оперетту “Огоньки” Свиридова, его “камерное произведение, удостоенное премии”²². Но, как принято в таких случаях, отметил недостатки. Причём недостатки не руководства, а самих композиторов. И в том же духе, что критиковало ленинградских композиторов прежнее руководство ЛОССК. Обвинял композиторов в отставании, в недостаточной идейно-творческой, мировоззренческой осознанности тех проблем, тех задач, которые сейчас стоят перед советской музыкой, в формализме, в том, что композиторы не показывают истинные сочинения, а пишут и показывают прикладные вещи. Отметил уход от центральных проблем в мелкую работу, в прикладную музыку. Правда, отметил и организационные проблемы: ленинградских композиторов не играют, не издают, в Москву не зовут – трудно с командировками.

Потом последовало обсуждение, пошли вопросы к М. Глуху. Выступил Г. Н. Хубов²³. Он был настроен более критически по отношению к руководству ЛОССК. Отметил, что Секретариат мало занимался вопросами ленинградской композиторской организации. Отметил, что положение дел там “далеко не такое бесконфликтное, как обрисовал тов. Глух”. Дальше пошла обвальная критика руководства ЛОССКа: Правление не занимается композиторами, композиторы жалуются. Нужна элементарно хорошая организационная работа.

Хубову возразил Соловьёв-Седой, который оправдывался, как обычно, с шутками и прибаутками. Говорил, что лучше бы хорошие композиторы писали музыку, а плохие – руководили бы Союзом²⁴.

После Соловьёва-Седого выступил Свиридов. Передаю текст его выступления по стенограмме.

“Я не состоял в Правлении прошлого созыва и поэтому не могу сказать о работе Правления и о деловой стороне Союза. Могу сказать только как рядовой член организации. Мне кажется, что беда прошлого Правления заключалась в том, что не то, что оно не имело авторитета, как говорил т. Хубов, а не было творческого авторитета. Потому что там были подобранные люди, которые были мало творчески активны вообще, за всю свою жизнь мало интересно себя показавшие товарищи. И это накладывало отпечаток на всю работу Правления, что не было творческого и профессионального уважения.

Мне кажется, что нынешний состав Правления в этом отношении более удачен, творчески интересен и высок. И, мне кажется, перед новым Правлением сейчас, безусловно, стоят очень большие задачи: приведение всей организации в порядок, собиранье Союза, который в значительной степени рассыпался, потому что многие композиторы не интересовались работой Союза. Многие композиторы не хотели показывать в Союзе свои сочинения, потому что считали, что не будет деловой критики, а только будут демагогические разговоры. Это Правление будет иметь больше возможностей наладить работу, потому что авторитет у него имеется, и это Правление будет пользоваться уважением членов организации.

Что касается моей работы, это неверно, что я не работал. Правда, я работал в кино, в театре, но и этот разрез музыки не объявляется крамольным, — и ничего тут страшного нет. Хорошо и плохо композиторы пишут в этом жанре, но это жанр, которым, по-моему, тоже должны заниматься композиторы.

Я привёз поэму на стихи поэта Исаакяна. Это длинное сочинение, и даже в новом роде. Я хотел, чтобы его сыграли. Неоднократно просил товарищей. И даже хотел поставить на дискуссию. Но прошлый состав Правления почему-то не пошёл мне навстречу. Я хотел бы здесь ознакомить товарищей с этим сочинением и послушать критику. Может быть, действительно, там есть какие-то недостатки, что весьма вероятно, и я с благодарностью приму критику.

Что касается работы в симфоническом жанре, то я этим сейчас занимаюсь. Мне кажется, что в прошлом была неправильная тенденция у некоторых товарищей: как приклеили ярлык, так и оставили. А это, по существу дела, было неправильно. Правление не имело творческого и профессионального авторитета, было мало профессиональным, и это в значительной степени многих товарищей отдалило.

Насчёт издательства. Здесь товарищи говорили, что всё издаётся. В Ленинграде очень слабое и маломощное издательство. Я, правда, в этом издательстве много лет не был, но я просил московское издательство издать моё трио, но его не издали, хотя говорили, что оно выдержано. Я обратился один раз в Музгиз. Мне сказали, что, поскольку я член ленинградского Союза, то я должен издаваться там. А наше издательство, повторяю, маломощное.

Мне кажется, что дело не в списке, который показывал М. А. Глух, а дело в том, что продукция некоторых товарищей заслуживает внимания. Только к ней не было приковано общественное музыкантское мнение. Мне кажется, что в значительной степени виноваты и сами композиторы, но слаб и творческий состав прошлого Правления, и это в значительной степени послужило виной того, что в Союзе нашем царила атмосфера разболтанности”.

Это был прямой вызов. Свиридов бросил перчатку бывшему Правлению, задев за живое и высказав самое обидное, что можно было сказать художнику, — обвинив его в отсутствии творческого авторитета. Конечно, это был перелом эмоций, ведь Свиридов прекрасно понимал и открыто признавал, что В. П. Соловьёв-Седой — подлинный талант. Правда, ценил его, прежде всего, за мелодический дар композитора-песенника. Впрочем, в данном случае речь шла об авторитете не только председателя Правления, но и его заместителей. Тот же В. Сорокин или Ф. Рубцов²⁵ были композиторы довольно скромного дарования, да и опыта, и не шли ни в какое сравнение, скажем, с В. Щербачёвым или М. О. Штейнбергом.

Далее выступал — сдержанно — Б. Арапов²⁶, говорил о жанре симфонии, о молодёжи. Опять, как и в Ленинграде, довольно долго жаловалась на дела в ЛОССК Софья Чичерина. Она поддержала критику Свиридова, возразил которому только Валериан Богданов-Березовский, входивший в руководящий состав Правления ЛОССК. Разгоревшемуся диспуту подвёл черту Т. Хренников: будем слушать музыку, а в субботу — обсуждать.

И вот последовало обсуждение в субботу, 29 мая.

Появление Шостаковича и близких ему композиторов и музыковедов сильно изменило соотношение сил двух лагерей. . .

“Повестка дня: Обсуждение произведений ленинградских композиторов. Исполнялись:

1. С. Чичерина — Увертюра для симфонического оркестра (механическая запись);
2. В. Салманов — Симфония (механическая запись);
3. Б. Арапов — фрагменты из оперы “Ходжа Насреддин”;
4. Ю. Свиридов — вокальный цикл (исполняет автор);
5. А. Пашенко — Симфония (механическая запись)”.

Первым взял слово Д. Шостакович. В начале своего выступления он заметил, что нельзя делать вывод о работе организации только исходя из прослушанного. Слишком мало произведений. Потом перешёл к оценке. Несколько слов сказал о Праздничной увертюре С. Чичериной, симфонии Салманова, об Арапове. И, наконец, — о поэме Свиридова.

“Произведение Свиридова на меня произвело самое превосходное впечатление. Мне очень трудно анализировать. Несмотря на очень несовершенное исполнение, оно произвело очень сильное впечатление. Поэтому у меня

погасло восприятие, и неинтересной мне показалась симфония Пащенко. Нужно было переставить их местами наоборот. Симфония Пащенко оказалась в очень неблагоприятном положении.

Тут глубина мыслей, умение находить контрасты, великолепное фортепианное сопровождение. Это чрезвычайно талантливое и написанное с большой силой сочинение. Человек написал это сочинение, потому что он не мог не написать его. Это была потребность настоящего большого таланта в создании очередного произведения. Думается мне, что чрезвычайно было бы интересно послушать это сочинение на два голоса. Я ноты видел и думается мне, что это будет отлично звучать. Но мне показалось, что кое-где фортепиано маловато, хотя партия написана с большим совершенством.

Когда это будет исполнено ясным, громким, нормальным певческим голосом и хорошим музыкантом, то я боюсь, что заключение самого последнего номера или самого последнего абзаца может тускло прозвучать на фортепиано. С голосовыми данными автора прозвучало превосходно, а когда будет исполнять певец, длинное заключение на фортепиано прозвучит по-другому. Чрезвычайно хотелось бы послушать в более хорошем исполнении. Произведение трудное для исполнения, его нужно учить и нужно его прочувствовать. Повторяю, это произведение произвело сильное впечатление, так что о симфонии Пащенко трудно говорить”.

Шостакович специально выступил первым и задал тон всему дальнейшему обсуждению. После него выступил историк музыки, специалист по творчеству А. С. Даргомыжского М. С. Пекелис²⁷.

“Тов. Пекелис: Надо сказать, что впечатления мои в значительной степени совпадают с впечатлениями Д. Д. Шостаковича. Этот цикл композитора Свиридова на меня произвёл огромное впечатление. Это произведение действительно вдохновенное, произведение, которое по силе, яркости, глубине и впечатлительности своей выделяется из многих произведений, которые появились за последнее время. Трудно после первого слушания такого большого цикла, да я ещё сидел вдаль от автора, поэтому не всё из вокальной партии до меня доходило, много говорить, но, тем не менее, богатство, разнообразие, идея, положенная в основу этого произведения, даже и в этом исполнении, совершенно очевидна.

Мне всё время представлялась здесь связь с замечательной линией нашей классической музыки. Как-то всё время вспоминался Модест Петрович Мусоргский и его трагические, очень насыщенные драматизмом образы. К сожалению, опять-таки детально трудно сейчас судить, надо посмотреть ближе произведение. Но и моменты углублённого трагического плана, и моменты жанровые, контрастирующие друг с другом, дают значительное развитие образов произведения и воспринимаются как единое целое и вместе с тем многообразное в своих эпизодах.

Я присоединяюсь к мнению, что нужно было бы в ближайшее время послушать это в живом вокальном исполнении, чтобы можно было в полной мере судить об этом произведении. Но и сейчас очевидно высокое художественное качество произведения”.

И перешёл к оценке симфонии Пащенко, отметив, что “очень невыгодно было для симфонии Пащенко сопоставление с циклом романсов Свиридова, и если и ощущается традиция, то традиция в значительной степени уступающая тому, что мы видели у Свиридова, — очень творчески и самостоятельно претворенное”.

Следом за Пекелисом выступил Матиас Гринберг, фигура во многих отношениях примечательная²⁸.

“Мне тоже очень понравился свиридовский цикл. Поэтому я присоединяюсь к тому, что говорилось. Может быть, он не везде одинаково ровный, может быть, есть вещи, которые производят впечатление, например, начало очень понравилось, но есть вещи, которые я не очень разобрал. Тов. Свиридов сделал очень большой скачок вперёд, вместе с тем, я должен сказать, что у меня есть некоторые сомнения, правда, может быть, я ещё не всё продумал. Мне представляется следующее, что всё то, что относится к трагическому, получилось очень образным, очень доходчивым, очень волнующим. Но почему же только эта сторона выделена, отмечена и подчеркнута? Это особенно бросается в глаза в цикле, который называется “Моя Родина”. Мне показалось, что здесь забыта очень важная часть, которая отметила бы трагичность

прошлого, часть, которая была бы оптимистичная, радостная, которая символизировала бы сейчас нашу Родину. В конце есть попытка просветлить, но, во-первых, это коротко, во-вторых, это наименее выразительно и наименее доходчиво и, в общем, весь цикл, который называется “Моя Родина”, остаётся в прошлом. И это, мне кажется, большим изъяном этого произведения. Во всяком случае, не очень ясный идейный мотив. Когда человек начинал сочинять, куда он хотел прийти? Перед самым финалом проходит опять трагическая небольшая часть, которая напоминает начало, и выходит возвращение к прежнему. Тут не преодоление, а, наоборот, повторение. Я повторяю: для меня образы “Моей родины” здесь не получились. Это прошлое моей родины, какие-то страницы прошлого, но современного ощущения здесь нет. Это я говорю искренно, при всём том, что произведение произвело большое впечатление. У меня ещё такой вопрос: это армянское произведение или произведение об Армении? Как будто целый ряд выразительных средств этого произведения связывает нас с Кавказом, с Арменией, но с другой стороны, это не переходит в ощущение образа вообще нашей родины. Так что вопрос о языке этого произведения остаётся или дискуссионным, или не продуманным.

Поздравляя с новым произведением, вместе с тем, я хочу, чтобы тов. Свиридов некоторые вещи додумал. Но самое главное – вопрос идейного содержания, вопрос трагического неразрешимого конфликта остаётся очень серьёзным недостатком”.

После маститого М. Гринберга выступил историк музыки Израиль Нестьев, тогда ещё молодой, впоследствии автор многих трудов по музыке XX века. И хотя в 1948 году Нестьев не нашёл в себе смелости устоять и защитить своего главного героя – С. С. Прокофьева, – тем не менее, он не был соратником Т. Хренникова и его окружения. Вот что сказал И. Нестьев на обсуждении.

“В связи с тем, что затронул Матиас Маркович, мне кажется, что как раз вопрос о языке, о национальном стиле этой музыки решил Свиридов очень самобытно и ярко. Я бы сказал, что это произведение русского композитора об Армении так, как он её чувствует и как он прочёл поэзию Исаакяна. Здесь он находится в традиции русской классики, которая неоднократно обращалась к Востоку, видела эти картины востока глазами своей национальной стихии. Несмотря на то, что здесь нет фольклорных признаков армянской музыки, в целом получилось убедительное раскрытие этой суровой и очень своеобразной поэзии старой Армении. Армении – трагической страны, которая пережила трагическую судьбу. И это здесь с большой симпатией и сочувствием обрисовано.

Это большая удача композитора. Наконец, у нас появилось крупное сочинение в романсном жанре. Нужно обязательно продвинуть это произведение и использовать это как повод для того, чтобы другие наши авторы обращались к крупным работам в области романсного жанра. О том, что говорил Матиас Маркович, трудно сейчас судить детально, потому что произведение сложное. Исполнено оно было вокально далеко не совершенно, и мы можем только приблизительно высказать свои соображения. Мне к самому концу показалось тоже, что здесь не хватает какого-то поворота из этих преобладающих тягостных суровых настроений в иную сферу. Это не должен быть торжественно-праздничный финал, но какие-то иные краски, связанные с жанром народного танца, иные настроения, может быть, здесь имели бы право прозвучать, чтобы создать известный перелом к концу. Вот такое мнение у меня сложилось, несмотря на то, что в целом произведение очень впечатляет, а местами просто потрясает в наиболее трагических страницах”.

И далее Нестьев стал говорить по поводу симфонии бедного старенького А. Пащенко.

Затем выступила молодая критикесса М. Сабина, в будущем автор монографии о симфониях Д. Д. Шостаковича²⁹. Думаю, что её тоже пригласил на обсуждение Шостакович. Сабина начала своё выступление с критики симфонии В. Салманова, затем согласилась с Шостаковичем по поводу симфонии А. Пащенко: “ему пошло во вред сопоставление с произведением огромной силы Свиридова...”

Наконец, о самой поэме, которую она по инерции вслед за многими окрестила циклом: “О цикле Свиридова здесь было сказано много слов, совершенно справедливых, относительно того, что это произведение заслуживает высокой оценки, что это произведение, выдающееся не только на фоне романсного жанра, но и на фоне многих других произведений... Эта работа –

одна из самых выдающихся за последний год. Сомнения относительно текста и линии идейного развития всего цикла возникают не впервые. Эти сомнения возникали в Ленинграде, и это способствовало тому, что оно залежалось. Я не знаю, справедливы ли товарищи, которые говорят, что нужен бодрый конец, и требуют качества, которое поэтическому тексту поэта Исаакяна не присуще. Здесь идёт речь об Армении прошлого, здесь развёрнуты трагические картины прошлого.

Ну, и что же, вправе ли мы требовать того, что в текст не вложено? Мне кажется, что финал как нельзя лучше завершает это произведение. Вместе с тем, в ней (так! — **А. Б.**) есть черты величавого, мощного, жизнеутверждающего эпоса. Я не вижу здесь давящего пессимизма. Кто-то здесь выдвинул предположение, что, если бы тут были черты танцевальности и т. п., было бы хорошо. Мне кажется, что это снизило бы этот цикл. И пролог, и заключение как нельзя лучше весь этот цикл обрамляют. Это очень монolithicное, высеченное из одного куска произведение. У меня никаких намерений нет, чтобы дробить, анализировать, говорить, что 2-я часть лучше и т. д. Я воспринимаю это с большим напряжением, оно оказывает исключительно сильное воздействие, и так я это воспринимаю от начала и до конца”.

После молодой Сабининой в дискуссию вступил “тяжеловес” В. Кухарский, в то время секретарь Правления СК СССР, председатель Комиссии по музыковедению и музыкальной критике в СК и зам. главного редактора журнала “Советская музыка”. Вот его слова:

“Я слышал только цикл Свиридова. Произведение это действительно чрезвычайно талантливое и производит очень большое впечатление. Не стоит повторять тех слов, которые уже были сказаны. Некоторые номера просто падают в душу, такие песни и романсы как “Сестра”, “Дым отечества” и др. Это очень вдохновенные произведения.

Относительно языка и колорита — тут Матиас Маркович поднимает этот вопрос. Талантливый композитор, который пишет об Армении, имеет право своим языком как русский композитор сказать об Армении, как он её воспринимает. И в этом отношении мне кажется, что упрека композитору не заслуживает.

Что же касается трагического оттенка, то нужно сказать, что финал действительно имеет чрезвычайно яркие и сильные страницы, и очень большого размаха. В то же время в финале слышатся отзвуки драматизма. Сам по себе финал очень хорош. Но мне кажется, что и самый текст не подходит к теме современной советской Армении. Там великолепные образы Родины отцов, вспаханной не одним поколением. Очень красивые большие поэтические образы, но всё-таки несколько отвлечённые от современных образов Армении. И это и некоторая многообразность самого финала, где наряду с сильными героическими нотами слышны отголоски трагизма, не обращает этот цикл к современности в полной мере. Мне кажется, что такой недостаток в чрезвычайно талантливом цикле есть. Я не думаю, что нужно было бы как-то дополнять этот цикл частями, обращёнными к современности, как-то его перепланировать, потому что в тех частях, где речь идёт об Армении прошлого, там есть по глубине оптимизма народного прекрасные части, и в этом смысле полное преобладание трагического я не ощущаю, но сам вывод, само завершение цикла требовало более точно адреса. Дело не в жанровых сценках, и они не сыграли бы никакой роли. Здесь нужно поддержать эпический размах всего произведения, но советовать автору трудно, может быть, он считает, что цикл получил полное завершение. Но в самом финале в поэтическом тексте и в самой музыке следует дать нечто более чёткое, обращённое к нашей современности. В целом же это большое явление в нашей вокальной литературе”.

После В. Кухарского выступил композитор Евгений Макаров, ученик Д. Шостаковича. Не знаю, сам ли он сообразил или действовал по подсказке учителя, который явно был режиссёром этого собрания, но молодой выпускник факультета военных дирижёров высказал два дельных соображения. Одно касалось названия поэмы. Другое — относительно её концертного исполнения.

“Я хотел бы сказать несколько слов в отношении сочинения тов. Свиридова, которое на меня произвело глубокое и большое впечатление. Это яркое, содержательное произведение, которое никого никогда не будет оставлять равнодушным. Но мне хотелось бы развеять недоразумение. Все поздравляют автора с большим достижением, и в то же время в ряде выступлений сквозит

мысль, что язык чем-то не хорош, в чём-то он не дотянут. Тут недоразумение. Если произведение хорошее, всем понравилось, значит, произведение хорошее. Сочинение, написанное плохим языком, отпадает. Из того, что здесь было высказано, безусловно, надо прислушаться к тому, что говорил тов. Гринберг. Он высказывался достаточно осторожно, потому что сочинение было исполнено несовершенно образом и трудно сейчас дать ответ на вопрос, который он поставил. Но у меня лично тоже есть сомнение в том, безупречна ли идейная концепция сочинения. Может быть, сочинение могло бы быть более совершенным в общем плане. Из исполнения я понял, что если это сочинение останется таким, какое оно есть, то, может быть, следует другое название дать. Мне хочется высказать такую мысль, что в сочинении Г. В. Свиридова мы встретились с большим музыкальным явлением, и очень досадно, что это музыкальное событие мы не можем оценить по-настоящему. Нужно принять меры, чтобы исполнить <его>должным образом и ещё раз вернуться к обсуждению. По-моему, это можно сделать незамедлительно. Это настолько интересное и большое событие, и мне непонятно, почему на нотах – дата 1950-1951 г<оды>, а мы до сих пор ничего не знаем об этом сочинении. Может быть, в Ленинграде оно исполнялось. Тогда почему в Москве не исполнялось? Мы не можем допустить, чтобы такое значительное произведение лежало в портфеле автора. Надо буквально в ближайшие дни прослушать <его> в живом исполнении и ещё раз обсудить”.

На этом первый день обсуждения творчества ленинградских композиторов окончился. Наверняка в этот день вечером у Свиридова и его друзей были основания зайти вечером в любимый ресторан “Арагви” и поделиться своими впечатлениями за бутылкой “Цинандали” или чего-нибудь покрепче...

Но вот наступает второй день обсуждения. Вновь обращаемся к архивному документу.

“Стенограмма заседания Секретариата ССК СССР от 30 мая 1953 г<ода>.

Присутствовали: тт. Т. Хренников, Д. Кабалевский, В. Захаров, М. Коваль, Ю. Шапорин, Г. Хубов, В. Власов, Д. Шостакович, М. Глух, В. Соловьёв-Седой, Б. Арапов, Ю. Свиридов, В. Салманов, Г. Носов, Н. Теплинская, С. Урбах, В. Белый, Г. Восканян, Н. Пейко, М. Вайнберг, С. Чичерина, М. Раухвергер, Мат. Гринберг, С. Аксюк, И. Ильин, Н. Николаева, А. Гозенпуд”.

Как видно из списка присутствующих, “команда” Д. Шостаковича и сочувствующих ему и, соответственно, Ю. Свиридову, преобладала в этот день. Но решала все же не она...

Второй день обсуждения был итоговым. Поэма Свиридова вновь привлекла к себе наибольшее внимание, на этот раз вокруг неё развернулся спор.

“Тов. Хренников: Продолжаем работу.

Тов. Шапорин: остановился на трёх сочинениях – набросках оперы Б. Арапова, симфонии В. Салманова и на поэме Ю. Свиридова. По поводу симфонии В. Салманова согласился с мнением Д. Д. Шостаковича: “Как можно такое сочинение не исполнять?”

“Это относится и к сочинению Свиридова. Я этим сочинением занимался вчера и сегодня и считаю, что оно выдающееся. В нём в одном месте идёт всё время борьба между фригийской попежкой и повышение (так! – **А. Б.**) малой секунды на большую, а потом идёт смещение, но всё это так вплетено в ткань, что получается просто симфоническое развитие. Говорили, что сочинение это не было исполнено, потому что оно не имело конца.

Тов. Власов: Так не говорили.

Тов. Шапорин: Но это сочинение тоже не исполнялось?

Тов. Власов: Оно не исполнялось, потому что автор не доделал его.

Тов. Свиридов: Я просил исполнителей, потому что сам не могу найти певцов.

Тов. Шапорин: Ведь это крупное сочинение, которое выполнено на высоком уровне, которое представляет подлинный шедевр в вокальном искусстве. Это необычное для романсного жанра сочинение, тут какой-то поворот в другую сторону, и чрезвычайно убедительный поворот. Мне думается, что здесь виновата организация.

Тов. Соловьёв-Седой: Во-первых, что касается Свиридова, то вопрос обстоял так. В присутствии не только членов нашей организации, но и московских товарищей это сочинение было прослушано и было высказано ниже следующее... Точно не помню, но приблизительно скажу: что это очень талант-

ливое произведение, весьма интересное, и как всякое весьма интересное произведение, оно таит в себе целый ряд спорных моментов. Мне говорили об этом сочинении, и было предложено автору подумать, чтобы это сочинение приблизить больше к нашей современности, чтобы найти у Исаакяна пару стихотворений, которые были бы ближе к нашим дням. Как известно, это стихи эмигрантские.

Тов. Хубов: Это неверно.

Тов. Соловьёв-Седой: Можно закончить?

Тов. Хубов: Можно, только не надо говорить неправду.

Тов. Соловьёв-Седой: И Свиридов забраковал это произведение и больше в Союзе не показывал. Три раза я лично с ним разговаривал, что их надо прослушать в настоящем исполнении. Мы предлагали целому ряду певцов эти произведения, в частности, Яшугину, Ярошенко. Они все брали эти произведения, держали их по месяцу и возвращали, говоря, что нет времени их выучить. Один раз предлагали Е. Флаксу. Но драматических теноров не так много и в Ленинграде. Так что виной организации не является то, что они не были исполнены". Дальше В. П. Соловьёв объяснялся по поводу симфонии В. Салманова, напомнив о своём предложении ему написать 4-ю часть.

Тов. Шапорин: "С точки зрения критических замечаний. Тут говорили, что должен быть драматический тенор. Я этого не знал. Но, мне кажется, что и для драматического тенора тесситура занижена, особенно, когда дуэтом поёт бас. Это замечание, которое, вероятно, пришло бы в голову автору, когда он в натуральном виде услышал бы своё сочинение. А в целом, повторяю, это сочинение произвело на меня большое впечатление, особенно после его изучения вчера и сегодня". Далее Шапорин задел А. Пащенко, напомнив, что о его симфонии "предельно ясно сказал Д. Д. Шостакович".

Затем выступил Николай Пейко³⁰. Он высказался только о двух сочинениях: симфонии В. Салманова и поэме Свиридове. "О романсах Свиридова. Я знакомился с ними до вчерашнего исполнения, и они на меня произвели сильное впечатление. Весь этот цикл представляется мне значительным сочинением. Сочинение это больших мыслей, очень глубоких чувств советского гражданина. В этом сочинении, мне кажется, есть элементы новаторства и не только в том, что, как правильно сказал Ю. А. Шапорин, они по-иному поворачивают романсный жанр, но и потому, что круг эмоций, образов и чувств, которые вложены в это сочинение, являются эмоциями, образами и чувствами советского человека сегодняшнего дня. Неважно, о чём <он> пишет, берёт ли автор историю или, может, сочинение является каким-то событием сегодняшнего дня. Скажем, "Борис Годунов" Мусоргского был глубоко современным сочинением. Хотя тема была взята автором историческ<ая>. К тому же, здесь возник вопрос и пожелание относительно того, чтобы дать ещё какой-то номер, который говорил бы о нашей действительности. Я воспринимаю этот цикл таким образом: после перенесения страшнейших тягот военного времени, наша страна вступает в полосу расцвета, она становится ещё более яркой и прекрасной. И это ощущение здесь, мне кажется, передано. И это сочинение мне кажется вполне современным, хотя нет настоящей картинке сегодняшнего дня. Хотелось бы несколько слов сказать о его языке. Тут не раз возникал вопрос: стихам армянского поэта надо ли было придавать какие-то моменты локальности языка или нет? Мне кажется, нет. Надо сделать примечание, что сделан перевод армянских стихов. И, несмотря на признаки локальности (имена и какие-то аксессуары), они говорят о признаках, свойственных советскому народу в целом. Это мысли, в которых есть большие обобщения. Мне кажется, что язык, который здесь нашел Свиридов, является, как мне кажется, очень своеобразным развитием традиций русской классики, в частности, Мусоргского, оттолкновение от которого тут чувствуется больше, чем от других композиторов, и является своеобразным развитием традиций русской классической музыки, и в то же время несёт в себе элементы нового, что, очевидно, является уже отражением каких-то влияний нашего времени. Я имею в виду не музыкальные влияния, а беря это слово в обобщённом смысле. Таким образом, мне кажется, что это произведение следовало бы считать одним из, может быть, самых ярких и одним из значительных творческих ответов на историческое постановление Центрального Комитета партии от 10/II. Во всяком случае, я считаю это одним из самых ярких ответов на это постановление за последние годы"³¹.

После Н. Пейко слово взял Виктор Белый, когда-то активный деятель Российской ассоциации пролетарских музыкантов (РАПМ), в последующем, с 1954 года уже официально – неизменный секретарь Т. Хренникова, через которого проходили все документы, тексты всех выступлений, докладов, речей первого секретаря СК СССР³². В. Белый никогда, ни раньше, ни позднее, не проявлял интереса к творчеству Свиридова. Тем интереснее его высказывание, явно продиктованное всей складывающейся ситуацией на обсуждении.

“Тов. Белый: Я слышал только 3 произведения: Свиридова, Салманова и Пащенко, так что выскажусь о них. Что касается поэмы-цикла Свиридова, здесь, насколько я понимаю, царит единодушие в оценке этого произведения. Я лично тоже считаю его необычайно сильным по выразительности произведением. И после того, как его прослушаешь, как-то действительно не хочется предаваться каким-то аналитическим действиям, потому что произведение оставляет очень сильное и вместе с тем очень цельное впечатление. Возможно, что после того, как оно будет исполнено в настоящем виде, появятся эти аналитические мысли. Но сейчас действительно как-то не хочется этим заниматься. Мне кажется, что произведение это, если говорить о его идейно-выразительной стороне, очень сильное. В конце концов, так: герой этого произведения – народ. В сущности, о чём бы здесь ни говорилось, здесь говорится о народе. И всё время чувствуешь, что даже от своего имени поэт выражает какие-то глубокие народные чувства и мысли.

Произведение это, по-моему, глубоко патриотично в целом. Очень большое впечатление производит сила музыкальной образности, выраженная очень экономными и, на первый взгляд, скупыми средствами, и этими скупыми средствами автор достигает очень большого, выразительного образного воздействия. Можно ли сказать, что это произведение лишено этой, необходимой для всякого реалистического произведения, национальной окраски взятой темы и всех образов? Мне кажется, что нет. Пускай это не очень непосредственно, пускай это более опосредованные образы, тем не менее, когда слушаешь эту музыку, она вполне ассоциируется с нашим представлением об Армении, об армянской музыке и т. д., так что не знаю, был ли справедлив упрек в отвлечённости музыкального языка, но мне кажется, что этого нет. Здесь нет непосредственного отражения, но дух армянской музыки здесь отражён. Очень трудно будет найти исполнителя для этого цикла, потому что он, действительно, не очень обычен и отходит от той рутины, к которой привыкли многие наши певцы. И, тем не менее, исполнителя найти необходимо, потому что это произведение имеет право прозвучать полным голосом”.

И дальше он перешёл к оценке симфонии Салманова. Общий вывод его – талантливо, но спорно. Потом перешёл к злободневной теме положения в организации.

Своё выступление композитор С. В. Аксюк³³ начал с общих вопросов. Потом перешёл к обсуждению музыки, несколько слов сказал о симфониях А. Пащенко и В. Салманова. Потом перешёл к поэме. “Что касается работы Свиридова, мне тоже представляется эта работа выдающейся, принципиальной, прогрессивной, в какой-то мере этапной. Тут говорили о содержании – советская ли это Армения? Но мы знаем такие работы Сарьяна, и никакого сомнения не возникает, когда мы смотрим его картины, тоже поднимающие большие темы первозданных работ. Мы знаем работы Заболоцкого. У меня не вызывают сомнений эта симфония (так! – **А. Б.**), что она носит черты архаики. Это – интересная работа”. И заключил: “Все, что показали ленинградцы, достойно пропаганды”.

Со свиридовской оценкой состояния руководства ЛОССК согласился Д. Кабалевский: “Тов. Свиридов очень верно говорил об основных бедах, об отсутствии авторитета вовне и в самом Союзе композиторов”. И затем перешёл к оценке поэмы.

“Сочинение Свиридова. Я согласен со всеми. Мне тоже показалось это сочинение необычайно талантливым, очень ярким и своеобразным. Мне трудно высказать некоторые вопросы, которые возникают при слушании этого произведения, потому что я текстов не читал. Кто-то сказал, что заглавие не совсем соответствует содержанию цикла, и потому надо сделать иначе музыку. Если это так, если имеется несоответствие музыки с заглавием, я бы предпочёл увидеть изменённое заглавие, т. е. не подгонять музыку под заглавие, а дать заглавие, более соответствующее тому, что сделано компози-

тором. Может быть, есть преобладание трагического начала, связь с прошлым страны. Я боюсь утверждать, но у меня такое впечатление было при слушании. Это предмет для разговора с автором, для раздумья — так ли это? Заглавие “Моя Родина” — это заглавие, которое вызывает у слушателей желание услышать образы сегодняшнего дня. Тут, мне кажется, он не вполне будет удовлетворен. Так что тут, может быть, есть правильные соображения.

Как будто бы это всё, что исполнялось. Я повторяю, что всё это свидетельствует о росте композитора и о творчестве композитора с очень хорошей стороны и одновременно о каких-то неблагоприятных моментах, потому что сочинение не получит достаточной поддержки. Я имею в виду и филармонию, и комитет, и издательство”.

К самому концу выступали самые главные генералы СК СССР первого созыва, так сказать, на́большие бояре. По старшинству, прежде чем ставить точку, выступил заместитель Хренникова, его главный соратник, песенник (и, надо честно сказать, талантливый!) В. Захаров. Он начал с общих вопросов, воздал хвалу Ленинграду и ЛОССК. Упомянул на всякий случай XIX съезд партии, затем сказал несколько нейтральных слов о Чичериной, Салманове и Арапове. Наконец, дошёл до поэмы Свиридова. “Относительно сочинения Свиридова. У меня осталось впечатление, что много трагедийного, причём трагедийного, сделанного с очень большим вкусом, так что жалко это трагедийное уменьшать. Автор сам будет решать вопрос, но я поставил бы вопрос о том, чтобы переменить название. В сочинении много интересных, вдохновенных страниц, в сочинении много нового и захватывающего. Может быть, есть длинноты, и может быть, следует сделать более компактно. Но всё-таки осталось ощущение, что что-то нужно сделать с названием. Об этом подумать нужно. То, что говорил т. Гринберг прошлый раз, имеет резон, потому что такие претензии могут возникнуть у широкого слушателя, и возникнут они именно в связи с этим обязывающим названием. Но, конечно, очень плохо то, что ленинградская организация отнеслась равнодушно к этому сочинению. Надо было устроить скандал”.

И скандал возник тут же. Свиридов неожиданно прервал Захарова репликой: “Я сыграл это сочинение с тем, чтобы оно исполнялось на пленуме, но оно было отвергнуто”.

Тут уже не выдержал обиженный на Свиридова Василий Павлович Соловьёв-Седой. Он явно вспылал: “Здесь обстоятельства не такие, о которых говорил Ю. В. Свиридов”. И неожиданно его осадил В. Захаров: “Если это так было, а именно: прослушали и отвергли, — это показатель очень серьёзный, это чересчур большое равнодушие к сочинению, т. е. равнодушие к основной задаче”.

После Захарова выступил ещё один герой 1948 года, прославившийся критикой Д. Шостаковича, — Мариан Коваль. Он сразу заговорил о прослушанных сочинениях. Сначала сказал несколько незначительных слов об Арапове, потом решил сравнить симфонию А. Пащенко и поэму Свиридова, политесно заметив, что у этих композиторов “разное отношение к действительности”. И затем, оттолкнувшись от этого сравнения, перешёл к поэме. “Что касается произведения Свиридова, то оно очень интересное, очень значительное, и оно поражает непрерывным стремлением композитора находить какие-то новые средства музыкального выражения — и в гармонии, и в мелодии, и в эмоциональном напряжении. Мне лично как художнику это немножко далеко, потому что я не вижу здесь непосредственности восприятия мира, как в сочинении Пащенко. Я вижу здесь чрезмерное психологическое углубление. И в целом ряде мест мне хотелось бы более какого-то массового языка, объективности высказывания и художественного образа. Тем не менее, произведение это яркое и художественное. Индивидуально высказывание композитора целиком и полностью принимаю. Хотя субъективно я больше волнуюсь открытыми и массовыми эмоциями. Мне кажется, что показ этих двух совершенно различных по силе произведений говорит о том, что в нашем искусстве могут развиваться совершенно различные творческие индивидуальности, развиваться очень интересно. И нужно относиться к этим индивидуальностям объективно”.

Наконец, последнее слово было предоставлено главному виновнику обсуждения, автору поэмы. Почувствовав моральную поддержку, Свиридов выплеснул на собрание всю горечь, накопившуюся за годы его вынужденного

молчания, унижений и притеснений. Он вспомнил всё: и обвинение его в формализме, и историю с его симфонией, и как третировали его поэму. Но при этом он не стал в позу оскорблённого и обиженного и не забыл своих товарищей по несчастью, композиторов, которых в равной степени, как и его самого, что называется, зажимали, не давали ходу. Пожалуй, самое ценное в его выступлении – это рассказ о замысле поэмы, авторская интерпретация произведения, его смысла, образного содержания. И, разумеется, его выступление вызвало ответную реакцию.

“Тов. Свиридов: Товарищи, я, к сожалению, очень плохой оратор и не представлял себе, что сегодня буду говорить. Но мне хотелось бы просто поделиться некоторыми своими впечатлениями, во-первых, потому, что я сам давно, несколько лет уже не играл своих произведений в Москве и не слышал критических замечаний москвичей. И в этот проезд я выступал как музыкант, не один, а вместе со своими товарищами.

Прежде всего, я хотел бы сказать о них. Я знаю симфонию Салманова давно, хорошо, слышал её в оркестре и в записи и нахожу это произведение очень талантливым. Знаю композитора ещё по консерватории и считаю очень талантливым. Мне кажется, что была дана не совсем правильная информация о его произведении. Симфония никогда не браковалась филармонией. Мравинский, очень тяжёлый на подъём, взялся учить это произведение, и оно не пошло на широкую аудиторию не по вине филармонии, а исключительно по вине композитора. Это сочинение достойно того, чтобы его играть.

Здесь не совсем правильная была дана информация, поэтому я вынужден говорить о своём произведении. Я предлагал своё сочинение показать. Я много работал в области кино и театра. И вот меня вызвали товарищи и сказали, что я ничего не пишу. Я хотел показать своё сочинение для того, чтобы была дискуссия, но мне было отказано. По каким мотивам, я не могу сказать. Я играл сочинение в присутствии тов. Власова, и мне ничего не сказали. Это, правда, было давно.

К чему я это всё говорю? Тов. Коваль сказал абсолютно правильную вещь: композиторы могут быть разные, они могут быть самых различных направлений в соответствии с личным вкусом и устремлениями. Но, к сожалению, Правление проводило неправильную политику, и Правление было очень нетерпимым к любому проявлению чего-то такого, что выходило за пределы личного вкуса некоторых товарищей. Я обо всем этом говорю для того, чтобы это не повторялось больше. У нас в Союзе есть очень талантливые композиторы, например, Клюзнер, который написал скрипичный концерт, но он боится его показывать. В Ленинграде ещё не вышло из моды такое слово, как формализм, хотя в сочинении Клюзнера ничего этого нет.

Мне бы хотелось пожелать, в частности, для внесения в резолюцию, чтобы было больше разнохарактерных музыкантов в Правлении, чтобы было больше внимания, и тогда дела пойдут лучше, тогда будет больше сочинений, и Ленинград тогда не будет бедно представлен, как он был представлен в прошлом пленуме. Мне очень приятно было услышать приятную критику. Да, замечание о названии правильное, но мне кажется, что драматический и патетический тон, которым я пытался говорить, такой теме свойствен. Слово “Родина” располагает к возвышенным и трагедийным чувствам.

Поразительной национальной окрашенности композитор, как Мусоргский, занимался вопросами государства, родины, казалось бы, далёкими от искусства, но он замечательно это делал, он отражал дух народа. Я говорю в смысле принципа, который я взял в основу – не музыкальную, но чисто творческую, в смысле сюжета и подхода. Если говорить о родине, то говорить в тоне патетическом, хотя есть у Лермонтова стихи, где имеется лирическое умиление. Мне кажется, можно говорить и языком таких страстей, как говорил я в этом произведении. Заголовок, может быть, неправильный, потому что он обманывает. Сам заголовок говорит о том, что услышишь что-нибудь современное. Смысл, может быть, был неправильно понят. Но смысл такой, что после всех перенесённых страданий пусть живёт народ. Может быть, я сгустил краски, я подумаю. Во всяком случае, благодарю товарищей за критику и внимательное отношение”.

А далее он сказал несколько одобрительных слов в адрес Пащенко, заметив, что ему симфония понравилась: “Мне кажется, это произведение хорошее”. Закончил он своё выступление критикой руководства ЛОССК: “В Ленин-

градском Союзе положение было не совсем хорошее. Правление не умело сплотить людей воедино. Поэтому Союз фактически как организация действовал в половину, а может быть, и меньше тех возможностей, которые у него имеются. И, мне кажется, новое Правление Ленинградского Союза должно, прежде всего, поставить задачу консолидации всех творческих сил, чтобы все товарищи работали и находили беспристрастное отношение к своей работе, и тогда дело будет лучше”.

Выступление Свиридова вызвало живую реакцию. Первым взял слово Г. Хубов.

“Тов. Хубов: Я по поводу сочинений не буду распространяться. Я вкратце высказывался в Ленинграде и здесь по поводу двух симфоний... А что касается сочинения Свиридова, то я считаю, учитывая жалкое, маломощное ленинградское издательство, предложить опубликовать лучшие романы из этого цикла у нас в журнале, потому что, как выразился Владимир Григорьевич, вопрос стоит и будет стоять”.

Тут не выдержал В. П. Соловьёв-Седой. Он вновь пошёл в атаку на Свиридова, и вновь разгорелся словесный бой... Привожу его выступление и возникшую дискуссию целиком, без комментариев.

“Тов. Соловьёв-Седой: Тут всё время говорят: старое Правление плохое, вот новое Правление хорошее. <...>. Откровенно говоря, мне кажется странным выступление Ю. В. Свиридова. Он извратил истинное положение вещей, и тут я должен коснуться некоторой истории. На первом нашем пленуме исполнялась первая часть симфонии Ю. В. Свиридова, которую мы горячо приветствовали. Т. Н. Хренников тоже слушал. Затем была написана вторая часть, которую он мне лично показывал, и я её горячо приветствовал. Затем эта же часть симфонии была показана в кабинете Правления трём товарищам. Слушал я, Хренников и Чулаки. Чулаки и Хренников подвергли эту часть симфонии суровой критике. После этого Ю. В. бросил писать симфонию. Дальше, с Исаакием. Опять-таки напомним некоторые факты. Эту поэму Ю. В. показывал года два тому назад не на предмет показа на пленуме, об этом разговор шёл дальше, а на предмет того, что приезжала комиссия Комитета по делам искусств в лице Апетян³⁴. Там был Власов, который может рассказать. Очень правильные были вещи.

Тов. Свиридов: Власов не приезжал тогда.

Тов. Соловьёв-Седой: И Апетян поставила первый вопрос о том, что это произведение очень интересное во многом, но может вызвать очень острую дискуссию и болезненно отразиться на авторе, и предложила добавить ряд вещей, в частности, несколько новых текстов и, может быть, сделать заголовки и в правильную рамку облечь всё сочинение. Это – дело истории, а не сегодняшнего дня. И тогда вставал вопрос о том, что трагедийное начало превалирует над началом оптимистического восприятия нашей действительности. После этого факта Ю. В. это сочинение для нас не продемонстрировал. Потом я предложил ему, что необходимо его услышать в реальном звучании. Он как будто бы соглашался. Если бы у меня было сочинение, которое я хотел бы, чтобы его исполняли, я бы нашёл себе исполнителей. Союз предлагал и даже находил исполнителей, но они не хотят. Но это дело всё-таки автора убеждать.

Т. Захаров: Нет, Союз должен найти и убедить.

Что же искать, если такие голоса, какие нужны, имеются в Ленинграде? Что же тут искать? С ними разговаривали. Они говорят, что это очень сложное сочинение, нерентабельное. Что же я три месяца буду учить, а исполню один раз. Например, так говорил Ярошенко. Какими же методами убеждать? Симфония Салманова обсуждалась в Союзе композиторов, и было высказано пожелание, что необходимо в эту симфонию внести ещё одну часть... <...>

Я не понимаю, почему Г. Н. Хубов говорит, что сочинения зажимаются? Как же ещё действовать? Развозить Ю. В. по всем городам, чтобы он сам исполнял?

(Смех)

Тов. Хубов: Я надеюсь, что в Москве сочинение Свиридова будет исполняться.

Тов. Соловьёв-Седой: Я решительно протестую против того, что говорили, что в Ленинграде музыка реалистического направления зажималась.

Тов. Свиридов: Я хочу дать фактическую справку. Ни на каком показе я с тов. Апетян не встречался и никаких пожеланий не слышал. Встреча

с тов. Апетян в Комитете была в другое время и по другому поводу. Показывал я это сочинение на предмет отбора на пленум комиссии в составе тт. Власова и Сабининой.

Итог подводил Тихон Хренников. Надо знать Тихона Николаевича, его мастерское умение чувствовать и моментально реагировать на ситуацию, тут же, с ходу выбирать необходимую тактику поведения. Простодушный В. П. Соловьёв-Седой не обладал этим умением. Хренников прекрасно понимал, что разговор о состоянии дел в ЛОССК и прослушивание ленинградских композиторов, среди которых было два объявленных в 1948 году “формалистами”, их поддержка большинством присутствовавших на обсуждении, наконец, присутствие Д. Д. Шостаковича не оставляло ему никаких шансов выступить с открытой критикой поэмы Свиридова. За него эту работу отчасти уже сделали Мат. Гринберг и В. Захаров, наметившие “уязвимые места” в поэме. Но сейчас, в данный момент, Хренникову было важнее его собственное положение, а Свиридов не представлял для него никакой потенциальной угрозы. К тому же он прекрасно понимал, что за спиной Свиридова стоит Шостакович. Поэтому Хренников решил выступить как либерал и пожурил своего друга В. П. Соловьёва-Седого, который был не на шутку рассержен критикой в его адрес. Наивный автор дивных задушевных песен военной поры не понял тактического хода своего друга.

Хренников вынужден был признать: “Факт остаётся фактом, что работа Ленинградского Союза на последнем общем собрании ленинградских композиторов правильно признана неудовлетворительной”. Далее он раскритиковал свой Секретариат и органы его, курирующие Ленинград. Признался, что о сочинениях, которые слушали, “мы ничего не знали”.

И вновь, следуя партийному правилу о критике и самокритике, обвинил свой Секретариат. “Совершенно правильно говорил тов. Свиридов относительно того, что самым порочным было то, что Союз не сумел сплотить наиболее талантливые силы, и, по-видимому, лица, которые группировались вокруг организации, в творческих своих устремлениях были однобоки. Поэтому и представление было однобоким. Не было опоры на наиболее творческие силы, которые способны были бы решать большие задачи искусства. Они были на отшибе. Соловьёв-Седой приводил пример, что они слушали две части сочинения Свиридова³⁵. Я знаю, как Свиридов относится к критике. Вторая часть была неудачная, а первая была хорошая. Но это не значит, что на все дальнейшее, что писал Свиридов, наложен отпечаток оценки этой самой 2-й части”.

Дальше он перешёл к текущим вопросам, говорил о квартирах, о том, на что и почему жалуются рядовые композиторы... И потом в самом конце перешёл к прослушанным произведениям.

“Тут была единодушная положительная оценка вокального цикла Свиридова. Это самобытное, индивидуальное, яркое произведение, надо его послушать в настоящем виде. Для окончательного выяснения позиций надо послушать, как звучат голоса. Поэтому необходимо Комиссии решить, договорившись с автором, этот вопрос. Ленинград сам, очевидно, организует исполнение для ленинградцев. Мы хотим в ближайшее время услышать здесь, в Москве, произведение Свиридова в хорошем исполнении. Надо сейчас выбрать авторов³⁶, сделать несколько экземпляров, договориться с исполнителями на ближайшее время, может быть 2-3 недели, сколько потребуется для разучивания этого произведения здесь, в Москве, для широкого ознакомления.

Интересное сочинение заслуживает широкого ознакомления с ним и организации дискуссии. Композитор послушает высказывания, и это пойдет на пользу самому Свиридову и всех нас. Нужно организовать исполнение этого сочинения здесь, в Москве”.

И дальше — о Салманове и Пашенко: “Нужно поговорить с министерством культуры, чтобы они помогли реализовать работы товарищей из Ленинграда”.

Казалось бы, Хренников — на стороне бывших ленинградских “формалистов”, выступает с резкой критикой своего испытанного товарища, его правой руки в Ленинграде — В. П. Соловьёва-Седого. Но Хренников бы не был тем Хренниковым, который продержался на плаву свыше сорока лет во главе СК СССР, пересидел нескольких Генеральных секретарей ЦК КПСС, первого президента СССР. Тихон Николаевич принимает решение назначить комиссию,

которая разработает рекомендации на основании прошедшего заседания Правления и прослушивания. И что же это была за комиссия, Создатель? В неё вошла вся испытанная в боях хренниковская гвардия. Все как на подбор: Захаров, Коваль, Соловьёв-Седой, легко управляемый, несамостоятельный Глух, секретарь Правления Власов, нейтральный Аксюк и только для видимости один из противного лагеря – Хубов. И командиром этой команды Хренников назначает своего зама – Захарова. Того самого Захарова, который в 1948 году сказал, что Восьмая симфония Шостаковича – это не музыка. Забегая вперёд, отмечу, что Комиссия, как и следовало ожидать, так толком ничего и не создала, и никак не повлияла на текущие дела в ЛОССК.

Тем не менее, Свиридов праздновал победу. Он отстоял своё произведение, ему пришлось пойти лишь на небольшой компромисс: поменять название поэмы. Что будет дальше – он не хотел думать, ему сейчас нужно было только одно: довести своё творение до публичного исполнения и, по возможности, до печатного издания.

15 июня 1953 года на общем собрании членов ЛОССК новый глава Правления М. Глух выступает с обстоятельным докладом “О перспективах творческой работы ЛОССК и предстоящем смотре творчества ленинградских композиторов”. Он рассказывает о своей поездке в Москву, в Секретариат ССК СССР, на котором обсуждалось состояние Ленинградской организации ССК. Отмечает удачное выступление ленинградцев, в том числе и Свиридова. И в заключение своего доклада, касаясь вопроса о будущем осеннем смотре, предлагает включить поэму в его программу. Предлагает весьма осторожно, намекая на возможность разных её оценок, так сказать, на дискуссионность её восприятия: “Имеется интереснейшая вокальная поэма Свиридова, которая блестяще прошла в Москве, но имеющая спорные моменты, о которых мы можем поговорить. Она тоже может быть исполнена в нашем концерте”³⁷.

А дальше – покатило, поехало...

В июле выходит в свет приложение к журналу “Советская музыка”, в котором впервые издаются пять номеров из поэмы под названием “Романсы на слова А. Исаакяна”³⁸.

18 сентября Правление ЛОССК в новом составе удовлетворяет просьбу Свиридова о переписке шести (неопубликованных) номеров поэмы в связи с предстоящим исполнением её на ноябрьском смотре³⁹.

25 сентября Правление постановило: “Рекомендовать вокальный цикл Ю. Свиридова на слова А. Исаакяна “Музгизу” для включения в перспективный план изданий на 1955–1956 годы”⁴⁰.

2 октября Правление обсуждает вопрос о подготовке к ноябрьскому смотру творчества ленинградских композиторов, и среди рекомендованных значится поэма Свиридова. Как принято в Союзе композиторов, произведение должно было быть окончательно рекомендовано к исполнению секцией, в которой оно должно было быть исполнено.

14 ноября 1953 года проходит заседание камерно-симфонической секции ЛОССК.

Присутствовали композиторы Х. С. Кушнарёв, Б. Ключнер, О. Евлахов, М. Глух, Б. Арапов, В. Салманов. В повестке дня числится первым номером вокальная поэма “Моя Родина” Свиридова. Она прозвучала в исполнении И. Нечаева (тенор), В. Андрианова (бас) и А. Люблинского (фортепиано). Секция постановила: “Рекомендовать вокальную поэму “Моя Родина” Ю. Свиридова к включению в программу камерного концерта-смотра в Малом зале Филармонии”⁴¹.

17 ноября поэму слушал Президиум ЛОССК в присутствии В. П. Соловьёва-Седого, М. А. Глуха и В. В. Животова и дал окончательное “добро” на её исполнение в камерном концерте смотра⁴².

И вот открывается смотру творчества ленинградских композиторов. В нашем домашнем архиве сохранился календарный план смотра, в котором Георгий Васильевич при помощи карандаша кружком обвел ряд сочинений⁴³. Вероятно, те, которые вызвали его интерес, а также те, на показе которых он был.

Смотр открылся спектаклем в Малом оперном театре по опере Д. Г. Френкеля “Угрюм-река” 20 ноября. Свиридов был на этом спектакле, судя по отметке в плане. 22 ноября днём Свиридов посетил балет “Родные поля” Н. Червинского в Кировском театре, а вечером – концерт в Большом

зале филармонии “Новые произведения ленинградских композиторов”. Свиридовым отмечены Симфония В. Салманова (дирижировал Е. А. Мравинский) и симфоническая поэма Ю. Балкашина “Павлик Морозов”⁴⁴. В этом же концерте прозвучали Три оды для голоса и симфонического оркестра “Петербургу-Петрограду-Ленинграду” на слова Н. Глейзарова Ивана Ивановича Дзержинского и Поэма-кантата для солиста, хора и симфонического оркестра Л. Ходжа-Эйнатова. Эти сочинения остались не помеченными Свиридовым. В понедельник 23 ноября в Доме композиторов он слушал в механической записи “Элегическую поэму” Л. Ходжа-Эйнатова⁴⁵, Пятую симфонию А. Пащенко, симфонию В. Богданова-Березовского и ораторию В. Сорокина “Герои Сталинграда”. 24 ноября Свиридов посетил концерт в Большом зале филармонии. В этом концерте в первом отделении исполнялись сочинения соучеников Свиридова по консерватории: “Увертюра” Б. Клюзнера⁴⁶, сюита из балета “Ивовая веточка” О. Евлахова⁴⁷ и симфоническая поэма “Ленинград” одного из старейших композиторов Ленинграда В. М. Дешевова (1889–1955), одного из видных деятелей “современнического” направления. В этом концерте Свиридов отметил увертюру Клюзнера.

И, наконец, 25 ноября в Малом зале им. М. И. Глинки Ленинградской филармонии довольно поздно вечером (начало в 20 часов 45 минут) состоялась премьера поэмы. В тот вечер исполняли квартет молодого Вениамина Баснера, вокальный цикл “Родные края” В. Матвеева, во втором отделении пять прелюдий для фортепиано Д. Толстого и вокальную поэму “Моя Родина” Свиридова. Её исполняли лауреат Сталинской премии, заслуженный артист республики И. А. Нечаев (тенор), солист Малого оперного театра В. И. Андрианов (бас), партию фортепиано – А. Люблинский.

О том, какова была атмосфера на концерте, как восприняли поэму – чуть позже. А сейчас – скупой “отчёт” самого Свиридова о вечере после того памятного концерта. “Помню первое исполнение “Страны отцов” в Ленинграде, в зале им. Глинки. Дмитрий Дмитриевич (Шостакович. – А. Б.) приехал, жил в “Европейской”. После концерта пришли к нему в номер, он говорит: “Посидите, я сейчас”. Мы остались втроем: Эльза, Гликман и я, а он побежал к Елисееву в магазин. Вернулся через полчаса, нагруженный покупками, заняты были обе руки, а в карманах – вино. Сделали пирушку”⁴⁸.

Шостакович в это время готовился к премьере Десятой и часто наезжал на репетиции симфонии. И в этот раз он приехал в Ленинград 22 ноября и специально остался на два дня для того, чтобы послушать концерт в Малом зале им. М. И. Глинки и выступить на обсуждении. Вместе с ним на смотры приехали композиторы Ю. Шапорин, А. Шаверзашвили и музыковед Д. Житомирский. Они тоже остались ещё на один день после концерта в Малом зале. И, хотя концерты ещё продолжались и шли вплоть до 30 ноября, а обсуждение официально (судя по печатному календарному плану) было объявлено на 1 и 2 декабря, специально ради гостей смотра начало обсуждения было перенесено на 26 ноября. Оно состоялось в Доме композиторов на ул. Герцена, д. 45.

Сохранилась машинописная копия стенограммы этого собрания. Открыл собрание и председательствовал все дни В. П. Соловьёв-Седой. Он объяснил, что так как “некоторые товарищи сегодня вынуждены будут покинуть Ленинград, мы решили сегодня провести обсуждение вне нашего основного календарного плана”. И сразу обозначил тему, точнее, своё пожелание относительно темы обсуждения: “В основном нам хочется поговорить сегодня о крупных симфонических произведениях и о той оперной и балетной литературе, которую мы прослушали”⁴⁹. И предоставил первое слово Д. Д. Шостаковичу.

Дмитрий Дмитриевич начал своё выступление со слов извинения, что ему не удалось услышать балет “Родные поля” и оперу “Угрюм-река”. Потом похвалил в целом симфонический концерт и черновой показ фрагментов оперы И. И. Дзержинского “Далеко от Москвы” в Малом оперном театре. Особо остановился на симфонии В. Салманова, потом довольно основательно покритиковал три оды Дзержинского “Петербург, Петроград, Ленинград”, похвалил Ю. Балкашина за поэму “Павлик Морозов”, правда, отметив некоторые длинноты и заключение, выразив сожаление, что автор завершил поэму “милой детской песенкой”⁵⁰. Нашел тёплые слова в адрес поэмы-кантаты добрейшего Левона Александровича Ходжа-Эйнатова, к которому все в Союзе относились с симпатией – и реалисты, и формалисты. После этого нашёл несколько слов для произведений, демонстрировавшихся в Доме композиторов

в механической записи, покритиковав симфонии А. Пащенко и В. Богданова-Березовского. Потом основательно прошёлся по опере Дзержинского “Далеко от Москвы”.

Наконец, дошёл до камерного концерта в Малом зале. Кратко высказался по поводу порадовавшего его квартета В. Баснера, выставил удовлетворительную оценку вокальному циклу М. Матвеева “Родные поля” и фортепианным прелюдиям Д. Толстого. И потом перешёл к Свиридову. “Сильное впечатление на меня произвёл вокальный цикл “Моя Родина” Ю. В. Свиридова. Это настолько сильнее всего предыдущего, что исполнялось в этом концерте, что, возможно, потускнело впечатление от других произведений. Я этот цикл сравнительно очень хорошо знаю. Хотелось бы подчеркнуть прекрасное фортепианное исполнение Люблинского, вокальное исполнение Нечаева и Андрианова, хотя Нечаев показался мне сильнее, нежели Андрианов. Это сочинение, которое просто непосредственно производит впечатление своей какой-то глубокой содержательностью, большой силой, богатейшим мелодическим развитием. По настроению это очень сильно. Отличие одного романса от другого поразительное, затем – звучание голосов. Это произведение, весьма близкое к совершенству и по огромному таланту, и по соответствию формы и содержания. И могу только выразить большое прискорбие, что Юрий Васильевич Свиридов как будто бы мало активен в творческом отношении. Хотя он и написал кое-что (очень удачную музыкальную комедию, удачную музыку к ряду кинофильмов), но думаю, что надо с него требовать не только прикладной музыки в кино и театрах, а и в других жанрах”. На этом он окончил свое выступление, извинившись, что долго задержал.

После Шостаковича с довольно длинной, пространной речью с отступлениями и сравнениями с операми и симфониями композиторов-классиков выступил музыковед Д. Житомирский. Он в полной мере ответил на пожелание Соловьёва-Седого и говорил о музыкальных спектаклях и симфонических произведениях.

После перерыва первым выступил гость смотра, старый петербуржец, лично знавший А. К. Глазунова, А. А. Блока, Юрий Александрович Шапорин. Он был тогда в большом фаворе. 23 июня 1953 года состоялась долгожданная премьера его оперы “Декабристы” в Большом театре. На втором, весьма знаменательном спектакле 27 июня присутствовала вся верхушка партии и правительства. Сам Юрий Александрович и коллектив Большого театра были выдвинуты на Сталинскую премию.

Начал он с оценки оперы “Угрюм-река”, потом прошёлся слегка на тему бедности словаря, сравнив название вокального цикла Матвеева “Родные края” с названием балета Червинского “Родные поля”, поиронизировал над либретто балета. Дошёл до камерного концерта, похвалил Баснера, сказал, что романсы Матвеева “очень милые”, положительно отозвался о до-диез минорной прелюдии Толстого (остальные ему не понравились). И потом перешел к поэме. “Я являюсь большим поклонником свиридовского цикла. Я слышал этот цикл в исполнении автора, сам его играл и вчера слушал в третий раз. Действительно здесь много глубокого, искреннего, сердечного и очень убеждающего. Единственное, что мне показалось, это то, что при слушании, когда играет автор и сам играешь, ускользают недостатки, которые выявляются несколько ярче, когда вас разделяет пространство между исполнителем и слушателем. Мне показалась иногда некоторая скупость фортепианного сопровождения, которое могло бы быть не столь скупым, а несколько более не то что жирным, а более разнообразным (чтобы не обидеть автора). Можно сделать один-два романса в такой графической манере или в таком замысле, но когда почти на протяжении всего цикла слышится такая скупость, она способна превратиться в какую-то манерность. Мне кажется, я должен предостеречь автора от этого и заставить его подумать над этим вопросом, потому что рояль как рояль использован в этом сочинении недостаточно широко и полно. Вместе с тем, я не могу отказаться от того, что это произведение оказало на меня большое впечатление и тогда, когда я его слушал впервые, и вчера”.

После Шапорина выступала музыковед Рогожина, которая много говорила о симфонической музыке, но в конце своего выступления всё же кратко высказалась о поэме Свиридова. “О свиридовском цикле надо говорить особо.

Это настолько значительное произведение среди камерных, что хочется говорить о нём отдельно. Это очень глубокое произведение и о деталях как-то говорить не хочется, так как впечатление очень свежо и сейчас анализировать трудно”.

После краткого повторного выступления Шапорина выступил ещё один гость, грузинский композитор А. В. Шаверзашвили. Он тоже сначала говорил о спектаклях, симфонической музыке и, как и Шостакович и Шапорин, в самом конце вспомнил о Свиридове.

“Из камерных произведений, конечно, бесспорно очень сильное, яркое впечатление оставляет поэма Свиридова “Моя Родина” – очень сильное произведение, которое оставляет большое впечатление. К достоинствам этого произведения я отношу большое разнообразие очень хорошего, очень эмоционального содержательного текста, который нашёл Свиридов. Ряд частей оставляют очень большое впечатление. Такие части, как “К сестре”, “Долина Сално”, первый номер “Слава (Страна) отцов”. Трудно судить о таком первом исполнении, но мне кажется, как показалось и Юрию Александровичу, что фортепианные пьесы изложены, быть может, несколько скуповато в основном, за исключением финала. Такая чрезмерная скупость, может быть, даже несколько ослабляет впечатление. Мне показалось, что весь стиль произведения такой речитативно-декламационный был бы еще сильнее, если бы в некоторых частях композитор постарался раскрыть, показать это. Стремление к этому есть в произведении. “Бранный клич”, в середине которого есть такая часть, где даётся широкий распев у тенора, если бы первая и вторая части были бы разрешены в таком плане, то весь цикл выиграл бы. Хочется сказать, что в аккомпанементе иногда слишком много кварто-квинтовых ходов, которые заставляют воспринимать музыку как нечто архаическое. Стоит ли композитору наших дней подчёркивать этот момент? Слишком много таких суровых последствий архаического порядка. Приём, найденный композитором, такого остигатного сопровождения фортепианного, может быть, несколько часто повторяется и начинает приедаться. В первой части настолько часто повторяется глубокая октава ре, что начинаешь задумываться. Поэтому есть такие моменты, когда найденный приём чересчур много обыгрывается. Мне кажется, что, если бы этого не было, это произведение произвело бы ещё более сильное впечатление”.

Поддержал Свиридова и выступавший вслед за Шаверзашвили его соученик по консерватории Борис Ключнер. Он дал развёрнутую характеристику поэме, поспорил с Шапориним и Шаверзашвили относительно трактовки фортепианной партии и в заключение определил место поэмы в камерно-вокальной музыке: “О поэме Свиридова много говорилось. Это произведение большого стиля и большого мастерства, глубокого и своеобразного содержания. Свиридовские произведения мы знаем довольно хорошо и всегда слушаем с большим наслаждением, удовольствием и удовлетворением. В них всегда присутствует большое дарование и большое мастерство. <...> меня не всегда удовлетворяла самостоятельность облика Свиридова в прошлых произведениях. Что касается этого произведения, то это чрезвычайно самостоятельное, очень интересное в смысле творческого облика произведение, и думаю, что с этого произведения творческий облик композитора если и не окончательно утвердился <...>, то наметились чрезвычайно своеобразные собственные творческие “идеи”, что является всегда предвестником большого настоящего художника и большого творческого пути. Теперь об этом произведении конкретно. Я небольшой любитель говорить о деталях, что понравилось больше, что меньше и что следовало бы сделать, чтобы произведение было абсолютно безукоризненным, чего почти никогда не бывает (и не знаю, нужно ли это), но поскольку здесь задела вопрос о фортепианном сопровождении, я позволю себе возразить выступавшим товарищам, прежде всего, Ю. А. Шапорину, который говорил скупо о фортепианном языке. Мне кажется, что основное достоинство не музыки, а средств выражения этого произведения заключается вообще в скупости языка. Если можно, то надо себе повесить такую незримую заповедь: если можешь выбросить, выбрось всё лишнее. В этом смысле это чрезвычайно характерное произведение. Думаю, что, если загрузить фортепианную партию лишним количеством фактуры и гармонии, от этого ничего не прибавится, от этого только несколько смутится и скроется основа, вся суть и глубина содержания. Вообще если человек – композитор, мастер

любых областей искусства может позволить себе выходить на публику голым (прошу прощения), то это большая смелость. Надо стремиться к тому, чтобы двумя-тремя нотами, двумя-тремя штрихами, абсолютно без лишнего, достигнуть выражения полного эмоционального напряжения, тогда это талантливо, тогда это признак мастерства. Совсем не признаки мастерства, если мы будем в течение получаса бешеным темпом бегать по клавиатуре фортепиано. Это умеют многие, а написать три выразительных ноты умеют немногие. С этой точки зрения, это в высшей степени занимательно, интересно и своеобразно. Что касается вокальной партии, то она тоже чрезвычайно скуповата. Синтез этих элементов в произведении чрезвычайно скуп. Если говорить по первой вступительной пьесе, то там никаких особых фортепианных трюков нет, однако, это производит очень сильное впечатление. Если убрать, как говорит тут Шаверзашвили, излишнюю суровость, архаику этих произведений, то мы выбросим один из очень важных элементов, и едва ли это пойдёт на пользу. Мне кажется, что появление этого произведения на эстраде может характеризовать период появления более серьёзных, крупных и мастерских произведений в советской музыкальной камерной литературе. Нужно, чтобы эти начинания нашли свою поддержку и решение не в смысле стиля, а в смысле почина, и, по-моему, это должно идти, прежде всего, со стороны молодёжи, хотя было бы хорошо, если бы это пошло со стороны композиторов всех возрастов. Мне это произведение чрезвычайно понравилось. Я считаю его произведением большого мастерства, большого таланта”.

После довольно продолжительного выступления Б. Ключнера (он ещё анализировал и давал оценку квартету В. Баснера) Соловьёв-Седой объявил о закрытии обсуждения.

В общем, первый день прошёл для Свиридова более чем успешно. Важные, авторитетные московские гости воздали высокую хвалу поэме, их высокую оценку поддержали ленинградцы, конечно, свои, друзья, соученики. Не знаю, была ли пирушка вечером, но, скорее всего, Свиридов проводил гостей на Московский вокзал, распрощался тепло и... остался ждать продолжения прений.

Следующее обсуждение проходило 30 ноября. Оно прошло совсем в ином ключе, нежели предыдущее, с московскими гостями. Их отсутствие повлияло на обстановку, сильно изменилась тональность речей. И хотя в конце этого дня Соловьёв-Седой пытался безуспешно доказать, что тут не было злого умысла, и он не хотел, чтобы присутствующие подумали, что произошло, как в песне, но всё же получилось точно по песне: “А мы просо сеяли, сеяли... А мы просо вытопчем, вытопчем...”

Вновь председательствовал В. П. Соловьёв-Седой. Первое слово он предоставил ещё одному важному гостю, на этот раз из Киева – композитору А. Штогаренко. Андрей Яковлевич Штогаренко был важной персоной. Когда-то, ещё до войны представлял он сильную харьковскую композиторскую организацию, значительно позже, в 1960-е годы возглавлял Союз композиторов Украины, был ректором Киевской консерватории. Дважды лауреат Сталинской премии второй степени – за кантату-симфонию “Украина моя” в 1943 году и за симфоническую сюиту “Памяти Леси Украинки” в 1950-м. В приснопамятном 1948 году он вошёл в состав правления и стал секретарём СК СССР. Член партии с 1944 года. Короче, это была очень влиятельная фигура в хрениковской команде. Когда я оценивал его выступление в целом, у меня возникло ощущение, что оно было явно согласовано с Соловьёвым-Седым. Досталось всем: и Ключнеру, и Дешевову, и Богданову-Березовскому, и даже И. И. Дзержинскому за его оперный экзерсис под рояль. Надо сказать, что, при всей их дружбе, Василий Павлович всё же ревновал Ивана Ивановича к его непомерной славе после посещения Сталиным спектакля “Тихий Дон” в Большом театре.

И если в первый день обсуждения общая обстановка была на удивление спокойной, коллегиальной и говорилось по существу, без риторических фигур, то в речи Штогаренко зазвучали привычные казённые интонации, появились отсылки к очередному (XIX) съезду партии, к докладу тов. Маленкова и прочие набившие оскомину прелести официоза. В конце выступления Штогаренко добрался до поэмы Свиридова. И если выступление Шостаковича задавало тон обсуждению первого дня, то Штогаренко настроил камертон совсем в ином строе. Вот фрагмент его речи, касающийся поэмы.

“Не могу, товарищи, умолчать по поводу поэмы для тенора, баса и фортепиано “Моя Родина” композитора Свиридова. Это произведение вызвало ряд горячих выступлений. Не отрицая одарённости, талантливости композитора, мне хочется обратить внимание автора и участников пленума на то, что высказывания по поводу скупости и лаконичности музыкальных средств (и только в этом якобы зиждется правильное разрешение темы), мне представляются не совсем правильными. Все и всякие средства хороши, если они подчинены основному – раскрытию главной идеи, правдивой и доступной большинству людей. Это является основой любого реалистического произведения. Можно сказать, что средства выразительности (форма), которыми оперировал композитор Свиридов, вполне адекватны содержанию; однако нас интересуют, в первую очередь, не только эти средства, которые выражают идею и направленность, нас интересует, раскрыта ли идея этими средствами, раскрыта ли идея свободного, раскрепощенного армянского народа, как это выражено в замечательной поэзии Исаакяна? Если отдельные эпизоды поэмы, как, например, “Сестре”, “Моей матери”, “Долина Сално”, насыщены образным, я бы сказал, экзотическим драматизмом, то в целом произведение не решает именно основной идеи радости свободы раскрепощённого армянского народа. Мрачный, аскетичный тонус поэмы противоречит этой идее.

Вокальная линия – чрезвычайно напряжённая, порою доходящая до крика. Мелодия как основа реалистического произведения не рельефна, экзотична. Избави меня Бог от плохих мыслей и тяжёлых воспоминаний о недавнем прошлом, когда наш народ слыл в неучах и никак не мог дорасти до так называемой “новаторской” музыки. Не хотелось бы это вспоминать, но данное произведение навело меня на эти грустные воспоминания. Может быть, я не прав, может быть, я не разобрался в этом произведении. Тогда разрешите задать такой вопрос: “А как же главный решитель судеб нашего творчества, для которого мы пишем, примет ли он это сочинение как своё родное, близкое и волнующее его чувства?” Думаю, что навряд ли. Если это произведение в творчестве тов. Свиридова занимает случайное место (я, к сожалению, не знаю творчества тов. Свиридова), то это, как говорят, полбеда. Но если это произведение является углублением предыдущего творческого метода, то тут требуется огромное мужество автора к пересмотру этого метода, чтобы повернуть своё творчество в сторону тех эстетических требований нашего прекрасного героического советского народа, который жадно ждёт от нас идейных художественно полноценных произведений”⁵¹.

Выступавшая вслед за Штогаренко глава секции критики ЛОССК музыковед М. Ганина ни слова не проронила о поэме. Это её не спасло. Забегая вперёд, скажу, что за статью о поэме в газете “Вечерний Ленинград”, написанную по её просьбе молодым музыковедом Г. Филенко, партком ЛОССК рекомендовал уволить её с поста главы секции”⁵².

“Бранный клич” Штогаренко подхватил И. И. Дзержинский. Пожалуй, его выступление и его критика поэмы стала кульминацией этого дня обсуждения. И в своём выступлении И. И. Дзержинский продекларировал ещё раз эстетические принципы “реалистического” направления в ждановской редакции.

Тут следует иметь в виду, что для широкой общественности, в том числе и для творческой интеллигенции, не всё было понятно, и никто ещё не представлял, куда повернёт дышло государственной машины, какая партийная линия возобладает, кто станет лидером партии и государства – Маленков или Хрущёв. Выражение “культ личности” ещё только-только входило в обиход после июльского пленума ЦК КПСС, а до этого вообще было известно очень ограниченному кругу партийной верхушки⁵³. И хотя позади был июльский пленум, и Л. П. Берия был осужден, но многочисленные портреты и статуи вождя народов красовались по всему Советскому Союзу, высший партийный институт ещё назывался институтом Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина (ИМЭЛС) при ЦК КПСС, а мумифицированное тело грозного правителя покоилось в мавзолее на Красной площади. Поэтому характер и направленность выступления Дзержинского, высказанные им оценки отнюдь не стали ещё анахронизмом и продолжали быть вполне действенными. Впереди ещё ожидалась баталия, и выступление Дзержинского было своеобразной репетицией перед его же выступлениями в последующие годы, вплоть до Второго съезда советских композиторов в 1957 году.

Своё выступление Иван Иванович начал с ответа на критику его оперы. Небрежно, как от мухи, отмахнувшись от упреков в его адрес, он сразу перешёл к оценке прослушанного. Причём он не стал подробно анализировать каждое сочинение, а изложил своё общее видение, в некотором роде концепцию ленинградской композиторской школы. И в этом видении отчётливо просматривается старая, знакомая по 1948 году эстетическая установка разделения композиторов на два лагеря: реалистического направления и формалистов. Выступал Дзержинский всегда живо, приправляя свою цветистую речь разного рода неожиданными словесными кульбитами, острыми словечками и выражениями.

“Теперь хочу сказать о том впечатлении, какое на меня произвёл этот смотр.

Если раньше у нас Союз болел, если можно выразиться медицинскими терминами, “бестемпературным гриппом”, при котором долго не выздоравливают, то сейчас я с удовольствием констатирую болезнь, тоже порождённую гриппом, но с большой, высокой температурой, которая даёт нам возможность надеяться на быстрое выздоровление. Последний смотр и показывает этот “диагноз”.

Я хотел бы сказать относительно того, что меня больше всего волнует: куда идёт сейчас наша молодёжь, её довольно значительная часть, и другая, тоже не менее значительная часть “взрослых”. Можно констатировать, что такие композиторы, как Червинский, Чистяков⁵⁴ и другие, двигаются правильным путём, ибо они пытаются, по мере возможности и сил, мастерства и дарования, разрешить проблемы, которые волнуют нас всех, идущих в ногу в борьбу за социалистическую реалистическую музыку во всех жанрах. Но есть и другая группа композиторов, которые, к сожалению, ещё пытаются подражать тем “взрослым”, если можно так выразиться, которые долго и мучительно переживают свои мировоззренческие художественные заблуждения и ошибки и пытаются, в какой-то мере, из этих ошибок сделать себе какой-то странный, непонятный для меня капитал, композиторов, которые пишут такие сложные и “глубокие” произведения, которые многим непонятны и, конечно, в первую очередь, таким композиторам, как я, которые не прошли ту сложную школу консерваторского образования и о которых до самой смерти будут говорить (как Ганина говорила об этом пресловутом техницизме), что то-то недоработано, то-то недоработано и т. д.

Мне кажется, что здесь идёт большая путаница и путаница вредная и ненужная. Мне думается, что здесь бытует, в какой-то мере, ещё наследие той педагогической деятельности Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, который, преподавая здесь, в Ленинграде, конечно, как педагог не проявил себя особенно хорошо, но невольно силой своего огромного художественного дарования он увлёк своих учеников по линии вбирания в атмосферу своих сложных творческих переживаний, своего сложного творческого мастерства. Если учесть, что Шостакович с таким трудом перекрывает свои ошибки, обладая таким дарованием и мастерством, то мальчики, но обладающие таким дарованием, станут уродами, недовольными, ходящими в домашних гениях, и будут являться только балластом на пути своего художественного развития. Это меня очень печалит.

И на этом смотре и Свиридов, о котором столько говорилось, является наиболее скорбной страницей в этом смысле. Почему? Потому что Свиридов наиболее одарен музыкальным дарованием, он глубоко умный человек, у него глубоко гармоническое развитие всех качеств, нужных художнику, — и воля, и мастерство, и талант, и талант к тому же мелодический. И начавшееся какое-то падение его дарования происходит не потому, что он исписался и дарование исчезло, а от того направления пути, которое он избрал в своём творчестве. Здесь тов. Штогаренко говорил, что, может быть, это появилось недавно. Должен сказать, что это начало развиваться давным-давно и должно привести к глубокому падению, если Свиридов как сильная художественная натура не возьмёт себя в руки и не сделает крен в какую-то другую сторону.

Вот почему всё-таки Свиридов пошёл по пути иному?

Я не хочу говорить о произведении Свиридова бранные слова, какие-нибудь жестокие сравнения и т. д., ибо это ни к чему не поведёт. Я это сказал некоторым товарищам, в том числе тому же Свиридову. Сейчас вопрос встанет более серьёзный и принципиальный, поэтому о самом произведении я го-

ворить не буду, тем более, что Штогаренко здесь сказал достаточно ясно, и я в этом отношении с ним согласен. Но так как все мы знаем Свиридова больше, чем Штогаренко, то, естественно, и подходить к этому произведению нам надо несколько иначе.

Свиридов уже давно в своих произведениях на древнекитайские темы⁵⁵ начал отходить куда-то в сторону, причём понять его было невозможно. Я неоднократно его спрашивал, почему у него такая тяга к древности. В то время как сам Свиридов появился играющим тапёром в пивной⁵⁶. Он перенёс в романсы стихи Пушкина. Я это услышал, пришёл в Союз и сказал, что появилось огромное дарование. Я помню, как он сочинил великолепную “Казачью песню” для ансамбля песни и пляски⁵⁷. Потом, вступив в “атмосферу” “Скрипки Ротшильда”⁵⁸, он вступил в очень узкий художественный крематорий. Он стал сочинять “нео-бахианские” сочинения⁵⁹.

Дело даже не в том, что это безнадёжность, мрачность, неясность замысла, аскетичность, которая бьёт по нервам. Если бы мы не знали, что он обладает мелодическими данными, что он мало талантлив, тогда можно было бы считать, что ему необходима дымовая завеса. Но ничего ему не надо. Талант у него здоровый и большой, но искусственно найденные философские принципы – принципы гнилые. Причём больше всего Юрий Васильевич на меня обидится не за то, что я его ругал за эти качества, а за то, что на меня это произведение произвело впечатление старомодного. Он думает, что этим произведением продвинул нашу музыкальную культуру на сто лет вперёд, а это уже было. Масса теперь уже не та, прекрасно разбирается, что к чему, и масса это произведение слушать не будет, ибо певцы не будут его петь. Когда я спросил Нечаева: “Как ты смог выучить это произведение?” Он ответил: “Я ещё в своё время “Нос” пел”⁶⁰.

Мне кажется, что наш Союз Советских композиторов должен поддержать Свиридова усиленной, жесточайшей критикой, и те товарищи, которые поднимают на щит это произведение, делают не только медвежью услугу самому Свиридову, но и вреднейшее дело для дальнейшего процветания нашего Союза Советских композиторов, его замечательных представителей, каким является и Ю. Свиридов”.

Затем Дзержинский предложил композиторам обратиться к жанру оперы, которую он предпочитал камерным вокальным циклам, несколько слов сказал о балете “Родные поля” Червинского и в самом конце вновь вернулся к Свиридову.

“Заканчивая своё выступление, хочу сказать следующее: когда говорят, что пути могут быть различны (как было произнесено на прошлом обсуждении, где отмечалось, что “творчество Свиридова – это один из путей”), хочется возразить: нет, путь у нас один. Индивидуальности различны, ибо композиторов мы различаем по первым трём тактам, настолько они неодинаковы, но путь к социалистическому реализму один, и никаких путей назад, к декадансу, к сумеречным и упадочным настроениям мы не должны разрешать, и наш народ этого не разрешит, ибо ответственность на нас лежит огромная, и рассуждать так, что это может быть “один из путей”, нельзя. Надо бороться за Свиридова как за большой замечательный талант, но надо, с другой стороны, бороться с жестокой критикой, но не толкать его на “один из путей”. Это не путь! Это тупик, на котором никакого расцвета не может быть ни для советской музыки, ни, в частности, для таланта Свиридова!”

После выступления Дзержинского лишь один музыковед Л. Энтелис, глава партийной организации ЛОССК, решился ещё раз поднять вопрос о поэме. После него уже никто из выступавших композиторов поэму практически не вспоминал – ни М. Старокадомский, ни гости из прибалтийских республик латыш А. Скулте (член Правления СК СССР) и эстонец Э. Капп. Л. Энтелис пытался несколько сгладить резкие слова Дзержинского, правда, весьма уклончиво. Получилось несколько двусмысленно и не совсем понятно, защищает Энтелис поэму или выступает с негативной критикой. Привожу его слова о поэме дословно.

“Никто из нас не сомневался в том, что, когда, наконец, прозвучал цикл вокальная поэма Свиридова, что это произведение вызовет оживлённую дискуссию. И выступление И. И. Дзержинского подтверждает это положение. Я не согласен с одним положением, высказанным Иваном Ивановичем. Считаю, что эта поэма на текст Исаакяна для Свиридова – очень важный и нужный этап.

Я считаю, что при всех отдельных и очень важных недостатках в решении замысла поэмы в целом есть стремление композитора поставить перед собой большую и чрезвычайно важную тему – тему любви к родине, тему борьбы за освобождение народа, тему, которую он решает теми средствами, к каким он привержен в такой мере, чтобы это решение было принято каждым советским слушателем, каждым любителем музыки. Меня очень испугал тот тон бесстрашного восхваления, который звучал в прошлый раз, ибо мне казалось, что игнорируется очень важное, игнорируется восприятие народом этого произведения. Язык Свиридова нарочито аскетичный, сухой, графичный. Этот язык для нас не нов в Свиридове. И прав И. И. Дзержинский, что это мы слышали раньше и не только у Свиридова. Если говорят о том, что Свиридов этим произведением пошёл назад, то с этим я не согласен. Если Свиридов закрепится на позициях этого произведения, тогда для него тупик. Я не согласен с тем, что произведение Свиридова – важный этап в развитии советской камерной литературы или того жанра, который я условно назвал камерной ораторией. Думаю, что это не так, ибо по этому пути вряд ли пойдут другие композиторы. Чем скорее Свиридов пройдёт этот этап, тем ярче он заговорит языком, понятным народу, тем эмоциональнее будет его музыка, тем действительно по-настоящему ярко разовьётся дальше его очень большой талант, о котором говорил И. И. Дзержинский.

Я считаю, что в этом произведении не всё равно – есть худшее и есть лучшее. Например, мне нравится “Слава отцов”, “Чёрный орёл”, “Был бы у меня баштан”, “Сестре”. Эти произведения производят большое впечатление, другие производят впечатление того, что мы уже давно знаем.

Мне хочется указать на то, что существуют известные общие черты в творчестве Свиридова, Балкашина и Салманова. Их объединяет известная суховатость, жёсткость, нежелание ясно и ярко раскрыть мелодические образы, и я всё-таки из этих названных товарищей – Свиридова, Салманова и Балкашина – отдам предпочтение Балкашину, ибо его образы и светлые, и по-настоящему современные, и каждый слушающий знает, о чём говорит композитор и во имя чего он создаёт произведение⁶¹.

Во вторник 1 декабря в газете “Вечерний Ленинград” под рубрикой “Смотр творчества ленинградских композиторов” была опубликована рецензия, написанная аспиранткой Ленконсерватории Галиной Филенко. По мнению автора, поэма “явилась не только самым значительным среди всех камерных произведений, показанных на смотре, но может быть по праву причислена к лучшим произведениям ленинградских композиторов за последние несколько лет”⁶².

В тот же день 1 декабря в Москве, на заседании Правления СК СССР была заслушана информация А. Штогаренко и И. Ильиной о состоявшемся смотре произведений ленинградских композиторов. Теперь уже невозможно узнать, чем была вызвана такая поспешность, ведь обсуждение ещё не завершилось. Как обычно в таких случаях, в протоколе следует: “Постановили: Информацию принять к сведению”⁶³. Несложно представить, какая это была информация, изложенная А. Штогаренко, но трудно было бы вообразить, что обычная формулировка протокола может обрести отнюдь не формальный смысл. Это станет ясно позднее. . .

А между тем 2 декабря ристалище в Ленинградском Доме композиторов продолжилось. В последний день обсуждения композиторы практически отсутствовали, в основном была представлена музыковедческая команда. Среди музыковедов тоже существовало партийное расхождение. Среди наиболее заметных фигур было двое – Ю. А. Кремлёв и М. С. Друскин.

Кремлёв был человеком незаурядным, высокообразованным. Он прекрасно знал музыку, литературу, искусства, ему была не чужда философская мысль, он был докой в эстетике. К тому же ему была присуща и чисто художественная жилка, он писал маслом картины, пробовал себя как композитор. Однако по своим взглядам он был, что называется, ретроградом, приверженцем ортодоксальных взглядов официальной музыкальной эстетики в её версии образца 1948 года, собственно, одним из её творцов.

Друскин был учеником Б. Асафьева и, ещё будучи аспирантом, в 1920-е годы на всю оставшуюся жизнь “заболел” современной музыкой и так и остался верен ей. Тут следует еще отметить, что Друскин при этом отнюдь не был поклонником музыки Шостаковича, его кумирами были Стравинский,

Шенберг. Пожалуй, выступления этих маститых музыковедов были наиболее интересными в последний день обсуждения.

Надо сказать, что поэма Свиридова именно в этот день стала главной темой разговора. Как сказал один участник обсуждения, “из выступавших с этой трибуны вряд ли не найдётся оратор, который в той или иной мере его не коснулся, а это означает, что вокальный цикл Свиридова заслуженно стал в центре развернувшейся дискуссии”. Впрочем, назвать обсуждение 2 декабря дискуссией можно только условно. Буквально два-три голоса раздалось в защиту поэмы. Робко пыталась доказать, что Свиридов говорит горькую правду о жизни, аспирантка Г. Филенко. Защищал Свиридова его товарищ по музыкальному техникуму Иосиф Добрый. Но их выступления всё время перебивали, им всё время хотели, что называется, заткнуть рот. Последующие ораторы подымали на смех их слова или возмущались ими. Поэме, по сути, был устроен форменный разнос. Чего только о ней не наговорили в этот день, в чём только не обвиняли Свиридова! Приведу лишь вкратце некоторые высказывания.

Присутствовавший на обсуждении любитель музыки, некто Мейлих: “Я не оговорился, назвав это произведение рецидивом формализма. Я даже уточню: с моей точки зрения, это рецидив экспрессионизма, ибо экспрессии, выражения и даже экстаза здесь гораздо больше, чем музыки. <...> Моё ухо слушателя подсказывает мне, что тов. Свиридов стоит на пути, который может увести его (да и тех, кто ему рукоплещет) в сторону от столбовой дороги советского реалистического искусства”⁶⁴.

Более всех отличился музыковед И. Гусин, один из тех, кого И. И. Соллертинский называл офицерами музыкальной госбезопасности. В своём выступлении он словно по кругу несколько раз возвращался к поэме, она стала *idea fix* его слова. “Пленум показал, что в нашей творческой организации формализм как направление не существует, но, несомненно, есть рецидивы формализма. Я не боюсь этого слова и считаю, что цикл романсов Свиридова является экспрессионистическим, что фактически означает ту же разновидность формализма. Против этой тенденции мы обязаны очень серьёзно выступить и помочь товарищам, которые стоят на порочном пути, перейти на путь реалистической музыки”.

<...>

“Цикл Свиридова “Моя Родина”, с моей точки зрения, не спорный (я буду ставить точки над “и”): я считаю, что цикл Свиридова – это цикл, бесспорно, формалистический и идейно чуждый советской музыкальной реалистической культуре.

Экспрессионизм проявляется в отсутствии мелодии, в гипертрофированности гармонии, в какой-то экзатичности ритма и сопровождения, в том, что свойственно экспрессионизму Альбана Берга. А ведь это цикл Свиридова – талантливое советского композитора. Между тем этот цикл, по своей идейной направленности свидетельствующий о непонимании Свиридовым темы “Родина”, и по своему музыкальному воплощению – по этой гипертрофированности мелодии, ритма, гармонии – говорящий о том, что это не путь реалистической советской музыкальной культуры. И наша общая задача – не панегирики петь, а бороться за талантливого советского композитора Свиридова и помочь ему сойти с этого очень опасного пути, уже дважды осуждённого нашей партией и народом. Это наша задача. И мы обязаны это сделать и вырвать Свиридова из пут экспрессионизма и формализма”.

<...>

“Мы знаем, что Свиридов недооценивает проблему идейной вооружённости, а партийная организация Союза и правление Союза не сумели привлечь Свиридова к систематической учёбе над повышением своего эстетического и партийно-политического уровня. Мы его не видим на наших собраниях и заседаниях, на которых мы ставим вопросы жизни, нашей творческой (далее неразборчивая рукописная фраза. – А. Б.) учёбы. Свиридову надо сделать из этого цикла очень серьёзный вывод, а нам всем – помочь этому человеку стать на путь реалистической музыки, в первую очередь, потому, что Свиридов за последние годы настойчиво выставляет этот цикл как программный. Мы знаем, что Свиридов создаёт великолепную реалистическую прикладную музыку для Райкина, оперетты и к кинофильмам. Мы считаем его одним из талантливейших композиторов, и ему бесспорно надо помочь”.

Этот тон заушательской критики продолжался до самого конца, до последнего слова председателя собрания В. П. Соловьёва-Седого. Единственный сильный голос с возражением против этих обвинений подал М. С. Друскин. Нельзя сказать, что он очень хвалил поэму, но, по крайней мере, вступился за неё. Друскин готовился к выступлению, он пришёл на собрание, захватив с собой газету “Правда” с одной знаменательной, подающей надежду на перемены в области культуры статьёй, которая как раз вовремя появилась. Закончил своё выступление Друскин, как оратор, — лозунгами, вызвав аплодисменты. Привожу его выступление с некоторыми сокращениями.

“Наша дискуссия протекает в основном нормально. Последний день бывает самым горячим. На первых порах дискуссия шла на правах замечаний на полях программ. Если эти замечания делались крупными композиторами, музыкантами, такими как Шостакович, Шапорин, Скульте, то эти замечания были очень интересны не только для авторов, но и для присутствующих. Первый день не обнаружил сколько-нибудь дискуссионных моментов. В этом отношении, может быть, несколько выделилось выступление тов. Ключнера, сказавшего, что Балкашин, Баснер, Свиридов и Салманов — наиболее значительное, что было показано на смотре до определённого дня.

С этим утверждением нельзя полностью согласиться, потому надо было назвать и две поэмы Ходжа-Эйнатова, и четыре картины оперы Дзержинского, может быть, и ещё что-нибудь из других произведений. Но Ключнер высказал свою точку зрения. (Каждый может сказать, что понравилось больше, что меньше).

На следующий день выступили Штогаренко и Дзержинский, которые свои личные убеждения и вкусы хотели противопоставить в виде принципиальных высказываний, если можно так выразиться, поднять свои личные суждения на принципиальную высоту. Здесь уже начала определяться несколько иная точка зрения в рядах нашей аудитории. Я не согласен с нашим уважаемым председателем Василием Павловичем Соловьёвым-Седым, будто бы ораторы первого дня говорили “а мы просо сеяли”, а второго дня — “а мы просо вытопчем”. Такого единодушия не было ни на первом дне, ни на втором дне. Это были отдельные высказывания: одни считают так, другие иначе. Это стремление к обострению не существующих в нашей организации противоречий мне представляется ложным, и на эту тему я буду говорить подробнее. Эту ложную точку зрения, на мой взгляд, высказал тов. Штогаренко, с одной стороны, показав представителей реалистического направления, которых надо всячески поднимать и помогать (это — Дзержинский), и представителей другого направления, о каком он умолчал (это — Свиридов), которых надо всячески разоблачать и уничтожать на пользу дела, для того чтобы Свиридов потом, как Феникс, возродился в новых качествах.

Мне кажется, Штогаренко напрасно выступал в защиту Ивана Ивановича Дзержинского. Мы все его знаем и желаем всяческих удач и, в частности, удачи в его опере, которой мы уделяем достаточное внимание. Жаль, что уехал тов. Штогаренко. Мы по существу провели два больших обсуждения, как помнят товарищи, и если на первых порах Иван Иванович недостаточно хорошо относился к критике и порой воспринимал ее как политическую диверсию, то потом он исправился и к критике отнёсся, прислушиваясь, и мы видим результаты налицо, потому что новая редакция четырёх картин сильно отличается от того, что мы слышали прежде.

<...>

Мы будем помогать Дзержинскому, но уничтожать и разбивать Свиридова — это неправильная тактика, которая завелась в нашем Союзе. Как ни смотр — в центре смотра как показательная негативная фигура — Свиридов. Все мы — живые люди и, если бить всё время по одному месту, станвится очень больно, а человек от этого не становится ближе к творческой организации.

Что получается со Свиридовым? Я буду говорить совершенно откровенно: Свиридов написал хорошую музыкальную комедию “Огоньки”. Ни один музыкант не может сказать, что это плохая музыка, можно сказать, что мало музыки, но все, кто с ней знаком, скажут, что это хорошая реалистическая музыка. Меня не интересует, что написал либреттист.

С МЕСТА. — Народ её мало знает.

— В Союзе она показывалась. Вина правления, которое не сумело это произведение по-настоящему показать широкой массе членов нашего Союза.

А какие идут разговоры? Разговоры подобного сорта: “Написал музыкальную комедию, спрятался в кусты”. Когда речь идёт о том, что Василий Павлович написал хорошую музыкальную комедию — прекрасно; когда Свиридов пишет хорошую музыкальную комедию, говорят: “Его дело писать симфонию”; когда Свиридов пишет хорошую эстрадную музыку, говорят: “Это не его дело, он должен писать серьёзную музыку”. Когда партия призывает нас писать хорошую бытовую музыку, и Свиридов пишет такую музыку, говорят: “Свиридов занялся недостойным делом — спутался с Райкиным”. А если бы Василий Павлович написал музыку, связанную с Райкиным, сказали бы, что это хорошо. В то же время ни один человек не посмел сказать, что Василий Павлович, написавший партитуру балета, занимается не своим делом.

К чему я это говорю? Есть какой-то для меня непонятный личный тон у некоторых членов нашего союза (и в правлении я это чувствую) против Свиридова, носящий характер этойкой подковырки против талантливого человека. Против этого я категорически протестую и буду протестовать в дальнейшем.

Что получилось, начиная с выступления тов. Штогаренко?

Оратор отметил целый ряд, по его мнению, хороших номеров в цикле. Что значит — “хороших”? Значит, реалистических номеров, убеждающих, но цикл в целом ему не понравился. И закончил он своё выступление несколько старомодными словами: “Упаси меня Боже считать, что здесь есть что-то такое...”

Потом выступал Иван Иванович Дзержинский, который на протяжении своего выступления ни разу не произнёс слова, которое прозвучало у Мейлиха, — “рецидивы формализма”, а Гусин прямо оглоблей — *формализм!* Но Иван Иванович Дзержинский не сказал, что это формализм; один раз он назвал это произведение “декадентско-упадочническим”, а чтобы приблизить восприятие к тому, что хотел сказать (но сам этого не сказал), он воскресил мёртвую тень “Носа” Шостаковича в каком-то контексте.

Леонид Арнольдович Энтелис, говоря об этом произведении, сказал совсем странную вещь о том, что это произведение не тупик для композитора, но тупик для всей советской музыки...

ЭНТЕЛИС. — Ничего подобного я не говорил! Я сказал: чем скорее Свиридов пройдёт мимо этого этапа — тем лучше!

— Значит, было и такое высказывание: если это произведение в какой-то мере помогает уйти с трудных позиций, это хорошо не только для него, но и для советской музыки. В то же время, Леонид Арнольдович, Вы назвали 4-5 произведений как хорошие, и другие называли, по 5-6 произведений, которые они считают хорошими.

“Советская музыка” призвана пропагандировать хорошую реалистическую музыку. Издают новые произведения вовсе не для того, чтобы продемонстрировать тупик того или иного композитора. К седьмому номеру приложено 5 романсов Свиридова.

Всё-таки дело обстоит не так, как изложил нам сегодня Илья Лазаревич Гусин. А Иван Иванович Дзержинский нарисовал очень неприглядную биографию Свиридова. Для чего он это делал — не знаю. Если мы говорим о произведении — давайте говорить о нём прямо. Но здесь были рассказаны странные факты. Может быть, действительно, Свиридов и писал романсы на стихи классических китайских поэтов, которые были названы древнекитайскими⁶⁵, а может быть, и не писал, но произведения представителей китайской литературы печатаются сейчас во всех журналах, так что в этом особом преступлении нет. Но все склонялось к тому, что Свиридов находится в жесточайшем тупике, и выхода нет.

Так ли это дело обстоит? Мне представляется, что не так. Конечно, мы можем и должны говорить. В результате того, что произошёл крен в сторону негативного осуждения Свиридова, мы обязаны провести на камерно-симфонической секции подробное обсуждение этого цикла для того, чтобы не осталось недоговорённых моментов. Но когда т. Гусин говорит о том, что в чудесном романсе “Дым отечества” — в лучшем романсе (в *Fis-dur'*ном), когда там появляется очень певучая фортепианная партия, которая напоминает ранние романсы Свиридова на слова Пушкина, он не слышит мелодии и считает сопровождение формалистическим, то я ничего не понимаю. Давайте проверим слух каждого из нас. Я считаю, что в целом ряде этих романсов — в начале романса “В дальний путь”, в “Долине Сално”, “Моей матери”, “Сестре” — есть хорошая мелодичная реалистическая музыка, и есть партии, которые мне меньше

нравятся. Но нельзя же всё переваливать “с ног на голову”. В цикле есть хорошая реалистическая музыка, но в цикле есть партии, которые меньше нравятся, но называть это просто возрождением формализма – неверно. Это значит закрывать дорогу композитору в его творческую организацию.

Мне хочется ещё поспорить с Иваном Ивановичем. Я всегда люблю выступления И. И. Дзержинского. Они очень интересны, содержательны, в них высказывается ряд интересных положений, но некоторые повороты мыслей Ивана Ивановича меня не устраивают, не устраивают они меня и сейчас. Своё выступление Иван Иванович начал с определения температуры больного. Он сказал, что сначала это была гнилостная лихорадка, затем температура резко подскочила, наступил кризис, и больной стал поправляться, хотя мы знаем, что иногда после кризисов больной умирает. Из-за чего же подскочила температура? Из-за того, что исполнили цикл Свиридова? Дальше Иван Иванович говорит: среди молодёжи есть пай-мальчики – это Чистяков и Червинский, и есть уроды. Кто эти уроды – я не понял. После этого Иван Иванович сразу перешёл к Свиридову. Мы знаем, что Свиридов уже далеко не мальчик, ему 40 лет, он кончил консерваторию в 1941 году. Кто же эти уродливые мальчики? Я общаюсь с молодёжью, знаю её, люблю её, кто же эти уроды? И для чего это было сказано? Для искусственного обострения противоречий, которых нет в нашей организации! Иван Иванович сказал, приводя чьё-то гениальное высказывание о том, что цикл Свиридова – это один из путей подхода к высотному социалистическому реализму. Я не знаю, кто это выдумал, но я хорошо отношусь к целому ряду партий из этого цикла и считаю их вдохновенными и хорошими. Но не считаю, что это столь огромное явление – выдающееся, этапное, которое может определить пути подхода к социалистическому реализму. Очевидно, так выразился какой-то энтузиаст. В ответ на это Иван Иванович сказал: “Путь к социалистическому реализму – это одна большая магистральная дорога”.

Израиль Лазаревич Гусин сегодня расширил эту мысль, доведя её, по существу, до таких формулировок, которые я принять не могу.

Израиль Лазаревич сказал: “Талантливое произведение не может быть спорным произведением”. Куда же мы дальше идём? Мы за “бесспорные” произведения, чтобы все точки были расставлены, и всё шло по какой-то дорожке. Так мы закрываем дорогу нашему творчеству. Мы, наоборот, заинтересованы в больших спорах, вызывающих обмен мнений, дискуссию, а “бесспорные” серые произведения нас уже перестали интересовать.

Социалистический реализм открывает необычайный простор развитию самых различных жанров и направлений. Это я сказал? Нет, это не я сказал. Разрешите раскрыть плагиат: это изложено в Ц. О. “Правда” 27 ноября 1953 года в связи с постановкой пьесы “Гроза” Островского режиссёром Охлопковым. Не знаю, все ли читали эту статью, подписанную псевдонимом “зритель”. Нам она пропитана⁶⁶ – чтобы было более творческих движений, чтобы было более самостоятельных произведений. Здесь имеется одна фраза, имеющая отношение и к нашей дискуссии:

“Одна из самых страшных бед для искусства – нивелировка, подготовка (так!) под один образец, хотя бы и лучший. Такой подход к работе над произведением стирает индивидуальности, порождает шаблоны, подражательство, тормозит развитие творческой мысли, лишает искусство радости исканий. И после этого говорится, что необходимо учитывать право художника на самостоятельность, на смелость, на поиски нового”.

А те товарищи, которые бьют Свиридова, учитывают это право? Они могут сказать так: это есть проявление враждебных нам тенденций. Тогда, если это так, бороться с буржуазной тлетворной упадочной культурой – наш долг; если это формализм и космополитизм, мы обязаны с этим бороться. Но не слишком ли много берут на себя товарищи, усматривая в этом произведении то, чего там нет?

Почему я говорю об этой “температуре”? Да потому, что в нашей организации есть другая беда, и незачем придумывать беды, где есть основная беда: мало творческих дерзаний. Не в пережитках формализма дело, а в большом количестве серых произведений”. И далее Друскин перешёл к критике произведений молодых авторов, чьи произведения были исполнены на смотре, остановился на поэме “Павлик Морозов”, на балете Червинского. Завершил своё выступление Друскин, как заправский оратор, лозунгами:

“... наша задача – бороться против одностороннего, однобокого понимания реализма, против штампов и серости.

За творческие дерзания!

За расцвет многообразных жанров!

За разнообразие художественных решений!

За простор мыслей и расцвет творческой индивидуальности!

Если мы сумеем по-настоящему бороться за эти важные для нашей организации вопросы, тогда наша организация поднимется на новую, более высокую ступень”. Речь Друскина была встречена аплодисментами, что отмечено в стенограмме.

После Друскина с попыткой ему возразить прозвучало вялое, путаное слово Жозефа Пустыльника, бездарного композитора, теоретика-полифониста. Оно прошло незамеченным. И только перед самым перерывом выступил Ю. А. Кремлёв. Он начал своё выступление с анализа симфонических произведений, прозвучавших на смотре, потом перешёл к разбору оперы И. Держинского. Всё это он произнёс в спокойной академической манере, не вступая ни с кем в полемику, высказывая свои собственные соображения. И только после такого длительного захода обратился к поэме. И вот тут он уже не выдержал, вступил в спор со своим постоянным оппонентом – Друскиным.

“Теперь я перейду к произведению Свиридова. Никто здесь Свиридова не “бил”, а нападали на его произведение. И. Л. Гусин выступал резко, но, на мой взгляд, недостаточно резко; он несколько раз подчеркнул, что Свиридов талантлив. М. С. Друскин употребил здесь всю силу своего красноречия на то, чтобы доказать преимущества произведения Свиридова, но что бы ни говорили, что бы ни доказывали, доказать то, что недоказуемо, нельзя. Дело шло не об авторе, а об отдельном его произведении. Мы ведь здесь не оценивали ни оперетты Свиридова, ни то, что он написал раньше, а оценивали его последнее произведение. М. С. Друскин хотел показать, что здесь, в Союзе, шла какая-то борьба, что все Свиридова преследовали. Никто его не преследовал. Я думаю, что все присутствующие помнят, что, когда здесь происходила дискуссия, Свиридов, выйдя на эстраду, заверял, что впредь он будет писать всем понятную музыку⁶⁷. Вы помните симфонию, которую написал в то время Свиридов. Первая часть её была принята с успехом. Вторая часть её была забракована. Так поступает и Шостакович. Мы были в восторге от его песни “О лесах”⁶⁸, но последующие его прелюдии и фуги так же, как и последний его квартет, говорят о возврате к старому.

Свиридов, несмотря на оказанное ему большое доверие, не оправдал этих надежд и продолжает писать такую музыку. Если он пишет наряду с этим хорошую музыку, мы будем оценивать её иначе. В данном случае мы оцениваем только произведение, показанное на смотре, а именно вокальный цикл Свиридова “Моя Родина” на слова армянского поэта Исаакяна. Этот цикл вызвал резкую борьбу мнений, и я считаю, что каждый должен высказаться о нём определённо, без каких-нибудь недомолвок.

Аннотация к циклу обещает нам передачу “волнующих мыслей и чувств свободного, счастливого народа”. А конкретно: “горделивое раздумье о героическом прошлом”, “светлый пейзаж”, “восторженную хвалу землеробам”, “трогательную мечту о радости и любви” и т. д. Словом, мы вправе ждать от музыки Свиридова богатства, разнообразия и полноты чувств. Ничего этого в ней не оказывается. Музыка цикла уныло однообразна, а в целом ряде мест предельно мрачна. Единственный оазис – фрагмент “Дым отечества”, но и тут нет никакого “ликования”, обещанного аннотацией. В этом фрагменте мы слышим сначала опереточного характера музыку (очевидно, подражающую бегу коня), а затем после слов “сном золотым я забылся” – довольно светлое лирическое созерцание. И это всё мало-мальски светлое в цикле, так как нельзя, конечно, назвать светлым ни неистовые, дикие крики фрагментов “В дальний путь” и “Был у меня баштан” (так! – А. Б.), ни утомительно однообразную кульминацию последнего номера, которая похожа скорее на отпевание, чем на прославление Родины.

Нельзя отрицать связь музыки Свиридова с русскими классиками. Так, например, в первом фрагменте (“Слава отцов”) чувствуются отголоски “Песни тёмного леса” Бородина, в ряде других пьес – отголоски позднего Мусоргского (“Без солнца”, “Песни и пляски смерти”). Но, следуя за Бородиным,

Свиридов его чрезвычайно обедняет и обезволивает, следуя за Мусоргским, он раздувает самые неприемлемые для нас его стороны.

В музыке Свиридова нет ни настоящей, яркой, выразительной, запоминающейся мелодии, ни рельефной, формообразующей гармонии, ни выпуклого, чёткого ритма. Есть лишь обломки музыкального мышления, есть однообразно пессимистический натурализм и физиология, есть откровенный вызов всему тому, что мы считаем основами передового музыкального искусства.

Музыка Свиридова не драматична и не трагична, поскольку и трагедия, и драма требуют возвышенности и мужества чувств. Музыка Свиридова неврастенична и истерична, она, пользуясь ярким обывательским выражением, “играет на нервах”.

Если воспользоваться обобщающим критерием, то, в сущности, перед нами вид “достоевщины”, заглядывание в тёмные закоулки души, смакование тёмных эмоций. А Владимир Ильич Ленин в своё время с предельной меткостью высмеял “архискверное подражание архискверному Достоевскому” у литераторов, которые пытались “малевать ужасы, пугать и своё воображение и читателя, “забывать” себя и его”.

Вот именно так пугает и забивает слушателя Свиридов. И надо признать, что в искусстве “игры на нервах” он талантлив. Но до подлинного, передового искусства, несущего слушателям мужество, свет, радость, счастье, отсюда бесконечно далеко.

Пусть не подумают, что я навязываю своё мнение о Свиридове и других затронутых мною композиторах. В подобном случае любой из них мог бы, например, сказать: меня осудил Кремлёв, что мне за дело, когда меня хвалит Шостакович.

Не Кремлёв и не Шостакович должны решить судьбу произведений Свиридова, Салманова, Богданова-Березовского и всех остальных композиторов. Эту судьбу решит советская публика.

Я высказываюсь против какого-либо администрирования, против и запретов, и рекламы. Я за широкое исполнение не только “бесспорных”, но и спорных произведений, за то, чтобы конечный суд над ними был объективным, беспристрастным и окончательным судом!”

Кремлёв окончил свою речь декларацией, на высокой ноте, однако аплодисментов не вызвал. Правда, если выступление Друскина подверглось критике, то мнение Кремлёва до конца обсуждения практически никто оспаривать не стал. Лишь один бесстрашный человек нашёлся — очень скромный композитор Иосиф Добрый, — который всё же не просто заступился, а демонстративно поднял поэму на пьедестал почёта. Его выступление было кратким, лаконичным и завершилось почти что лозунгом.

Добрый предложил свою “тарификацию” композиторов, подразделив их на три группы. Как самую ценную он выделил первую группу, к которой отнёс и Свиридова.

“Композиторов, сочинения которых представлены на данном смотре, можно разделить на три основные группы.

Первая группа — это группа композиторов с ясной индивидуальностью, группа, которая ставит перед собой трудные творческие задачи и технически хорошо их выполняет. Ярким представителем этой группы нужно считать Юрия Свиридова, который представил на смотр, на мой взгляд, выдающееся по глубине и выразительности сочинение, сочинение, проникнутое гуманизмом, унаследованным советскими композиторами у великих классиков прошлого и получившим новый творческий импульс в нашей советской действительности. О любви к Родине идёт речь в этом сочинении. Образ взят глубоко и обобщённо.

Мне кажется, что композиторы Штогаренко и Держинский берут на себя слишком много, заявляя, что сочинение Свиридова не будет принято советским слушателем. Будущее покажет. Во всяком случае, мы можем констатировать тот факт, что в концерте 25 ноября слушатель принял сочинение Свиридова не только тепло, но почти восторженно.

<...>

Побольше смелых сочинений!

Побольше смелых споров!

Долой безразличие в нашем творчестве!”

Пафосная речь была в прямом смысле “пощёчиной общественному вкусу”, царившему в последний день обсуждения. Бедного Иосифа Доброго подвергли остракизму, над ним стали просто изыматься. Композитор Носов бросил ему в лицо: “Разрешите задать вопрос: к какой группе принадлежит творчество композитора Доброго?” На что Добрый не нашёл ничего лучшего, как скромно заметить: “Я себя отношу к последней, третьей группе” (по его классификации, “третья группа – группа композиторов, у которых наличествует большие интересные замыслы, но отсутствие большого таланта и мастерства приводит их к печальным результатам”).

Конец обсуждения 2 декабря прошёл в открытой и очень оживлённой дискуссии, вопросы сыпались один за другим, на глазах происходила сшибка разных точек зрения, позиций, страсти накалялись. Несколько раз вновь брали слово И. Дзержинский, И. Гусин. К самому концу прений обсуждались практически только одно сочинение и один автор – поэма Свиридова.

В самом конце выступили руководители ЛОССК. После И. Доброго взял слово Феодосий Антонович Рубцов. Причём, начиная с этого выступления, все последующие избрали как метод идти от противного, возражали, главным образом, Друскину, Филенко и Доброму. Голос у Рубцова был певучим, мягким, и если он был в хорошем расположении духа, пропустив в знаменитой “щели” под “Асторией” рюмочку-другую, то всегда улыбался и был необыкновенно приветлив... Совсем другим он выглядел, когда не успевал туда зайти. Становился угрюм, улыбка не посещала его лица, и говорил он раздраженно.

“В своём выступлении Михаил Семёнович Друскин, совершенно справедливо обратив внимание на значительное количество заурядных, неярких произведений, показанных на очередном смотре, говорил о необходимости смелых дерзаний в творчестве, о праве дерзаний. В частности, к творческим дерзаниям Михаил Семёнович отнёс вокальную поэму Свиридова “Моя родина”, защищая её от “необоснованных” нападок со стороны ряда других выступающих товарищей. Попробуем глубже разобраться в этих затронутых Михаилом Семёновичем вопросах. Да, конечно, художник не только имеет право на дерзание, но даже обязан дерзать, если он намерен двигать вперёд искусство, расширяя круг отражаемых в нём идей. Однако эти дерзания будут только тогда подлинными дерзаниями, если в основе их будет лежать большая идея, верное чувство, современность (так!) и здоровое мироощущение, если эти дерзания будут вызываться новым содержанием, которое не может быть вложено в старые, уже привычные формы.

Можем ли мы сказать это о цикле Свиридова? Безусловно, нет, с моей точки зрения. Сейчас тов. Добрый в своём выступлении тоже говорил об этом сочинении как о небывало смелом, новом, новаторском сочинении, ставящем перед собой очень большие новые задачи. Какие? Идеиные или технологические?

ДОБРЫЙ. – И те, и другие

Не могут быть и те, и другие. Идеиные должны быть вначале, а потом идея должна вызывать и новые художественные выразительные средства и наталкивать на поиски каких-то иных, действительно новых технологических приёмов.

Мне думается, что споры, которые идут вокруг сочинения Свиридова, и те заблуждения, которые во многом видны, заблуждения, выражающиеся в почти безоговорочном или просто безоговорочном приподнимании этого сочинения как лучшего, что появилось за последнее время, основаны вот на чём: ещё в 1936 году в своей статье, объясняя свои заблуждения прошлого, Б. В. Асафьев писал:

“... увлечение “качеством дарования” без учёта “качества высказывания”, т. е. подмену оценки общественной значимости данного произведения оценкой талантливости его автора...”⁶⁹ – вот что привело его к этим ошибкам.

Спору нет: заинтересовывает Свиридов тем, что чувствуется, что говорит одарённейший человек, и отсюда неизбежно отдельные страницы, отдельные моменты в этом цикле трогают. Но о чём он говорит? Что он говорит? Где раскрывается идея “моей родины”, которая дана в самом заглавии? Непонятно, какая это родина. Остаются совершенно нераскрытыми и любовь человека к родине, к старой или новой Армении, к давнишней Армении или к Армении советской. Мы видим в основном одно выражение скорби, почти страх перед отдельными моментами, трагическими моментами обречённости, смерти и ги-

бели, которые здесь всюду наличествуют. Обратите внимание, что даже в песне “Боевой призыв” и “Обращение к сестре”⁷⁰ воин, идущий на бой, говорит: “Когда я буду убит...” Т. е. он обрисовывает картину своей смерти. И это называется воин, идущий на защиту родины. Вот основная идея романса.

И не могу согласиться с выступавшей раньше т. Филенко в том плане, что подобраны очень целенаправленные и высоко поэтические тексты. Не вижу особой целенаправленности и никак не вижу раскрытия той идеи, которую автор должен был раскрыть, если он кладет её в основу своего произведения. Отсюда явная слабость, которая определяет известную идейную ослабленность. И никакими отдельными проявлениями, никакими технологическими моментами не снять этой ущербности в целом. Поэтому нельзя приподнять это сочинение на ту высоту, на которую его пытаются здесь приподнимать.

Тов. Филенко в своём выступлении довольно страстно и как-то смешновато говорила о праве размышлений в камерных жанрах, о праве особого языка для камерных жанров. Всё это как-то не очень серьёзно и довольно странно звучит.

Язык не может быть особым, могут быть особые жанровые формы. И естественно, применяя термин тов. Филенко, что после сытного обеда никто не станет читать углублённую философскую статью, точно так же как в рабочее время, когда светлая голова, вряд ли человек станет баловаться фельетоном из “Крокодила”. Однако язык в том и в другом сочинении один – реалистический, и реалистический язык должен быть и в камерной, и в массовой, и в эстрадной, и в другой литературе, но формы могут быть другие. И размышлять в камерных сочинениях советский художник имеет полное право обо всём. Смешно было бы требовать каких-то прекрасных размышлений, забывая о том, что в жизни существуют не только любовь, но и страдания, не только жизнь, но и смерть. Но любые рассуждения должны быть основаны на каком-то здоровом мировоззрении, на здоровом мироощущении. Нас не может удовлетворить выражение инстинктивных радостей жизни, равноценно прыжкам весёлого телёнка. Точно так же, как не могут нас удовлетворить размышления о смерти, сводящиеся к передаче инстинктивного физиологического страха перед смертью. О смерти надо говорить в контексте тех огромных идей, которые умеют преодолевать смерть, – это право и обязанность советского художника. Говорить мы обязаны обо всём том, что есть в жизни, и не только о светлых, но и о тёмных явлениях. Но в основе должно быть чёткое мировоззрение, чёткая идейная направленность и здоровое мироощущение.

Мне думается, что очень многие беды, которые мы наблюдаем у нас в творчестве, как раз связаны с отсутствием этого правильного мировоззрения и мироощущения.

И сейчас огромная задача, которая стоит перед нами в деле действительной помощи Свиридову, заключалась бы, с моей точки зрения, в том, чтобы заставить Свиридова почувствовать себя не одиноким в жизни, не мятущемся в своём индивидуальном “Я”, а почувствовать себя участником большой общественно-созидательной жизни. Тогда все остальное – или очень многое – снимется, и автор пойдёт по правильному, хорошему пути, по верному направлению”.

Завершали обсуждение два руководителя ЛОССК – М. А. Глух и В. П. Соловьёв-Седой. Сложнее всего было выступать М. А. Глуху. Он не обладал особым авторитетом, композитор он был весьма скромный по дарованию, свою точку зрения практически никогда не высказывал, очень чутко прислушиваясь к руководству, к господствующему мнению. Будучи человеком партийным, он решил избрать самый верный способ – выступить в броне официоза. Но, в конце концов, из его выступления было трудно понять, какой позиции он сам придерживается? И хвалит ли он или ругает Свиридова за поэму? Нетрудно понять, что он очутился меж двух огней. И критикуя того же Друскина, он всё же держал в уме мнение Шостаковича, и лишь его отсутствие побудило его прислушаться к точке зрения Дзержинского и Соловьёва-Седого. Привожу часть его выступления.

“Один из существенных вопросов, который сейчас должен занимать наши умы, – это критика, какой у нас должна быть критика.

Мне кажется, что критика должна быть такая, которая ещё больше развернёт творческие силы наших композиторов, которая ещё больше объединит их, даст им возможность почувствовать себя в организации ещё более

тепло, более дружески, и критика, которая может действительно толкнуть композиторов вперёд. Вот такая критика нам нужна. Конечно, такую критику не так просто создать. Проще выйти и сказать: мне это произведение не нравится. Даже, может быть, проще приклеить ярлык, но гораздо труднее разобрать произведение, доказать композитору, в чём он не прав, помочь учесть ошибки и двинуться вперёд. Если в результате критики композитор будет стимулирован на дальнейший творческий подвиг, если Свиридов будет дальше лучше писать, значит, у нас была критика правильная. Если же мы своей критикой так его прижмем, что он дальше писать не будет, а уйдёт в прикладные жанры, в музыку драмтеатров и во всякие подработки, значит, у нас критика была плохая. Вот моя точка зрения. Поэтому нас должна заботить такая обстановка в Союзе, которая создала бы настоящую творческую критику, убеждающую композитора (при всём том эта критика должна быть принципиальной и глубокой).

Конечно, М. С. Друскин оговорился, сказав, что в нашей организации нет противоречий. Да сама обстановка нашей дискуссии разве не говорит о том, что у нас организация развивается в острых противоречиях. Но я не вижу в этом большой беды, ибо эти противоречия двигают нашу организацию, это те противоречия, которые выявляют различные стороны творческого движения, разные творческие стремления, различный индивидуальный почерк и т. д. Столкновение этих сторон и является противоречивым фактором, но фактором,двигающим организацию, и говорить о том, что у нас нет противоречий, конечно, неверно, ибо даже в проблемах драматургии мы говорим о пережитках капитализма, об отрицательных образах, о развитии в противоречиях, столкновениях и т. д. Все эти проблемы возникают и в нашем творчестве и ведут к этим противоречиям, и приводят к острым спорам, которые более чем когда-либо доказывают, что наша организация развивается в противоречиях. Но это не страшно, это интересный фактор, который способствует развитию нашей организации.

Я не согласен с выступлением т. Доброго, который говорит о какой-то цензурности, о каком-то зажиме и т. п. Я не согласен не потому, что я причастен к работе правления, а потому, что достаточно взглянуть на наши семинары, на эти концерты, достаточно посидеть на нашей дискуссии, где каждый говорит то, что он считает нужным, а не уносит в кулуары своё мнение, чтобы понять, что ни о каком зажиме здесь говорить нельзя. Достаточно т. Доброму прослушать своё выступление, чтобы понять, что наша дискуссия носит достаточно демократический характер. Он говорил о секции камерно-симфонической, но не нужно заниматься мелочами. Весь характер нашей организации, широкий выход многих композиторов различных направлений, широкие дискуссии, которые мы здесь приводим (так!), – всё это доказывает демократический характер нашей организации, отсутствие администрирования.

В процессе прений явно обнаружилось две тенденции, которые столкнулись лбами на этом цикле Свиридова. Какие это тенденции? Одни товарищи говорят: давайте бороться за новаторское, талантливое искусство, за дерзновение и т. д. М. С. Друскин в своём резюме бросил даже несколько таких лозунгов. Но наш уважаемый Михаил Семёнович упустил один важный тезис: за высокое идейное искусство – этого он не сказал. И вот выступает группа товарищей, которые говорят: за талантливость, за новаторство, за дерзновенность! Правильно, но, дорогие товарищи, абстрактное новаторство – это старая песня.

– ДРУСКИН: Это само собой разумеется.

Вы, т. Друскин, должны понимать, о чём вы говорите? Это говорится в связи с революционным, идейным искусством, с идейным замыслом.

Все выступления о новаторстве, о дерзновенности игнорируют проблему идейного замысла. Тов. Филенко говорит о глубоком размышлении над проблемами жизни, о глубоком искусстве, о камерной музыке, о языке, который должен быть иным. То есть получается, что должна быть музыка для Союза композиторов и музыка для народа. А квартеты Бородина – разве они не пропитаны этой народностью? Разве можно так ставить вопрос?!

Далее она говорила о Бетховене, приводя выражение Асафьева, что Бетховен хотел в своих произведениях пройти страдание и преодолеть его. Да, и он его преодолел. Финалы бетховенских симфоний это показывают, и, не имея этих финалов, мы не имели бы Бетховена как прогрессивного композитора.

Товарищи, которые ратуют за новаторство, тут же смазывают проблему идейности в искусстве. И это очень серьёзный показатель упущения, которое допущено товарищами, выступающими по этому вопросу.

Что можно сказать о Свиридове?

Мне кажется, для того, чтобы этот композитор дальше создавал и писал (а мы только об этом и должны сейчас думать), нужно это произведение подвергнуть серьёзному разбору в товарищеской обстановке (здесь я согласен с Друскиным). Нужно организовать товарищеское глубокое обсуждение этого цикла в нашей среде, без наскоков и ярлыковщины, без наскокообразных выступлений, подобных выступлению глубоко уважаемого товарища Доброго, сказавшего, что единственный новатор – это Свиридов, а все остальные – это второй и третий сорт...

ДОБРЫЙ. – Я сказал о группах...

Ясно, о чём идёт речь. (Смех...). Все остальные оказались второго и третьего сорта; из скромности вы причислили себя подальше, хотя, вероятно, вы это сделали просто так. (Смех...)

Следовательно, это произведение надо разобрать без наскока, без ярлыковщины. Мне лично кажется, что в этом произведении, бесспорно, много талантливое. Но характерная вещь: что отпечатала “Советская музыка” и что осталось у Свиридова в цикле? Самые сильные вещи “Советская музыка” не отпечатала: “Пролог” (“Слава отцов”), “Иду по горам”⁷¹, “Песня о хлебе”, “Чёрный орёл”, “Бранный клич” и “Эпилог”. То есть то, что составляет ведущую, трагедийную линию в цикле, “Советская музыка” не напечатала, а напечатала не характерные для этого цикла вещи, не определяющие этот цикл. Трагедийный же пафос в “Советскую музыку” не попал, то есть, по сути дела, цикл не был представлен публике, а были представлены только несколько романсов, которые не дают никакого представления о цикле. Конечно, то, что “Советская музыка” напечатала ряд талантливых отрывков Свиридова, хорошо, но никакого представления о произведении в целом это не даёт. Значит, в этом тоже проявилась определённая позиция, которая говорит о том, что цикл не вызывает такого единодушного мнения.

Мне кажется, если мы в более тесном кругу товарищей соберёмся и серьёзно поговорим об этом цикле, мы увидим, что то, о чём в общей форме говорил (и правильно говорил) Рубцов, является основным моментом в определении качества цикла. Концепционная основа этого цикла является односторонней. Когда мы говорим об основах марксистско-ленинской эстетики, об основе нашего мировоззрения, мы не можем пройти мимо первого тезиса – “жизнеутверждающее начало”, не поверхностный оптимизм, а порождающийся в результате столкновения, конфликта и т. д. А здесь одна линия. И вообще повелось у определённой группы композиторов, которая, рассуждая о “высоком искусстве”, не говорит об ИДЕЙНОМ ИСКУССТВЕ, игнорируя проблему идейного замысла, и, кроме того, они предполагают под “глубоким искусством” обычно произведения мрачные. Это очень часто сочетается, и игнорируется та глубина раскрытия, которой пользовались наши классики, которой они очень широко затрагивали светлые стороны жизни и проводили жизнеутверждающую идею в своём произведении.

При всём том, что я отношусь к произведению Свиридова как к произведению талантливому, – и здесь я не согласен с формулировкой Гусина! – как к произведению очень интересному, в котором показана трагедийная линия развития человека, находящегося вдали от родины, в этом цикле проблема родины, идейная концепция бесспорно является ущемлённой, и это произведение страдает абстрактностью и инструментальной трактовкой голосов, что *доказывается хотя бы тем, что двухмесячная работа певцов над этим циклом всё-таки не позволила им по-настоящему донести это произведение до слушателя.* И когда Свиридов сам пел это произведение на секретариате, оно производило более сильное впечатление, чем тогда, когда оголился этот инструментализм голосов – это стремление певческими голосами передать такую напряжённость, такую интервалику, которая подчас присуща оркестровому мышлению, а не человеческому голосу. Поэтому нам следует всё-таки внимательно относиться к циклу Свиридова и его обсудить”.

И вот обсуждение подошло к концу, и последнее слово взял председатель собрания Соловьёв-Седой. Конечно, он был обижен на Свиридова за его выступления на отчётно-перевыборном собрании в начале мая и особенно за

выступление на Секретариате СК СССР в Москве. Конечно же, это чувство он не мог скрыть, точно так же как не мог скрыть своего ревнивого отношения к своему близкому соратнику и давнему другу И. И. Держинскому. Сам Василий Павлович знал себе цену, знал, что его песни необыкновенно популярны в народе, и поэтому вряд ли ему могла быть присуща мелкая зависть. Было бы ошибкой сводить его выступление к намерению выместить свою злость за нанесённые обиды. В выступлении Соловьёва-Седого проявилась его твёрдая, устойчивая позиция, которую он вынес, которую закалил в процессе своего творчества. Эта позиция легко адаптировалась и находилась в полной «симфонии», согласии с официальной эстетикой эпохи 1948 года. И это было его внутреннее глубокое убеждение, в чём, в чём, но в неискренности его невозможно было упрекнуть. С присущей ему природной хваткой ума, он явно подготовил своё выступление и высказался в некотором роде в философском духе. Вот что сказал о поэме и Свиридове В. П. Соловьёв-Седой 2 декабря 1953 года:

«Мы часто думаем, что если человек пишет музыку, то он уже композитор. Это неверный взгляд. Композитор начинается только там, где он несёт какие-то идеи, какие-то свои выработанные годами и общественной практикой мысли в народ. Вот с этого момента начинается композитор. До этого может быть или дилетант, или музицирующий товарищ, находящийся в области звуков какое-то приятное развлечение для своего уха.

Причём композитор, чем выше он по таланту, тем большие и значительные идеи несёт он в народ. Меня поражают такие фразы, что это искусство безыдейно. Я уверен, что любое талантливое произведение идейно, но нам нужно разобраться в том, какую идею оно несёт: несёт ли оно положительную идею, направляющую общество на какую-то новую, высшую ступень, воспитывающую народ, или эта идея уводит народ от тех острых жизненных моментов, которые в нашей жизни существуют. Поэтому термин «безыдейное искусство» как таковое в приложении к талантливому произведению я отвергаю.

Я согласен с Добрым в том плане, что композиторы существуют разные. У меня тоже есть две категории композиторов, только я делю их иначе. Я имею в виду композиторов сформировавшихся, заряженных большим количеством идей и *претворяющих*⁷² эти идеи в своём творчестве, одни – более талантливо, с большим мастерством, другие – менее талантливо, с меньшим мастерством, в любых жанрах. И есть другая группа композиторов, которая значительно по своему количеству превосходит эту группу, которая не имеет – я *утверждаю*⁷³! – собственных идей, собственного ясного представления о том, что он хочет из себя представлять в искусстве и обычно, как правило, плетётся за тем или иным лидером, т. е. становится его эпигоном не только чисто внешних выражений, но и его идей.

В связи с этими вопросами мне и хочется рассмотреть личность композитора Свиридова. Я думаю, что никто в этом зале не станет отрицать, что Свиридов – это человек большой одарённости. Свиридов не молодой человек, Свиридову, по-моему, около 40 лет, т. е. возраст, когда говорят, что мужчина уже возмужал и когда он определяет себя в искусстве.

Можем ли мы сегодня сказать, что обаяние таланта Свиридова адекватно общественному о нём знакомству (так! – **А. Б.**)?

Мы все помним, что Шостаковича Советский Союз узнал тогда, когда ему было 19–20 лет. Хачатуряна мы узнали тогда, когда ему было около 40 лет (*он поздно начал учиться*⁷⁴). Прокофьева, Держинского и других наших больших композиторов мы узнали тогда, когда им было 30–32 года. Прозвучало новое имя, к которому народ проявил интерес.

Что же произошло со Свиридовым? Кто знает Свиридова, кроме сидящих здесь в зале, и небольшой группы народа?

Звучит ли фамилия Свиридова в нашем народе адекватно его дарованию? Не звучит. А почему?

Не звучит она по очень простой причине: потому что Свиридов не определился как композитор. Он всё время находится в состоянии смятения. Его бросает, как в лихорадке, с одной стороны в другую, от одного языка к другому, от одного мира идей к другому миру идей. Он всё время крутится в какой-то беспорядочной лихорадке. Иван Иванович здесь говорил о том, что Свиридов на заре своего появления сочинил замечательные романсы. Я с этим согласен. Почему же так получилось? Вот Свиридов почувствовал себя композитором, и на него огромное воздействие оказала свежая и интересная опера

Дзержинского “Тихий Дон”, и Свиридов под влиянием языка Дзержинского (я обращаю ваше внимание) написал ряд романсов, ряд казачьих песен и ряд других произведений, взяв Дзержинского как знамя своего творчества и, соответственно, взяв идеологию и методы Дзержинского.

Но что же потом увидел Свиридов? Он увидел, что бог, на которого он молится, — Иван Иванович Дзержинский — после двух удачных опер не продолжал развивать свой талант. Свиридов, у которого мастерство и ум большие и самостоятельные, увидел эти вещи: он увидел, что у Дзержинского больше ему учиться нечему. Он достиг того уровня, которым тогда обладал Дзержинский. Не будучи натурой самостоятельной, а будучи натурой мятущейся, он начал искать нового бога себе, ибо без нового бога он жить не может, и этого нового бога он нашёл совсем в другом конце города — в лице Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. И этому богу он поклоняется до сих пор, и этот бог его до сих пор не разочаровывает.

Но мы не должны забывать одного обстоятельства: если пути творчества Дзержинского, Хачатуряна и ряда других композиторов реалистического направления чрезвычайно разнообразны и помогают выявлять творческую натуру (а кто-то здесь сказал, что Свиридова знают по романсам; действительно, кое-какие романсы Свиридова засели, но это романсы, сочинённые 20 лет тому назад, и он их ничем не подкрепил), то композитор, идущий за Шостаковичем, ничего не добьётся. Я утверждал ещё в 1948 году, когда все боялись произнести вслух имя Шостаковича, утверждал, выступая с высокой трибуны, что я не вижу опасности для советского искусства в Шостаковиче: Шостакович мне не страшен, ибо он законченного мировоззрения человек, и его, с моей точки зрения, переделать невозможно. Меня тогда пугали вот эти так называемые малые Шостаковичи, потому что эти в большинстве своём молодые люди и сейчас есть. Эти молодые люди не имеют собственных достаточно крепких идей, которые они хотели бы нести народу, становятся на путь явного или косвенного эпигонства, подражания Шостаковичу, тем самым оказывая вредную услугу своему богу, потому что на основании таких произведений создаётся общественное мнение вокруг того, что Шостакович до сих пор является рассадником возрождения формализма и т. д.

Шостаковича никто из них не переплюнет, никто из них мизинца Шостаковича не стоит ни по своему дарованию, ни по мастерству, ни по тем идеям, которые в Шостаковиче заложены, а есть жалкие подражатели, которые портят и себе и, в основном, портят и Шостаковичу.

Я лично считаю, что Свиридов не должен быть эпигоном, у Свиридова достаточно дарования, чтобы быть лидером, а лидерствовать на той дорожке, по которой бежит Шостакович, трудно, ему его не обогнать, ибо слишком несравнимые величины.

Этот цикл как нельзя больше показывает справедливость высказанных мною в этом плане положений”.

На этом обсуждение закончилось. Но не закончилась история прохождения поэмы, о чем пойдёт речь дальше.

8 декабря 1953 года в газете “Советское искусство” появляется краткая заметка о смотре ленинградских композиторов. В заметке упоминается и исполнение поэмы “Страна отцов”⁷⁵.

Свиридов позднее вспоминал, как году в 1938-м или 1939-м они встречались дома у И. И. Дзержинского, Василий Павлович, приехавший из Москвы Тихон Хренников и они поручили ему быть третейским судьей при их споре, кто написал лучший романс на слова Сергея Есенина.

Они были близки, это были люди одного поколения, выходцы из народа, русские провинциалы. С ленинградцами Свиридова объединяла практически одна и та же школа, Дзержинский и Соловьев-Седой оба учились в том же Центральном музыкальном техникуме у замечательного педагога П. Б. Рязанова, воспитавшего композиторов-мелодистов, того же Никиту Богословского, Левона Ходжа-Эйнатова и других. “Нравилась мне ранние песни И. Дзержинского, его же “Весенняя сюита” для рояля, опера “Тихий Дон”, над которой он тогда работал (отрывки из нее мне приходилось слышать). В этой музыке звучало что-то новое, свежее, её современная русская интонация дышала неподдельной правдой. Это была та свежесть искусства, которой нельзя было научиться, подобную ей нужно находить самому”⁷⁶. Ценил Свиридов и знал хорошо советскую массовую песню, особо выделял песни (военной поры)

В. Соловьева-Седого и Б. Мокроусова. Но молодой Свиридов рано понял, что так называемое движение “песенной оперы” оказалось ограниченным. Во второй тетради “Разных записей” за 1987 г. Свиридов запишет: “К сожалению, после первого и большого успеха (с “Тихим Доном”) Держинский уже старался угодить, “попасть в тон”. “Поднятая целина” была гораздо слабее: бытовизм, без особой поэзии, дальше дело пошло совсем плохо. Бытовая опера, увы, быстро себя исчерпала. <...> “В бурю” Хренникова – это было уже просто пошло <...> Массовый стиль того времени казался мне попросту ужасным...”⁷⁷.

В словах Соловьева-Седого, рождённых и обидой на выступление Свиридова, и огорчением, что его бывший товарищ уходит куда-то в сторону, была отчасти и правда, искажённая чувствами, но всё же правда. Сам Свиридов позднее признавал, что он прошёл “зигзагообразный” путь. Что в самом начале, в середине 1930-х годов, во времена создания пушкинских романсов он только нащупывал свой путь, что позже, к концу 1930-х – в 1940-е годы он ушел “в сферу инструментализма <...>, к неоклассическому стилю”, испытал влияние Шостаковича.

Поэма “Моя Родина” (“Страна отцов”) означала рождение зрелого стиля Свиридова, в ней он был вполне самостоятелен и ни на кого не похож. Увы, очень мало было людей, кто понял истинный замысел Свиридова, его намерение выразить искренне подлинную любовь к своей Родине, выразить тревогу и скорбь за её трагический путь. Композиторы песенники, сторонники “реалистического направления” нещадно колошматили Поэму тяжёлой дубиной официальной соцреалистической эстетики. Им не хватало в конце поэмы привычных им по своему творчеству светлых картин счастливой жизни народа при социализме.

Кремлёв в качестве примера для подражания приводил “исправившегося” Шостаковича, его ораторию “Песнь о лесах”. Но Свиридов не написал ничего подобного оратории Шостаковича и финал его поэмы не имел ничего общего со знаменитой финальной “Славой” из неё. Или с последней песней “Счастье” вокального цикла того же Шостаковича “Из еврейской поэзии”, который Свиридов ценил. Держинский, Соловьев-Седой и иже с ними не хотели этого замечать, по инерции они всё ещё продолжали видеть в Свиридове “маленького Шостаковича”. Впрочем, тут уже была озабоченность другого рода, Свиридов становился их противником, перейдя в “стан Шостаковича”.

Русская музыка после смерти Сталина стала мучительно искать свой дальнейший путь, в ожесточённых спорах, в борьбе музыкальных “партий”, в сложной политической игре с высшим партийным руководством. Премьера поэмы “Моя Родина” на смотре творчества ленинградских композиторов, её обсуждение стали этапными событиями не только в жизни Свиридова. В этом событии выветились все характерные особенности той переходной эпохи, когда после смерти Сталина механика советской жизни “вдруг дала неожиданный сбой, резкий толчок”. В отличие от украинского пленума ССК Украины, смотр композиторов в Ленинграде наглядно продемонстрировал, что всё «как бы пошло по-старому, но не совсем, а как бы “по видимости”». Впрочем, здесь ещё рано ставить точку. На этом история прохождения поэмы не закончилась, о чём пойдёт речь дальше.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новый мир. 1953. №10. С. 43.

² Знамя. 1954. №5 (ч. 1); Знамя. 1956. №4 (ч. 2).

³ “Конец советской музыки” (*The End of Soviet Music*) – такое название имеет один из разделов главы 36 учебника Р. Тарускина и Кр. Гиббса. Оксфордская история Западной музыки (*Taruskin R., Gibbs Chr. Oxford History of Western Music. – Oxford, N.-Y.: Oxford University press, [2013]. P. 1104*). Рец. на эту книгу см.: Белоненко А. С. Прошлое и будущее классической музыки европейской традиции. Заметки по поводу монографии *The Oxford History of Western Music*. Часть 1. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 15. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ. Выпуск 3, 2015. С. 160–218.

⁴ См.: ЦГАЛИ СПб, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 280. Протоколы заседания Правления ЛОССК и материалы к ним. 2 янв. – 9 апр. 1953 г. На 53 л.

- ⁵ ЦГАЛИ СПб., ф. 348, оп. 1, ед. хр. 289. Конференция слушателей 19 февраля 1953 г. На 53 л. Л. 6. По горькой иронии судьбы Ю. Я. Вайнкоп был одним из тех музыковедов, которые в 1948 и 1949 годах подверглись осуждению одновременно и за формализм и за космополитизм.
- ⁶ Феодосий Антонович Рубцов (1904–1986) – известный советский учёный-фольклорист, композитор (учился, как и Д. Шостакович, у М. О. Штейнберга). Член КПСС. Входил в состав руководства ЛОССК во второй половине 1940-х годов, был заместителем Председателя Правления ЛОССК В. П. Соловьёва-Седого с 1948 по 1953 год.
- ⁷ См.: ЦГАЛИ СПб., ф. 348, оп. 1, ед. хр. 280. Протоколы заседания Правления ЛОССК и материалы к ним. 2 янв. – 9 апр. 1953 г. Протокол заседания Правления от 20 февраля 1953 г.
- ⁸ Между 1948-м и 1950 годами Свиридовым было написано много сочинений на слова А. Исаакяна. Он показывал их до того, как у него окончательно сложился композиционный план поэмы, в которую вошли одиннадцать номеров.
- ⁹ ЦГАЛИ СПб., ф. 348, оп. 1, ед. хр. 283. Стенографический отчёт отчётно-перевыборного собрания ЛОССК о деятельности Правления. 6 мая 1953 г. На 109 л. Л. 95.
- ¹⁰ Волошинов Виктор Владимирович (1905–1960) – композитор, педагог, профессор Ленинградской консерватории, кандидат искусствоведения.
- ¹¹ ЦГАЛИ СПб., ф. 348, оп. 1, ед. хр. 283. Стенографический отчёт отчётно-перевыборного собрания ЛОССК о деятельности Правления. 6 мая 1953 г. Л. 78.
- ¹² См. ЦГАЛИ СПб., ф. 348, оп. 1, ед. хр. 281. Протоколы заседания Президиума ЛОССК 15 мая 1953 г. – 18 дек. 1953 г. На 79 л. Протокол №1 заседания Президиума ЛОССК от 15.V.53 г.
- ¹³ VIII пленум имел свою предысторию. Дело в том, что ещё 11 марта 1953 года вышло Постановление Бюро ЦК КП Украины “О созыве Второго съезда советских композиторов Украины”. Идея проведения этого съезда была скоропалительной (только что прошли похороны Сталина) и не согласована с руководством СК СССР. Постановление вызвало реакцию со стороны отдела культуры ЦК КПСС. 8 мая появляется записка на имя секретаря ЦК КПСС П. Н. Поспелова с критикой идеи проведения съезда (см. публикацию этих документов в кн.: Музыка вместо сумбура: Композиторы и музыканты в Стране советов 1917–1991 / сост. Л. Максименков. М., Международный фонд “Демократия”, 2013. С. 414–416, 429–430). О пленуме см. *Попов Ин.* “Бороться за мастерство”: Заметки с VIII пленума Правления ССК Украины // Советская культура. 1953, 13 мая. №39. С. 2–3.
- ¹⁴ Из всех творческих союзов Союз композиторов менее всего пострадал в годы сталинского режима. Его практически не коснулись репрессии, и даже такой жёсткий документ, как Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 февраля 1948 года, по своим последствиям не идёт ни в какое сравнение с Постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года. Достаточно сравнить жизненный путь Н. Заболоцкого, Я. Смелякова, А. Ахматовой и М. Зощенко (не говорю уже о судьбах поэтов и писателей, подобных Н. Клюеву, О. Мандельштаму, Б. Корнилову или И. Бабелю) и многих других с положением тех же С. С. Прокофьева, Д. Д. Шостаковича или А. И Хачатуряна.
- ¹⁵ См.: Протокол №1 от 15 мая 1953 г. (ЦГАЛИ СПб., ф. 348, оп. 1, ед. хр. 281. Протоколы заседаний Президиума ЛОССК. 15 мая – 18 дек. 1953 г. На 76 л.).
- ¹⁶ Одним из первых преобразований в послесталинскую эпоху стала реорганизация органов управления культурой. На заседании Верховного совета СССР в рамках четвёртой сессии Верховного совета СССР 15 марта 1953 года было принято решение о преобразовании ряда министерств и создании новых. Появляется указ Верховного Совета СССР “Об объединении Министерства высшего образования СССР, Министерства кинематографии СССР, Комитета по делам искусств, Комитета радиотелевизионной, Главполиграфиздата и Министерства трудовых резервов СССР в одно Министерство – Министерство культуры СССР” (см.: Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. М., 1975. Т. I, 1938–1975. С. 197–198). Главное управление музыкальных учреждений возглавлял в то время хорошо знакомый Свиридову композитор М. Чулаки, ленинградец, ученик В. В. Щербачёва.
- ¹⁷ Секретарь ЦК КПСС П. К. Пономаренко был назначен Министром культуры СССР на той же Четвёртой сессии Верховного совета СССР 15 марта 1953 г. (см. газ. “Правда” от 16 марта 1953 №75 (12643). Одной из первых акций министра стало увольнение из Большого театра дирижёра Н. С. Голованова.

- ¹⁸ ЦГАЛИ СПб, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 279. Протоколы заседаний Секретариата Союза Советских композиторов СССР. 28 янв. – 15 дек. 1953 г. На 82 л. См.: Протокол №19 заседания секретариата ССК СССР 26 мая 1953 г.
- ¹⁹ Ошибка в тексте протокола. Имеется в виду композитор, музыковед, критик Валериан Михайлович Богданов-Березовский (1903–1971). В годы войны он был председателем правления ЛОССК. В 1950-е годы заведовал репертуарной частью Ленинградского Малого театра оперы и балета, оставаясь членом Правления ЛОССК.
- ²⁰ ЦГАЛИ СПб, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 279. Протоколы заседаний Секретариата Союза Советских композиторов СССР. 28 янв. – 15 дек. 1953 г. На 82 л. См.: Протокол №19 заседания секретариата ССК СССР 26 мая 1953 г. Л. 62.
- ²¹ Михаил Александрович Глух (1907–1971). Его учителями по композиции в Ленинградской консерватории были Б. В. Асафьев и Ю. Н. Тюлин. В годы войны руководил армейским ансамблем, член КПСС. В Малеготе в 1957 году была поставлена и некоторое время шла его опера “Денис Давыдов”.
- ²² Фортепианное трио, удостоенное Сталинской премии 1-й степени в 1946 году.
- ²³ Георгий Никитич Хубов (1902–1981) – советский музыковед и музыкально-общественный деятель. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1969). Член КПСС с 1943 года. Родился в Карсе, учился последовательно в Одесской, затем в Тбилисской консерваториях. С 1922 года обосновался в Москве. В 1930-м окончил Московскую консерваторию по классу фортепиано у В. Н. Аргамачова и инструкторско-педагогический факультет. В 1932–1939 годах был заместителем главного редактора, в 1952–1957 годах – главным редактором журнала “Советская музыка”. В 1941–1945 годах не без содействия А. И. Хачатуряна добился поста главного редактора музыкального вещания Всесоюзного радио; в 1946–1952 годах – консультант по вопросам художественного вещания в аппарате ЦК КПСС. Будучи секретарём правления СК СССР (1952–1957) неоднократно выступал с докладами на съездах и пленумах Союза композиторов СССР. За границей известен своим докладом на Первом съезде советских композиторов, который обычно интерпретируется как образец догматической эстетики в ждановском стиле. Мало того, что обычно в трактовке этого доклада советологи лишней раз недооценивают и явно не понимают всей полифонической сложности подтекста доклада, его эзопов языка, они часто забывают о деятельности Хубова в качестве главного редактора журнала “Советская музыка”, о чём пойдёт речь дальше. Хубов был плодовитым музыкальным писателем, автором книг и многочисленных статей по вопросам истории русской и зарубежной музыки.
- ²⁴ Здесь и далее – ЦГАЛИ СПб, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 279. Протоколы заседаний Секретариата Союза Советских композиторов СССР. 28 янв. – 15 дек. 1953 г. На 82 л.
- ²⁵ Старые заместители председателя правления ЛОССК Ф. Рубцов и В. Сорокин были смещены 7 мая, на второй день отчётно-перевыборного собрания, когда было принято решение “считать работу правления неудовлетворительной” (см.: ЦГАЛИ, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 284. Стенографический отчёт отчётно-перевыборного собрания ЛОССК 7 мая 1953 г. На 75 л.).
- ²⁶ Борис Александрович Арапов (1905–1992) – композитор, педагог. Долгое время возглавлял кафедру композиции в Ленинградской консерватории. Ученик В. В. Щербачёва.
- ²⁷ Пекелис Михаил Самойлович (Самуилович) (1899–1979) – музыковед, педагог. Окончил Киевскую консерваторию по классу фортепиано у Г. Н. Беклемишева, по теории и истории музыки – у Б. Л. Яворского (1922). С 1922 года – в Москве. Учился в Высшем литературно-художественном институте (1922–1924). Преподавал хоровое пение и музыкально-теоретические дисциплины в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской (1923–1927). Работал в Музыкальном техникуме им. Гнесиных (1926–1937), в Московской консерватории (1925–1943; с 1930 года – профессором), в 1934–1935 годах заведовал кафедрой истории русской музыки, в 1937–1943 год был зав. кафедрой истории музыки народов СССР, затем преподавал в консерваториях Свердловска, Киева, Горького; в 1944–1948 годах – в Государственном институте театрального искусства в Москве. В 1948–1949 годах и с 1955 года – в Московском государственном музыкально-педагогическом институте им. Гнесиных. Был научным сотрудником Государственной академии художественных наук (1931–1932), зав. сектором музыки Института истории искусств АН СССР (1948–1949). Редактор, автор вступительной статьи и комментариев к академическому изданию сочинений А. С. Даргомыжского. Под редакцией М. Пекелиса изданы “Избранные письма Даргомыжского и М. П. Мусоргского”, он редактор учебного пособия “Советская

- музыкальная литература” (М., 1963; 3-е изд. 1972); при его участии изданы сборники “Муз. наследство”, т. 1–4 (1962–1976).
- ²⁸ Гринберг Матиас Маркович (Матусид Мордухович) (1896–1977) – музыковед, в 1940–1960-е годы выступал под псевдонимом М. Сокольский. Окончил Киевскую консерваторию в 1921 году по классу фортепиано у М. П. Домбровского, по композиции – у Р. М. Глиэра. С 1923 года жил в Москве. Как музыкальный критик прославился статьями в поддержку оперы “Леди Макбет Мценского уезда” в 1934 году (в газете “Известия”) и в 1956 году. В конце 1940-х годов принял участие в дискуссии по поводу состояния советской оперы, поддержал оперу С. Прокофьева “Семён Котко” в противовес песенным операм “Тихий Дон” И. Дзержинского и “В бурю” Т. Хренникова. Был знаком с Д. Д. Шостаковичем ещё с 1920-х годов, чему не в малой степени способствовала его близость со своим учителем Б. Яворским, с которым Шостакович находился в дружеских отношениях. Это не мешало Маттиасу Гринбергу дружить с Давидом Заславским, автором знаменитой статьи “Сумбур вместо музыки”, в которой был устроен разнос опере “Леди Макбет Мценского уезда”. Матиаса Гринберга упоминает А. И. Солженицын в своей книге “Двести лет вместе”, почему-то придав значение его недолгой работе главным редактором скромного журнала “Музыка и революция”, печатного органа вполне безобидной творческой организации с боевым названием “Объединение революционных композиторов и музыкальных деятелей” (ОРКиМД), возглавляемой хоровым дирижёром и композитором-песенником Д. Васильевым-Буглаем, автором популярной песни “Проводы” на слова Д. Бедного. М. Гринберг ушёл из журнала ещё до того, как в 1929 году и само Объединение распалось, и журнал был фактически поглощён воинственным орденом – Российской ассоциацией пролетарских музыкантов. Намного важнее и показательнее была работа М. Гринберга на радио в качестве члена худсовета Всесоюзного радиокомитета, в Главискусстве Наркомпроса и в органах цензуры в 1930-х годах. Думаю, что на обсуждение М. Гринберга пригласил Д. Шостакович. Позднее, в 1956 году “М. Сокольский” откликнется весьма странной, двусмысленной статьёй по поводу “Поэмы памяти Сергея Есенина” Г. В. Свиридова.
- ²⁹ Марина Дмитриевна Сабина (1917–2000) в 1948 году окончила историко-теоретическое отделение теоретико-композиторского факультета Московской консерватории, в 1951 году – аспирантуру там же (руководитель Р. И. Грубер). В 1953–1957 – сотрудник редакции журнала “Советская музыка”. Впоследствии она защитила диссертацию по теме “Симфоническое творчество Шостаковича”. Доктор искусствоведения (1973).
- ³⁰ Николай Иванович Пейко (1916–1995) – композитор, дирижёр, педагог. Окончил Московскую консерваторию по классу композиции у Н. Я. Мясковского. Лауреат двух Сталинских премий (1947, 1951). В 1940–1970-е годы между Свиридовым и Пейко существовали очень тесные дружеские отношения.
- ³¹ Имеется в виду Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года “Об опере “Великая дружба”...”
- ³² Белый Виктор Аркадьевич (*Давид Аронович*) (1904–1983) – советский композитор, педагог. Лауреат Сталинской премии третьей степени (1952). Народный артист РСФСР (1980). Заслуженный артист БССР (1955). Автор знаменитой песни “Орлёнок”. В 1929 году окончил Московскую консерваторию. Учился композиции у Г. Э. Конюса, Н. С. Жиляева, занимался у Н. Я. Мясковского. Член РАПМ (1929–1932). Один год (1931), перед закрытием, редактировал журнал “За пролетарскую музыку”. С 1935-го по 1948 год преподавал в Московской консерватории (профессор с 1941 года). В 1942–1948 годах был членом и ответственным секретарём Оргкомитета СК СССР. С 1949-го по 1952 год вёл класс композиции в Белорусской государственной консерватории им. А. В. Луначарского. В 1954–1958 годах исполнял обязанности секретаря правления СК СССР. Т. Хренников способствовал его возвращению в Москву и сделал его фактически своим главным идейным консультантом. Полагаю, что Белый был при Хренникове своеобразным “государевым оком”. Мне рассказывал Свиридов со слов Н. Я. Мясковского, что когда к нему в класс пришёл Виктор Аркадьевич в черной кожаной куртке и показал ему свои сочинения, то Николай Яковлевич, прекрасно поняв, с кем имеет дело, со свойственной ему ироничной интонацией произнёс: “Дорогой Виктор Аркадьевич, вы же всё умеете, мне просто нечему вас учить”.
- ³³ Аксюк Сергей Васильевич (1901–1992) – композитор и музыкальный критик. Учился в Ростовской-на-Дону консерватории по классу композиции у М. Ф. Гнесина и по классу фортепиано у В. В. Шауба (1918–1922). С 1938 года жил в Москве. Был консультантом правления СК СССР (1951–1956) и секретарём правления СК СССР (1957–1962), главным редактором издательства “Советский компози-

- тор” (1956–1960). У Свиридова с Аксюком впоследствии сложились хорошие отношения, Георгий Васильевич ценил замечания и оценки, который Аксюк давал тем или иным композиторам.
- ³⁴ Апетян Заруи Апетовна (1910–1995) – музыковед. Кандидат искусствоведения (1947), доктор искусствоведения (1986). В 1939 году окончила Московскую консерваторию у М. С. Пекелиса, в 1946-м – аспирантуру при ней у В. А. Цуккермана. В 1942–1943 годах преподавала в Музыкальном училище им. Гнесиных. В 1946–1957 годах – инспектор, затем начальник отдела концертных организаций Главного управления музыкальных учреждений Комитета по делам искусств, в 1950–1960 годах одновременно старший научный сотрудник Музея музыкальной культуры им. М. И. Глинки, в 1957–1960 годах – зав. педагогической редакцией “Музгиза”, в 1962–1974 – зав. отделом наследия и библиографии редакции журнала “Советская музыка”. Автор многих статей о советской и классической музыке. Редактор и составитель ряда изданий, в том числе сборников “Воспоминания о Рахманинове” (т. 1–2, 1957; 4-е изд. 1974), “С. Рахманинов. Литературное наследие” (т. 1–3, 1978–80), “Н. К. Метнер. Письма” (1973), “Н. К. Метнер. Воспоминания. Статьи. Материалы” (1981). Многие годы она была секретарём секции музыки Комитета по Ленинским и Государственным премиям. Будучи супругой композитора Гавриила Николаевича Попова, ученика В. В. Щербачёва, объявленного формалистом ещё в начале 1930-х годов, она хорошо знала ленинградских композиторов, Свиридова в том числе. Георгий Васильевич относился к ней с большой симпатией и поддерживал с ней хорошие отношения, как и с её мужем.
- ³⁵ Хренников вспомнил историю со Второй симфонией Свиридова, которую он показывал в 1948 году.
- ³⁶ Явная ошибка стенографа, имеется в виду “исполнители”.
- ³⁷ ЦГАЛИ СПб, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 294. Общее собрание членов ЛОССК 15 июня 1953 г. На 51 л. Л. 16.
- ³⁸ Свиридов Г. Романсы на слова А. Исаакяна. М., “Музгиз”, 1953. (Нотное приложение к журналу “Сов. музыка”, №7, 1953). Сюда вошли №2. В дальний путь: “Дни милые весны пришли опять...”; №4. Был бы у меня баштан: “Гой! Был бы на Аразе у меня баштан...”; №5. В долине Сално: “Там, в долине Сално боевой...”; №7. Моей матери: “От любимой страны удалился я...”; №8. Дым Отечества: “Под родимый кров я вернулся вновь...”
- ³⁹ Протоколы заседаний правления ЛОССК. 11 мая – 11 декабря 1953 г. На 72 л. Протокол №9 от 18 сентября 1953 г. Л. 46.
- ⁴⁰ Там же. Протокол №10 от 25 сентября 1953 г.
- ⁴¹ ЦГАЛИ СПб, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 311. Протоколы заседаний камерно-симфонической секции ЛОССК. 4 янв. – 18 ноября 1953 г. На 35 л. Протокол №16 от 14.11.53. Л. 34.
- ⁴² См. протокол 11 от 17 ноября 1953 г. (ЦГАЛИ, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 281. Протоколы заседаний Президиума ЛОССК. 15 мая – 18 дек. 1953 г. Л. 70).
- ⁴³ Смотр творчества ленинградских композиторов 20 ноября – 2 декабря 1953 г. Календарный план. Л., типолитография КПП ЛО Музфонда СССР, 1953.
- ⁴⁴ Юрий Анатольевич Балкашин (1923–1960) – советский композитор. Окончил Ленинградскую консерваторию в 1948 году по классу композиции Б. А. Арапова. Входил в круг композиторов, близкий Д. Д. Шостаковичу и Г. В. Свиридову, был гражданским супругом ученицы Шостаковича Г. И. Уствольской. Подавал большие надежды, но очень рано умер во время приступа эпилепсии.
- ⁴⁵ Левон Александрович Ходжа-Эйнатов (1904–1954) – композитор, учился в том же Центральном музыкальном техникуме, в который окончил позднее Г. В. Свиридов, в классе П. Б. Рязанова. К П. Б. Рязанову Свиридов записался при поступлении в консерваторию, ему же посвятил один из своих пушкинских романсов в 1936 году. Думаю, что через П. Б. Рязанова установились хорошие, дружеские отношения между Свиридовым и Ходжей-Эйнатовым. Я вспоминаю, что Левон Александрович часто заглядывал в квартиру на Литейном проспекте, 3, где жила мать Георгия Васильевича, моя бабушка Елизавета Ивановна, у которой часто проходили встречи и застолья Свиридова с его друзьями.
- ⁴⁶ Борис Лазаревич Ключнер (1909–1971) – композитор, учился у М. Ф. Гнесина, поступал в один год в консерваторию со Свиридовым и окончил её в 1941 году. Несмотря на то, что он учился у Гнесина, одного из столпов академизма, все же тяготел к кругу композиторов круга “современничества”, учеников В. Щербачёва (Владимир Владимирович Щербачёв был в 1920-е годы активным деятелем Ассоциации современной музыки) и к Д. Д. Шостаковичу. Был в дружеских отношениях с Г. В. Свиридовым.

- ⁴⁷ Орест Александрович Евлахов (1912–1973) – композитор и педагог. В одно и то же время вместе со Свиридовым учился композиции в Центральном музыкальном техникуме у М. А. Юдина, а в консерватории они вместе с Георгием Васильевичем первыми были зачислены в класс Д. Шостаковича. Многие годы преподавал композицию в Ленинградской консерватории, возглавлял кафедру композиции. Среди его учеников были Валерий Гаврилин, Андрей Петров, Исаак Шварц, Борис Тищенко, Сергей Слонимский, Николай Лебедев и др.
- ⁴⁸ Музыка как судьба... С. 88. Исаак Давидович Гликман (1911–2003) – театровед, либреттист (ему принадлежит редакция текста либретто второй редакции оперы Д. Шостаковича “Катерина Измайлова”) был в очень близких, доверительных отношениях с Д. Д. Шостаковичем, в то время дружил с Г. В. Свиридовым. Эльза – супруга Георгия Васильевича, Эльза Густавовна Свиридова, урожд. Клазер (1920–1998).
- ⁴⁹ Здесь и далее: ЦГАЛИ СПб, ф. 348, ед. хр. 295. Обсуждение произведений, прослушанных на смотре творчества ленинградских композиторов 26 ноября 1953 г. Ч. 1. На 78 л. Л. 3.
- ⁵⁰ Здесь и далее: “Павлик Морозов стал уже героем. Несмотря на юный возраст, может быть, через 200–300 лет его имя будет произноситься наряду с целым рядом народных героев, таких как Илья Муромец и т. д. Это мальчик и молодой человек, и правильно сделал автор, охарактеризовав его пионерскими напевами, но заключить это произведение надо было как монумент, как памятник юному герою...”
- ⁵¹ Здесь и далее: ЦГАЛИ СПб, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 296. На 74 л. Стенографический отчёт по обсуждению итогов смотра творчества ленинградских композиторов 30 ноября 1953 г. Ч. II. Л. 10–12.
- ⁵² М. А. Ганина вынуждена была написать заявление. 2 апреля 1954 года состоялось заседание Правления ЛОССК с повесткой “О работе секции критики”, на котором было зачитано заявление, состоялось обсуждение её работы и было вынесено решение: “Дальнейшая работа в качестве руководителя секции критики для т. Ганиной не представляется возможной” (ЦГАЛИ СПб, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 322. Протокол № 8 заседания Правления ЛОССК от 2. IV. 54 г.). Секцию критики возглавил музыковед А. Должанский.
- ⁵³ В партийных письменных документах оно появилось не ранее 10 марта 1953 года. См. “Заметки Поспелова о заседании Президиума ЦК КПСС”, впервые опубликованные в 1993 году. (См.: Максименков Л. В. Культ. Заметки о словах-символах в советской политической культуре // Свободная мысль. 1993. 10. С. 40–41). Первый раз это словосочетание появляется в печати в конце июля 1953 года, когда отмечали пятидесятилетие КПСС (см.: Петров С. Славное пятидесятилетие // Советское искусство, 30 июля 1953, № 12. С. 2–3).
- ⁵⁴ Владлен Павлович Чистяков (1929–2011) – композитор, окончил Ленинградскую консерваторию по классу композиции у В. В. Волошинова. В начале 1950-х годов подавал большие надежды. Его кантата для баритона, хора и оркестра “Песнь труда и борьбы” (1952) была выдвинута на соискание Сталинской премии в 1954 году. На смотре ленинградских композиторов, судя по календарному плану, его сочинения не были представлены. Г. В. Свиридов ценил дарование Чистякова, ему нравился вокальный цикл “Песни мужества” на слова Назыма Хикмета (1958). Позднее Чистяков как-то не сумел себя проявить и создать что-то значительное. Писал в основном прикладную музыку для кино и театра.
- ⁵⁵ Имеется в виду большое циклическое сочинение Г. В. Свиридова для голоса с оркестром “Песни странника” на слова китайских поэтов. Оно было написано зимой 1941–1942 годов в Новосибирске. Сохранилось в виде клавира и небольшого наброска в партитуре. К столетию со дня рождения Г. В. Свиридова композитором Геннадием Беловым была осуществлена оркестровка этого сочинения и его премьера состоялась 14 октября 2015 года в Новосибирской филармонии, дирижировал Томас Зандерлинг. См. рецензию в журнале “Музыкальная жизнь”.
- ⁵⁶ Приехав в Ленинград в 1932 году и поступив в Центральный музыкальный техникум, юный Свиридов вынужден был подрабатывать на жизнь тапёрством. Как он рассказывал мне, он начал с игры в пивной напротив центрального входа на Кировский завод (это небольшое двухэтажное здание до сих пор сохранилось). Опять-таки со слов Георгия Васильевича, в этой пивной до него в 1920-е годы якобы играл Д. Д. Шостакович. После пивной Свиридову пришлось ещё играть в составе фортепианного трио в известном ещё по дореволюционным временам ресторане Чванова на Большом проспекте Петроградской стороны (в советское время он назывался “Балтийский”).
- ⁵⁷ В 1936 году Иван Иванович Держинский, познакомившись с пушкинскими романсами Юрия Свиридова, рекомендовал его дирижёру и композитору

- А. И. Анисимову, руководителю Ансамбля красноармейской песни и пляски Ленинградского военного округа. Для этого ансамбля Свиридов написал два сочинения, в том числе и “Казачьи песни”. Описание их см. в нотографическом справочнике: Георгий Свиридов. Полный список произведений / Сост. А. Белоненко. М. – СПб. “Национальный Свиридовский фонд”, 2001. С. 33. Ноты были изданы: Свиридов Юрий. Казачьи песни. Для двухголосного мужского хора в сопровождении фортепиано. Л., “Музгиз”, 1938.
- ⁵⁸ Опера композитора В. Флейшмана (1913–1941). Вместе с Юрием Свиридовым поступил в 1937 году в класс Д. Д. Шостаковича. Погиб 14 сентября 1941 года в боях под Красным селом.
- ⁵⁹ Дзержинский намекает на ряд инструментальных сочинений второй половины 1940-х годов, в которых Свиридов отдал дань неоклассицизму.
- ⁶⁰ И. А. Нечаев участвовал в спектакле Малегота по опере “Нос” Шостаковича в начале 1930-х годов.
- ⁶¹ Стенографический отчёт по обсуждению итогов смотра творчества ленинградских композиторов 30 ноября 1953 г. Ч. II. Ф. 348, оп. 1, ед. хр. 296. На 74 л. Л. 42–44.
- ⁶² Филенко Галина. Концерты камерной музыки // Вечерний Ленинград. 1953. 1 декабря, №283 (2445). С. 3.
- ⁶³ РГАЛИ, ф. 2077, оп. 1, ед. хр. 858. Протоколы заседаний секретариата Союза Советских композиторов СССР с №1 по №64. Протокол №60 заседания 1 декабря 1953 г. Присутствовали: тт. Т. Хренников, В. Захаров, Г. Хубов, М. Коваль, А. Штогаренко, А. Новиков, Г. Восканян, Я. Солодухо, В. Белый, З. Апетян, Богданова, М. Раухвергер, Е. Добрынина, Н. Шумская, С. Туликов, А. Копосов, Н. Нариманидзе, Л. Афанасьев, Г. Шантырь, К. Петрова, Н. Губарьков, Л. Лядова, Ф. Маслов. Из списка видно, что ни Шостаковича, ни Шапорина, ни кого-либо из шостаковического круга на этом заседании не было. Явно заседание проводилось в спешке и келейно.
- ⁶⁴ Здесь и далее: ЦГАЛИ СПб, ф. 348, оп. 1, ед. хр. 298. Стенографический отчёт. Ленинградский союз композиторов. Обсуждение итогов смотра творчества ленинградских композиторов. 2 декабря 1953 г. Л. 21–22.
- ⁶⁵ В “Песнях странника” Свиридов использовал тексты китайских поэтов VII–IX веков Ван Вей, Пей Ди, Чэнь Цюаньци, Бо Цзюй-И и Хэ Чжи-чжана в переводе на русский Ю. Щуцкого.
- ⁶⁶ Вероятно, “прописана”.
- ⁶⁷ Кремлёв напомнил о “покаянной речи” Свиридова в 1949 году (см. первый очерк).
- ⁶⁸ Имеется в виду оратория Д. Д. Шостаковича “Песнь о лесах” на слова Е. Долматовского, соч. 81 (1949).
- ⁶⁹ Неточная цитата из статьи Б. Асафьева “Волнующие вопросы” (см. журнал “Советская музыка”, 1936, №5. С. 24–25). Правильно – “Бранный клич” и “Сестре”.
- ⁷⁰ Имеется в виду вторая часть поэмы “В дальний путь”.
- ⁷¹ Вписано рукой.
- ⁷² Цитируемый экземпляр стенограммы правился. Данное слово вписано рукой.
- ⁷³ Рукописная вставка.
- ⁷⁴ Вписано рукой.
- ⁷⁵ Творчество ленинградских композиторов. “Ленинград. Закончилась декада смотра творчества ленинградских композиторов. В камерных концертах были исполнены вокальные поэмы Ю. Свиридова, цикл романсов М. Глуха, квартет В. Баснера... В работе пленума и обсуждении итогов смотра приняли участие Д. Шостакович, Ю. Шапорин, А. Штогаренко, латышский композитор А. Скулте, эстонский композитор Э. Капп, грузинский композитор А. Шаверзашвили” (“Советское искусство”, 8 декабря 1953, №68. С. 2).
- ⁷⁶ Белоненко А. Начало пути (К истории свиридовского стиля) // Музыкальный мир Георгия Свиридова / сост. А. Белоненко. М., “Сов. композитор”, 1990. С. 156.
- ⁷⁷ Музыка как судьба... С. 423–424.

СТАНИСЛАВ ЗОТОВ

ЛЮБОВЬ К НЕБУ

Мушкетова Т. И. “Лётчик Николай Зуев”. — Москва, “Авиамир”, 2013 год.

“Каждый человек в мире неповторим. Но не каждого назовёшь единственным. И не каждый рождается с крылатой душой...” — так написала автор Таисия Мушкетова в предисловии к своей повести о Лётчике. Действительно, так можно — с большой буквы! — назвать её героя — лётчика-испытателя Николая Сергеевича Зуева. Этот лётчик был из породы людей, выкованных из стали, ибо ему привелось в ходе своей лётной работы испытать такое, что невозможно выдержать обыкновенному человеку. И мы, думая о подобных ему людях, рыцарях неба, бесстрашных покорителях пространства и скорости, предполагаем, что это — какие-то особенные люди, с особенной биографией, готовившей их к особым подвигам. Но это не так. Жизнь Николая Зуева прослежена Таисией Мушкетовой, можно сказать, с рождения будущего лётчика, а если быть более точным — с отдалённых его предков. Надо было постараться и заглянуть в московские архивы, чтобы узнать, что предками нашего героя были простые крестьяне села Мачихино Подольского уезда Московской губернии и что это был многочисленный и разветвлённый род. Автор увлёкся своими архивными поисками и установил, что крестьяне эти были крепостными, принадлежали помещице Ростопчиной, жене знаменитого московского губернатора Ростопчина времён наполеоновского нашествия 1812 года, и вслед за своим хозяином они не покорились французам, а покинули своё село, оставив врагу выжженную землю. Судьба русского человека! Его исконный патриотизм, которому так удивлялись иноземцы.

Служили предки Николая Зуева в русской армии, отличались в войнах века XIX, но революция разрушила привычный крестьянский мир, и многие из этого многочисленного рода перебрались в город, благо и огромная Москва под боком. Отец будущего лётчика работал мастером на знаменитой шоколадной фабрике “Красный Октябрь”, но жизнь его сложилась несладко. С началом войны был призван в действующую армию, и спустя много лет его сын, уже опытный лётчик, служивший в строевых частях на земле Белоруссии, нашёл братскую могилу советских солдат у города Витебска, где в начале 1944 года сложил голову и его отец — рядовой Сергей Георгиевич Зуев... Память об отце для Николая всегда будет священна, отец его был весёлый и добрый человек, никогда не наказывал своего сынишку, любил свою жену Полину Семёновну, и детство Николая Сергеевича, прошедшее в центре Москвы на Зубовском бульваре, было счастливым... Да, счастливым, хотя и пришлось оно на годы Великой войны. Всё-таки будущему лётчику в чём-то

повезло — у него была многочисленная и крепкая родня: бабушки и дедушки как с отцовской, так и с материнской стороны. И вот интересная подробность: и мать его была уроженкой того же села Мачихино, той же Вороновской крестьянской волости. Крепкая крестьянская и рабочая закваска сидела в будущем лётчике, и отменное здоровье подарили ему его родители.

Дом №4 на Зубовском бульваре уже не сохранился, но пространство это примечательное: рядом — Крымский мост, а за мостом — Парк культуры и отдыха имени Горького, место в те годы притягательное, здесь всегда было весело, здесь кипела жизнь, действовали спортивные секции, устраивались праздники, зимой шумел и блистал огнями каток... А в годы войны здесь выставлялась разбитая немецкая техника, в том числе и подбитые самолёты, с одним из которых мальчику Николаю пришлось столкнуться на деле. Поехала Полина Семёновна в голодном марте 1942 года в свою деревню — вещи на продукты обменять, родичей проведать. Ехали по Киевской дороге, и у станции Нара вынырнул из-за туч и накинудся на их поезд фашистский стервятник — пикирующий бомбардировщик «юнкерс-87». Он летел низко над землёй и расстреливал разбегающихся людей из остановившегося поезда своими крупнокалиберными пулемётами. Бросал и бомбы, и можно себе представить, что почувствовал 8-летний мальчик, обладавший отличным зрением, когда заглянул в лицо фашистского пилота... Да, именно заглянул! Как утверждал потом Николай Зуев, он на мгновение увидел лицо немца за стеклом кабины пикирующего на него самолёта и навсегда запомнил этот холодный и презрительный взгляд палача и убийцы, бестрепетно расстреливавшего мирных советских людей. Как писал впоследствии в своих сочинениях ас люфтваффе Леске Готфрид: «Они гражданские? Ну, и что такого? Это война или что?» — вот она «философия врага», как утверждает автор книги о лётчике Зуеве Таисия Мушкетова. Не тогда ли и герой этой книги — мальчик Николай — впервые задумался о том, что и он сможет подняться в небо, но не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы карать за зло?..

Этот март 42-го обернётся впоследствии в его судьбе апрелем 1965 года, когда офицер Никопольского Краснознамённого ордена Суворова авиаполка 24-й воздушной армии группы советских войск в Германии Николай Зуев станет участником настоящей войсковой операции в небе над Берлином. И об этом стоит рассказать особо. Тогда власти ФРГ объявили о решении провести выездное заседание Бундестага в Западном Берлине совместно с парламентом города, подчёркивая тем самым своё право на Западный Берлин. Речь могла идти о фактической аннексии этого города Федеративной республикой, что нарушало тогда весь баланс сил в Европе, сложившейся по итогам Второй мировой войны, всю «Потсдамскую систему». Западный Берлин был особым территориальным и политическим образованием, он не мог войти в состав ФРГ, и фактически намечалась полномасштабная политическая провокация, которую надо было пресечь. Каким способом? Ведь Западный Берлин имел прямую свободную связь с ФРГ, запретить прибыть туда депутатам Бундестага советская администрация не могла, провести заседание в здании Конгрессхалле эти депутаты во главе с канцлером ФРГ Людвигом Эрхардом могли совершенно свободно. Ну, не брать же штурмом Западный Берлин!.. А вот маршал авиации Иван Иванович Пстыго утверждал: «Не будет преувеличением сказать, что в 1965 году нам пришлось второй раз брать Берлин» (*Пстыго И. И. Думы о войне и мире. М., Шаг, 1995. С. 198*). Кто же «брал Берлин» в апреле 1965 года? Его «брали» наши лётчики. 7 и 8 апреля в небе над Берлином волна за волной шли эскадрильи наших реактивных самолётов. На самой низкой высоте с интервалом в 5 минут над зданием Конгрессхалле проносились реактивные истребители. Общее их число доходило до 400 машин! Кто испытывал это, когда над вами на высоте 100 метров мчится боевой реактивный истребитель, тот поймёт, что это такое. А если этот истребитель ещё и переходит при этом звуковой барьер, как делал это среди прочих и лётчик Николай Зуев, участвовавший в этом «штурме» на своём МиГ-21-м!.. Как рассказывали очевидцы, в зале заседаний Конгрессхалле невозможно было слышать даже собеседника, не то что оратора. Грохот стоял ужасающий! Депутаты Бундестага начали разбегаться кто куда, спешно покидая Западный Берлин. А западная пресса писала тогда, что русские самолёты летели так низко, что «можно было видеть даже лица пилотов» (*«The Times», апрель, 8, 1965*).

Так свершилось историческое возмездие за преступления немецких пилотов против мирных россиян в годы войны.

Николай Сергеевич Зуев был уже к тому времени опытным 30-летним лётчиком. Недавно ещё, кажется, была московская школа на Пречистенке, 3-й московский аэроклуб и Оренбургское лётное училище, где Николаю Зуеву привелось учиться на одном курсе с Юрием Гагариным, с которым они были одноклассниками. Потом Николай Зуев перевёлся в Сызранское лётное училище, которое и закончил в 1957 году. Потом была служба в Белорусском военном округе, а с 1959 года — и в Германии. Но интересно, что из лётчиков этого — 1934 года рождения — поколения и набирались первые кандидаты в первый отряд космонавтов. Так отобраны были и Юрий Гагарин, и Герман Титов — всё молодые лейтенанты, новоиспечённые лётчики, отличающиеся абсолютным здоровьем. Подавал заявку в отряд космонавтов и Николай Зуев, но отобран туда не был. Сейчас уже трудно установить, почему этого не случилось, но, скорее всего, это произошло именно потому, что ему пришлось служить за границей СССР, в группе советских войск в Германии, и оттуда уже труднее было быть направленным в отряд космонавтов по каким-то, видимо, конфиденциальным соображениям. А Николай Зуев, как вспоминает Таисия Мушкетова, всю жизнь сожалел об упущенной возможности побывать в космосе, стать космонавтом, он был вполне достоин этого звания, он любил небо, и небо ни разу не предало его. Вместо космоса он нашёл другую дорогу в небо — стал лётчиком-испытателем. Крутой поворот в его судьбе наступил в 1966 году, когда по рекомендации маршала Пстыго он был принят в состав отряда лётчиков военной приёмки, работающих на авиастроительном заводе в подмосковном городе Луховицы. Закончилась его служба в строевых частях Советских вооружённых сил, но военным он быть не перестал, ведь теперь его работа заключалась в приёмке продукции военного завода, выпускающего самые современные истребители. Что значит принимать истребитель? Это значит научить его летать, проверить в полёте все его возможности, испытать на самых трудных режимах, довести, как говорят лётчики, до ума. Работа труднейшая и опаснейшая. Никто не летает больше, чем летают лётчики-испытатели на серийных заводах. Ведь это конвейер, с конвейера сходят регулярно всё новые и новые машины, а их надо испытывать, писать на каждую машину индивидуальный паспорт, ведь самолёты, даже одной серии, только с виду кажутся одинаковыми. У каждого из них есть свой характер, свои индивидуальные особенности. В строевых частях из машины, конечно, не будут выжимать все силы, но при испытаниях каждый самолёт гоняют на предельных режимах, чтобы уж точно знать, на что способен данный экземпляр. В книге Таисии Мушкетовой очень подробно описаны все те требования по испытаниям, что предъявляются к «изделию» — так на скупом служебном языке военных приёмщиков обозначается самолёт. Разумеется, почерпнуть эти сведения автор, человек невоенный, мог только из личных рассказов Николая Сергеевича Зуева, тем и ценна познавательная часть книги.

Никто не летает больше, чем лётчики-испытатели серийных заводов... Это просто сказать, но трудно осмыслить. Лётчик Николай Зуев налетал в своей жизни 4422 часа лётного времени. Это значит, что он провёл в воздухе почти 185 суток. Совершил 1490 только испытательных полётов. Это не считая тех полётов, что он совершал, когда служил в строевых частях. И при этом не разбился и не погиб. Что это значит — работать до пенсии лётчиком-испытателем и остаться живым... Зайдите на Быковское кладбище, что ныне в черте города Жуковского в Московской области — известного центра авиационной науки России. Пройдите по бесконечной аллее могил лётчиков-испытателей Лётно-исследовательского института, что находится в этом городе. Тогда вам, дорогой читатель, станет ясно, что такое эта «работа» — «учить самолёты летать»... Заниматься такой работой можно, только имея в сердце бесконечную любовь к небу, прежде всего, ибо это — его стихия; к жизни, ибо лётчик-испытатель не самоубийца, он не идёт на смерть, он летает ради жизни. Надо иметь любовь и привязанность на земле, не быть одиноким в жизни, это тоже очень важно. Николай Зуев имел семью, растил дочь Ларису, родился у него и внук Сергей, названный так в честь деда, погибшего на войне. Но главной в его жизни была любовь к небу, которому он отдал всего себя. И небо спасло его тогда, когда, казалось, никакого спасения уже не было.

Это произошло 28 июля 1977 года. Высота – 13500 метров. Скорость – 2500 км/ч. Это двойная скорость звука! Истребитель МиГ-23 начинает разваливаться в воздухе. Не выдержала какая-то деталь в воздухозаборнике, и всё поползло, затрещало по швам. При таких скоростях достаточно малейшей трещины в фюзеляже и поток воздуха, который становится жёстким, как железо, буквально рвёт самолёт на части. Вот лётчик увидел, как летят клочья обшивки, потом отваливаются крылья... Секунда – и лётчик окажется заключённым в своей кабине, в потерявшей управление машине, как в летающем гробу. Пока не сплющило фонарь кабины, надо катапультироваться. Но катапультироваться на такой скорости и на такой высоте, где уже нет кислорода для дыхания – это чистая смерть. Да сверхзвуковой поток воздуха просто разорвёт пилота на части! Никаких шансов на спасение... Николай Зуев очнулся на земле. Он сразу потерял сознание, как только катапульта выбросила его из кабины гибнущего самолёта. Как раскрылся парашют, как он спускался из стратосферы – ничего этого он не помнил. Он очнулся на траве в подмосковном поле, и на него сверху смотрело огромное небо, которое спасло его.

В 1982 году лётчик-испытатель 1-го класса полковник Н. С. Зуев за многолетнюю творческую работу в области лётных испытаний, существенно способствующую развитию отечественной авиации, был представлен к присвоению почётного звания “Заслуженный лётчик-испытатель СССР”, которое вручается только действующим пилотам. И вручение этой высокой государственной награды Н. С. Зуеву не состоялось, так как несколькими месяцами ранее он был списан с лётной работы по состоянию здоровья... Сказались последствия травм, полученных им при уникальном катапультировании из стратосферы. Но тогда ему была дана наивысшая награда – жизнь!

Николай Сергеевич любил ездить на свою дачу в Луховицы, тихий подмосковный городок, который гордо именуется третьей столицей России! “Есть в России три столицы – Москва, Питер, Луховицы” – гордо написано на плакате-растяжке, протянутой поперёк рязанского шоссе в черте этого славного городка. Недавно там появился ещё один плакат: “Луховицы – родина российского флага!” – ведь село Дединово на Оке, где строился ещё во времена царя Алексея Михайловича первый русский морской корабль “Орёл”, находится ныне на землях Луховицкого района. А именно на этом корабле впервые был поднят известный всем нам сейчас российский триколор. Что ж, очень хорошо, что жители Луховиц так любят свою землю, так гордятся ею... Вот и жизнь Николая Сергеевича в последние его годы была скрашена большим дружеским чувством к тому человеку, который явился автором книги о нём, который рассказал нам о замечательном русском лётчике, скромном рыцаре воздуха, отважном сыне России, всю жизнь свою посвятившем полёту в небо и любви к жизни.

НАМ НУЖНА РОДИНА, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ

В руки мне попала книга Вячеслава Щепоткина “Крик совы перед концом сезона”. Название устрашающее. Показалось, что в нём одном скрыт какой-то зловещий смысл.

Интуиция не подвела. А книга задела так, что вот уже долгое время не идёт из головы. Она всколыхнула во мне мысли, которые вот уже много лет саднят, как неизлечимая рана.

* * *

В жизни каждого человека бывают периоды, о которых не хочется вспоминать.

Это не значит, что они забыты совершенно, нет. Просто сама память о них доставляет боль.

90-е годы практически для всей страны, за исключением небольшой группы людей, стали тем временем, о котором сейчас не хочется даже думать. Пережили, и слава Богу.

Но весь фокус в том, что всё это разрушительное десятилетие мы действительно жили, работали, строили семьи, а самые отчаянные рожали детей. И память об этом стереть невозможно.

Практически все люди в те годы были поставлены на грань выживания в прямом смысле этого слова. И выжили далеко не все. Тоже в прямом смысле этого слова.

Даже сейчас всё, происходившее в 90-е годы, кажется каким-то кошмаром, фильмом ужасов, каким-то беспредельно жестоким экспериментом над людьми. Что уж говорить о простых советских людях, которых некоторые пренебрежительно называют “совками”, в одночасье попавших в этот ад? Но всё это было вправду. И это происходило с нами.

Когда люди оставались без работы и уже нигде не могли её найти, учителя, врачи шли торговать, зарплату не выдавали годами и никого не интересовало, как выживут люди и выживут ли они вообще. Когда люди просто исчезали и их никто даже не искал. Когда вчерашние друзья без колебаний предавали ради собственной наживы. Когда вся страна от верха и до низа превратилась в один огромный базар, на котором продавалось всё: от заводов и пароходов до человеческой жизни.

Всё это происходило не где-то далеко, в мегаполисах, а с нашими семьями, соседями и друзьями.

Поэтому забыть этот леденящий ужас невозможно. Даже если очень захочешь.

* * *

Я помню, как всё начиналось.

1991 год. 19 августа.

Мы (мама и я с сестрой) прилетели в Москву из Йемена. Папа остался ещё работать, потому что не закончился контракт. В то время Советский Со-

юз помогал странам-союзникам не только деньгами, но и специалистами, которые приезжали и прямо на месте, в течение длительного времени, обучали братские народы разным специальностям.

В Шереметьево — тогда это был единственный международный аэропорт в Москве — нас встретил мамин брат “дядя Лёша” — мы и сейчас так называем его.

Всё было поначалу, как обычно: долгое ожидание багажа, общая нервозность.

Потом со всеми коробками и чемоданами мы погрузились в небольшой автобус, куда с трудом после долгого проживания за границей поместились все вещи, и поехали в Одинцово, к бабушке.

Мы (я имею в виду себя и сестру), чрезвычайно соскучившиеся по родным просторам, по берёзам и по родным лицам, прилипли к окнам автобуса, на что дядя Лёша сказал строго: не высовываться, а лучше всего — лечь на пол.

Пока мы соображали, к чему это было сказано, успели увидеть... танки. Самые настоящие танки, которые стояли по обочинам дорог, а на них восседали военные, соответственно, в военной форме.

Сказать честно, никакого испуга не было. В Йемене через день под окнами нашего дома, который выходил на дорогу (а напротив, кстати, располагалось американское посольство), арабы устраивали утренние занятия, со строевыми речёвками и песнями маршировали туда-сюда. Да и вообще, военных, в том числе и военной техники, там было много.

И, в конце концов, мы так давно не были в Союзе (мы так называли свою страну), что уже ничему не удивлялись. Может быть, так и надо было?

Но общая обстановка в машине была назлектризованной до предела. И в общем, толком мы не понимали, что происходит.

Не понимали и потом, когда только спустя две недели мы решились на вылазку в Москву и поехали “на баррикады”. Какие-то остатки мусора, железки, арматура около здания Правительства.

Что такое баррикады? Зачем и кому они понадобились? А мама всё повторяла: “Смотрите, смотрите, это история!”

Теперь могу сказать с уверенностью, что события, произошедшие в этот день, и речь вовсе не о нашем возвращении на родину, сказались на всей моей будущей жизни. И не только моей, а всей страны. И если уж совсем начистоту, я очень долго так и находилась в каком-то ступоре, не понимая, что же, в конце концов, происходит и куда мгновенно и безвозвратно ушла беззаботная, спокойная жизнь и уверенность в завтрашнем дне.

Танков на улицах Москвы уже нет.

А растерянность и бесконечная тревога остались навсегда.

* * *

И со временем эта тревога только усиливалась.

“Зацепиться” было не за что и не за кого, потому что в панике и непонимании находились все. Каждый сам по себе, как крысы с тонущего корабля, побежали очень быстро. Хватали под руки, что попадётся, расталкивая кулаками рядом бегущих...

Как же так получилось, что советский народ, который десятилетиями жил в великой и могучей стране, вмиг озверел и превратился в животное стадо, и наверх выкарабкались самые наглые, беспринципные и бездушные? Неужели всё, о чём говорили, писали, думали: о любви к родине, к своему народу, к Ленину и Сталину, в конце концов, — было тотальной ложью? Куда исчезли широта души, человеколюбие, одухотворённость, которыми пронизаны советские фильмы, стихи и песни? Неужели тоже всё неправда?

Этими же вопросами задаются герои книги журналиста Вячеслава Щепоткина “Крик совы перед концом сезона”. Книги, где шаг за шагом показана картина краха великой империи.

Читать её не просто тяжело, а почти невозможно. То и дело приходится откладывать, потому что описанный в ней ужас — это правда. Но правду эту сознание принимать отказывается, настолько невыносимой она кажется. Вячеслав Щепоткин — журналист, который оказался в самом эпицентре событий

конца 80-х и начала 90-х годов. И он, не жалея читателя, с публицистической точностью показывает картину развала Советского Союза.

Как в общем-то преодолимый политический и экономический кризис в стране был умело использован заинтересованными людьми и доведён до масштаба трагедии.

Как бездарные люди, почему-то решившие, что могут взять на себя ответственность за страну, дорвавшись до власти, предали её и народ.

Как многие из тех, что должен был по долгу службы остановить весь этот беспредел, не сделали этого...

Герои романа наивно надеялись до последнего: вот-вот кто-то должен разобраться во всём этом и положить конец развалу страны. Ведь никто по-настоящему не верил, что это возможно.

Но никто не пришёл и ничего не остановил. Страна, ещё вчера казавшаяся нерушимой, разлетелась вдребезги.

Герои романа доктор Карабанов и экономист Слепцов выступали на стороне “демократии”, считая, что только таким путём можно выйти из сложной ситуации, да и вообще, жить как на Западе. Через них автор показал, что думали такие люди, “новодемократы”. Они жаждали новой жизни, но абсолютно не представляли, какой она будет. Она нужна была им, прежде всего, для того, чтобы “забылась” их собственная профессиональная и личностная несостоятельность.

В конце романа автор показывает, чем закончилась их судьба в 1999 году. Ничем хорошим.

Позиция автора чётко прослеживается в романе. Посредством журналиста Савельева (прототипом которого, видимо, является сам Вячеслав Щепоткин) и других героев романа, — учителя Волкова, электрика Нестеренко, — через их диалоги с родными он объясняет позицию людей, которые выступали за сохранение Советского Союза. Эти люди чётко понимали, что главари “новодемократов” ни к чему хорошему не приведут, что нет у них убеждённости и правоты. Только оголтелое желание захватить власть даже ценой развала Советского Союза. А дальше-то что?

Может быть, поэтому противники идеи сохранения страны Карабанова и Слепцова автор уготовил жалкую участь.

Но реальная жизнь показывает, что далеко не все, кто активно участвовал в развале страны и беззастенчиво делал состояние на разрухе и горе народа, оказались у разбитого корыта. Наоборот! Некоторые из них как жили припеваючи, так и продолжают жить до сих пор. И до сих пор несмотря ни на что обласканы действующей властью. Они сумели вывернуться на 360 градусов, успев неоднократно поменять свои взгляды и убеждения, и теперь, не стесняясь никого и ничего, продолжают процветать.

Да что говорить! Действующая власть не только не смущается тем, что произошло в те годы! Недавно с большой помпой у нас был открыт “Ельцин-центр”. И кстати, даже на строительстве этого центра, который был построен за миллиарды рублей в трудное для страны время, отдельные лица сумели устроить хищения. И смех, и грех...

Так что наследие тех, кто вовсе не переживает из-за произошедшего, а сумел из трагедии страны и её народа извлечь всевозможные выгоды, очень даже живо.

Только давайте посмотрим, что же мы, обычные граждане, такого особенного приобрели за эти годы? За эти двадцать пять лет “демократии”?

Мы подняли экономику? Или, может быть, мы сделали гигантский скачок в науке? Или совершили в какой-то области прорыв? Или произошло событие, аналогичное полёту Гагарина в космос? Наши товары стали лучше по качеству? И улучшилась жизнь пенсионеров и других социально незащищённых? Или мы создали фильмы, спектакли, театральные постановки, которые стали по-настоящему всенародно любимыми?

Ничего этого не произошло. Ровным счётом ничего. Ни по одному показателю мы даже близко не подошли к уровню Советского Союза. Даже близко!

Тогда для чего всё это было? С какой такой целью?

Обобрали народ, выкинули на улицу, разрушили страну, потеряли миллионы жизней, огромные территории только для того, чтобы единицы жили и радовались. И это называется победа “демократии”?!

А если разобраться, мы ведь тогда не только страну потеряли. Мы потеряли гораздо больше. Мы себя потеряли.

Нередко приходится слышать о том, как многие и, в частности, глава нашего государства, говорят, что мы вовсе не стремимся восстановить Советский Союз, нам не нужна империя.

А почему не нужна?

Нужна!

Я уверена, мы должны быть большой страной, потому что просто не можем по-другому. Это у нас в крови. Именно поэтому возвращение Крыма было почти на сто процентов положительно воспринято россиянами.

Значит, за возвращением Крыма стоит что-то намного более значимое, чем просто прирост территории. Значит, нам нужно собрать осколки великой страны, объединить потерянные когда-то народы, чтобы чувствовать себя опять самими собой. Нельзя забывать, что на последнем советском референдуме почти все высказались за сохранение Советского Союза. Только на их мнение наплевали.

Мне неважно, как будет называться моя страна – Советский Союз, Россия, Российская империя. Для меня важно, чтобы это была сильная страна, которой я могу гордиться. В которой могут спокойно жить мои дети. В которой власть думает о людях, заботится о них. В которой есть чувство дома и желание всех домочадцев сделать его как можно лучше. С одной целью и в едином порыве.

Вы ведь тоже этого хотите, правда?

Маргарита Нифонтова

Р. С. А книгу Вячеслава Щепоткина, я считаю, нужно положить на стол всем, кто сегодня принимает решения за всю страну. Они могут говорить и делать, что угодно. И даже ставить памятники Ельцину. Но я уверена, что никто из них не хочет, чтобы, как и при слове “горбачёв” или “ельцин”, люди плевались и кляли их последними словами. Ведь что ни говори, а проклятье народа – это самое страшное наказание... От которого не спасут ни деньги, ни властные кабинеты, ни охрана. Ничто.

Талантливому прозаику и публицисту-воительнице, грозной для врагов и щедрой для друзей, Лидии Андреевне СЫЧЁВОЙ исполняется пятьдесят! Возраст высшего расцвета человека, мудрости и концентрации духовных сил.

Дорогая Лидия Андреевна, сердечно поздравляем Вас, нашего друга и автора, и желаем новых творческих свершений!

Редакция

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН НЕ ПРИЗЫВАЛ К РАСПАДУ СССР

25-летняя дата обрушения Советского Союза в мартовские дни стала предметом телепередачи под названием “Вечер с Владимиром Соловьёвым”. Мы уже привыкли к тому, что любую тему можно уложить в развлекательный жанр ток-шоу, и если тема задевает, терпим выплески несдержанных эмоций, шум и одновременный крик семи ораторов. Хотя важен и смысл. Особенно если гости передачи – известные политики, деятели культуры, писатели.

Вот и на этот раз разговор проистекал бурно. Ещё бы! Речь шла о событиях, перевернувших жизнь огромной страны, собравшимся выпало в той или иной мере оказаться их участниками, и каждый был искренне убеждён, что помнит лучше других перипетии разломной эпохи.

К сожалению, в спорах рождались новые неточности и заблуждения – вместо прояснения истинной трагедии страны, исчезнувшей с карты мира. В том, что случилась именно трагедия, были едины все, и это уже шаг вперёд, однако пришла пора отказаться от тех расхожих клише, что сложились ещё в 90-е годы не без усилий победившей либеральной части российского общества.

Одно из таких клише – якобы причастность Валентина Распутина к развалу Союза. Вот и 17 марта, как раз в дни годовщины ухода из жизни писателя, имевшего, помимо официальных званий и наград, неофициальное звание “Совесть России”, рядом с именами правителей Горбачёва и Ельцина, не удержавших страну на крутом историческом повороте, прозвучало его имя. На Распутина сослался Борис Славин, помощник президента “Горбачёв-фонда”, желая обосновать неизбежность происшедшего: “Историю делают люди... Были многие сторонники освобождения России от Союза. Среди них был такой гениальный, я считаю, писатель Распутин, который рассуждал о том, что вот мы освободимся от этой периферии, освободимся, так сказать, от всех республик, и мы заживём лучше, потому что основной потенциал есть в России. Это было? Было. Мало того, депутаты поднялись с места и аплодировали, устроили ему овации...”.

Было, но по-другому, и аплодировали другому. В утверждении Б. Славина сближены две мысли, принадлежащие двум разным писателям. Не случайно с большим трудом, но всё-таки можно было расслышать реплику, кажется, А. Ципко: “Это Солженицын...” Однако на ней не остановились даже присутствовавшие на передаче писатели, заторопились дальше. И стало совершенно очевидно: выступление Распутина на Первом съезде народных депутатов СССР 1 июня 1989 года, а именно тогда он высказался о судьбе России на переломе эпох, не было по-настоящему осмыслено. Ведь подобные упреки повторяются вновь и вновь.

Лучше всего было бы сегодня, в год 25-летия распада СССР, повторить публикацию этой речи полностью в каком-нибудь известном издании. Она передаёт не только точку зрения самого Распутина, в ней запечатлена общая атмосфера съезда накануне распада державы – таков, что называется, исторический контекст.

Распутин говорит о необходимости сдерживать “безумство храбрых”, о “необъявленной войне против нравственности”, о незащищённости от кле-

веты даже представителей “самого верхнего эшелона власти”, задаёт прямой вопрос М. Горбачёву об угрозе государственного переворота, остро ставит вопросы экологии.

Особенно пронзительна его речь предчувствием близкой катастрофы – крушения СССР – и желанием её предотвратить. Напомним. “Не мною сказано, – говорил писатель, – но кстати повторить здесь в небольшой редакции знаменитые слова: “Вам, господа, нужны великие потрясения – нам нужна великая страна”. Уместен короткий комментарий. “Небольшая редакция” известного высказывания П. Столыпина заключается, в том числе, в замене слова “Россия” на слово “страна”, что подтверждает: Распутин имел в виду не одну Россию, а весь Союз. Затем он пытается переубедить представителей союзных республик, точно указывая на то, как сеется раздор. Призывает не поддаваться ему, объясняет, силится достучаться. Выделим некоторые фразы.

“О стране. Никогда ещё со времён войны её державная прочность не подвергалась таким испытаниям и потрясениям, как сегодня... Шовинизм и слепая гордыня русских – это выдумки тех, кто играет на ваших национальных чувствах, уважаемые братья... Но играет, надо сказать, очень умело. Русофобия распространилась в Прибалтике, Грузии, проникает она и в другие республики... Антисоветские лозунги соединяются с антирусскими... Здесь, на Съезде, хорошо заметна активность прибалтийских депутатов, парламентским путём добивающихся внесения в Конституцию поправок, которые позволили бы им распрощаться с этой страной. Не мне давать в таких случаях советы. Вы, разумеется, согласно закону и совести распорядитесь сами своей судьбой. Но по русской привычке бросаться на помощь, я размышляю: а может быть, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете её и если её слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления? Может, так лучше? Это, кстати, помогло бы и нам решить многие проблемы, как настоящие, так и будущие. Кое-какие ресурсы, природные и человеческие, у нас ещё остались, руки не отсохли... ”

Поверьте, надоело быть козлом отпущения и сносить издевательства и плевки. Нам говорят: это ваш крест. Однако крест этот становится всё больше неподъёмным. Мы очень благодарны Борису Олейнику, Иону Друцэ и другим депутатам из республик, кто сказал здесь добрые слова о русском языке и России. Им это позволено, нам – не прощается”.

Далее Распутин говорит о том, что не Россия виновата, “а тот общий гнёт административно-промышленной машины...”, и единственно о чём просит: “...жить нам вместе или не жить, но не ведите по отношению к нам себя высокомерно, не держите зла на того, кто его, право же, не заслужил”.

И где здесь желание “освободиться от периферии, от всех республик”? Во все другое – “по русской привычке бросаться на помощь” писатель даже не предлагает, а всего лишь размышляет, обращаясь к тем, кого называет братьями: коли мы вам мешаем жить хорошо, так не лучше ли нам уйти, освободить вас от себя (а не себя от вас!). И чем заканчивает свои размышления? Словами, которые почему-то никогда не цитируются: “А лучше всего вместе бы нам поправлять положение. Для этого сейчас, кажется, есть все возможности”.

И как после этого поворачивается язык причислять Распутина к “сторонникам освобождения России от Союза”?..

Что касается высказанной надежды, – глядишь, и России станет легче, и она сосредоточится на себе, – то в этих словах прорвалась давняя боль русского человека. В 1980-е годы многие граждане Российской Федерации пришли к выводу, что их республика по самым важным показателям находится в худшем положении по сравнению с другими республиками Союза. Было даже принято обращение к правительству СССР с убедительными доводами и предложением мер по выправлению такого перекоса. Это и отразилось в чьянье писателя открыто говорить о российских бедах, преодолевая их. Но и тогда, в том обращении (увы, запоздавшем!) не было призыва выделить РСФСР из других республик, речь шла только о справедливости.

К сожалению, во время перестройки Россия не поднялась, хуже того – часть её населения оказалась в заложниках у бывших братских республик и подверглась гонениям.

Совершенно иное говорил Александр Солженицын в своей статье “Как нам обустроить Россию” (1990). У него были конкретные предложения, как “распрячься от давящего груза”: надо избавиться от “среднеазиатского под-

брюшья” при сохранении союза трёх славянских республик. Правда, в 1994 году он отказался от радикальных взглядов в отношении Средней Азии. Уж и впрямь, не перепутали ли двух писателей в горячке ток-шоу?

Почему-то не берётся во внимание ответ Распутина на обвинения в призыве к распаду Союза, которые сразу же посыпались на него со стороны либерального лагеря. Доходило до улюлюканья – дескать, атаман Краснов бы накинулся с шашкой на такого патриота! Распутин, почти никогда не вступавший в полемику, здесь высказался резко.

“Речь идёт о словах: “А может, России выйти из состава Союза?”... Понять их так, как понято Ан. Стреляным, значит, ухватить, что называется, меня руками за язык и придержать, чтобы после вопроса ничего, кроме мычания, не последовало, и вопрос прозвучал как утверждение, сопровождаемое угрозой. Истина тут и близко не ночевала...”

Жаль, не дано расслышать А. Стреляному в моих словах великую боль и обиду за Россию, на чью голову... выливались поношения и брань как на главного и единственного виновника всех несчастий шестой части суши...” (“Интеллигенция и патриотизм”, Литературный Иркутск, ноябрь 1990 – январь 1991).

Возражения оппоненту постепенно переходят в глубокое осмысление судьбы СССР и места в нём России, даются прогнозы последствий будущих “разводов” республик, которые сбываются на наших глазах.

И в дальнейшем, в очерке “Что же дальше, братья-славяне?...” 1992 года, во всей публицистике последующего двадцатилетия Распутин остаётся верен себе как консерватор и государственный-патриот и неизменно выступает против всякого рода разрушений и разрушителей.

Весьма прискорбно, что, при всём признании его гениальности, он остаётся по сию пору не прочитан и не понят. Более того, те, кто не сумели или не захотели остановить крушение страны, теперь пытаются переложить на него часть своей ответственности.

Непрочтение и непонимание Распутина, ставившего точный диагноз Отчеству в самые провальные годы конца XX века, ныне является одной из главных причин нашего затянувшегося топтания на месте. В этом нет никакого сомнения.

Члены Союза писателей России Альберт ГУРУЛЁВ, Василий ЗАБЕЛЛО, Василий КОЗЛОВ, Валентина СЕМЁНОВА, Владимир СКИФ, Валентина СИДОРЕНКО, Александр ЩЕРБАКОВ, Надежда МИРОШНИЧЕНКО, Игорь ТЮЛЕНЕВ, Григорий БЛЕХМАН, Вячеслав ЛЮТЫЙ, Юрий СЕРБ, Евгений НОВИЧИХИН, Александр ИВАНОВ, член Союза журналистов России Константин ЖИТОВ.

.....

Привыкший верить печатному слову, тем более — доверившись статье-некрологу в одном из московских изданий, в своей статье “Совесть России”, посвящённой памяти Валентина Григорьевича Распутина (“Наш современник”, № 3, 2016), я привёл не соответствующие действительности факты, а именно: “Ударом была смерть в младенчестве сына-первенца, мы даже не знаем его имени”; “дочь Мария... пела в хоре Сретенского монастыря, вышла замуж за священника”.

Приношу глубокие извинения родным и близким Валентина Григорьевича, читательскому и писательскому сообществу.

Михаил Чванов